

ПРОЦЕСС ЖАННЫ Д'АРК

МАТЕРИАЛЫ ИНКВИЗИЦИОННОГО ПРОЦЕССА

*Перевод, комментарии и сопроводительная статья
А. Б. Скакальской*

Альянс-Архео
Москва-С.-Петербург
2008

Процесс Жанны д'Арк: Материалы инквизиционного процесса / Пер., коммент., статья
А. Б. Скакальской. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. 496 с., ил., карты.

ISBN 978-5-98874-014-8

Материалы процесса осуждения Жанны д'Арк (1431) представляют собой уникальный источник по истории Европы эпохи Позднего Средневековья. В центре повествования — эпопея орлеанской героини, успевшей за полтора года добиться коренного перелома в ходе Столетней войны (1337–1453) и погибнуть, оставшись вечной загадкой для исследователей.

Типологически предлагаемый вниманию читателя памятник следует отнести к ряду смешанных: формально являясь юридическим, он сочетает в себе признаки как документального, так и нарративного источника. Протоколы допросов, процессуальная документация, дипломатические реляции, личные послания доносят до нас эхо удивительной и полной драматизма эпохи, которую Й. Хейзинга назвал Осенью Средневековья. Европейское общество первой трети XV в. переживало острый конфликт между реалиями Нового времени, с его прагматизмом и скептицизмом, и уходящими идеалами прошлого, основанными на мистическом мировосприятии. На стыке эпох феномен девушки из Домреми стал квинтэссенцией культуры уходящего Средневековья.

В течение пяти столетий, прошедших со дня казни Жанны на Рыночной площади Руана 30 мая 1431 г., интерес к ее чудесной эпопее не оскудевал. Вокруг личности орлеанской героини возникло бесконечное множество научных и околонучных теорий, версий и гипотез. Первый полный перевод на русский язык материалов Руанского процесса позволит читателю обратиться к первоисточнику и составить собственное представление об одном из самых волнующих сюжетов человеческой истории — жизни и смерти Жанны д'Арк.

Рецензенты:

д. и. н., профессор В. А. Якубский,

к. и. н. Ю. П. Малинин

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

ISBN 978-5-98874-014-8

© А. Б. Скакальская, 2008
© ООО «Альянс-Архео», 2008

*Моим дорогим родителям – с любовью;
моим учителям И. Р. Кожевниковой
и, светлой памяти, В. И. Райцесу, –
с глубокой благодарностью*

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ИНКВИЗИЦИОННОГО ПРОЦЕССА ЖАННЫ Д'АРК

История знает многих героических женщин, но самой известной и популярной из них является, несомненно, Жанна д'Арк. Ее личность и ее подвиг производят очень сильное впечатление на многие поколения людей, начиная с ее современников. Не случайно, поэтому, А. С. Пушкин сказал: «Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти орлеанской героини».¹

За те столетия, что прошли после ее смерти, о ней созданы тысячи произведений – исторических, литературных, живописных, музыкальных и кинематографических. Большой интерес к ней сохраняется и по сей день, и он никогда не пропадет, пока жива европейская культура. Этот интерес объясняется не только уникальностью личности Жанны, но и тем, что о ее жизни сохранилось больше свидетельств, чем о жизни любого из ее современников. Материалы инквизиционного процесса, процесса реабилитации, письма, финансовые документы, а также хроники и литературные произведения – такое обилие и разнообразие источников позволяет изучить отдельные моменты ее жизни вплоть до деталей, которые зачастую бывают совершенно непроницаемы для историка-медиевиста.

Самыми ценными из этих источников являются, конечно, материалы процесса Жанны с протоколами ее допросов. Ее ответы на многочисленные и самые разные вопросы, задававшиеся судьями, которые стремились во что бы то ни стало поймать ее на ереси, позволяют если не услышать ее голос, ибо большая часть документов составлена на латыни, то ясно понять, что и как она говорила. Судейские секретари, как кажется, довольно точно перевели ее ответы с французского на латынь, не влагая в ее уста того, чего она не говорила. Поэтому

¹ См.: *Пушкин А. С.* Последний из свойственников Иоанны д'Арк // Полное собрание сочинений: в 16 т. М., 1949. Т. 12. С. 155.

эти протоколы представляются достаточно надежным источником для постижения духовного мира Жанны, ее мировосприятия.

В комплекс материалов процесса Жанны д'Арк, помимо протоколов, входят и другие документы, дающие возможность хорошо себе представить процедурные моменты, делопроизводство и состав инквизиционных судов. Немалый интерес представляют также и включенные в предлагаемое читателю издание послания, написанные от имени Генриха VI, короля Франции и Англии (королем Франции его признавали сами англичане и их сторонники на континенте), и разосланные в разные страны Европы. Их целью было убедить всех в справедливости осуждения Жанны, и это лишний раз свидетельствует о том, что молва о ней разнеслась далеко за пределы Франции.

В нашей стране материалы процесса Жанны впервые подверг серьезному исследованию В. И. Райцес, наиболее видный отечественный специалист по истории Орлеанской героини. Ему принадлежат два наиболее важных труда на эту тему – «Процесс Жанны д'Арк» (М.; Л., 1964) и «Жанна д'Арк: Факты, легенды, гипотезы» (Л., 1982). А. Б. Скакальская, переводчик материалов процесса, составитель данного сборника и автор большой статьи о Жанне, является его ученицей, с успехом продолжающей дело учителя. Она увлеклась Жанной д'Арк еще в школьные годы (прекрасное свидетельство своего рода чар св. Иоанны) и на протяжении всех лет обучения в университете занималась только ею. Неудивительно поэтому, что А. Б. Скакальская прекрасно выполнила первый русский перевод материалов этого процесса. Заслуживают особого внимания тщательность и чуткость, с которыми автор подходит к первоисточнику, стараясь точно отразить стилистику документа. Это подчас весьма непросто, учитывая, что материалы процесса являют собой свод документов различного характера – как нормативных, процессуальных, так и нарративных. А. Б. Скакальская, безусловно, прекрасно владеет французским языком и в достаточной степени – латынью, что позволило ей провести скрупулезную аналитическую работу по сверке и сопоставлению различных редакций Руанского процесса – латинской, так называемой «французской минуты», и нескольких современных французских редакций (Ж. Кишера, П. Тиссе, П. Донкёр). Результатом этой тщательной работы стал выполненный ею перевод, который, вне всяких сомнений, заслуживает пристального внимания и публикации.

Исследовательская деятельность А. Б. Скакальской не осталась незамеченной и во Франции. Несколько лет назад, по приглашению мэрии Орлеана и прихода Сен-Пьер-Мартруа, она сыграла Жанну в пьесе Шарля Пеги. Представление состоялось в соборе Сен-Пьер-Мартруа, куда горожане пришли, чтобы почтить память национальной героини и оценить выступление группы петербургских актеров «Russie Johannique».

Особо стоит сказать о большой статье А. Б. Скакальской «Бог и мое право», которая сопровождает публикацию данного перевода. Она стала итогом многолетнего изучения разнообразных источников, имеющих отношение к истории Жанны д'Арк. Статья посвящена своеобразие и особенностям личности и мировосприятия орлеанской героини. А. Б. Скакальская сумела найти свой, оригинальный подход к проблеме. А сделать это было очень непросто ввиду обилия научных работ о Жанне, в которых проблема как будто бы исчерпана до дна. Впервые в отечественной историографии применительно к истории Жанны

столь подробно и тщательно рассматривается вопрос о зрелом правосознании орлеанской героини, о его истоках и условиях формирования, то есть раскрывается не столько религиозный, сколько правовой аспект ее феномена. Не менее интересен взгляд автора на проблему восприятия личности Жанны современным ей обществом, в особенности представителями рыцарского сословья. В ходе изучения протоколов обвинительного и кассационного процессов автору удалось проследить, сколь органично Жанна восприняла идеалы и нормы рыцарского этоса. Автор обращает особое внимание на ряд свидетельств в пользу того, что главной причиной «повторного впадения в ересь», которое привело Жанну на костер, был рыцарский обет, данный девушкой дофину Карлу. Обет не позволял ей снять мужское платье до окончания божественной миссии. Эта версия впервые появляется в историографии и, как увидит читатель, она вполне обоснованна.

Следует также упомянуть о гипотезе А. Б. Скакальской относительно новой идентификации одного из «голосов» Жанны, а именно, голоса св. Екатерины. Автору удастся показать, сколь сильное влияние на представления героини оказали образ и легенда св. Екатерины Сиенской. Прежде было принято отождествлять этот «голос» Жанны со св. Екатериной Александрийской, однако работа А. Б. Скакальской заставляет признать, что такая трактовка требует уточнения и дополнений.

Учитывая все вышесказанное, стоит отметить, что автору нужно было тщательно проштудировать все источники, нужна была и некая широта научного кругозора, чтобы найти вопросы, не затрагивавшиеся еще историками и ответы на которые важны для понимания удивительной личности орлеанской героини.

Ю. П. Малинин

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Предлагаемая читателю работа является *первым полным переводом на русский язык материалов инквизиционного процесса*, хорошо известного в истории как «процесс Жанны д'Арк».

Несмотря на неугасающий интерес, который традиционно испытывают в России к личности французской героини, этот важнейший исторический документ ранее был доступен читателю лишь в отрывочных и не всегда точных переводах и цитатах. Это привело к возникновению множества некорректных теорий относительно самой Жанны и природы ее феномена.

Историография вопроса настолько обширна, что многообразие гипотез вокруг личности героини поистине впечатляет. Однако это изобилие интерпретаций парадоксальным образом уводит нас все дальше и дальше от оригинала. Что же касается русскоязычной литературы, то укоренение в ней некоторых ошибочных представлений о Жанне, было, на наш взгляд, связано с тем, что читатель не мог напрямую обратиться к первоисточникам. Между тем, старый научный принцип *ad fontes*¹ никогда не теряет своей актуальности. Поэтому публикацию одного из главных для исследования эпохи Столетней войны документов – процесса Жанны д'Арк – мы считаем делом важным и своевременным.

За последние полтора века стараниями французских историков увидели свет несколько поистине бесценных изданий этого документа, о которых необходимо упомянуть.

Первое издание материалов процессов осуждения и реабилитации осуществил Жюль Кишера: Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc dite la Pucelle. V t., Paris, 1841–1849. Именно эту публикацию в 1970 г. взяли за основу для своего издания Пьер Тиссе и Ивонн Ланер. Далее в хронологическом порядке представлены основные издания материалов процесса:

Vallet de Viriville M. Procès de condamnation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle d'Orléans, traduit du latin et publié intégralement pour la première fois en français d'après les documents manuscrits originaux. Paris, 1857.

¹ «К источникам!» (лат.).

O'Reilly E. Les deux procès de condamnation, les enquêtes et la sentence de réhabilitation de Jeanne d'Arc mis pour la première fois intégralement en français d'après les textes latins originaux officiels, avec notes, notices, éclaircissements, documents divers et introduction. Paris, 1868.

Fabre J. Procès de condamnation de Jeanne d'Arc d'après les textes authentiques des procès-verbaux officiels. Traduction avec éclaircissements. Paris, 1884.

Taxil L., Fesh P. Le martyre de Jeanne d'Arc, seule édition donnant la traduction fidèle et complète du procès de la Pucelle d'après les manuscrits authentiques de Pierre Cauchon. Paris, 1890.

Champion P. Procès de condamnation de Jeanne d'Arc. Texte, traduction et notes. Paris, 1920.

Oursel R. Le procès de condamnation de Jeanne d'Arc. Paris, 1955.

Tisset P., Y. Lanhers. Procès de condamnation de Jeanne d'Arc. Paris, 1970.

Мы остановили свой выбор на редакции Пьера Тиссе и Ивонн Ланер, выполненной в 1970 г. Конечно, наш выбор неслучаен: пользуясь документами руанского процесса, мы исследовали не только биографию Жанны, но и в целом правосознание человека эпохи Позднего Средневековья. П. Тиссе, как известно, занимался юриспруденцией, поэтому его видение и интерпретация неясных моментов в тексте процесса заслуживает особого внимания. Юридический опыт французского медиевиста помог ему найти в протоколах множество специфических деталей, что дает нам почву для необходимой корреляции между текстом публикуемого источника и содержанием исследовательской статьи «Бог и мое право».

В первом томе, взятом нами за основу, П. Тиссе публикует латинский перевод процесса, составленный в начале 30-х гг. XV в., т. е. вскоре после смерти Жанны на костре 30 мая 1431 г. Рядом с текстом латинского протокола П. Тиссе помещает так называемую «французскую минуту» – первичные записи допросов Жанны, выполненные на старофранцузском языке.

Второй том издания П. Тиссе содержит адаптированный перевод на современный французский язык. Мы сочли необходимым использовать опыт французского исследователя всякий раз, когда требовалось выбрать из вариантов, содержащихся в различных манускриптах, наиболее корректный.

Оригинальный текст латинского протокола не сохранился. Однако с него было сделано пять аутентичных копий, заверенных нотариусами процесса. Три из пяти указанных копий дошли до наших дней:

- манускрипт А (Bibliothèque de l'Assemblée nationale, ms. № 1119);
- манускрипт В (Bibliothèque nationale, latin, ms. № 5965);
- манускрипт С (Bibliothèque nationale, latin, ms. № 5966).

Помимо указанных полных списков процесса, для сравнительного анализа мы использовали еще три известных манускрипта, историческая достоверность которых не вызывает сомнений:

- манускрипт U (Bibliothèque nationale, latin, ms. № 8838), т. е. так называемый манускрипт д'Юрфе, который, судя по всему, использовался на процессе реабилитации 1450–1456 гг.;

- манускрипт О (Bibliothèque d'Orléans, ms. № 518), т. е. так называемый Орлеанский манускрипт, составленный при Людовике XII и имевший своим источником манускрипт д'Юрфе;

• манускрипт Е, или «доклад д'Эстиве», который не является отдельным самостоятельным списком процесса, но доносит до нас текст не сохранившейся «французской минуты». Как известно, в марте – апреле 1431 г. судебный исполнитель Жан д'Эстивэ перевел с французского языка на латынь фрагменты допросов подсудимой. Эти фрагменты он поместил под каждой из 70 обвинительных статей, которые 27 и 28 марта 1431 г. были зачитаны Жанне. Редакция д'Эстиве во многом отличается от перевода на латинский язык «французской минуты», который, по приказу Кошона, был сделан Тома де Курселлем и Гийомом Маншоном, осенью 1431 г. или, по другой версии, в 1435 г.

В тексте настоящего издания ссылки на шесть названных манускриптов отмечены курсивом: *A, B, C, U, O, E*.

Комментарии переводчика непосредственно в корпусе протоколов мы постарались минимизировать, всякий раз отсылая читателя к соответствующим местам статьи «Бог и мое право», которая помещена в конце книги (отсылки даются в скобках с указанием раздела статьи и страницы). Таким образом, читателю предоставляется возможность решать самому, просмотреть ли подробный комментарий сразу, либо сделать это по прочтении протоколов целиком.

Пьер Кошон, которому англичане доверили организацию обвинительного процесса против Жанны, стремился к тому, чтобы этот процесс выглядел образцовым с точки зрения канонического права. Он сделал все возможное, чтобы дело Жанны формально велось в строгом соответствии с нормами и традициями судопроизводства инквизиции. Исходя из этого, мы сочли нужным структурировать наш источник таким образом, чтобы стадии процесса и особенности каждого из его этапов были видны и понятны читателю. Поэтому в нашем издании материалы процесса не представляют собой сплошной текст, как в оригинале, а разделены на сегменты. Каждому этапу судопроизводства соответствует определенный раздел, содержащий несколько частей. В квадратных скобках мы даем названия разделов, отсутствующие в тексте самого процесса, но традиционные для современной иоаннистики. Даты, вынесенные в заглавие документов, также помещены в текст для удобства восприятия и оптимизации структуры документа.

Пьер Кошон привлек к участию в руанском процессе более 130 ассессоров. В Приложении I дается краткая биографическая справка о каждом из членов трибунала. При упоминании персонажа в тексте источника в скобках указывается номер соответствующей биографической статьи. Основу каждой из данных статей составляют исследования П.Тиссе и И. Ланнер, но в некоторых случаях мы сочли нужным дополнить их собственными комментариями. В издании П. Тиссе и И. Ланер фамилии судей и ассессоров расположены в соответствии с французским алфавитом и имеют порядковые номера. При переводе на русский язык мы оставили в корпусе источника те же порядок и нумерацию. Но для удобства читателей в конце раздела, содержащего краткие биографии членов руанского трибунала, мы поместили вспомогательную таблицу (Приложение II). Таблица содержит список судей и ассессоров на русском языке в порядке, соответствующем русскому алфавиту. Напротив каждой фамилии указывается ее французский эквивалент и соответствующий номер. В тексте процесса номера даются в скобках после каждого упоминания персонажа.

Приложение III содержит перевод некоторых посланий Жанны, которые были записаны с ее слов секретарями в период с 1429 по 1430 г.

В разделе «История Жанны д'Арк» публикуются: хронология событий, карта Франции эпохи Жанны и аналитическая статья «Бог и мое право».

Несмотря на всемирную известность публикуемого источника, он и по сей день во многом остается загадкой. Впрочем, как и все, что связано в нашем сознании с личностью Жанны д'Арк.

В материалах, касающихся истории Жанны, остается огромное количество неясных мест, смысловых лакун, противоречий. Многие важнейшие документы и вовсе исчезли, либо были сфальсифицированы уже после казни орлеанской героини. Все это породило массу различных толкований, и в современной иоаннистике едва ли не каждый этап в жизни Жанны имеет несколько разных трактовок, подчас взаимоисключающих. Свидетельства процесса реабилитации, а также хроники, трактаты, ордонансы, реляции, дипломатическая корреспонденция и эпистолярный материал, сопровождающие эпопею орлеанской героини, позволяют сквозь призму ее индивидуальности изучать особенности эпохи в целом. Подробный анализ такого свода источников, пусть и сфокусированный на конкретной личности, выводит нас далеко за рамки исследования персональной биографии. Принадлежность феномена Жанны к интракультурному типу позволяет перенести ее типические черты на личность позднего средневековья как таковую. Поэтому, изучая весь комплекс документов, связанных с Процессом Жанны д'Арк, мы вправе исследовать и общие принципы формирования, структуры и типологии личности в условиях данного исторического периода.

Работая над анализом материалов первого инквизиционного процесса Жанны, мы попытались не только максимально точно передать дух и букву источника, но и по-новому осветить некоторые его аспекты. Поэтому перевод снабжен аналитическим исследованием «Бог и мое право», в котором затронуты мало освещенные в историографии вопросы влияния на формирование личности Жанны и принципы ее самоидентификации таких основополагающих категорий средневекового этоса как право, обет и *exemplum*.

Внимательное изучение показаний обвиняемой позволяет понять, каким образом, когда и насколько осознанно происходило усвоение этих категорий самой Жанной. Не менее важным оказалось выявить моменты, когда эти категории оказались резонансными умонастроению эпохи, что в конечном итоге и придало феномену Жанны общепризнанный масштаб.

Источниковедческая база статьи достаточно обширна. В основе исследования лежат традиционные для историографов Жанны документы: протоколы двух инквизиционных процессов, а именно, публикуемые в настоящем издании материалы обвинительного процесса, проходившего в Руане с января по май 1431 г. (издание П. Тиссе – И. Ланер) и материалы кассационного процесса 1450–1456 гг., в ходе которого был составлен обширный свод из 114 свидетельских показаний лично знавших Жанну людей (издание П. Дюпарка). Анализ руанского протокола потребовал сопоставления версий французской минуты Г. Маншона с позднейшей латинской редакцией, и там, где требовалось привлечение вернакулярной речи, предпочтение отдавалось французскому оригиналу, а также адаптированной версии П. Тиссе, когда она не

содержит существенных для нашего исследования расхождений со старофранцузским текстом.

К другим источникам, использованным в ходе работы над статьей, относятся письма и реляции (братьев Лавалей, Екатерины Сиенской, Алена Шартье, камергера Карла VII Персеваля де Буленвиллье), послания самой Жанны, нормативные акты, теологические и светские трактаты, освещающие как саму эпопею Девы, так и подготовившие умонастроения ее эпохи («Руководство инквизитора» от 1323 г., «Исповедь» св. Августина, «Свод теологии» Фомы Аквинского, «Подражание Христу» Фомы Кемпийского, «Диалоги» Екатерины Сиенской), хроники («Дневник осады Орлеана», «Хроника Девы», «Житие св. Людовика» Жана де Жуанвилля, «Хроника» Ангеррана Монстреле, и др.) дневники и записки того времени, освещающие резонанс, который вызвали личности Жанны и Екатерины Сиенской в сознании средневековой Европы («Дневник Парижского буржуа», записки венецианского патриция Антонио Морозини, и купца из Майнца Эбергарда Виндекена), а также устав ордена терциариев и агиографическая литература («Житие блаженной Анджелы», «Цветочки Франциска Ассизского», «Житие св. Екатерины Сиенской», «Золотая легенда» Иакова Ворагинского) и сочинения французских поэтов XV в.: Кристины Пизанской, Алена Шартье и Франсуа Вийона.

При цитировании или упоминании в тексте статьи какого-либо из перечисленных источников или историографических работ в скобках даются отсылки к Списку использованной литературы: римская цифра — порядковый номер, арабская — номер соответствующей страницы.

К исследованию также были привлечены изобразительные источники, а именно, геральдические и иконографические материалы. Некоторые из них читатель сможет найти в иллюстративном блоке, который мы включили в корпус издания.

Автор выражает сердечную благодарность своему научному руководителю, кандидату исторических наук Ю. П. Малинину, за сопроводительную статью, которую он написал незадолго до смерти специально для настоящего издания. Особой признательности заслуживает доктор исторических наук В. А. Якубский, без помощи которого данная публикация была бы трудноосуществима. Автор благодарит М. В. Аникиева, чье активное участие позволило существенно сократить сроки реализации данного проекта.

**[Предварительный,
или
официальный, процесс]**

Часть 1

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ ПОДГОТОВКА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ, ФОРМИРОВАНИЕ ТРИБУНАЛА

Во имя Господа, Аминь. — Здесь начинается процесс по делам веры против покойной ныне женщины, именуемой в народе Девницей.

Всем, кто узрит сию грамоту или сей акт, от Пьера, Божьей милостью епископа Бове (16), и брата Жана Ле Мэтра (81) из ордена Братьев Проповедников, особо уполномоченного и назначенного для [ведения] сего процесса в Руанском диоцезе мэтром Жаном Гравраном (55) из того же ордена, человеком великого благочестия и осмотрительности, преславным профессором священной теологии, каковой сам апостолической властью назначен инквизитором по делам веры и ереси во всем королевстве Французском, — привет в начальнике и совершителе веры, Господе Нашем Иисусе Христе¹.

Угодно было небесному провидению, чтобы некая женщина именем Жанна, называемая в народе Девницей², была взята и пленена славными воинами в границах и пределах нашего диоцеза, подлежащих нашей, означенного епископа, юрисдикции³. По многим землям разнеслась уже людская молва о том, что она женщина, не помня приличий, подобающих женскому полу, порвав узы кротости, забыв всякий женский стыд, носит, вследствие небывалого и чудовищного порока, постыдные одежды, приличествующие мужскому полу; и доносили еще, будто высокомерие ее достигло того, что она осмеливалась совершать, говорить и распространять немало вещей, чуждых и противных католической вере, оскверняя догматы оной истинной веры. Посему говорили, что, как в нашем диоцезе, так и во многих других местах сего королевства, она совершила тяжкие преступления.

Когда же мать наша, Парижский университет, и брат Мартэн Биллорэн⁴, главный викарий названного монсеньера инквизитора по делам ереси, узнали о сем, они тотчас же обратились с поспешной просьбой к сиятельному принцу, монсеньеру герцогу Бургундскому⁵, и славному сеньору⁶, рыцарю Жану Люксембургскому⁷, под чьей властью находилась тогда оная женщина. И упомянутый викарий⁸ присовокупил к тому требование дабы они, под страхом закона, направили и послали к нам как к ординарному судье оную женщину, покрывшую себя позором, как было указано, и подозреваемую в ереси. И мы, названный епископ, стремясь, как то пристало нашей пастырской должности, употребить все силы на прославление и распространение христианской веры, пожелали учинить по сим делам, до такой степени разглашенным, должное следствие и действовать с тем же намерением, по внушению права и разума, так, как мы сочтем далее подобающим. Ради сего мы также просили названного принца, упомянутого монсеньера Жана, под страхом закона предать нашей духовной юрисдикции оную женщину, дабы она была судима; а равно и светлейший и наихристианнейший государь, сеньор наш король Франции и Англии⁹, просил их о том же. Наконец, мой сиятельный сеньор герцог Бургундский и монсеньер Жан Люксембургский, милостиво снисходя к сим просьбам и стремясь, будучи истинными католиками, исполнить то, что послужит преумножению веры, направили и послали сию женщину к королю, нашему сеньору, и людям, им назначенным.

Но королевское провидение, во всех желаниях своих горя во славу истинной веры, препоручило нам, названному епископу, оную женщину, дабы мы учинили тщательное расследование ее деяний и речей и поступали в дальнейшем сообразно церковным законам. Тогда мы попросили досточтимый и славный церковный капитул Руана, каковой при вакансии архиепископского престола¹⁰ вершил все судопроизводство по духовным делам, предоставить нам территорию в оном городе Руане, дабы провести там сей процесс; на что он охотно и любезно согласился.

Но, прежде чем приступить к дальнейшему процессу против сей женщины, мы пожелали степенно и основательно посоветоваться с грамотными людьми, сведущими в божественном и человеческом праве, число коих, благодарение Богу, весьма значительно в сем городе Руане.

Вторник, 9 января *Первый день процесса*

Во вторник, 9 января, в первый день сего процесса, в год Господень 1431, по обычаю и исчислению Церкви Франции, в 9 индикт¹¹, в 14-й год понтификата святейшего отца во Христе и Господе, божественным Провидением папы сеньора Мартина, пятого [папы] сего имени¹², в доме Королевского Совета, близ Руанского замка¹³.

Мы, названный епископ, велели созвать следующих сеньоров и магистров: монсеньеров Жилля, аббата св. Троицы в Фекане (38)¹⁴, доктора теологии, аббатов Никола де Жюмьежа (86), доктора канонического права, Пьера, при-

ора Лонгвилля (103), доктора теологии, Рауля Русселя (118), доктора обоих прав, Никола де Вандре (127), архидьякона Э (Eu), лиценциата канонического права, Робера Ле Барбье (71), лиценциата обоих прав, Никола Купкена (26), бакалавра теологии, и Никола Луазеллера (92), магистра искусств.

Итак, когда столь высокие и знаменитые особы собрались в означенный час в названном месте, мы попросили, по благоразумию их, указать нам, как и каким образом поступать, сообщив им о мерах, кои были предприняты по сему делу и о коих говорилось выше. Оные доктора и магистры, как только были полностью обо всем осведомлены, рассудили, что сперва надлежит провести расследование о том, что известно в народе по поводу деяний и речей сей женщины. Выслушав, как подобает, их советы, мы сообщили, что по нашему приказанию некоторые сведения были уже собраны; мы решили также пересмотреть прочие [сведения] и заключили, что обо всех сих сведениях будет доложено на Совете, дабы он мог яснее установить, к какой процедуре следует далее прибегнуть в сем деле. Затем, дабы вышеупомянутые расследования и все прочее, что потребуется в сей связи исполнить, было бы наилучшим и наименее подобающим образом завершено, названные сеньоры и магистры в тот же день решили, что необходимы некие должностные лица, кои взяли бы на себя особый труд относительно того, что предстоит совершить, и приложили бы старания к тому, чтобы означенные дела велись достойным образом. И по совету и решению присутствовавших тогда лиц, мы, названный епископ, постановили и приказали, чтобы почтенный и достойный муж, мэтр Жан д'Эстиве (43), каноник церковей Байё и Бове, исполнил обязанности судебного делопроизводителя или главного обвинителя в сем процессе. А также ученый муж, мэтр Жан де Ла Фонтэн (67), магистр искусств и лиценциат канонического права, был назначен советником, уполномоченным и следователем. К должностям нотариусов и секретарей были представлены люди честные и достойные: Гийом Коль, или Буагийом (22), и Гийом Маншон (95), священники, нотариусы апостолической и имперской канцелярий и архиепископской курии Руана; мессир Жан Массье (98), священник, староста руанской христианской общины, был определен исполнителем повелений и судебных вызовов, кои нашей властью предстоит осуществить, сообразно тому, как подробнее указано в грамотах об учреждении сих должностей. Мы также повелели, чтобы грамоты Университета, — как секретные, так и открытые, — кои имеются среди актов, перечисленных выше, были собраны по порядку и записаны здесь, дабы ход вышеназванных дел стал более ясным.

Сначала следует содержание послания нашей матери, Парижского Университета¹⁴, Светлейшему принцу, монсеньеру герцогу Бургундскому

Высочайший и могущественнейший принц, прегрозный и высокочтимый сеньор наш, смиреннейше препоручаем себя вашему благородному Высочеству.

Хотя, прегрозный и высокочтимый сеньор наш, мы уже писали когда-то вашему Высочеству и смиреннейше умоляли, чтобы оная женщина, прозван-

ная Девией, пребывающая, благодаренье Богу, в вашем подчинении, была предана в руки церковного правосудия, дабы можно было надлежащим образом учинить над ней процесс по делу о ее идолопоклонстве и прочих вещах, касающихся святой нашей веры, и дабы искупить позор, постигший из-за нее сие королевство, равно как и ущерб и неисчислимые беды, кои за сим последовали, мы все же не получили никакого ответа и совершенно не ведали о том, были ли приняты какие-нибудь предварительные меры с тем, чтобы подобающим образом обсудить дело оной женщины; но мы весьма опасаемся, как бы, по лживости и соблазну Врага адского и из-за козней и ухищрений ваших врагов и противников, кои, как говорят, употребляют все свое усердие, дабы освободить сию женщину всяческими способами, она не вышла бы каким-нибудь образом из вашего подчинения — да не допустит сего Бог; ибо, поистине, как говорят все добрые католики, ведающие о сем, не было на памяти людской столь великого греха пред святой верой, столь огромной угрозы, беды и ущерба для всеобщего блага оного королевства, каковые воспоследуют, если сия женщина ускользнет достойными порицания путями, без какого-либо подобающего искупления. Сие же воистину нанесет великий урон чести нашей и христианнейшего имени Французского Дома, чьими верными заступниками и знатнейшими главными членами были и продолжаете быть вы и ваши благороднейшие родственники.

По сим причинам, прегрозный и высокочтимый сеньор наш, мы снова смиреннейше просим вас, чтобы во имя веры в Нашего Спасителя, ради сохранности святой Церкви и защиты чести божественной, а также к великой пользе сего христианнейшего королевства, угодно было вашему Высочеству, как мы уже просили о том ранее, передать сию женщину инквизитору по делам веры и незамедлительно отправить ее сюда, или дабы ему было угодно передать сию женщину или велеть передать ее преподобному отцу во Боге монсеньеру епископу Бовескому, к чьей духовной юрисдикции относится земля, где она была пленена, дабы учинить над сей женщиной процесс по делам веры, как надлежит поступить согласно разуму, во славу Божью, ради прославления нашей святой веры и к выгоде добрых и верных католиков и всеобщего блага сего королевства, а также к чести и хвале вашего Высочества, кое да хранит Господь Наш в добром процветании, чтобы в конце концов даровать ему славу.

**Далее следует содержание копии послания матери нашей,
Парижского Университета, благородному
и могущественному человеку,
монсеньеру Жану Люксембургскому, рыцарю¹⁵**

Благороднейший, почитаемый и премогущественный сеньор, сердечно поручаем себя вашему благородному Высочеству.

Ваша благородная премудрость ведает и хорошо знает, что все добрые рыцари-католики должны употреблять силу и могущество первым делом на служение Богу, а затем на благо народа. Первейшая клятва рыцарского сословия — охранять и защищать честь Божью, католическую веру и ее святую

Церковь. О сей клятве вы вспомнили, когда порадели о том, чтобы своею благородною личною властью захватить женщину, зовущую себя Девницей, из-за коей честь Божья была оскорблена безмерно, вера крайне осквернена, а Церковь в высшей степени опорочена; ибо от сей женщины пошли идолопоклонства, заблуждения, дурные учения и прочее зло и непомерные беды в сем королевстве.

Воистину, все верные христиане должны величайшим образом возблагодарить вас за то, что вы так послужили святой нашей вере и всему королевству; а что же до нас, то мы от всего сердца благодарим за то Бога и вашу благородную доблесть, — разумеется, насколько сие для нас возможно. Но мало будет проку от такого пленения, если за ним не воспоследует то, что подобает для возмещения преступления, совершенного сей женщиной против сладостного нашего Создателя, его веры и святой Церкви, равно как и во искупление прочих ее бесчисленных злодеяний, как о том говорят. И беда придет доселе небывалая, и пребудет в народе заблуждение более великое, чем когда-либо, и станет сие нестерпимым оскорблением божественного величия, если оное дело не продвинется или случится так, что сия женщина будет освобождена или сбежит, ибо говорят, что некоторые из наших противников тщатся совершить сие всевозможными путями, употребляя на то весь свой ум, и, что еще сквернее, посредством денег или выкупа. Но мы надеемся, что Бог не попустит свершиться столь великому злу для его народа, а также, что ваша благая и высокородная премудрость сего не потерпит, но вполне сумеет поступить как подобает, ибо если освобождение сей женщины совершится таким образом, безо всякого возмещения, — сие будет непоправимым бесчестьем для великого достоинства вашего благородия и для всех тех, кто будет к тому причастен.

Однако, дабы как можно раньше пресечь подобный позор, имея в том нужду, и поскольку в данном деле промедление крайне опасно и крайне вредно сему королевству, мы сердечно и смиреннейше просим ваше могущественное и досточтимое благородие, чтобы во славу Божью, для сохранения католической веры и во благо и прославление всего королевства, вы изволили предать оную женщину правосудию и послать ее сюда к инквизитору по делам веры, каковой о том настойчиво просил и просит, дабы обсудить великие обвинения, выдвинутые против нее, — так, чтобы Бог, равно как и народ, должным образом наставленный во благом и святом учении, мог сим удовлетвориться; либо да будет вам угодно отправить ее и передать преподобному отцу во Боге, нашему досточтимому сеньору епископу Бовескому, каковой также о том просил и в землях, относящихся к юрисдикции коего, как говорят, она была схвачена. Оные прелат и инквизитор являются ее судьями по делам веры; и всякому христианину, какого бы сословия он ни был, следует им повиноваться в данном деле под страхом законной кары, каковая велика. Поступая так, вы обретете благодать и любовь Всевышнего, обеспечите прославление святой веры, а также преумножите славу святого и благородного имени вашего, равно как и [имени] высочайшего и могущественного принца, прегрозного и высокочтимого сеньора нашего и вашего, монсеньера Бургундского. И каждому следует молить Бога о процветании вашей благороднейшей особы, кою Бог, наш Спаситель, благодатью своею да соблаговолит направлять, хранить во всех ее начинаниях и вознаградить ее наконец радостью безмерной.

**Далее следует содержание послания
главного викария инквизитора монсеньеру герцогу
Бургундскому**

Могущественнейшего и высочайшего государя Филиппа, герцога Бургундского, графа Фландрии, Артуа, Бургундии и Намюра, и всех прочих, кого надлежит, брат Мартэн, магистр теологии и главный викарий инквизитора по делам веры в королевстве Французском, приветствует во Иисусе Христе, нашем истинном спасителе.

Всем верным христианским государям и прочим истинным католикам следует искоренять все вероисповедальные заблуждения и возмущения среди простого христианского люда, кои за сим возникают. Ныне же идет молва о том, что некоей женщиной по имени Жанна, каковую враги сего королевства называют Девницей, и из-за нее, во многих добрых городах и иных местностях сего королевства были посеяны, укоренены и обнародованы многие и разнообразные заблуждения, за коими уже воспоследовали и следуют многие великие скверны и позор для чести божественной и святой нашей веры на гибель душам многих простых христиан. Все сие суть вещи, кои не могут и не должны ни утаиваться, ни оставаться без доброго и подобающего возмещения; и затем, дела обстоят так, что, благодарение Богу, названная Жанна находится сейчас в вашей власти и подчинении или во власти ваших благородных и верных вассалов.

Посему мы сердечно просим вас, могущественнейший принц, и просим ваших благородных вассалов, чтобы вами либо ими названная Жанна была послана сюда к нам, и в ближайшее же время, и мы надеемся, что вы поступите как истинные заступники веры и защитники чести Божьей и не учините в том никаких препятствий или промедлений, чего да не попустит Бог! По праву нашей должности, доверенной нам властью Святого Римского Престола, мы настоятельно требуем и присоединяемся в том, во благо католической веры и под страхом закона, к вышеназванным лицам и всем прочим католикам, какого бы сословия и происхождения они ни были, каким бы достоинством и властью ни обладали, чтобы так скоро, как только сие может быть надежно и благопристойно сделано, все они и каждый из них отправили и доставили к нам пленницей оную Жанну, сильно подозреваемую во многих преступлениях, отдающих ересь, дабы она предстала по судебному иску пред нами и обвинителем от святой Инквизиции и отвечала и поступала согласно разуму, заручась добрыми советами, благосклонностью и помощью докторов и магистров Парижского Университета и других находящихся здесь славных советников.

Дано в Париже, скреплено нашей официальной печатью святой Инквизиции, в год 1430, 26 мая.

Подписано: Лефурбёр¹⁶. Эбер¹⁷.

**Далее следует содержание нашей,
означенного епископа, просьбы названным сеньорам,
герцогу Бургундскому и Жану Люксембургскому**

Вот о чем просит епископ Бовеский монсеньера герцога Бургундского, монсеньера Жана Люксембургского и бастарда Вандомского¹⁸ от имени короля, нашего сеньора, и от своего [имени] как епископа Бове.

Да будет сия женщина, пленница, именуемая в народе Девицей, отправлена к королю, чтобы быть преданной Церкви для учинения против нее судебного процесса, ибо она покрыла себя позором и подозревается в совершении множества преступлений, таких, как колдовство, идолопоклонство, вызывание бесов и многих других, затрагивающих нашу веру и ей противных. И хотя, как представляется, если рассмотреть вышесказанное, ее отнюдь не должно считать военнопленной, тем не менее, для вознаграждения тех, кто ее пленил и содержал, король великодушно изволит даровать сумму до 6000 франков, а названному бастарду, пленившему ее, для поддержания его состояния, даровать и назначить ренту суммой до 200 или 300 ливров.

И епископ просит от своего имени вышеуказанных лиц и каждого из них, чтобы, поскольку сия женщина была пленена в его диоцезе и в землях, относящихся к его духовной юрисдикции, ему ее предоставили, дабы он, как и подобает, учинил против нее судебный процесс. Он полностью готов заслушать дело при участии инквизитора по вопросам веры, если сие необходимо, а также при участии докторов теологии и декретов¹⁹ и других почтенных особ, сведущих в судействе, как того требует существо дела, дабы поступать основательно и здраво, как должно, ради возвышения веры и в назидание многим, кто был в сем деле обманут и введен в заблуждение из-за сей женщины.

И, наконец, может статься, что вышеупомянутые лица, или некоторые из них, не пожелают ни удовлетвориться вышеуказанным образом действий, ни повиноваться тому, о чем было сказано. Разумеется, пленение сей женщины ни в коей мере не подобно пленению короля, принцев или иных высокопоставленных лиц; когда воистину пленено лицо такого положения, будь то король, дофин или иной государь, король мог бы им завладеть, если угодно, даровав тем, кто схватил его, десять тысяч франков, согласно праву, обычаю и кутюму Франции. Тем не менее, епископ просит и требует у названных лиц именем вышеуказанных властей предать ему сию Деву с тем условием, что он обеспечит гарантию сей суммы в десять тысяч франков целиком и полностью. И епископ сам, согласно процедуре и под страхом закона, требует, чтобы она была ему передана и предоставлена в его распоряжение, как сказано выше.

В год Господень 1430, 14 июля, в 8 индикт, в 13 год понтификата святейшего нашего сеньора папы Мартина V, в крепости светлейшего принца, монсеньера герцога Бургундского, в его войске, расположенном под Компьенью, в присутствии благородных мужей — сеньоров Никола де Майи, бальи Вермандуа²⁰, и Жана де Пресси²¹, рыцарей, и многих других знатных свидетелей, [собравшихся] в большом числе, etc., — преподобный отец во Христе, монсеньер Пьер, Божьей милостью епископ Бовеский, означенному светлейшему принцу монсеньеру герцогу Бургундскому, представил бумагу, содержащую дословно

пять вышеприведенных статей²². Сию бумагу монсеньер действительно вручил благородному Никола Ролену²³, рыцарю, своему канцлеру, каковой там присутствовал, и приказал передать ее благородному и могущественному монсеньеру Жану Люксембургскому, рыцарю, сеньору де Бореуару; в силу названного повеления. Монсеньер канцлер действительно вручил и передал сию бумагу монсеньеру Жану Люксембургскому, каковой тогда явился. И он, как мне кажется, прочел сию бумагу.

[Подписано:] сие совершено так, в моем присутствии. Трикелло, гражданский секретарь апостолической канцелярии.

Далее следует содержание послания матери нашей, Парижского Университета, обращенного к нам, епископу

Преподобному отцу во Христе и господину монсеньеру епископу и графу Бовескому.

Нас крайне удивляет, преподобный отец и сеньор, что дело сей женщины, кою простонародье именует Девицей, терпит столь долгие отлагательства, в оскорбление веры и церковной юрисдикции, особенно теперь, когда, как говорят, она находится в руках короля, нашего сеньора. Государи же христианские привыкли на деле столь благоприятствовать интересам Церкви и истинной веры, что когда некоему дерзкому лицу случается восстать против догматов оной католической веры, они немедленно предают его церковным судьям для исправления и наказания. И, может быть, если бы в продвижении сего дела ваше преподобие явило более живое усердие, случай сей женщины уже рассматривался бы пред церковным трибуналом. Вас же, хотя вы владеете в святой Церкви Божьей славнейшим прелатством, нисколько не интересует, что множатся позорные деяния против христианской религии, хотя суд над ними подпадает под вашу юрисдикцию.

Следовательно, дабы из-за еще большей отсрочки в сем деле авторитет Церкви не понес бы еще более тяжкого ущерба, да изволит рвение вашего преподобия приложить большее усердие, чтобы названная женщина скорейшим образом была предана вашей власти и власти монсеньера инквизитора по делам ереси. После чего извольте постараться и направить ее незамедлительно в сей город Париж, где велико число ученых и эрудитов, дабы дело ее могло быть рассмотрено более тщательно и по нему было вынесено более справедливое решение, во здравое назидание христианскому люду и к чести Бога, каковой да соизволит направлять вас, преподобный отец, будучи вам прямой поддержкой во всех делах.

Писано в Париже, в нашей генеральной ассамблее, торжественно заседающей в Сен-Матюрене²⁴, 21 ноября, в год Господень 1430. Ваши ректор (27) и Парижский Университет²⁵.

Подписано: Эбер.

Далее следует содержание послания матери нашей, Парижского Университета, нашему сеньору королю Франции и Англии

Светлейшему государю, королю Франции и Англии, прегрозному и суверенному сеньору и отцу нашему.

Светлейший государь, прегрозный и суверенный сеньор наш и отец, мы вновь узнали, что сия женщина, прозванная Девицей, находится теперь в вашей власти, чему мы сильно рады, будучи уверены в том, что, по вашему благому повелению, сия женщина будет предана правосудию в возмещение великих несчастий и позора, постигших из-за нее сие королевство к великому ущербу для божественной чести, нашей святой веры и всего вашего доброго народа. И поскольку нам надлежит, ввиду ремесла нашего, искоренять столь явные беззакония, особенно когда ими задета наша католическая вера, мы не можем в деле оной женщины молчать о долгом промедлении правосудия, каковое промедление должно претить каждому доброму христианину, а вашему королевскому величеству особенно и даже более, чем кому бы то ни было, в силу великого долга, каковой у вас пред Богом в благодарность за великие блага, почести и достоинства, кои он даровал вашему высочеству.

И, хотя мы писали [вам] о сем многократно, ныне, прегрозный и суверенный сеньор и отец наш, мы, держа себя по-прежнему смиренно и преданно, дабы не быть замеченными в какой-либо небрежности в деле столь значительном и нужном, смиреннейше умоляем и, во имя Спасителя нашего Иисуса Христа, настоятельно просим ваше величество приказать, чтобы сия женщина была предана церковному правосудию, то есть преподобному отцу во Боге, досточтимому сеньору нашему епископу и графу Бове, а также инквизитору, поставленному [искоренять ересь] во Франции. Злодеяния оной женщины должны быть в их ведении, — в особенности те из них, что затрагивают нашу веру, — дабы они разумными путями учинили подобающее рассмотрение дела по выдвинутым против нее обвинениям и назначили положенное в ее случае воздаяние, блюдя святую истину нашей веры и изгоняя прочь из душ ваших добрых верноподданных христиан всякое заблуждение, всякое ложное и постыдное мнение. Нам кажется весьма подобающим, если вашему высочеству будет угодно, чтобы оная женщина была доставлена в сей город, дабы мы могли учинить над ней процесс достойным и надежным образом; ибо ввиду [присутствия в Руане] большого количества магистров, докторов и прочих именитых лиц, следствие над сей женщиной получит здесь более широкую огласку, чем где-либо еще. Также вполне подобает, чтобы воздаяние за сей позор свершилось в том месте, где деяния сей женщины получили наибольшую огласку и известность. Поступая так, ваше королевское величество выкажет великую преданность по отношению к высшему и божественному Величию, кое да соблаговолит даровать вашему высочеству долгое процветание и безмерное блаженство.

Писано в Париже, в нашей генеральной ассамблее, торжественно заседающей в Сен-Матюрене, 21 ноября, в год 1431.

Ваша смиреннейшая и покорная дочь, Парижский Университет.

Подписано: Эбер.

**Далее следует содержание королевской грамоты
о передаче названной женщины нам,
епископу Бовескому**

Генрих, Божьей милостью король Франции и Англии, приветствует всех, кто узрит данную грамоту.

Вполне признано и общеизвестно, что с некоторых пор некая женщина, именующая себя Девицей, оставив женское платье и одяние, вопреки божественному закону, — дело богопротивное, оскверняющее и отрицающее всякий закон, — облачилась, оделась и вооружилась по подобию и обычаю мужскому; она содеяла и совершила жестокие убийства и, как говорят, внушила простому люду, дабы прельстить его и обмануть, что, будучи послана Богом, ведает Его тайны; кроме того, она изрекала множество других весьма опасных, возмутительных и вредных для нашей святой католической веры догматических утверждений. Продолжая творить сии обманы и сражаясь против нас и нашего народа, она была схвачена в полном вооружении под Компьенью некоторыми из наших верноподданных и после приведена пленницей к нам.

И поскольку, как говорят, многие считали ее подозрительной, покрывшей себя позором и уличенной в суевериях, ложных догматических утверждениях и прочих преступлениях, состоящих в оскорблении божественного величия, мы получили весьма настоятельную просьбу от преподобного отца во Боге, нашего возлюбленного и преданного советника епископа Бовеского, церковного и ординарного судьи названной Жанны, каковая была взята и схвачена в границах и пределах его диоцеза. Наша дражайшая и возлюбленная дочь, Парижский Университет, также призвала нас, чтобы мы соблаговолили передать, отдать и предоставить оную Жанну названному преподобному отцу во Боге для допроса и следствия по вышеназванным пунктам, а также учинить против нее процесс, в согласии с велениями и установлениям канонического и божественного права, вызвав всех тех, кого следует вызвать.

Итак, из благоговения к чести Божьей и во имя нее, в защиту и ради возвышения святой Церкви и католической веры, мы как истинные и кроткие сыны святой Церкви, стремимся покорно повиноваться настоятельным просьбам названного преподобного отца в Боге, а также призывам докторов и магистров дочери нашей, Парижского Университета. Посему мы согласны и повелеваем, чтобы столько раз, сколько покажется нужным названному преподобному отцу во Боге, сия Жанна ему в действительности и на деле передавалась и предоставлялась нашими людьми и служителями, ее охраняющими, дабы названный преподобный отец во Боге допрашивал ее, испытывал и вел процесс над ней, согласно установлениям Божьим, разуму, божественному праву и святым канонам.

Итак, мы повелеваем оным нашим людям и служителям, охраняющим сию Жанну, чтобы они отдавали и предоставляли в действительности и на деле, не отказывая и никоим образом тому не перечая, названную Жанну означенному преподобному отцу во Боге столько раз, сколько он от них потребует. Мы приказываем, кроме того, всем нашим судейским, служителям или подданным, как французам, так и англичанам, не чинить на деле, ни как-либо еще никаких пре-

пятствий или беспокойств названному преподобному отцу во Боге и всем прочим, кои получили или получают назначение присутствовать и исполнять свои обязанности на сем процессе и в нем участвовать; но, если от них того потребует означенный преподобный отец во Боге, пусть они предоставят ему охрану, помощь, защиту и окажут содействие, под страхом тяжкой законной кары. Мы по-прежнему намерены увидеть пред собой и получить в свое распоряжение названную Жанну, если случится, что она не будет изобличена по вышеназванным вопросам или по одному из них, либо же по иным вопросам, касающимся нашей веры.

В освидетельствование чего мы повелели приложить к сей грамоте нашу обычную печать, в отсутствие большой печати. Дано в Руане, 3 января, в год благодати 1431, а в год нашего правления — девятый.

[Подписано:] Именем короля, по представлению его большого Совета, Ж. Де Ринель²⁶.

**Далее следует содержание грамоты
о предоставлении территории нам, епископу,
от досточтимого церковного капитула Руана, при вакансии
архиепископского престола**

Всех, кто узрит данную грамоту, церковный капитул Руана, имеющий при вакансии архиепископского престола духовную юрисдикцию, приветствует во Господе.

Преподобный отец во Христе и сеньор наш, монсеньер Пьер, Божьей милостью епископ Бовеский, сообщил нам, что, являясь по должности ординарным судьей, а также по иным причинам, он, в соответствии с законом, предлагает свои услуги для ведения следствия по делу некоей женщины, именуемой в народе Девицей, каковая жила в распутстве, презрев свое положение и женский пол, оставив всякий стыд и позорно себя ведя; более того, она, как говорят, посеяла, обнародовала и совершила многое, что является чуждым, посторонним и противным истинной вере; таким образом, она злоумышляла [против веры], покрыла себя позором и навлекла на себя наши подозрения; названный сеньор епископ желал бы учинить против нее судебное производство, поскольку она содеяла вышеуказанные преступления, находясь в его диоцезе.

Богу стало тогда угодно, чтобы сия женщина была пленена, задержана и арестована в диоцезе названного епископа и в пределах его духовной юрисдикции; но она была переведена в другие места. Когда сие дошло до сведения одного преподобного отца, он самолично и через иных лиц, просил и побуждал светлейшего принца монсеньера герцога Бургундского и благородного рыцаря монсеньера Жана Люксембургского, и прочих удерживающих при себе оную женщину, предать ее ему как ординарному судье, поскольку она была, как говорилось, подозреваема в ереси и, совершив преступление в землях его духовной юрисдикции, была пленена, задержана и арестована; он мог бы, согласно внушению разума и права, вести следствие и процесс против нее и поступков, ею совершенных.

Сии сеньоры и прочие, кто удерживал названную женщину, коих с той же целью просил и христианнейший государь сеньор наш Генрих, Божьей милостью король Франции и Англии, а также мать наша, Парижский Университет, склонившись, во имя веры, к оным требованиям, побуждениям и просьбам, как добрые католики, выдали и передали сеньору нашему королю или его представителям сию Жанну, каковая вскоре была доставлена в сей город Руан. Помещенная ныне под надежную стражу, с согласия и по велению сеньора нашего короля, она была вверена, отдана и передана названному преподобному отцу во Христе. В сем же городе Руане²⁷ он, под влиянием различных причин и соображений, подлежащих ныне еще более внимательному рассмотрению, вызвался вести следствие по упомянутому уже делу, согласно теологическому праву и каноническим законам, собрать для него необходимые сведения, допрашивать сию женщину, подозреваемую как сказано выше, и, если необходимо, удерживать ее в тюрьме и совершать все прочее, что относится к инквизиционному делу такого рода или может к нему относиться своими последствиями. Не желая, однако, без нашего ведома заронить плевела в наш урожай, он просит нас соблаговолить предоставить ему в качестве законного вспомоществования территорию для исполнения всего вышесказанного и прочих действий, касающихся сего процесса.

Вот почему, во имя католической веры милостиво соглашаясь как с просьбой означенного преподобного отца, поскольку она соответствует праву, так и с самим преподобным отцом, мы ему выделили, отдали и предоставили, ныне выделяем, отдаем и предоставляем названную территорию как в самом городе Руане, так и всюду в пределах Руанского диоцеза, где он сочтет удобным учинить, провести, оценить и должным образом довести до конца всякий процесс, касающийся оной женщины, относящийся к ней или с нею связанный. Мы уведомляем всех и каждого из наших подданных в городе и диоцезе Руана, какого бы пола или сословия он ни был, и, во имя святого послушания, предписываем всем им и каждому из них подчиняться, повиноваться в сем деле и его следствиях названному преподобному отцу, слушать его и обеспечивать ему помощь и поддержку, выступая свидетелями, предоставляя совет и всеми иными способами. Мы соглашаемся и предоставляем ему [право] полностью и по своему усмотрению вести оный инквизиционный процесс, в порядке судопроизводства, вплоть до вынесения приговора и его исполнения, как если бы он находился в собственном диоцезе Бове, дабы мог он действовать как самолично, так и через своих представителей или уполномоченных, или людей, кои будут назначены или уполномочены, или же действовать отдельно или сообща с инквизитором по делам ереси, с его представителем или с любым лицом, кое будет уполномочено, и в конце концов придти к заключению. Мы даруем и предоставляем ему сии полномочия и возможности, насколько сие необходимо, должно и посильно пред Богом, а также права и достоинство архиепископа, управляющего Руанским диоцезом, но лишь в том, что касается сего дела.

Дано под большой печатью Руанской курии, со знаками, кои мы ныне используем.

В год Господень 1430, 28 декабря.

Подписано: Р. Герульд²⁸.

Далее следует содержание грамоты о судебном делопроизводителе

Всех, кто узрит сии грамоты, Пьер, милостью Божьей епископ Бовеский, приветствует во Господе.

Итак, спустя менее года после своего пленения и задержания в границах и пределах нашего диоцеза Бове, некая женщина, именуемая обычно Жанной Девицей, была нам предана и отдана светлейшим и сиятельным государем, королем, нашим сеньором, как покрывшая себя позором, породившая смуту и подозреваемая в применении многих чар, заклинании бесов или вызывании злых духов, сношении с ними и множестве иных дел, затрагивающих вопросы нашей веры, дабы мы как ординарный судья поступили с ней согласно положениям права, относящимся к оным вопросам. И мы, стремясь учинить процесс веры без промедления и согласно праву, по совету и суждению многих людей, сведущих как в божественном, так в каноническом и гражданском праве, призванных нами ради того в сей город Руан, духовная юрисдикция над коим была нам предварительно предоставлена для рассмотрения дела и принятия решения по данному вопросу, — итак, мы сочли, что в деле подобного рода нам необходимо и подобает иметь главного должностного судебного делопроизводителя, советников и нотариусов или писцов, а также пристава для исполнения повелений и вызовов, кои последуют в сем деле.

Итак, мы уведомляем что, стремясь поступать сообразно сим суждениям и советам, а также положениям права, будучи должным образом осведомлены и пребывая в полном доверии во Господе относительно преданности, честности, ума, способностей и пригодности преподобного отца, мессира Жана д'Эстиве (43), священника, каноника церковей Байё и Бове, мы, в силу нашей должности, сделали, назначили, определили и направили, мы делаем, назначаем, определяем и направляем оного мессира Жана судебным делопроизводителем, или обвинителем — главным либо особым, — дабы вести дело или процесс подобного рода. Сей грамотой мы даруем оному делопроизводителю или главному обвинителю дозволение, возможность и полномочия предъявлять иск и вызывать в суд, в судебном и внесудебном порядке, выступать против названной Жанны, давать, составлять, предоставлять, выставять и предъявлять статьи обвинения, допросы, свидетелей, послания, документы и прочие виды доказательств, обвинять и изобличать сию Жанну, просить, приказывать и требовать, чтобы она была испытана и допрошена, постановлять, совершать, продвигать, обеспечивать, вести и исполнять все прочее, вкуче и по отдельности, что относится, как известно, по праву или обычаю, к должности делопроизводителя или обвинителя.

Вот почему всем и каждому, кого сие касается, мы повелеваем выказывать всяческое покорство, повиновение и почтение оному мессире Жану при отправлении его обязанностей, предоставлять ему помощь, равно как совет и поддержку. В освидетельствование чего мы приложили нашу печать к сей грамоте.

Дано и писано в доме мэтра Жана Рюбе²⁹, руанского каноника.

В год Господень 1431, 9 января.

Подписано: Э. Де Розьер.

Далее следует содержание грамоты о нотариусах

Всех, кто узрит сию грамоту, Пьер, Божьей милостью епископ Бовеский, приветствует во Господе.

И вот, спустя менее года... (см. на с. 27 исходный формуляр грамоты)...вызовы, кои последуют в сем деле.

Итак, мы уведомляем, что стремясь поступать сообразно сим суждениям и советам, а также положениям права, будучи должным образом осведомлены и пребывая в полном доверии во Господе относительно преданности, честности, ума, способностей и пригодности достойных особ, мессиров Гийома Колля (22), именуемого иначе Буагийомом, и Гийома Маншона (95), священников Руанского диоцеза, публичных присяжных нотариусов апостолической и имперской канцелярии и нотариусов архиепископской курии Руана, — также ввиду вакансии престола, с согласия и дозволения преподобных викариев Руанского архиепископства, — мы поставили, избрали и назначили их обоих и каждого из них, ставим, избираем и назначаем нотариусами и секретарями в сем деле и сем процессе.

Мы даруем им, и каждому из них, дозволение, возможность и полномочия являться к названной Жанне или в иные места всякий раз, когда понадобится, допрашивать ее или выслушивать допросы, приводить к присяге и опрашивать свидетелей, кои будут привлечены к сему процессу, записывать речи и признания оной Жанны и свидетелей, равно как мнения докторов и магистров, давать нам о них устные или письменные отчеты, отмечать в письменном виде всякое деяние, совершенное или подлежащее свершению, облечь весь процесс в должную форму и изложить его письменно, и делать все, что по праву относится к обязанностям нотариусов, всюду и всегда, когда представится возможность.

В освидетельствование чего мы велели приложить нашу печать к данной грамоте.

Писано и дано в доме мэтра Жана Рюбе, каноника руанской церкви.

В год Господень 1431, 9 января.

Подписано: Э. де Розьер.

Далее следует содержание грамоты о советнике

Всех, кто узрит сию грамоту, Пьер, милостью Божьей епископ Бовеский, приветствует во Господе.

И вот, спустя менее года, ... (см. с. 27) ...вызовы, кои последуют в сем деле.

Итак, мы уведомляем, что, стремясь поступать сообразно сим суждениям и советам, а также положениям права, будучи должным образом осведомлены и пребывая в полном доверии во Господе относительно преданности, честности, ума, способностей и пригодности преподобной и достойной особы, мэтра Жана де Ла Фонтэна (67), магистра искусств, лиценциата декретов, мы назначили,

поставили и сделали названного мэтра Жана нашим представителем и советником в том, что касается допроса свидетелей, каковые будут вызваны судебным делопроизводителем в ходе сего процесса. Мы даруем и предоставляем оному мэтру Жану дозволение, возможность и полномочия принимать названных свидетелей, приводить их к присяге, опрашивать их, оправдывать *ad cautelam*³⁰, записывать или приказывать записать их речи и показания и совершать все прочее, вкуче и по отдельности, что должным образом назначенный полномочный советник и следователь может и должен совершать и что совершили и могли бы свершить в сем отношении мы, если бы присутствовали лично.

В освидетельствование чего мы велели приложить к сей грамоте нашу печать.

Писано и дано в Руане, в доме мэтра Жана Рюбе, каноника руанской церкви.

В год Господень 1431, 9 января.

Подписано: Э. де Розьер.

Далее следует содержание грамоты о судебном приставе

Всех, кто узрит сию грамоту, Пьер, милостью Божьей епископ Бовеский, приветствует во Господе.

И вот, спустя менее года, ... (см. с. 27) ... вызовы, кои последуют в сем деле.

Итак, мы уведомляем, что, стремясь поступать сообразно сим суждениям и советам, а также нормам права, будучи должным образом осведомлены и пребывая в полном доверии во Господе относительно способностей, преданности и живейшего усердия достойной особы, мэтра Жана Массьё (98), священника, старосты христианской общины Руана, мы сделали, назначили, уполномочили и определили оного мэтра Жана судебным приставом для исполнения повелений и вызовов, кои будут нами сделаны в ходе сего процесса. Мы предоставили ему и сим предоставляем на то дозволение.

В освидетельствование сего мы велели приложить к сей грамоте нашу печать.

Писано и дано в Руане, в доме мэтра Жана Рюбе, каноника руанской церкви.

В год Господень 1431, 9 января.

Подписано: Э. де Розьер.

Далее, в субботу, 13 января

Мы, означенный епископ, созвали в доме нашего пребывания в Руане... (см. с. 27) ... сеньоров и магистров: Жилля, аббата св. Троицы в Фекане (38), доктора теологии; Никола де Вандре (127), лиценциата канонического права; Уильяма Хейтона (59) и Никола Купкена (26), бакалавров теологии; Жана де Ла Фонтэна (67), лиценциата канонического права; Никола Луазеллёра (92), каноника Руанской церкви³¹.

Мы сообщили им о том, что было сделано на прошлом заседании, и спросили их совета относительно того, что нам осталось совершить в связи с делом, кое мы предприняли. Кроме того, мы велели зачитать пред ними сведения, собранные в родном краю названной женщины и во многих иных местах, а также некоторые сообщения, кои доносит людская молва как по существу сих сведений, так и по другим вопросам. Рассмотрев и выслушав все сие, заседатели рассудили, что по сим вопросам будут составлены в должной форме отдельные статьи, дабы взятое к рассмотрению дело выглядело более ясным и можно было бы впоследствии выносить более надежные суждения, если будет достаточно оснований для вызова в суд кого-либо по вопросам веры. Так, по совету означенных заседателей, мы постановили, что перейдем к составлению сих статей, для подготовки коих мы отрядили, в присутствии названных нотариусов, неких именитых лиц, весьма сведущих в божественном и человеческом праве.

Пусть же они, повинувшись с готовностью нашему приказу, в течение последующих дней, а именно, в воскресенье, понедельник и вторник, трудятся над составлением означенных статей.

Далее, во вторник, 23 января

Явились в дом нашего пребывания вышеназванные сеньоры и магистры, а именно: монсеньер Жилль, аббат Фекана (38), Никола де Вандре (127), Уильям Хейтон (59), Никола Купкен (26), Жан де Ла Фонтэн (67) и Никола Луазелёр (92).

Мы велели зачитать перед ними статьи, составленные по нашему приказанию, как было изложено выше, и спросили их мнения, подсказанного им их великой премудростью, о самих статьях, а также о том, что надлежит сделать в дальнейшем. Они ответили, что статьи составлены в хорошей и подобающей форме и что надлежит приступить к допросам, сообразуясь с названными статьями. Затем они рассудили, что мы, означенный епископ, можем и должны приступить к рассмотрению предварительных сведений о деяниях и речах сей названной женщины, узницы.

Так что мы, полагаясь на их мнение, велели и постановили собрать сии предварительные сведения и, будучи заняты иными делами, уполномочили преподобного и достойного отца, мэтра Жана де Ла Фонтэна, вышеназванного лиценциата канонического права, собрать сии сведения³².

Далее, во вторник 13 февраля того же года

Утром явились в дом нашего пребывания сеньоры и магистры: Жилль, аббат Фекана (38), Жан Бопер (8), Жак де Турен (124), Никола Миди (102), Пьер Морис (101), Жерар Фёйе (47) — доктора; Никола де Вандре (127) и Жан де Ла Фонтэн (67) — лиценциаты канонического права; Уильям Хейтон (59), Никола Купкен (26) и Тома де Курселль (27) — бакалавры теологии³³; и Никола

Луазеллёр (92), каноник Руанской церкви. Мы велели призвать лиц, ранее введенных в должность и назначенных нами для сего дела, а именно: мессира Жана д'Эстиве (43), делопроизводителя; мэтра Жана де Ла Фонтэна (67), уполномоченного; Гийома Буагийома (22) и Гийома Маншона (95), нотариусов; и мессира Жана Массье (98), пристава по судебным вызовам и исполнению наших повелений. Мы попросили их, всех и каждого, принести, как подобает, присягу о неукоснительном исполнении своих обязанностей. Повинуясь нашему требованию, они поклялись, вложив свои руки в наши, неукоснительно блюсти и исполнять свои обязанности.

Предварительные сведения за среду, четверг, пятницу и субботу

В среду, четверг, пятницу и субботу, кои за сим последовали, названный де Ла Фонтэн (67), уполномоченный, вместе с двумя уже упомянутыми нотариусами, приступил к сбору предварительных сведений, как мы и велели ранее.

Понедельник, 19 февраля

Далее, в день после Факельного воскресенья, 19 февраля, в год Господень 1431, около 8 часов утра явились в дом нашего пребывания³⁴ сеньоры и магистры: Жилль, аббат Фекана (38), Жан Бопер (8), Жак де Турен (124), Никола Миди (102), Пьер Морис (101), Жерар Фёйе (47) — доктора священной теологии; Никола де Вандре (127), Жан де Ла Фонтэн (67) — лиценциаты канонического права; Уильям Хейтон (59), Никола Купкен (26), Тома де Курселль (27) — бакалавры теологии; и Никола Луазеллёр (92), каноник Руанской церкви.

Мы, означенный епископ, сообщили им, что по выдвижении некоторых статей [обвинения] относительно того, что доносят о речах и деяниях сей женщины, каковую, согласно вышеизложенному, король, сеньор наш, отдал в наше распоряжение, мы велели собрать некие предварительные сведения, дабы можно было видеть, имеется ли достаточно оснований для вызова сей женщины на судебный процесс по делам веры. Мы велели зачитать в их присутствии означенные статьи и показания свидетелей, содержащиеся в данных статьях. Оные сеньоры и магистры, полностью выслушав и оценив то, что было сказано, долго и степенно по сему поводу совещались. Наконец, мы, полагаясь на их мнение, решили, что в сих и в прочих сведениях имеются достаточные основания для того, чтобы вызвать сию женщину в суд на процесс веры, и мы постановили вызвать ее на процесс веры, дабы она ответила на некоторые вопросы, кои будут ей заданы. Кроме того, дабы само сие дело могло быть проведено более подобающим и успешным образом, из почтения к Святому апостольскому Престолу, каковой особо направил к нам сеньоров инквизиторов по делам ереси для устранения заблуждений в нашей истинной вере, а также по совету оных ученых лиц, мы решили призвать монсеньера инквизитора по делам веры

в королевстве Французском и просить, чтобы он присоединился к нам для ведения сего процесса веры, — согласно его усмотрению и если он сочтет, что в сем заинтересован. И, поскольку монсеньера инквизитора не было тогда в сем городе Руане, мы велели призвать и просить, как было сказано, его викария, находящегося в Руане.

В тот же день после полудня

Далее, в тот же понедельник, около 4 часов пополудни.

По нашей просьбе в доме нашего пребывания пред нами, названным епископом, предстал преподобный и достойный брат Жан Ле Мэтр (81) из ордена Проповедников, викарий монсеньера инквизитора в королевстве Французском, направленный им в город и диоцез Руана. У оного викария мы попросили и потребовали присоединиться к нам и вести совместно с нами вышеозначенное дело, предлагая поведать ему, вкупе и по отдельности, обо всем, что было сделано нами по сему поводу и что предстоит сделать в будущем.

На сие названный викарий ответил, что он готов предъявить нам грамоты о своих полномочиях викария, кои были ему вручены монсеньером инквизитором. Сообразуясь с их содержанием и с распоряжениями святой инквизиции, он охотно совершит то, что должен, в ходе сего процесса. Но, поскольку он располагал особыми полномочиями в городе и диоцезе Руана, а мы сами, хотя нам была предоставлена территория в оном городе, учинили сие дело по праву нашей юрисдикции в Бове, названный викарий усомнился, что его полномочия могут распространиться на ведение сего процесса. Мы велели ему прийти на следующий день, а мы тем временем устроим совещание по данному вопросу.

Вторник, 20 февраля

Далее, в следующий за тем вторник, 20 февраля.

Предстали пред нами, означенным епископом, в доме нашего пребывания, названные брат Жан Ле Мэтр (81), викарий монсеньера инквизитора, магистры Жан Бопер (8), Жак де Турен (124), Никола Миди (102), Никола де Вандре (127), Пьер Морис (101), Жерар Фёйе (47), Тома де Курселль (27), Никола Луазеллёр (92) и брат Мартэн Ладвеню (69) из ордена Братьев Проповедников.

Мы доложили им, что видели грамоты о полномочиях викария, кои были вручены брату Жану Ле Мэтру монсеньером инквизитором. Показав сии грамоты людям сведущим и посовещавшись, мы теперь полагаем, что названный викарий, в силу сих полномочий, может присоединиться к нам и вести сей процесс вдвоем с нами в сем городе, на каковой, равно как и на весь диоцез, распространяются его полномочия. Тем не менее, для пущей основательности сего процесса, мы решили просить и требовать у монсеньера инквизитора посредством грамот, ему адресованных, либо самолично прибыть в город Руан

для ведения сего процесса, либо назначить викария, каковой имел бы более значительные особые полномочия, как то явствует из содержимого грамоты, приведенной ниже.

На сие, нами, означенным епископом, изложенное, брат Жан Ле Мэтр (81) ответил, что ради чистоты его совести, равно как и для более основательного ведения процесса, он не желает вмешиваться в данное дело иначе, как имея на то полномочия и [оставаясь] в границах сих полномочий. Но, насколько он может и насколько ему дозволено, он предпочел бы, чтобы мы, названный епископ, продолжали сие дело, меж тем как он испросит более подробного совета о своих полномочиях, то есть о возможности взять на себя, в силу названных полномочий, ведение сего процесса. Таким образом, заручившись его согласием, мы вновь предложили посвятить его в суть процесса и сообщить ему о том, что уже было сделано или предстоит сделать в будущем.

Затем, после совещания заседателей, мы решили, что названной женщине будет нашей грамотой о судебном вызове предписано предстать пред нами в ближайшую среду, 21 февраля. Содержание сей грамоты приведено ниже.

Сначала следует содержание грамоты о викариате брата Жана Ле Мэтра

«Брат Жан Гравран (55) из ордена Братьев Проповедников, профессор священной теологии, поставленный апостолической властью инквизитором по делам ереси в королевстве Французском, приветствует во начальнике и совершителе нашей веры, Господе Нашем Иисусе Христе, своего дорогого брата во Христе Жана Ле Мэтра (81) из того же ордена.

Зло ереси прорастает украдкой, словно опухоль, и тайком убивает простой люд, если скальпель инквизиции в неусыпной заботе не отсечет ее; следовательно, полагаясь на пыл вашей веры, вашу осмотрительность и честность, именем апостолический власти, обязанности коей мы исполняем в сей области, мы сделали, назначили и определили и данной грамотой делаем, назначаем и определяем вас нашим викарием в городе и диоцезе Руана, даруя и предоставляя вам в сем городе и диоцезе против всех еретиков или подозреваемых в ереси, их учеников, пособников, заступников и укрывателей полную власть опрашивать, вызывать в суд, отлучать от церкви, арестовывать, задерживать, исправлять и преследовать их как-либо иначе, [всеми] возможными способами, вплоть до вынесения окончательного приговора, равно как оправдывать и назначать спасительные епитимьи, — словом, употреблять и применять, вкупе и по отдельности, всяческие меры, кои входят в означенные обязанности инквизитора по праву, обычаю либо по особой привилегии, и кои мы могли бы совершить и совершили бы сами, если бы лично при том присутствовали.

В освидетельствование всего вышесказанного мы велели приложить к сему печатъ, коей пользуемся при исполнении нашей должности.

Дано в Руане, в год Господень 1424, 21 августа».

**Далее следует содержание послания, кое мы,
названный епископ, направили монсеньеру инквизитору
по делам ереси**

«От Пьера, милостью Божьей епископа Бовеского, — привет и искренняя любовь во Христе преподобному отцу мэтру Жану Граврану (55), доктору священной теологии, инквизитору по делам ереси.

Сеньор наш король, воспламененный радением об истинной вере и христианском исповедании, отдал и предоставил нам как ординарному судье женщине по имени Жанна, называемую в народе Девицей, по общему мнению, покрывшую себя позором вследствие различных преступлений, совершенных ею против веры и христианского исповедания, плененную и взятую в нашем диоцезе Бове.

Дабы начать процесс по сему делу, церковный капитул Руана, при вакансии архиепископского престола, выделил и предоставил нам территорию в сем городе и диоцезе Руана. Желая, чтобы всякое нечестивое заблуждение было устранено из Господнего стада и чтобы вера католическая всегда сохранялась невредимой в своей чистоте, дабы народ христианский, особенно в нашем диоцезе и прочих частях сего христианнейшего королевства, всегда был наставляем во спасение здравым учением, мы постановили рассмотреть дело сей женщины со всем усердием и прилежанием и учинить следствие по ее речам и деяниям, затрагивающим истинную веру. Созвав некое число докторов как священной теологии, так и канонического права, и прочих сведущих людей, мы, по зрелом и основательном обсуждении, начали над ней судебный процесс в сем городе.

Но, так как дело сие относится исключительно к вашей должности инквизитора, коему подобает искать ясной истины при подозрении в ереси подобного рода, мы умоляем ваше преподобие, требуем и просим во имя веры незамедлительно прибыть в сей город для дальнейшего ведения процесса и приступить к сему делу, согласно нормам права и апостолических постановлений, как то входит в ваши обязанности, дабы мы также занялись сим делом при едином ходе мысли и процедуры. И если вас удерживает такая занятость, что вы сможете привести разумные причины для промедления, предоставьте, по крайней мере, особые полномочия на сие брату Жану Ле Мэтру (81), поставленному вами викарием в городе и диоцезе Руана, или же кому-либо иному, с тем, чтобы досадная задержка, претерпеваемая в сем деле, во вред вере и к возмущению христианского люда, не могла быть списана на ваше отсутствие, учитывая, что вы были должным образом приглашены. Как бы вы ни решили поступить, потрудитесь незамедлительно сообщить нам сие в ваших грамотах.

Дано в Руане под нашей печатью, в год Господень 1431, 22 февраля.

Подписано: Г. Буагийом (22), Г. Маншон (95)».

Часть 2

ПУБЛИЧНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ ИНКВИЗИЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

Среда, 21 февраля, 1431 года
Первое публичное заседание

Итак, в среду, 21 февраля, около восьми часов утра,

Мы, названный епископ, явились в королевскую капеллу Руанского замка¹, куда в вышеуказанный день и час мы велели вызвать на суд означенную женщину. Там мы заседали в трибунале при участии почтенных отцов, сеньоров и магистров: Жилля, аббата св. Троицы в Фекане (38), Пьера, приора Лонгвилль-Жиффара (103), Жана де Шатийона (21), Жана Бопера (8), Жака де Турена (124), Никола Миди (102), Жана де Ниба (111), Жака Гедона (58), Жана Ле Февра (77), Мориса дю Кенэ (37), Гийома Буше (72), Пьера Удана (62), Пьера Мориса (101), Ричарда Прати (116) и Жерара Фёйе (47) — докторов священной теологии; аббатов Никола из Жюмьежа (86), Гийома из монастыря св. Екатерины (24), Гийома [Бюро] из Кормея (25), равно как и Жана Герэна (57) — докторов канонического права; Рауля Русселя (118), доктора обоих прав; Уильяма Хейтона (59), Никола Купкена (26), Жана Ле Мэтра (81), Ришара де Груше (56), Пьера Минье (105), Жана Пигаша (113), Рауля Ле Соважа (88) — бакалавров теологии; Робера Ле Барбье (74), Дени Гастинеля (53) и Жана Ле Ду (75), Никола де Вандре (127), Жана Бассе (5), Жана де Ла Фонтэна (67), Жана Брюйо (12), Обера Мореля (107), Жана Коломбеля (23), Лорана дю Бюска (32) и Рауля Анги (4) — лиценциатов канонического права; Андре Маргери (97), Жана Алепе (2), Жоффруа дю Кротэ (35) и Жилля Дешана (29) — лиценциатов гражданского права.

В их присутствии была вначале зачитана королевская грамота о выдаче и возврате² нам оной женщины, затем грамоты руанского капитула о предо-

ставлении территории; содержание сих документов приведено ниже. Окончив сие чтение, мессир Жан д'Эстиве, уполномоченный и назначенный нами в сем процессе судебным делопроизводителем, объявил, что назначенный по сему делу судебный пристав велел оной женщине по имени Жанна явиться в указанный день и час сюда, дабы по закону ответить на вопросы, кои будут ей заданы, что вполне очевидно из доклада судебного пристава, приложенного к нашей грамоте вызова.

Следует содержание сих грамот вызова и отчета

«Мы, Пьер, Божьей милостью епископ Бовеский, располагая в городе и диоцезе Руана территорией, предоставленной во время вакансии архиепископского престола досточтимым церковным капитулом Руана для проведения и завершения нижеуказанного дела, старосте христианской общины Руана, а также всем и каждому священнику — приходскому или не приходскому, — находящимся в городе и диоцезе Руана, до коего или до коих дойдет настоящая грамота во исполнение, шлем привет в начальнике и совершителе нашей веры, Господе Нашем Иисусе Христе.

Некая женщина, именуемая в народе Жанной Девицей, была взята и пленена в нашем диоцезе Бове и была нам препоручена, предоставлена и отдана в наше распоряжение христианнейшим и светлейшим государем, нашим сеньором, королем Франции и Англии, как сильно подозреваемая в ереси³, дабы мы учинили над ней процесс по делам веры. И мы, услышав распространившуюся не только повсюду в королевстве Французском, но и во всем христианском мире молву о делах и свершениях оной женщины, кои суть посягательства на нашу веру, а также собрав подробные сведения и мнения опытных людей и стремясь поступать в сем деле по зрелом размышлении, мы постановили, что она Жанна будет призвана и выслушана по тем статьям и вопросам, касающимся веры, кои ей зададут и против нее выдвинут.

Вот почему мы предписываем, чтобы все вы вместе и каждый из вас в отдельности, будучи [вызван] по требованию, не ждали друг друга и не ссылались один на другого. [Напротив,] без всяких возражений вызовите к нам в королевскую часовню Руанского замка, в среду 21 февраля, к восьми часам утра означенную Жанну, кою мы считаем сильно подозреваемой в ереси. Пусть она ответит правду по названным статьям и вопросам, а также по прочим, относительно коих мы ее подозреваем, или пусть свершится иначе, по разуму и справедливости, после того, как мы сообщим ей, что она будет отлучена от церкви, если не предстанет пред нами в сей день. Да будет нам с точностью доложено о том, что вы, исполнители сего, таким образом совершите.

Дано в Руане под нашей печатью, в год Господень 1431, во вторник 20 февраля. Подписано: Г. Буагийом(22), Г. Маншон (95)».

«Преподобому отцу во Христе и сеньору, Пьеру, Божьей милостью епископу Бове, располагающему в городе и диоцезе Руана территорией, предоставленной вам при вакансии архиепископского престола досточтимым церковным

капитулом Руана, дабы провести и завершить нижеозначенное дело, ваш смиренный Жан Массье (98), священник, староста христианской общины Руана, выказывает немедленное повиновение со всяческим уважением и почтением.

Да будет известно вашему преподобию, что, во исполнение вашего повеления, кое было мне представлено и к коему приложен сей мой отчет, я немедленно назначил предстать пред вами в королевской часовне Руанского замка, в среду 21 февраля, к восьми часам утра женщине, именуемой в народе Жанной Девицей, каковую я задержал в крепости данного замка и каковую вы считаете сильно подозреваемой в ереси, дабы она правдиво ответила на вопросы, кои будут выдвинуты против нее в статьях, или на допросы по вопросам веры, коим ее подвергнут, а также на все прочее, в чем вы ее подозреваете, и дабы иным образом поступить по разуму и справедливости, вкупе с предписаниями, содержащимися в вашей собственной грамоте. Оная Жанна действительно сказала мне в ответ, что охотно предстанет пред вами и ответит правду на вопросы, кои ей зададут, и что сама она просит, чтобы вы изволили пригласить к участию в сем деле духовных лиц из французских земель, равно как и из Англии; и кроме того, что она смиренно молит ваше преподобие, чтобы завтра, прежде чем она предстанет пред вашим преподобием, она могла бы выслушать мессу; и чтобы я доложил вам о сем, как я и сделал. И о том, что сие было мною таким образом исполнено, я сообщаю вам, преподобному отцу, настоящей грамотой, скрепленной моею печатью и собственноручно мною подписанной.

Дано в год Господень 1431, во вторник накануне означенной среды.

Подписано: Жан».

[Запрос делопроизводителя]

Затем судебный делопроизводитель (43), по представлении сих грамот, настойчиво потребовал, чтобы оная женщина получила повеление явиться в сие место и предстать пред нами на суд, ибо она была вызвана сюда, и чтобы она была допрошена нами по некоторым статьям касательно веры, о чем мы ей и сообщили. Между тем, поскольку означенная женщина просила ранее дозволения выслушать мессу, мы сообщили названным заседателям, как мы, по совету именитых сеньоров и магистров, подумали, что, ввиду преступлений, коими опозорила себя оная женщина, а также из-за постыдности того наряда, в ношении коего она упорствует, надо повременить с допуском ее к мессе и присутствию на богослужениях.

[Жанна доставлена в зал заседаний]

Тем временем, пока мы оглашали сие, оная женщина была приведена судебным приставом. Поскольку она предстала пред нами на суд, мы приступили к изложению того, что сия Жанна была некогда пленена и взята в границах и пределах нашего диоцеза Бове; что людская молва, разнесшаяся уже почти

по всем христианским королевствам, доносила весть о ее многочисленных деяниях, оскверняющих истинную веру, свершенных не только в нашем диоцезе, но и во многих других землях; и совсем недавно светлейший и наихристианнейший государь, король, наш сеньор, отдал и предоставил ее в наше распоряжение, дабы учинить против нее процесс веры, в согласии с правом и разумом.

Посему, принимая во внимание общественную молву и слухи, равно как и некоторые сведения, о коих мы упоминали выше, тщательно посоветовавшись прежде всего со знатоками права божественного и человеческого, мы, в силу нашей должности, повелели вызвать Жанну письменной грамотой, дабы она правдиво ответила на вопросы, кои ей зададут относительно веры и дабы иными способами поступить согласно праву и разуму, как сие явствовало из предшествующей грамоты, предъявленной судебным делопроизводителем.

[Первое увещание Жанне]

Посему мы, стремясь с помощью Иисуса Христа, чьему суду [поистине] подлежит обсуждаемое дело, исполнить в сем процессе нашу должностную обязанность по сохранению и возвеличиванию католической веры, прежде всего милосердно призвали и просили Жанну, сидевшую тогда пред нами, во ускорение данного дела и во облегчение ее собственной совести отвечать всю правду на вопросы, кои ей зададут касательно веры, не ища ни уловок, ни хитростей, кои могли бы уклонить ее от искренней исповеди.

[Жанна призвана принести присягу]

Кроме того, в силу нашей должности, мы просили оную Жанну принести законную присягу, прикасаясь к священному Евангелию, в должной форме, о том, что она будет говорить правду, как было указано выше, по вопросам, кои ей зададут.

Каковая Жанна ответила так: «Я не знаю, о чем вы хотите меня спрашивать. Возможно, вы спросите меня о таких вещах, о коих я вам не скажу».

Поскольку мы ей говорили: «Вы поклянетесь говорить правду о том, о чем вас спросят относительно веры и того, что будет вам известно», — она вновь ответила, что охотно поклянется говорить правду о том, что касается ее отца и матери и о том, что она сделала после ухода во Францию; но об откровениях, кои были ей от Бога, она не говорила никогда и никому, кроме единственно Карла, коего зовет своим королем, и [сих откровений она] не откроет никому, даже если ей велят отрубить голову, ибо знает от своих видений или своего тайного совета, что не должна их никому открывать; и что по истечении ближайших восьми дней она будет твердо знать, должна ли сие открыть.

Мы, означенный епископ, снова многократно предупреждали оную Жанну [о необходимости присягнуть] и просили, чтобы она присягнула говорить правду о том, что касается нашей веры. Названная Жанна, на коленях, возложив

обе руки на книгу, — в сем случае, миссал, — поклялась говорить правду о том, что у нее спросят и что будет ей известно относительно веры, не упоминая вышеизложенного условия, а именно, что она не расскажет и не раскроет никому явленных ей откровений⁴.

[Первый допрос после присяги]

Далее, принеся таким образом присягу, Жанна была спрошена нами о своем имени и прозвище.

На что она ответила, что в ее краях ее звали Жаннеттой, а после того как она ушла во Францию, называли Жанной. Но о прозвище сказала, что ничего не знает.

Затем, спрошенная о месте своего происхождения, ответила, что родилась в деревне Домреми, каковая объединена с деревней Грё, и именно в Грё находится главная церковь⁵.

Затем, спрошенная об имени своих отца и матери, ответила, что отца звали Жак Дарк⁶, а мать — Изабелла⁷.

Спрошенная, в каком месте была она крещена, ответила, что в церкви Домреми.

Спрошенная, каковы были ее крестные отцы и матери, сказала, что одну из крестных звали Агнесса, другую — Жанна, другую — Сибилла; одного из крестников звали Жан Лэнге, другого — Жан Барре; у нее было много других крестных матерей, как она слышала от собственной матери⁸.

Спрошенная, какой священник ее крестил, ответила, что то был мессир Жан Мине⁹, как она думает.

Спрошенная, жив ли он еще, ответила, что да, как она думает.

Затем спрошенная о своем возрасте, ответила, что, как ей кажется, ей около 19 лет. Она сказала, кроме того, что мать обучила ее молитвам *Pater Noster*, *Ave*, *Credo*; и что она восприняла свою веру ни от кого иного, как от названной матери.

Затем, по нашем требовании произнести *Pater*, она ответила, чтобы мы выслушали ее на исповеди и что она охотно нам сие произнесет. И поскольку мы вновь просили ее многократно, она ответила, что не произнесет *Pater*, etc., если мы не выслушаем ее на исповеди. Мы сказали тогда, что охотно дадим ей одного или двух именитых особ с французской стороны¹⁰, коим она скажет *Pater*, etc. На что Жанна ответила, что она не станет им говорить, если они не выслушают ее на исповеди¹¹.

Исполнив сие, мы, названный епископ, запретили оной Жанне без нашего дозволения покидать тюрьму, назначенную ей в Руанском замке, под страхом быть уличенной в преступлении ереси.

Но она ответила, что не принимает сего запрета, добавив, что если б она сбежала, никто не смог бы бранить ее за разрыв или нарушение клятвы, поскольку она таковой никогда никому не давала. Затем она пожаловалась на то, что ее держат в оковах и железных цепях.

Мы сказали ей тогда, что, будучи в иных тюрьмах, она многократно пыталась сбежать и что именно из-за того, дабы ей быть под более надежной охраной, ее приказали заковать в железные цепи.

На что она ответила: «Верно, что я уже хотела и захочу сбежать вновь, ведь сие дозволено любому, кто заключен в темницу или пленен».

Затем мы отрядили для надежной охраны оной Жанны благородного Джона Грея¹², оруженосца на службе нашего сеньора короля, а с ним Джона Бервойта и Уильяма Тальбота, повелев им хорошо и верно стеречь оную Жанну, никого не допуская говорить с нею без нашего на то разрешения; в чем они торжественно поклялись, касаясь святых Евангелий.

Наконец, исполнив все вышеизложенное, мы предписали названной Жанне явиться завтра, в четверг, в восемь часов утра, в палату заседаний, что рядом с большой залой Руанского замка¹³.

Четверг, 22 февраля, 1431 года *Второе заседание*

Далее, на следующий день, в четверг 22 февраля,

Мы, означенный епископ, явились в палату заседаний близ большой залы Руанского замка, где собрались также преподобные отцы, сеньоры и магистры: Жилль, аббат св. Троицы из Фекана (38), Пьер, приор Лонгвилль-Жиффара (103), Жан де Шатийон (21), Жан Бопер (8), Жак де Турен (124), Никола Миди (102), Жан де Ниба (111), Жак Гедон (58), Жан Ле Февр (77), Морис дю Кенэ (37), Гийом де Буше (72), Пьер Удан (62), Пьер Морис (101), Ричард Прати (116) и Жерар Фёйе (47) — доктора священной теологии; аббаты Никола из Жюмьежа (86), Гийом из монастыря св. Екатерины (24), Гийом из Кормея (10), а также Жан Герэн (57) — доктора канонического права; Рауль Руссель (118), доктор обоих прав; Уильям Хейтон (59), Никола Купкен (26), Жан Ле Мэтр (81), Ришар де Груше (56), Пьер Минье (105), Жан Пигаш (113), Рауль Ле Соваж (88) — бакалавры священной теологии; Робер Ле Барбье (71), Дени Гастинель (53), Жан Ле Ду (75) — лиценциаты обоих прав; Жан Бассе (5), Жан де Ла Фонтэн (67), Жан Брюйо (12), Обер Морель (107), Никола де Вандре (127), Жан Пэншон (114), Жан Коломбель (23), Лоран дю Бюск (32), Рауль Анги (4) — лиценциаты канонического права; Андре Маргери (97), Жан Алепе (2), Жоффрау дю Кротэ (35) и Жилль Дешан (29) — лиценциаты гражданского права; аббат Прео (109), брат Гийом Лермит (85), Гийом Дежардэн (30), доктора медицины; Робер Морелле (108) и Жан Ле Руа (87) — церковные каноники Руана.

Прежде всего, мы рассказали им, что потребовали и попросили лично у брата Жана Ле Мэтра (81), викария монсеньера инквизитора, присоединиться к нам в настоящем процессе, предложив поставить его в известность о том, что было сделано о сию пору в сем деле и что будет сделано далее. Мы рассказали также, как викарий ответил, что он поставлен инквизитором только над городом и диоцезом Руана; данный же процесс был учинен нами на территории, по праву восходящей к нашей юрисдикции над Бове. Вот почему, дабы ни коим образом не повредить процессу, он воздержался от того, чтобы присоединиться к нам вплоть до той поры, пока не получит более обстоятельного совета и больших полномочий от монсеньера инквизитора; викарий, тем не менее, от своего

имени выразил удовлетворение тем, что мы покамест продвинемся далее в нашем мероприятии.

Слушая, как мы излагаем сие, названный викарий ответил: «То, что вы говорите, правда; я одобрил и одобряю, насколько позволяют мои полномочия и насколько сие в моих силах, продолжение процесса».

Затем, поскольку Жанна предстала перед нами в означенном месте, мы призвали ее и потребовали, под страхом закона, принести присягу, каковую она принесла накануне, и присягнуть просто и безоговорочно что она будет отвечать правду на все вопросы, кои ей зададут, о том, в чем она была обвинена и чем опозорена.

На что она ответила, что уже присягнула вчера и что сего должно быть достаточно.

И вновь мы попросили ее поклясться; воистину никто, даже государь, будучи допрошен по делам веры, не может отказаться принести сию присягу.

Она вновь ответила: «Я принесла вам сию присягу вчера, вам сего должно быть вполне довольно. Вы слишком меня обременяете». В конце концов она поклялась сказать правду по вопросам, каковые будут касаться веры.

После чего преславный профессор священной теологии метр Жан Бопер (8), по нашему приказу и повелению, допросил оную Жанну по следующим вопросам.

Для начала он призвал ее сказать правду о том, о чем ее спросят, как она и поклялась.

Она ответила: «Может статься, на одни ваши вопросы я отвечу правду, а на другие — не отвечу вовсе». И она прибавила: «Будь вы лучше осведомлены обо мне, вы пожелали б, чтобы я не была в ваших руках. Я ничего не сделала иначе, как по откровению».

Спрошенная далее о возрасте, в коем пребывала, когда покинула отчий дом, она сказала, что не сможет его указать.

Спрошенная, обучилась ли она в юности какому-либо ремеслу, сказала, что да: шить суконные полотна и прясть; и она не уступит ни одной женщине Руана по части прядения и шитья. Далее она призналась, что из страха перед бургиньонами¹⁴ покинула отчий дом и пошла в Нёфшато, что в Лотарингии, к некоей женщине, прозванной Рыжей (la Rousse), где пробыла около пятнадцати дней¹⁵; затем она добавила, что пока жила в отчем доме, занималась обычными домашними делами¹⁶ и не ходила в поле пасти овец или другую скотину.

Затем, спрошенная, исповедовалась ли она в своих грехах ежегодно, ответила, что да, своему личному кюре¹⁷, а когда кюре был занят, то она исповедовалась другому священнику, с разрешения кюре. Несколько раз, — дважды или трижды, как ей кажется, — она исповедалась нищенствующим монахам; и было сие в Нёфшато¹⁸. И она получала таинство причастия на Пасху.

Спрошенная, получала ли она таинство причастия в иные праздники, кроме Пасхи, сказала дознавателю, чтоб тот переходил к другому. Далее она призналась, что, когда ей было 13 лет¹⁹, ей был голос, идущий от Бога, дабы помочь ей блюсти себя. И в первый раз она очень испугалась. И сей голос пришел около полудня, летом, в саду ее отца, и названная Жанна не постилась накануне²⁰. Она услышала голос справа, со стороны церкви²¹, и очень редко она слышит его так, чтобы при том не было света. Сей свет идет с той же стороны, откуда она слышит голос, но там обычно всегда великий свет. И когда она пришла во Францию, она часто слышала сей голос.

Спрошенная, каким образом она видела свет, каковой, по ее словам, пребывал там, если сей свет был в стороне, она ничего не ответила, но перешла к другому. Она сказала, кроме того, что когда была в лесу, то очень хорошо понимала голоса, приходящие к ней. Сказала также, что, как ей кажется, сие был достойный голос (*digne voix*), и она верит, что он послан от Бога; а после того, как она трижды услышала сей голос, она узнала, что то был голос ангела. Она сказала также, что сей голос всегда хранил ее, и она всегда хорошо его понимала.

Спрошенная о наставлениях во спасение души, кои давал ей сей голос, сказала, что он учил ее хорошо себя вести, посещать церковь; и [голос] сказал Жанне, что необходимо, чтобы она, Жанна, пошла во Францию. Жанна добавила, что дознаватель покамест не добьется от нее, под каким видом явился ей сей голос. Далее она призналась, что голос говорил ей дважды или трижды в неделю, что нужно, чтобы она, Жанна, ушла и отправилась во Францию; [она призналась также], что ее отец ничего не знал о ее уходе²². Она сказала также, что голос говорил ей, чтобы она пошла во Францию; и она не могла более оставаться там, где была; и сей голос говорил ей, что она снимет осаду с Орлеана. Затем она сказала, что голос сказал ей, Жанне, пойти в крепость Вокулёр²³, к Роберу де Бодрикуру, капитану сего места²⁴, и что он даст ей людей, кои пойдут вместе с ней; Жанна ответила тогда, что она всего лишь бедная девушка, каковая не умеет ни ездить верхом, ни вести войну²⁵. Кроме того, она сказала, что пошла к своему дяде²⁶ и сказала, что хочет побыть у него недолгое время, и она пробыла там около восьми дней; она сказала тогда своему дяде, что нужно, чтоб она пошла в Вокулёр, и дядя проводил ее туда.

Затем она сказала, что когда пришла в означенный город Вокулёр²⁷, она узнала Робера де Бодрикура, хотя прежде никогда его не видела, и она узнала одного Робера через сей голос; сей голос действительно сказал ей, что то был он; и Жанна сказала оному Роберу, что нужно, чтобы она пошла во Францию. Но оный Робер дважды отказывал и прогонял ее, а на третий раз принял ее и дал людей. И еще голос говорил ей, что так оно и случится.

Далее она призналась, что герцог Лотарингский²⁸ послал за ней, чтобы ее к нему привели: она пошла туда и сказала ему, что хочет идти во Францию. Герцог же спросил ее о своем исцелении, но она сказала ему, что ничего о том не знает; и она мало чего рассказала герцогу о своем путешествии. Однако она попросила герцога дать ей его сына²⁹ и людей, чтобы они проводили ее во Францию, и [тогда] она будет молить Бога о его здоровье. Жанна поехала к герцогу под охранной грамотой, а оттуда вернулась в означенный город Вокулёр.

Далее она призналась, что при отъезде из одного города Вокулёра она была в мужском платье, с мечом, каковой дал ей Робер де Бодрикур, и у нее не было другого оружия³⁰. В сопровождении рыцаря, оруженосца и четырех слуг³¹ она доехала до города Сент-Урбэн³² и там провела ночь в аббатстве.

Далее она сказала, что по пути она проехала через город Осер и там отслушала мессу в главной церкви³³; и при ней тогда постоянно были ее голоса, вместе с тем [голосом], о коем она упомянула выше³⁴.

Далее, спрошенная, по чьему совету она взяла мужское платье, она многократно отказывалась ответить. Наконец она сказала, что никого в том не винит; и многократно меняла показания.

Далее, она сказала, что названный Робер де Бодрикур заставил ее провожа-
тых поклясться, что они довезут ее в целости и сохранности. И оный Робер ска-
зал Жанне, когда она покидала его: «Езжай, езжай, и будь, что будет».

Далее, сия Жанна сказала, что хорошо знает, что Бог любит герцога Орле-
анского³⁵ и что откровений о нем ей было даже больше, чем о ком-либо из ныне
здравствующих, за исключением того, кого она зовет своим королем. И она ска-
зала еще, что нужно было, чтобы она сменила свой наряд на мужской. Далее,
она верит также, что ее совет и вправду с ней говорил. Далее она сказала, что
отправила англичанам, стоявшим под Орлеаном, послания, в коих говорилось,
чтобы они оттуда ушли, как сие записано в копии послания, была ей зачитана
в сем городе Руане³⁶, — однако, кроме двух или трех слов, содержащихся в сей
копии; к примеру, там, где в сей копии значится: «сдайте Девице» — надлежит
поставить: «сдайте королю». Там есть также сии слова: «всех до одного» и «вое-
начальник», — коих не было в подлинных посланиях.

Жанна сказала также, что проехала к тому, кого она зовет своим королем,
без помех; и когда она прибыла в город Сен-Катрин де Фьербуа³⁷, то сперва
послала гонца к своему названному королю; затем она пошла в Шато-Шинон³⁸,
где находился ее названный король. Она прибыла туда около полудня и остано-
вилась на постоялом дворе, а после обеда пошла к своему названному королю,
каковой находился в замке.

Далее, она сказала, что когда вошла в палату оного короля, то узнала его
среди прочих по совету своего голоса, каковой открыл ей сие. И она сказала
своему королю, что хочет идти воевать против англичан.

Спрошенная, был ли в тот раз, когда голос показал ей названного короля,
какой-нибудь свет в означенном месте, ответила: «Переходите к другому».

Спрошенная, не увидела ли она какого-либо ангела над своим королем, отве-
тила: «Увольте меня, переходите к другому». Она сказала, что прежде чем король
допустил ее к делу, ему было множество видений и прекрасных откровений.

Спрошенная о видениях и откровениях, кои были ее королю, ответила:
«Я вам сего не скажу. Пока вам нет ответа; но вы пошлите к королю — и он вам
расскажет».

Далее, оная Жанна сказала, что голос пообещал ей, что вскоре после того,
как она прибудет к своему королю, тот ее примет. Жанна говорит еще, что ее
сторонники хорошо знали, что голос был послан ей от Бога, и они видели
и знали сей голос; названная Жанна утверждает, что ей твердо сие известно.
Кроме того, она сказала, что ее король и многие другие слышали и видели го-
лоса, кои приходили к ней, Жанне; и там были Шарль де Бурбон³⁹ и двое или
трое других.

Далее, Жанна сказала, что нет дня, когда бы она не слышала сей голос и что
она очень в том нуждается. Она сказала еще, что никогда не просила у назван-
ного голоса иной конечной награды, кроме спасения своей души.

Затем Жанна призналась, что голос сказал ей оставаться в городе Сен-Дени
во Франции⁴⁰; и она, Жанна, хотела там остаться; но сеньоры увели ее против
воли. И все же, не будь она ранена, не ушла бы оттуда; и она была ранена во
рвах у Парижа, когда прибыла туда, возвращаясь из названного города Сен-
Дени; но через пять дней она выздоровела. Затем она призналась, что приказа-
ла совершить вылазку под городом Парижем⁴¹.

И так как ее спросили, не было ли тогда божьего праздника, она ответила, что думает, что то был праздничный день⁴².

Спрошенная, было ли сие благим поступком, ответила: «Переходите к другому».

Исполнив сие и поскольку для одного дня нам показалось достаточно, мы, означенный епископ, перенесли продолжение дела на ближайшую субботу, на 8 часов утра.

Суббота, 24 февраля 1431 года *Третье заседание*

Далее, в ближайшую субботу, 24 февраля,

Мы, означенный епископ, явились в Руанский замок, в указанную палату, где, согласно закону, названная Жанна предстала пред нами в присутствии многочисленных преподобных отцов, докторов и магистров, а именно: Жилля, аббата Святой Троицы в Фекане (38), Пьера, приора Лонгвилль-Жиффара (103), Жана де Шатийона (21), Эрара Эмангара (41), Жана Бопера (8), Жака де Турена (124), Никола Миди (102), Жана де Ниба (111), Жака Гедона (58), Мориса дю Кенэ (37), Жана Ле Февра (77), Гийома Ле Буше (72), Пьера Удана (62), Пьера Мориса (101), Ричарда Прати (116), Джона Карпентера (20), Жерара Фёйе (47), Дени де Сабревуа (119) — докторов священной теологии; аббатов Никола из Жюмьежа (86), Гийома из монастыря св. Екатерины (24), Гийома из Кормея (10), а также Жана Герэна (57) — докторов канонического права; Рауля Русселя (117), доктора обоих прав; Никола Купкена (26), Уильяма Хейтона (59), Тома де Курселля (27), Жана Ле Мэтра (81), Никола Луазелёра (92), Рауля Ле Соважа (88), Гийома де Бодрибоска (6), Никола Ле Мира (84), Ришара Ле Ганё (78), Жана Дюваля (40), Гийома Ле Мэтра (80) и Гийома Лермита (85) — бакалавров священной теологии; аббата св. Уэна (83), аббата св. Георгия (65), аббата Прео (109), приора Сен-Ло (73) и приора Сажы (120), а также Робера Ле Барбье (71), Дени Гастинеля (53) и Жана Ле Ду (75) — лиценциатов обоих прав; Никола де Вандре (127), Жана Пэншона (114), Жана де Ла Фонтэна (67), Обера Мореля (107), Жана Дюшмэна (33), Жана Коломбеля (23), Лорана дю Бюска (32), Рауля Анги (4), Ришара де Со (31) — лиценциатов канонического права; Андре Маргери (97), Жана Алепе (2), Жоффруа дю Кротэ (35), Жилля Дешана (29), Никола Молэна (100), Пьера Кареля (14), Бюро де Кормея (25) — лиценциатов гражданского права; Робера Морелле (108) и Жана Ле Руа (87) — церковных каноников Руана, и Никола де Фовилля (51).

В их присутствии мы прежде всего потребовали от названной Жанны, чтобы она поклялась просто и безоговорочно отвечать правду о том, о чем ее спросят, не добавляя никаких условий к сей клятве, и к сему мы призывали ее троекратно.

Оная Жанна ответила: «Позвольте мне сказать». И сказала тогда: «Право же, вы можете спросить меня о том, чего я вам не скажу». И она сказала еще: «Может быть, на многие вопросы, кои вы станете мне задавать насчет моих откровений, я не отвечу вам правды, поскольку вы можете, по случаю, вынудить меня сказать

такое, чего я поклялась не говорить, и так я нарушу клятву, чего вам не следовало бы желать». И она прибавила: «Говорю вам, остерегитесь называть себя моим судьей, ибо вы берете на себя тяжкое бремя и слишком обременяете меня». Она сказала еще, что ей кажется достаточным, что она поклялась в суде дважды.

Спрошенная опять, желает ли она принести простую и безоговорочную присягу, ответила: «Вы вполне можете передохнуть. Довольно того, что я поклялась дважды». И она сказала затем, что все духовенство Руана или Парижа не сможет ее осудить, если не имеет на то права⁴³. Затем она сказала, что о своем приходе охотно скажет правду, но не расскажет всего; и для того, чтобы рассказать все, и восьми дней не хватит.

Но мы, означенный епископ, сказали ей, чтобы она посоветовалась с заседателями о том, должна ли присягнуть или нет.

И она вновь ответила, что о своем приходе охотно расскажет правду, но не иначе, и что нам не следует более говорить ей о том.

Вследствие сего мы сказали ей, что она навлечет на себя подозрения, если не пожелает поклясться говорить правду.

Она ответила как прежде.

Мы вновь просили ее принести безусловную и безоговорочную клятву.

Она ответила тогда, что охотно расскажет то, что знает, но, однако, не все. И она сказала затем, что пришла от Бога и ей нечего делать здесь, прося, чтоб ее отправили к Богу, от коего она пришла.

На новое требование и побуждение поклясться под страхом быть признанной виновной в том, в чем ее обвиняют, ответила: «Переходите к другому».

Наконец, мы еще раз попросили ее поклясться и в заключение призвали ее говорить правду о том, что касается сего процесса, говоря ей, что она подвергает себя великой опасности подобным отказом.

Тогда она ответила: «Я готова поклясться говорить правду о том, что смогу, относительно процесса»⁴⁴. Так она и поклялась.

Затем, по нашему приказанию, она была допрошена преславным доктором, вышеупомянутым мэтром Жаном Бопером, каковой первым делом спросил ее, в котором часу она в последний раз принимала пищу и питье.

Она ответила, что со вчерашнего вечера не ела и не пила.

Затем, спрошенная, с которого часа она слышала приходящий к ней голос, ответила: «Я слышала его вчера и сегодня».

Затем, спрошенная, в котором часу вчера она слышала сей голос, ответила, что слышала его трижды в день: один раз утром, другой — к вечерне, а третий — когда звонили к вечерней Ave Maria; и нередко она слышала его чаще, чем говорит.

Спрошенная о том, что она делала вчера утром, когда голос пришел к ней, ответила, что спала и голос разбудил ее.

Спрошенная, разбудил ли ее голос, коснувшись ее рук, ответила, что голос разбудил ее, не прикасаясь к ней.

Спрошенная, находился ли сей голос в камере, ответила, что нет, насколько она знает, но он находился в замке.

Спрошенная, поблагодарила ли она голос и преклонила ли колени, ответила, что поблагодарила сидя на кровати и соединила молитвенно руки, и все сие произошло после того, как она попросила о помощи. Голос сказал Жанне, чтобы она отвечала смело.

Затем, спрошенная, о чем сказал ей голос, когда разбудил ее, она ответила, что сама попросила у голоса совета о том, как ей следует отвечать, говоря голосу, что просит свыше совета от Бога. Голос сказал ей отвечать смело — и Бог ей поможет.

Спрошенная, не говорил ли ей голос каких-нибудь слов, прежде чем она его попросила, ответила, что голос сказал ей несколько слов, но она не все поняла. Однако, как только она совсем проснулась, голос сказал ей, чтобы она отвечала смело.

Затем она обратилась к нам, означенному епископу: «Вы говорите, что вы мой судья; остерегитесь того, что делаете, ибо я поистине послана Богом, и вы сами подвергаете себя великой опасности».

Спрошенная, не менял ли голос порой своего мнения, ответила, что ни разу не ловила его на противоречиях. Также, по ее словам, она сей ночью слышала, что он говорил ей отвечать смело.

Спрошенная, запретил ли ей голос говорить что-либо о том, о чем ее спросят, сказала: «Я не отвечаю вам. У меня есть откровения касательно короля, коих я вам не раскрою».

Спрошенная, запретил ли голос раскрывать ее откровения, ответила: «Мне нет совета на сей счет. Дайте мне отсрочку в 15 дней — и я вам отвечу». И, снова прося отсрочки для ответа, сказала: «Если голос мне запретил сие, что вы скажете?».

Спрошенная еще раз, было ли ей сие запрещено, ответила: «Поверьте, что не люди мне сие запретили». Затем она сказала, что не ответит сегодня и не знает, должна ли отвечать или нет, покуда сие не будет ей открыто⁴⁵. Затем она сказала, что крепко верит, — так же крепко, как верит по-христиански в то, что Бог искупил наши адские муки, — что сей голос исходит от Бога и по его приказанию.

Спрошенная, является ли голос, каковой, по ее словам, приходит к ней, ангелом или он исходит непосредственно от Бога, или же сие есть голос святого или святой, ответила: «Голос исходит от Бога; и я думаю, что не скажу вам полностью того, что знаю, и я гораздо сильнее боюсь лишиться сих голосов, сказав что-нибудь им неугодное, чем не ответить вам. Что же до сего вопроса, то я прошу отсрочки».

Спрошенная, считает ли она, что Богу неугодно, когда говорят правду, ответила: «Голоса сказали мне передать кое-что королю, а не вам». Затем она сказала, что минувшей ночью [голос] поведал ей многое ко благу ее короля: она желала бы названному королю узнать сие, — не пригубить ей вина до Пасхи⁴⁶; у него же самого, по ее словам, оттого улучшился бы аппетит.

Спрошенная, не могла бы она сделать так, чтобы голос пожелал покориться ей и передать послание ее королю, ответила, что не знает, пожелает ли голос покориться, разве что на то будет воля и согласие Божье. Если же сие угодно Богу, сказала она, то Он сам сможет сделать так, чтобы откровения дошли до ее короля. «И я буду тем вполне довольна».

Спрошенная, отчего сей голос не говорит теперь с ее королем, совершенно так же, как он делал, когда Жанна была там, ответила, что не знает, такова ли воля Божья. И она добавила, что не будь на то милости Божьей, она не смогла бы ничего совершить.

Спрошенная, открыл ли ей ее совет, что она сбежит из тюрьмы, ответила: «Я должна говорить о том вам?»⁴⁷. Спрошенная, не высказал ли голос минувшей ночью совета или мнения о том, как ей следует отвечать, ответила, что, если голос и открыл ей сие, то она не совсем поняла.

Спрошенная, не снисходило ли за последние два дня, когда она слышала голоса, какого-либо света, ответила, что от голоса исходит ясность⁴⁸. Спрошенная, не замечала ли она вместе с голосами чего-либо еще, ответила: «Я не скажу вам всего; у меня нет на то дозволения, и моя клятва сего не касается. Голос хорош и достоин, и я не стану отвечать вам на сей вопрос». Затем она попросила дать ей в письменном виде те вопросы, кои сейчас остаются без ответа.

Тогда ее спросили, есть ли у голоса, с коим она советуется, зрение и глаза. Она ответила: «Вы сего пока не узнаете». И сказала, что присказка маленьких детей — что кое-кого повесили за правдивое слово.

Спрошенная, известно ей, пребывает ли она в благодати Божьей, ответила: «Если нет, Бог да сподобит меня, если же пребываю, Бог да сохранит меня в ней»⁴⁹. Я была бы несчастней всех в мире, если б узнала, что не пребываю в благодати Божьей». Она сказала затем, что если бы пребывала во грехе, то думает, что голос не пришел бы к ней; и ей бы хотелось, чтобы каждый слышал его так же хорошо, как она сама. Затем она сказала, что ей было, как она думает, тринадцать лет или около того, когда голос впервые пришел к ней.

Спрошенная, ходила ли она в юности гулять в поле вместе с другими девочками, ответила, что ходила туда несколько раз, но не знает, в каком возрасте.

Спрошенная, держали ли жители Домреми сторону бургиньонов или противную, ответила, что не знала там бургиньонов, кроме одного, и желала б, чтобы ему отрубили голову, если, впрочем, сие угодно Богу.

Спрошенная, были ли жители деревни Максэ⁵⁰ бургиньонами или противниками бургиньонов, ответила, что они были бургиньонами.

Спрошенная, говорили ли голоса в ее юности, чтобы она ненавидела бургиньонов, ответила, что после того как поняла, что голоса были за короля Франции, она не любила бургиньонов. Затем она сказала, что бургиньонам будет война, если они не поступят как должно; и сие ей известно от означенного голоса.

Спрошенная, были ли ей в юности откровения от голоса, что англичане должны прийти во Францию, ответила, что англичане уже были во Франции, когда голоса стали приходить к ней.

Спрошенная, была ли она когда-нибудь с детьми, кои защищали ту же сторону, каковую признавала и она, ответила, что нет, насколько помнит; но видела, что некоторые из деревни Домреми, кто дрался против максейских, порой возвращались крепко побитыми и окровавленными.

Спрошенная, были ли у нее самой в юном возрасте сильная воля и желание преследовать бургиньонов, ответила, что у нее были сильная воля и желание, чтобы король обрел свое королевство.

Спрошенная, хотелось ли ей стать мужчиной, когда пришлось пойти во Францию, сказала, что уже ответила на сие.

Спрошенная, не водила ли она скот на пастбище, сказала, что уже ответила на сие и что после того, как подросла и стала смышленной, обычно не пасла скотину, но помогала отводить ее в поле и, из страха перед солдатами, — в замок, прозванный Иль⁵¹; но не помнит, пасла ли ее в юности или нет.

Затем ее спросили о некоем дереве, кое находится возле ее деревни. Она ответила, что довольно близко от деревни Домреми есть дерево, прозванное Деревом Дам; другие зовут его Деревом фей, и подле него есть источник⁵²; и она слышала, что больные лихорадкой пьют из сего источника⁵³ и приходят к нему за водой для исцеления. И сие она видела сама; но ей не известно, исцелялись ли они или нет. Затем она сказала, что слышала, будто больные, если в силах подняться, ходят к дереву на прогулки. И сие очень большое дерево, бук, откуда берут май, «красный май», как говорят по-французски⁵⁴; по слухам, он принадлежит монсеньеру Пьеру де Бурлемону, рыцарю⁵⁵. Затем она говорила, что несколько раз прогуливалась вместе с другими девочками и плела у дерева цветочные венки для образа Богоматери Домреми. И множество раз она слышала от стариков, не из ее родственников, что там обитали дамы феи. Она слышала от одной женщины из сей деревни, по имени Жанна, жены мэра Обри, каковая ей самой, Жанне, приходилась крестной⁵⁶, что та видела сих дам фей; но сама она не знает, правда сие или нет. Затем она сказала, что никогда не видела названных фей у дерева, насколько ей известно; если же и видела их где-нибудь, то ей о том неведомо. Затем она сказала, что видела, как маленькие девочки вешали гирлянды на ветви дерева, и она сама вместе с другими девочками несколько раз вешала их, а иногда они забирали их с собой, иногда же оставляли там. Затем она сказала, что после того как узнала, что должна идти во Францию, редко участвовала в их играх и прогулках — так редко, как только могла. И не знает, плясала ли она у дерева с тех пор как стала смышленной, хотя вполне могла там танцевать⁵⁷ вместе с детьми, и пела она там чаще, нежели плясала. Затем она сказала, что там есть лес, прозванный Лесом буков, по-французски Буковый лес (Bois Chesnu), каковой виден из дверей ее отчего дома, и он не далее чем в полулье⁵⁸. Она сказала затем, что не знает и никогда не слышала, чтобы дамы феи там обитали; но слышала от своего брата, что в народе говорят, будто она, Жанна, получила свою силу у дерева дам фей. Но она сказала, что того не делала и брату [тоже] говорила противное. Затем она сказала, что когда пришла к королю, кое-кто спрашивал у нее, есть ли в ее краях некий лес, прозванный по-французски Буковым лесом, поскольку существуют пророчества, гласящие, что из окрестностей сего леса должна придти девица, коей предстоит совершить удивительные вещи. Но названная Жанна сказала, что насколько тому не верила⁵⁹.

Спрошенная, хочет ли она иметь женское платье, ответила: «Дайте мне таковое; я надену его и уйду; а иначе я его не возьму. И я довольна своим, раз Богу угодно, чтобы я его носила».

Так, исполнив сие, мы прервали допрос и назначили ближайший вторник, дабы тогда, в тот же час и в том же месте те, кто был призван, явились бы для дальнейшего ведения допроса.

Вторник, 27 февраля 1431 года

Четвертое заседание

Далее, во вторник, 27 февраля,

Мы, означенный епископ, как и в предшествующие дни, явились в названную палату Руанского замка, где прежде мы заседали в трибунале. Присутствовали вместе с нами также и преподобные отцы, доктора и магистры: Жилль, аббат св. Троицы в Фекане (38), Пьер, приор де Лонгвилль (103), Жан Бопер (8), Жак де Турен (124), Никола Миди (102), Пьер Морис (101), Жерар Фёйе (47), Жан де Ниба (111), Жак Гедон (58), Морис дю Кенэ (37), Жан Ле Февр (77), Гийом Ле Буше (72), Пьер Удан (62), Жан де Шатийон (21), Эрар Эмангар (41), Джованни да Фано (45), Дени де Сабревуа (119), Никола Ле Мир (84) и Джон Карпентер (20) — доктора священной теологии; аббаты Никола из Жюмьежа (86), Гийом из монастыря св. Екатерины (24), Гийом из Кормея (10), а также Жан Герэн (57) — доктора канонического права; Рауль Руссель (118), доктор обоих прав; Уильям Хейтон (59), Никола Купкен (26), Гийом де Бодрибоск (6), Ришар де Груше (56), Пьер Минье (105), Тома де Курселль (27), Жан Ле Мэтр (81) и Жан Ле Вотье (90) — бакалавры священной теологии; аббат Прео (109), Гийом Дежардэн (30) — доктора медицины; Робер Ле Барбье (71), Дени Гастинель (53), Жан Ле Ду (75), Никола де Вандре (127), Жан Пэншон (114), Жан Бассе (5), Обер Морель (107), Жан Дюшмэн (33), Жан де Ла Фонтэн (67), Жан Коломбель (23), Жан Брюйо (12), Рауль Анги (4) — лиценциаты канонического права; Жан Алепе (2), Жоффруа дю Кротэ (35), Жилль Дешан (29), Никола Каваль (17), Пьер Карель (14), Никола Молэн (100) — лиценциаты гражданского права; Никола Луазелёр (92) и Робер Морель [Морелле] (108) — каноники Руанской церкви.

В их присутствии мы прежде всего потребовали, чтобы названная Жанна присягнула говорить правду о том, что будет касаться процесса. На что она ответила, что охотно поклянется говорить правду о том, что касается процесса, но не обо всем, что ей известно.

Мы вновь потребовали от нее поклясться говорить правду обо всем, о чем ее спросят.

И она, как и прежде, сказала в ответ: «Вы должны быть довольны, я уже достаточно клялась». Тогда, по нашему приказанию, вышеупомянутый мэтр Жан Бопер приступил к допросу. И прежде всего он спросил ее, каково ей было с прошлой субботы.

И она ответила: «Вы прекрасно знаете, каково мне было. Мне было хорошо, насколько сие возможно».

Спрошенная, постилась ли она в каждый день поста, спросила в ответ: «Сие относится к вашему процессу?». И так как ей сказали, что относится, она ответила: «Да, верно, я всегда постилась во время сего поста».

Спрошенная, слышала ли она приходящий к ней голос после субботы, ответила: «Да, верно, я слышала его многократно».

Спрошенная, слышала ли она его в субботу прямо в сей зале, где ее допрашивали, ответила: «Сие не относится к вашему процессу». И затем сказала, будто слышала его здесь.

Спрошенная о том, что сказал ей голос в субботу, ответила: «Я не совсем понимала голос и не поняла ничего, что могла бы вам повторить, пока не вернулась в свою камеру».

Спрошенная, о чем сказал ей голос в камере, когда она туда возвратилась, ответила: «Он сказал мне, чтобы я смело вам отвечала». И она сказала, что просила у голоса совета о том, что у нее спрашивали. Затем она сказала, что охотно откроет то, на что ей есть дозволение Господа; но что до откровений, касающихся короля Франции, — сего она не скажет без дозволения своего голоса.

Спрошенная, запретил ли ей голос говорить все, ответила, что не очень хорошо его поняла.

Спрошенная, о чем ей сказал голос в прошлый раз, ответила, что просила совета о некоторых вещах, о коих ее спрашивали.

Спрошенная, дал ли ей голос совет по некоторым из них, ответила, что по одним вопросам у нее есть совет, а по некоторым другим ее, конечно, могут допросить, но она не ответит без дозволения. А если б она ответила без дозволения, то, возможно, голоса бы за ее ответ не поручились. Но когда она получит дозволение Господа, то не побоится говорить, ибо у нее будет прекрасный поручитель.

Спрошенная, был ли голос, что говорил с ней, голосом ангела, или сие был голос святого или святой, или же он был непосредственно от самого Бога, ответила, что сие был голос святой Екатерины и святой Маргариты⁶⁰. И их фигуры увенчаны прекрасными коронами, очень богатыми и драгоценными. «На сие, — сказала она, — у меня есть дозволение Господа. Если же вы сомневаетесь в том, пошлите в Пуатье, где меня уже допрашивали»⁶¹.

Спрошенная, откуда она знает, что сие именно те две святые, и хорошо ли она отличает одну от другой, ответила, что хорошо знает, что сие именно они, и прекрасно отличает одну от другой.

Спрошенная, каким образом она их опознает, ответила, что узнает их по приветствию⁶².

Она сказала также, что минуло уже целых семь лет с тех пор, как они взяли ее под свою опеку. И сказала также, что узнает святых, поскольку они называют себя ей.

Спрошенная, одеты ли названные святые одной и той же тканью, ответила: «Сейчас я не скажу вам ничего иного, и мне нет дозволения сие вам открыть. Если вы не верите мне, ступайте в Пуатье».

Она сказала также, что сие — откровения для короля Франции, а не для тех, кто ее допрашивает.

Спрошенная, одного ли возраста сии святые, ответила, что у нее нет дозволения говорить о том.

Спрошенная, говорят ли святые одновременно или по очереди, ответила: «У меня нет дозволения сказать вам сие, но все же совет их обеих всегда со мной»⁶³.

Спрошенная о той меж ними, каковая явилась ей первой, ответила: «Я не так быстро их признала; когда-то я хорошо знала сие, но теперь забыла»⁶⁴; если бы у меня было на то дозволение, я охотно бы вам рассказала; и сие отмечено в регистре Пуатье». Затем она сказала еще, что ей была поддержка от святого Михаила⁶⁵.

Спрошенная, которое из названных явлений пришло к ней первым, ответила, что первым пришел святой Михаил.

Спрошенная, много ли времени утекло с тех пор, как она впервые услышала голос святого Михаила, ответила: «Я не говорю вам о голосе святого Михаила⁶⁶, я говорю о великом подкреплении».

Спрошенная, что сие был за голос, каковой впервые пришел к ней, когда ей было тринадцать лет или около того, ответила, что то был святой Михаил, коего она видела пред своими очами, и он был не один, а, конечно, в окружении ангелов небесных. Она сказала, что пошла во Францию не иначе, как по велению Бога.

Спрошенная, видела ли она святого Михаила и ангелов телесно и в действительности, ответила: «Я видела их своими собственными глазами, так же хорошо, как вижу вас; а когда они покидали меня, я плакала и мне очень хотелось, чтобы они забрали меня с собой».

Спрошенная об облике святого Михаила, ответила: «О том вам нет пока ответа, и мне еще не дозволено сего сказать».

Спрошенная, о чем сказал ей святой Михаил в первый раз, ответила: «Сегодня вы не получите ответа». Затем она сказала, что голоса говорили ей отвечать смело. Затем она сказала, что однажды поведала своему королю обо всем, что было ей открыто, ибо сие его касалось. Она сказала, однако, что у нее пока нет дозволения открыть то, что сказал ей святой Михаил.

Далее она сказала, что ей бы очень хотелось, чтобы у дознавателя была копия той книги, каковая пребывает в Пуатье, если сие угодно Богу.

Спрошенная, запретили ли ей голоса говорить об откровениях без их дозволения, ответила: «О сем я вам пока не отвечу; а о том, на что у меня есть дозволение, отвечу охотно. Но если голоса сие и запретили, я не очень хорошо их поняла».

Спрошенная, какой знак даст она в подтверждение того, что сие откровение нисходит к ней от Бога и что сие святые Екатерина и Маргарита говорят с ней, ответила: «Я уже довольно говорила вам, что то святые Екатерина и Маргарита; верьте мне, если хотите».

Спрошенная, запрещено ли ей рассказать о том, ответила: «Я еще не очень хорошо поняла, запрещено мне сие или нет».

Спрошенная, как она различает, на какие вопросы отвечать, а на какие нет, ответила, что по некоторым вопросам она спрашивала дозволения ответить, и по некоторым вопросам оно у нее было. Затем она сказала, что скорее предпочла бы быть четвертованной, чем прийти во Францию без позволения Бога.

Спрошенная, велел ли он ей надеть мужское платье, ответила: что до платья, то сие все пустяки и мелочи; и она не надевала мужского платья по совету кого-либо из мира сего; и платья сего не надевала и вообще не совершала чего-либо иначе, как по велению Бога и его ангелов.

Спрошенная, кажется ли ей повеление надеть мужской костюм законным, ответила: «Все, что я совершила, я совершила по велению Господа; и если б он повелел мне надеть иное платье, я надела бы его, поскольку сие было бы по велению Бога».

Спрошенная, было ли сие по приказу Робера де Бодрикура, ответила, что нет.

Спрошенная, думает ли она, что хорошо поступила, надев мужское платье, ответила, что, как она думает, во всем, что сделала по велению Господа, поступила хорошо и полагается в том на благую помощь и поручительство [Божье].

Спрошенная, думает ли она, что в сем особом случае, надев мужское платье, она поступила хорошо, ответила, что в нет в мире никаких ее деяний, кои не были бы по велению Бога.

Спрошенная, был ли, когда она видела пришедший к ней голос, некий свет, ответила, что было много света со всех сторон и что так и полагается. Еще она сказала дознавателю, что не весь свет доходил до нее⁶⁷.

Спрошенная, был ли ангел над головой ее короля, когда она увидела его впервые, ответила: «Матерь Божья! Если и был, то я не знаю и не видела его».

Спрошенная, был ли там свет, ответила: «Там было более трехсот рыцарей и пятьдесят факелов, не считая света духовного. И у меня редко бывают откровения, при коих не было бы света».

Спрошенная, как король поверил ее речам, ответила: из-за того, что ему самому были благие знамения⁶⁸, а также из-за клириков.

Спрошенная, какие откровения были ее королю, ответила: «В сем году вы их от меня еще не узнаете». Затем она сказала, что в течение трех недель ее допрашивали клирики, в Шиноне и Пуатье, а ее королю было знамение о ее делах, прежде чем он изволил в них поверить. И клирики из его сторонников были на ее счет того мнения, что, как им казалось, в ней нет ничего, кроме блага.

Спрошенная, бывала ли она в Сен-Катрин-де-Фьербуа, ответила, что да, и там она прослушала три мессы за день; а после отправилась в Шинон.

Также она сказала, что послала своему королю письмо, в коем было указано, что она посылает его, дабы узнать, можно ли ей войти в тот город, где находился ее король, и что она проделала добрых сто пятьдесят лье, чтобы прибыть к нему на помощь, и что у нее есть много добрых вестей для него. И, как ей кажется, в том же письме было указано, что она легко узнает своего короля среди всех прочих. Также она сказала, что у нее был меч, каковой она взяла в Воклуэре. Кроме того, она сказала, что когда была в Туре или в Шиноне, то послала за мечом, находящимся в церкви Сен-Катрин-де-Фьербуа, позади алтаря; и тотчас же его нашли, совершенно заржавевшим⁶⁹.

Спрошенная, откуда она знала, что сей меч — там, ответила, что меч был в земле, заржавевший, с пятью [выгравированными] крестами; и она узнала, что меч там, от своих голосов, и она никогда не видела человека, поехавшего за названным мечом. И она написала тамошним церковникам, [дабы узнать] угодно ли им будет, чтобы она взяла сей меч, — и они ей его отослали. Он был неглубоко под землей позади алтаря, как ей кажется; впрочем, ей не известно, точно ли он был пред алтарем или же позади, но она, как думает, написала тогда, что меч был позади алтаря. Она сказала еще, что тотчас как меч был найден, местные священники его встряхнули, и ржавчина сразу легко осыпалась. И за ним ездил некий оружейник из Тура, и церковники Фьербуа подарили Жанне ножны, а вместе с ними и церковники из Тура; и они приказали изготовить двое ножен: одни из алого бархата, а другие — из золотого сукна. А она велела изготовить себе другие — из крепкой кожи. Она сказала, однако, что когда попала в плен, при ней не было сего меча. Она сказала еще, что носила сей меч долгое время — с тех пор, как обрела, и до того, пока не ушла из Сен-Дени после штурма Парижа.

Спрошенная, какой обряд [освящения] она сотворила или велела сотворить над означенным мечом, ответила, что никогда не творила и не велела творить никаких обрядов, — да она и не знала бы, что надо делать. Затем она сказала, что сильно любила сей меч, потому что он пребывал в церкви святой Екатерины, каковую она очень любила.

Спрошенная, бывала ли она в Куланж-Ла-Винёз⁷⁰, ответила, что не знает.

Спрошенная, возлагала ли она когда-нибудь свой меч на алтарь, ответила, что, насколько знает, нет, — по крайней мере, для того, чтоб он был более удачлив.

Спрошенная, молилась ли она когда-нибудь о том, чтобы сей меч был более удачлив, ответила: «Ясное дело, мне хотелось бы, чтоб мои доспехи приносили удачу».

Спрошенная, был ли с ней ее меч, когда она попала в плен, ответила, что нет, но с ней был меч, взятый [как трофей] у одного бургиньона.

Спрошенная, где же остался меч и в каком городе, ответила, что преподнесла некий меч и доспех в дар аббату Сен-Дени, но то не был сей меч⁷¹.

Также она сказала, что сей меч был у нее в Ланьи, а после Ланьи она носила меч названного бургиньона вплоть до Компьени, поскольку то был добрый боевой меч и годный к тому, чтобы наносить добрые рубящие и колющие удары, по-французски: *для хорошей рубки и сечи*. Но она сказала, что то, где она его оставила, не относится к процессу, и она о том пока не ответит. Затем она сказала, что ее добро, лошади, меч, как она думает, и прочее, стоимостью более 12 тысяч экю, находится у ее братьев⁷². Спрошенная, был ли у нее штандарт или знамя, когда она пошла в Орлеан, и [если да, то] какого цвета, ответила, что у нее был штандарт, поле коего было усеяно лилиями, и на нем была изображена держава⁷³ и два ангела по сторонам; и он был белого цвета, из белого полотна, или букассена, и на нем были написаны имена ИИСУС МАРИЯ, как ей кажется, и он был с шелковой бахромой⁷⁴.

Спрошенная, были ли сии имена ИИСУС МАРИЯ написаны вверху, внизу или сбоку, ответила: сбоку, как ей кажется.

Спрошенная, что бы она предпочла: штандарт или меч, — ответила, что сорок раз предпочла бы штандарт мечу.

Спрошенная, кто велел ей сделать сие изображение на штандарте, ответила: «Я вам уже столько раз твердила, что ничего не делала иначе, как по велению Бога». Она сказала еще, что сама носила означенный штандарт, когда атаковала своих врагов, дабы не убить кого-нибудь, и сказала, что ни разу никого не убила.

Спрошенная, какое войско дал ей ее король, когда допустил ее к делу, ответила, что он дал ей 10 000 или 12 000 человек⁷⁵ и что она пошла сперва на Орлеан, на бастиду Сен-Лу, а затем — на бастиду Моста⁷⁶.

Спрошенная, на какой бастиде она находилась, когда велела отступать своим людям, ответила, что не помнит. Она сказала еще, что из-за посланного ей откровения была уверена, что добьется снятия осады с Орлеана, и так она и сказала своему королю, прежде чем пришла туда⁷⁷. Спрошенная, не говорила ли она своим людям, когда пришлось идти на приступ, что отвлечет на себя стрелы из лука или арбалета или камни орудий или пушек, ответила, что нет; более того, там было сто раненных, и даже больше; но она, правда, сказала своим людям, чтобы они не боялись и что они снимут осаду. Она сказала еще, что при штурме

бастиды Моста была ранена в шею стрелой из лука или арбалета, но ей была великая поддержка от святой Екатерины, и она поправилась через пятнадцать дней, но все равно не прекратила ездить верхом и исполнять свои обязанности.

Спрошенная, знала ли она заранее, что будет ранена, ответила, что хорошо сие знала и говорила о том своему королю, но тем не менее не прекратила исполнять своих обязанностей. И сие было ей открыто голосами двух святых, то есть блаженной Екатериной и блаженной Маргаритой⁷⁸; она сказала далее, что была первой, кто с высоты вала приставил лестницу к бастиде Моста, и когда она поднимала лестницу, она, как и сказала, была ранена в шею означенной стрелой из арбалета.

Спрошенная, почему она не заключила договора с капитаном Жаржо⁷⁹, ответила, что сеньоры из ее сторонников ответили англичанам, что те не получают отсрочки в пятнадцать дней, каковую просили, и чтоб они убились немедленно вместе со своими лошадьми. Она сказала также, что сама говорила людям из Жаржо, чтоб они уходили в своих одеждах и кольчугах, живыми, если им угодно; а иначе их возьмут штурмом.

Спрошенная, поговорила ли она тогда со своим советом, то есть со своими голосами, дабы узнать, следует ли дать им сию отсрочку или нет, ответила, что не помнит.

По исполнении же сего допрос был прерван, и мы назначили грядущий четверг для дальнейшего ведения следствия или допроса.

Четверг, 1 марта 1430 года

Пятое заседание

Далее, в четверг 1 марта,

Мы, названный епископ, явились по обыкновению в палату Руанского замка, и, согласно закону, предстала перед нами названная Жанна, в присутствии преподобных отцов, сеньоров и магистров: Жилля, аббата святой Троицы в Фекане (38), Пьера, приора Лонгвилль-Жиффара (103), Жана де Шатийона (21), Эрара Эмангара (41), Жана Бопера (8), Жака де Турена (124), Никола Миди (102), Дени де Сабревуа (119), Пьера Мориса (101), Жерара Фёйе (47), Мориса дю Кенэ (37), Гийома Ле Буше (72), Пьера Удана (62), Жана де Ниба (111), Жана Ле Февра (77), Жака Гедона (58) — докторов священной теологии; аббатов Никола из Жюмьежа (86), Гийома из монастыря св. Екатерины (24), Гийома из Кормея (10), а также Жана Герена (57) — докторов канонического права; Рауля Русселя (118), доктора обоих прав; аббатов монастырей в Сент-Уэне (83) и Прео (109) и приора Сен-Ло (73), Уильяма Хейтона (59), Никола Купкена (26), Тома де Курселля (27), Гийома де Бодрибоска (6), Жана Пигаши (113), Пьера Минье (105), Ришара де Груше (56), Жана Ле Мэтра (81), Жана Ле Вотье (90) — бакалавров священной теологии; Никола де Вандре (127), Жана Брийо (12), Жана Пэншона (114), Жана Бассе (5), Жана де Ла Фонтэна (67), Рауля Анги (4), Жана Коломбеля (23), Ришара де Со (31), Обера Мореля (107), Жана Дюшмэна (33), Лорана дю Бюска (32), Филиппа Ле Марешаля (82) — лиценциатов канонического права; Дени Гастинеля (53), Жана Ле Ду (75), Робера Ле

Барбье (71) — лиценциатов обоих прав; Андре Маргери (97), Жана Алепе (2), Жилля Дешана (29), Никола Кавая (17), Жоффруа дю Кротэ (35), Пьера Кавэ (18), Никола Молэна (100) — лиценциатов гражданского права; Робера Мореля [Морелле] (108) и Никола Луазеллёра (92) — каноников Руанской церкви.

В присутствии оных мы потребовали и попросили у названной Жанны, чтобы она, просто и безоговорочно, произнесла клятву и присягнула говорить правду о том, что у нее спросят.

Она ответила, что готова поклясться говорить правду обо всем, что сумеет сказать относительно процесса, как и говорила ранее. Далее она сказала, что знает много такого, что не относится к процессу, и о том нет нужды говорить. Затем она снова сказала: «Обо всем, что я знаю, в самом деле относящемся к процессу, я охотно расскажу».

Далее, снова, как и прежде, на требование и просьбу поклясться, ответила: «То, на что я смогу ответить правду, и то, что относится к процессу, я охотно скажу». Так она и поклялась, прикасаясь к священным Евангелиям. Затем она сказала: «О том, что мне известно из относящегося к процессу, я охотно скажу правду; и расскажу вам сие так же, как если бы была пред Римским папой».

Спрошенная, что она скажет о нашем сеньоре папе и каковом [из них] она считает истинным папой, ответила, спрашивая: разве их двое?

Спрошенная, были ли у нее письма от графа д'Арманьяка⁸⁰ с вопросом, какому из трех суверенных понтификов он должен повиноваться, ответила, что оный граф написал ей о том письмо, на кое она ответила, кроме всего прочего, что когда будет в Париже или где-либо еще на отдыхе, то даст ответ. Она собиралась вскочить в седло, когда отвечала ему.

Что же до копий писем означенного графа и сей Жанны, каковые мы велели зачитать присутствующим, то оную Жанну спросили, являлось ли ее ответом то, что содержалось в названной копии. Она ответила, что, кажется, давала такой ответ частично, но не полностью.

Спрошенная, утверждала ли она, будто по совету царя царей знает, что означенному графу надлежит о сем думать, ответила, что ничего о том не знает.

Спрошенная, сомневалась ли она, кому названный граф должен повиноваться, ответила, что не знала, что ему послать [в ответ] о том, кому он должен повиноваться; ибо означенный граф просил узнать, кому велит ему подчиниться Бог. Но что до нее, Жанны, то она считает и верит, что мы должны подчиняться нашему сеньору папе, пребывающему в Риме⁸¹. Она сказала также, что передала графскому посланнику [на словах] кое-что другое, чего нет в данной копии письма; и если б названный посланник тотчас не уехал, он был бы брошен в воду — правда, не самой Жанной. Далее она сказала, что на то, о чем спрашивал граф, а именно: кому Бог велит ему повиноваться, она ответила, что не знает; но она послала ему много того, что не было записано. А что до нее самой — она верит в нашего сеньора папу, пребывающего в Риме.

Спрошенная, почему же она написала, что даст ответ в другой раз, если верит в папу, пребывающего в Риме, ответила, что данный ею ответ был о другом, а не о трех папах.

Спрошенная, говорила ли она, что испросит совета насчет трех суверенных пап, ответила, что никогда не писала и не велела писать о трех суверенных понтификах. И она дала клятву, что никогда не писала и не велела писать о том.

Спрошенная, был ли у нее обычай ставить на своих посланиях имена ИИСУС МАРИЯ с крестом, ответила, что на некоторых она их ставила, а иногда — нет; иногда же она ставила крест в знак того, чтоб тот из ее сторонников, кому она писала, не совершал бы указанного ею.

Содержание посланий, кои названные граф и Жанна писали друг другу, приведено ниже, в статьях судебного обвинителя (статьи XXVII, XXIX. — А.С.).

Далее Жанне прочли послания, кои она сама отправила сеньору нашему королю, монсеньеру герцогу Бедфордскому⁸² и прочим, содержание коих также приложено ниже, в статьях судебного обвинителя (статья XXII. — А.С.).

Затем ее спросили, признает ли она сии послания. Она ответила, что да, кроме трех выражений, а именно: «сдайте Девике», где надлежит поставить «сдайте королю»; во-вторых, сказано «военачальник»; в-третьих, там поставлено «всех до единого», чего не было в тех посланиях, кои она отправила. Она сказала также, что никогда ни один сеньор не диктовал сих посланий, но она сама диктовала их, прежде чем отправить; однако они были показаны некоторым из ее сторонников.

Также она сказала, что не пройдет и семи лет, как англичане утратят залог (gage)⁸³ гораздо больший, чем под Орлеаном, и что они потеряют все во Франции. Она сказала еще, что названные англичане понесут самую большую утрату из тех, что когда-либо переживали во Франции, и будет сие через великую победу, каковую Бог пошлет французам.

Спрошенная, откуда она сие знает, ответила: «Я хорошо знаю сие из откровения, кое мне было, и сие случится до истечения семи лет; и я буду сильно рассержена, если случится такое промедление». Она сказала также, что знает о том из откровения столь же хорошо, как то, что мы сейчас перед ней.

Спрошенная, когда сие произойдет, ответила, что не ведает ни дня, ни часа.

Спрошенная, в каком году сие произойдет, ответила: «Вы того пока не узнаете; но мне бы хотелось, чтоб сие было до дня святого Иоанна».

Спрошенная, говорила ли она, что сие случится до дня святого Мартина Зимнего, ответила, что говорила, будто до святого Мартина Зимнего увидят много чего, и, возможно, то будут поверженные англичане.

Спрошенная, что она говорила Джону Грею, своему стражнику, о сем празднике святого Мартина, ответила: «Я вам сие уже сказала».

Спрошенная, от кого она знает, что сие произойдет, ответила, что от святых Екатерины и Маргариты.

Спрошенная, был ли святой Гавриил вместе со святым Михаилом, когда тот пришел к ней, ответила, что не помнит.

Спрошенная, говорила ли она со святыми Екатериной и Маргаритой с минувшего вторника, ответила, что да, но не знает часа.

Спрошенная, в какой день, ответила: вчера и сегодня, и нет дня, чтобы она их не слышала.

Спрошенная, видит ли она их всегда в том же одеянии, ответила, что они всегда неизменны видом, и их фигуры очень богато увенчаны. О прочих одеждах она не говорит. Также она сказала, что об их платьях ей ничего не известно.

Спрошенная, откуда она знает, мужчина или женщина ее видение, ответила, что хорошо сие знает, и узнала их по голосам, и они сами ей сие открыли; она не ведает ничего, кроме как по откровению и повелению Божию.

Спрошенная, что именно она видит, ответила, что видит их лица.

Спрошенная, есть ли у святых, кои ей являются, волосы, ответила: «Ясное дело» (*C'est bon à savoir*).

Спрошенная, было ли что-нибудь между их коронами и волосами, ответила, что нет.

Спрошенная, были ли их волосы длинными и ниспадающими, ответила: «О том я ничего не знаю». Она сказала также, что не знает, было ли у них что-нибудь вроде рук или других видимых частей тела. Кроме того, она сказала, что они говорили прекрасно и чудно и она очень хорошо их понимала⁸⁴. Спрошенная, как же они могли говорить, если у них не было частей тела, ответила: «Я уповаю в том на Бога». А также она сказала, что голос мягок, красив, смирен и говорит по-французски.

Спрошенная, не говорит ли святая Маргарита по-английски, ответила: «Как же ей говорить по-английски, если она не на стороне англичан?».

Спрошенная, носили ли означенные головы, кроме корон, кольца в ушах или еще где-нибудь, ответила: «Я ничего о том не знаю».

Спрошенная, были ли у нее самой, Жанны, какие-нибудь кольца, ответила, обращаясь к нам, названному епископу: «У вас есть одно такое; верните его мне». Также она сказала, что другое кольцо — у бургиньонов. И она попросила нас, чтобы мы показали ей названное кольцо, если оно у нас.

Спрошенная, кто дал ей кольцо, кое находится у бургиньонов, ответила, что то был ее отец или мать, и ей кажется, что там были написаны имена ИИСУС МАРИЯ; она не знает, кто велел написать их, и на кольце не было камня, как ей кажется. И сие кольцо было ей подарено в Домреми. Также она сказала, что брат подарил ей другое кольцо, кое находится у нас, и она поручает нам принести его в дар церкви. Кроме того, она сказала, что никогда не исцеляла кого бы то ни было ни одним из оных колец.

Спрошенная, говорили ли с ней святые Екатерина и Маргарита под деревом, о коем упоминалось выше, ответила: «Я ничего о том не знаю».

Спрошенная, говорили ли с ней святые у источника, что близ сего дерева, ответила, что да и что она их там слышала. Но того, что они тогда ей говорили, не знает.

Спрошенная, что пообещали ей сии святые, будь то там или где-либо еще, ответила, что они не давали ей никаких обещаний, кроме как с дозволения Божьего.

Спрошенная, какие обещания они ей давали, ответила: «Сие вовсе не касается вашего процесса». И, помимо прочего, они сказали, что ее король будет восстановлен в своем королевстве, угодно то его врагам или нет. Она сказала также, что они пообещали препроводить названную Жанну в рай, и так она их и просила.

Спрошенная, не было ли ей иного обещания, ответила, что ей было некое иное обещание, но она о нем не скажет, и сие не касается процесса. И она сказала, что до истечения трех месяцев скажет о сем ином обещании.

Спрошенная, говорили ли ей голоса, что до истечения трех месяцев она будет освобождена из тюрьмы, ответила: «Сие не касается вашего процесса; и все же я не знаю, когда буду освобождена». И она сказала, что те, кто пожелает исторгнуть ее (*l'ôter*) из мира сего, сами могут уйти раньше.

Спрошенная, не говорил ли ей ее совет, что она освободится из своей нынешней тюрьмы, ответила: «Скажите мне о том через три месяца, и я вам отвечу». Затем она сказала: «Спросите у заседателей под присягой, касается ли сие вашего процесса».

После чего, когда заседатели посовещались и все заявили, что сие касается процесса, она сказала: «Я вам всегда твердила, что всего вы не узнаете. Нужно, чтобы однажды я освободилась. И я хочу, чтобы мне было дозволено сказать вам о том; вот почему я прошу отсрочки».

Спрошенная, запретили ли ей голоса говорить правду, ответила: «Вы хотите, чтобы я сказала вам то, что предназначено королю Франции? Есть много вещей, кои не относятся к процессу». Она сказала еще, что хорошо знает, что ее король получит королевство Французское; она знает сие так же твердо, как то, что мы находимся перед ней.

Она сказала также, что умерла бы, если б не откровение, укрепляющее ее каждый день.

Спрошенная, что она сделала со своей мандрагорой⁸⁵, ответила, что у нее нет и никогда не было мандрагоры; но она слышала, что близ ее деревни растет таковая, но она никогда ни одной не видела. И она сказала еще, что слышала, что то вещь опасная и хранить ее — дурно; впрочем, ей не известно, для чего она служит.

Спрошенная, где именно находится мандрагора, о коей она слышала, ответила, что слышала, будто она находится в земле, неподалеку от дерева, о коем говорилось выше; но точное место ей не известно. Она сказала еще, что слышала, будто над мандрагорой есть куст орешника.

Спрошенная, для чего, как она слышала, служит мандрагора, ответила, что слышала, будто она приносит деньги; но она тому вовсе не верит. И она сказала, что голоса никогда ничего ей о том не говорили.

Спрошенная, что за вид был у святого Михаила, когда он явился ей, ответила, что короны на нем не видела; и об одеждах его ничего не знает.

Спрошенная, был ли он нагой, ответила: «Думаете, Богу не во что его одеть?».

Спрошенная, были ли у него волосы, ответила: «Зачем бы ему их остричь?». Она сказала еще, что не видела блаженного Михаила с тех пор, как покинула замок Кротуа⁸⁶, и она вообще не слишком часто его видит. И, наконец, она сказала, что не знает, есть ли у него волосы.

Спрошенная, были ли у него весы⁸⁷, ответила: «Я ничего о том не знаю». Кроме того, она сказала, что когда видит его, испытывает великую радость и ей кажется, что когда она его видит, она не пребывает в смертном грехе. Затем она сказала, что святые Екатерина и Маргарита охотно ее исповедуют время от времени и поочередно. Затем она сказала, что не ведает, пребывает ли сама в состоянии смертного греха.

Спрошенная, считает ли она, что, исповедуясь, пребывает в смертном грехе, ответила, что не знает, бывала ли в смертном грехе и не думает, что сделала что-нибудь подобное; «и да не будет угодно Богу, чтобы я когда-нибудь в сем грехе пребывала и когда-нибудь делала или совершила такое, что отягчит мою душу».

Спрошенная, что за знак дала она своему королю в подтверждение того, что пришла от Бога, ответила: «Я всегда твердила вам, что вы не вырвете сего из моих уст. Идите, спросите у него».

Спрошенная, поклялась ли она не открывать того, о чем ее спросят касательно процесса, ответила: «Я вам уже говорила, что не скажу того, что может относиться к нашему королю. И о том, что для него, я говорить не стану».

Спрошенная, не ведает ли она знака, каковой дала своему королю, ответила: «Вы не узнаете сего от меня».

Когда же ей сказали, что сие относится к процессу, она ответила: «О том, что я пообещала крепко хранить в тайне, я вам ничего не скажу». И она сказала еще: «Я пообещала сие в таком месте, что не смогла бы вам сказать без клятвопреступления».

Спрошенная, кому она сие пообещала, ответила, что пообещала святым Екатерине и Маргарите, и сие было явлено королю. Затем она сказала, что пообещала сие двум названным святым без их просьбы. И Жанна сделала сие по собственному побуждению, так как многие люди стали бы спрашивать ее о том, не принеси она сего обета оным святым.

Спрошенная, был ли с нею кто-либо другой, кроме короля, когда она явила ему знак, ответила, что, как она думает, там не было других людей, хотя многие находились довольно близко.

Спрошенная, видела ли она корону над головой своего короля, когда явила ему знак, ответила: «Я не могу сказать вам сего без клятвопреступления»⁸⁸.

Спрошенная, была ли у ее короля корона, когда он пребывал в Реймсе, ответила, что, как она думает, ее король охотно надел корону, каковую нашел в Реймсе; но другая, очень богатая, была ему принесена после⁸⁹. И он поступил так, чтобы ускорить дело, по настоянию жителей Реймса, дабы не обременять их постоем военных; а если б он подождал, у него была бы корона в тысячу крат богаче.

Спрошенная, видела ли она сию корону, что побогаче, ответила: «Я не могу сказать вам сего, не преступив клятвы. Если и не видела, то слышала, что она столь богата и роскошна».

Так, исполнив сие, мы закончили [допрос] на тот день и назначили субботу, восемь часов утра для дальнейшего судопроизводства, прося присутствующих быть в том же месте в оный день и час.

Суббота, 3 марта 1431 года

Шестое заседание

Далее, в ближайшую субботу, 3 марта, в вышеозначенном месте предстала перед нами названная Жанна, в присутствии преподобных отцов, сеньоров и магистров: Жилля, аббата Святой Троицы в Фекане (38), Пьера, приора Лонгвилля (103), Жана де Шатийона (21), Эрара Эмангара (41), Жана Бопера (8), Жака де Турена (124), Никола Миди (102), Дени де Сабревуа (119), Никола Лами (68), Гийома Эвраара (45), Пьера Мориса (101), Жерара Фёйе (47), Мориса дю Кенэ (37), Пьера Удана (62), Жана де Ниба (111), Жака Гедона (58) — докторов священной теологии; Гийома, аббата Нотр-Дам де Кормей (10), доктора канонического права; Гийома Дежардэна (30), Жилля Канивэ (13), Ролана Л'Экривена (76) и Гийома де Ла Шамбра (66) — докторов медицины; аббата Сен-Жорж в Прео (109), приора Сен-Ло (73), а также Никола Купкена (26),

Тома де Курселля (27), Гийома Ле Мэтра (80), Гийома де Бодрибоска (6), Жана Пигаша (113), Рауля Ле Соважа (88), Ришара де Груше (56), Пьера Минье (105) — бакалавров священной теологии; Жана Ле Ду (75), лиценциата обоих прав; Жана Дюшмэна (33), Жана Коломбея (23), Рауля Анги (4), Обера Мореля (107) — лиценциатов канонического права; Жоффруа дю Кротэ (35), Бюро де Кормея (25), Никола Молэна (100) — лиценциатов гражданского права; и Никола Луазелёра (92), каноника Руанской церкви.

И в их присутствии мы потребовали от Жанны поклясться говорить правду о том, что ее спросят, просто и безоговорочно.

Она ответила: «Я готова поклясться как прежде». Так она и поклялась, прикоснувшись к святым Евангелиям.

Затем, так как она сказала, что у святого Михаила были крылья, а вместе с тем не говорила ни о телах, ни о телесных членах святых Екатерины и Маргариты, ее спросили, что она желает сказать по сему поводу⁹⁰.

На что она ответила: «Я уже сказала вам то, что знаю, и не отвечу ничего иного». Она сказала также, что видела названного святого Михаила и святых так хорошо, что отлично знает, что они — святые райские.

Спрошенная, видела ли она у них что-либо еще, кроме лица, ответила: «Я сказала вам то, что о сем знаю; но я предпочту, чтобы вы перерезали мне горло, чем расскажу вам все, что знаю». Далее, она сказала, что охотно будет говорить обо всем, что знает и что относится к процессу.

Спрошенная, считает ли она, что у святых Михаила и Гавриила натуральные головы⁹¹, ответила: «Я видела их собственными глазами и верю в то, что сие были они, так же крепко, как в то, что Бог есть».

Спрошенная, думает ли она, что Бог сотворил их таким образом и в такой форме, как она их видит, ответила, что да.

Спрошенная, думает ли она, что Бог изначально создал их таким образом и в такой форме, ответила: «Сейчас вы не узнаете от меня ничего иного, кроме того, что я вам ответила».

Спрошенная, узнала ли она по откровению, что сбежит, ответила: «Сие не касается вашего процесса. Вы хотите, чтоб я говорила против себя?».

Спрошенная, неужели ее голоса ничего ей о том не сказали, ответила: «Сие не для вашего процесса, я полагаюсь в том на Бога. Если бы всё вас касалось, я бы и рассказала вам всё». Она сказала, кроме того, что, мол, честное слово, не знает ни дня, ни часа, когда освободится⁹².

Спрошенная, говорили ли ее голоса о том хоть что-нибудь, ответила: «Да, правда; они сказали мне, что я освобожусь, но я не знаю ни дня, ни часа; [они сказали мне также,] чтобы я смело держалась».

Спрошенная, спросил ли ее король, когда она впервые явилась к нему, о том, по откровению ли она сменила платье, ответила: «Я уже ответила вам; хотя я не помню, спрашивали меня о том или нет. И сие записано в Пуатье».

Спрошенная, помнит ли она, не спрашивали ли ее о смене платья магистры, находящиеся в ином подчинении, кои допрашивали ее ранее — одни в течение месяца, иные — в течение трех недель⁹³, — ответила: «Я не помню; но они спросили меня, где я надела сей мужской наряд; и я сказала им, что надела его в Вокулёре».

Спрошенная, задавали ли ей означенные магистры вопрос о том, надела ли она сей наряд по приказу голосов, ответила: «Не помню».

Спрошенная, не задавала ли вопроса о перемене платья ее королева⁹⁴, когда она впервые нанесла ей визит, ответила: «Не помню».

Спрошенная, требовали когда-нибудь ее король, королева или кто-либо иной из ее сторонников, чтобы она сняла мужской наряд, ответила: «Сие не относится к вашему процессу».

Спрошенная, не требовали ли от нее того в замке Бореуар⁹⁵, ответила: «Да, правда. И я ответила, что не сниму его без дозволения Божьего».

Далее⁹⁶ она сказала, что мадемуазель де Люксембург⁹⁷ и госпожа де Бореуар⁹⁸ предложили ей женское платье или сукно, чтоб его сшить, прося названную Жанну носить такой наряд. И она ответила, что у нее нет дозволения Божьего, и что еще не время⁹⁹.

Спрошенная, предлагал ли ей женское платье мессир Жан де Пресси и прочие в Аррасе¹⁰⁰, ответила, что и он сам, и многие другие многократно просили ее надеть такое платье.

Спрошенная, думает ли она, что совершила бы преступление или смертный грех, надевая женское платье, ответила, что поступает наилучшим образом, повинувшись и служа своему высшему сеньору, то есть Богу. Далее она сказала, что если б ей пришлось надеть женское платье, она скорее сделала бы сие по просьбе двух вышеназванных дам, чем каких-либо иных дам во всей Франции, за исключением ее королев.

Спрошенная: когда Бог открыл ей, что она должна сменить свой наряд на мужской, было ли сие голосом святого Михаила или святой Екатерины, или святой Маргариты, сказала: «Вы не получите сейчас иного ответа».

Спрошенная: когда король допустил ее к делу и она велела изготовить себе штандарт, не приказывали ли прочие воины сделать себе вымпелы наподобие и по образцу ее, Жанны, вымпела, ответила: «Ясное дело, что сеньоры имеют свои гербы». Далее она сказала, что некоторые из ее соратников велели изготовить себе вымпелы по своему вкусу, а иные — нет.

Спрошенная, из какого материала они их заказывали — из холста или шерстяной ткани, ответила, что из белого атласа, и на некоторых были лилии; и в отряде названной Жанны было всего два или три копья, но ее соратники иногда приказывали изготовить вымпелы, похожие на ее, и делали сие только для того, чтоб отличать ее людей от прочих¹⁰¹. Спрошенная, очень ли часто обновлялись названные вымпелы, ответила: «Не знаю. Когда копья ломались, делали новые».

Спрошенная, говорила ли она когда-нибудь, что вымпелы, сделанные наподобие ее собственных, приносили удачу, ответила, что несколько раз говорила своим людям: «Смело вторгайтесь в ряды англичан», — и вторгалась сама¹⁰². Спрошенная, говорила ли она им, чтобы они смело несли сии вымпелы — и им будет удача, ответила, что в самом деле говорила им о том, что уже случилось и что предстоит.

Спрошенная, окропляла она или велела ли окроплять святой водой сии вымпелы, когда их брали в первый раз, ответила: «Я ничего о том не знаю. Если же сие и делалось, то не по моему приказанию».

Спрошенная, не приходилось ли ей хотя бы видеть, как их окропляли святой водой, ответила: «Сие не касается нашего процесса. Если и видела, как сие делают, сейчас не смогу ответить».

Спрошенная, велели ли ее соратники помещать на своих вымпелах имена «Иисус Мария», ответила: «Честное слово, я ничего о том не знаю».

Спрошенная, обносила она или велела ли обносить вокруг алтаря или церкви ткань, чтобы затем сделать из нее вымпелы, ответила, что нет и никогда ничего подобного не видела.

Спрошенная: когда она была под городом Жаржо, что такое она носила позади своего шлема, и не было ли там некоей округлой вещи, ответила: «Честное слово, ничего не было»¹⁰³.

Спрошенная, знавала ли она когда-нибудь брата Ришара¹⁰⁴, ответила «Я не видала его до того, как пришла под город Труа».

Спрошенная, какой прием оказал ей означенный брат Ришар, ответила, что жители Труа, как она думает, послали его к ней, говоря, что сомневаются, правда ли названная Жанна есть нечто, посланное от Бога; когда же оный брат приблизился к ней, то совершил крестное знамение и окропил [сие место] святой водой. Тогда она сказала ему: «Подходите смело, я не улечу».

Спрошенная, видела ли она и заказывала ли образы или портреты самой себя или схожие с нею, ответила, что видела в Аррасе¹⁰⁵ одну картину в руках какого-то шотландца; картина представляла ее в полном вооружении, подносящей грамоты своему королю и преклоненной на одно колено. И она сказала, что никогда не видела и не заказывала другого своего образа или картины.

Спрошенная, была ли в доме ее хозяина в Орлеане¹⁰⁶ картина, на коей были нарисованы три женщины с надписью *Правосудие, мир, единение*, ответила, что ничего о том не знает.

Спрошенная, известно ли ей, чтобы кто-то из ее сторонников заказывал службу, мессу или молебны в ее честь, ответила, что ничего о том не знает; а если они и заказывали какие-то службы, то не по ее велению; с другой стороны, если они молились за нее, то ей не кажется, что они поступали дурно.

Спрошенная, крепко ли ее люди верили, что она послана от Бога, ответила: «Я не знаю, верят ли они сему, и сие — их дело; но если и не верят, я все-таки послана Богом».

Спрошенная, считает ли она, что они имеют благую веру, веря в то, что она послана Богом, ответила: «Если они верят, что я послана Богом, они в том нисколько не обманулись».

Спрошенная, знала ли она мысли своих людей, когда те целовали ей ноги, руки и одежды, ответила, что многие охотно глядели на нее и порой целовали руки, чего она избегала как могла; но бедняки охотно приходили к ней, потому что она не приносила им никакого огорчения, а скорее наоборот, помогала преодолеть [невзгоды]¹⁰⁷.

Спрошенная, какие почести ей оказали жители Труа при ее въезде в город, ответила, что они вовсе не оказывали ей почестей. Кроме того, она сказала, что, как ей кажется, брат Ришар вошел в город Труа вместе с нею и ее людьми; но она не припомнит, видела ли его при въезде¹⁰⁸.

Спрошенная, не произносил ли брат Ришар проповеди по приезду Жанны в названный город, ответила, что оставалась там ненадолго¹⁰⁹ и не ночевала в городе; а о проповеди ей ничего не известно.

Спрошенная, долго ли она пробыла в Реймсе, ответила, что, насколько помнит, она сама и ее люди пробыли там не больше пяти или шести дней¹¹⁰.

Спрошенная, окрестила ли она там в купели некоего ребенка, ответила, что в Труа крестила одного, но не припомнит, крестила ли кого-нибудь в Реймсе или Шато-Тьерри, а в Сен-Дени во Франции она была восприемницей у двух детей. И она охотно давала мальчикам имя Карл, в честь своего короля, а девочкам — Жанна; а иногда она наделяла их именем, угодным матерям.

Спрошенная, не стремились ли жительницы города прикоснуться своими кольцами к кольцу, каковое названная Жанна носила на пальце, ответила: «Многие женщины прикасались к моим рукам и моим кольцам; но я не знаю ни их мыслей, ни их намерений».

Спрошенная, что сие были за люди из ее окружения, кои поймали мотыльков¹¹¹ на ее штандарте, под Шато-Тьерри¹¹², ответила, что никогда с их стороны ничего подобного не было; но все сие выдумали противники.

Спрошенная, что она сделала в Реймсе с перчатками, кои были розданы перед миропомазанием ее короля, ответила, что там была раздача перчаток¹¹³, дабы снабдить ими присутствующих рыцарей и знать; и один из них потерял свои перчатки, но она вовсе не говорила, что отыщет их. Она сказала также, что ее штандарт был в Реймском соборе; и ей кажется, что он был довольно близко к алтарю, когда король был миропомазан, и она сама чуть-чуть его подержала. Но ей не известно, держал ли его там брат Ришар. Спрошенная, часто ли, продвигаясь по стране, она получала таинства святого причастия и покаяния, когда находилась в добрых городах, ответила, что да, время от времени.

Спрошенная, получала ли она названные таинства в мужской одежде, ответила, что да, но не припомнит, чтобы получала их в доспехах.

Спрошенная, зачем она взяла иноходца епископа Санлиского¹¹⁴, ответила, что сей иноходец был куплен за двести салю¹¹⁵. Ей не известно, получил он их или нет; однако есть счет, по коему было уплачено; она даже писала означенному епископу, чтобы тот забрал иноходца, если угодно, и что ей он не нужен, ибо не стоит того.

Спрошенная о возрасте ребенка, коего она оживила в Ланьи¹¹⁶, ответила, что ребенок был трех дней от роду; и его поднесли к образу Богоматери в Ланьи, и Жанне сказали, что юные горожанки пребывали подле сего образа и чтобы она изволила пойти туда и молить Бога и Богоматерь, дабы они даровали ребенку жизнь. Тогда она пошла вместе с другими девушками и молилась, и, наконец, жизнь появилась в ребенке, каковой трижды зевнул и был окрещен. Затем он сразу же умер и был погребен в освященной земле. Как говорили, он уже три дня не подавал признаков жизни и был черен, как туника¹¹⁷ названной Жанны. Но когда он зевнул, краски стали к нему возвращаться. И Жанна была вместе с девушками, молясь коленопреклоненно пред образом Богоматери.

Спрошенная, провозгласили ли по городу, что она сотворила воскрешение и что сие было по ее молитве, ответила, что вовсе о том не справлялась.

Спрошенная, знавала ли она и видала ли Катерину из Ла-Рошели¹¹⁸, ответила, что да, в Жаржо и в Монфоконе¹¹⁹, что в герцогстве Берри.

Спрошенная, показала ли ей оная Катерина некую даму в белых одеждах, о коей говорила, будто та являлась ей несколько раз, ответила, что нет.

Спрошенная о том, что ей сказала сия Катерина, ответила, что оная Катерина сказала ей, будто некая белая дама в золотых одеждах приходила к назван-

ной Катерине, говоря, чтобы она пошла по добрым городам, и что король должен дать ей герольдов и трубачей, дабы те кричали повсюду, чтобы все, у кого есть золото, серебро или потаенный клад, немедленно бы его принесли; и что те, у кого есть сии припрятанные вещи, и они их не принесут, будут легко распознаны названной Катериной, и она легко сумеет найти сии сокровища, и что таким образом она оплатит воинов Жанны. На что Жанна ответила Катерине, чтобы та вернулась к мужу вести хозяйство и кормить детей. И дабы быть уверенной насчет оной Катерины, Жанна поговорила со святой Екатериной или святой Маргаритой, каковые сказали ей: что до Катерины Ла-Рошельской, то все сие — лишь глупости и сущее ничто. И она написала своему королю о том, как ему надлежит поступать по сему поводу¹²⁰, а когда она пришла к нему, то сказала, что дело оной Катерины — глупости и сущее ничто. Тем не менее брату Ришару хотелось, чтобы оную Катерину допустили к делу, и посему оные брат Ришар и Катерина были недовольны Жанной.

Спрошенная, говорила ли она с означенной Катериной о плане похода на Ла-Шарите-сюр-Луар¹²¹, ответила, что означенная Катерина не советовала ей ходить туда и что тогда было слишком холодно; и она сказала Жанне, что ни за что туда не пойдет¹²².

Затем она Жанна сказала Катерине, каковая желала идти к герцогу Бургундскому, дабы заключить мир, что, как ей кажется, мир добудут не иначе, как острием копья. Затем она сказала, что спросила оную Катерину, еженощно ли приходит та белая дама, что является ей, ибо она хотела бы ради того лечь с нею на ночь в одну постель. И действительно, Жанна легла с ней и бодрствовала до полуночи, но ничего не увидела; а после заснула. Когда же наступило утро, она спросила у Катерины, приходила ли к ней она белая дама. Катерина ответила ей, что да, пока Жанна спала, и что она не смогла ее разбудить. Тогда Жанна спросила, придет ли сия дама будущей ночью; и Катерина ответила, что да; Жанна тогда поспала днем, чтобы быть в силах бодрствовать целую ночь напролет. И она легла в ту ночь вместе с названной Катериной и бодрствовала всю ночь; но она ничего не увидела, хотя часто спрашивала названную Катерину, придет ли она дама или нет, и Катерина отвечала: «Да, вот-вот».

Далее Жанна, спрошенная о том, что она делала под городом Ла-Шарите, ответила, что она приказала штурмовать его, но не кропила и не приказывала кропить святой водой.

Спрошенная, почему она не вступила в означенный город Ла-Шарите, коль скоро у нее было на то веление Божье, ответила: «Кто вам сказал, что у меня было на то веление Божье?».

Спрошенная, был ли на то совет ее голоса, ответила, что сама она хотела пойти во Францию¹²³, но воины сказали ей, что прежде будет лучше пойти на город Ла-Шарите.

Спрошенная, долго ли она пробыла в башне Бореуар, ответила, что пребывала там в течение четырех месяцев или около того. И она сказала, что, узнав, что англичане вот-вот придут за ней, была сильно потрясена; и все же голоса часто запрещали ей бросаться с сей башни; но в конце концов, из страха пред англичанами, она сбросилась и поручила себя Богу и Богоматери, и покалечилась; после же того как она прыгнула, голос святой Екатерины сказал ей, чтобы она хорошо держалась и что компьеньцы¹²⁴ получают помощь.

Далее она сказала, что все время молилась вместе со своим советом за ком-пеньецев.

Спрошенная о том, что она сказала после того как прыгнула, ответила, что некоторые говорили, что она мертва, но как только бургиньоны заметили, что она выжила, они рассказали ей о ее прыжке.

Спрошенная, говорила ли она тогда, что скорее предпочтет умереть, чем оказаться в руках англичан, ответила, что сказала, что скорее предпочтет вручить душу Богу, нежели оказаться в руках англичан.

Спрошенная, была ли она тогда потрясена и не хулила ли как-нибудь имени Господнего, ответила, что никогда не хулила святого или святую и что никогда не имела привычки божиться.

Спрошенная насчет Суассона и капитана, сдавшего оный город¹²⁵, и насчет того, богохульствовала ли она, говоря, что будь у нее в руках означенный капитан, она велела бы его четвертовать, ответила, что никогда не бранила святого или святую, и те, кто сказали или передали таковое, неверно поняли.

Так, по исполнении сего, Жанна была отведена в назначенное для ее темницы место. Затем мы, названный епископ, сказали, что, продолжая данный процесс и не прерывая его, мы призовем некоторых докторов и знатоков обоих прав — божественного и человеческого, — кои обобщат то, что подлежит обобщению в показаниях, данных названной Жанной, и ответах, подтвержденных письменно; исследовав и собрав сие, если будут некоторые пункты, по коим покажется должным допросить названную Жанну более подробно, ее допросят некоторые лица, коих мы пошлем, не беспокоя, таким образом, все множество вышеозначенных заседателей; и всё будет составлено в письменном виде, таким образом, чтобы всякий раз, по необходимости, названные доктора и знатоки могли бы обдумать сие и высказать свои суждения и советы. И мы сказали им, чтобы отныне они изучили и обсудили меж собой все, что, как им кажется, должно сделать относительно процесса и того, что они уже уяснили в нем, и что им представится необходимым сделать еще, и чтобы они сообщили о сем нам или тем, кого мы со своей стороны уполномочили или уполномочим, либо же сохранили при себе свое мнение до тех пор, пока не смогут высказать его более обдуманно и взвешенно, в благоприятное время и в надлежащем месте.

Кроме того, мы запретили всем и каждому из заседателей без нашего дозволения покидать город Руан до конца процесса.

Воскресенье, 4 марта

Окончание публичных заседаний

Далее, в следующее за сим воскресенье, 4 марта, и в другие дни — понедельник, вторник, среду, четверг и пятницу,

Мы, означенный епископ, созвав в доме нашего пребывания в Руане многих почтенных докторов, магистров и знатоков божественного и канонического права, повелели собрать все признания и показания, данные названной Жанной согласно закону, а также выделить то, на что, как кажется, она не ответила

Предварительный, или официальный, процесс

достаточно полно и о чем должна быть впоследствии допрошена. Собрав таким образом [онные тексты] и тщательно сделав выдержки, по совету и решению людей сведущих, мы заключили, что следует приступить к дальнейшему допросу оной Жанны. И так как, по причине различных обязанностей, кои возложены на нас, мы не смогли бы по-прежнему лично заниматься сим допросом, мы направили почтенного и достойного мужа, вышеупомянутого мэтра Жана де Ла Фонтэна (67), магистра свободных искусств и лиценциата канонического права, дабы он, согласно закону, допрашивал названную Жанну вместо нас; мы поручили ему сие в пятницу 9 марта, в присутствии вышеупомянутых докторов и магистров: Жана Бопера (8), Жака де Турена (124), Никола Миди (102), Пьера Мориса (101), Тома де Курселля (27), Никола Луазеллёра (92) и Гийома Маншона (95).

Часть 3

ЗАКРЫТЫЕ ЗАСЕДАНИЯ ИНКВИЗИЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

Суббота, 10 марта
Первый допрос в тюрьме

Далее, в следующую за тем субботу, 10 марта,

Мы, названной епископ, явились в камеру в Руанском замке, предназначенную быть тюрьмой оной Жанне, и там, при участии мэтра Жана де Ла Фонтэна (67), нашего уполномоченного, как было указано выше, и почтенных докторов и магистров священной теологии: Никола Миди (102), и Жерара Фёйе (47), в присутствии вызванных для сего свидетелей: адвоката Жана Секара (121) и священника мессира Жана Масьё (98), мы потребовали, чтобы Жанна принесла присягу говорить правду о том, что ее спросят.

Она ответила: «Я обещаю вам, что скажу правду о том, что касается вашего процесса, и чем сильнее вы станете вынуждать меня поклясться, тем дольше я буду медлить с ответом».

Затем Жанна была допрошена мэтром Жаном де Ла Фонтэном (67), особо нами для того уполномоченным, и он просил ее ответить под клятвой, каковую она принесла, откуда именно она выехала, когда в последний раз отправилась в Компьень.

Она ответила, что выехала из Крепи-ан-Валуа¹.

Спрошенная, долго ли она оставалась в Компьени, прежде чем совершить вылазку или «бросок», ответила, что приехала утром, в ранний час, и вступила в город без всякого ведома своих врагов, как она думает, и вечером того же дня предприняла вылазку — по-французски: *бросок* (saillie), в ходе коей и была пленена².

Спрошенная, звонили ли в колокола, когда она выступила, ответила, что если и звонили, то не по ее приказу и без ее ведома; и она о том не помышляла, и она также не припомнит, давала ли распоряжение звонить в колокола.

Спрошенная, совершила ли она сию вылазку по велению своего голоса, ответила, что на прошлой пасхальной неделе, когда она находилась на Меленских укреплениях, ей было сказано голосами, а именно голосами святых Екатерины и Маргариты, что она попадет в плен до наступления дня святого Иоанна, и что так нужно; и чтобы она не приходила от того в ужас, но приняла бы сие, и Бог ей поможет.

Спрошенная, верно ли, что после сего Мелена оные голоса вовсе не говорили ей, что она будет пленена, ответила, что нет, говорили много раз и почти ежедневно. И она просила у своих голосов, чтобы ей, как только она попадет в плен, сразу же умереть, без долгой пытки тюрьмой. И голоса сказали ей, чтобы она приняла все как есть и что так должно быть; но они не сказали ей о часе. И если б она узнала сей час, она бы туда не пошла. Она много раз просила у своих голосов узнать час своего пленения, но они ей о нем не сказали.

Спрошенная, пошла бы она туда, если бы голоса приказали ей выступить из Компьени, дав знак, что она будет пленена, ответила, что если б узнала о часе и о том, что должна попасть в плен, охотно бы вовсе туда не ходила; но однако исполнила бы веление голосов, что бы ей ни предстояло.

Спрошенная, был ли ей голос или откровение выйти и совершить сию вылазку, когда она выступила из Компьени, ответила, что не знала заранее, что будет пленена в тот день, и ей не было иных повелений выступить; но ей постоянно говорилось, что она должна стать пленницей.

Спрошенная, проехала ли она по мосту Компьени, когда совершала вылазку, ответила, что проехала по мосту и по бульвару, двинулась в окружении своих [воинов] на людей монсеньора Жана Люксембургского и оттеснила их дважды до лагеря бургиньонов, а в третий раз — до середины пути. Тогда англичане, кои были там, отрезали путь Жанне и ее людям; и она, отступая, была схвачена в полях со стороны Пикардии, близ означенного бульвара; и посередине, между тем местом, где она была пленена, и Компьенью была река и бульвар со рвом; а больше ничего не было.

Спрошенная, были ли нарисованы на штандарте, каковой она носила, держава и два ангела etc., ответила, что да, и что иного штандарта у нее никогда и не было.

Спрошенная о том, что значило нарисовать там Бога Вседержителя в сопровождении двух ангелов, ответила, что святые Екатерина и Маргарита сказали ей взять штандарт и храбро его носить, и чтобы она велела изобразить на нем Царя Небесного. И она рассказала сие своему королю, хотя и скрепя сердце; а о значении сего ничего иного не знает.

Спрошенная, был ли у нее герб и щиток, ответила, что никогда не было; но ее король даровал герб ее братьям, а именно: лазоревое поле, в коем были две золотые лилии и меч посередине³; и в сем городе она описала сей герб одному художнику⁴, каковой спросил ее, что за герб она носит. Затем она сказала, что сие было даровано королем ее братьям⁵ без ее, Жанны, просьбы и без откровения.

Спрошенная, была ли у нее лошадь, когда она попала в плен, будь то скакун или иноходец⁶, ответила, что была тогда верхом на легком боевом коне.

Спрошенная, кто подарил ей сего коня, ответила, что получала деньги ее короля от него самого или от его людей; и у нее было пять боевых скакунов, купленных на деньги ее короля, не считая рысаков, коих было более семи.

Спрошенная, обладала ли она когда-нибудь иными богатствами своего короля, помимо сих коней, ответила, что не просила у своего короля ничего, кроме доброго оружия, хороших лошадей и денег, дабы платить своей прислуге (*gens de son hôtel*).

Спрошенная, была ли у нее казна, ответила, что у нее было десять или двенадцать тысяч [эку] наличными⁷; но то невеликая казна для того, чтобы вести войну, и даже совсем пустяк; все сие было у ее братьев, как она думает. И, по ее словам, то, что у нее есть, — из личных денег ее короля.

Спрошенная о знаке, каковой она дала своему королю, когда пришла к нему, ответила, что он благ⁸ и достоин почитания и веры, и он благой и самый богатый в мире.

Спрошенная, почему она не хочет сказать, что сие за знак, и явить его, так же, как она желала от Катерины Ла-Рошельской, ответила, что не стала бы спрашивать знака у названной Катерины, если бы он был явлен ей так же, как было с ее, Жанны, знаком, — при знатных священниках и прочих, архиепископах и епископах, а именно, при архиепископе Реймсском⁹ и других, чьих имен она не знает, а также в присутствии Шарля де Бурбона, монсеньора де Ла Тремуя¹⁰, герцога Алансонского¹¹ и многих других рыцарей, кои его видели и поняли столь же хорошо, как и она сама. Однако она и раньше знала от святых Екатерины и Маргариты, что дело названной Катерины — полное ничто.

Спрошенная, существует ли еще названный знак Жанны, ответила: ясное дело, он пребудет тысячу лет и больше. Она сказала также, что оный знак находится в сокровищнице ее короля.

Спрошенная, из золота он или из серебра, драгоценный сие камень или корона, ответила: «Я не скажу вам ничего иного, и ни один человек не сумел бы описать вещь столь богатую, как сей знак; но все же знак, каковой нужен вам, — в том, что Бог освободит меня из ваших рук, и сие самое верное, что он мог бы вам ниспослать». Она также сказала, что когда должна была отправиться к своему королю, ей было сказано голосами: «Иди смело; когда ты окажешься перед королем, ему будет добрый знак принять тебя и поверить тебе».

Спрошенная: когда знак пришел к ее королю, каким образом она выказала ему благоговение и исходил ли он от Бога, ответила, что возблагодарила Бога за то, что он избавил ее от мук, причиняемых ей тамошними клириками, кои выступали против нее; и она многократно преклоняла колени. Она также сказала, что некий ангел от Бога и ни от кого иного, дал знак ее королю, и за то она множество раз поблагодарила Бога. Она сказала также, что клирики перестали обвинять ее, когда получили оный знак.

Спрошенная, видели ли тамошние церковники названный знак, ответила, что, когда ее король и те, кто был подле него, увидели названный знак и самого ангела, каковой дал его, она спросила своего короля, доволен ли он; и он ответил, что да. И тогда она вышла и направилась в некую часовню неподалеку, и она слышала тогда, что после ее ухода более трехсот человек видели названный знак. Она сказала, кроме того, что из любви к ней и дабы люди прекратили

допрашивать ее, Бог попустил, чтобы ее сторонники, видевшие знак, смогли бы его увидеть.

Спрошенная, преклонились ли она и ее король пред ангелом, когда тот принес королю названный знак, ответила, что она поклонилась, преклонила колени и обнажила голову¹².

Понедельник, 12 марта *Второе заседание*

Далее, в следующий за сим понедельник, 12 марта,

Предстал в доме нашего пребывания благочестивый и достойный брат Жан Ле Мэтр (81) из ордена Братьев Проповедников, вышеупомянутый викарий монсеньора инквизитора по делам ереси в королевстве Французском, в присутствии почтенных и достойных сеньоров и магистров Тома Фьевэ (48) и Пакье де Во (126) — докторов [декретов]; Никола де Юбана (63), секретаря апостольской канцелярии; и брата Изамбара де Ла Пьера (70) из ордена Братьев Проповедников.

Оному викарию мы, означенный епископ, сообщили, что недавно, в начале процесса веры, каковой мы учинили против некоей женщины Жанны, прозванной в народе Девицей, мы настаивали и просили, чтобы оный викарий присоединился к данному процессу, предлагая осведомить его об актах, документах и всем прочем, имеющемся у нас и относящемся к делу и процессу. Но означенный викарий затруднился тогда присоединиться к ведению процесса, ибо располагал полномочиями только в пределах города и диоцеза Руана; процесс же проводился нами в силу нашей юрисдикции над Бове, на заимствованной территории. Вот почему, из предосторожности и дабы дело было проведено с большей надежностью, по совету людей сведущих, мы постановили написать монсеньору инквизитору, прося его либо прибыть в сей город Руан лично, либо отрядить для сего дела особого викария, каковой, дабы провести и окончить процесс, имел бы всеобъемлющие полномочия от названного монсеньора инквизитора, как сие подробнее излагалось выше. Когда же монсеньор инквизитор получил наше послание, он, по доброте своей склонившись к нашей просьбе ради чести и прославления истинной веры, отрядил и направил к нам особо, согласно патентным грамотам, снабженным и скрепленным его печатью, содержание коих следует далее, вышеупомянутого брата Жана Ле Мэтра (81), дабы он вел и завершил сие дело. Вот почему мы настоятельно просили брата Жана Ле Мэтра (81) присоединиться к нам в данном процессе, согласно его полномочиям. На что названный брат ответил, что охотно ознакомится с оным поручением, ему посланным, а также с записями процесса, кои заверены подписями нотариусов, и прочими документами, кои нам будет угодно ему предоставить. Увидев и изучив все сие, он даст нам ответ и исполнит свой долг служения святой Инквизиции. Мы сказали ему тогда, что он уже присутствовал при доброй части процесса и мог хорошо слышать ответы Жанны, и что мы согласны и желали бы пригласить его к участию в процесса и показать ему все акты по сему делу, дабы он ознакомился с ними и прочел их.

Следует содержание посланных монсеньором инквизитором верительных грамот, о коих шла речь выше

«Своему дорогому брату во Христе Жану Ле Мэтру (81), из ордена Братьев Проповедников, от брата Жана Граврана (55) из того же ордена, смиренного профессора священной теологии, назначенного апостольской властью инквизитором по делам ереси в королевстве Французском, — привет во начальнике и совершителе веры, Господе Нашем Иисусе Христе.

Так как преподобный отец во Христе, монсеньор епископ Бовеский, написал нам в патентных грамотах о деле некоей женщины по имени Жанна, именуемой в народе Девицей, следующим образом: «Пьер, Божьей милостью епископ Бовеский, преподобному отцу мэтру Жану Граврану»... и так как, в силу обоснованных затруднений, мы сейчас не можем с легкостью отправиться в Руан, то, доверяя вашему усердию и благоразумию во всем, что касается нашего поручения, мы, стало быть, вверили и вверяем вам представленной грамотой дело оной женщины, вплоть до вынесения приговора включительно, в надежде, что вы проведете сие дело справедливо и здраво, ко славе Божьей, к возвеличанию веры и в назидание народу.

В освидетельствование чего к сему была приложена печать, коей мы пользуемся при исполнении обязанностей.

Дано в Кутансе, в год Господень 1431, 4 марта.

Подписано: Ж.Ожье¹³».

В тот же понедельник

Далее, в тот же понедельник, утром,

Мы, означенный епископ, явились в камеру, отведенную под тюрьму Жанне, в Руанском замке, где вместе с нами находились вышеупомянутые почтенные и достойные лица, сеньоры и магистры: Жан де Ла Фонтэн (67) — уполномоченный нами представитель, как было сказано выше, Никола Миди (102) и Жерар Фёйе (47) — доктора священной теологии; присутствующие для того [как вызванные свидетели] Тома Фьевэ (48) и Пакье де Во (126) — доктора канонического права; и Никола Юбан (63), секретарь апостолической канцелярии.

В их присутствии мы потребовали, чтобы названная Жанна поклялась говорить правду о том, что ее спросят.

Она ответила, что «о том, что касается вашего процесса», как она уже говорила прежде, охотно скажет правду. Так она и поклялась.

Затем, допрошенная по нашему приказанию мэтром Жаном де Ла Фонте-ном, и, прежде всего, о том, говорил ли [что-нибудь] вышеупомянутый ангел, принесший знак королю, ответила, что да, и он сказал королю, чтобы тот допустил ее к делу, — и стране тотчас же станет легче.

Спрошенная, был ли ангел, принесший знак ее королю, тем же ангелом, каковой явился ей, Жанне, первым, ответила, что сие всегда один и тот же ангел, и он никогда не оставлял ее¹⁴.

Спрошенная, разве сей ангел, если говорить о везении, не оставил ее, коль скоро она попала в плен, ответила, что раз так было угодно Богу, она верит, что сие к лучшему, — то, что она попала в плен.

Спрошенная, не оставлял ли ее сей ангел в даре благодати, ответила: «Как же ему оставить меня, если он укрепляет меня каждый день?». И она чувствует, по ее словам, что сие подкрепление исходит от святых Екатерины и Маргариты¹⁵.

Спрошенная, призывает ли она сих святых — Екатерину и Маргариту, — или же они приходят без зова, ответила, что часто они приходят без зова, а если они не придут, она тотчас же попросит¹⁶ Бога, чтоб он их ниспослал.

Спрошенная, было ли такое, что означенные святые не являлись, когда она призывала их, ответила, что никогда не случалось такого, чтобы она в них нуждалась, а их не было.

Спрошенная, являлся ли ей когда-нибудь святой Дионисий, ответила, что нет, насколько ей известно.

Спрошенная, обращалась ли она к Богу, когда пообещала ему хранить девственность, ответила, что вполне достаточно было пообещать сие тем, кто был послан самим Богом, а именно, святым Екатерине и Маргарите.

Спрошенная, кто сподвиг ее вызвать на суд в Туль некоего мужчину, по делу о женитьбе, ответила: «Я не вызывала его, но он меня вызвал¹⁷; и там я поклялась пред судьей говорить правду». И наконец она сказала, что не давала сему человеку никаких обещаний. Она также сказала, что когда впервые услышала свой голос, дала обет хранить девственность так долго, как того пожелает Бог; и ей тогда было 13 лет или около того¹⁸. Она сказала также, что голоса заверили ее, что она выиграет процесс в городе Туле.

Спрошенная, говорила ли она о сих видениях, кои, по ее словам, ее посещают, своему кюре или какому-либо другому священнику, ответила, что нет, но лишь Роберу де Бодрикуру и своему королю¹⁹. Она сказала еще, что ее голоса вовсе не вынуждали ее сего таить, но она очень боялась раскрыть сие из страха перед бургиньонами, чтобы они не помешали ее поездке; особенно же она боялась, как бы отец не помешал ей отправиться в путь.

Спрошенная, считает ли она, что поступила хорошо, уйдя без дозволения отца и матери, тогда как должно чтить отца и мать, ответила, что подчинялась отцу и матери во всем, кроме своего ухода; но после того она им уже писала, и они простили ее.

Спрошенная, думала ли она, что грешит, когда покидала отца и мать, ответила, что, поскольку так велел Бог, надо было так поступить. Она сказала, кроме того, что поскольку Бог [так] повелел, имей она даже сто отцов и сто матерей и будь она королевской дочерью, она все равно бы ушла.

Спрошенная, справлялась ли она у голосов о том, следует ли ей рассказать о своем уходе отцу и матери, ответила: что до отца с матерью, то голоса были бы вполне довольны, предупреди она родителей о своем уходе, если б только не угроза кары, коей они подвергли бы ее после сего; что же до нее самой, то она никогда и ни за что не открылась бы им. Она также сказала, что голоса предоставили ей самой решать, говорить о том отцу и матери или же смолчать.

Спрошенная, склонялась ли она пред святым Михаилом и ангелами, когда видела их, ответила, что да; а после их ухода она целовала землю, по коей они ступали.

Спрошенная, долго ли названные ангелы оставались с нею, ответила, что они очень часто пребывают среди христиан, но их не видно; и она часто видела их среди христиан.

Спрошенная, есть ли у нее письма от святого Михаила или от ее голосов, ответила: «Мне нет дозволения сказать вам сие, а через восемь дней я охотно отвечу вам, как сумею».

Спрошенная, не называли ли ее голоса «дщерью Божьей», «дщерью церкви», «великодушной дщерью», ответила, что перед снятием осады с Орлеана и после, ежедневно, когда они говорили с ней, они постоянно называли ее «Жанна Девица, дщерь Божья». Спрошенная, отчего, коль скоро она зовет себя дщерью Божьей, не произнесет она охотно Pater Noster, ответила, что произнесет охотно, а когда отказывалась сие делать, то поступала так с тем, чтобы мы, означенный епископ, выслушали ее на исповеди.

В тот же понедельник после полудня

Далее, в тот же понедельник после полудня,

Явились в место заточения Жанны названные сеньоры и магистры: уполномоченный нами Жан де Ла Фонтэн (67), Никола Миди (102) и Жерар Фёйе (47) — доктора священной теологии; Тома Фьевэ (48) и Пакье де Во (126) — доктора канонического права; и Никола де Юбан (63) — секретарь апостолической канцелярии.

Жанна была допрошена по нашему велению означенным де Ла Фонтэном, и, прежде всего, насчет неких снов, кои, как говорят, были о ней у ее отца, прежде чем она ушла из дома.

Она ответила, что когда еще пребывала в отчем доме, мать много раз говорила ей, что отцу, по его словам, приснилось, будто названная Жанна, его дочь, уйдет вместе с воинами; и отец с матерью очень ревностно блюли ее и держали в строгом повиновении; и она была им послушна во всем, кроме процесса, какой был у нее в Туле, по делу о женитьбе. Она также сказала, что слышала от своей матери, что отец говорил ее братьям: «Поистине, если б я понял, что такое произошло и я так ошибся в своей дочери, я желал бы, чтоб вы утопили ее, а если б вы того не сделали, я утопил бы ее сам». И ее отец и мать чуть не лишились разума, когда она ушла, чтобы отправиться в крепость Вокулёр.

Спрошенная: сии думы и сны посетили ее отца после того, как ей были ее видения? — ответила, что да. Сие было спустя два года, или даже более, после того, как она обрела голоса.

Спрошенная, по побуждению Робера де Бодрикура или по своему собственному надела она мужское платье, ответила, что по ее, Жанны, собственному [желанию], а не по побуждению какой-либо иной живой души.

Спрошенная, приказал ли ей голос надеть мужское платье, ответила: «Все, что я сделала благого, я сделала по приказу моих голосов; что же до платья, то я отвечу в другой раз; сейчас я не сумею сего сделать, но завтра отвечу».

Спрошенная, было ли ей также откровение идти на город Ла-Шарите, ответила, что нет, но она пошла туда по настоянию воинов, как уже говорила.

Спрошенная, было ли ей какое-нибудь откровение идти на Пон-л'Эвек³¹, ответила, что после того, как ей было откровение во рвах у Мелена³² о том, что она попадет в плен, она всё чаще полагалась в военных делах на капитанов, хотя и не говорила им, что имела откровение о том, что будет пленена.

Спрошенная, благой ли был поступок — идти на приступ Парижа в день Рождества Богоматери, коль скоро сие — праздник³³, ответила, что благой поступок — блюсти праздники Богородицы, и ей кажется, по совести, что было бы благом соблюсти праздники Богородицы от начала и до конца.

Спрошенная, не говорила ли она под Парижем: «Сдайте город Иисусу»³⁴, — ответила, что нет, но говорила: «Сдайте его королю Франции».

Среда, 14 марта

Далее, в следующую за сим среду, 14 марта,

Мы, брат Жан Ле Мэтр (81), викарий монсеньора инквизитора, будучи уверены в уме и честности достойного и преподобного отца, мессира Никола Такеля (122), священника Руанского диоцеза, публичного имперского присяжного и нотариуса руанской архиепископской курии, пребывая в полном к нему доверии во Господе, привлекли, избрали и назначили названного Никола нотариусом и судебным секретарем в данном деле, как о том подробнее сообщено в патентной грамоте, скрепленной нашей печатью, с подписями публичных нотариусов. И на следующий же день в тюрьме названной Жанны, к коей мы тогда явились, в присутствии магистров Жана де Ла Фонтэна (67), Никола Миди (102), Жерара Фёйе (47), Гийома Маншона (95) и многих других, мессир Никола принес нам присягу о том, что будет неукоснительно исполнять свои обязанности, как мы от него потребовали.

Далее следует содержание названной грамоты об утверждении нотариуса

«Всем, кто узрит данную грамоту, — от брата Жана Ле Мэтра (81) из ордена Братьев Проповедников ... (см. на с. 75 исходный формуляр грамоты). С полным доверием во Господе к честности, уму, способностям и пригодности достойного человека, мессира Никола Такеля, священника Руанского диоцеза, публичного имперского присяжного и руанской архиепископской курии нотариуса, мы поставили, избрали и назначили мессира Никола Такеля, присяжного названного монсеньора инквизитора и нашего, и мы ставим, избираем и назначаем его нотариусом и судебным секретарем на сем процессе и в сем деле. Мы даем ему дозволение, возможность и власть являться к названной Жанне и куда бы то ни было всякий раз, когда в том будет нужда, допрашивать ее или выслушивать допросы, подводить к присяге и опрашивать свидетелей,

Далее следует содержание грамот монсеньора викария об утверждении судебного делопроизводителя

«Всем, кто узрит данную грамоту, от брата Жана Ле Мэтра (81) из ордена Братьев Проповедников, главного викария преподобного отца, сеньора и магистра Жана Гаврана из того же ордена, преславного магистра священной теологии, назначенного апостольской властью инквизитором по делам ереси в королевстве Французском, — привет во начальнике и совершителе веры, Господе Нашем Иисусе Христе.

Преподобный отец во Христе, сеньор Пьер, милостью Божьей епископ Бовеский, ординарный судья в сих краях, на территории города и диоцеза Руана, в своих патентных грамотах просил, требовал и призывал во благо веры чтобы преподобный отец, сеньор инквизитор прибыл в оный город Руан, если сие его не затруднит, либо же соблаговолил передать свои полномочия нам или иному пригодному для того лицу, дабы рассмотреть вместе с названным преподобным отцом, сеньором епископом Бовеским, дело некоей женщины, именуемой в народе Жанной Девицей, уже вызванной в суд означенным сеньором епископом и арестованной. Преподобный отец и сеньор инквизитор, не имея никакой возможности прибыть в данный город Руан, передал нам посредством своих грамот полномочия в сем деле, как то явствует, вместе с прочим, из грамот оного сеньора инквизитора, подкрепляющих собой просьбу и ходатайство монсеньора епископа, равно как и наше назначение; кои грамоты, дающие нам поручение, датированы 4 марта года Господня 1431 и отмечены печатью монсеньора инквизитора и собственноручной подписью преподобного отца, мессира Никола Ожье, — священника и публичного нотариуса.

Стремясь и смиренно желая исполнить, как и обязаны, по мере всех наших сил, к чести Божьей и возвеличиванию истинной веры, поручение оного монсеньора инквизитора, заручившись мнениями и советами названного монсеньора епископа и многих других знатоков как священной теологии, так и канонического и гражданского права, мы постановили, что дабы привести к завершению сие дело, нам следует избрать и назначить должностного представителя святой Инквизиции, а также нотариусов и судебного пристава, благорасположенных и именитых. Вследствие чего, властью апостольской и названного преподобного отца и сеньора инквизитора, от коего мы получили инвеституру²¹ в сем деле, пребывая в полном доверии во Господе и будучи полностью осведомлены относительно порядочности, ума, способностей и пригодности почтенного и достойного мужа, мессира Жана д'Эстиве (43), священника, каноника церковью Байё и Бове, каковой представляет там названного монсеньора епископа, мы поставили, сделали, назначили, определили и отрядили, ставим, делаем, назначаем, определяем и отряжаем названного мессира Жана [на должность] главного и особого делопроизводителя или обвинителя, дабы вести сие дело, данной грамотой даруя оному делопроизводителю и главному обвинителю дозволение, возможность и власть преследовать Жанну в судебном порядке, противостоять ей судебным и внесудебным путями²², участвовать в допросах, а также давать, отменять, предоставлять, составлять и предъявлять статьи,

записи допросов, свидетельства, грамоты, улики и прочие виды доказательств, обвинять и изобличать названную Жанну, просить, добиваться и требовать, чтобы она была испытана и допрошена, выносить заключения по сему делу и создавать, разрабатывать и исполнять всякий акт, каковой по праву и обычаю можно отнести к обязанностям судебного делопроизводителя или обвинителя, а также следить за его надлежащим исполнением. Вот почему всем и каждому, кого сие касается, мы повелеваем повиноваться, подчиняться и внимать названному мэтру Жану при исполнении им сих обязанностей; пусть они предоставят ему свою поддержку, равно как совет и помощь. В освидетельствование чего мы приложили к данной грамоте нашу печать.

Составлено и записано в Руане, в год Господень 1431, во вторник 13 марта.
Подписано: Буагийом (22), Маншон (95)».

Далее следует также содержание грамот, коими названный викарий монсеньора инквизитора утверждает мессира Жана Массье (98), священника, на должность судебного пристава в данном деле

«Всем, кто узрит данную грамоту, от брата Жана Ле Мэтра (81) из ордена Братьев Проповедников... (см. на с. 75 исходный формуляр грамоты). Мы, будучи осведомлены и пребывая в полном доверии во Господе относительно порядочности, ума, способностей и пригодности достойного лица, мессира Жана Массье, священника, старосты христианской общины Руана, [уже] уполномоченного быть исполнителем при монсеньоре епископе, сделали, поставили, избрали и назначили названного мессира Жана нашим судебным приставом в данном деле, и настоящей грамотой даровали и даруем ему соответствующие полномочия. В освидетельствование чего мы приложили к данной грамоте нашу печать.

Дано и писано в Руане, в год Господень 1431, во вторник 13 марта.

Подписано: Буагийом (22), Маншон (95)».

Исполнив сие в означенном месте, как было представлено выше, мы, епископ, и брат Жан Ле Мэтр (81), викарий инквизитора, продолжили, по общему согласию, допрос названной Жанны, начатый ранее.

И прежде всего, по нашему указанию, Жанну спросили, какой знак дала она своему королю.

На что она ответила: «Неужто вы будете довольны, если я преступлю клятву?».

Спрошенная также²³, поклялась ли она и обещала ли святой Екатерине не открывать сего знака, ответила: «Я пообещала и поклялась не открывать сего знака и сделала сие сама, потому что меня слишком вынуждали о том рассказать». И она сама тогда пообещала, что более ни с кем о том не заговорит. Она сказала также, что знак был в том, что ангел подтвердил сие (т.е. божественность ее миссии. — А. С.) ее королю, поднося ему корону и говоря, что он завладеет полностью всем королевством Французским с помощью Божьей и трудами Жанны, и пусть он допустит Жанну к делу, то есть даст ей воинов, а иначе он не будет так скоро коронован и миропомазан.

Спрошенная, говорила ли она со святой Екатериной со вчерашнего дня, ответила, что со вчерашнего дня слышала ее; и она святая многократно говорила ей, Жанне, чтобы она смело отвечала судьям о том, что они спросят ее касательно процесса.

Спрошенная, каким образом ангел принес корону и возложил ли он ее на голову короля, ответила, что корона была вручена одному архиепископу, а именно, как ей кажется, архиепископу Реймскому, в присутствии ее короля; архиепископ принял ее и вручил королю; и Жанна [при том] присутствовала. И сия корона была помещена в сокровищницу ее короля.

Спрошенная, куда была принесена корона, ответила, что сие было в покоях ее короля, в Шинонском замке.

Спрошенная о дне и часе, ответила, что о дне ничего не знает; что же до часа, то час был ранний (*haute heure*); а более точно она не помнит. И было сие в месяце апреле или марте, как ей кажется. И она сказала, что в будущем апреле месяце или нынешнем марте с тех пор минет два года и что было сие после Пасхи.

Спрошенная, видел ли ее король сей знак в тот же день, что и она, ответила, что да и что ему самому был сей знак.

Спрошенная, из какого материала была названная корона, ответила, что, ясное дело, она была из чистого золота; и то была корона столь богатая и роскошная, что ей не сосчитать и не оценить тех сокровищ, кои находятся на ней; и сия корона означала, что ее король будет обладать королевством Французским.

Спрошенная, были ли на ней драгоценные камни, ответила: «Я уже сказала вам то, что знаю».

Спрошенная, держала ли она и целовала ли сию корону, ответила, что нет²⁴.

Спрошенная, снизошел ли ангел, принесший корону, свыше или он пришел по земле²⁵, ответила, что когда ангел предстал пред ее королем, то склонился пред ним, произнося слова о знаке, кои она, Жанна, сказала выше. И вместе с сим ангел напомнил оному королю о благотерпении, кое он выказал среди великих потрясений, выпавших на его долю. И, направляясь от двери к названному королю, ангел шел и ступал по земле.

Спрошенная, каково было расстояние от двери до места, где находился тогда ее король, ответила, что, как она думает, то было расстояние, равное длине копья; и названный ангел удалился оттуда тем же путем, что и пришел. Она также сказала, что когда ангел пришел, она проводила его и прошла с ним по ступеням в комнату короля; и ангел вошел первым, а после — она сама, Жанна; и она, Жанна, сказала своему королю: «Сир, вот ваш знак; примите его».

Спрошенная о месте, где ангел явился ей, Жанне, ответила: «Я почти все время пребывала в молитве, чтобы Бог ниспослал королевский знак, и я была у себя, в доме одной доброй женщины, близ Шинонского замка, когда пришел ангел; и после он и я вместе пошли к королю; и ангел был в окружении других ангелов, бывших с ним, коих не всякий видел. И она сказала, кроме того, что если б сие не было из любви к оной Жанне и чтобы избавить ее от мук, причиняемых людьми, кои ей перечили, она уверена, что некоторые особы, видевшие одного ангела, не увидели бы его.

Спрошенная, все ли из тех, кто был тогда там с ее королем, видели названного ангела, ответила, что, как она думает, архиепископ Реймский, сеньоры

д'Алансон и де Ла Тремуй, и Шарль де Бурбон его видели. Что же до короны, то многие церковники и прочие, не видевшие ангела, видели ее²⁶.

Спрошенная, какого сложения и роста был названный ангел, ответила, что ей нет дозволения что-либо о том говорить и что она ответит завтра.

Спрошенная, были ли все ангелы, сопровождавшие названного ангела, одинаковы на вид, ответила, что некоторые из них вполне походили друг на друга, а иные — нет; по крайней мере, она видела их таковыми; и у некоторых из них были крылья, а иные были еще и увенчаны; и меж ними находились святые Екатерина и Маргарита, кои сопровождали названного ангела и других ангелов до самых покоев ее короля.

Спрошенная, каким образом названный ангел покинул ее, ответила, что он покинул ее в маленькой часовне; и она была сильно потрясена его уходом; она плакала и охотно ушла бы вместе с ним, то есть ушла бы ее душа²⁷.

Спрошенная, осталась ли она в радости при сем уходе ангела²⁸, ответила, что он вовсе не поверг ее в ужас и не испугал, но она была потрясена его уходом.

Спрошенная, за ее ли собственные заслуги ниспослал Бог своего ангела, ответила, что ангел пришел ради великого дела; и было сие в надежде, что ее король уверует в знак и чтобы перестали выступать против оной Жанны, и чтобы послать подмогу добрым жителям Орлеана, а еще за заслуги ее короля и доброго герцога Орлеанского.

Спрошенная, почему сие было именно ей — ей, более, чем любой другой, ответила, что Богу было угодно действовать так, через простую девицу²⁹, чтобы прогнать противников короля.

Спрошенная, было ли ей сказано, где названный ангел взял корону, ответила, что корона была принесена от Бога, и что нет в мире ювелира, каковой сумел бы сделать ее такой прекрасной и богатой; в том же, откуда ангел взял сию корону, Жанна полагается на Бога, а иначе никак не знает, откуда она взялась.

Спрошенная, источал ли сей венец благоухание и сверкал ли он³⁰, ответила, что не помнит и что поразмыслит над тем. Но затем сказала, что он благоухает и будет благоухать, если его станут крепко охранять, как и подобает; и он был в виде короны.

Спрошенная, писал ли ей ангел письма, ответила, что нет.

Спрошенная, какой знак был ее королю, а также тем, кто пребывал с ним, и ей самой, чтобы они поверили, будто тот, кто принес сию корону — ангел, ответила, что ее король уверовал в него по разъяснению и подсказке бывших там церковников и благодаря знаку короны.

Спрошенная, как церковники узнали, что то был ангел, ответила, что узнали сие благодаря своей учености и потому что были клириками.

Спрошенная о некоем священнике-прелюбодее и некой потерянной чаше, коих, по слухам, она обнаружила, ответила, что ничего о том не знает и никогда ничего о том не слышала.

Спрошенная: когда она пошла на Париж, сделала ли она сие по откровению своих голосов, ответила, что нет, но пошла туда по настоянию знатных господ, кои желали предпринять вылазку или боевое наступление, ее же намерением было идти дальше и преодолеть парижские укрепления.

Спрошенная, было ли ей также откровение идти на город Ла-Шарите, ответила, что нет, но она пошла туда по настоянию воинов, как уже говорила.

Спрошенная, было ли ей какое-нибудь откровение идти на Пон-л'Эвек³¹, ответила, что после того, как ей было откровение во рвах у Мелена³² о том, что она попадет в плен, она всё чаще полагалась в военных делах на капитанов, хотя и не говорила им, что имела откровение о том, что будет пленена.

Спрошенная, благой ли был поступок — идти на приступ Парижа в день Рождества Богородицы, коль скоро сие — праздник³³, ответила, что благой поступок — блюсти праздники Богородицы, и ей кажется, по совести, что было бы благом соблюсти праздники Богородицы от начала и до конца.

Спрошенная, не говорила ли она под Парижем: «Сдайте город Иисусу»³⁴, — ответила, что нет, но говорила: «Сдайте его королю Франции».

Среда, 14 марта

Далее, в следующую за сим среду, 14 марта,

Мы, брат Жан Ле Мэтр (81), викарий монсеньора инквизитора, будучи уверены в уме и честности достойного и преподобного отца, мессира Никола Такеля (122), священника Руанского диоцеза, публичного имперского присяжного и нотариуса руанской архиепископской курии, пребывая в полном к нему доверии во Господе, привлекли, избрали и назначили названного Никола нотариусом и судебным секретарем в данном деле, как о том подробнее сообщено в патентной грамоте, скрепленной нашей печатью, с подписями публичных нотариусов. И на следующий же день в тюрьме названной Жанны, к коей мы тогда явились, в присутствии магистров Жана де Ла Фонтэна (67), Никола Миди (102), Жерара Фёйе (47), Гийома Маншона (95) и многих других, мессир Никола принес нам присягу о том, что будет неукоснительно исполнять свои обязанности, как мы от него потребовали.

Далее следует содержание названной грамоты об утверждении нотариуса

«Всем, кто узрит данную грамоту, — от брата Жана Ле Мэтра (81) из ордена Братьев Проповедников ... (см. на с. 75 исходный формуляр грамоты). С полным доверием во Господе к честности, уму, способностям и пригодности достойного человека, мессира Никола Такеля, священника Руанского диоцеза, публичного имперского присяжного и руанской архиепископской курии нотариуса, мы поставили, избрали и назначили мессира Никола Такеля, присяжного названного монсеньора инквизитора и нашего, и мы ставим, избираем и назначаем его нотариусом и судебным секретарем на сем процессе и в сем деле. Мы даем ему дозволение, возможность и власть являться к названной Жанне и куда бы то ни было всякий раз, когда в том будет нужда, допрашивать ее или выслушивать допросы, подводить к присяге и опрашивать свидетелей,

вызванных по сему делу, выслушивать речи и признания названной Жанны, равно как суждения докторов и магистров, и передавать их нам устно либо письменно, а также записывать всякое постановление из тех, что были или будут в сем деле, привести весь процесс в надлежащий вид, оформить его письменно и осуществлять все, что по праву относится к обязанностям нотариуса, во всех случаях, когда сие будет уместно.

Дано и составлено в Руане, в год Господень 1431, 14 марта.

Подписано: Буагийом (22). Г. Маншон (95)».

Далее, в тот же день

Под председательством мэтра Жана де Ла Фонтэна (67), уполномоченного нами, означенным епископом, и под нашим, брата Жана Ле Мэтра (81) [председательством], в месте заточения названной Жанны в Руанском замке, в присутствии и при содействии преподобных и достойных лиц, сеньоров и магистров: Никола Миди (102) и Жерара Фёйе (47) — докторов теологии, а также Никола де Юбана (63), секретаря апостолической канцелярии, и брата Изамбара де Ла Пьера (70) — свидетелей, — оная Жанна была допрошена.

И прежде всего, [мы спросили ее] о причине того, что она спрыгнула с башни Боревуар.

Она ответила, что слышала, будто все жители Компьени, начиная с тех, кто достиг семи лет, будут преданы огню и мечу, а она скорее предпочла бы умереть, чем жить после такого истребления добрых людей, и сие была одна из причин ее прыжка. Другая же была в том, что она узнала, что ее продали англичанам, а она предпочла бы лучше умереть, чем попасть в руки к англичанам, ее противникам.

Спрошенная, был ли сей прыжок совершен по совету ее голосов, ответила, что святая Екатерина почти каждый день говорила, чтобы она ни в коем случае не прыгала и что Бог поможет и ей, и жителям Компьени. Жанна сказала святой Екатерине: раз Бог поможет компьенцам, она хочет там быть³⁵. Тогда святая Екатерина сказала ей: «Непременно нужно, чтобы вы сие приняли; и вы не будете освобождены до тех пор, пока не увидите короля Англии». И названная Жанна ответила: «Поистине, я не хотела бы его увидеть; и я предпочла бы лучше умереть, чем попасть в руки англичан».

Спрошенная, говорила ли она святым Екатерине и Маргарите слова такого рода: «Попустит ли Бог, чтоб столь страшно погибли сии добрые компьенцы?», ответила, что не произносила слов «столь страшно», но сказала им в таком роде: «Как Бог попустит, чтобы погибли сии добрые компьенцы, кои были и остаются столь верными своему сеньору?». Она также сказала, что после того как упала с означенной башни, было так, что два или три дня она не хотела есть и была в таком изнеможении от сего прыжка, что даже не могла ни есть, ни пить; и все-таки она была утешена святой Екатериной, каковая сказала ей, чтоб она исповедалась и попросила прощения у Бога за то, что спрыгнула; и что компьенцы, несомненно, получают подмогу до наступления [дня] Святого Мартина Зимнего. Тогда она пошла на поправку и начала есть, и вскоре выздоровела.

Спрошенная, думала ли она убить себя, когда спрыгнула, ответила, что нет; но, прыгая, поручила себя Богу. И посредством сего прыжка она думала избежать того, чтоб быть переданной англичанам.

Спрошенная, хулила ли она Бога и его святых, когда к ней вновь вернулась речь, о чем, как ей сказали, имелись сведения, ответила, что не припомнит, что-бы когда-либо хулила или бранила Бога и святых там или где-нибудь еще³⁶.

Спрошенная, желает ли она положиться в том на сведения, кои были или будут получены, ответила: «Я полагаюсь на Бога и ни на кого иного, и на добрую исповедь».

Спрошенная, просили ли у нее голоса отсрочки, чтобы затем ответить, сказала, что святая Екатерина порой отвечала ей, а Жанна не могла [ее] понять из-за тюремной суматохи и шума, производимого стражниками³⁷. И когда она обращается к святой Екатерине, то святая Екатерина и святая Маргарита просят Бога и затем, по велению Божьему, дают ответ названной Жанне.

Спрошенная: когда святые приходят к ней, бывает ли с ними свет, и разве не видела она никакого света в тот раз, когда слышала голос в замке, не зная, пребывает ли он в ее комнате, ответила, что нет дня, когда б они не приходили [к ней] в сем замке, и они не приходят без света. А что до того раза, о коем ее спрашивают, она не припомнит, видела ли она тогда свет и даже видела ли святую Екатерину. Она сказала также, что попросила у своих голосов три вещи: одной было ее освобождение, второй — чтобы Бог помог французам и хранил верные им города; а третьей было спасение ее души. Она также попросила, чтобы в случае, если ее доставят в Париж, у нее были копии ее допросов и ответов, дабы она дала их тем, кто будет в Париже, и могла бы им сказать: «Вот как меня допрашивали в Руане и вот мои ответы»; и пусть ее не мучают более столькими вопросами.

Затем, поскольку она сказала, что мы, названный епископ, подвергаем себя большой опасности, учиняя над ней данный процесс, ее спросили, в чем дело и какой опасности или угрозе подвергаемся как мы сами, так и прочие.

Она сказала, что ответила нам, означенному епископу следующее: «Вы говорите, что вы мой судья; я не знаю, так ли; но подумайте хорошенько, не судите ли вы дурно, ибо вы подвергнете себя большой опасности. И я предупреждаю вас затем, чтобы исполнить свой долг и сказать вам сие, коль скоро [мне известно, что] Бог вас за то покарает».

Спрошенная, какова сия угроза или опасность, ответила, что святая Екатерина сказала ей, будто она получит подмогу; и она не знает, будет ли то избавлением от тюрьмы или, когда она будет уже под приговором, наступит некое смятение (trouble), благодаря коему она сможет освободиться. И она верит, что свершится одно либо другое³⁸. А чаще всего голоса говорили ей, что она освободится благодаря некой великой победе, и затем голоса говорят ей: «Прими все сие, не тревожься о своем мученичестве; ты войдешь наконец в царство рая». И голоса сказали ей о том просто и безоговорочно, и, стало быть, сие несомненно³⁹. И она зовет сие мученичеством из-за горя и вражды, кои терпит в тюрьме; и она не знает, претерпит ли более великую муку, но уповает в том на Бога.

Спрошенная, уверена ли она с тех пор, как голоса сказали ей, будто в конце концов она попадет в рай, что спасена и не будет помещена в ад, ответила, что крепко верит в то, что сказали ей ее голоса, а именно, что она спасется, — так же крепко, как если бы уже спаслась⁴⁰.

Спрошенная, верит ли она после сего откровения, что отныне не может совершить смертного греха, ответила: «Я ничего о том не знаю, но во всем полагаюсь на Бога».

И поскольку ей сказали, что сие — очень весомый ответ, она ответила, что тоже почитает его за большое сокровище.

В тот же день, в среду после полудня

Далее, в среду после полудня,

Предстали в означенном месте почтенные и достойные особы, сеньоры и магистры: Жан де Ла Фонтэн (67), уполномоченный нами, названным епископом, и мы, Жан Ле Мэтр (81), викарий монсеньора инквизитора; при участии Никола Миди (102) и Жерара Фёйе (47) — докторов теологии; в присутствии для того [вызванных свидетелей] брата Изамбара де Ла Пьера (70) и Жана Маншона (96).

Прежде всего, по предыдущей статье допроса о своей уверенности в спасении, о чем ее допрашивали утром, Жанна сказала, что под своими словами подразумевает сие: [она спасется.] если только сдержит слово и клятву, данную Богу, то есть крепко хранить невинность — как тела, так и души.

Спрошенная, зачем ей исповедоваться, раз, по откровению голосов, она спасется, ответила, что не знает, согрешила ли она смертно; но думает, что, если бы пребывала в смертном грехе, то святые Екатерина и Маргарита тотчас бы ее покинули. И, отвечая на вопрос, сказала, что не думает, будто можно чрезмерно очистить свою совесть.

Спрошенная, бранила ли она и хулила ли Бога с тех пор как пребывает в сей тюрьме, ответила, что нет и что несколько раз, когда она говорила по-французски *Милостивый Боже* или *Святой Иоанн*, или *Царица Небесная*, те, кто мог передать ее слова [судьям], дурно поняли.

Спрошенная, смертный ли сие грех — получить человека за выкуп и умирить его в плену, ответила, что ничего такого не делала.

И так как с ней заговорили о Франке д'Аррасе, коего она велела казнить в Ланьи⁴¹, она ответила, что согласилась на то, чтобы его казнили, раз он сего заслуживал, потому что он признался, что был убийцей, вором и предателем. И она сказала, что процесс над ним длился пятнадцать дней и был проведен бальи Санлиса и судьями Ланьи. Она сказала также, что вытребовала себе названного Франке, чтобы обменять его на одного человека из Парижа, хозяина гостиницы «У медведя»⁴²; когда же узнала, что сей человек мертв, а бальи сказал ей, что она нанесет большой вред правосудию, освободив оного Франке, она сказала бальи: «Раз мой человек, коего я хотела обрести, мертв, делайте с сим то, к чему вас обязывает правосудие».

Спрошенная, дала ли она денег или велела ли дать их тому, кто захватил названного Франке, ответила, что она не монетчик и не казначей Франции, чтобы давать деньги.

Когда же ей напомнили, что она устроила штурм Парижа в день праздника, что взяла лошадь монсеньора епископа Санлисского, что бросилась с башни

Боревуар, что носит мужской наряд, что одобрила казнь Франке д'Арраса, ее спросили, не думает ли она все же что совершила какой-нибудь смертный грех.

Она ответила, во-первых, о штурме Парижа, что не думает, будто пребывает из-за того в смертном грехе, а если и согрешила смертно, то о сем подобает знать [лишь] Богу да священнику на исповеди.

Во-вторых, о лошади, она ответила, что крепко верит, что нет в том никакого греха по отношению к Богу, поскольку лошадь сия была оценена в двести салю золотом, о чем у епископа есть расписка (assignation); и все-таки лошадь была отослана сеньору де Ла Тремуйлю, чтобы возвратить ее епископу Сан-лисскому; сия лошадь была совсем непригодна для езды. Она вовсе не уводила ее у епископа. Она сказала также, что, с другой стороны, не желала и оставлять ее при себе, поскольку слышала, что епископ был недоволен тем, что взяли его лошадь, и потому еще, что лошадь сия совсем не годилась для воинов. Наконец, в заключение, она Жанна не знает ни того, было ли епископу заплачено по выданной ему расписке, ни того, вернули ли ему его лошадь; и она думает, что нет.

В-третьих, о падении с башни Боревуар, она ответила: «Я делала сие не из отчаяния, но в надежде спасти свое тело и прийти на помощь многим добрым людям, кои были в нужде. А после прыжка я в том исповедалась и попросила прощения у Господа». И у нее есть прощение Господне, и она думает, что нехорошо было совершать сей прыжок, и то был дурной поступок. Она также сказала, что узнала о том, что прощена, из откровения от святой Екатерины, после того, как исповедалась; и что исповедалась она по совету святой Екатерины.

Спрошенная, налагалась ли на нее за то великая кара, ответила, что большую часть названной кары претерпела от боли, каковую причинила себе при падении.

Спрошенная, думает ли она, что заблуждение, кое она допустила, прыгая [с башни], было смертным грехом, ответила, что ничего о том не знает и полагается на Бога.

И в-четвертых, о том, что носит мужское платье, она ответила: «Поскольку я поступаю так по велению Бога и во служение ему, я вовсе не думаю, что поступаю дурно; когда же Богу будет угодно повелеть — тотчас сие платье будет снято».

Четверг, 15 марта

Далее, в следующий за тем четверг, 15 марта, утром, в месте заточения Жанны, под председательством названного мэтра Жана де Ла Фонтэна (67), уполномоченного нами, означенным епископом, и нашим, брата Жана Ле Мэтра (81), викария инквизитора, при участии преподобных лиц, сеньоров и магистров Никола Миди (102) и Жерара Фёйе (47) — докторов священной теологии, в присутствии для того [вызванных свидетелей] Никола де Юбана (63), секретаря апостолической канцелярии, и брата Изамбара де Ла Пьера (70), [состоялось заседание].

На случай, если она Жанна совершит нечто противное христианской вере, к ней, вместе с милостивыми увещаниями, обратились с предупреждением

и требованием довериться постановлению [нашей] святой матери Церкви, коему она и должна доверяться⁴³.

Она ответила, что пусть ее ответы рассмотрят и исследуют клирики, а затем пусть ей скажут, есть ли в них что-нибудь противное христианской вере; и тогда она сумеет ответить; а после она скажет, что о том узнала от своего совета. Хотя если в них есть нечто дурное и противное христианской вере, каковую установил Бог, то она не станет сего поддерживать и будет сильно огорчена, что прежде пошла наперекор.

Далее ей было указано на различие между Церковью торжествующей и Церковью воинствующей и на то, что являют собой одна и другая, и от нее потребовали тотчас подчиниться определению Церкви о том, что она совершила — как благого, так и дурного.

Она ответила: «Я не отвечу вам ничего иного сейчас».

Далее, от названной Жанны потребовали рассказать под присягой, каковую она принесла, как именно она думала сбежать из замка Больё⁴⁴ [проникнув,] между двумя досками.

Она ответила, что охотно сбежала бы из любого узилища, в кое ее заточали; и, находясь в том замке, она заперла бы своих стражей в башне, если б не привратник, увидевший ее и преградивший ей путь. Она также сказала, что, как ей кажется, Богу не было угодно, чтобы она сбежала в тот раз, и нужно, чтобы она увидела короля Англии, как ей сказали ее голоса, — о чем написано выше.

Спрошенная, есть ли у нее Божье дозволение уходить [из тюрьмы] всякий раз, когда ей вздумается, ответила: «Я много раз о нем просила, но пока что его у меня нет».

Спрошенная, ушла бы она сейчас, если б представилась возможность, ответила, что если б увидела открытую дверь, то ушла бы; и сие было бы ей Божьим велением. И она крепко верит, что если увидит открытую дверь и [если] стражники и прочие англичане не сумеют воспрепятствовать ей, она поймет, что сие и есть ее дозволение и что Бог пошлет ей помощь⁴⁵. А без дозволения она не уйдет, — разве что предпримет вылазку, по-французски: *попытку* (enterprise), дабы узнать, угодно ли сие Богу; и она привела по-французски известную пословицу: *Помоги себе сам, и Бог тебе поможет*. И она сказала сие для того, чтобы, если она уйдет отсюда, не стали бы говорить, будто она ушла без дозволения.

Спрошенная: раз уж она попросила допустить ее к мессе, не считает ли она более пристойным надеть женское платье; и что она предпочтет: надеть женское платье и отслушать мессу, либо остаться в мужской одежде и не слушать мессы.

Она ответила: «Поручитесь мне, что я выслушаю мессу, если буду в женском платье, и тогда я вам отвечу».

Тогда дознаватель сказал ей: «Что до меня, то я ручаюсь вам, что вы отслушаете мессу, если будете в женском платье».

Она ответила: «А что вы скажете, если я пообещала нашему королю и поклялась не снимать сего платья?»⁴⁶. И все же я отвечаю вам: снабдите меня платьем длинной до земли, без шлейфа, и дайте мне его, дабы пойти к мессе; а после, по возвращении, я вновь надену то платье, каковое [теперь] на мне».

Спрошенная снова, наденет ли она женское платье, чтобы пойти к мессе⁴⁷, ответила: «Я спрошу о том совета, а после вам отвечу». И затем попросила во имя Бога и Царицы Небесной позволить ей отслушать мессу в сем добром городе.

На то ей было сказано дознавателем, чтобы она надела женское одеяние просто и безоговорочно. Но она ответила: «Дайте мне платье, как у горожанок, то есть длинный упланд, — и я надену его⁴⁸, чтобы пойти к мессе»⁴⁹. Затем она сказала, что будет настаивать изо всех сил, чтобы ей позволили отслушать мессу в том платье, кое [сейчас] на ней, не переодеваясь.

Спрошенная, желает ли она подчиниться и препоручить себя в том, что сказала и содеяла, постановлению Церкви, ответила: «Все мои слова и поступки — в деснице Божьей, и я уповаю в том на него. И я уверяю вас, что не желала бы сделать или сказать что-либо против христианской веры; а если я сказала или сделала нечто такое, что клирики сумели б назвать противным христианской вере, каковую установил Господь, то я не пожелаю сего поддерживать, но отвергну».

Спрошенная, желала бы она в сем пункте подчиниться приказанию Церкви, ответила: «Я не отвечу вам сейчас иного; но пришлите ко мне клирика в субботу, если не желаете придти [сами], и тогда я отвечу ему с помощью Божьей, и сие будет записано».

Спрошенная: когда голоса приходят к ней, выказывает ли она им благоговение, совсем как святому или святой, ответила, что да, а если порой того не делала, то потом просила прощения. И она не в силах выказать им такое благоговение, каковое им подобает, ибо крепко верит, что сие — святые Екатерина и Маргарита. И она высказалась точно так же по поводу святого Михаила.

Спрошенная: поскольку святым рая по обыкновению приносят в дар свечи, приносила ли она святым, кои к ней приходят, дары в виде зажженных свечей либо иные, в церкви или в других местах, и не заказывала ли она месс⁵⁰, ответила, что нет, — разве что сие было подношением к мессе, для священника, в честь святой Екатерины. Она верит, что сие одна из святых, кои ей являлись, и она зажгла совсем не столь много свечей, сколько хотела бы [зажечь] для святых Екатерины и Маргариты, кои пребывают в раю и, как она твердо верит, приходят к ней.

Спрошенная: когда она ставит свечи пред образом святой Екатерины, ставит ли она их во славу той, что являлась ей, ответила: «Я делаю сие во славу Божию, Царицы Небесной и святой Екатерины, каковая [пребывает] на небе и является мне».

Спрошенная, ставит ли она свечи во славу той святой Екатерины, что является или видима ей, ответила, что да, и она не делает никакого различия между той, что является ей, и той, что на небе.

Спрошенная, всегда ли она совершала и исполняла то, о чем просили ее голоса, ответила, что изо всех сил исполняла повеление Божье, данное ей голосами, насколько сумела понять. И голоса не повелевали ей ничего без Божьего благоволения.

Спрошенная, верно ли, что в военных делах она ничего не совершала без совета своих голосов, ответила: «У вас есть на то ответ; прочтите хорошенько вашу книгу и вы [его] найдете». Она сказала, однако, что наступление (*vaillance*)

d'armes) под Парижем было предпринято по настоянию воинов, а под городом Ла-Шарите — по настоянию ее короля. И на то не было ни запрета, ни приказа ее голосов.

Спрошенная, совершала ли она когда-либо нечто, противное воле и указанию голосов, ответила: то, что она смогла и сумела сделать, она исполнила в меру сил. А что до прыжка с башни Боревуар, каковой она совершила против их указания, — она не смогла от того удержаться; и когда голоса увидели, в какой она крайности, и [что она] не сможет и не сумеет удержаться, они сохранили ей жизнь и уберегли от самоубийства. Она сказала кроме того, что во всем, что когда-либо сделала, [и особенно] в ее больших предприятиях (en ses grands affaires), голоса всегда помогали ей; и сие знак того, что они — благие духи⁵¹.

Спрошенная, есть ли у нее еще какой-нибудь знак того, что сии голоса суть благие духи, ответила, что святой Михаил поручился ей в том еще до того как пришли голоса.

Спрошенная, каким образом она узнала, что сам он — святой Михаил, ответила, что узнала сие по его разговору и речи ангельской; и она твердо верит, что сие были ангелы.

Спрошенная, как она узнала, что сие были ангелы⁵², ответила, что поверила тому очень скоро, и что у нее была воля поверить сему⁵³. Кроме того, она сказала, будто святой Михаил, явившись ей, сказал, что к ней придут святые Екатерина и Маргарита и что она должна поступать по их совету; они были ниспосланы, чтобы руководить ею и давать совет о том, что ей предстоит совершить, и пусть она верит тому, что они ей скажут, и сие — по велению Божьему.

Спрошенная, если бы дьявол предстал под видом или в облике благого ангела, то как бы она узнала, благой то ангел или дурной, ответила, что всяко узнала бы, святой ли то Михаил или нечто поддельное под его облик⁵⁴. Далее она сказала, что сперва у нее было сильное сомнение, святой ли Михаил к ней являлся, и в первый раз она очень испугалась; и она много раз его видела, прежде чем узнала, что то был святой Михаил.

Спрошенная, отчего она признала святого Михаила в тот раз, когда поверила, что сие — он, меж тем как впервые, когда он явился ей, не узнала его, ответила, что в первый раз она была малое дитя и испугалась, а после сам святой Михаил поведаль и явил ей столько, что она накрепко поверила, что то был он.

Спрошенная, что за учение он ей поведал, ответила, что, прежде всего, он говорил ей быть хорошей девочкой — и Бог ей поможет; и, кроме того, он сказал ей, что она придет на помощь королю Франции. И многое из того, чему учил ее ангел, есть в сей книге; и ангел рассказал ей о горе, кое было во Французском королевстве.

Спрошенная о телосложении и росте сего ангела, ответила, что в ближайшую субботу ответит на то и еще на один вопрос, на каковой должна ответить⁵⁵, но только если сие будет угодно Богу.

Спрошенная, не думает ли она, что сие великий грех — оскорбить святых Екатерину и Маргариту, кои являлись ей, и поступить против их повеления, ответила, что [да], думает, но что сие, как известно, поправимо⁵⁶ и что самое большое оскорбление им было в том прыжке из Боревуара, за каковой она попросила их прощения, как и за другие проступки, кои она могла совершить по отношению к ним.

Спрошенная, взяли ли потом святые Екатерина и Маргарита телесную мзду [с нее] за сей проступок, ответила, что не знает и вовсе их о том не спрашивала.

Спрошенная, поскольку говорила прежде, что за высказанную правду порой вешают, знает ли она за собой какое-нибудь преступление или проступок, за каковой могла или должна была бы умереть, если бы призналась в нем, ответила, что нет.

Суббота, 17 марта

Далее, в следующую за тем субботу,

На заседании под председательством мэтра Жана де Ла Фонтэна (67), назначенного нами, названным епископом, и нашим, Жана Ле Мэтра (81), викария инквизитора, в месте заточения Жанны, при участии вышеупомянутых преподобных и достойных лиц, сеньоров и магистров Никола Миди (102) и Жерара Фёйе (47) — докторов теологии, в присутствии вышеупомянутых Изамбара де Ла Пьера (70) и Жана Массье (98), от Жанны потребовали принести присягу и она присягнула.

Затем, спрошенная, каков был вид, рост, облик и одеяние святого Михаила, когда он к ней явился, ответила, что он был в виде истинно достойного человека (*vrai prud'homme*); а об одеянии и прочих вещах она не скажет ничего более. Что до ангелов, то она видела их собственными глазами и ничего иного о том от нее не узнают. Она сказала также, что верит словам и делам явившегося ей святого Михаила так же твердо, как и тому, что Господь Наш Иисус Христос претерпел смерть и муки за нас. И поверить ему ее побудили благой совет, благая поддержка и благое учение, кои он принес и даровал ей.

Спрошенная, желает ли она верить себя суду [нашей] матери Церкви во всех поступках, будь они благими или дурными, ответила: что до Церкви, то она ее любит и желала бы всеми силами поддерживать [ее] ради нашей христианской веры; и уж кому-кому, а не ей следует запрещать идти в церковь или слушать мессу. А что до добрых дел, кои она совершила, и о ее приходе, то нужно, чтобы она уповала в том на Царя небесного, пославшего ее Карлу, сыну Карла, короля Франции, каковой был французским королем⁵⁷. «И вы увидите, — сказала она, — что французы вскоре выиграют великое дело, кое Бог пошлет названным французам, и сим он потрясет все королевство Французское». И она сказала сие затем, чтобы когда таковое свершится, вспомнили бы, как она о том говорила.

На требование назвать срок, когда сие произойдет, она ответила: «Я уповаю в том на Господа».

Спрошенная, вверяет ли она свои слова и поступки суду Церкви, ответила: «Я уповаю в том на Бога, пославшего меня, на Царицу небесную и всех святых рая. И мне кажется, что сие совершенно едино — Бог и Церковь, и из того не должно делать трудностей. Зачем вы сие усложняете?».

Тогда ей было сказано, что есть Церковь торжествующая, в коей пребывают Бог, святые ангелы и уже спасенные души; а есть еще Церковь воинствующая,

в коей пребывает папа, наместник Бога на земле, кардиналы, прелаты Церкви, духовенство и все добрые христиане и католики; и сия соборная Церковь не может заблуждаться, ибо управляема Святым Духом. Вот почему ее спрашивали, хочет ли она положиться на Церковь воинствующую, то есть на ту, что на земле, как только что было заявлено.

Она ответила, что пришла к королю Франции от Бога, блаженной Девы Марии, всех святых рая и победоносной Церкви свыше, и по их повелению; и вот сей Церкви она вверяет все свои благие поступки и все, что совершила или совершит. А что касается того, подчинится ли она Церкви воинствующей, сказала, что иного сейчас не ответит.

Спрошенная, что она скажет о женском платье, каковое ей дают, дабы она смогла пойти на мессу, ответила: что до женского платья, то она не наденет его, покуда так угодно Богу. А если дело таково, что потребуется вести ее на казнь⁵⁸, она полагается на сеньоров Церкви: пусть они милостиво даруют ей женскую рубаху и головной убор; [она сказала], что предпочтет скорее умереть, нежели отказаться от того, что велел ей сделать Бог; и она крепко верит, что Бог пока не попустит того, чтоб она пала столь низко, не получив скорой и чудесной поддержки.

Спрошенная, коль скоро она сказала, будто носит свое платье по велению Божьему, то почему просит она женскую рубаху на случай смерти, ответила: «Мне довольно, чтобы она была длинной».

Спрошенная, слывет ли ее крестная, видевшая дам фей, женщиной мудрой, ответила, что она считается и слывет честной женщиной — не колдуньей и не ведьмой.

Спрошенная: коль скоро она сказала, что наденет женское платье, если ей позволят уйти отсюда, — будет ли сие угодно Богу, ответила, что если б ей позволили уйти отсюда в женском платье, она вскоре снова надела бы мужское и поступила бы так, как ей велено Господом. И она уже отвечала так прежде и ни за что не даст клятвы не вооружаться более и не носить мужского платья, но исполнит повеление Господа.

Спрошенная о возрасте и облачениях святых Екатерины и Маргариты, ответила: «У вас [уже] есть на то ответ, каковой вы можете получить от меня, и иного вам не будет. И я ответила вам так точно, как только смогла».

Спрошенная, не думала ли она до сего дня, что дамы феи суть злые духи, ответила, что ничего о том не знает.

Спрошенная, известно ли ей, ненавидят ли святые Екатерина и Маргарита англичан, ответила: «Они любят то, что любит Бог, и ненавидят то, что Бог ненавидит».

Спрошенная, ненавидит ли Бог англичан, ответила, что о любви или ненависти Бога к англичанам, [равно] как и о том, что он сделает с их душами, она ничего не знает; но она твердо знает, что они будут изгнаны из Франции, кроме тех, кто станется здесь и умрет, и что Бог пошлет французам победу над англичанами.

Спрошенная, был ли Бог за англичан, когда они благоденствовали во Франции, ответила, что не знает, ненавидел ли Бог французов; но думает, что он допустил, чтобы они были повержены за свои грехи, если они [и вправду] пребывали во грехе⁵⁹.

Спрошенная, какой поруки и какой помощи ожидает она от Господа, нося мужское платье, ответила, что за платье, как и за прочее, что она совершила, не ждет иного воздаяния, кроме спасения души.

Спрошенная, что за оружие поднесла она в дар в церкви святого Дионисия во Франции, ответила, что поднесла свой полный белый доспех⁶⁰, каковой подбавляет воину, вместе с мечом, каковой она добыла в деле под Парижем.

Спрошенная, с какой целью поднесла она сие вооружение, ответила, что из благочестия, как принято у воинов, когда они получают ранения; и поскольку она была ранена под Парижем, она поднесла доспехи в дар святому Дионисию, потому что его имя — боевой клич Франции (*le cri de France*).

Спрошенная, сделала ли она сие для того, чтобы оным доспехам поклонялись, ответила, что нет.

Спрошенная, для чего предназначались пять крестов, кои были на мече, найденном ею в Сен-Катрин-де-Фьербуа, ответила, что ничего о том не знает.

Спрошенная, кто побудил ее приказать, чтобы на ее штандарте были нарисованы ангелы с руками, ногами и в одеждах, ответила: «У вас уже есть на то ответ».

Спрошенная, велела ли она нарисовать [именно] тех ангелов, кои приходят к ней, ответила, что велела нарисовать их так, как они нарисованы в церквях.

Спрошенная, видела ли она их когда-нибудь так, как они были нарисованы, ответила: «Я не скажу вам иного».

Спрошенная, отчего не повелела она нарисовать сияние, кое нисходит к ней вместе с ангелом или голосами, ответила, что сего ей не было велено.

В тот же день после полудня

Далее, в ту же субботу, после полудня,

Под нашим, названных епископа и викария инквизитора (81), председательством, при участии почтенных и достойных лиц, сеньоров и магистров Жана Бопера (8), Жака де Турена (124), Никола Миди (102), Пьера Мориса (101) и Жерара Фёйе (47) — докторов; Тома де Курселля (27), бакалавра священной теологии; Жана де Ла Фонтэна (67), лиценциата канонического права, назначенного нами, названным епископом; в присутствии вышеупомянутых брата Изамбара де Ла Пьера (70) и Джона Грея⁶¹, оная Жанна была спрошена, изображали ли два ангела, нарисованные на ее штандарте, святого Михаила и святого Гавриила.

Ответила, что они были на нем лишь во славу Бога, каковой был нарисован на штандарте. И она сказала, что не давала приказа изобразить двух ангелов, иначе как во славу Бога, каковой был там представлен с державой в руке (*tenant le monde*).

Спрошенная, были ли два ангела, изображенные на ее штандарте, теми, кто на страже державы, и почему они не были более многочисленны, раз уж ей было велено Богом взять сей штандарт, ответила, что штандарт весь целиком был указан ей Богом через голоса святых Екатерины и Маргариты, кои сказа-

ли ей: «Возьми штандарт от Царя Небесного». И поскольку они сказали ей: «Возьми штандарт от Царя Небесного», она велела нарисовать на нем сие изображение Бога и ангелов и сделать его в цвете. И она сделала все по велению Божьему.

На вопрос, спросила ли она тогда у обеих святых, выиграет ли силой сего штандарта все битвы, в кои вступит, и обретет ли победу, ответила, что они сказали ей смело взять его и что Бог ей поможет.

Спрошенная, не помогала ли она штандарту более, нежели штандарт — ей, ответила, что победа как ее самой, Жанны, так и ее штандарта, — все [сие] пребывает во Господе.

Спрошенная, основывалась ли ее надежда обрести победу на ней самой, Жанне, или на штандарте, ответила, что она основывалась лишь на Господе и ни на ком ином.

Спрошенная: если бы кто-нибудь иной носил сей штандарт, обрел бы он такую же удачу, каковую имела сама Жанна, ответила: «Я ничего о том не знаю, я уповаю на Бога».

Спрошенная: если бы кто-то из ее сторонников дал ей свой штандарт, стала бы она его носить и возлагала бы на него столь же добрую надежду, как и на свой собственный, что был ей сотворен (*composé*) от Бога; и, в особенности, спрошенная о штандарте ее короля — если б он у нее был *etc*, ответила: «Я охотнее носила [бы] тот, что был мне назначен Богом. И все же во всем я уповаю на Бога».

Спрошенная, для чего служил знак, каковой она ставила на своих посланиях, а также имена ИИСУС МАРИЯ, ответила, что их ставили туда клирики, писавшие ее послания; и некоторые говорили, что подобает ставить два сих имени: ИИСУС МАРИЯ⁶².

Спрошенная, не было ли ей открыто, что если б она утратила девственность, то потеряла бы и удачу, и ее голоса более не пришли бы к ней, ответила, что того ей не было открыто.

Спрошенная, как она думает, стали бы голоса приходить к ней, если б она вышла замуж, ответила: «Не знаю. И уповаю в том на Бога».

Спрошенная, думает ли она и верит ли твердо, что ее король поступил хорошо, убив монсеньера герцога Бургундского⁶³, ответила, что то был великий вред для королевства Французского; но что бы там ни было между двумя названными государями, Бог послал ее на помощь к королю Франции.

Спрошенная о том, что она сказала нам, означенному епископу — будто ответит нам и нашим уполномоченным точно так же, как и нашему святейшему сеньору папе, — меж тем как есть много вопросов, на кои она не пожелала ответить, и верно ли, что она не даст более полного ответа и пред папой, как она не ответила пред нами, сказала, что ответила на все так честно, как смогла; и если бы вспомнила, что чего-то не высказала, то охотно бы о том сказала.

Спрошенная, не кажется ли ей, что ей следует отвечать правду нашему сеньору папе, наместнику Бога, обо всем, что ее спросят касательно ее веры и совести более полно, нежели она отвечала нам самим, ответила, что просит отвести ее к сеньору нашему папе, и затем она ответит пред ним на все, как должно.

Спрошенная, из чего было сделано одно из ее колец, на коем написаны имена ИИСУС МАРИЯ, ответила, что точно не знает, и если оно и было золотое, то не из чистого золота; и она не знает, было ли оно золотое или латунное; она думает также, что на нем было три креста и не было никакого другого знака, насколько ей известно, кроме имен ИИСУС МАРИЯ.

Спрошенная, отчего она охотно смотрела на оное кольцо, когда шла порой на воинское дело, ответила, что из удовольствия и почтения к отцу и матери; имея же на своей руке и на своем пальце сие кольцо, она прикоснулась им к святой Екатерине, явившейся ей в видении⁶⁴.

Спрошенная, к какой части тела святой Екатерины она прикасалась, ответила: «Иного [кроме уже сказанного,] вы о том не услышите».

Спрошенная, целовала и обнимала ли она когда-нибудь святых Екатерину и Маргариту, ответила, что обнимала их обеих.

Спрошенная, исходило ли от них благоухание, ответила: ясное дело, что они благоухали.

Спрошенная, чувствовала ли она тепло, обнимая их, или нечто иное, ответила, что не могла бы обнимать их, не чувствуя их и не прикасаясь к ним.

Спрошенная, какую часть их тела она обнимала, — было ли то снизу или сверху, — ответила, что пристало обнимать их скорее снизу, чем сверху.

Спрошенная, не дарила ли она названным святым гирлянд или венков, ответила, что из почитания она много раз подносила сии гирлянды к их образам или изображениям в церквях; что же до тех, кои ей являлись, то им она их не дарила, насколько помнит.

Спрошенная: когда она вешала сии гирлянды на дерево, о коем говорилось выше, делала ли она сие в честь тех, кто ей являлся, ответила, что нет.

Спрошенная: когда святые приходили к ней, не выказывала ли она им благоговения, преклоняя колени или кланяясь, ответила, что да и что из всех сил выказывала им благоговение, поскольку хорошо знает, что сие — те, кто пребывает в царстве райа.

Спрошенная, знает ли она что-нибудь о тех, кто летает вместе с феями⁶⁵, ответила, что ничего о том не знает, никогда такого не делала, но слышала о том разговоры и [слышала также,] что они, вроде бы, летают по четвергам.

Но она тому не верит и думает, что сие не что иное, как колдовство⁶⁶.

Спрошенная, развернул ли кто-нибудь ее штандарт над головой ее короля, когда тот короновался в Реймсе, ответила, что нет, насколько она знает.

Спрошенная, отчего в Реймской церкви⁶⁷ во время коронации ее короля сей штандарт носили более, чем штандарты других капитанов⁶⁸, ответила, что сей штандарт побывал в тяжком труде, и справедливо, что он был в чести (*c'était raisonnable, qu'il fût à l'honneur*).

Страстное воскресенье, 18 марта

Далее, в следующее за этим воскресенье Страстей Господних, 18 марта, под нашим, названного епископа, и брата Жана Ле Мэтра (81), председательством, в доме, где мы, названный епископ, проживаем в Руане, при участии преподоб-

ных отцов, сеньоров и магистров: Жилля, аббата Фекана (38), Пьера, приора Лонгвилля (103), Жана Бопера (8), Жака де Турена (124), Никола Миди (102), Пьера Мориса (101) и Жерара Фёйе (47) — докторов священной теологии; и Рауля Русселя (118) — доктора обоих прав; Никола де Вандре (127) и Жана де Ла Фонтэна (67) — лиценциатов канонического права; Никола Купкена (26) и Тома де Курселля (27) — бакалавров теологии, мы, названный епископ, сообщили, что Жанна в течение многих дней подвергалась допросам и что мы располагаем записями ее многочисленных признаний и ответов. Мы попросили оных заседателей представить нам их суждения и советы о пути дальнейшего продвижения в сем процессе. И мы велели зачитать перед ними многочисленные выдержки, кои некоторые магистры извлекли по нашему приказу из показаний Жанны, дабы они полнее уяснили суть дела и высказались с большей уверенностью о том, что следует предпринять.

Оные сеньоры и магистры, выслушав сие, высказали степенно и обстоятельно свои суждения. И мы, заслушав мнение каждого, заключили и постановили, что каждый из них тщательно рассмотрит и изучит дело и испросит мнения докторов о показаниях сего рода в первоисточниках, дабы в ближайший четверг, когда каждый представит нам свое мнение, мы могли сие обсудить; меж тем из допросов и показаний Жанны будут составлены отдельные статьи, кои по закону будут представлены нам, судьям, против названной Жанны.

Четверг, 22 марта

Далее, в следующий за тем четверг, 22 марта, в Руане, в доме, где мы, названный епископ, проживаем, пред нами, председателями — епископом и братом Жаном Ле Мэтром (81), викарием монсеньора инквизитора, — предстали почтенные сеньоры и магистры: Жан де Шатийон (21), Эрар Эмангар (41), Гийом Ле Буше (72), Пьер, приор Лонгвилля (103), Жан Бопер (8), Жак де Турен (124), Никола Миди (102), Морис дю Кенэ (37), Пьер Удан (62), Жан де Ниба (111), Жан Ле Февр (77), Пьер Морис (101), Жак Гедон (58) и Жерар Фёйе (47) — доктора священной теологии; и Рауль Руссель (118) — казначей Руанской церкви, доктор обоих прав; Никола де Вандре (127) — архидьякон Э из Руанского капитула, и Жан де Ла Фонтэн (67) — лиценциаты канонического права; Уильям Хейтон (59), Никола Купкен (26) и Тома де Курселль (27) — бакалавры священной теологии; Никола Луазелёр (92) — каноник Руанской церкви; и брат Изамбар де Ла Пьер (70) из ордена Братьев Проповедников.

Тогда же были представлены различные выдержки и замечания по данному делу, кои были выявлены и собраны, превосходным и ученым образом, трудами доброго числа оных докторов, сеньоров и магистров. Ознакомившись с сим и выслушав мнение каждого, после длительного с ними совещания, мы заключили и постановили, что выдержки, кои были сделаны ранее из записей признаний Жанны, будут в ходе обсуждения и согласования сведены к меньшему числу статей. Затем сии статьи будут переданы каждому из докторов и магистров, дабы они могли с большей легкостью высказать свои суж-

дения; а с тем, что останется вне сих статей, если Жанну придется допрашивать и испытывать позже, мы поступим, с Божьей помощью, таким образом, чтоб данное дело было проведено во славу Божью и к возвеличанию веры, и так, чтобы в процессе нашем не было никакого изъяна⁶⁹.

Суббота, 24 марта

Далее, в следующую за сим субботу, 24 марта, в месте заточения Жанны, под председательством уполномоченного нами, названным епископом, мэтра Жана де Ла Фонтэна (67) и нашим, брата Жана Ле Мэтра (81), викария монсеньора инквизитора, при участии преподобных отцов, сеньоров и магистров Жана Бопера (8), Никола Миди (102), Пьера Мориса (101) и Жерара Фёйе (47) — докторов, и Тома де Курселля (27), бакалавра священной теологии, и мэтра Ангеррана де Шанрона (19), официала Кутанса, регистр, содержащий в себе допросы и ответы Жанны, был зачитан ей по-французски нижеподписавшимся нотариусом, Гийомом Маншоном (95). Но пока не началось сие чтение, присутствующий судебный делопроизводитель (43), назначенный нами и вышеупомянутый, вызвался засвидетельствовать, что все содержащееся в оном регистре, — как вопросы, так и ответы, — действительно были даны и произнесены, на тот случай, если Жанна станет отрицать, что произносила некоторые из ответов, кои были записаны. Затем Жанна поклялась, что не добавит ничего к своим ответам, кроме правды.

После чего, когда сии записи были ей зачитаны, она сказала, что ее называют д'Арк или Роме и что в ее краях девушки носят прозвание их матери. Она попросила затем, чтоб ей прочли последовательно вопросы и ответы, и она будет считать истинным и признанным то, что ей прочтут, если сего не опровергнет.

К статье, касающейся принятия вновь женской одежды, она добавила такие слова: «Дайте мне женское платье, чтобы пойти в дом моей матери, и я надену его». И сие для того, чтобы не быть в тюрьме; а когда она будет не в тюрьме, она испросит совета о том, как ей следует поступать.

Наконец, по прочтении содержимого сего регистра, Жанна признала, что думает, что говорила так, как записано в регистре и как ей его прочитали, и не оспорила ничего из содержащегося в оном регистре.

Вербное воскресенье, 25 марта

Далее, в следующее за сим Вербное воскресенье, 25 марта, утром, в месте заточения Жанны в Руанском замке, мы, названный епископ, говорили с оной Жанной в присутствии преподобных лиц, сеньоров и магистров: Жана Бопера (8), Никола Миди (102), Пьера Мориса (101), докторов, и Тома де Курселля (27), бакалавра священной теологии. Мы сказали Жанне, что она многократно, а вчера в особенности, просила нас, чтобы, ввиду торжественности сих дней, ей

было бы дозволено в воскресенье, кое является Вербным праздником, выслушать мессу; вот почему мы спросили ее, желала бы она, в случае, если мы уступим ей, оставить мужской наряд и надеть женское платье, кое было ей привычно в ее родных местах и кое обычно носят в ее краях женщины.

На что Жанна ответила прося, чтобы ей дозволили отслушать мессу в мужском платье, кое она носит, и чтобы она смогла даже получить таинство евхаристии на праздник Пасхи.

Мы велели ей тогда ответить на то, о чем ее спросили, а именно, желает ли она оставить мужской наряд, если в сем ей уступят.

Но она ответила, что не испросила на сей счет совета и не может пока вновь надеть означенного платья⁷⁰.

И мы спросили ее, желает ли она посоветоваться со святыми о том, надеть ли ей вновь женскую одежду.

На что она ответила, что можно позволить ей отслушать мессу в сем наряде (*en cet état*), чего она жаждет в высшей степени; но она не может переменить своего одеяния, и даже решение о том не в ее власти.

После чего названные магистры, ввиду столь великой благости и ввиду набожности, каковая, как казалось, в ней обнаружилась, призвали ее надеть платье, приличное ее полу. И Жанна ответила снова, что не в ее силах так поступить, а будь дело в ней, то сие очень скоро было бы сделано.

Тогда ей сказали поговорить со своими голосами, дабы узнать, переодеться ли ей в женское платье, чтобы на Пасху она могла получить причастие. На что названная Жанна ответила, что насколько сие зависит от нее, сама она не сменит свой наряд на женский, [даже ради того,] чтобы получить причастие; и она просит дозволения отслушать мессу в мужском платье, говоря, что сие платье вовсе не отягощает ее души и носить его не противно Церкви.

Обо всем сказанном мессир Жан д'Эстиве, делопроизводитель, в присутствии сеньоров и магистров Адама Миле (104), королевского секретаря, Уильяма Брольбстера (11) и Пьера Ориана (112) из Руанского, Лондонского и Шалонского диоцезов, испросил подлинного документа.

[Ординарный процесс]

Часть 1

СЕМЬДЕСЯТ СТАТЕЙ ОБВИНЕНИЯ, СОСТАВЛЕННЫХ ЖАНОМ Д'ЭСТИВЕ

Понедельник, 26 марта

Далее, в следующий за Вербным воскресением понедельник, 26 марта, в доме нашего пребывания в Руане пред нами, названным епископом, и означенным братом Жаном Ле Мэтром (81), викарием монсеньера инквизитора, предстали преподобные сеньоры и магистры: Жан де Шатийон (21), Никола Миди (102), Пьер Морис (101), Жерар Фёйе (47) — доктора священной теологии; Рауль Руссель (118), казначей Руанской церкви, доктор обоих прав; Андре Маргери (97), архидиакон Пти-Ко, лицензиат права; Никола де Вандре (127), архидиакон Э, и Жан де Ла Фонтэн (67) — лицензиаты декретов; Тома де Курселль (27), бакалавр теологии, и Никола Луазелёр (92), каноник Руанской церкви. В их присутствии мы велели зачитать некие статьи, содержащие пункты, кои обвинитель намерен выдвинуть против названной Жанны¹.

Тогда было постановлено, что вследствие и в продолжение предварительного процесса, проводимого нами до сих пор в силу нашей должности, отныне, в соответствие с тем, как мы, означенные епископ и викарий, решили и постановили, против оной Жанны будет вестись ординарный процесс; что сии статьи были хорошо составлены, и Жанна будет по ним допрошена и заслушана; сии статьи будут выдвинуты от лица обвинителя через какого-либо почтенного адвоката либо самим обвинителем; и если Жанна откажется отвечать, после того, как ей были сделаны канонические увещевания², то статьи будут считаться признаниями. И по совершении нескольких иных дел, мы постановили, что на следующий день оные статьи будут выдвинуты обвинителем и Жанна будет по ним допрошена и заслушана.

Вторник, 27 марта

Далее, в ближайший по Вербном воскресении вторник, 27 марта, в палате близ большой залы Руанского замка, под нашим, названного епископа, и брата Жана Ле Мэтра (81), викария монсеньера инквизитора, председательством, а также в присутствии преподобных отцов, сеньоров и магистров: Жилля, аббата Фекана (38), Пьера, приора Лонгвилля (103), Жана Бопера (8), Жака де Турена (124), Никола Миди (102), Пьера Мориса (101), Жерара Фёйе (47), Эрара Эмангара (41), Гийома Ле Буше (72), Мориса дю Кенэ (37), Жана де Ниба (111), Жана Ле Февра (77), Жака Гедона (58), Жана де Шатийона (21) — докторов священной теологии; Рауля Русселя (118), доктора обоих прав, Жана Герэна (57), доктора канонического права; Робера Ле Барбье (71), Дени Гастинеля (53), Жана Ле Ду (75) — лиценциатов обоих прав; Никола де Вандре (127), Жана Пэншона (114), Жана Бассе (5), Жана де Ла Фонтэна (67), Жана Коломбея (23), Обера Мореля (107), Жана Дюшмэна (33) — лиценциатов канонического права; Андре Маргери (97), архидиакона Пти-Ко; Жана Алепе (2), Никола Каваля (17), Жоффруа дю Кротэ (35) — лиценциатов гражданского права; Гийома Дежардэна (30) и Жана Тифэна (123) — докторов медицины; Уильяма Хейтона (59), бакалавра теологии; Гийома де Ла Шамбра (66), лиценциата медицины; брата Жана [Гийома] Дюваля (39), брата Изамбара де Ла Пьера (70) из ордена Братьев Проповедников, Уильяма Брольбстера (11) и Джона Хэмптона (60) — священников. [Итак, в присутствии перечисленных лиц,] уже упомянутый Жан д'Эстиве (43), каноник церквей Байё и Бове, назначенный нами по сему случаю обвинителем, представший пред нами по закону, в присутствии Жанны, приведенной к нам в то же помещение, выдвинул прошение и запрос по-французски, перевод коих следует по-латыни дословно:

«Монсеньеры, преподобный отец во Христе и вы, викарий, особо уполномоченный в ходе сего процесса монсеньером инквизитором, назначенным и поставленным во всем королевстве Французском против тех, кто отступил от католической веры, я, обвинитель, уполномоченный и назначенный вами в сем деле, после некоторых допросов и дознаний, произведенных вами и от вашего лица, говорю, утверждаю и сообщаю, [что] Жанна присутствует здесь, свободная от оков, дабы отвечать на то, что я желал бы у нее спросить, сказать и выдвинуть против нее касательно и относительно веры. Я намерен также доказать, при необходимости, путем протестаций и согласно целям и постановлениям, более подробно изложенным в сем регистре, что вам, судьям, я действительно предъявляю и выставляю на суд против оной Жанны события, права и доводы, отмеченные и содержащиеся в статьях, записанных и упорядоченных в данном регистре. И я прошу у вас и требую, чтобы Жанна была приведена к присяге, а также чтобы ее заставили подтвердить, что она ответит на содержание названных статей в целом, и на каждую из них в отдельности, говоря: «да, я сему верю» или «нет, я сему не верю»³; а в случае, если она не пожелает присягнуть и подтвердить [сие], станет отговариваться или медлить с ответом более, чем подобает, после того, как вы предпишете ей ответить и сего от нее потребуете, да будет она признана уклонившейся и осужденной заочно, [пусть даже] в ее присутствии; и вследствие своего осуждения, да будет она объявлена отлученной за явное непочтение [к суду]. Далее, да будет вами отведен ей точный и краткий срок, что-

бы ответить, как сказано, на оные статьи, и да будет ей сообщено, что если она не ответит в означенный срок по сим статьям, или по некоторым из них, то вы сочтете статьи, оставленные ею без ответа, признанными, как того хотят и требуют право, установления, обычаи и общественное благочиние.

По представлении сего запроса обвинитель выдвинул против Жанны, каковая при том присутствовала, [свой] доклад (*libelle*)⁴ в виде доказательных статей, содержание коих приведено ниже.

Затем мы, означенные судьи, попросили названных и присутствовавших при том докторов и магистров посоветаться и решить, как следует поступить в дальнейшем. Приняв во внимание прошение и запрос обвинителя (43) и выслушав мнение каждого, мы постановили, что оные статьи, выдвинутые обвинителем, будут зачитаны и представлены Жанне по-французски, и названная Жанна ответит, что ей известно по каждой статье; а если будут вопросы, относительно коих она потребует отсрочки, ей будет дан достаточный срок.

Затем обвинитель принес пред нами присягу *de calumnia*⁵. После чего мы сказали Жанне, что все заседатели являются весьма учеными церковными знаатоками божественного и человеческого права, и они желают и намереваются поступать с ней со всею мягкостью и состраданием, ибо они всегда были к тому расположены, не стремясь ни отомстить за себя, ни покарать ее телесно, но просветить ее и наставить на путь истины и спасения. И поскольку она не является ни достаточно ученой, ни сведущей в науках и иных, столь же трудных, материях, чтобы определять самой, как должно поступать или отвечать, мы предложили оной Жанне выбрать одного или нескольких из тех, кого она пожелает, среди присутствующих заседателей; либо, если она не сумеет выбрать, мы предоставим ей некоторых из них для совета относительно того, как ей должно поступать или отвечать, оговорив при том, что относительно [самих] событий ей придется отвечать правду самостоятельно; и мы потребовали от Жанны принести присягу говорить оную правду о том, что касается событий.

По оглашении запроса⁶ [обвинитель] представил доклад в виде доказательных статей против присутствующей Жанны. Затем монсеньеры судьи спросили у заседателей, в присутствии названной Жанны, каковая была туда приведена, как следует далее поступать и действовать в сем процессе, согласно запросу обвинителя; оные сеньоры заседатели ответили так:

И прежде всего, мэтр Никола де Вандре (127) сказал, что, во первых, нужно составить [Жанну] принести присягу. Во-вторых, запрос обвинителя также обоснован и надлежит признать [Жанну] уклонившейся, если она откажется поклясться. В-третьих, как ему кажется, она должна быть отлучена. И если она выстоит перед приговором отлучения, то следует поступить с ней согласно праву. И так же — если она откажется стоять под приговором отлучения.

Мэтр Жан Пэншон (114): пусть сперва прочтут статьи, прежде чем он определится.

Мэтр Жан Бассе (5): пусть прочтут статьи, прежде чем вынести приговор отлучения.

Мэтр Жан Гарэн (57): пусть прочтут статьи.

Мэтр Жан де Ла Фонтэн (67): как мэтр Никола де Вандре.

Мэтр Жоффруа дю Кротэ (35): ему кажется, что нужно дать [Жанне] отсрочку по меньшей мере трижды, прежде чем она будет отлучена, и пусть ее призна-

ют уличенной, если она откажется поклясться; особенно же поскольку в гражданском деле дается три попытки, чтобы поклясться *de calumnia*.

Мэтр Жан Ле Ду (75): как предшествующий.

Мэтр Жилль Дешан (29): пусть прочтут статьи и пусть назначат [Жанне] день, чтобы явиться, [уже] поразмыслив, для ответа.

Мэтр Робер Ле Барбье (71): как предшествующий.

Монсеньер аббат Фекана (38): как ему кажется, [Жанне] следует поклясться отвечать правду на статьи, из коих явствует, что они касаются процесса. Если же она не в состоянии, пусть ей дадут достаточную отсрочку. И пусть ей установят день, чтобы предстать перед судом, поразмыслив [над ответом].

Мэтр Жан де Шатийон (21): [Жанне] следует отвечать правду, особенно когда речь идет лично о ней.

Мэтр Эрар Эмангар (41): как монсеньер де Фекан.

Мэтр Гийом Ле Буше (72): как предшествующий.

Монсеньер приор Лонгвилля (103): что до статей, на кои она не сумеет ответить, ему представляется, что ее не должно заставлять отвечать по формуле «да» или «нет».

Мэтр Жан Бопер (8): по статьям, в коих она уверена и каковые относятся к ней лично, [Жанне] следует отвечать правду; но по тем, на кои она не сумеет сказать правду или кои требуют юридического подтверждения, следует, если она потребует отсрочки, таковую ей предоставить.

Мэтр Жак де Турен (124): как предшествующий.

Мэтр Никола Миди (102): как предшествующий, прибавляя, что если должно немедленно принудить ее к безоговорочной присяге, он полагается в том на юристов.

Мэтр Морис дю Кенэ (37): как монсеньер де Фекан.

Мэтр Тома де Курселль (27): ей следует отвечать; пусть прочтут статьи — и по ходу чтения она ответит; что до отсрочки, то раз она о ней попросит, нужно ей ее дать.

Мэтр Андре Маргери (97) того мнения, что она должна присягнуть о том, что касается процесса; а в отношении того, что [для нее] сомнительно, он полагает, надлежит ей дать отсрочку.

Мэтр Дени Гастинель (53): она должна поклясться, и запрос обвинителя о присяге обоснован. Что же до дальнейшего продвижения [процесса] — если она откажется клясться, — то он желает сперва справиться о том в книгах.

Мэтр Обер Морель (107) и мэтр Жан Дюшмэн (33): ей следует поклясться, etc.

После чего обвинитель вызвался присягнуть *de calumnia*; и он поклялся, что не из благорасположения, злобы, страха или ненависти, но из усердия в вере выдвигает он то, что указано в докладе или статьях и в данном процессе против Жанны.

Затем Жанне было сказано, что она должна отвечать правду о том, что касается событий.

После того, как названные доктора и магистры высказали свои мнения, а также названный обвинитель присягнул *de calumnia*, монсеньер Бовеский сказал Жанне, что все присутствующие заседатели являются особами церковными и весьма учеными, сведущими в праве божественном и человеческом и что со всей мягкостью и состраданием желают они и намереваются обойтись с нею,

как они всегда и поступали, не стремясь ни отомстить за себя, ни покарать ее телесно, но лишь наставить ее и вывести на путь истины и спасения, если есть в ней какой-либо изъян.

И поскольку она не является достаточно ученой и наставленной в науках и в материях столь же трудных, чтобы определять самой, как ей следует поступить или ответить, монсеньер Бовеский и викарий инквизитора предложили Жанне выбрать одного или многих, кого она пожелает, из присутствующих заседателей; или же, если она не сумеет сделать выбор, названные судьи предоставят ей некоторых [особ] для совета относительно того, как она должна поступать или отвечать, оговорив, что о том, что касается событий, ей должно отвечать правду самостоятельно; и мы потребовали от Жанны принести присягу говорить оную правду о том, что касается событий.

Мэтр Жан де Ниба (111) в вопросе о статьях полагается на юристов, а что до присяги — [Жанна] должна присягнуть говорить правду о том, что касается процесса и веры; если же по некоторым пунктам она затрудняется ответить правду и просит отсрочки, надо ей ее даровать.

Мэтр Жан Ле Февр (77) полагается на юристов.

Мэтр Пьер Морис (101): пусть она отвечает о том, что ей известно.

Мэтр Жерар (Фёйе) (47): ей следует ответить под присягой.

Мэтр Жак Гедон (58): как предшествующий.

На что Жанна ответила таким образом:

«Во-первых, за то, что вы увещаете меня о моем благе и нашей вере, я благодарю вас, и всё собрание — тоже. За совет, каковой вы мне предлагаете, я тоже вас благодарю; но я вовсе не намерена отступать от совета Божьего. Что же до присяги, каковую, по вашему желанию, я должна принести, то я готова поклясться говорить правду обо всем, что касается вашего процесса». Так она и поклялась, прикоснувшись к святому Евангелию.

Затем, по нашему приказу и повелению, были зачитаны⁷ названные статьи, составленные обвинителем; и содержание сих статей или доклада было изложено Жанне по-французски — как в означенный вторник, так и на следующий день, в среду.

Среда, 28 марта

В оную среду присутствовали преподобные отцы, сеньоры и магистры: Жилль, аббат Фекана (38), Пьер, приор Лонгвилля (103), Жан Бопер (8), Жак де Турен (124), Эрар Эмангар (41), Морис дю Кенэ (37), Никола Миди (102), Пьер Морис (101), Гийом Ле Буше (72), Жан де Ниба (111), Жан Ле Февр (77), Жан де Шатийон (21), Жак Гедон (58) и Жерар Фёйе (47) — доктора священной теологии; Рауль Руссель (118), доктор обоих прав; Робер Ле Барбье (71), лицензиат канонического права; Уильям Хейтон (59), Никола Купкен (26) — бакалавры священной теологии; Жан Герэн (57), Дени Гастинель (53), Жан Ле Ду (75) — лиценциаты обоих прав; Жан Пэншон (114), Жан Бассе (5), Жан де Ла Фонтэн (67), Жан Коломбель (23), Жан Дюшмэн (33) — лиценциаты канонического права; Андре Маргери (97), архидиакон Пти-Ко; Жан Алепе (2),

Никола Каваль (17). Жоффруа дю Кротэ (35) — лиценциаты гражданского права; Гийом Дежардэн (30), Жан Тифэн (123) — доктора медицины; Гийом де Ла Шамбр (66), лицензиат медицины; Уильям Брольбстер (11) и Джон Хэмптон (60) — священники.

Содержание названных статей и ответов, данных недавно Жанной, равно как и ответов, данных ею прежде, на кои Жанна ныне ссылается, следует дословно.

«Вы, преподобный отец во Христе и господин, монсеньер Пьер, Божьей милостью епископ Бовеский, ординарный судья на земле города и диоцеза Руана, и вы, святой отец, Жан Ле Мэтр (81) из ордена Братьев Проповедников, бакалавр теологии, викарий в сем городе и диоцезе и в данном случае особо уполномоченный святого и достойнейшего отца, мэтра Жана Граврана (55), преславного доктора священной теологии, из того же ордена, направленного апостольской властью в королевство Французское инквизитором по делам ереси, — итак, вы оба получили полномочия быть судьями в деле некой женщины, именуемой в народе Девицей. Она же женщина недавно была обнаружена, пленена и задержана в пределах сей области и в границах вашего, преподобный отец, диоцеза, а затем вам, как церковному и ординарному судье, отдана, вверена, предоставлена и возвращена нашим христианнейшим сеньором королем Франции и Англии, ибо своими деяниями, о коих речь пойдет далее, она навлекла на себя великие подозрения в ереси и по всеобщему мнению крайне опозорила себя пред особами почтенными и влиятельными. А также, она, как ваша подданная, подлежит суду и исправлению.

Итак, следует теперь, чтобы вы, названные судьи, объявили и провозгласили ее ведьмой или гадалкой, вещуньей, лжепророчицей, вызывательницей и заклинательницей злых духов, суеверной, приверженной и пристрастившейся к магическим искусствам, злоумышленницей и — относительно католической веры — схизматичкой, сомневающейся и заблуждающейся по поводу догмата об *Unam Sanctam, etc.*, кощунствующей относительно многих других положений оной веры. Она подозревается в идолопоклонстве, вероотступничестве, сквернословии и зловредном хулении Бога и его святых. Она является смутьянкой, мятежницей, возмущающей и нарушающей мир, подстрекательницей к войнам, злобно алчущей крови людской и понуждающей к ее пролитию, полностью и бесстыдно отринувшей приличия и сдержанность своего пола, принявшей без стеснения позорное одеяние и обличье воинское. Посему, и по многим иным причинам, мерзким Богу и людям, она является нарушительницей божественных и естественных законов и церковного благочиния, искусительницей государей и простонародья; она позволяла и допускала, в оскорбление и отвержение Бога, чтобы ее почитали и преклонялись ей, давая целовать свои руки и одежды, пользуясь чужой преданностью и людским благочестием; она является еретичкой или, по меньшей мере, сильно подозреваемой в ереси.

По сей причине и с той целью, чтобы, согласно божественным и каноническим предписаниям, она подверглась каре и исправлению по закону и церковному праву, а также со всеми иными надлежащими и подобающими целями, Жан д'Эстиве, каноник церковей Байё и Бове, делопроизводитель или прокурор по вашему поручению, особо для того уполномоченный и назначенный вами, в силу и во исполнение сей должности, истец и обвинитель, [выступая] против

оной Жанны, обвиняемой ответчицы, высказывает, предлагает и намеревается доказать и надлежащим образом довести до вашего сведения нижеследующее. Названный обвинитель, однако, заявляет, что не намерен вынуждать себя к доказательству излишнего, но только того, что будет достаточно и должно быть достаточно для достижения его цели, в общем и в частностях; [делопроизводитель сообщает сие], делая при том и прочие заявления, кои надлежит по обыкновению делать в таких актах, а также сохраняя за собой право добавлять, исправлять, изменять, толковать и прочее, как по праву, так и по факту⁸.

И прежде всего, как по праву божественному, так и каноническому и гражданскому, именно вам, ординарному судье и инквизитору веры, следует в названном диоцезе и во всем королевстве Французском решительно уничтожать, искоренять и изгонять ереси, колдовство, суеверия и прочие из вышеуказанных преступлений; карать, исправлять, вести к покаянию еретиков, тех, кто поддерживает, изрекает и распространяет нечто противное нашей католической вере или поступает неким образом вопреки ей, [а также] колдунов, прорицателей, вызывателей демонов, злоумышляющих против веры, и злодеев и преступников, взятых в сем диоцезе и под сей юрисдикцией. И даже если они где-либо еще преступили закон во всех вышеуказанных случаях или же в одном из них, [вам все равно] надлежит и подобает делать сие наравне с другими судьями, правомочными в своих диоцезах, границах и юрисдикциях; и даже по отношению к светской особе, какого бы сословия, пола, звания или достоинства она ни была, вас должны в таком деле считать, признавать и почитать за полномочных судей⁹.

По первой статье Жанна ответила¹⁰, что верит в то, что нашему сеньору папе Римскому и епископам, и прочему духовенству следует блюсти христианскую веру и карать тех, кто ее умалает. Но что до нее, — она повинуется единственно Церкви небесной, то есть Богу, Деве Марии и святым рая. И она твердо верит, что не умалила нашей веры и не желала бы ее умалить.

II. Далее, оная обвиняемая не только в нынешнем году, но и в лета, предшествующие юности, и не только в вашем диоцезе и под вашей юрисдикцией, но также и окрест его, в иных различных местах сего королевства, задумала, подготовила, совершила и учинила многие колдовские и суеверные деяния; она предсказывала будущее и попускала, чтобы ее чтили и поклонялись ей; она вызывала демонов и злых духов, советовалась и общалась с ними, заключила, сотворила и имела с ними пакты, договоры, соглашения, коими пользовалась; другим особам, совершавшим те же деяния, она оказывала помощь, а равно совет и покровительство, и подстрекала их творить сии вещи и им подобные, говоря, считая, утверждая и настаивая, что поступать так и верить в сии чародейства, прорицательства и суеверные деяния и прибегать к ним не является грехом и даже не запрещено, но скорее дозвоительно, похвально и пристойно. Так она утверждала, подстрекая к сим заблуждениям и злодействам весьма многих особ различных сословий, как одного, так и другого пола, и запечатлевая таковые и подобные им мысли в их сердцах. И сия Жанна, творя и совершая названные преступления, была взята и арестована в пределах и границах вашего диоцеза Бове.

По сей второй статье Жанна ответила: что до прорицательств, чародейств и суеверных деяний — она [их] отрицает¹¹; что до «поклонения» — она говорит, что если кто и целовал ее руки или одежды, сие вовсе не было подстроено ею и [делалось] не по ее воле; и она сего остерегалась и препятствовала сему по мере сил. Остальное она отрицает.

И недавно, в субботу, 3 марта названного года, по содержанию статьи и по вопросу о том, знала ли она мысли своих сторонников, когда те целовали ей руки, ноги и одежды, она ответила, что многие люди охотно на нее смотрели. И вместе с тем она сказала, что [старалась, чтобы] одежды ее они целовали как можно меньше; а бедняки приходили к ней потому, что она не доставляла им огорчений, но поддерживала по мере сил (см. с. 62).

Далее, в субботу, 10 числа того же месяца марта, на вопрос о том, был ли ей некий голос, повелевавший совершить вылазку, в тот день, когда она оную вылазку — по-французски *бросок* — совершила и была пленена, ответила, что в тот день она вовсе не знала заранее о своем пленении, и ей не было никакого повеления выступать; но ей всегда говорилось, что она будет пленницей. Далее, спрошенная, проехала ли она, совершая сию вылазку, по мосту названного города Компьени, ответила, что да, и по бульвару [тоже]; и она пошла в сопровождении своих людей на людей монсеньера Люксембургского, коих оттеснила дважды до лагеря бургиньонов, а в третий раз — до полпути; тогда англичане, кои там пребывали, перерезали дорогу ей и ее людям, [встав] между ней и означенным бульваром. Вот почему ее люди отступили, и она, отходя в поля по направлению к Пикардии, была взята у бульвара; и там была река между Компьенью и местом, где ее взяли, и не было между ней и Компьенью ничего иного, кроме реки, бульвара и рва того же бульвара (см. с. 68).

III. Далее, названная обвиняемая погрязла во множестве различных тяжчайших заблуждений, отдающих грехом ереси; она произносила, провозглашала, изрекала, утверждала, распространяла и запечатлевала в сердцах простого люда суждения ложные, лживые, с привкусом ереси и [откровенно] еретические, чуждые, посторонние и противные нашей католической вере, ее догматам, евангельским изречениям, положениям, выработанным и утвержденным на вселенских соборах, праву не только божественному, но и каноническому и гражданскому, [а также] возмутительные, колдовские, противные добрым нравам и оскорбительные для слуха благочестивого суждения. И тем, кто выражал, утверждал как догматы, изрекал, произносил и разглашал в народе таковые суждения, она оказывала совет и поддержку.

Сию статью Жанна отрицает и утверждает, что по мере своих сил поддерживала Церковь.

IV. И дабы полнее и подробнее осведомить вас, монсеньеры судьи, о бесчестных деяниях, проступках, преступлениях и правонарушениях, совершенных обвиняемой в названном диоцезе и во многих иных местах сего королевства, как сообщено выше, [я скажу вам следующее]. Верно, что названная обвиняемая является уроженкой деревни Грё, отец ее — Жак д'Арк, а мать, Изабелла, — его [законная] жена. В юности, до возраста 18 лет или около того, она воспитывалась в деревне Домреми на берегу реки Мёз, в Тульском диоцезе, в бальяже

Шомон-ан-Бассиньи, в превотстве Монтеклер и Англо. Она Жанна в юности своей не была достаточно хорошо воспитана и наставлена ни в вере, ни в основных ее началах, но некие старухи приучили и пристрастили ее к колдовским обычаям, прорицательствам и прочим суеверными деяниям и магическим искусствам; о жителях сих деревень издревле идет молва, будто они занимаются колдовством. И она Жанна говорит, что от некоторых людей, в особенности же от своей крестной, она слышала о видениях и явлениях фей или духов фей; и, следуя наставлениям других людей, она до такой степени погрязла в дурных и пагубных заблуждениях в отношении сих духов, что, [отвечая] по закону, призналась пред вами, что до сих пор не знает, являются ли феи злыми духами.

По сей статье Жанна ответила, что признает ее первую часть, то есть то, что касается ее отца и матери и места ее рождения; что же до дам фей, то она не знает, что сие такое. Что до обучения, то она восприняла веру и была хорошо и должным образом наставлена, как полагается хорошему ребенку. А что касается ее крестной, — она ссылается на то, что уже однажды о сем сказала.

И на требование произнести Credo etc., она ответила: «Спросите у моего духовника, коему я сие сказала»¹².

V. Далее, близ оной деревни Домреми есть большое, могучее и древнее дерево, кое молва зовет «колдовским волшебным деревом Бурлемона», и подле сего древа есть источник; вокруг них, как говорят, обитают злые духи, прозванные феями, с коими те, кто занимается колдовством, имеют обыкновение плясать по ночам — и всё вокруг названных древа и источника»¹³.

По сей статье, о древе и источнике, Жанна ссылается на другое показание, кое дала по сему поводу; остальное же отрицает (см. с. 48).

Спрошенная в субботу, 24 февраля, о древе etc., ответила, что довольно близко от деревни Домреми есть дерево, прозванное Древом дам, кое некоторые зовут Древом фей, и близ него есть источник; она слышала также, что больные лихорадкой пьют из него, — и сама она пила, — и они приходят за водой сего источника, дабы исцелиться; но ей не известно, исцелялись они или нет.

Далее, в четверг, 1 марта, спрошенная, говорили ли с нею святые Екатерина и Маргарита под сим деревом, ответила, что ничего о том не знает. И вновь спрошенная, говорили ли с нею названные святые у источника, ответила, что да и что она их там слышала; но того, о чем они ей тогда сказали, не знает.

Снова в тот же день спрошенная, пообещали ли они ей что-нибудь, ответила, что они не давали ей никаких обещаний иначе, как с позволения Господа Нашего (см. с. 57).

Далее, в субботу, 17 марта, спрошенная, слывет ли ее крестная, видевшая дам фей, женщиной мудрой, ответила, что она считается и слывет женщиной доброй и достойной, — не прорицательницей и не ведьмой. Снова в тот же день спрошенная, верила ли она до 17 марта, что дамы феи суть злые духи, ответила, что ничего о том не знает. Далее, сего 17 марта спрошенная, знает ли она что-нибудь о тех, кто летает вместе с феями, ответила, что никогда ничего такого не делала и ничего о том не знает. Хотя она слышала, что туда летают по четвергам, но она тому не верит и думает, что скорее всего сие — от колдовства (см. с. 88).

VI. *Далее, Жанна имела обыкновение посещать оные древо и источник, чаще всего по ночам, а иногда и днем, особенно в часы, когда в церкви отправлялись богослужения, дабы быть в одиночестве; и она кружилась в пляске вокруг древа и источника; затем развешивала на ветвях оногo древа многочисленные гирлянды из различных трав и цветов, сделанные собственноручно, произнося и распевая, до и после того, некие песни и заклинания с призывами, ворожбой и прочим колдовством. Наутро сии гирлянды полностью оттуда исчезали.*

По сей статье от названного 27 марта, она ответила, что ссылается на другой ответ, данный ею ранее, а прочее из содержимого статьи отрицает.

В субботу, 24 февраля, спрошенная насчет древа, сказала, что слышала, будто больные, когда могут подняться, ходят к древу на прогулку; сие большое древо, бук, откуда берут *красный май*, как говорят по-французски; и считалось, что оно принадлежало сеньору Пьеру де Бурлемону. Далее, она сказала, что несколько раз в летнее время ходила на прогулку вместе с другими девочками, и там они плели венки для [образа] Богоматери Домреми.

Далее, она слышала, как многие старики, не из ее семьи, говорили, будто туда часто наведываются феи; и она также слышала от некоей Жанны из оной деревни, жены мэра Обри и ее крестной, что та видела названных фей; она не знает, правда ли сие. Далее она сказала, что никогда не видела там оных фей, насколько ей известно. А если и видела где-нибудь, то о том не ведает. Далее она сказала, что видела, как девочки развешивали гирлянды меж листвы оногo древа, и она сама их вешала вместе с другими; иногда она их забирала, а иногда оставляла там. Она сказала затем, что после того, как узнала, что должна пойти во Францию, она редко ходила на прогулки или развлечения, — так редко, как только могла; и не знает, плясала ли у сего древа после того, как стала смышленной; однако, до того она могла и плясать у сего древа вместе с детьми; и пела она там больше, нежели плясала. Кроме того, она сказала, что там есть лес, именуемый Дубравой, [каковой виден] из дверей [дома] ее отца и каковой находится от них на расстоянии полулье. Она сказала также, что не знает и не слышала, чтобы там, то есть в сем лесу, собирались феи; меж тем она слышала от брата, после того, как покинула свой край, что говорили, будто она, Жанна, получила свою силу от Древа фей, чего на самом деле не было, и она говорила о том брату. Далее она сказала, что когда предстала пред своим королем, некоторые спрашивали ее, есть ли на ее родине лес, именуемый Дубравой, поскольку существуют пророчества, гласящие, что из некой дубравы должна придти девица, коей предстоит совершить удивительные дела; но она тому не верит (см. с. 48).

VII. *Далее, Жанна порой имела обыкновение носить на своей груди мандрагору, надеясь благораия ей обрести удачу и процветание, а также богатства и мирские блага. Она утверждала, что таковая мандрагора хороша и действена.*

Сию статью о мандрагоре она отрицает полностью.

Спрошенная в четверг, 1 марта, о том, что она сделала со своей мандрагорой, ответила, что у нее таковой никогда не было, но она слышала, будто таковая росла близ ее деревни; однако она никогда ни одной не видела. Далее она сказа-

ла, что слышала, будто сие опасная вещь и хранить ее дурно, а для чего она служит, ей не известно. Спрошенная о месте, где находится та, о коей она слышала, ответила, что говорили, будто она в земле подле древа, но [точного] места она не знает; но она слышала, что над сим местом есть куст, именуемый орешником (см. с. 58).

Спрошенная, для чего служит сия мандрагора, ответила, что слышала, будто она приносит деньги; но она сему не верит, и голос ничего и никогда ей о том не говорил.

VIII. Далее, Жанна в возрасте около двадцати лет, по собственной воле и без дозволения отца с матерью добралась до города Нёфшато в Лотарингии и там в течение долгого времени служила некоей женщине, хозяйке постоянного двора, по прозвищу Рыжая, у коей постоянно обретались нескромные девушки и почти всегда останавливались солдаты¹⁴. Так, проживая на сем постоянном дворе, Жанна то пребывала с сими женщинами, то вела скотину в поле или лошадей на водопой, в луга и на пастбища; и там она научилась ездить верхом и обращаться с оружием.

По сей статье Жанна ответила, что полагается на то, что уже однажды отвечала; остальное отрицает.

В четверг, 22 февраля, она призналась, что из-за бургиньонов покинула отчий дом и пошла в город Нёфшато, к некоей женщине по прозванию Рыжая, и пробыла там около 15 дней, занимаясь домашним хозяйством; и она не ходила в поле (см. с. 41).

Далее, в субботу, 24 дня того же месяца, спрошенная, вела ли она стадо в поле, сказала, что уже на то ответила. И затем сказала, что после того, как стала взрослой и смышленной, обыкновенно не пасла скотину, но помогала выгонять ее в поле и в замок Иль из страха перед воинами. Но пасла ли в детстве скотину или нет, того она не помнит (см. с. 47).

IX. Далее, Жанна, состоя в сем услужении, вызвала некоего юношу к официалу¹⁵ города Туль по делу о женитьбе; в ходе процесса она многократно ходила в Туль и потратила ради сего дела почти все, что у нее было. Сей юноша, зная, что она жила с названными женщинами, отказался на ней жениться; он умер, пока дело еще рассматривалось. Вслед за тем Жанна, по нетерпению своему, оставила сию службу.

По сей статье о брачном процессе Жанна сказала, что недавно уже отвечала и полагается на свой ответ; остальное она отрицает.

В понедельник, 12 марта, спрошенная, кто надоумил ее вызвать в суд некоего мужчину в городе Туль по делу о женитьбе, ответила, что не вызывала его, но он сам ее вызвал, и там она клялась пред судьей говорить правду, и, наконец, поклялась, что не давала обещания сему мужчине. Она сказала также, что голоса заверили ее, что она выиграет свой процесс (см. с. 72).

X. Далее, Жанна говорила, что после ухода из услужения от Рыжей ее посещали, и посещают вот уже пять лет, видения и явления святого Михаила и святых Екатерины и Маргариты, и что ими ей ясно было открыто от Бога, что она снимет осаду с Орлеана, коронует Карла, коего зовет своим королем,

и изгонит всех его противников из королевства Французского; наперекор отцу и матери и несмотря на их сопротивление, она ушла из дому и по собственному почину, самостоятельно, отправилась в город Вокулёр, дабы встретиться с тамошним капитаном Робером де Бодрикуром, ибо он был ей указан святыми Михаилом, Маргаритой и Екатериной, в видениях и откровениях, данных названной Жанне от Бога, как она говорит; она попросила Робера найти способ, чтобы ей исполнить ее откровения. После того, как оный Робер дважды отказал ей и она вернулась домой, [а затем,] снова получив из откровений приказ возобновить [усилия], на третий раз она была принята и выслушана названным Робером.

По сей статье она сказала, что полагается на то, что уже однажды ответила.

В четверг, 22 февраля, она призналась, что в возрасте 13 лет, имела от Господа Нашего голос, или откровение, [посланное] с тем, чтобы помочь ей блюсти себя; и в первый раз она сильно испугалась, и было сие около полудня, летом; и она была в саду своего отца; она тогда постилась, а накануне — нет. Сей голос она слышала справа, со стороны церкви; и редко так бывает, чтобы не исходило сияние с той же стороны, откуда слышится голос; и часто там сильное сияние. И когда пришла во Францию, она часто слышала сей голос; и в первый раз там было сильное сияние. Она сказала также, что если бы находилась в лесу, то хорошо бы слышала голоса. Она сказала еще, что голос показался ей достойным, и она верит, что голос послан от Бога; после того, как она услышала его в третий раз, она узнала, что сие — голос ангела (см. с. 41).

Она вновь сказала, что сей голос всегда хранил ее, а она хорошо его понимала. Спрошенная о наставлениях, кои [голос] давал ей во спасение души, ответила, что он учил ее хорошо себя вести, посещать церковь и что ей необходимо пойти во Францию. Она сказала также, что на сей раз дознаватель не добьется от нее, в каком виде сей голос ей явился. Далее она сказала, будто сей голос говорил ей дважды или трижды в неделю, что ей нужно уйти и отправиться во Францию, и чтобы отец ничего не знал о ее уходе. Она сказала затем, будто сей голос говорил ей, что нужно, чтобы она пошла во Францию, и [посему] она не могла больше оставаться дома; и что она снимет осаду с Орлеана. Далее, она сказала, что, когда пришла в Вокулёр, то узнала Робера де Бодрикура, коего никогда прежде не видала и коему сказала, что, согласно откровению, полученному ею от голоса, ей нужно идти во Францию; и сего Робера она узнала через голос, сказавший ей, что сие — он. Дважды Робер отказывал ей, а на третий раз принял [ее] и дал ей людей, как и говорили голоса (см. с. 42).

Далее, в субботу, 24 февраля, спрошенная, в котором часу она [в последний раз] слышала голос, ответила, что слышала его вчера и сегодня, 24 февраля, — а точнее, вчера [она слышала его] трижды: первый раз утром, второй — на вечерне, а третий — на Ave Maria; и [она слышит голос] даже чаще, чем указывает и говорит. И вчера утром, когда спала, она была разбужена не прикосновением, но лишь звуком голоса; и она не знала, пребывал ли голос в ее темнице, но она твердо знает, что голос был в замке, в коем находится она темница. Далее, она призналась, что в первый раз, когда голос пришел к ней, ей было 13 лет или около того (см. с. 46, 47).

Далее, во вторник, 27 числа того месяца, она сказала, что минуло добрых семь лет с тех пор как святые Екатерина и Маргарита впервые взяли ее под свою опеку. Спрошенная, явился ли ей сперва святой Михаил, ответила, что да, и она получила от сего подкрепление (reconfort). «И я не говорю вам о голосе святого Михаила, а говорю о великом от него подкреплении». Спрошенная, каков был первый голос, пришедший к ней, когда ей было 13 лет или около того, ответила, что то был святой Михаил, коего она увидела пред собою; и он был не один, но его сопровождали ангелы небесные. Она сказала затем, что пришла во Францию не иначе, как по велению Бога. Спрошенная, видела ли она святого Михаила и ангелов телесными очами и определенно, ответила: своими телесными очами, так же хорошо, как видит заседателей в зале. И когда названные Михаил и ангелы ее покидали, она плакала и сильно желала, чтобы они взяли ее с собой. Спрошенная в сей день, 27 марта: когда она видела голос, был ли с ним некий свет, ответила, что было много света со всех сторон, и так оно и подобает (см. 50, 51).

В четверг, 1 марта, спрошенная, говорила ли она со вторника со святыми Екатериной и Маргаритой, ответила, что да — вчера и сегодня, но не знает, в котором часу; и нет дня, чтобы она их не слышала (см. с. 56).

В понедельник, 12 марта, спрошенная, справлялась ли она у своих голосов, говорить отцу и матери о своем уходе или нет, ответила: что до отца с матерью, то голоса были бы вполне довольны, предупреди она их о своем уходе, если б только не угроза кары, коей родители подвергли бы ее впоследствии; а что до нее самой, то она никогда и ни за что им не открылась бы; и сообщить о своем уходе отцу и матери, либо же смолчать — голоса предоставили решать сие самой Жанне, ныне о том свидетельствующей. Спрошенная, касались ли отцовские сны ее самой и ее ухода, ответила, что когда она еще жила в отчем доме, мать много раз говорила ей, со слов отца, будто ему приснилось, как Жанна уходит вместе с воинами; и отец с матерью очень ревностно ее блюли, держа в строгом повиновении; и она подчинялась им во всем, кроме процесса в Туле по делу о женитьбе. Далее, она слышала от своей матери, что отец обращался к ее братьям с таким наказом: «Поистине, если б я понял, что таковое свершилось, и мне [тогда] и правда приснилась моя дочь, я желал бы, чтоб вы ее утопили, а если б вы того не сделали, утопил бы ее сам». И ее родители едва не утратили разум, когда она ушла, чтобы отправится в Вокулёр. Спрошенная, были ли сии сны ее отцу уже после того, как ее стали посещать видения или голоса, ответила, что да, [сие произошло] спустя два года, и даже более, после того как ее впервые посетили голоса (см. с. 72).

XI. Далее, Жанна, будучи в тесном общении с оным Робером, сказала ему, похваляясь, что коли проделает и исполнит то, что по Божьему откровению было ей велено, то родит трех сыновей, из коих первый станет папой, второй — императором, а третий — королем. Оный капитан, выслушав сие, сказал ей: «Хотел бы я сделать тебе одного из них, раз то будут столь важные люди, — тогда и я сделаюсь поважнее». Она ответила ему: «Благородный Робер, нет, нет, еще не время; Святой Дух о том позаботится», — согласно тому, что оный Робер утверждал, говорил и разглашал в разных местах, в присутствии прелатов, крупных сеньоров и знатных особ.

По сей статье Жанна сказала, что полагается на то, что уже однажды ответила. Она сказала, что сим, то есть тем, что родит трех сыновей, она не похвлялась.

В понедельник, 12 марта, спрошенная, называли ли ее голоса *дщерью Божьей* или *дщерью Церкви*, или *великодушной дщерью*, она ответила, что перед снятием осады с Орлеана и после того, — всегда, когда говорили с нею, — они многократно называли ее *Жанной Девицей*, *дщерью Божьей* (см. с. 73).

*ХII. Далее, с тем, чтобы лучше и с большей оглаской осуществить свою за-
тею, Жанна попросила одного капитана добыть ей, как полагается, мужское
платье и вооружение, что он и сделал, хоть и против воли и с великим отвраще-
нием, уступив наконец просьбе Жанны. И когда сии платье и вооружение были
сшиты, собраны и изготовлены, Жанна, забыв и отвергнув всякое женское оде-
яние, с волосами, постриженными в кружок на юношеский лад¹⁶, надела кур-
тку, штаны¹⁷, пурпур¹⁸, соединенный со штанами, длинными и привязан-
ными к пурпуру двадцатью шнурками, высокие башмаки с наружней шнуров-
кой, короткую робу — до колен или примерно такую¹⁹, — шапочку²⁰, тесные
сапоги или краги²¹, шпоры, меч, дагу²², кольчугу, копье и прочее оружие, коим
вооружилась наподобие воинов; и так она занималась воинским делом, утверж-
дая, что сим исполняет веление Божье, данное ей в откровениях, и делает сие
от [имени] Бога.*

По сей статье Жанна сказала, что полагается на то, что уже ответила однаж-
ды.

И затем, спрошенная, надела ли она сии платье и доспех вместе с прочими
воинскими принадлежностями по велению Бога, ответила, что полагается, как
и выше, на то, что уже однажды отвечала.

В четверг, 22 февраля, она призналась, что голос сказал ей идти к Роберу,
капитану Вокулёра, — и он даст ей людей; она ответила, что всего лишь бедная
девушка и не умеет ни ездить верхом, ни вести войну. Далее, по ее признанию,
она сказала своему дяде, что хочет остаться ненадолго у него; и она пробыла там
восемь дней или около того. Она сказала своему дяде, что нужно, чтобы она по-
шла в Вокулёр, и он проводил ее туда. Далее она сказала, что надела мужское
платье, когда пошла к своему королю.

Она сказала также, что прежде чем пошла к королю, герцог Лотарингский
послал за нею, и она явилась к нему и сказала, что хочет идти во Францию.
Он спросил ее о своем здоровье, и она сказала ему, что ничего о том не знает; она
мало чего рассказала ему о своем путешествии. Далее, она сказала герцогу, что-
бы тот дал ей своего сына и людей, кои проводили бы ее во Францию, и она
будет молить Бога о его здоровье. Она отправилась к герцогу под охранной гра-
мотой, а оттуда вернулась в Вокулёр.

Далее она сказала, что при отъезде из Вокулёра была в мужской одежде,
с мечом, подаренным ей оным Робером, без иного оружия, в сопровождении
рыцаря, оруженосца и четырех слуг; она остановилась на ночлег в Сент-Урбэн
и провела ночь в аббатстве. Она сказала также, что продолжая путь, проехала
через Осер, где отслушала мессу в главной церкви; и голоса часто были с нею.
Затем она сказала, что Робер взял с ее провожатых клятву о том, что они доста-

вят ее в целости и сохранности (*bien et surement*); и при отъезде Робер сказал Жанне: «Езжай, и будь, что будет!»²³. Она сказала также, что ей было нужно сменить свое платье на мужское, ибо, как она полагает, ее совет о том говорил. Она сказала также, что добралась без помех до своего короля, коему сперва отправила послание, когда была еще в Сен-Катрин-де-Фьербуа (см. с. 42, 43).

Во вторник, 27 февраля, спрошенная, велел ли ей голос надеть мужское платье, ответила: что до платья, то все сие — мелочи и пустяки; она не надевала мужского платья по совету кого-либо из мира сего; и она не надевала сего платья и не совершала ничего иначе, как по повелению Господа Нашего и ангелов; и она никогда не надевала его по приказу названного Робера. Спрошенная, хорошо ли она поступила, надевая сие платье, ответила, что верит, будто во всем, что сделала по велению Господа Нашего, она поступила хорошо и надеется в том на благое ручательство и помощь. Она сказала также, что у нее был меч, каковой она взяла в Вокулёре (см. с. 51).

12 марта, спрошенная, по настоянию ли одного Робера надела она сие платье и было ли ей веление голосов насчет Робера, ответила как выше. По поводу голоса, ответила, что все, что совершила благого, она совершила по велению голосов; а что до платья, то она ответит в другой раз, поскольку пока не готова (*n'en a pas été avisée*), но ответит на сие завтра (см. с. 73).

В субботу, 17 марта, спрошенная, какого ручательства и какой помощи ожидает она от Господа Нашего, поскольку носит мужское платье, ответила: что до платья и всего прочего, что она совершила, — она не желает иметь за то иного воздаяния, кроме спасения души (см. с. 89).

ХIII. Далее, Жанна утверждает, что Бог, его ангелы и святые велели ей совершать поступки, кои [на самом деле] противны женскому естеству, запрещены божественным законом, отвратительны как Богу, так и людям и воспрещены Церковью под страхом анафемы, а именно: надевать мужское платье, как верхнее, то есть короткое, узкое и распутное, так и исподнее — штаны и прочее. Следуя их повелениям, она порой одевалась в пышные и великолепные одежды из ценного и золотого сукна, а также из меха. И она пользовалась не только короткими туниками, но также табарами²⁴ и роба́ми с разрезами по обеим сторонам; она также носила на голове шапочки или береты и волосы, остриженные на мужской лад; и полностью отринув женский стыд, не только вопреки женским приличиям, но даже тому, что пристало благонравным мужчинам, она пользовалась все больше теми нарядами, кои обыкновенно надевают самые распутные мужчины, и даже носила опасное оружие. Приписывать сие велениям Бога, святых ангелов, а также святых Дев — значит хулить Бога и его святых, уничтожать Божественные законы, преступать каноническое право, позорить женский пол и его достоинство, нарушать всякое приличие в одежде, утверждать образцы всяческого распутства в роду человеческом и соблазнять людей на такие поступки.

По сей статье Жанна ответила, что не хулила ни Бога, ни его святых²⁵ (см. с. 65).

Во вторник, 27 февраля, спрошенная, считает ли она данное ей повеление надеть мужское платье законным (*licite*), ответила, что все, совершенное ею, совершено по велению Господа Нашего, и если б она велел Жанне надеть другое

платье, она надела бы его, поскольку сие было бы сделано по велению Божьему. Спрошенная, считает ли она, что поступила хорошо в сем особом случае с мужским платьем, ответила, что не надевала его без повеления Божьего и что все, совершенное ею в миру, было сделано по велению Божьему.

В субботу, 3 марта, спрошенная, справлялся ли ее король, когда она впервые предстала пред ним, о том, по откровению ли она сменила наряд, сказала: «Я уже недавно ответила вам, и не помню [точно], спрашивали у меня о том или нет». И затем она сказала, что сие записано в Пуатье (см. с. 60).

Далее, в ту же субботу, 3 марта, спрошенная, думает ли она, что совершит беззаконие или смертный грех, надев женское платье, ответила, что поступает лучше, повинаясь и служа своему суверенному сеньору, то есть Богу (см. с. 61).

XIV. Далее, Жанна утверждает, что поступает хорошо, пользуясь такими одеждами и распутными мужскими нарядами; и она желает в сем упорствовать, говоря, что не оставит их, ибо не имеет прямого Божьего дозволения через откровение. Сим она наносит оскорбление Богу, его ангелам и святым.

По сей статье Жанна ответила, что не делает ничего дурного, служа Богу, и что ответит нам на другой день²⁶ по содержанию статьи.

И в тот же день, спрошенная другим заседателем, получила ли она откровение или повеление носить мужское платье, сказала, что уже ответила и на то полагается; и затем сказала, что на другой день даст ответ. И затем сказала, что хорошо знает, кто заставил ее надеть мужское платье; однако она совершенно не знает, как должна сие открыть²⁷.

Далее, в субботу, 24 февраля, спрошенная, желает ли она, чтобы у нее было женское платье, ответила: «Если вы хотите отпустить меня, дайте мне женское платье, я надену его и уйду, а иначе — нет; и я довольствуюсь своим, раз Богу угодно, чтобы я его носила» (см. с. 48).

Далее, в понедельник, 12 марта, спрошенная, думала ли она, что поступает дурно, надевая мужское платье, ответила, что нет; и даже более того: ей кажется, что будь она теперь среди своих и в сем мужском платье — поступать так, как она поступала до своего пленения, было бы одним из величайших благ для Франции (см. с. 74).

Далее, в субботу, 17 марта, спрошенная: поскольку сказала, что носит мужское платье по велению Бога, зачем же она просит женскую рубашу на случай смерти, ответила, что ей довольно, если рубаша будет длинная (см. с. 88).

XV. Далее, поскольку Жанна несколько раз и многократно просила, чтобы ей позволили отслушать мессу, ее предупредили, что ей следует оставить мужское платье и снова надеть женское. Когда судьи дали ей надежду, что ее допустят к мессе и к святым таинствам, если она соизволит окончательно отказаться от мужского платья и надеть женское, приличное ее полу, она не пожелала сего принять, но предпочла скорее не участвовать в приобщении к таинствам и в богослужениях, нежели отказаться от сего платья, [при том] делая вид, будто сие не угодно Богу.

По сей статье, в означенный вторник, 27 марта, Жанна ответила, что ей предпочтительнее умереть, чем отказаться от того, что она совершила по велению Господа Нашего.

В означенный день, спрошенная, желает ли она оставить мужское платье, чтобы отслушать мессу, ответила: что до платья, кое носит, она его пока не оставит; и вовсе не от нее зависит [назначить] срок, когда она его оставит.

Далее, в тот же день, она сказала, что если судьи не разрешат ей отслушать мессу, то вполне в воле Господа Нашего дать ей ее отслушать, когда ему будет угодно, — без них.

Далее, по оставшейся части статьи она ответила, что ее, конечно, побуждали надеть женское платье, но что до непочтения и тому подобного — она сие отрицает.

Далее, в четверг, 15 марта, спрошенная о том, что предпочтет: надеть женское платье и слушать мессу или остаться в мужском платье и не слушать мессы, ответила: «Поручитесь мне, что я отслушаю мессу, если буду в женском платье и тогда я вам отвечу». На что ей было сказано дознавателем, что он в том ручается. Тогда названная Жанна ответила: «Что вы скажете, если я поклялась и пообещала нашему королю не снимать сего платья? И все же я отвечаю: велите сшить мне длинное до пола платье, без шлейфа, и дайте мне его, чтобы идти к мессе; а затем, по возвращении, я вновь надену платье, каковое [сейчас] на мне». Спрошенная вновь, наденет ли она женское платье раз и навсегда, чтобы идти к мессе, ответила: «Я испрошу о том совета, а после вам отвечу». И затем она попросила во имя Божье и Царицы Небесной, чтобы ей разрешили отслушать мессу в сем добром городе. На что ей было сказано надеть женское платье просто и безоговорочно. И на сие Жанна ответила: «Дайте мне платье, как у дочери горожанина, то есть длинный упланд, а также женскую шапочку, — и я надену их, чтобы отслушать мессу». И, помимо того, она просила так настойчиво, как только могла, чтобы ей оставили платье, кое она носит, и дозволили отслушать мессу без переодевания (см. с. 84–85).

Далее, в субботу, 17 марта, спрошенная по поводу ее речей об оном женском платье, кое ей предлагали, чтобы она могла прослушать мессу, она ответила: что до женского платья, она пока не наденет его, согласно воле Господа Нашего; и если придется вести ее на казнь и раздеть, она просит сеньоров священников, чтобы они даровали ей милость быть в женской рубаше и с капюшоном на голове; ибо она предпочтет скорее умереть, чем отречься от того, что велел ей совершить Наш Господь. И она крепко верит, что Господь Наш не попустит, чтобы она пала так низко и не обрела бы помощи Божьей скорейшим и чудесным образом. Далее, в тот же день, спрошенная: поскольку она сказала, что наденет женское платье при условии, что ей позволят уйти отсюда, будет ли сие угодно Богу, она ответила: если ее отпустят в женском платье, она [затем] переоденется в мужское и станет делать то, что было ей велено Господом Нашим; и она ни за что не поклянется, что не будет вооружаться или переодеваться в мужское платье, дабы [всегда] быть угодной Господу Нашему и исполнять его волю (см. с. 88).

XVI. Далее, уже после пленения Жанны, в замке Бореуар и в Аррасе, знатные и именитые особы обоих полов многократно и милосердно увещали ее оста-

вить мужское платье и вновь надеть одежды, присущие и подобающие ее полу. Она наотрез отказалась сделать сие и, как было сказано, по-прежнему упорно отказывается, равно как [отказывается] и от каких-либо трудов, приличествующих женскому полу, во всем ведя себя более по-мужски, нежели по-женски.

По сей статье Жанна ответила, что в Аррасе и в замке Бореуар ее действительно побуждали надеть женское платье; она тогда отказалась и по-прежнему отказывается. А что до женской работы, — она говорит, что хватает других женщин, чтобы ее выполнять.

В субботу, 3 марта, на вопрос, помнит ли она о том, спрашивали ли ее магистры, находящиеся в ином подчинении, кои испытывали ее, — одни в течение месяца, а другие — в течение трех недель, — о смене платья, ответила, что не помнит; но они спросили ее, где она надела сие мужское платье, и она ответила, что в Вокулёре. Спрошенная, не задавали ли они ей вопроса о том, по приказу ли своих голосов она его надела, ответила, что не помнит; и не помнит, спрашивала ли ее о том королева. Далее, спрошенная о том, просили ли ее король, королева и прочие из их сторонников²⁸ снять сие платье и надеть женское, ответила: «Сие не для вашего процесса» (см. с. 60–61).

Затем, спрошенная, просили ли ее о том в Бореуаре, ответила: да, правда; и она ответила тогда, что не станет переодеваться без дозволения Господа Нашего. Далее, она сказала, что демуазель де Люксембург попросила монсеньера Люксембургского, чтобы ее, Жанну, не выдавали англичанам. Далее, она сказала, что названная демуазель и дама де Бореуар предложили [дать] ей женское платье или сукно для него, прося о том, чтобы она его носила; она ответила им, что у нее нет дозволения Господа Нашего и что время еще не пришло. И она сказала, кроме того, что мессир Жан де Пресси, рыцарь, и некоторые другие предлагали ей женское платье в Аррасе и многократно спрашивали ее, не желает ли она сменить платье. Помимо того, она сказала, что если б ей пришлось переодеться, она охотнее сделала бы сие по просьбе двух названных дам, чем по просьбе кого-либо еще во Франции, за исключением своей королевы. Спрошенная: когда Бог открыл ей, что она [должна] сменить платье, было ли сие [открыто] голосом святого Михаила или голосами святых Екатерины и Маргариты, ответила: «Вы не получите сейчас иного [ответа]» (см. с. 61).

XVII. Далее, когда оная Жанна предстала пред названным Карлом в таковом одеянии и вооружении, как было сказано, она дала ему, среди прочего, три обещания: во-первых, — что она снимет осаду с Орлеана, во-вторых, — что она коронует его в Реймсе, и в-третьих, — что отомстит за него его противникам и своим искусством²⁹ либо убьет их всех, либо изгонит из сего королевства — как англичан, так и бургундцев. И тремя сими обещаниями Жанна не раз хвалилась повсеместно и всенародно. И дабы речам и деяниям ее было больше веры, тогда и с тех пор она часто прибегала к прорицательствам, разоблачавшим нравы, жизнь и тайные дела некоторых особ, к ней приходивших, коих она не знала и не видала прежде, — и похвалялась она, будто знает сие из откровений.

По сей статье Жанна ответила, что принесла своему королю весть от Бога: что Господь Наш вернет ему его королевство Французское, коронует его в Реймсе и изгонит его противников. И она была посланницей сего от Бога и говори-

ла [своему королю], чтобы он смело допустил ее к делу — и она снимет осаду с Орлеана. Далее она сказала, что говорила обо всем королевстве [в целом] и что если монсеньер Бургундский и другие подданные королевства не придут к повиновению, ее король подчинит их силой. Далее, по поводу окончания статьи, она сказала: что до того, каким образом она узнала Робера де Бодрикура и своего короля, она полагается в том на ответ, данный ею прежде.

В четверг, 22 февраля, она призналась, что когда пришла в Вокулёр, то узнала Робера де Бодрикура, хотя никогда прежде его не видела; и то было [известно ей] от голоса, сказавшего, что сие — он. Далее она сказала, что нашла своего короля в Шиноне, куда прибыла около полудня, и остановилась в гостинице, а после обеда пошла к своему королю в замок. Войдя же в покои, она узнала его среди прочих по совету голосов; королю она сказала, что хочет идти биться с англичанами (см. с. 42).

Во вторник, 13 марта, спрошенная о некоем священнике-прелюбодее, некоей потерянной серебряной чаше etc., она ответила, что о сем ничего не знает и никогда не слыхала (см. с. 78).

XVIII. *Далее, Жанна, в течении долгого времени, пока пребывала с названным Карлом, всячески отговаривала его и его людей от заключения какого-либо мирного договора или соглашения с его противниками; она постоянно подстрекала их к убийству и пролитию крови человеческой, утверждая, что мир не обретут иначе, как острием копья и меча, и что Бог так повелел, поскольку иначе противники короля не бросят то, что захватили в сем королевстве; и, по ее словам, воевать с ними так — одно из величайших благ, кои только могут выпасть на долю всем христианам.*

По сей статье Жанна ответила: что до герцога Бургундского, она просила его письменно и через послов заключить мир с ее королем; но что до англичан, то [единственный] мир, каковой [от них] требуется, — чтобы они отправились восвояси, в Англию.

А насчет остального из сей статьи она уже давала ответ, на каковой и полагается.

Во вторник, 27 февраля, спрошенная, почему она не согласилась на мир с капитаном Жаржо, ответила, что сеньоры ответили за нее англичанам, что им не будет отсрочки в пятнадцать дней, о коей они просили, но чтобы они тотчас же уходили вместе со своими лошадьми. А что до нее, то она сказала им, чтобы они уходили в своих пурпузах или туниках, если хотят остаться в живых; иначе их возьмут штурмом. Спрошенная, обсудила ли она со своим советом, то есть, со своими голосами, дать им отсрочку или нет, ответила, что не помнит (см. с. 54).

XIX. *Далее, Жанна, советуясь с демонами и прибегая к гаданиям, послала за мечом, спрятанным в церкви Сен-Катрин де Фьербуа; или же злодейски, путем обмана и искусства, спрятала его или велела спрятать в названной церкви, дабы, прельщая государей, знать, клириков и народ, заставить их с большей легкостью поверить, будто ей известно из откровения, что сей меч находится в том месте. Благодаря сему, а также иным подобным способам, она легче добивалась бы полного доверия к своим речам.*

По сей статье от вторника, 27 марта, Жанна сказала, что полагается на то, что уже ответила; а остальное в статье она отрицает.

Во вторник, 27 февраля, спрошенная, бывала ли она в Сен-Катрин де Фьербуа, ответила, что да, и она отслушала там три мессы за день, а оттуда отправилась в Шинон. Далее, в тот же вторник, 27 февраля, она сказала, что у нее был меч, за коим из Тура или Шинона она послала в Сен-Катрин де Фьербуа; и сей меч пребывал в земле, позади алтаря святой Екатерины; и довольно быстро оный меч нашли, весь в ржавчине (см. с. 52).

Спрошенная, откуда она знала, что сей меч был там, ответила, что он лежал в земле, покрытый ржавчиной, с пятью [выгравированными] крестами; она знала сие от своих голосов, и, по ее словам, она никогда прежде не видела человека, коего послала за названным мечом. И она написала священникам о том, угодно ли им, чтобы она взяла сей меч, и они ей его отослали. Он был неглубоко под землей, позади алтаря, как ей кажется; впрочем, она не знает точно, было ли сие перед алтарем или позади него. Далее она сказала, что как только был найден оный меч, местные священники его встряхнули, — и ржавчина тотчас легко осыпалась; и то был оружейник из Тура — кто ездил за сим мечом. Служители церкви св. Екатерины подарили ей ножны, и турецкие [церковники] тоже; и они велели сделать двое ножен: одни из алого бархата, другие — из золотого сукна, а она сама велела сделать еще одни — из крепкой кожи. Она сказала также, что когда попала в плен, при ней не было сего меча, каковой она всегда носила до своего отъезда из Сен-Дени. Спрошенная, освятила ли она или велела ли освятить сей меч, ответила, что нет, и не знала бы [в таком случае], что [нужно] делать. Далее она сказала, что сильно любила сей меч, поскольку он был найден в церкви святой Екатерины, каковую она очень любит (см. с. 53).

Далее, в субботу, 17 марта, спрошенная, для чего предназначались пять крестов, кои были на мече, найденном в церкви Сен-Катрин де Фьербуа, ответила, что ничего о том не знает (см. с. 89).

XX. Далее, Жанна наложила заклятье на кольцо, штандарт, на некоторые отрезы ткани и вымпелы, кои она обыкновенно носила [сама] или заставляла носить своих людей, а также на меч, найденный, как она говорит, по откровению в Сен-Катрин де Фьербуа; она говорила при том, что все сии предметы — «счастливые». И она повсеместно произносила над ними многочисленные заклятия и заклинания, прилюдно утверждая, что через них совершит великие деяния и добьется победы над своими противниками. Она утверждала также, что атакам и [прочим] делам ее людей, кои носили подобные вымпелы, не может быть никакого сопротивления, и сами они не могут потерпеть никакой неудачи. И именно сие она открыто и прилюдно заявила в Компьени накануне того дня, когда с неким отрядом совершила против монсеньера герцога Бургундского вылазку, в ходе коей, — при том, что множество ее людей было ранено, убито и пленено, — она [сама] была схвачена и пленена. И она заявляла и говорила то же самое в Сен-Дени, когда подстрекала войско пойти на приступ Парижа³⁰.

По сей статье, от вторника, 27 февраля, она сказала, что полагается на то, что уже отвечала ранее. И, кроме того, добавила, что в ее поступках нет ни

колдовства, ни какого-либо иного магического искусства; но что до удачи ее штандарта, она полагается на то, что оную удачу ниспослал Наш Господь.

Во вторник, 27 февраля, спрошенная, возлагала ли она свой меч на какой-нибудь алтарь, ответила, что нет, насколько знает, и не стала бы возлагать [его] ради того, чтобы ему было больше удачи. Спрошенная, был ли при ней ее меч, когда она попала в плен, ответила, что нет, но у нее был тот, что она взяла у одного бургиньона³¹ (см. с. 53).

Далее, в четверг, 1 марта, спрошенная, кто дал ей кольцо, кое [находится] у бургиньонов, ответила, что отец или мать, и ей кажется, что на нем было написано: ИИСУС МАРИЯ; но она не знает, кто велел сие написать; и, как ей кажется, на нем не было камня; и ей дали его в Домреми.

Она сказала также, что брат подарил ей кольцо, кое [находится] у нас, епископа, и каковое она поручает нам принести в дар Церкви. Далее, она сказала, что ни одним из своих колец она никого не врачевала и не исцеляла (см. с. 57).

Далее, в субботу, 3 марта, спрошенная: когда король допустил ее к делу и велел изготовить ее штандарт, велели ли воины и прочие солдаты, изготовить себе вымпелы наподобие ее штандарта, ответила: «Ясное дело, что у сеньоров есть свои гербы». Далее она сказала, что некоторые ее соратники заказали вымпелы по своему вкусу, другие же — нет. Спрошенная, из какой ткани они их заказали — из холста или из сукна, — ответила, что из белого атласа, и на некоторых были лилии; и в ее отряде было всего два или три копья³²; но ее соратники несколько раз приказывали изготовить вымпелы, похожие на ее [собственные], и они делали так лишь для того, чтобы отличать ее людей от других. Спрошенная, очень ли часто они обновлялись, ответила, что не знает; и когда копья ломались, тогда обновляли и вымпелы. Спрошенная, говорила ли она, что вымпелы, сделанные по примеру ее собственных, — счастливые, ответила, что несколько раз говорила: «Смело вторгайтесь в ряды англичан», — и вторгалась сама. Спрошенная, говорила ли она воинам, чтобы они смело носили свои вымпелы и [тогда] обретут удачу, ответила, что, действительно, говорила им о том, что уже случилось и что еще предстоит. Спрошенная, окропляла ли она и приказывала ли окропить названные вымпелы, когда их брали впервые, ответила, что ничего о том не знает; если сие и делалось, то не по ее приказанию. Спрошенная, видела ли она, как их окропляли, ответила: «Сие не для вашего процесса»; а если и видела, то сейчас не готова ответить. Спрошенная, велели ли ее соратники ставить на своих вымпелах [имена] ИИСУС МАРИЯ, ответила, что, честное слово, ничего о том не знает. Спрошенная, приказывала ли она нести ткань для изготовления сих вымпелов, совершая обход наподобие процессии вокруг алтаря или церкви, ответила, что нет, и не видела ничего подобного (см. с. 61–62).

Далее, в субботу, 17 марта, спрошенная, из чего сделано ее кольцо, на коем была надпись ИИСУС МАРИЯ, ответила, что точно не знает, и если оно золотое, то не из чистого золота; ей не известно, было ли оно из золота или из латуни, и она думает, что на нем было три креста, а больше, насколько она знает, [на нем] не было никаких знаков, кроме надписи ИИСУС МАРИЯ. Спрошенная, почему она так охотно глядела на сие кольцо, когда шла на воинское дело, ответила, что из удовольствия и почтения к отцу и матери, а также потому, что

имея сие кольцо на руке и пальце, она прикасалась к святой Екатерине, каковая ей являлась. Спрошенная, к какой части ее тела она прикасалась, ответила: «О сем вы [ничего] другого не узнаете» (см. с. 91).

XXI. *Далее, Жанна, движимая дерзостью и высокомерием, велела писать послания с именами ИИСУС МАРИЯ в заглавии, ставя меж ними знак креста, и посылать их нашему сеньору королю, монсеньеру Бедфорду, в те времена регенту королевства Французского, и сеньорам и капитанам, осаждавшим тогда Орлеан; сие послание, каковое приводится ниже, содержало в себе много дурного, пагубного и противного католической вере.*

По сей статье от 27 марта она ответила: что до послания, то она приказала его написать вовсе не из гордыни или высокомерия, но по велению Господа Нашего; и она полностью согласилась с содержанием сего послания, кроме двух-трех слов³³, а именно: «сдайте Девице», вместо чего, как она сказала, должно стоять «сдайте королю», и еще двух [выражений], а именно: «всех до единого» и «военачальник»³⁴. Сие послание начинается так: «Король Англии etc... и вверху надпись: ИИСУС + МАРИЯ (см. с. 43).

В субботу, 3 марта, спрошенная, твердо ли ее сторонники верят в то, что она послана от Бога, ответила, что не знает и оставляет сие на их усмотрение; и даже если не верят, то, по ее словам, она все равно послана от Бога. Спрошенная, думает ли она, что считая ее посланной от Бога, они имеют благую веру, ответила: «Если они сему верят, то нисколько в том не обманулись и не ошиблись» (см. с. 62).

XXII.

«ИИСУС + МАРИЯ

Король Англии и вы, герцог Бедфордский, называющий себя регентом королевства Французского; вы, Гийом Поль, граф Саффольк³⁵, Жан, сир Тальбот³⁶, и вы, Тома, сир де Скаль³⁷, называющий себя наместником названного герцога Бедфорда, послушайтесь Царя Небесного (faites raison au Roi...), сдайте Девице, посланной от Бога, Царя Небесного, ключи от всех добрых городов, кои вы захватили и осквернили во Франции. Она пришла сюда от Бога, дабы вступить за королевскую кровь (reclamer le sang...). Она готова заключить мир, если вы послушаетесь ее и, оставив Францию, возместите все, что взяли. И вы все — лучники, воины, благородные мужи и прочие, кто пребывает под городом Орлеаном, ступайте восвояси, во имя Бога; а если вы того не сделаете, ждите вестей от Девицы, каковая скоро придет за вами, к великому вашему горю. Король Англии, если вы того не сделаете, я — военачальник, и где бы я ни настигла ваших людей во Франции, я стану гнать их оттуда, хотя бы они того или нет. И если они не желают подчиниться, я велю их всех убить; я послана сюда от Бога, Царя Небесного, чтобы изгнать всех вас до единого из Франции. А если они пожелают подчиниться, я их помилую. И даже не надейтесь ни на что иное, ибо не вы получите королевство Французское от Бога, Царя Небесного, сына святой Марии, но получит его король Карл, истинный наследник; ибо Бог, Царь Небесный, того желает, и сие открыто Девицей [королю Карлу], каковой войдет в Париж в окружении верных людей. Если вы не желаете поверить сим вестям от Бога и Девицы, то где бы мы вас ни нашли, мы бросимся туда и учиним

такой «разгром»³⁸, какого добрую тысячу лет не было во Франции, — если вы [нас] не послушаете. И крепко верьте, что Царь Небесный пошлет Деву и ее добрым воинам больше сил, чем вы сумели б выставить против нее во всех ваших наступлениях; и вскоре увидим, за кем высшее право от Бога небесного.

К вам, герцог Бедфордский, Девуца обращается с просьбой и требованием: не губите себя. Если вы послушаетесь ее, то сможете еще придти вместе с ней туда, где французы совершат прекраснейшее деяние, какое когда-либо совершалось для христианского мира. Ответьте, если желаете заключить мир в городе Орлеане; если же вы сего не сделаете, то вам придется вспомнить о том очень скоро, к великому вашему сожалению. Писано во вторник на Святой неделе³⁹ ».

По сей статье, содержанием коей является названное послание, Жанна ответила, что если б англичане поверили ее посланию, то поступили бы как мудрые люди; и что до истечения семи лет они сами убедятся в том, что она им написала; и что касательно сего [послания], — она полагается в том на ответ, данный ею недавно.

XXIII. Из содержания сего ясно видно, что она Жанна была обманута злыми духами и что она постоянно советуется с ними о том, как должна поступить, или же выдумывает такие небылицы, дабы пагубным и лживым образом облазнять народ.

По сей статье она ответила, что последнюю часть сей XXIII-й статьи, гласящую, что она действовала по совету злых духов, она отрицает.

Далее, во вторник, 27 февраля, она сказала, что предпочла бы скорее быть четвертованной, чем пойти во Францию без дозволения Божьего (см. с. 51).

XXIV. Далее, она Жанна вводила [людей] в заблуждение сими именами ИИСУС МАРИЯ, кои были по сторонам от знака креста, используя их как знак для того, чтобы те из ее людей, коим посылались грамоты о ее имени, делали обратное тому, что там написано.

По сей статье от 27 марта, Жанна сказала, что полагается на ответ, данный ею прежде.

В субботу, 17 марта, спрошенная, для чего служил знак креста, коим она помечала в своих грамотах [имена] ИИСУС МАРИЯ, она ответила, что его ставили клирики, писавшие ее грамоты; и некоторые говорили, что подобает ставить сии два имени: ИИСУС МАРИЯ (см. с. 90).

XXV. Далее, она Жанна, присваивая себе чин ангельский, говорила и утверждала, что была и является посланницей Божьей, так же и в том, что целом относится к [сему] делу и пролитию крови людской, — что является совершенно чуждым святости, а также ужасно и отвратительно для всякой благочестивой души.

По сей статье от вторника, 27 марта, Жанна ответила, что прежде просила, чтобы с нею заключили мир, а уж если мира не заключат, она была готова сражаться.

В субботу, 24 февраля, она призналась, что пришла от Бога и что на заседании, где она была пред нами, ей нечего делать и желать, и пусть ее отправят обратно к Богу, от коего она пришла (см. с. 45).

Далее, в субботу, 17 марта, она сказала, что Бог послал ее на помощь королю Франции (см. с. 88).

XXVI. *Далее, Жанна, будучи в Компьени в год Господень 1429, в августе месяце, получила от графа д'Арманьяка письмо, содержание коего приведено ниже.*

По сей статье, от 27 марта, Жанна сказала, что полагается на ответ, данный ею прежде.

Далее, в четверг, 1 марта, спрошенная, получала ли она письмо от графа д'Арманьяка, с вопросом, какому из трех претендентов на папство он должен подчиниться, ответила, что граф [действительно] писал ей о том в письме; она дала ответ, среди прочего, что когда будет в Париже или где-либо еще на отдыхе, ответит [более подробно]. Тогда же, давая сей ответ, она собиралась вскочить на коня.

По прочтении сих писем графа и Жанны, ее спросили, являлось ли сие ее ответом. Она ответила, что, как думает, давала такой ответ частично, но не полностью. Спрошенная, сказала ли она, будто знает по совету Царя царей, что ему должно о том думать, ответила, что ничего о том не знает. Спрошенная, сомневалась ли она в том, кому сей граф должен повиноваться, ответила, что не знала, какой ответ послать о том, кому он должен повиноваться, так как он просил узнать, кому ему велит подчиниться Господь; но, что до нее, — она считает и верит, что должно подчиняться нашему сеньору папе Римскому. Далее, по ее словам, она сказала посланнику нечто иное, чего не содержалось в письме, и если бы он тотчас не уехал, то был бы сброшен в реку, — однако, не ею. Далее, она сказала, что на его вопрос, — то есть на вопрос, кому он должен подчиняться согласно воле Божьей, — она ответила, что не знает и [на словах] послала ему многое, чего не было в письме; а что до нее, — она верит в папу Римского. Спрошенная, отчего она писала, что даст ответ в другой раз, коль скоро верит в папу Римского, сказала, что данный ею ответ был по другому поводу, не о трех папах. Спрошенная, что было с тем советом, каковой она дала потом о трех папах, ответила, что никогда не писала и не приказывала писать о трех папах, и подтвердила под присягой, что о том никогда не писала и не приказывала писать (см. с. 55).

XXVII.

«Дражайшая госпожа, смиренно препоручаю себя вам и молю вас ради Бога, ввиду раскола, каковой есть ныне в святой вселенской Церкви, высказаться по поводу пап, ибо есть три претендента на папство: один, именующий себя Мартином V, коему повинуются все христианские короли, пребывает в Риме; другой, именующий себя папой Климентом VIII⁴⁰, пребывает в Пенъисколе, в королевстве Валенсия; третий, — где он пребывает не известно никому, разве что кардиналу Сент-Этьеннскому⁴¹ и вместе с ним еще немногим, — именует себя папой Бенедиктом XIV⁴². Первый, именующий себя папой Мартином, был избран в Констанце по согласию всех христианских наций; тот, кто именует себя Климентом, был избран в Пенъисколе после смерти папы Бенедикта XIII тремя кардиналами; третий, именующий себя папой Бенедиктом XIV, был тайно избран в Пенъисколе кардиналом Сент-Этьенским; благоволите молить Господа Нашего Иисуса Христа, дабы из безграничного милосердия Своего он изволил бы объявить нам через вас, кто из троих вышеназванных является

истинным папой и коему, согласно Его воле, мы должны отныне повиноваться: тому, кто именует себя Мартином, или тому, кто именует себя Климентом, или же тому, кто именует себя Бенедиктом; и в кого нам следует верить тайно и мистически, либо же открыто и гласно, ибо мы готовы исполнить волю и желание Господа Нашего Иисуса Христа.

Весь ваш, граф д'Арманьяк⁴³ ».

XVIII. Оному графу д'Арманьяку Жанна ответила письмом за собственной подписью, содержание коего приведено ниже:

XXIX.

«ИИСУС + МАРИЯ

Граф д'Арманьяк, мой дражайший и добрый друг, Жанна Девица уведомляет вас, что ко мне прибыл ваш посланник, сказавший мне, что вы направили его сюда затем, чтобы узнать от меня, в кого из трех пап, [имена] коих вы напомним, вам должно верить. О сем я не могу вам сказать правды, пока не буду в Париже или где-нибудь еще на отдыхе; ибо сейчас я слишком занята делами войны. Но когда вы узнаете, что я в Париже, пришлите ко мне гонца, и я сделаю все, что в моих силах и дам вам знать всю правду о том, кому вы должны верить, а также о том, что вам нужно будет делать, согласно указаниям, кои я получу из совета моего прямого и высшего Сеньора, Царя всего мира. Вверяю вас Богу, храни вас Бог. Писано в Компьени, 22 августа».

XXX. Итак, как только что было сообщено, в ответ на просьбу графа д'Арманьяка [узнать], какой из трех вышеупомянутых пап должен считаться истинным и достойным веры, Жанна не только усомнилась, кто таковым является, — хотя лишь единственный из них находится вне сомнений, — но, выказывая излишнее самомнение, придавая мало значения авторитету вселенской Церкви; желая поставить свои речи выше авторитета всей Церкви, она утверждала, что в течение некоего срока, каковой впоследствии, ответит, кому нужно верить, — и сие будет соответствовать тому, что откроется ей из Божьего совета, что более обстоятельно изложено в ее письме.

По статьям XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, кои были ей изложены слово в слово, она полагается на ответ, данный ранее по сим пунктам, что помещено в статье XXVI.

[28 марта]⁴⁴

XXXI. Далее, Жанна с юных лет и поныне похвалялась и ежедневно похваляется, будто имела и имеет многочисленные откровения и видения. Хотя ее о том милостиво увещевали и недавно должным и законным образом просили [поведать о них] под обязательством присяги, она не соблюла и не желает соблюсти своей клятвы, а еще того менее — прояснить [смысл] сих видений словом или знамением; но она медлила, не признавалась, отказывалась сие сделать, медлит, не признается и отказывается; и, категорически не признаваясь, она

порой, и многократно, говорила и утверждала на заседании и вне его, что не раскроет нам сих откровений и видений, даже если придется отрубить ей голову или расчленить[ее саму], и что из ее уст не вырвут того знака, каковой открыл ей Бог и благодаря коему было признано, что она пришла от Бога.

По сей статье она ответила, что по поводу раскрытия знака, а также по прочим вопросам, содержащим в статье, она вполне могла говорить, что вовсе не станет [их] раскрывать; и она добавила, что в ее прежних показаниях должно содержаться, что без дозволения Божьего она никак не раскроет сего знака.

Далее, в четверг, 22 февраля, она сказала, что нет дня, когда бы она не слышала сих голосов, и она в том очень нуждается (см. с. 43).

Далее, в субботу, 24 февраля, она сказала, что той ночью голос поведал ей многое ко благу ее короля, чего бы она желала своему королю сегодня же узнать, — [и сие так же верно, как то, что она] не пригубит вина до Пасхи; у него же самого оттого улучшился бы аппетит (см. с. 46).

Далее, во вторник, 27 февраля, она сказала, что, действительно, однажды поведала своему королю все, что ей было открыто, поскольку сие его касалось. Далее, в тот же вторник она сказала, что отправила послание своему королю, и там было указано, что она отправила его затем, чтобы узнать, можно ли ей войти в город, где он пребывал, и что она прошла добрых сто пятьдесят лье, чтобы придти к нему на помощь, а также что у нее есть много добрых вестей для него. И, как ей кажется, там было указано, что она легко узнает его среди всех прочих (см. с. 52).

Далее, в четверг, 1 марта, спрошенная, в каком виде являлся ей святой Михаил, ответила, что не видела у него короны и о его одеждах ничего не знает. Спрошенная, был ли святой Михаил наг, ответила: «Вы думаете, что Господу Нашему Иисусу не во что его одеть?» (см. с. 58).

Далее, в четверг, 15 марта, спрошенная о способе, коим она думала сбежать из замка Больё между двумя деревянными досками, она ответила, что охотно сбежала бы из любого узилища, в кое ее заточали; и, находясь в сем замке, она заперла бы своих стражников в башне, если б не привратник, увидевший ее и преградивший ей путь. Далее, она сказала, что, как ей кажется, Богу не было угодно, чтобы она сбежала в тот раз, и нужно было, чтобы она увидела короля Англии, как о том ей сказали голоса и как о том сообщалось выше (см. с. 84).

Далее, в оный четверг, спрошенная о телосложении и росте являвшегося ей ангела, она сказала, что в субботу ответит на сей вопрос так, как будет угодно Богу, а также и на другой, как ей и надлежит. Спрошенная: поскольку она сказала, что за правду вешали, знает ли она за собой какое-либо преступление или проступок, из-за коего могла бы бояться смерти, если бы в нем призналась, ответила, что нет.

Далее, в субботу, 17 марта, спрошенная о возрасте и одеждах святых Екатерины и Маргариты, ответила: «То, чего вы могли добиться от меня, я вам уже сказала, и иного вам не добиться; и я ответила вам так точно, как только могла» (см. с. 88).

XXXII. Далее, учитывая сие, вы можете и должны сильно подозревать, что сии откровения и видения, — если оная Жанна их имела, — исходили скорее от духов лживых и дурных, нежели добрых; так всем и следует думать, в осо-

бенности же учитывая грубость, гордыню, [дурное] поведение, злодеяния, обманы, противоречивые оговорки⁴⁵, высказанные здесь по многим статьям, кои в действительности являются и должны быть расценены как неоспоримые улики.

По сей статье, в среду после Вербного воскресенья, 28 марта, [Жанна] ответила, что отрицает [ее]; ибо она поступала по откровению от святых Екатерины и Маргариты и будет отстаивать сие до смерти. Далее, в тот день она сказала, что ей был совет от некоторых из ее сторонников ставить [в посланиях] ИИСУС МАРИЯ; и на некоторых своих посланиях она ставила сии имена, а на других — нет. Далее она сказала, что там, где записано: «Все, что она совершила, — по совету Господа Нашего», должно быть: «Все, что я совершила благого»⁴⁶.

Спрошенная в тот день, был ли сие благой или дурной поступок, когда она пошла на Ла-Шарите, ответила, что знатные господа Франции пожелали идти на Париж, и ей кажется, что поступая так и идя на своих противников, они исполняли свой долг.

XXXIII. Далее, Жанна высокомерно и дерзко похвалялась и похваляется тем, что предвидит будущее, научилась ведать прошлое и тайные или сокровенные события настоящего, приписывая себе, простому и невежественному созданию, то, что относится к божественному [провидению].

По сей статье, в тот же вторник, 28 марта, она ответила: «Во власти Господа Нашего посылать откровения тому, кому Он пожелает», — а что до меча и прочих вещей, о коих она говорила, то сие — по откровению.

Далее, в субботу, 24 февраля, она сказала, что бургиньонам будет война, если они не сделают того, что должны, и она знает сие от своих голосов (см. с. 47).

Далее, во вторник, 27 февраля, спрошенная, говорила ли она своим людям, когда пошла на приступ бастиды в Орлеане, что отвлечет на себя стрелы из лука и арбалета, а также камни бомбард, ответила, что нет. Кроме того, там была добрая сотня раненых, и даже больше. И она действительно сказала своим людям, чтобы они не медлили и что они снимут осаду. Спрошенная в тот день, у какой бастиды она велела своим людям отступать, ответила, что не помнит. Она сказала также, что была вполне уверена, что снимет осаду с Орлеана по причине некоего откровения, ей ниспосланного, и она даже сказала о том своему королю, прежде чем пойти туда. Далее, по ее словам, при взятии бастиды Моста она была ранена в шею стрелой из арбалета; но ей было тогда великое утешение от святой Ектерины, и она выздоровела через две недели; и она все равно продолжала ездить верхом и исполнять свои обязанности. И сие было ей открыто голосами святых Екатерины и Маргариты. Она сказала также, что была первой, кто поставил лестницу к бастиде Моста, и когда она ее подняла, то была ранена в шею арбалетной стрелой (см. с. 54).

В четверг, 1 марта, она сказала, что до истечения семи лет англичане потеряют гораздо больший залог, чем под городом Орлеаном, и утратят всё во Франции. Далее она сказала, что они понесут самую великую утрату из тех, что когда-либо переживали во Франции, и будет сие чрез великую победу, каковую Господь Наш пошлет французам. И она знает сие из откровения, ей ниспосланного; и произойдет сие до истечения семи лет, и она будет весьма несчастна, если

сие так затянется. Далее, она сказала, как и в самом начале, что знает о том из откровения, и столь же хорошо, как то, что мы, епископ Бовеский, находимся перед ней, по-французски: «Я знаю сие так же хорошо, как и то, что вы — передо мной». Спрошенная, в каком году [сие произойдет], ответила: «Вы того пока не узнаете, но мне бы хотелось, чтобы [сие случилось] до дня святого Иоанна». В тот день, спрошенная, говорила ли она, что сие произойдет до дня святого Мартина Зимнего, ответила, что говорила, будто много всего увидят до дня святого Мартина, и, может быть, сие будут англичане, кои окажутся побежденными или поверженными. Спрошенная: что она сказала в тюрьме Джону Грею, своему стражнику, о сем дне святого Мартина, ответила: «Я вам сие уже сказала». Спрошенная, от кого она знает, что сие произойдет, ответила: «От святых Екатерины и Маргариты» (см. с. 56).

Далее, в четверг, 1 марта, спрошенная об обещаниях, кои давали ей святые Екатерина и Маргарита, ответила: «Сие вовсе не для вашего процесса». Кроме прочего, они сказали ей, что ее король будет восстановлен в своем королевстве, — желают того его противники или нет. Далее, в тот день она сказала, будто хорошо знает, что ее король завоюет королевство, и она знает сие так же хорошо, как и то, что мы пребываем здесь (см. с. 57).

В субботу, 3 марта, спрошенная, говорили ли голоса вообще что-нибудь о ее побеге или освобождении, ответила, мол, «да, правда, они сказали мне, что я буду освобождена, но я не знаю ни дня, ни часа, и [еще сказали,] чтобы я смело держалась» (см. с. 60).

В субботу, 10 марта, спрошенная, по указанию ли своих голосов совершила она вылазку из Компьени, ответила, что во время прошлой Пасхальной недели, когда она находилась на валу под Меленом, ей было сказано голосами святых Екатерины и Маргариты, что она попадет в плен до дня святого Иоанна и что так нужно, и чтобы она нисколько тому не изумлялась, но приняла все как есть, — и Бог ей поможет. Спрошенная в тот день, говорили ли ей голоса после сего Мелена, что она будет пленена, ответила, что да, много раз, и будто бы ежедневно или каждый день. И она просила у своих голосов, чтобы, как только попадет в плен, тотчас же умереть, без долгой пытки тюрьмой; и сии голоса сказали ей, чтобы она приняла все как есть, и что нужно, чтобы было так; но они не назвали ей часа; если б она его узнала, то не пошла бы туда. И много раз она спрашивала о часе, коего они ей не говорили. В тот день она сказала, что когда должна была уйти и отправиться к своему королю, ей было сказано голосами идти смело, поскольку когда она предстанет пред королем, ему будет добрый знак принять ее и поверить ей (см. с. 68, 69).

В понедельник, 12 марта, спрошенная о способе, коим она освободила бы герцога Орлеанского, ответила, что захватила бы довольно англичан по сю сторону чтобы выменять его или выкупить; и если б она захватила их недостаточно, то переплыла бы море, чтобы силой добыть его в Англии. Спрошенная, говорили ли ей святые Екатерина и Маргарита точно и безусловно, что она захватит достаточно [много] людей, чтобы добыть герцога Орлеанского, каковой пребывал в Англии, или же что она переплывет море, чтобы идти за ним и привести через три года, она ответила, что да. И она сказала своему королю, чтобы он оставил на ее усмотрение, как поступить с пленниками. Она сказала затем о себе самой, что если б она продержалась три года без помехи, она бы его освободила.

Далее она сказала, что ей был [дан] срок короче, чем три года, но более, чем один год. Однако сейчас она того не помнит (см. с. 74).

В среду, 14 марта, спрошенная, что сие за угроза или опасность, коей мы и прочие клирики подвергаемся, учиняя против нее сей процесс, она ответила, что святая Екатерина сказала ей, что она получит помощь, и она не знает, будет ли то через освобождение из тюрьмы или, когда она уже будет на лобном месте, случится некая помеха (un trouble), благодаря коей она сможет освободиться; и она думает, что то будет либо одно, либо другое; и чаще голоса говорили ей, что она будет освобождена через некую великую победу. И тут же добавляли, что ей следует принять все происходящее как есть, и [говорили]: «Не тревожься о своем мученичестве» (см. с. 81).

XXXIV. Далее, Жанна, упорствуя в своем дерзостном высокомерии, сказала, заявила и огласила, что распознавала и различала голоса архангелов, ангелов и святых Божьих, утверждая, что умеет отличать оные от голосов человеческих.

По сей статье в среду, 28 марта, она сказала, что придерживается своих недавних ответов; а в отношении дерзости и последней части статьи она уповает на Бога, своего судию.

Далее, во вторник, 27 февраля, спрошенная, был ли голос, говоривший с нею, голосом ангела, святого, святой или самого Бога непосредственно, ответила, что сие был голос святой Екатерины и святой Маргариты; и их головы увенчаны прекрасными коронами, предрагоценными и роскошными. «И на то, — сказала она, — у меня есть дозволение Господне; а если вы подвергаете сие сомнению, пошлите в Пуатье, где меня прежде допрашивали». Далее, спрошенная о способе, коим она отличала одну святую от другой, ответила, что она хорошо их узнавала по приветствию, каковое они ей ниспосылают. Далее она сказала, что узнает их, поскольку они ей себя называют (см. с. 50).

Далее, в четверг, 1 марта, спрошенная, откуда ей известно, мужчина или женщина ей является, ответила: «Мне прекрасно сие известно, и я узнаю святых по их голосу»; и они [сами] ей сие открыли. Спрошенная, в каком обличии она их видит, ответила, что видит их лица. Спрошенная, есть ли у них волосы, ответила: «Ясное дело». Спрошенная, было ли у них что-нибудь между коронами и волосами, ответила, что нет. Спрошенная, были ли их волосы длинными и ниспадающими, ответила: «Я ничего о том не знаю». Далее она сказала, что не знает, было ли у них нечто вроде рук и были ли у них иные видимые части тела. Далее она сказала, что они говорили очень хорошо и чудесно, и она прекрасно их понимала. Далее, спрошенная, каким образом они говорили, если у них не было частей тела, ответила: «Я уповаю в том на Бога» (см. с. 56–57).

Далее, 15 марта, спрошенная, был ли какой-нибудь иной знак, подтверждавший, что те, кто ей являлся, — добрые духи, ответила: «Святой Михаил уверил меня в том прежде, чем голоса пришли ко мне». Спрошенная, как она узнала, что то был святой Михаил, ответила: «По разговору и речи ангельской», — и она твердо верит, что то были ангелы. Спрошенная, как она поверила, что то была [именно] ангельская речь, ответила, что поверила сему довольно быстро, и у нее была такая воля — сему поверить. И она сказала, кроме того, что когда святой Михаил пришел к ней, он сказал, что к ней придут святые Екатерина

и Маргарита, и чтобы она поступала по их совету, и что им поручено направлять ее и давать совет в том, что ей предстоит сделать, и чтобы она верила тому, что они ей скажут, и что сие — по велению Бога. Спрошенная: если бы дьявол принял вид или обличье благого ангела, как бы она узнала, благой то ангел или дурной, ответила, что прекрасно узнала бы, святой ли то Михаил или же нечто поддельное и одно его подобие (*chose contrefaite à sa place ou comme lui*). Далее, она отвечает, что в первый раз сильно усомнилась; и она видела его многократно, прежде чем узнала, что то — святой Михаил. Далее, спрошенная, отчего она узнала, что то — святой Михаил в тот раз, когда поверила, что сие — он, хотя в первый раз того не сделала, ответила, что в первый раз она была еще малое дитя и сильно перепугалась, а потом оный святой Михаил преподавал и явил ей столько, что она крепко поверила, что сие — он. Спрошенная, что за учение он ей преподавал, ответила, что, главное, он говорил ей быть хорошей — и Бог ей поможет, и среди прочего, он сказал ей идти на помощь королю Франции, и многое из того, чему научил ее ангел, есть в сей книге⁴⁷; и ангел поведал ей о несчастье, в коем пребывает королевство Французское (см. с. 86).

XXXV. Далее, Жанна похвалялась и утверждала, что умеет распознавать, каких людей Бог любит более [других] или же ненавидит.

По сей статье, в среду, 28 марта, она сказала: «Я придерживаюсь того, что уже отвечала о короле и герцоге Орлеанском»; о прочих людях ей ничего не известно. Далее она сказала, будто отлично знает, что Бог больше любит ее короля и герцога Орлеанского, чем ее саму, к их благу (*pour l'aise de leurs corps*), и что она знает сие из откровения (см. с. 43).

Далее, в четверг, 22 февраля, спрошенная, могла бы она обойтись с голосом, каковой ей является, так, чтобы он пожелал покориться ей и передать послание ее королю, ответила, что не знает, пожелает ли голос подчиниться, — разве что такова будет воля Божья и Бог сие одобрит; а если сие угодно Богу, Он сам вполне мог бы сделать так, чтобы откровения дошли до короля; и она была бы тем вполне довольна. Спрошенная, отчего голос теперь не говорит с ее королем точно так же, как делал сие, когда она Жанна была при короле, ответила, что не знает, есть ли на то воля Божья (см. с. 46).

Далее, в субботу, 17 марта, спрошенная, известно ли ей, ненавидят ли святые Екатерина и Маргарита англичан, ответила, что они любят то, что любит Бог, и ненавидят то, что Бог ненавидит. Спрошенная, ненавидит ли Бог англичан, ответила, что о любви или ненависти Бога к англичанам, а также о том, как Бог поступит с их душами, она ничего не знает; но отлично знает, что их прогонят из Франции, — [всех,] кроме тех, кто погибнет, — и что Бог пошлет французам победу над англичанами.

Спрошенная, был ли Бог за англичан, когда те процветали во Франции, ответила, что не знает, ненавидел ли Бог тогда французов, но думает, что он допустил, чтобы они были повержены за их грехи, если они пребывали во грехе (см. с. 88).

XXXVI. Далее, Жанна говорила, утверждала и похвалялась, говорит, утверждает и всякий день похвывается, что, как ей доподлинно известно, не только она сама, но также и другие люди по ее настоянию признали некий

голос и имели с ним достоверное знакомство; она зовет его своим голосом, какой к ней приходит, хотя по природе своей голос подобного рода, как она сама же указывала и указывает, был и пребывает невидимым для человеческого создания.

По сей статье она ответила, что придерживается того, что уже недавно сказала.

Далее, в четверг, 22 февраля, она сказала, что [некоторые] из ее сторонников хорошо знали, что являвшийся ей голос исходил от Бога и что они видели и знали сей голос, — и ей, Жанне, сие хорошо известно. Далее, она сказала, что ее король и многие другие слышали и видели голоса, кои приходили к ней; и при том были Шарль де Бурбон и двое или трое других (см. с. 43).

XXXVII. Далее, Жанна признает, что часто поступала вопреки тому, что было ей велено и указано откровениями, кои она, как похвалялась, имела от Бога; например, когда она отбыла из Сен-Дени после штурма Парижа; когда прыгнула с башни Бореуар, и при иных различных [обстоятельствах]. Из чего явствует, что у нее либо не было божественных откровений, либо она презрела веления и прямые откровения, коими, как она утверждает, во всем руководствовалась и направлялась. Кроме того, она сказала, что хотя ей было повеление не прыгать с башни, она попыталась совершить противное, ибо иначе поступить не могла. Посему она, как кажется, злоумышляла против свободы человеческой воли и впала в заблуждение, подобно тем, кто утверждает, будто существует [такого рода] крайность ввиду губительных обстоятельств или чего-либо подобного.

По сей статье, в среду, 28 марта, она сказала: «Я придерживаюсь того, что уже однажды ответила». Она добавила, однако, что при отъезде из Сен-Дени у нее было дозволение уйти оттуда.

Спрошенная, не думала ли она, действуя против веления своих голосов, что совершает смертный грех, сказала: «Я уже однажды ответила и полагаюсь на тот ответ». А по заключительной части статьи [сказала, что] уповает в том на Бога.

В четверг, 22 февраля, она сказала, что голос велел ей оставаться в Сен-Дени, но сеньоры увели ее против воли, и если б она не была ранена, то не ушла бы оттуда. И она была ранена во рвах под Парижем. Далее она сказала, что через пять дней поправилась (см. 43).

Далее, спрошенная в субботу, 10 марта: если бы голоса приказали ей выступить из Компьени и сообщили, что она попадет в плен, пошла бы она туда, где будет пленена, ответила, что, если б узнала час и что должна будет попасть в плен, она охотно вовсе бы туда не ходила, но все же в конце концов исполнила бы веление голосов, что бы ей ни предстояло (см. с. 68).

Далее, в четверг, 15 марта, спрошенная, делала ли она когда-нибудь что-либо вопреки указаниям и воле своих голосов, ответила, что по мере сил исполнила и совершила то, что смогла и сумела. А что до прыжка с [башни] Бореуар, какой она совершила против веления своих голосов, — так она не смогла удержаться, и когда голоса увидели ее непреодолимый порыв и то, что она не умеет и не может сдержаться, они сохранили ей жизнь и уберегли от самоубийства. И она сказала, кроме того, что во всем, что когда-либо совершила, [особенно] в ее

важных больших предприятиях, оные голоса ей помогали; и сие есть знак того, что они — добрые духи. Далее, спрошенная в тот же день, не думает ли она, что то великий грех — оскорбить святых Екатерину и Маргариту, кои ей являются, и поступить против их повеления, сказала, что да и что сие, как известно, поправимо (*qu'on le sait amender*); и, как ей кажется, более всего она их оскорбила, совершив оный прыжок; и она попросила у них прощения за него и за другие оскорбления, кои могла совершить по отношению к ним (см. с. 86).

XXXVIII. *Далее, хотя Жанна с юных лет высказывала, творила и совершала многие проступки, преступления, прегрешения и деяния постыдные, ужасные, возмутительные, бесчестные и неподобающие ее полу, тем не менее, она говорила и утверждала, что все, что содеяла, было от Бога и по его воле, и что она не совершала и не совершает ничего, что не исходило бы от Бога через откровения святых ангелов и святых дев Екатерины и Маргариты.*

По сей статье, она ответила, что полагается на то, что уже однажды сказала (см. с. 46–47).

Далее, в субботу, 24 февраля, она сказала, что если бы не благодать Божья, она ничего не сумела бы сделать. Далее, в тот же день, спрошенная о жителях Домреми — держали ли они сторону бургиньонов или же другую, — ответила, что не знала в сей деревне бургиньонов, кроме одного, коему стоило бы отрубить голову, если, впрочем, сие угодно Богу. Спрошенная, говорил ли ей в юности голос, чтобы она ненавидела бургиньонов, ответила, что после того как поняла, что голос, — за короля Франции, она не любила бургиньонов.

Спрошенная в четверг, 15 марта, верно ли, что она ничего не совершала в военных делах без совета голосов, ответила: «У вас есть все ответы, и читайте лучше вашу книгу — там найдете». И все же она сказала, что *наступление* под Парижем было предпринято по настоянию воинов, а поход на город Ла-Шарите — по настоянию ее короля; и на то не было ни запрета, ни приказа голосов. Спрошенная, верно ли, что в других случаях она никогда не поступала против воли и веления своих голосов, ответила так, как указано в предшествующей статье (см. с. 85–86).

XXXIX. *Далее, «хотя и праведник оступается семьдесят раз на день» etc., Жанна меж тем говорила и заявляла, что никогда не совершала или, по меньшей мере, думает, что не совершала, смертного греха, хотя, однако, все проступки, кои воины по обыкновению совершают, и наипачайшие из них, она действительно совершила, как заявлено в некоторых предшествующих и ниже следующих статьях.*

По сей статье, во вторник, 28 марта, она ответила: «Я уже отвечала и полагаюсь на то, что о сем говорила».

Далее, в субботу, 24 февраля, спрошенная, знает ли она, что пребывает в [состоянии] благодати Божьей, ответила, что если нет, — Бог ее да сподобит, если же да, — Бог да сохранит ее в ней. И она сказала, что была бы очень несчастна, если б узнала, что не пребывает в [состоянии] благодати Божьей. Она сказала затем, что если бы пребывала в смертном грехе, то, думает, голоса не приходили бы к ней; и она хотела бы, чтобы всякий слышал ее голос так же хорошо, как она сама его слышит (см. с. 47).

Далее, в четверг, 1 марта, она сказала, что чувствует великую радость, когда видит свой голос, и она сказала, что ей кажется, будто когда она его видит, то не пребывает в смертном грехе. Далее сказала, что святые Екатерина и Маргарита охотно исповедуют ее время от времени. Далее сказала, что не знает, пребывает ли в смертном грехе. Спрошенная, не думает ли она во время исповеди, что бывает иногда в смертном грехе, ответила, что не знает, бывала ли в нем, и не думает, что совершала смертные прегрешения; «и да не будет угодно Богу, — говорит она, — чтобы я когда-нибудь их совершила, и да не будет также угодно Богу, чтобы я совершала или совершила прежде такое, что отягчило бы мою душу» (см. с. 58).

Далее, в среду, 14 марта, спрошенная: разве взять человека за выкуп и предать его смерти в плену не есть смертный грех, ответила, что такого не совершала. И, поскольку ей сказали о некоем Франке из Арраса, коего предали смерти в Ланьи, она сказала, что согласилась на его казнь, раз он того заслужил, ибо он признал себя убийцей, вором и предателем. И она сказала, что процесс над ним длился пятнадцать дней, и судьей на нем был бальи Санлиса, а также служители правосудия из Ланьи. И она сказала, что вытребовала себе одного Франке, чтобы обменять его на одного парижанина, хозяина дома «У медведя»; когда же она узнала, что сей человек мертв, а также поскольку бальи сказал ей, что она может причинить большой вред правосудию, освобождая одного Франке, она сказала бальи: «Поскольку мой человек, коего я хотела обрести, мертв, делайте с ним то, что должны по справедливости». И когда ей напомнили следующее: что она приказала идти на приступ города Парижа в день праздника; что у нее была лошадь монсеньера епископа Санлиса, что она сбросилась с башни Боре-вуар, что она носит мужское платье, что она согласилась на казнь Франке из Арраса, — [ее спросили,] не думает ли она хоть отчасти, что пребывает из-за того в смертном грехе? Она ответила, во-первых, о приступе Парижа: что не думает, будто пребывает из-за того в смертном грехе; а если она совершила смертный грех, — знать сие надлежит [лишь] Богу и священнику на исповеди. Во-вторых, по поводу лошади монсеньера епископа Санлиса: она ответила, что не думает, будто в том согрешила, поскольку у монсеньера епископа Санлиса была расписка о двухстах салю золотом за оную лошадь. В-третьих, то есть о башне: она ответила, что совершила сей прыжок не от отчаяния, но в надежде спасти свое тело и помочь многим добрым людям, кои в том нуждались; и после прыжка она исповедалась и попросила прощения у Бога, и оно ей в том было [дано]; и она сказала, что то было дурным поступком — совершить сей прыжок. Далее она сказала, что после того, как исповедалась, знает, что прощена, из откровения от святой Екатерины, по чьему совету она и пошла к исповеди. В-четвертых, о мужском платье etc., она ответила: «Поскольку я сделала сие по приказу Бога и ему в услужение, я не думаю, что поступила дурно, и как только ему будет угодно повелеть, — сие платье тотчас будет снято» (см. с. 82–83).

XL. Далее, Жанна, забыв о спасении и по наущению дьявола, не стыдится и не устыдилась многократно получать тело Христово, в местах многих и различных, будучи одета в платье мужское и распутное, а также велением Бога и Церкви запрещенное и ей не дозволенное.

По сей статье она отвечает, что уже о том говорила и полагается на то, что сказала прежде, а в отношении последней части статьи — уповает на Бога (см. с. 63).

Спрошенная в субботу, 3 марта, часто ли, продвигаясь по стране, она допускалась к таинствам покаяния и евхаристии, когда приходила в добрые города, ответила, что да, время от времени. Спрошенная, получала ли она сии таинства в мужском платье, ответила, что да, но не припомнит, чтобы получала их в вооружении.

ХЛІ. Далее, Жанна, как утратившая надежду, из ненависти и презрения к англичанам, а также из-за вести о грядущем разгроме Компьени, попыталась сброситься с высокой башни; по наущению дьявола она задумала совершить сие и постаралась сделать ради того все, что могла. Так, бросаясь, она была ведома и понукаема дьявольским влечением такого рода, что искала спасения скорее тела, нежели души, — как своей, так и многих других душ; ибо она много раз хвалилась, что скорее убьет себя, чем допустит, чтобы ее предали в руки англичан.

По сей статье отвечает, что полагается на то, что уже однажды сказала.

Спрошенная в субботу, 3 марта, долго ли она пробыла в башне Бореуар, ответила, что была там в течение четырех месяцев или около того, и когда узнала, что англичане вот-вот придут, была сильно потрясена; и все же голос многократно запрещал ей спрыгивать [с башни]; и наконец, из страха перед англичанами, она спрыгнула, препоручив себя Богу и Царице Небесной. Далее, спрошенная, говорила ли она, будто предпочтет скорее умереть, чем быть в руках англичан, ответила, что, по ее словам, она скорее предпочтет отдать душу Богу, чем быть в руках англичан (см. с. 64–65).

Спрошенная, в среду, 14 марта, о том, по какой причине она спрыгнула с башни Бореуар, ответила, что услышала, будто жителей Компьени, — всех, от семи лет и более, — скоро предадут огню и мечу; она предпочла бы лучше умереть, чем жить после такого истребления добрых людей, и в том была первая причина ее прыжка; другая же была в том, что она узнала, что продана англичанам, и она предпочла бы скорее умереть, чем оказаться в руках оных. Спрошенная, по совету ли голосов она совершила сей прыжок, ответила, что святая Екатерина почти каждый день говорила ей ни за что не прыгать, — и что Бог поможет ей, и компьенцам; и Жанна сказала святой Екатерине, что раз Бог поможет компьенцам, она хочет там быть, и святая Екатерина сказала: «Несомненно нужно, чтобы ты приняла все как есть; и ты не освободишься, пока не увидишь короля англичан». И Жанна ответила: «Поистине, я не хотела бы его видеть, и я предпочла бы лучше умереть, чем быть в руках англичан». Далее она сказала, что после того, как упала с башни, два или три дня не хотела есть и поскольку из-за сего прыжка она была в изнеможении, то не могла ни пить, ни есть; и все же она была утешена святой Екатериной, каковая сказала ей исповедаться и попросить прощения у Бога за то, что она спрыгнула, а компьенцы несомненно получают помощь до наступления дня святого Мартина Зимнего; тогда она стала есть и пить и скоро выздоровела. Спрошенная: когда после прыжка к ней вернулась речь, не хулила ли она Бога и святых, ответила, что не припомнит, чтобы когда-нибудь хулила Бога или святых. Спрошенная, желает ли она

положиться на сведения, кои уже получены или будут получены в дальнейшем, ответила, что полагается на Бога и ни на кого иного (см. с. 80).

XLII. *Далее, Жанна говорила и провозглашала, что святые Екатерина, Маргарита и Михаил обладают частями тела, как, например, головой, глазами, лицами, волосами и тому подобным; и вместе с тем сказала, что трогала оных святых руками, обнимала и целовала.*

По сей статье она ответила, что уже давала ответ и полагается на то, что тогда сказала.

Далее, в субботу, 17 марта, спрошенная, целовала ли она когда-нибудь и обнимала ли святых Екатерину или Маргариту, ответила, что обнимала их обеих, и они источали благоухание. Спрошенная, ощущала ли она тепло или что-либо иное, обнимая их, сказала, что не могла их обнимать, — по-французски: *припадать к ним*⁴⁸, — не ощущая их и не прикасаясь к ним. Спрошенная, какую часть их [тела] она обнимала: было ли то сверху или снизу, — ответила, что более пристало обнимать их снизу, нежели сверху (см. с. 91).

XLIII. *Далее, Жанна говорила и провозглашала, что святые, ангелы и архангелы говорят по-французски, а не по-английски, поскольку святые, ангелы и архангелы являются сторонниками не англичан, а французов; она утверждает относительно святых, кои пребывают во славе, — тем самым их оскорбляя, — будто они поддерживают смертельную ненависть в царстве католическом и в народе, почитающем всех святых согласно предписаниям Церкви.*

По сей статье, слово в слово ей изложенной, она не ответила ничего другого, кроме того, что полагается на Бога и на то, что однажды уже сказала.

В четверг, 1 марта, она сказала, что голос красив, нежен и мягок и говорит на французском языке. Спрошенная, говорит ли сей голос, то есть святая Маргарита, по-английски, ответила: «Как же ей говорить по-английски? Она не на стороне англичан» (см. с. 57).

XLIV. *Далее, Жанна похвалялась и похваляется, провозглашала и провозглашает, что святые Екатерина и Маргарита обещали препроводить ее в рай и поручились ей, что она обретет блаженство, если сохранит девственность; и что она в том уверена.*

По сей статье она ответила, что полагается в том на Бога и на то, что уже однажды сказала.

Далее, в четверг, 22 февраля, она сказала, что ни у голоса, ни у своих откровений никогда не просила иной конечной награды, кроме спасения души. Спрошенная⁴⁹: поскольку голоса сказали ей, что она войдет наконец в царствие рая, убеждена ли она, что спасена и совсем не осуждена на адские муки, ответила, что крепко верит в то, что сказали ей голоса, а именно, что она будет спасена, — и [верит сему] так крепко, как если бы ныне уже была в царствии небесном. И так как Жанне сказали, что сие очень весомый ответ, она ответила, что тоже почитает его за великое сокровище; и прибавила, по сей статье: [она спасется,] если только сдержит клятву и обещание, кое дала Господу Нашему, а именно, что сохранит невинность своего тела и души. Спрошенная, считает ли она после

сего откровения, что не может совершить смертного греха, ответила: «Я ничего о том не знаю, но во всем уповаю на Господа Нашего⁵⁰». Далее, спрошенная, зачем ей исповедываться, раз она думает, по откровению своих голосов, что будет спасена, ответила, что не знает, грешила ли смертно; но думает, что если бы она пребывала в смертном грехе, то святые Екатерина и Маргарита тотчас покинули бы ее; она не думает, что можно чрезмерно очистить свою совесть (см. с. 81–82).

Далее, в четверг, 1 марта, она сказала, что оные святые обещали препроводить ее в рай, о чем она сама их тоже просила (см. см. 57).

XLV. Далее, несмотря на то, что установления Божьи, особенно для нашего взора, непроницаемы, Жанна, тем не менее, говорила, изрекала, рассказывала и разглашала, что ей было известно и известно поныне, каковы из себя святые, архангелы, ангелы или избранники Божьи, и что она различает их меж собой.

По сей статье она ответила, что полагается на то, что уже говорила ранее.

Далее, спрошенная во вторник, 27 февраля, каким образом и откуда она знает, что ей являются именно сии две святые — Екатерина и Маргарита, и как она отличает одну от другой, ответила, что сие именно они и она прекрасно отличает одну от другой (см. с. 50).

Далее, в четверг, 1 марта, спрошенная, являлись ли ей означенные святые всегда в одном и том же одеянии, ответила, что они всегда неизменны видом, и их головы богато увенчаны; о прочих одеждах она не говорит и о платьях их ничего не знает (см. с. 56).

Далее, в субботу, 3 марта, она сказала, о святых Екатерине и Маргарите и о прочих своих явлениях, что видела их так же хорошо, как знает, что они — святые рая (см. с. 60).

XLVI. Далее, она сказала, что прежде чем прыгнуть таким образом, сердечно молила святых Екатерину и Маргариту за жителей Компьени, обращая к ним среди прочего подобие жалобы: «И как же Бог дозволит погибнуть столь дурной смертью жителям Компьени, кои так преданны [своему королю]?» В сем проявились ее нетерпение и непочтение к Богу и его святым.

По сей статье она ответила, что полагается на то, что уже о сем говорила.

В субботу, 3 марта, она сказала, что после того как была ранена, прыгнув с башни Бореуара, голос святой Екатерины сказал ей, чтобы она хорошо держалась и что она выздоровеет, а компьеньцы получают помощь. Далее она сказала, что часто молилась за компьеньцев вместе со своим Советом⁵¹ (см. с. 64–65).

XLVII. Далее, Жанна, недовольная тем, что от прыжка и падения с башни Бореуара получила повреждения, а также тем, что не достигла желаемого, хулила Бога и святых, поносила их, оскорбляя и, к ужасу присутствующих, выказывала им страшное небрежение; а также, с тех пор, как пребывает в Руане, она много раз и во многие дни хулила и бранила Бога, блаженную Деву и святых, перенося с нетерпением и отвращением то, что должна быть предана суду служителей Церкви и предстать перед ними.

По сей статье она ответила, что уповает на Господа Нашего и на то, что уже прежде отвечала.

В субботу, 3 марта, спрошенная, была ли она после прыжка с башни растеряна и рассержена и поносила ли имя Божье, ответила, что никогда не проклинала святого или святую и что никогда не имела привычки божиться. Спрошенная по поводу Суассона, поскольку капитан, сдавший сей город, говорил, что она богохульствовала, [заявляя, что] если захватит [оного капитана], то велит его четвертовать, ответила, что никогда не хулила святого или святую, и те, кто так сказал, дурно поняли (см. с. 65).

Далее, в среду, 14 марта, спрошенная: с тех пор, как она в тюрьме, хулила ли она Бога и проклинала ли его, ответила, что нет, и что несколько раз она сказала: *Милостивый Боже или Святой Иоанн, или Царица Небесная*, и те, кто мог сие донести, дурно поняли (см. с. 82).

XLVIII. Далее, Жанна сказала, что уверовала и верует в то, что души, кои ей являлись, суть ангелы, архангелы и святые Божьи, так же крепко, как верует в исповедание христианское и его догматы; и однако же не сообщает, что имела какой-либо знак, достаточный для распознания оных существ; и она даже не посоветовалась с епископом, кюре, церковным прелатом или каким-либо духовным лицом, дабы узнать, должна ли так доверять подобным духам; более того, она говорила, что голоса запретили ей раскрывать все вышеизложенное кому бы то ни было, кроме как, прежде всего, военному капитану, названному Карлу и прочим — особам сугубо светским. Тем самым она призналась, что мыслила дерзновенно и злоумышляла против догматов веры и их непреложности, и даже имела подозрительные откровения, кои пожелала утаить от прелатов и служителей Церкви, но зато открыла мирянам.

По сей статье она отвечает, что уже о том говорила и полагается на то, что записано. Что же до знамений, то коли те, кто о них просит, их недостойны, — она здесь бессильна; и по сей причине она много раз пребывала в молитве или молении, чтобы Господь благоволил послать откровение ее сторонникам. И она сказала, кроме того, что не испрашивала у епископа, кюре или кого иного никакого совета о том, верить ли ей своим откровениям. Далее она сказала, что верит, будто тот, кто ей являлся, был святым Михаилом, из-за благого учения, каковое он ей явил.

Спрошенная, сказал ли ей святой Михаил, что он — святой Михаил, ответила: «Я о том уже отвечала». А по заключительной части статьи [сказала]: «Я уповаю на Господа Нашего». Далее она сказала, что столь же твердо верит в то, что именно святых Михаила, Гавриила⁵², Екатерину и Маргариту Господь Наш послал к ней для укрепления и совета, как в то, что Господь Наш Иисус Христос претерпел за нас смерть, избавив [нас] от адских мук.

Далее, в субботу, 24 февраля, она сказала, что твердо верит, — так же твердо, как в исповедание христианское и в то, что Бог искупил наши адские муки, — что голос сей исходит от Бога и по его приказу (см. с. 46).

Далее, в субботу, 3 марта, спрошенная, считает ли она, что у святых Михаила и Гавриила материальные головы, ответила, что видела их собственными глазами и верит, что сие — они так же твердо, как и в то, что Бог есть. Спрошенная, считает ли она, что Бог создал их с сими головами, с коими она их видела, ответила: «Я видела их собственными глазами и не скажу вам ничего иного».

Спрошенная, считает ли она, что Бог создал их в том виде и в том обличии, в коих она их видела, ответила, что да (см. с. 60).

В понедельник, 12 марта, спрошенная, говорила ли она о своих видениях юре или какому-либо иному служителю Церкви, ответила, что нет, но лишь Роберу де Бодрикуру и своему королю. И она сказала, кроме того, что голоса нисколько не принуждали ее таить оных видений; но она очень боялась открыть сие из страха перед бургиньонами, чтобы те не помешали ее путешествию; а особенно она боялась, как бы отец не помешал ей совершить ее путешествие. Далее, в тот же день, спрошенная, думала ли она, что хорошо поступает, уходя без дозволения отца и матери, тогда как всякому должно и следует чтить отца и мать своих, ответила, что во всем прочем она полностью подчинялась отцу с матерью, за исключением сего ухода; но после она им о том написала, — и они простили ее (см. с. 72).

XLIX. Далее, Жанна, полагаясь единственно на собственное зрение, почитала сих духов, целуя землю, по коей, как она говорила, они проходили, а также обнимая и целуя оных духов коленопреклоненно и оказывая им прочие знаки почтения, многократно вознося им благодарение, входя с ними в близкие отношения, меж тем как не ведала, были ли то добрые духи; более того, ввиду обстоятельств, о коих говорилось, ей следовало счесть их скорее духами злыми, — каковыми они и представляются, — нежели благими. И оные почитания и преклонения являются, по всей видимости, идолопоклонством и свидетельствуют о заключенном с демонами договоре.

По сей статье, во вторник, 28 марта, она ответила, начиная словами: «Я уже ответила», — и заключая: «Уповаю на Господа Нашего».

Далее, в субботу, 24 февраля, спрошенная, возблагодарила ли она явившийся к ней голос и преклонила ли колени, ответила, что возблагодарила, будучи сама в постели, и села на кровати, соединив молитвенно руки; и она сказала также, что сие случилось после того как она попросила о помощи (см. с. 45, 60).

Далее, в субботу, 10 марта, спрошенная: когда знак снизошел к ее королю, какое почтение она ему выказала и шел ли он от Бога, ответила, что возблагодарила Бога за то, что он избавил ее от мук, кои должны были причинить ей клирики, державшие сторону дофина, но выступавшие против нее; и много раз она преклоняла колени. Далее, в тот же день, спрошенная, поклонились ли ее король и она сама ангелу, когда тот принес знак, она ответила: что до нее, то да, — она преклонила колени и сняла шапочку (см. с. 70).

Далее, в понедельник, 12 марта, спрошенная, говорила ли она с самим Богом, когда пообещала Ему хранить девственность, ответила, что довольно было пообещать сие тем, кто послан от самого Бога, то есть святым Екатерине и Маргарите⁵³. Далее сказала, что в первые раз, когда услышала сей голос, она принесла обет девственности, поскольку сие угодно Богу; и ей было 13 лет или около того. Далее, в тот же день, спрошенная, кланялась ли она святому Михаилу и ангелам, когда видела их, ответила, что да, и, выказывая к ним благоговение, целовала после их ухода землю, по коей они ступали (см. с. 72).

Далее, в четверг, 15 марта, спрошенная, преклонялась ли она пред голосами, когда те приходили, точно так же, как пред святым или святой, ответила,

что да; а если порой того не делала, то потом просила прощения; и она не в силах была бы выказать им столь великое благоговение, коего они достойны, ибо она крепко верит, что то — святые Екатерина и Маргарита. И она сказала то же самое о святом Михаиле. В тот же день, спрошенная, делала ли она тем святым, кои к ней приходят, подношения в виде зажженных свечей или чего-либо иного, в церкви или где-либо еще, и заказывала ли она мессы, ответила, что нет, — разве что подношения к мессе для священника в честь святой Екатерины; и она верит, что святая Екатерина — одна из тех, кто ей является; и она зажгла вовсе не столь много свечей, сколько ей хотелось бы зажечь для святых Екатерины и Маргариты, кои пребывают в раю, ибо она твердо верит, что именно они приходят к ней. Далее, в тот же день, спрошенная: когда ставила сии свечи пред образом святой Екатерины, ставила ли она их в честь сей святой Екатерины, каковая ей являлась, ответила: «Я делаю сие в честь Бога, Царицы Небесной и святой Екатерины, пребывающей на небе; и я не делаю различия между святой Екатериной, каковая на небе, и той, что мне является». Далее, в тот же день, спрошенная, всегда ли она исполняет то, что велят ей голоса, ответила, что изо всех сил исполняет веление Господне, данное ей голосами, насколько умеет [их] понять⁵⁴; и они не велят ей ничего без благоволения Господа (см. с. 85).

Л. Далее, Жанна часто и ежедневно вызывает сих духов и спрашивает у них совета по делам особо важным, кои должна совершить, — например, о том, как ей следует отвечать на суде, а также о прочих вещах. Сие может свидетельствовать и свидетельствует о вызывании демонов.

По сей статье, в среду, 28 марта, она ответила: «Я о том уже говорила», и пока жива, она будет призывать оные голоса на помощь.

Спрошенная, каким образом она обращается к ним с просьбой, ответила: «Я зываю к Богу и Царице Небесной, чтобы они послали мне совет и укрепление, и они затем мне его посылают».

Спрошенная, какими словами она [их] просит, ответила, что просит их таким образом, по-французски: «Премилый Бог, во имя святых ваших Страстей я прошу вас, если вы меня любите, открыть мне то, что я должна ответить сим служителям Церкви. Что до платья, — я хорошо знаю, по чьему велению я его надела, но совсем не знаю, как должна его снять. Посему да будет вам угодно сие мне разъяснить». И они тотчас приходят. Далее, в тот же день она сказала, что у нее часто есть от голосов новости о нас, епископе Бовеском.

И, спрошенная о том, что они говорят ей о нас, ответила: «Я скажу вам сие лично». Далее она сказала, что в тот день они приходили к ней трижды.

Спрошенная, находились ли они в камере, ответила: «Я вам сие уже отвечала; однако я слышала их хорошо». Далее, по ее словам, святые Екатерина и Маргарита сказали ей, как она должна отвечать по поводу сего платья.

Далее, в субботу, 24 февраля, она сказала, что голос велел ей отвечать смело, и когда она пробудилась ото сна, то спросила у одного голоса совета о том, как ей следует отвечать на суде, говоря голосу, чтобы тот спросил совета у Господа Нашего; и голос сказал ей отвечать смело — и Бог ей поможет. Далее, в тот же день, спрошенная: прежде чем она обратилась к голосу с просьбой, сказал ли ей оный голос какие-нибудь слова, ответила, что голос сказал ей несколько слов, но она не все поняла; однако после того, как проснулась, она поняла, что голос сказал

ей отвечать смело. Далее она сказала, что сегодня ночью слышала голос, говорящий: отвечай смело (см. с. 45).

Далее, во вторник, 27 февраля, спрошенная о том, что сказал ей голос после минувшей субботы, ответила, что просила у голоса совета по некоторым вещам, о коих ее спрашивали на заседании. Спрошенная, дал ли [голос] совет по некоторым из них, ответила, что по некоторым пунктам ей был совет, но может статься, у нее попросят ответа на иные вопросы, на кои она не ответит без дозволения. А если она ответит без дозволения, то, возможно, ей в том не будет ручательства [голоса]; когда же она получит дозволение Господа, то не побоится говорить, поскольку будет иметь доброго поручителя. Спрошенная в тот день, каким образом умеет она сие отличить, — по одним пунктам отвечая, а по другим — нет, ответила, что по одним пунктам она попросила дозволения, и оно ей было [дано] (см. с. 50).

Далее, в понедельник, 12 марта, спрошенная, не оставил ли ее ангел, — если говорить о везении, — коль скоро она была пленена, ответила, что верит, будто сие к лучшему, раз так угодно Богу, — что она попала в плен. Спрошенная, не оставил ли ее ангел в даре благодати, ответила: «Как же ему оставить меня, если он укрепляет меня каждый день?». И она понимает, что сие подкрепление исходит от святой Екатерины и святой Маргариты. Спрошенная, зовет ли она их или они приходят не будучи призванными, ответила, что они часто приходят без зова, а в ином случае, если б они не пришли, она тотчас просила бы Бога их к ней послать. Далее, спрошенная, бывало ли иногда, что она звала их, а они бы не пришли, ответила, что никогда не случалось такого, чтобы она нуждалась в них хоть чуть-чуть, а их не было [бы] (см. с. 72).

Далее, во вторник, 13 марта, спрошенная, говорила ли она со вчерашнего дня со святой Екатериной, ответила, что с тех пор слышала ее, и она много раз говорила ей смело отвечать судьям на то, что они спросят у нее относительно процесса (см. с. 77).

Далее, в среду, 14 марта, спрошенная, просят ли ее голоса отсрочки для ответа, сказала, что святая Екатерина иногда отвечает ей, а Жанна порой не может [ее] понять из-за тюремного шума и криков ее стражей; и когда она обращается с просьбой к святой Екатерине, тотчас святая Екатерина и Маргарита обращаются к Богу, а затем, по велению Божьему, они дают ответ Жанне. Спрошенная: когда приходят сии святые, пребывает ли с ними свет, и не видела ли она света, когда слышала голос в замке, не ведая, пребывает ли оный голос в ее темнице, ответила, что нет и дня, чтоб они не приходили в Руанский замок, и они не приходят без света; а в тот раз она слышала голос, но не припомнит, видела ли свет и даже видела ли святую Екатерину. Далее она сказала, что просила у своих голосов три вещи, а именно: [во-первых, —] своего освобождения, во-вторых, — чтобы Бог помог французам и хранил верные им города, а третьей [просьбой] было спасение ее души (см. с. 81).

II. Далее, Жанна не боится похвалиться тем, что святой Михаил, архангел Божий, пришел к ней с великим множеством ангелов в крепость Шинон, в дом некой женщины и якобы шествовал рядом с нею, держа ее за руку, поднимаясь вместе с нею по ступеням замка и идя в покои ее короля; и оный архангел якобы выказал благоговение названному королю, склоняясь пред ним, в со-

провождении ангелов, как было указано, из коих некоторые были увенчаны, а другие имели крылья. Такие речи об архангелах и святых должны считаться высокомерным и дерзостным измышлением, тем более что [ни в одной священной книге] мы не прочтем, чтобы подобное благоговение выказывалось ангелами или архангелами какому-либо святому человеку и даже Пречистой Деве, матери Божьей. И часто также, [Жанна] говорила, что к ней приходил святой Гавриил, архангел, вместе со святым Михаилом, а также порой — многие тысячи ангелов. Жанна похвалялась даже тем, что по ее молитве онный ангел в сем ангельском окружении принес с собою предрагоценную корону для ее короля, дабы тот возложил ее на свою голову. Сия корона помещена ныне в сокровищницу оного короля; Жанна утверждает, что онный король был бы коронован ею [короной. — А. С.] в Реймсе, если бы подождал несколько дней; но из-за спешности своего коронования он взял другую. Такие вещи были скорее выдуманы оной Жанной по дьявольскому наущению, нежели открыты Богом, либо же были явлены ей самим демоном в видениях, вызванных колдовством, ее любопытству на посмеяние, поскольку она ищет того, что выше ее самой и что превышает возможности ее положения.

По сей LI-й статье, в среду, 28 марта, [Жанна] отвечает, что ранее уже дала ответ об ангеле, принесшем знак; в отношении же того, что обвинитель высказал о многих тысячах ангелов, она ответила, что не припомнит, чтобы говорила такое, — то есть о числе; но она и вправду сказала, что всегда, когда бывала ранена, получала великое укрепление и великую помощь от Господа Нашего и святых Екатерины и Маргариты.

Далее, — о короне, — сказала, что уже ответила ранее. И по заключительной части статьи, каковую обвинитель выдвигает против ее поступков, [ответила], что уповаает на Бога. И также, по вопросу о том, где корона была изготовлена и выкована, — она уповаает на Бога.

Далее, во вторник, 27 февраля, спрошенная, был ли ангел над головой ее короля, когда она впервые его увидела, ответила: «Матерь Божья! Если таковой и был, то я о том не знаю и вовсе его не видела». Спрошенная, был ли там свет, ответила, что там было более трехсот рыцарей и пятьдесят факелов, и сие — не считая света духовного; и у нее редко бывают откровения, при коих не было бы света. Спрошенная, каким образом король уверовал в ее речи, ответила, что ему самому были добрые знамения, а также [из-за] клириков. Далее она сказала, что клирики из ее сторонников были того мнения, что в ее случае нет ничего, кроме блага, — по крайней мере, так им казалось (см. с. 52).

Далее, в четверг, 1 марта, спрошенная, была ли у ее короля корона в Реймсе, ответила, что ее король, как она думает, охотно взял ту, что нашел в Реймсе; но гораздо более роскошную принесли после; и он поступил так, чтобы ускорить дело, по просьбе жителей города и дабы избавить их от тягот военного постоя; а если б он подождал, то был бы увенчан короной в тысячу крат богаче. Спрошенная, видела ли она оную более богатую корону, ответила, что не может [того] сказать без клятвопреступления; а если и не видела, то слышала, что она такая роскошная (см. с. 59).

Далее, в субботу, 10 марта, спрошенная, что сие за знак, каковой был ее королю, ответила, что он прекрасен и достоин почтения и веры и что он благой

и самый богатый из всех, кои только можно сыскать. Спрошенная, почему она не желает раскрыть и явить оный знак так же, как требовала знака от Катерины из Ла-Рошели, ответила, что она не спрашивала бы о знаке оной Катерины, если бы он был так же хорошо явлен, как названный знак, — пред знатыми особами церкви и прочими, архиепископами и епископами, а именно пред архиепископом Реймским и прочими епископами, чьих имен она не знает; и там были Шарль де Бурбон, сеньор де Ла Тремуй, герцог Алансонский и многие другие рыцари, кои видели и слышали [его] так же хорошо, как она видит тех, кто с нею говорит. И все же она отлично знала от святых Екатерины и Маргариты, что дело оной Катерины — сущее ничто. Спрошенная, существует ли еще оный знак, ответила, что — само собой, и он будет существовать еще тысячу лет, и даже сверх того. Далее она сказала, что знак пребывает в сокровищнице ее короля. Спрошенная, из золота он или из серебра, драгоценный сие камень или корона, ответила: «Я не скажу вам иного; и [ни один] человек не сумел бы описать вещи столь богатой, как сей знак». И затем она сказала: «Знак, каковой вам нужен, — в том, что Бог освободит меня из ваших рук, и сие самое верное, что Он мог бы вам ниспослать» (см. с. 69).

Далее, в тот же день, она сказала, что ангел от Бога, и ни от кого иного, даровал знак ее королю, и она многократно возблагодарила за то Бога. Далее она сказала, что клирики из ее сторонников перестали выступать против нее, когда обрели оный знак. Спрошенная, видели ли знак служители церкви из ее сторонников, ответила, что когда ее король и те, кто был с ним, увидели знак и самого ангела, даровавшего сей знак, она спросила у своего короля, доволен ли он; и он ответил, что да; тогда она вышла и направилась в часовенку неподалеку; и она слышала, что после ее ухода более трехсот человек видели знак⁵⁵. Она сказала, помимо того, что из любви к ней, Жанне, и чтобы люди перестали ее расспрашивать, Бог допустил, чтобы ее сторонники смогли увидеть знак (см. с. 69).

Далее, в понедельник, 12 марта, на вопрос о том, заговорил ли ангел, принесший знак, ответила, что да, он сказал ее королю, чтобы Жанну допустили к делу, — и стране тотчас же станет легче. Далее, спрошенная, был ли ангел, принесший знак, тем же ангелом, каковой сперва явился ей, или то был другой [ангел], ответила, что сие всегда один и тот же [ангел], и он ее не оставлял. Далее, спрошенная в тот же день о знаке, данном ее королю, — каков он был, — ответила, что спросит совета у святой Екатерины (см. с. 71).

Далее, во вторник, 13 марта, спрошенная о знаке, данном ее королю, — каков он был, — ответила: «Угодно вам, чтобы я преступила клятву?». Спрошенная, поклялась ли она и пообещала ли святой Екатерине не называть сего знака, ответила: «Я поклялась и пообещала не называть сего знака; и я сделала так сама, поскольку меня слишком вынуждали о нем рассказать». И тогда она сама, Жанна, сказала, что более никому не станет о нем говорить⁵⁶ (см. с. 76).

Далее, по ее словам, знак был в том, что ангел подтвердил ее королю, поднося ему корону, что с помощью Божьей и трудами названной Жанны он завладеет полностью всем королевством Французским; [и ангел сказал королю,] чтобы он допустил ее к делу, то есть дал ей воинов, — а иначе он не будет так скоро коронован и миропомазан. Далее, в тот же день, спрошенная, каким образом

сей ангел принес корону и возложил ли [он ее] на голову ее короля, ответила, что, как ей кажется, оная корона была передана некоему архиепископу, а именно, архиепископу Реймскому, в присутствии ее короля; и оный архиепископ принял ее и вручил королю, а сама Жанна при том присутствовала; и сию корону поместили в сокровищницу короля. Спрошенная о месте, куда ее принесли, ответила, что сие было в покоях ее короля, в замке Шинон. Спрошенная о дне и часе, ответила: «Дня я не знаю; а час — час был ранний»; более точно она не помнит; а о месяце, — то было в апреле или марте месяце, как ей кажется; и в минувшем апреле или в теперешнем месяце тому будет два года; и было сие после Пасхи. Спрошенная: в тот день, когда она впервые увидела сей знак, ее король видел ли его тоже, — ответила, что да, и что ему самому он был [дан]. Спрошенная, из какого материала была оная корона, ответила: «Ясное дело, она была из чистого золота»; и была столь богата, что и не передать (*qu'elle ne saurait estimer as richesse*); и сия корона означала, что ее король обретет королевство Французское. Спрошенная, были ли на ней драгоценные камни, ответила: «Я сказала вам то, что знаю». Спрошенная, держала ли она и целовала ли ее, ответила, что нет (см. с. 77).

Спрошенная, снизошел ли ангел, принесший сию корону, свыше, или пришел по земле, ответила, что снизошел свыше, отчего она и поняла, что он пришел по велению Божьему; и он вошел через дверь в покои. Спрошенная, шел ли ангел от двери покоев, ступая по земле, ответила, что когда ангел предстал пред ее королем, то выказал благоговение названному королю, склоняясь пред ним и произнося слова, кои Жанна сказала о знаке; и вместе с тем оный ангел напомнил ее королю о благотерпении, кое тот выказал в ходе великих потрясений, выпавших на его долю; а приближаясь к названному королю, ангел шел и ступал по земле. Спрошенная, какое расстояние было от двери до одного короля, ответила, что, как она думает, там было расстояние в длину целого копья; и ангел удалился оттуда тем же путем, что и пришел. Далее Жанна сказала, что когда ангел пришел, она проводила его и прошла вместе с ним по ступеням в покои названного короля; и ангел вошел первым; а сама Жанна сказала своему королю: «Сир, вот ваш знак, — примите его». Спрошенная о месте, где ей явился ангел, ответила, что почти все время пребывала в молитве, [прося,] чтобы Бог ниспослал знак ее королю; и Жанна была у себя, то есть в доме одной доброй женщины, близ Шинонского замка; а после ангел и Жанна вместе пошли к названному королю; и ангела сопровождали другие ангелы, бывшие с ним, коих не всякий видел; и если б сие не было из любви к оной Жанне и чтобы избавить ее от мук, причиняемых людьми, кои ей перечили, она уверена, что некоторые особы, кои видели одного ангела, не увидели бы его. Спрошенная, видели ли ангела все, кто был там с ее королем, ответила, что, думает, архиепископ Реймский и монсеньеры Алансонский, де Ла Тремуй и Шарль де Бурбон его видели; а что до короны, то многие служители Церкви и прочие, кто не видел ангела, видели ее (см. с. 77).

Спрошенная, какого сложения и какого роста был оный ангел, ответила, что не имеет дозволения о том сказать и что ответит завтра (см. с. 77).

Спрошенная о тех, кто сопровождал ангела, — были ли они все одного вида, — ответила, что некоторые из них были вполне схожи меж собой, а иные — нет, [по крайней мере,] так она их видела; и там были некоторые, у коих были

крылья, и некоторые, кои были увенчаны, иные же — нет; и среди них были святые Екатерина и Маргарита, кои находились с названным ангелом, а также и другие ангелы, [сопровождавшие их] до входа в покои ее короля. Спрошенная, как сей ангел покинул ее, ответила, что он покинул ее в маленькой часовне; и она была сильно потрясена его уходом; и она плакала и охотно ушла бы вместе с ним, то есть, [если говорить] о душе. Спрошенная: по его уходе, осталась ли она в радости или была обеспокоена и пребывала в великом страхе, ответила, что он оставил ее вовсе не уstraшенной, но потрясенной (соугоусе́е) его уходом.

Далее, спрошенная, по заслугам ли самой Жанны Бог послал к ней своего ангела, ответила, что он пришел ради великого дела: в надежде, что ее король поверит знаку и оной Жанне перестанут противодействовать; а также ради того, чтобы помочь жителям Орлеана, и еще из-за заслуг ее короля и доброго герцога Орлеанского. Спрошенная, почему [для сего] была избрана именно она, а не кто-либо другой, ответила: «Богу было угодно поступить так, чтобы с помощью простой девицы был дан отпор врагам короля».

Далее, спрошенная, было ли сказано ей, Жанне, где ангел получил ранее оную корону, ответила, что она была принесена от Бога и что в мире нет такого ювелира, каковой сумел бы сделать ее столь прекрасной и столь богатой; но в отношении того, где оный ангел ее взял, Жанна полагается на Бога, — а иначе не знает, откуда взялась сия корона. Спрошенная, благоухала ли сия корона и сверкала ли она, ответила, что совершенно [того] не помнит и поразмыслит над тем. А после сказала, что сия корона благоухает и будет благоухать впредь, если только ее станут хорошо хранить, как и подобает; и она был в виде венца.

Спрошенная, писал ли ей ангел письма, ответила, что нет.

Спрошенная, что за знак был [дан] ее королю, находившимся с ним людям и ей самой, Жанне, дабы они уверовали, что к ним явился именно ангел, ответила, что король поверил в сие по подсказке слугителей Церкви, кои были там, и по знаку короны. Спрошенная, каким образом слугители Церкви узнали, что сие — ангел, ответила, что по своей учености и поскольку были клириками (см. с. 78).

ЛII. Далее, Жанна своими измышлениями до такой степени прельстила католический люд, что многие поклонялись ей в ее присутствии и все еще поклоняются в ее отсутствие, устраивая в честь нее мессы и сборные молебны в церквах; мало того, они называют ее более великой, чем все святые Божьи, после Пречистой Девы; они возносят ее образы и изображения в базиликах, а также носят при себе ее изображения из свинца или иного металла, [по примеру того,] как поступают обычно с изображениями и памятными вещами святых, канонизированных Церковью. И они открыто проповедуют, что она посланница Божья и скорее ангел, нежели женщина. Все сие пагубно для христианской религии и слишком возмутительно и вредно для спасения душ.

По сей статье, в среду, 28 марта, она сказала, что относительно начала статьи уже дала ответ, а что до заключения оной, — она уповает на Бога.

Далее, в субботу, 3 марта, спрошенная, знавала ли когда-нибудь брата Ришара, ответила: «Я не видела его до того, как пришла под город Труа». Спро-

шенная, какой прием оказал ей брат Ришар, ответила, что, как она думает, жители города Труа послали его к ней, говоря, будто они опасаются, что она не от Бога. И когда он пришел к ней, то, приближаясь, сотворил крестное знамение и окропил [ее] святой водой; она сказала ему: «Подходите смело; я не улечу» (см. с. 62).

Спрошенная, видела ли она сама и заказывала ли образа или картины, похожие на нее, сказала, что в Аррасе видела одно изображение, кое было на нее похоже, в руках некоего шотландца: вооруженная, она передавала послание своему королю и преклоняла колено. И она сказала, что никогда не видела и не заказывала иного образа или картины, схожих с нею (см. с. 62).

Спрошенная по поводу некоей картины или маленького изображения (tableau ou tablette) у ее хозяина в Орлеане, на коей были нарисованы три женщины — Правосудие, Мир, Единство, — ответила, что ничего о том не знает. Спрошенная, знает ли она, что ее сторонники совершали богослужение, мессу или молебен за нее, ответила, что ничего о том не знает, а если они и совершали ради нее богослужение, то делали сие не по ее указанию; и если они молились за нее, то ей не кажется, что они поступали дурно (см. с. 62).

Далее, в субботу, 3 марта, спрошенная о том, каким образом жители Труа выразили свое благоговение при ее въезде [в город], ответила: «Они вовсе не выражали мне благоговения». И она сказала, помимо того, что, как ей кажется, брат Ришар вошел в город одновременно с ними, но она не помнит, видела ли его при въезде. Спрошенная, произнес ли оный брат Ришар проповедь по случаю приезда Жанны, ответила, что недолго пробыла в Труа и ни разу там не ночевала; а что до проповеди, — она того не знает (см. с. 62).

LIII. Далее, вопреки велениям Бога и святых, Жанна высокомерно и спесиво бралась господствовать над людьми, ставя себя главой и вождем войска, числом порой в 16 000 человек, где находились принцы, бароны и многие другие знатные люди, коих она всех заставила служить себе как верховному военачальнику.

По сей статье, в среду, 28 марта, она отвечает: что до *бытности военачальником*, по-французски, — она уже о том ответила; если она и была военачальником, то [лишь] для того, чтобы бить англичан. А что до заключения статьи, — она уповает в том на Господа Нашего.

Далее, во вторник, 27 февраля, спрошенная, какой отряд дал ей ее король, когда допустил ее к делу, ответила: десять или двенадцать тысяч человек, и в Орлеане она напала сперва на бастиду Сен-Лу, а затем — на бастиду Моста (см. с. 53, 54).

LIV. Далее, Жанна бесстыдно жила с мужчинами, отвергая общество или услуги женщин, принимая оные лишь от мужчин, коих пожелала взять для личного услужения в доме и в своих тайных [т.е. интимных. — А. С.] делах; сие невиданно и неслыханно для женщины стыдливой и добродетельной.

По сей статье она ответила, что ее руководителями были мужчины (son gouvernement était d'hommes); но что до жилья и ночлега, то чаще всего она имела подле себя женщину. А когда она была на войне, то там, где не могла найти жен-

щин, спала в одежде и вооружении. А что до заключения статьи, — она уповаает в том на Бога.

LV. Далее, Жанна злоупотребила откровениями и пророчествами, кои, как она говорит, были ей от Бога, используя их ради наживы и мирской выгоды; действительно, посредством сих откровений она заполучила великое изобилие роскошных богатств, многочисленные должности, лошадей, вооружение, а также — для своих братьев и родителей — великие мирские доходы. Сим она подражала лжепророкам, у коих, дабы обрести выгоду мирскую или благосклонность светских сеньоров, заведено притворяться, будто они имеют божественные откровения на предмет того, что, по их пониманию, должно нравиться светским государям, — ради чего они пускаются в обман, придумывая божественные прорицания и приписывая свою ложь — Богу.

По сей статье она сказала, что на то уже давала ответ; а что до даров, сделанных ее братьям, то король сделал их по собственной милости, без просьбы оной Жанны. Что же до вины, каковую приписывает ей обвинитель в заключении статьи, — она уповаает в том на Господа Нашего.

Далее, в субботу, 10 марта, спрошенная, обладала ли когда-нибудь иными богатствами своего короля, кроме его лошадей, ответила, что ничего не просила у своего короля, кроме доброго оружия, добрых лошадей и денег, чтобы заплатить прислуге. Далее, спрошенная, вовсе ли не имела никакой казны, ответила, что десять или двенадцать тысяч [экю] наличными — невелика казна, и даже совсем пустяк; и все сие — у ее братьев, как она думает. И она сказала, что все, что у нее есть, — из собственных денег ее короля. Далее она сказала, что когда попала в плен, была верхом на легком скакуне. Спрошенная, кто ей его дал, ответила, что деньги на него были получены от ее короля или его людей; и у нее было пять скакунов, [купленных] на деньги ее короля, помимо рысаков, коих было у нее более семи (см. с. 68).

LVI. Далее, Жанна много раз похвалялась, что имеет двух советников, коих зовет Советниками Источника (*Conseillers de la Fontaine*) и кои приходили к ней после того, как она была пленена, — сие явствует из показаний Катерины из Ла-Рошели, данных ею пред официальом Парижа; оная Катерина сказала, что [Жанна] выйдет из тюрьмы при помощи дьявола, если ее не будут хорошенько стеречь.

По сей статье Жанна ответила, что придерживается того, что уже сказала. А что до Советников Источника, — она не знает, что сие такое, но уверена, что однажды слышала там [у источника] святых Екатерину и Маргариту; а что¹ до заключения статьи, — она его отрицает и клятвенно утверждает, что ей бы вовсе не хотелось, чтобы дьявол вызволил ее из тюрьмы.

Спрошенная⁵⁷, знавала ли она и видела ли Катерину из Ла-Рошели, ответила, что да, — в Жаржо и в Монфоконе, что в Берри. Спрошенная, показала ли ей Катерина некую даму, одетую в белое и, как говорили, несколько раз являвшуюся оной Катерине, ответила, что нет.

Спрошенная в ту же субботу, 3 марта, о том, что сия Катерина ей сказала, ответила, что Катерина сказала ей, будто к ней, Катерине, приходит белая дама, одетая в золотое сукно, и сия дама говорит Катерине, чтобы она пошла по доб-

рым городам и чтобы ее король дал ей герольдов и трубачей, дабы оглашать, что те, у кого есть золото, серебро или потаенный клад, пусть быстро его принесут; тех же, кто того не сделает и у кого есть сии припрятанные вещи, Катерина легко узнает и легко сумеет найти сии сокровища; и сие пойдет на оплату воинов Жанны. На что Жанна ответила оной Катерине, чтобы та возвращалась к своему мужу, занялась хозяйством и кормила детей. И чтобы знать наверняка насчет оной Катерины, она поговорила о том со святой Екатериной и святой Маргаритой, кои сказали Жанне, что дело сей Катерины — *не что иное, как глупости и сущее ничто*. И по поводу сей Катерины Жанна написала своему королю, что скажет ему, как должно с ней поступить. И когда Жанна предстала пред своим королем, то сказала ему, что дело оной Катерины — *глупости и сущее ничто*. Однако брат Ришар хотел, чтобы Катерину допустили к делу, и брат Ришар и Катерина были сильно недовольны Жанной (см. с. 64).

Спрошенная, не говорила ли она с Катериной из Ла-Рошели [о своем замысле] идти на Ла-Шарите, ответила, что оная Катерина очень ее отговаривала и советовала вовсе туда не ходить, так как [в ту пору] стояли сильные холода. Далее, в тот же день, 3 марта, Жанна призналась, что сказала Катерине, желавшей идти к монсеньеру герцогу Бургундскому чтобы заключить мир, что мира от герцога можно добиться лишь острием копья. Далее, Жанна призналась, что спрашивала у оной Катерины, приходит ли сия дама каждую ночь и [сказала ей, что] ради того, чтобы ее увидеть, она будет спать вместе с нею, как и поступила; и она бодрствовала до полуночи и ничего не увидела, а после заснула; когда же наступило утро, она спросила оную Катерину, приходила ли дама; и Катерина ответила, что дама приходила когда Жанна спала, и что она не смогла ее разбудить. Тогда Жанна спросила у Катерины, придет ли дама на следующий день, и Катерина отвечала, что да. Ради сего Жанна поспала днем — так, чтобы суметь бодрствовать ночью; и следующую ночь Жанна провела с Катериной и всю ночь бодрствовала, но не увидела ничего, хотя часто спрашивала у оной Катерины, придет ли дама, и Катерина отвечала: «Да, скоро» (см. с. 64).

LVII. Далее, Жанна в праздник Рождества Царицы Небесной объявила сбор всех бойцов войска названного Карла, чтобы идти на приступ города Парижа и привела их к сему городу. Она обещала им, что они войдут туда в тот же день и что она знает сие из откровения. И она велела принять все возможные меры, дабы осадить оный город. И, однако, теперь, на суде пред вами, она не боится сего отрицать. Также и в других местах — в Ла-Шарите на Луаре, в Пон-л'Эвеке и в Компъени, когда она осаждала войско монсеньера герцога Бургундского, — она обещала и предсказывала, ссылаясь на откровения, множество событий, из коих, однако, ни одного не свершилось, а скорее, [свершилось] обратное. И она отрицает пред вами, что брала на себя обещания или делала предсказания, поскольку отнюдь не произошло так, как она говорила, хотя многие достойные доверия особы доносят, что вышеозначенные предсказания были ею произнесены и преданы огласке. Более того, во время осады Парижа она сказала, что ей помогают многие тысячи ангелов, кои готовы вознести ее в рай, если она придет к смерти. И, однако, сообщают, что на заданный ей вопрос: почему вопреки обещаниям, [взятым ею на себя], случилось так,

что она не только не вошла в Париж, но и множество людей из ее войска было ранено, сама она получила [тогда] жестокое ранение, а некоторые были убиты, — на сие она ответила так: Иисус, мол, не сдержал пред ней своего обещания.

По сей статье, в среду, 28 марта, она отвечает, что на первую часть статьи уже давала ответ. «А если я надумаю что-нибудь добавить, то охотно добавлю». Что же до окончания статьи, — будто Иисус не сдержал обещания, — она сие отрицает.

В субботу, 3 марта, спрошенная о том, что она делала на валах в Ла-Шарите, ответила, что велела идти на приступ и что вовсе не обрызгивала и не велела обрызгивать оные валы святой водой наподобие окропления. Спрошенная, почему же она не вошла в город, раз имела на то веление Божье, ответила: «Кто вам сказал, что я имела повеление туда войти?». Спрошенная, имела ли она на сей счет совет со своим голосом, ответила, что желала идти во Францию, но воины сказали ей, что лучше сперва пойти на город Ла-Шарите (см. с. 64).

Спрошенная во вторник, 13 марта, было ли ей в откровении [указание] от голосов пойти под Париж, когда она пошла туда, ответила, что нет; но то было [сделано] по просьбе знатных господ, кои желали совершить вылазку или наступление; она же намеревалась идти дальше и преодолеть укрепления. Спрошенная, было ли ей откровение идти под Ла-Шарите, ответила, что нет, но [то было] по просьбе воинов, как она сказала ранее. Далее, в тот же вторник, спрошенная, не было ли ей откровения идти на Пон-л'Эвек, ответила: после того, как в Мелене ей было откровение, что она попадет в плен, она чаще всего стала полагаться в ратных делах на волю капитанов; однако же она не говорила им, что знает из откровения о своем скором пленении.

Спрошенная, было ли сие благим поступком — в день праздника Рождества Богоматери идти на приступ Парижа, ответила: «Как ей кажется, по совести, благой поступок — блюсти праздники Богоматери, от начала и до конца».

LVIII. Далее, Жанна велела расписать свой штандарт и представить на нем двух ангелов по сторонам от Бога, каковой был с державой в руке, вместе с сими именами: ИИСУС МАРИЯ и прочими изображениями; и она говорила, будто сделала так по велению Бога, открывшего ей сие через посредство ангелов и святых. И сей штандарт она поместила в церкви Реймса близ алтаря, когда названный Карл был миропомазан, желая из гордыни и пустого тщеславия, чтобы сей штандарт был особо почитаем другими. Она велела также изобразить свой герб, где поместила две золотые лилии в лазоревом поле, а меж лилиями — серебряный меч с золотыми рукоятью и гардой, направленный вверх острием, на конце коего — золотая корона. Все сие кажется признаком роскоши и суеты, а не религии и благочестия; и приписывать сию суету Богу и ангелам противно благоговению пред Богом и святыми.

По сей статье, в среду, 28 марта, она сказала: «Я на то [уже] ответила».

А на возражение, выдвинутое обвинителем: — «Я полагаюсь и уповаю на Господа Нашего».

Во вторник, 27 февраля, спрошенная, был ли у нее штандарт, когда она пошла на Орлеан, и какого цвета, ответила, что да, с полем, усеянным лилиями, на коем была изображена держава⁵⁸ и два ангела по сторонам; [штандарт был]

белого цвета, из белого полотна или бокассэна; и там были написаны сии имена: ИИСУС МАРИЯ, как ей кажется; и он был с шелковой бахромой. Спрошенная, были ли сии имена ИИСУС МАРИЯ написаны сверху, сбоку или снизу, ответила: сбоку, как ей кажется. Спрошенная, что она предпочитала: меч или штандарт, ответила, что в сорок раз сильнее меча любила штандарт⁵⁹. Спрошенная, кто велел ей заказать то, что было на нем нарисовано, ответила: «Я довольно твердила вам, что ничего не совершила иначе, как по велению Божьему». Далее она сказала, что сама носила сей штандарт, вторгаясь в ряды противника, для того чтобы кого-нибудь не убить, и сказала, что ни разу никого не убила (см. с. 53).

Далее, 3 марта, она Жанна сказала, что ее штандарт был в церкви Реймса и, как ей кажется, — довольно близко к алтарю; она сама его подержала, но не знает, держал ли его брат Ришар (см. с. 63).

Далее, 10 марта, спрошенная, нарисованы ли на сем штандарте держава и два ангела etc., ответила, что да, и у нее всегда был только один [штандарт]. Спрошенная, что сие был за знак и что означало — взять [изображение] Бога с державою и сих двух ангелов, ответила, что святые Екатерина и Маргарита сказали ей, чтобы она взяла штандарт и смело его носила, и чтобы она велела поместить на нем изображение Царя небесного; и она сказала о том своему королю, но очень скрепя сердце; а о значении сего [ничего] другого она не знает.

Спрошенная, были ли у нее щиток и герб, ответила, что никогда их не имела; но ее король даровал [их] ее братьям, а именно: лазоревый щиток с двумя золотыми лилиями и мечом посредине. Сей герб она описала одному художнику в сем городе Руане, ибо он спросил, какой у нее герб. Далее она сказала, что сие было даровано королем ее братьям, им в угоду, без ходатайства оной Жанны и без откровения (см. с. 68).

В субботу, 17 марта, спрошенная, по чьему побуждению она приказала изобразить на своем штандарте ангелов с руками, ногами и одеждой, ответила: «У вас уже есть ответ». Спрошенная, велела ли она нарисовать сих ангелов такими, какими они приходят к ней, ответила, что велела нарисовать их так, как они нарисованы в церквях. Спрошенная, видела ли она их когда-либо такими, какими они нарисованы, ответила: «Я не скажу вам о том [ничего] иного». Спрошенная, почему не велела нарисовать сияние, кое нисходит к ней с ангелом и голосами, ответила, что сего ей не было велено. Далее, в ту же субботу, 17 марта, спрошенная, изображали ли сии два ангела, кои были нарисованы на сем штандарте, святых Михаила и Гавриила, ответила, что они были там лишь во славу Господа Нашего, каковой был нарисован на сем штандарте. И она сказала, что велела сделать сие изображение двух ангелов лишь во славу Господа Нашего, каковой был представлен на сем штандарте с державою. Спрошенная, являлись ли те два ангела, кои были изображены на штандарте, теми самими ангелами, кои охраняли державу, и почему они не были более многочисленны, раз уж ей было велено Богом взять сей штандарт, ответила, что весь штандарт был указан от Бога голосами святых Екатерины и Маргариты, кои сказали ей: «Возьми штандарт от Царя небесного». И поскольку они сказали ей: «Возьми штандарт от Царя небесного», она велела сделать сие изображение Бога и двух ангелов. А что до цвета и всего [прочего], она велела сделать по указанию Божьему (см. с. 89–90).

Спрошенная, обращалась ли она тогда к названным святым с вопросом о том, выиграет ли силой сего штандарта всякую битву, в каковую вступит, и обретет ли победу, ответила, что святые сказали ей, чтобы она смело его взяла и что Бог ей поможет. Спрошенная, кто кому помогал больше: она штандарту или штандарт — ей, ответила, что за победу штандарта или женщины, коей она является, — за все должно воздать Богу. Спрошенная, на ней самой или на штандарте основывалась ее надежда обрести победу, ответила, что надежда на победу основывалась на Боге, и ни на чем ином. Спрошенная: если б не она, а кто-то другой носил сей штандарт, обрел бы он столь же добрую удачу, каковую, нося его, имела она сама, ответила: «Я ничего о том не знаю и уповаю на Бога». Спрошенная: если бы некто из ее сторонников дал ей свой собственный штандарт, и особенно если бы ей дали штандарт ее короля и она бы его носила, возлагала ли бы она на сей штандарт столь же великую надежду, как и на свой собственный, каковой был ей сотворен от Бога, ответила: «Я охотнее носила бы сей штандарт, назначенный мне от Бога; и все же во всем я уповаю на Бога» (см. 89–90).

Спрошенная в субботу, 17 марта, велела ли она развернуть сей штандарт над головой своего короля, ответила, что не ведает, делала ли сие. Спрошенная, почему сей штандарт в Реймском храме, на коронации ее короля, носили более, нежели штандарты других капитанов, ответила: «Сей штандарт побывал в труде и разумно, чтобы он был в чести» (см. с. 91).

LIX. Далее, в Сен-Дени, во Франции, Жанна принесла в дар и велела поместить в церкви, на возвышении, свои доспехи, в коих была ранена во время наступления на город Париж, — дабы они почитались людьми как реликвии. И в том же городе она велела зажигать восковые свечи, воску с коих давала стечь на головы маленьких детей, предсказывая им их грядущую судьбу, и посредством сего колдовства творила им многие гадания⁶⁰.

По сей статье, в среду, 28 марта, она отвечает: «Что до доспехов, я уже ответила». А что до зажженных и расплавленных свечей, — она [сие] отрицает.

В субботу, 17 марта, спрошенная, какие доспехи она принесла в дар в церкви Сен-Дени, ответила, что сие был полный белый доспех, как и подобает воину, с мечом; и сей меч она добыла под Парижем. Спрошенная, с какой целью она подарила сии доспехи, ответила, что сделала сие из благочестия, как принято у воинов, когда они ранены; и поскольку она была ранена под Парижем, она принесла сии доспехи в дар святому Дионисию, ибо сие [имя] — клич Франции. Спрошенная, сделала ли она сие с той целью, чтобы оным доспехам поклонялись, ответила, что нет (см. с. 89).

LX. Далее, Жанна, вопреки указаниям и законам Церкви, многократно отказывалась принести на суде клятву говорить правду. Тем самым она навлекла на себя подозрения в том, что сказала или совершила нечто такое из области веры или откровений, чего не смеет открыть церковным судьям, боясь получить весьма справедливое наказание, — и сие, как кажется, она вполне признала, когда по сему поводу привела на суде поговорку: «Порой людей вешают за правдивое слово»; и она часто говорит: «всего вы не узнаете», и «я скорее предпочту, чтобы мне отрубили голову, чем скажу вам все».

По сей статье, в среду, 28 марта, она отвечает, что просила отсрочки лишь затем, чтобы вернее ответить на то, что у нее спрашивали; а что до заключения, — она говорит, что колебалась с ответом и посему попросила отсрочки, дабы узнать, должна ли говорить о том, что у нее спрашивали. Далее она сказала: что до совета ее короля, то поскольку сие не касается процесса, она не пожелала сего открыть. А что до знака, данного ее королем, — она раскрыла его, поскольку служители Церкви вынудили ее сие сделать.

В четверг, 22 февраля, спрошенная, был ли свет в тот раз, когда голос впервые показал ей ее короля, ответила: «Переходите к другому». Далее, спрошенная, видела ли ангела над своим королем, ответила: «Увольте меня и переходите к другому». Далее она сказала, что прежде чем ее король допустил ее к делу, ему было множество знамений и прекрасных откровений, а спрошенная, каких именно, ответила: «Я вам о том не скажу; вам пока нет ответа; но пошлите к королю, — и он вам расскажет» (см. с. 43).

Далее, в субботу после Факельного воскресенья (*Dimanche des Brandons*)⁶¹, 24 февраля, мы, названный епископ, сообщили Жанне, что она должна присягнуть ясно, просто, безоговорочно и безусловно и к тому ее трижды призывали и побуждали. И она сказала: «Дайте мне дозволение сказать». А затем сказала: «Право же, вы можете спросить у меня такое, чего я вам не скажу». Далее она сказала: «Возможно, вы станете спрашивать меня насчет откровений многое такое, о чем я не скажу вам правды, поскольку вы можете ненароком вынудить меня сказать нечто, чего я поклялась не говорить; и так я преступлю клятву, а сего вам не следует желать». Далее: «Я говорю вам: поразмыслите хорошенько о том, что зоветесь моим судьей. Вы берете на себя тяжкое бремя и слишком обременяете меня». Далее она сказала, что ей кажется достаточным поклясться дважды. Спрошенная, желает ли поклясться просто и безоговорочно, ответила: «Вы вполне можете быть довольны; достаточно того, что я поклялась дважды», — и она сказала также, что все духовенство Руана или Парижа не сможет осудить ее, если сие духовенство не имеет на то права. И она сказала далее, что и за восемь дней всего не рассказать. Далее она сказала, что о своем приходе охотно скажет правду, но не расскажет всего. Далее, ей было сказано, чтобы она посоветовалась с заседателями, [дабы узнать], должна ли клясться или нет; она ответила, что о своем приходе охотно расскажет правду, но не иначе, и что не стоит ей более о том говорить. Далее, ее настойчиво просили, говоря, что она навлекает на себя подозрения; она ответила как и прежде (см. с. 45).

Затем мы, епископ Бовеский, потребовали от нее поклясться без [всяких] условий; она ответила: «Я охотно скажу то, что знаю, — однако не все». Далее, на требование поклясться под страхом быть уличенной в том, что ей вменялось в вину, ответила, мол, я довольно клялась и переходите к другому. Далее, на настоятельные требования поклясться и говорить правду о том, что касается процесса, и на предупреждения о том, что она подвергает себя великой опасности, вновь отвечает: «Я готова поклясться говорить то, что знаю касательно процесса, но не все, что знаю», — и так поклялась.

Спрошенная 24 февраля, велел ли ей голос ничего не говорить, сказала, мол, я вам о том не отвечу и есть откровения, касающиеся короля, коих я вам не скажу. Спрошенная, запретил ли ей голос разглашать откровения, ответила: «У меня

нет о том совета», — и попросила срок в пятнадцать дней, чтобы ответить, и [сказала, что] потом ответит. Далее она сказала, что просит отсрочки, дабы ответить на сие. Далее она сказала: «Если голос мне сие запретил, что вы на то скажете?». Спрошенная вновь, запрещено ли ей сие голосом, ответила: «Поверьте, что не люди мне сие запретили». Далее она сказала, что в тот день никак не ответит; и не знает, должна ли рассказать или нет все то, что было ей открыто. Спрошенная, считает ли она, что Богу не угодно, чтобы по сему пункту говорили правду, ответила нам, епископу, что голоса сказали ей открыть нечто королю, а не нам.

Спрошенная, открыл ли ей ее совет, что она сбежит из тюрьмы, ответила: «Должна ли я сказать сие вам?». Спрошенная, сей ночью дал ли ей голос совет о тех пунктах, по коим она должна отвечать, ответила, что если голос ей сие и открыл, она его не очень поняла. Спрошенная: в те два дня, когда она в прошлый раз слышала голоса, снизошел ли вместе с ними свет, ответила, что именно голоса приходит сияние (*au nom de la voix vient une clarté*). Спрошенная, не заметила ли она чего-либо вместе с голосом, ответила: «Я не скажу вам всего и мне нет на то дозволения» и [добавила,] что ее присяга не касается сих вещей. Далее она сказала, что голос прекрасен, благ и достоин и что на сии вопросы ей не следует отвечать (см. с. 46, 47).

Ее спросили, обладает ли голос, к ней приходящий, зрением и есть ли у него глаза, и ее о том спрашивают, поскольку она Жанна попросила иметь на письме пункты, по коим не будет отвечать; на сие она отвечает: «Вам пока не будет сего [ответа]», по-французски: «Вам того [ответа] пока нет». Далее она сказала, что есть присказка у маленьких детей о том, что порой людей вешают за правдивое слово (см. с. 47).

Далее, во вторник, 27 февраля, после Дня Поминовения (*Reminiscere*), на наше, означенного епископа, требование принести присягу [говорить правду] о том, что касается процесса, ответила, что насчет того, что касается процесса, поклянется охотно, но не насчет всего, что знает. Мы вновь потребовали от нее отвечать правду обо всем, что у нее спросят. Она отвечает, как прежде, говоря: «Вы должны быть довольны, я достаточно клялась». Далее она сказала, что о том, что Бог дозволит ей открыть, она охотно скажет правду, но того, что касается откровений, затрагивающих только ее короля, она не будет говорить без дозволения своего голоса (см. с. 49).

В оный день, спрошенная, одеты ли святые Екатерина и Маргарита одной и той же тканью, отвечает: «Я не скажу вам сейчас иного», — и у нее нет дозволения сие открыть. «А если вы мне не верите, — ступайте в Пуатье». Далее она сказала, что сие — откровения, кои предназначены ее королю, а не тем, кто ее допрашивает. Спрошенная, одного ли возраста сии святые, кои ей являются, отвечает, что ей нет дозволения о том говорить. Спрошенная, говорят ли они одновременно или по очереди, отвечает, что у нее нет дозволения о том говорить; и все же, каждый день с нею [пребывает] совет их обеих. Спрошенная, которая из них явилась ей первой, отвечает: «Я признала их не так быстро», — и когда-то она хорошо сие знала, но забыла; и если ей будет совет о том сказать, она охотно скажет; и сие есть в регистре Пуатье (см. с. 50).

Спрошенная, каков был облик являвшегося ей святого Михаила, отвечает: «О том вам пока не будет ответа, и у меня нет еще дозволения сего сказать». Спрошенная о том, что святой Михаил сказал ей в первый раз, ответила: «Вы

не получите ответа на сие нынче ночью⁶²». Далее она сказала, что голоса велели ей отвечать смело. Далее она сказала, что у нее нет пока дозволения открыть то, что сказал ей святой Михаил; и ей бы очень хотелось, чтобы у дознавателя была копия книги, каковая [находится] в Пуатье, если только Богу сие угодно. Спрошенная, говорили ли ей святой Михаил и прочие святые, чтобы она не рассказывала ничего без их дозволения, ответила: «Пока еще я не отвечу вам на сие», и: «на все, на что у меня будет дозволение, я охотно отвечу», — и что, если [голоса] ей сие запретили, — она того [пока] не поняла. Спрошенная, какой знак она явит, чтобы дать понять, что сие исходит от Бога и что [сии голоса] суть святые Екатерина и Маргарита, отвечает: «Я вам довольно твердила, что сие — святые Екатерина и Маргарита, и верьте мне, если хотите». Спрошенная, что за откровения были ее королю, ответила: «В сей год вы того от меня не получите» (см. с. 51).

Спрошенная⁶³ об обещаниях, кои дали ей святые, ответила: «Сие никак не [касается] вашего процесса». Спрошенная, обещали ли они ей что-нибудь еще, кроме как препроводить ее в рай, ответила, что есть другие обещания, но она о них не скажет; и она добавила, что сие не относится к процессу. Далее она сказала, что до истечения трех месяцев расскажет о другом обещании. Спрошенная, сказали ли ей святые, что до истечения трех месяцев она будет освобождена из тюрьмы, ответила: «Сие не для вашего процесса», — и все же она не знает, когда будет освобождена. Далее она сказала, что те, кому хотелось бы вырвать ее из мира сего, сами могут уйти раньше. Далее, спрошенная, сказал ли ей ее совет, что она будет освобождена из тюрьмы, ответила: «Поговорите со мной о том через три месяца — и я вам отвечу»; и она попросила, кроме того, чтобы у заседателей спросили под присягой, касается ли сие процесса. И затем, после того как все заседатели посовещались и высказались, что сие касается процесса, она ответила: «Я же всегда говорила вам, что вы не узнаете всего». А по [предыдущему] вопросу сказала: «Вы хотите, чтобы я сказала то, что относится к королю Франции?». Далее она сказала, что есть много вещей, кои не касаются процесса (см. с. 55).

Далее, спрошенная в четверг, 1 марта, какой знак дала она своему королю в подтверждение того, что пришла от Бога, отвечает: «Я всегда говорила вам, что вы не вырвете сего из моих уст. Ступайте и спросите у него». Спрошенная, поклялась ли она не открывать того, о чем ее спросят касательно процесса, ответила: «Я сказала вам недавно, что того, что касается нашего короля, я вам не скажу». Спрошенная, известен ли ей самой оный знак, ответила: «Вы не узнаете сего от меня». Далее ей было сказано, что сие относится к процессу; она ответила: «О том, что я пообещала крепко держать в секрете, я вам ничего не скажу». И сказала, кроме того: «Я пообещала сие в таком месте, что не могу вам сказать сего без клятвопреступления». Спрошенная, кому она сие пообещала, ответила, что святым Екатерине и Маргарите, и сие было явлено ее королю. Далее она сказала, что пообещала им сие без их требования; и она Жанна сделала так по собственному побуждению, и она сказала, что слишком много людей стали бы у нее спрашивать [каков был] сей знак, если б она не пообещала того названным святым. Спрошенная, был ли с ними кто-либо другой, кроме ее короля, когда она явила ему сей знак, ответила: «Думаю, что там не

было никого, кроме него, хотя довольно близко было много людей». Спрошенная, не видела ли она короны на голове своего короля, когда явила ему знак, ответила: «Не могу вам сего сказать без клятвопреступления» (см. с. 58, 59).

Далее, спрошенная в субботу, 3 марта, верит ли она, что Бог создал их⁶⁴ изначально в сем образе и обличии, как она их видит, ответила: «Сейчас вы не получите от меня иного, кроме того, что я ответила». Спрошенная, поняла ли она и узнала ли из откровения, что сбежит, ответила: «Сие не касается вашего процесса. Вы хотите, чтобы я говорила против себя?». Спрошенная, сказали ли ей что-нибудь о том голоса, ответила: «Сие не касается вашего процесса; и я уповаю на Господа Бога, и если бы вас касалось все, я бы вам все и рассказала». И она сказала еще: «Право же, я не знаю ни дня, ни часа». Спрошенная: когда Бог открыл ей, что она должна сменить одежду, было ли то голосом святого Михаила, святой Екатерины или святой Маргариты, ответила: «Вы не получите сейчас иного [ответа]» (см. с. 60).

Спрошенная в понедельник, 12 марта, не было ли у нее писем от святого Михаила или от ее голосов, ответила: «Мне пока не было дозволения сказать вам [о том], но через восемь дней я охотно вам отвечу, как смогу» (см. с. 73).

LXI. Далее, Жанна, призванная верить все свои речи и поступки решению Церкви воинствующей, после того как ей разъяснили разницу между Церковью воинствующей и торжествующей, сказала, что подчиняется Церкви торжествующей, отказываясь подчиняться Церкви воинствующей. Таким образом, обнаруживается, что она злоумышляет против догмата о Единой святой Церкви etc. и заблуждается, говоря, что зависит непосредственно от Бога и уповает в своих деяниях на Него и святых, а не на суд Церкви⁶⁵.

По сей статье она отвечает, что желала бы всеми силами выказать почтение и благоговение Церкви воинствующей. А что до упования в своих деяниях на оную воинствующую Церковь, сказала: «Нужно, чтобы я уповала на Господа Бога, каковой велел мне сие совершить».

Спрошенная, полагается ли она на воинствующую Церковь в том, что совершила, ответила: «Пришлите ко мне клирика в ближайшую субботу — и я вам отвечу».

Далее, в четверг, 15 марта, ей было разъяснено, что такое Церковь торжествующая и что такое Церковь воинствующая; и на требование подчиниться сейчас решению Церкви относительно ее деяний и речей, будь они благи или же дурны, она сказала: «Сейчас я не отвечу вам иного». И после того как у нее настоятельно попросили и потребовали положиться, согласно своему долгу, на определение Церкви, если она совершила что-либо противное нашей вере, она ответила, что пусть ее ответы будут просмотрены и изучены клириками, а после пусть ей скажут, есть ли там что-нибудь противное христианской вере; и она вполне сумеет при помощи своего совета сказать, что требуется; и после расскажет то, что узнает с помощью своего совета (*ce qu'elle trouvera par son conseil*). И все же, если есть нечто дурное против христианской веры, каковую установил Бог, ей не хотелось бы того поддерживать, и она бы сильно огорчилась, [поняв,] что пошла наперекор. Далее, спрошенная, желает ли она подчиниться и положиться на решение Церкви в том, что сказала и совершила, ответила: «Все

мои деяния и поступки — в руках Божьих, и я уповаю в том на Него. И я ругаюсь вам, что не желала бы ни сказать, ни сделать чего-либо против христианской веры; и если б я сказала или сделала нечто такое, что клирики сочли бы противным христианской вере, каковую Господь Наш установил, то я не желала бы сего поддерживать, но отвергла бы». И вновь спрошенная, не желает ли в сем пункте покориться определению Церкви, ответила: «Я не отвечаю вам сейчас иного; но в субботу пришлите ко мне клирика, если не пожелаете прийти [сами], и я ему на то отвечу с помощью Божьей; и сие будет записано» (см. с. 84).

Далее, в субботу, 17 марта, спрошенная: кажется ли ей, что следует ясно отвечать правду сеньору нашему папе, викарию Божьему, обо всем, что у нее спросят касательно ее веры и совести, ответила, что просит отвести ее к нему, а затем она ответит пред ним на все, на что должна будет ответить (см. с. 90).

Далее, в субботу, в последний день марта, спрошенная, желает ли она вверить себя суду Церкви, пребывающей на земле, во всех своих речах и деяниях, будь они благи или дурны, а особенно, в делах преступных и незаконных, кои вменялись ей в вину, а также во всем, что касается ее процесса, ответила, что в том; о чем ее спрашивают, она будет полагаться на Церковь воинствующую, если только она Церковь не повелит ей сделать чего-либо невозможного; и она указывает на то, что считает невозможным, а именно: [что она отречется от] речей и деяний и того, что заявляла на процессе по поводу ее видений и откровений, кои, по ее словам, были ей от Бога; и она не отречется от них ни за что; и того, что Господь наш заставил ее совершить, и повелел и повелит [в будущем], она не перестанет делать, несмотря на любые уговоры; и для нее было бы невозможно от сего отречься; а если Церковь пожелает, чтобы она сделала нечто иное против повеления, кое, по ее словам, было ей дано от Бога, она того ни за что не сделает. Спрошенная: если Церковь воинствующая скажет, что ее откровения суть наваждения либо дьявольщина, либо суеверия, либо нечто дурное, станет ли она полагаться в том на Церковь, ответила, что полагается на Бога, чье повеление она всегда будет исполнять, и она хорошо знает, что все рассмотренное в ходе процесса произошло по велению Бога; и ей нельзя совершить противное тому, что, как она утверждала на сем процессе, было совершено ею по велению Божьему; и если Церковь воинствующая повелит ей сделать противное, она не будет полагаться ни на кого на свете, кроме как единственно на Бога, чье благое повеление всегда исполняла.

Спрошенная, верно ли, что она вовсе не считает, что является подданной Церкви, каковая пребывает на земле, — то есть нашего сеньора папы, кардиналов, архиепископов, епископов и прочих церковных чинов, — ответила, что считает, [но добавила, что] Господу Нашему сперва послужив, по-французски: *Господу Нашему первому послужив*. Спрошенная, есть ли у нее повеление голосов не подчиняться ни Церкви воинствующей, каковая на земле, ни ее суду, сказала, что в ее ответах нет ничего, взятого из собственной головы, но то, что она ответила, — [было сказано] по велению сих голосов, и они вовсе не приказывали ей не слушаться Церкви, [однако —] Богу первому послужив.

Далее, в среду, 18 апреля, по причине болезни, каковая, по словам Жанны, у нее была, ей было сказано, что чем больше она опасается за свою жизнь и чем

чаще отвечает, что да, Нашему Господу сперва послужив, по-французски: *Нашему Господу первому послужив*, тем скорее ей следует исправить свою жизнь, и что она не будет обладать правами истинной католички, если не подчинится Церкви. И она ответила: «Если тело умрет в тюрьме, я уповаю на то, что вы велите положить его в освященную землю; а если не велите положить его туда — я уповаю в том на Господа Бога». Далее, в тот же день, спрошенная: поскольку она просит, чтобы Церковь даровала ей таинство евхаристии, не желает ли она подчиниться Церкви — и [тогда] ей даруют сие таинство, она ответила, что о сем подчинении не ответит ничего иного, кроме того, что уже сказала, и что она любит Бога и служит ему, является доброй христианкой; она желала бы помогать Церкви и поддерживать ее всеми своими силами (см. с. 156, 186).

LXII. Далее, Жанна стремится смутить народ, заставить его твердо уверовать во все, что она сказала и скажет, приписывая себе могущество Бога и ангелов и надмившись над всякой церковной властью, дабы свергнуть людей в заблуждение, как заведено у лжепророков, внедряя [в Церковь] порочные и пагубные учения, кои отпадут от единого тела Церкви; сие губительно для христианской религии, и если о том не позаботятся прелаты Церкви, [сие] способно сокрушить всякую церковную власть. Повсюду станут выступать мужчины и женщины, прикидывающиеся, будто имеют откровения от Бога и ангелов, сея обман и заблуждения, как уже много раз происходило с тех пор как восстала сия женщина и принялась возмущать христианский люд и насаждать свои измышления.

По сей статье, во вторник, 28 марта, она сказала, что даст ответ в ближайшую субботу.

LXIII. Далее, Жанна не боится ни лгать пред судом, ни нарушать собственную присягу, утверждая по поводу своих откровений множество всего противоречивого и меж собой несовместимого, изрекая проклятия на сеньоров и знатных особ, и на всю нацию⁶⁶, высказывая слова бесстыдной лжи и насмешки, кои не приличествуют святой женщине и показывают, что она ведома и руководима в своем поведении злыми духами, а не советом Бога и ангелов, как сама она похваляется; воистину, Христос сказал о лжепророках: «По плодам их узнаете их»⁶⁷.

В оный день, по сей статье, она ответила, что полагается на то, что уже сказала; а по заключению статьи — она уповает на Господа Бога.

Во вторник, 27 февраля, она сказала, что ее меч был с ней в Ланьи, а после Ланьи она носила меч некоего бургиньона, вплоть до Компьени, поскольку сие был добрый боевой меч и годный, чтобы наносить добрые рубящие и колющие удары, по-французски: *для хорошей рубки и сечи*; и она сказала, что то, где она оставила сей меч — не касается процесса, и она сейчас на сие не ответит (см. с. 53).

Далее, в четверг, 1 марта, она сказала, что умерла бы, если б не откровение, кое укрепляет ее каждый день. Спрошенная, есть ли у святого Михаила волосы, ответила: «Зачем бы ему их остричь?». И она не видела святого Михаила с тех пор как покинула замок Кротуа; и она не часто его видит (с. 58).

LXIV. Далее, Жанна похваляется, будто знает, что добилаьс отпущения того греха, который совершила с отчаянием в сердце по наущению духа зла, когда сбросилась с вершины башни замка Бореуар; меж тем как Писание гласит, что никто не ведает, достоин ли он любви или ненависти, а следовательно, очищен ли от греха и оправдан ли.

По сей статье, в оную среду, 28 марта, отвечает: «Я довольно вам отвечала, на что и полагаюсь». А по заключению статьи — она уповает на Господа.

LXV. Далее, Жанна говорит, что постоянно просит Бога, чтобы он ниспослал ей через ангелов и святых Екатерину и Маргариту точное откровение о том, какого поведения она должна придерживаться, — к примеру, должна ли будет отвечать на суде правду по некоторым пунктам и по иным вопросам, кои для нее являются личными. Сие означает испытывать [терпение] Бога и просить у него того, чего не следует просить без надобности, покуда не исчерпаны все возможные для человека способы сие прояснить. И особенно в случае упомянутого уже прыжка с башни она, как кажется, явным образом испытывала Божье терпение.

По сей статье, в оную среду, она сказала, что уже на то отвечала, и вовсе не желает без дозволения Божьего открывать то, что было ей открыто, и что она вовсе не без надобности просила Бога о том, о чем сказано в статье; и ей бы хотелось, чтобы он ниспослал ей больше [откровений], дабы стало более явным, что она пришла от Бога, — то есть, что он ее послал.

LXVI. Далее, некоторые среди названных деяний отклоняются от установлений божественных, евангельских, канонических и гражданских, противоречат им, а равно и постановлениям, принятым на главных Соборах; некоторые из них являются чародействами, иные же — гаданиями, а иные — суевериями; некоторые прямо, иные же косвенно или как-либо иначе отдают ересь; весьма многие влекут к вероисповедальным заблуждениям и к поощрению дел еретических; некоторые из них являются соблазном, иные — нарушают и смущают мир; некоторые толкают к пролитию человеческой крови, иные — являются также оскорбительными и богохульственными по отношению к Богу и святым, а также оскорбляют благочестивый людской слух. Сими вышеназванными деяниями обвиняемая, в своей безрассудной наглости, по наущению дьявола, оскорбила Бога и его святую Церковь, пред коей повинна в проступках и беззакониях. Посему, как причина возмущения, общепризнанно по сим пунктам себя опозорившая, она обвиняемая должна, ради своего исправления, получить от вас очистительное наказание.

По сей статье Жанна ответила, что является доброй христианкой и по всем обвинениям, перечисленным в статье, уповает на Господа.

LXVII. Далее, все и каждое из вышеозначенных преступлений обвиняемая допустила и совершила в речах или деяниях, объявила догматом, множила и творила как в [землях, относящихся к] названной юрисдикции, так и иначе, во многих и различных местах сего королевства, не единожды, но многократно, в разное время, дни и часы; и в том она закоренела, а тем, кто сие совершал, оказывала помощь советом и покровительством⁶⁸.

Жанна сию статью отрицает.

LXVIII. Далее, поскольку по сообщениям о вопле народном, кои не единожды, но многократно ранили ваш слух, а также по людской молве и сведениям, собранным относительно и по поводу вышеозначенного, вы установили, что обвиняемая навлекла на себя серьезные подозрения в ереси и покрыла себя позором, вы постановили, что вы сами или один из вас начнет против нее следствие по сим пунктам и [велели] вызвать ее в суд для дачи показаний, — что и было сделано⁶⁹.

Жанна сказала, что сия статья относится к судьям.

LXIX. Далее, обвиняемая была и остается сильно подозреваемой относительно и по поводу вышесказанного. Она покрыла себя явным позором и навлекла на себя сильнейшие подозрения [в ереси] пред людьми достойными и влиятельными. Однако в отношении и по поводу вышесказанного она все еще не исправилась и ни коим образом не очистилась; напротив, в отношении и по поводу вышесказанного она медлила и медлит, отказывалась и отказывается исправиться и очиститься. Она оставалась и упорствовала, остается и упорствует в своих заблуждениях, невзирая на то, что вы сами, а также именитые клирики и другие почтенные особы, милосердно и иначе, должным и достойным образом, обращались к ней по сим пунктам с увещаниями, требованиями и просьбами.

По сей статье [Жанна] сказала, что не совершала преступлений, вменяемых ей обвинителем; в остальном же она уповает на Господа; и она не думает, что в сих поступках, вменяемых ей как преступления, она совершила что-либо противное христианской вере.

Спрошенная: если б совершила что-нибудь противное христианской вере, желала бы она тогда подчиниться Церкви и тем, кому следует сие исправлять, ответила, что даст ответ в субботу в послеобеденное время.

LXX. Далее, все и каждое из вышеозначенных положений являются верными, общепризнанными, самоочевидными, и сие доносят до нас и поныне глас народный и молва; обвиняемая в них созналась и признала их верными перед честными и достойными доверия лицами многократно и в достаточной мере, как в судебном, так и во внесудебном порядке⁷⁰.

Жанна отрицает сию статью; за исключением того, в чем призналась etc.

Относительно сих пунктов, а также прочих, кои вы присовокупите, исправите и улучшите, поскольку истец настоятельно требует допросить по ним обвиняемую, — итак, по сим пунктам оный истец (43) пришел к заключению, что по их предоставлении в целом и по частям, насколько будет достаточным для [удовлетворения] иска, вам надлежит вынести, произнести и огласить свой приговор против названной обвиняемой во имя всех вышеозначенных целей, и каждой из них [в отдельности], и кроме того, высказать свое суждение о том, что будет наиболее правомерно и разумно [предпринять]. В отношении чего он, как и подобает, смиренно взывает к вашему долгу⁷¹.

Часть 2

ДВЕНАДЦАТЬ СТАТЕЙ ОБВИНЕНИЯ

Суббота, последний день марта

Далее, в следующую за тем субботу, в последний день месяца марта, накануне Пасхи, в год Господень 1431, под нашим, означенных судей (16, 81) председательством, в месте заточения Жанны в Руанском замке, в присутствии сеньоров и магистров: Жана Бопера (8), Жака де Турена (124), Никола Миди (102), Пьера Мориса (101), Жерара Фёйе (47) — докторов; Уильяма Хейтона (59) и Тома де Курселля (27) — бакалавров священной теологии; при [вызванных для сего свидетелях] мессире Гийоме Мутоне (110) и Джоне Грее¹, Жанна была допрошена по некоторым пунктам, по коим просила отсрочки до сего дня, когда отвечала по вышеприведенным и вышеуказанным статьям.

И сперва ее спросили, желает ли она положиться на суд Церкви, пребывающей на земле, во всех своих речах и деяниях, будь они благи или дурны, а особенно в делах преступных и незаконных, кои вменяются ей в вину, равно как и во всем, что касается процесса.

Она ответила, что в том, о чем ее спрашивают, она полагается на Церковь воинствующую, если только та не велит ей чего-либо невыполнимого. И она считает таковым отречение от того, что сказала и совершила, [а также] заявила на сем процессе по поводу своих видений и откровений, кои, по ее словам, были ей дарованы от Бога; и она не отречется от них ни за что; и того, что Бог заставил ее совершить и повелел и повелит [в будущем], она не перестанет делать, несмотря ни на какие уговоры; и для нее будет невозможно от них отречься; в случае же, если Церковь пожелает заставить ее поступить иначе, вопреки повелению, кое, по ее словам, было ей дано Богом, она того ни за что не сделает.

Спрошенная, будет ли она полагаться на Церковь в случае, если Церковь воинствующая скажет ей, что ее откровения — наваждение или дьявольщина, ответила, что будет всегда полагаться на Бога, чье повеление она всегда исполняла; и она отлично знает, что всё рассмотренное в ходе ее процесса произошло

по велению Божьему, и ей нельзя совершить противное тому, что, согласно ее утверждениям на оном процессе, было совершено ею по велению Божьему. А в случае, если Церковь повелит ей совершить нечто противное, она не станет полагаться ни на кого в мире, кроме как на самого Бога, чье благое повеление она всегда и исполняла.

Спрошенная, считает ли она себя подданной Церкви Божьей, пребывающей на земле, а именно: сеньора нашего папы, кардиналов, архиепископов, епископов и прочих прелатов Церкви, ответила, что да, — Богу первому послужив.

Спрошенная, есть ли у нее повеление голосов не подчиняться ни Церкви воинствующей, пребывающей на земле, ни ее суду, ответила, что в ее ответах нет ничего, взятого из собственной головы, но то, что она отвечает — [сказано] по велению ее голосов; и они вовсе не велят ей не слушаться Церкви, [однако —] Богу первому послужив.

Спрошенная, были ли у нее в замке Бореуар, в Аррасе или еще где-нибудь напильники, ответила: «Если их у меня нашли, ничего другого мне вам не ответить».

Исполнив сие, мы покинули названное место, дабы перейти к остальному, что требовалось совершить далее в оном деле по вопросам веры.

Понедельник, 2 апреля

Далее, в следующий за тем понедельник, 2 апреля, в год Господень 1431, после Пасхи, и в следующие за ним вторник и среду, мы, означенные судьи, с несколькими сеньорами и магистрами, для сего нами вызванными, просмотрели вышезаписанные статьи, вопросы и ответы Жанны. Из всего того мы велели извлечь некоторые показания и суждения в виде двенадцати статей, содержащих в себе вкратце и в общих чертах многочисленные утверждения оной Жанны. Мы постановили передать сии показания докторам и знатокам как божественного, так и человеческого права, прося по ним совета и решения, на благо веры².

Четверг, 5 апреля

И в следующий четверг, 5 апреля, мы передали докторам и знатокам, о присутствии коих в сем городе было нам известно, упомянутые нам показания, а также наш запрос в сей форме:

«Мы, Пьер, милостью Божьей епископ Бовеский, и Жан Ле Мэтр(81), викарий инквизитора, просим вас, такого-то etc., и требуем предоставить нам, во благо веры, до ближайшего вторника, в письменном виде и под вашей печатью, благой совет относительно нижеозначенных показаний, а именно: после того, как вы просмотрите их целиком, оцените, а также сравните меж собой, — все либо некоторые из них, — и определите, являются ли они противными истинной вере или подозрительными на сей счет, противными Священному Писанию,

установлениям святейшей римской Церкви и докторов, ею признанных, а также каноническим законам, возмутительными, дерзновенными, нарушающими общественный порядок, несправедливыми, плодящими преступления, противными или каким-либо образом оскорбительными для добронравия, либо определите, что следует сказать о том на процессе веры.

Писано в четверг, 5 апреля, после Пасхи, в год Господень 1431».

Далее следует содержание оных показаний³

I

«Итак, во-первых, некая женщина говорит и утверждает, что в возрасте 13 лет или около того, видела собственными телесными глазами, как ей в телесной форме явился святой Михаил с утешением для нее, а затем, несколько раз, — святой Гавриил. Порой она видела также великое множество ангелов; а после святые Екатерина и Маргарита явились пред сей женщиной, дабы она увидела их телесно; и она видит их ежедневно и слышит их голоса, и она несколько раз обнимала их и целовала, прикасаясь к ним осязательно и телесно. И у названных ангелов и святых она видела головы; но о прочих частях тела или об их одеяниях не пожелала ничего сказать. [Она утверждает], что оные святые Екатерина и Маргарита несколько раз говорили с ней у некоего источника рядом с большим деревом, называемом в народе *Древом фей*; о сем источнике и о сем древе разнеслась молва, будто их посещают дамы фей и будто многие больные лихорадкой приходят поправить свое здоровье к сему источнику и к сему дереву, хотя они расположены в мирском месте. И там, и в иных местах она многократно поклонялась им и выказывала благоговение.

Она говорит также, что оные святые Екатерина и Маргарита явились ей и показываются пред ней, будучи увенчаны прекрасными и предрагоценными коронами; с оной поры и много раз после того они говорили сей женщине, по указанию Божьему, что нужно, чтобы она пошла к некоему светскому государю и посулила ему, что с ее помощью и благодаря ее трудам оный государь силой войска добудет великое мирское достояние и почести мира сего, а также одержит победу над своими противниками; и что сей государь примет оную женщину и даст ей оружие вместе с отрядом воинов во исполнение того, о чем только что говорилось.

Кроме того, оные святые Екатерина и Маргарита повелели сей женщине, по приказу Божьему, надеть и носить мужское платье, кое она носила и все еще носит, повинаясь сему велению с таким упорством, что, как она сказала, скорее предпочтет умереть, чем оставить сие платье, иногда говоря только сие, а иногда [добавляя]: разве что по велению Божьему. Она предпочтет даже вовсе не присутствовать на богослужениях и лишиться приобщения к святому причастию во время, кое Церковь предписывает своим приверженцам для [осуществления] сего таинства, чем вновь надеть женское платье и оставить мужское. Также, оные святые до такой степени воодушевили сию женщину, что вопреки и наперекор родительской воле она, будучи в возрасте 17 лет или около того, покинула

отчий дом и спозналась со многими воинами, живя вместе с ними днем и ночью и никогда не имея подле себя женщины, — разве что изредка.

И оные святые сказали и повелели сей женщине много прочего, вследствие чего она называет себя посланной Богом Небесным и победоносной Церковью святых, кои вкушают уже благодать и коим она вверяет все свои благие свершения. Но что до Церкви воинствующей, — она медлит и отказывается верить ей себя, свои речи и деяния, хотя ее о том многократно увещевали и просили; она говорит, что ей нельзя совершить противное тому, что, как она утверждала на процессе, она совершила по велению Бога и что в том она не станет полагаться на решение или суд кого бы то ни было, но лишь единственно на суд Божий; [она утверждает], что [оныя святые] открыли ей, будто она спасется во славе блаженных и получит спасение души, если сохранит девственность, каковую обетовала им, когда впервые их увидела и услышала. По причине сего откровения она утверждает, что уверена в своем спасении до такой степени, как если б уже и в самом деле пребывала в царстве небесном.

II

Далее, сия женщина говорит, что знак, склонивший государя, к которому она была послана, поверить ей насчет ее откровений и допустить ее к ратному делу, состоял в том, что святой Михаил пошел к сему государю, окруженный множеством ангелов, из коих некоторые были в коронах, а некоторые — с крыльями, и с коими пребывали святые Екатерина и Маргарита. Сей ангел и сия женщина вместе прошли долгий путь по земле, по улицам, по лестнице и в покои; прочие ангелы и названные святые их сопровождали; и один ангел вручил государю предрагоценную корону из чистейшего золота, и оный ангел склонился пред сим государем, выказывая ему благоговение. И однажды она сказала, что, когда ее государь получил знак, то он, как она думает, был в одиночестве, хотя многие находились поблизости; а в другой раз [сказала], что, как она полагает, некий архиепископ получил знак короны и передал ее государю, в присутствии и на глазах многих светских сеньоров.

III

Далее, сия женщина знает и уверена, что тот, кто ее посещает, есть святой Михаил. И сие — из-за благого совета, укрепления и благого наставления, кои оный святой Михаил ей даровал и внушил, а также поскольку он сам себя называл, говоря, что он — святой Михаил. И подобным же образом она узнает святых Екатерину и Маргариту, отличая одну от другой, поскольку они называют себя ей и приветствуют ее. Вот почему [говоря] о являющемся ей святом Михаиле, она столь же крепко верит, что то поистине святой Михаил и что речи сего Михаила и его деяния истинны и благи, как в то, что Господь Наш Иисус пострадал и умер во искупление наше.

IV

Далее, сия женщина говорит и утверждает, что уверена относительно некоторых грядущих событий, — всего лишь возможных⁴, — что они произойдут, так же, как в том, что действительно видит пред собою; и она похваляется, что

узнала о некоторых тайных вещах из откровений, данных ей словесно голосами святых Екатерины и Маргариты: например, что она будет освобождена из тюрьмы и что французы совершат в ее обществе подвиг еще более прекрасный, чем любой из когда-либо совершенных всем христианским миром. [Она похвалается] также, что узнала, как говорит, по откровению, неких людей, хотя никто ей их не показывал и она никогда их прежде не видела; а также, что она открыла [по наитию] и отыскала некий меч, спрятанный в земле.

V

Далее, сия женщина говорит и утверждает, что по велению Бога и ему в угоду надела и носила платье по мужскому обычаю, и продолжает делать сие до сих пор. Она говорит также, что поскольку, по велению Божьему, она должна носить мужское платье, ей потребовалось надеть короткую тунику, шапочку, пурпуэн, штаны и шоссы с многочисленными шнурками и остричь волосы в кружок над ушами, не оставив на своем теле ничего, что обнаруживало бы ее женский пол, — за исключением того, что природа дала ей как отличительный знак сего пола. [Она говорит], что в сем виде много раз получала причастие. И она не пожелала и не желает вновь надеть женское платье, каковым бы оно ни было, несмотря на многократные к тому призывы и милосердные увещания, говоря, что предпочтет лучше умереть, чем оставить мужское платье; иногда она говорит просто так, а иногда [добавляет]: «разве что по велению Божьему». [Она утверждает], что если б находилась в мужском платье среди тех, из приверженности коим ранее вооружилась, и если бы поступала как прежде, до своего пленения и заточения, то сие было бы одним из величайших благ, кои могли выпасть всему королевству Французскому; при том она добавляет, что ни за что на свете не даст клятвы не носить мужского платья и не вооружаться. И она говорит, что во всем вышеозначенном поступила и поступает хорошо, слушаясь Бога и его повелений.

VI

Далее, сия женщина признает и утверждает, что велела написать множество посланий, в заглавьи коих были поставлены сии имена: ИИСУС МАРИЯ, со знаком креста. А иногда, ставя оный крест, она не желала, чтобы поступали так, как было велено в ее посланиях. В иных [посланиях] она велела написать, что прикажет убить тех, кто не покорится ее предписаниям или предупреждениям — и [тогда] увидят наверняка, у кого высшее право от Бога небесного. И она постоянно говорит, что не совершила ничего иначе, как по велению Божьему.

VII

Далее, сия женщина говорит и признает, что в возрасте 17 лет или около того она самостоятельно и по откровению пошла к некоему оруженосцу, коего никогда прежде не видела, и покинула отчий дом вопреки воле родителей, кои с той поры, как узнали о ее уходе, едва не сошли с ума. И сего оруженосца она женщина попросила проводить ее или устроить так, чтобы ее проводили к государю, о коем шла речь выше. Тогда сей воин, сей капитан, дал оной женщине по ее просьбе мужское платье и меч, а в провожатые ей назначил и отрядил

рыцаря, оруженосца и четырех слуг. Когда они прибыли к названному государю, сия женщина сказала ему, что желает вести войну с его противниками, обещая, что утвердит его в великом господстве, что победит его врагов и что послана для сего от Бога небесного. И говорит, что во всем вышеуказанном поступила хорошо, по велению Божьему и по откровениям.

VIII

Далее, сия женщина говорит и признает, что не будучи ни принужденной, ни понукаемой кем-либо, сбросилась с весьма высокой башни, предпочтя лучше умереть, чем быть преданной в руки своих противников и пережить разгром города Компьени. Она говорит также, что не могла избежать того, чтобы подобным образом сброситься, хотя названные святые Екатерина и Маргарита запретили ей бросаться вниз. Оскорбить их, говорит она, — великий грех; но после того как она в том исповедалась, она хорошо знает, что сей грех был ей отпущен. И она говорит, что имела о том откровение.

IX

Далее, сия женщина говорит, что оные святые Екатерина и Маргарита пообещали препроводить ее в рай, если она сохранит невинность тела и души, каковую им обетовала. И она говорит, что уверена в том так же [твердо], как если б уже пребывала во славе блаженных. И она не думает, что совершала смертные грехи, ибо если бы она пребывала в смертном грехе, то ей кажется, что названные святые Екатерина и Маргарита не посещали бы ее, как посещают [ныне, то есть] ежедневно.

X.

Далее, сия женщина говорит и утверждает, что Бог любит неких определенных и названных ею особ, еще влачащих земное существование, и любит их более, чем сию женщину. И она знает о том из откровения от святых Екатерины и Маргариты, кои постоянно говорят с нею по-французски, а не по-английски, поскольку не являются сторонниками англичан. И с тех пор как она узнала из откровения, что ее голоса держат сторону того государя, о коем шла речь выше, она вовсе не любит бургиньонов.

XI

Далее, сия женщина говорит и признает, что голосам и названным духам, коих зовет Михаилом, Гавриилом, Екатериной и Маргаритой, многократно выказывала благоговение, обнажая голову, преклоня колени, целуя землю, по коей они ступали, принося им обет девственности, несколько раз обнимая и целуя оных святых Екатерину и Маргариту. Она прикасалась к ним телесно и осязательно и испрашивала у них совета и помощи, иногда вызывая их, хотя часто они посещали ее, не будучи вызванными; она уступает и повинуется их советам и повелениям, и уступила с самого начала, не спросив совета ни у кого — ни у отца с матерью, ни у кюре или прелата, ни у какого-либо иного духовного лица. И тем не менее, она твердо верит, что голоса и откровения от сих святых исходят от Бога и по его приказу; и она верит в сие так же твердо, как в христианское вероисповедание и в то, что Господь Наш Иисус Христос

претерпел смерть за нас; и если б ей явился злой дух, притворяющийся святым Михаилом, она вполне сумела бы распознать, святой ли то Михаил или нет. Она же женщина говорит также, что по ее собственной воле, без всякого на то понуждения или чьей-либо просьбы, она поклялась святым Екатерине и Маргарите, ей являвшимся, что не раскроет знака короны, каковой должна даровать государю, к коему послана. И в конце добавила: если у нее не будет на то дозволения Божьего.

XII

Далее, сия женщина говорит и признает, что если Церковь пожелает, чтобы она совершила нечто противное повелению, кое, по ее словам, [она, Жанна,] имеет от Бога, она того ни за что не сделает, утверждая, будто хорошо знает, что все рассматриваемое в ходе сего процесса происходит по велению Божьему и ей нельзя чрез оное преступить. И в сих вещах она вовсе не желает полагаться на решение Церкви воинствующей или кого бы то ни было на свете, но лишь на Господа Бога Нашего, чьи повеления она всегда исполняла, — особенно в том, что относится к откровениям и к тому, что она, как говорит, совершила по откровениям. И сей ответ, равно как и прочие, она давала не самочинно, но по велению ниспосланных ей голосов и откровений, невзирая на то, что судьи и иные присутствующие здесь особы весьма часто излагали ей догмат веры о Единой святой католической Церкви⁵, объясняя ей, что всякий обретающийся в сем мире обязан повиноваться и препоручать деяния и речи свои Церкви воинствующей, — особенно в вопросах веры и тех, что касаются святого учения и церковных законов.

Затем следуют предоставленные по оным показаниям постановления, кои мы получили в разные последующие дни.

Часть 3

КОНСУЛЬТАЦИИ ТЕОЛОГОВ И ЦЕРКОВНЫХ ЮРИСТОВ

**И вначале шестнадцать докторов¹ и шесть лиценциатов
и бакалавров священной теологии высказались,
как означено в грамоте, содержание коей следует:**

«Во имя Господа, аминь. Из данной публичной грамоты да будет всем ясно и известно, что в год Господень 1431, 9 индикта, в 14 год понтификата святейшего нашего отца во Христе и господина, монсеньера Мартина V, божественным провидением папы², пред нами, публичными нотариусами и нижеподписавшимися свидетелями, лично предстали преподобные отцы и сеньоры, а также почтенные и достойные особы, монсеньеры и магистры: Эрар Эмангар(41), председатель, Жан Бопер(8), Гийом Ле Буше(72), Жак де Турен(124), Никола Миди(102), Пьер де Миже(103), приор Лонгвилля, Морис дю Кенэ (37), Жан де Ниба(111), Пьер де Удан(62), Жан Ле Февр(77), Пьер Морис(101), монсеньер аббат Мортемера(60), Жерар Фёйе(47), Ричард Прати(116) и Джон Карпендер(20) — профессора священной теологии; Уильям Хейтон(59), бакалавр теологии, Рауль Ле Соваж(88), лиценциат теологии, так же, как и Никола де Купкен(26), Изамбар де Ла Пьер(70) и Тома де Курселль(27) — также бакалавры теологии, и Никола де Луазелёр(92), магистр искусств.

Они сказали, что преподобный отец во Христе, монсеньер епископ Бовеский, и брат Жан Ле Мэтр(81), викарий преславного доктора мэтра Жана Граврана, инквизитора по делам ереси в королевстве Французском, — судьи в процессе по делам веры, каковой пред ними ведется, — обратились к назван-

ным сеньорам и магистрам, и к каждому из них в отдельности, как сие указано в грамоте, содержание коей начинается так: «Мы, Пьер, etc. — Следуют статьи etc. — Некая женщина etc.». Получив оный запрос о привлечении [к суду], вышеупомянутые доктора и магистры, как и подобает, тщательно и многократно обсудили и рассмотрели его содержание. Затем, принимая во внимание, что, по их словам, всякому профессору священной теологии следует, в согласии с судебными правилами, давать благой совет прелатам Церкви и инквизиторам по делам ереси каждый раз, когда те попросят о том во благо веры, — итак, учитывая сие и желая повиноваться оным монсеньерам и их требованиям по мере сил своих, а также по долгу служения своего и по воле Божьей, они, прежде всего, заявили следующее. Получив, как сообщалось выше, от монсеньеров судей многократные и настойчивые призывы, — как письменные, так и устные, — и желая удовлетворить их требования, они намерены постановить по сему вопросу то, что, на их взгляд, будет соответствовать Священному Писанию, учениям святых и церковным законам, имея пред взором своим лишь Бога и истину веры. Кроме того, они торжественно заявили, что все свои слова и решения, — как в сем вопросе, так и в всех прочих, — они отдают на изучение, исправление и всяческий суд римской Церкви, а также всем, кто по праву может и должен рассматривать, исправлять и подвергать суду их высказывания ныне и в дальнейшем. [Сие заявление также] сопровождалось прочими торжественными заявлениями, принятыми в подобных случаях и составленными в наилучшем виде».

Огласив сие заявление, оные доктора и магистры высказали нижеследующее.

«После того как речи и деяния сей особы были тщательно изучены и меж собой сопоставлены, а также [после того как] были подвергнуты оценке ее происхождение, род ее видений и откровений, равно как и цели, суть и обстоятельства всего, что содержится в названных статьях процесса и указано выше, мы говорим следующее. Следует думать, что явления и откровения, коими она похвάζεται и кои, как утверждает, имеет от Бога через ангелов и святых, отнюдь не были [посланы] от Бога, оных ангелов и святых, но являлись скорее наваждением вымысла человеческого либо исходили от злого духа, и сия женщина не располагала знаками, достаточными, чтобы тому верить и о том знать; в названных статьях содержится и представлена заведомая ложь [в целом], отдельные неправдоподобия, коим она с легкостью поверила, а также суеверные прорицательства, возмутительные и безбожные деяния, отдельные безрассудные, надменные, хвастливые утверждения, кощунственные по отношению к Богу и святым, нечестивые по отношению к родителям. Некоторые из них не соответствуют заповеди любви к ближнему, являются идолопоклонническими — или, по меньшей мере, представляют собой лживое наваждение, — схизматическими по отношению к единству, авторитету и могуществу Церкви, опрометчивыми и вызывающими сильное подозрение в ереси. И веря столь же твердо, как в исповедание христианское, в то, что те, кто ей являлся, были святым Михаилом, святыми Екатериной и Маргаритой и что их речи и поступки хороши, она навлекает на себя подозрения в вероисповедальном заблуждении; ибо если она полагает, что в догматы веры не следует верить тверже, чем в ее заявление о том, что ей являлись именно святой Михаил, святая Екатерина

и святая Маргарита и что их речи и поступки были хороши, то она заблуждается в вероисповедальных вопросах.

Кроме того, говорить, что все ее поступки, описанные в пятой статье, а также ее утверждения, содержащиеся в первой статье, по поводу неполучения таинства евхаристии в предписанное Церковью время, являются правильными — сие есть богохульство и заблуждение в вероисповедальных вопросах.

Оные доктора и магистры попросили нас, публичных нотариусов, [составить] обо всем предшествующем подлинный акт и передать его названным монсеньерам судьям.

Составлено в часовне архиепископского владения в Руане, в указанные год, индикт, месяц, день и понтификат, в присутствии достойных особ: мессира Жана де Ла Э и Жана Бартона, настоятелей Руанской церкви³, вызванных и привлеченных для сего свидетелей.

[Подписано:] Я, Гийом Маншон(95), священник Руанского диоцеза, публичный, апостолический, имперский и архиепископской курии Руана присяжный нотариус, присутствовал при всем вышеуказанном, когда сие было сказано, сделано и совершено так, как указано, вместе с вышеозначенными нотариусом и свидетелями, и видел и слышал, что сие совершалось именно так; вот почему сей публичный акт, с точностью составленный мною собственноручно, я подписал и поставил свою обычную подпись, вместе с росписью и подписью [другого] публичного нотариуса. Г.Маншон.

И я, Гийом Колль(22), называемый иначе Буагийом, священник Руанского диоцеза, публичный апостолический и архиепископской курии Руана нотариус, а в сем деле присяжный секретарь, присутствовал при всем вышеуказанном, когда сие было сказано, сделано и совершено так, как указано, вместе с вышеупомянутыми свидетелями и нотариусом, и видел и слышал, как сие совершалось именно так; вот почему, привлеченный и вызванный для удостоверения и освидетельствования истинности вышеозначенного, я поставил свою подпись и свое обычное и принятое имя на сей грамоте, которая была таким образом верно составлена, написанная, впрочем, иной рукой. Колль».

Мэтр Дени Гастинель(53), лицензиат обоих прав, постановил следующим образом:

«Вместе с заявлениями, кои принято делать при рассмотрении вероисповедальных вопросов, отдавая сие на усмотрение монсеньеров судей и всех прочих докторов священной теологии и всех знатоков канонического и гражданского права, коими, как подобает, сие дело должно быть разъяснено, я полагаю надлежащим сказать следующее. Дело сие по сути своей порочно, сомнительно с точки зрения веры, в высшей степени ошибочно, схизматично, еретично и имеет под собой лжеучение, противное добронравию, установлению Церкви, главным церковным соборам и священным канонам, законам гражданским, человеческим или политическим, а также возмутительно, мятежно, оскорбительно по отношению к Богу, Церкви и всем верующим; тот, кто поддерживает сие

[лжеучение], становится его [ученым] отцом и магистром, подозрительным на предмет веры, сильно заблуждающимся, схизматиком, еретиком; если же он упорно отстаивает [еретическую] суть рассматриваемого дела — мятежником и возмутителем спокойствия. И если ярый приверженец, защищающий такое порочное и ложное учение, после того как осознает, что сие учение ошибочно и порочно, не согласится немедленно вернуться в единое лоно католической веры и отречься всенародно от лжеучения, а также, по усмотрению своего судьи, [очиститься от] ввевшегося пятна ереси и совершить надлежащее искупление, то его должно предать власти светского судьи, дабы он понес кару, подобающую его преступлению. А если он желает отречься, — пусть ему окажут благодеяние отпущения, пусть ему назначат то, что принято назначать таким лицам, и пусть его заточат в темницу для совершения покаяния, питая его хлебом страдания и водой скорби, дабы он оплакал то, что сотворил и не творил в будущем того, что придется оплакивать⁴.

[Подписано:] Д.Гастинель».

**Мэтр Жан Бассе (5),
лицензиат канонического права, официал Руана,
постановил следующим образом:**

«Я могу, преподобные отцы и господа, монсеньеры судьи, соединившиеся для сего дела по вопросам веры, столь великого, столь сложного и трудного, особенно в том, что касается предполагаемых откровений, о коих упомянуто в переданных мне вашими милостями статьях, сказать лишь самую малость, или даже ничего. Однако вместе с заявлениями, принятыми в таких делах, и [оставляя сие] на благоусмотрение сведущих людей, необходимо ныне, как мне кажется, сказать о сих статьях нижеследующее.

И прежде всего, что касается предполагаемых откровений, я говорю, что утверждения сей женщины, изложенные в сих статьях, могли бы считаться обоснованными, в том, что касается Бога, если бы она женщина подкрепила их посредством чуда или свидетельством из Священного Писания, — из коего [впрочем,] ничто не явствует с очевидностью. А посему речам и показаниям оной женщины о ее предполагаемых откровениях не нужно верить никоим образом. Далее, что до ее отказа от женского платья, если она все же не имела на то указания Божьего, — а так, вероятно, и было, — сие противоречит чести и достоинству женского пола и добрым нравам. Далее, не желая принимать евхаристию хотя бы раз в год, она заведомо пошла против установления и повеления Церкви. Далее, также и в том, что она никак не пожелала подчиниться суду Церкви воинствующей, она, как представляется, противоречит догмату веры о Единой святой католической Церкви.

Тем не менее, я, как и прежде, подразумеваю под сим уже высказанное мной [утверждение]: [все вышесказанное верно,] если только сии предполагаемые откровения исходят не от Бога, — как я и предполагаю. Но в том, чтобы оценить и утвердить оные и прочие предположения, я полагаюсь на суд монсеньеров теологов, чьей учености подлежит в дальнейшем вынести о том реше-

ние. Что же до способа и формы ведения процесса над сей женщиной, о чем нужно высказаться, коль скоро сие доведено до моего сведения и изложено мне согласно последней главе под названием „О еретиках“, в Сексте⁵, я, хоть и недостоек и несведущ в праве, вызываюсь потрудиться над тем, прилагая все усилия, в меру своего разумения.

Ваш Жан Бассе, недостойный лицензиат декретов, официал Руана, при вакансии архиепископского престола.

[Подписано:] Ж.Бассе».

**Преподобный отец во Христе, монсеньер Жилль,
аббат монастыря святой Троицы в Фекане (38),
доктор священной теологии, постановил,
соображаясь с решением означенных сеньоров и магистров,
как изложено в подписанной им собственноручно грамоте,
содержание коей следует:**

«Преподобный отец и преславный магистр, смиреннейшее почтение и раторпность — к вашим услугам. От вас, преподобный отец, получил я вчера, около десяти часов, послание, относительно того, вкратце, как вы, преподобный отец, и викарий инквизитора призвали докторов священной теологии, находящихся в последнее время в Руане, благоволить вынести постановление по неким статьям, касающимся вопросов веры; что и было сделано. Помимо того, ваше вышеупомянутое преподобие желает получить мое постановление по оным статьям. Но, преподобный отец и преславный магистр, после такого множества людей, коим, вероятно, не сыскать равных в мире, что может постичь мое невежество и породить мой неученый язык? Совершенно ничего. Таким образом, я присоединяюсь целиком и полностью ко мнению других и к тому, что они сообража постановили, вкуне с предварительными заявлениями и принятыми [в таких случаях] обязательствами, а также ставлю [под сим] собственноручную подпись в освидетельствование вышесказанного. Преподобный отец и преславный магистр, если я смогу чем-либо вам угодить, — прикажите, ибо для исполнения ваших повелений мне может не хватить сил, но не воли. Да благоволит Всевышний хранить ваше преподобие, согласно моему пожеланию, вместе со счастливым преумножением вашего успешного процветания. Писано в Фекане, 21 апреля.

Вашего преподобия ученик, аббат Фекана.

[Подписано:] Ж. де Фекан».

Мэтр Жак Гедон(58), из ордена братьев миноритов, доктор теологии, постановил сообразно решению названных докторов и магистров, согласно собственноручно подписанной им грамоте, содержание коей следует:

«В среду, 13 апреля, предстал пред монсеньером епископом Бовеским преподобный отец, мэтр Жак Гедон, магистр теологии, из руанского монастыря Братьев Миноритов, утверждая, что он присутствовал в архиепископской часовне Руана вместе с монсеньерами theologами и магистрами сего города, собравшимися в сей часовне по поводу Жанны, именуемой в народе Девицей, дабы провести совещание по ее делу. Все они высказали один за другим свои мнения, оный мэтр Жак тоже высказался вместе с ними, и они пришли к единодушному решению; к ним в действительности присоединяется оный мэтр Жак и разделяет их мнение. И поскольку у него есть дела в ином месте, он попросил позволения у одного сеньора [епископа] удалиться и уехать, однако, таким образом, чтобы быть готовым из послушания заниматься сим делом так часто, как ему и надлежит, а по возвращении — участвовать в сем процессе.

[Подписано:] Сие — так. Гедон».

Мэтр Жан Можье(99), руанский каноник, лицензиат канонического права, постановил сообразно решению названных докторов и магистров, как изложено в собственноручно написанной им грамоте, содержание коей следует:

«Преподобный отец, и вы, монсеньер викарий монсеньера инквизитора, благоволите узнать, если вам угодно, что я, со всем подобающим смирением и послушанием, получил вашу грамоту, ознакомился с ее содержанием и с вашими вопросами, и, сверх того, с богословскими отметками и мнением досточтимых сеньоров и магистров, именитых профессоров священной theologии, каковые, несмотря на свою многочисленность, пришли к единому приговору и постановлению, кои помогают мне ответить вам на означенные вопросы. Ибо мне кажется, что их приговор или мнение без малейших отклонений согласуется со священными канонами, с каноническими законами и с пояснениями наших докторов [церкви]. Вот почему, присоединяясь ко мнению оных монсеньеров и магистров, я сообразуюсь с ним и придерживаюсь его целиком и полностью, разделяя мнение оных монсеньеров, — со всеми, однако, оговорками, кои принято делать при составлении подобных актов.

С готовностью быть вам угодным во всем. Ж. Можье».

Мэтр Жан Брюйо (12), лицензиат канонического права, кантор и каноник Руанской церкви, постановил сообразно решению названных сеньоров и магистров, как изложено в собственноручно написанной и подписанной им грамоте, содержание коей следует:

«Преподобный и святой отец, господин викарий монсеньера инквизитора по делам веры, направленный апостольским престолом в королевство Французское. Просмотрев признания и показания, переданные в письменном виде многим другим и мне, а также посовещавшись с многими знатоками и людьми, сведующими как в божественном, так и в человеческом праве и изучив книги и акты по делу женщины, о коей идет речь, я, поразмыслив о том, что может меня к сему сподвигнуть, полагаюсь на мнение оных монсеньеров и ученых магистров божественного права, более сведующих в таких вопросах и, несмотря на свою многочисленность, пришедших к согласию. [Я поступаю так,] поскольку сие мнение кажется мне соответствующим каноническому праву, и я разделяю его и присоединяюсь к нему, однако, делая принятые в таких случаях заявления.

[Подписано:] Ж. Брюйо, кантор и каноник Руана».

Мэтр Никола де Вандре (127), лицензиат канонического права, архидиакон Э и каноник Руанской церкви, постановил сообразно решению названных докторов и магистров, как изложено в подписанной им собственноручно грамоте, содержание коей следует:

«Ознакомившись с предоставленным мне решением монсеньеров и магистров, преславных докторов священной теологии, относительно показаний и признаний сей женщины, а также увидев богословские оценки, кои вы, преподобный отец, и господин викарий монсеньера инквизитора мне послали, я, со всеми обычными в подобных актах заявлениями, говорю, придерживаясь следующего. В ответ на ваши вопросы, в меру сил моих, кои Бог мне отпустил, насколько могу лучше, заключаю, что названные монсеньеры и магистры, излагая свое мнение, поступили и действовали хорошо, благочестиво и мягко; и по изучении своих книг я нашел их мнение хорошим, законным и разумным, и, сверх того, не уклоняющимся от канонических законов, но скорее с ними согласующимся. Следовательно, я, по разумению моему, должен сие мнение разделить; равняясь на оных монсеньеров и магистров, я всецело сообразуюсь⁶ с их мнением.

[Подписано:] Ваш слуга и капеллан, Н. де Вандре».

Мэтр Жилль Дешан (29), лицензиат гражданского права, канцлер и каноник Руанской церкви, постановил сообразно решению оных докторов и магистров, согласно подписанной им собственноручно грамоте, содержание коей следует:

«Преподобный Отец во Христе, и вы, монсеньер викарий преподобного монсеньера инквизитора по делам ереси(81).

В связи с некоторыми показаниями, отобранными вашими милостями и посланными мне по делу некой женщины, я прежде всего делаю и высказываю принятые в делах по вопросам веры заявления и обязательства и не желаю ничего дерзновенно утверждать, а также никоим образом не намерен посягать на божественное могущество. Я все обдумал и взвесил, в особенности же то, что вчера, в присутствии достопочтенного собрания прелатов и докторов обоих прав, ваши преподобия и монсеньер архидиякон Эврё, вами на то уполномоченный, обратились к оной Жанне с милостивым увещанием, повторным внушением и предоставили ей право выбора: верить свои поступки и речи, отмеченные в вышеозначенных статьях [и протоколах] процесса, суду и решению вселенской Церкви, нашего сеньора суверенного понтифика, вселенскому Собору или же четверем особам, находящимся в его подчинении и относящимся к духовенству Пуатье. Сии внушения и побуждения были сделаны правильно и разумно, как мне представляется; и мне кажется, что всеми разумными способами милостивые увещания и побуждения, похвально начатые вами во славу Божью, должны быть продолжены ради спасения сей женщины. Принимая во внимание только что сказанное и данные ею ответы, а особенно то, что она не согласилась с вашими уговорами и не сделала выбор, ей предоставленный, ее ответы представляются мне сомнительными с точки зрения веры и противными добронравию и каноническим законам — по крайней мере, если я не замечу ничего иного, что могло бы свидетельствовать о возможном исправлении и улучшении ее речей, либо же при возможности более благоприятного их толкования. Хотя для более взвешенной и более ясной оценки оных показаний мне кажется необходимым уделить величайшее внимание заключениям докторов обоих прав, — как теологии, так и декретов.

Дано в год Господень 1431, 3 мая, под моей подписью, здесь поставленной. [Подписано:] Ж. Дешан».

Мэтр Никола Каваль (17), лицензиат гражданского права, каноник Руанской церкви, постановил сообразно решению оных докторов и магистров, согласно написанной им собственноручно грамоте, содержание коей таково:

«Ознакомившись с показаниями, кои вы, преподобный отец во Христе и монсеньер епископ Бовеский, а также господин викарий монсеньера инквизитора, послали мне за подписями публичных нотариусов, приняв во внимание

и учитывая единодушное мнение, каковое многочисленные именитые магистры священной теологии, а также прочие [ученые мужи], предоставили вашему преподобию, я присоединяюсь к их мнению, поскольку оно, на мой взгляд, соответствует каноническим законам. Сие, однако, [оставляю] на ваше усмотрение, делая принятые в таких случаях заявления.

Ваш смиренный Никола Каваль, каноник Руанской церкви».

Мэтр Робер Ле Барбье(71), лицензиат канонического права, каноник Руанской церкви, постановил сообразно решению оных докторов и магистров, согласно подписанной его рукой грамоте, содержание коей таково:

«Рассмотрев показания сей женщины, посланные мне от вашего, мой прегрозный господин, монсеньер епископ, преподобия, и от вашей, господин викарий монсеньера инквизитора, милости, а также просмотрев целиком некоторые богословские отметки, представленные по сему делу несколькими сеньорами и магистрами, профессорами священной теологии, я, после совещания с некоторыми из них и некоторыми знатоками канонического права, полагаюсь на переданное вам мнение оных магистров теологии и ныне с ним сообразуюсь, делая, однако, заявления, принятые в делах по вопросам веры. Но, по моему слабому суждению, и если только нет иного, лучшего суждения, оные показания должны быть, во благо сего дела и для оправдания процесса, посланы матери нашей, Парижскому Университету и, особенно, факультетам теологии и декретов, дабы узнать их мнение, прежде чем вынести решение в сем деле.

[Подписано:] Ле Барбье».

Мэтр Жан Алепе (2), лицензиат гражданского права, каноник Руанской церкви, постановил сообразно решению оных сеньоров и магистров, как изложено в грамоте, [подписанной им] собственноручно, что нижеследует:

«Преподобному отцу во Христе и моему прегрознаму сеньору, монсеньеру епископу Бовескому, ординарному судье в данном процессе, и вам, преподобному отцу, мэтру Жану Ле Мэтру, викарию монсеньера инквизитора, — благоговение и почтение со всею расторопностью вам в услужение.

Вы предписали мне, недостойному и [даже] в малейшем ничтожному, а затем потребовали от меня, под страхом закона, чтобы до ближайшего четверга (строжайше отводя мне срок до понедельника, 16 апреля, в год Господень 1431) я предоставил вам письменно мое постановление [о том,] являются ли заявления, содержащиеся в статьях, кои вы мне уже выслали с вашим первым повелением, или же некоторые из них, противными истинной вере или подозрительными на сей счет, противными Священному Писанию, установлениям святейшей римской Церкви и признанных ею докторов, а также каноническим

законам, [а кроме того,] возмутительными, дерзновенными, нарушающими общественный порядок, несправедливыми, плодящими преступления, противными или каким-либо образом оскорбительными для добронравия, — и что следует сказать о том на процессе по делам веры⁷.

Я, Жан Алепе, покорный сын, хотя и не способен знать таких вещей, но дабы, однако, не показаться, непокорным (чего да не случится), вместе с заявлениями, высказанными и переданными вам на письме преподобными отцами и монсеньерами магистрами, монсеньерами теологами, кои лучше меня постигли сей вопрос, я полагаю и считаю, что показания оной Жанны были оценены и квалифицированы ими правильным, подобающим и святым образом и, как мне кажется, они соответствуют каноническим законам. Вот почему я должен положиться на их мнение и желаю присоединиться к их постановлению, — что я и делаю. Впрочем, если вы уже посовещались с матерью нашей, Парижским Университетом, с факультетами теологии и декретов или с одним из них, либо если вы сие сделаете [в дальнейшем], я отнюдь не премину присоединиться к их заключениям или заключению, но напротив, скорее подчинюсь их или его (Факультетов или Факультета. — А. С.) постановлению, а также [постановлению] святой римской Церкви и Святого Вселенского собора.

[Подписано:] Ж. Алепе.»

**Мэтр Жан Юло де Шатийон (21), архидиакон
и каноник Эврё, доктор священной теологии, постановил
сообразно решению вышеназванных сенъоров и магистров,
согласно подписанной им собственноручно грамоте,
содержание коей следует:**

«Вместе с обычными в таких делах заявлениями, в согласии и соответствии с решением означенных професоров священной теологии, ни в чем с оным не расходясь, я говорю, что по тщательном изучении, сопоставлении и оценке речей и деяний сей особы, а также ее происхождения, надлежит постановить следующее. *Явления и откровения, коими она похваляется и кои, как утверждает, имеет от Бога через ангелов и святых, отнюдь не были [посланы] от Бога, оных ангелов и святых, но являлись скорее наваждением вымысла человеческого либо исходили от злого духа, и сия женщина не располагала знаками, достаточными, чтобы тому верить и о том знать; в названных статьях содержится и представлена заведомая ложь [в целом], отдельные неправдоподобия, коим она с легкостью поверила, а также суеверные прорицательства, возмутительные и безбожные деяния, отдельные безрассудные, надменные, хвастливые утверждения, кощунственные по отношению к Богу и святым, нечестивые по отношению к родителям. Некоторые из них не соответствуют заповеди любви к ближнему, являются идолопоклонническими — или, по меньшей мере, представляют собой лживое наваждение, — схизматическими по отношению к единству, авторитету и могуществу Церкви, опрометчивыми и вызывающими сильное подозрение в ереси. И веря столь же твердо, как в исповедание христианское, в то, что те, кто ей являлся, были святым Михаилом,*

святыми Екатериной и Маргаритой и что их речи и поступки хороши, она навлекает на себя подозрения в вероисповедальном заблуждении; ибо если она полагает, что в догматы веры не следует верить тверже, чем в ее заявление о том, что ей являлись именно святой Михаил, святая Екатерина и святая Маргарита и что их речи и поступки были хороши, то она заблуждается в вероисповедальных вопросах.

Кроме того, говорить, что все ее поступки, описанные в пятой статье, а также ее утверждения, содержащиеся в первой статье, по поводу неполучения таинства евхаристии в предписанное Церковью время, являются правильными — сие есть богохульство и заблуждение в вероисповедальных вопросах⁸.

И я говорю так, вместе с означенными заявлениями и обязательствами, оставляя сие на усмотрение тех, кому надлежит наставлять уклонившихся от пути истинного. Написано мною собственноручно и [дано] за моею подписью, в освидетельствование вышесказанного, по форме, предписанной запросом.

[Подписано:] Жан де Шатийон».

Мэтр Жан де Буэг⁹, доктор теологии, священник из Фекана, постановил следующим образом:

«Я, Жан де Буэг, в течение двадцати пяти лет магистр теологии Парижского Университета и священник почтенного монастыря Фекана, принимая во внимание вышенаписанное относительно одной женщины и [направленное] против ее речей и поступков, по тщательном их изучении и сопоставлении, а также оценке происхождения сей особы, вид ее явлений и откровений, цели, существа и обстоятельств всего вышесказанного¹⁰...следует счесть идолопоклонницей, схизматичкой в отношении единства, авторитета и могущества Церкви и особой, впавшей в ересь, учитывая ее упорство и то, что она говорит о святом Михаиле, святых Маргарите и Екатерине, о таинстве евхаристии etc...[и] что она содейла все по велению Божьему etc. Итак, да будет она наказана, и да свершится над ней правосудие, во славу Божью и ради возвеличивания веры.

[Подписано:] Ж. де Буэг».

Мэтр Жан Гарэн(57), доктор декретов, каноник Руанской церкви, постановил сообразно решению названных в публичном акте сеньоров и магистров, как изложено в грамоте, собственноручно им подписанной:

«Преподобный отец и сеньор, милостью Божьей епископ Бовеский, и вы, брат Жан Ле Мэтр(81), викарий инквизитора, etc.

Да будет вам известно, что я принял с почтением и благоговением некие положения, каковые вы передали мне в тетради; я просмотрел их содержимое и потрудился над оными вопросами скудным своим разумением, полагаясь в том на докторов священных канонов; затем на собрании докторов как боже-

ственного, так и человеческого права и прочих многочисленных знатоков сих прав, я выслушал богословские оценки, высказанные по оным положениям и показаниям нашими досточтимыми магистрами, преславными профессорами священной теологии, особо [для того] созданными в большом числе; я сопоставил сии квалификации, сравнивая одну с другой, как полагается, [и заключил, что] они, по моему скромному суждению, никоим образом не уклоняются ни от установления святейшей римской Церкви и докторов, ею признанных, ни от канонических законов, ни как-либо иначе; напротив, они скорее соответствуют священным канонам. Вот почему, вместе с заявлениями, сделанными нашими преподобными магистрами в ходе данного процесса, а также с теми, кои доктора декретов, из коих я наиничтожнейший, обычно делают, рассматривая столь важный вопрос, я придерживаюсь мнения оных наших магистров, каковое считаю законным, разумным и, по моему скромному суждению, соответствующим учению священных канонов; в готовности сердечной спешу всегда и во всем, по мере сил своих, покориться велениям Церкви и вашим.

[Подписано:] Ваш во всем, Ж.Гарэн».

Досточтимый капитул Руана постановил таким образом:

«Вы, преподобный отец, и вы, досточтимый сеньор викарий монсеньера инквизитора по делам ереси, во благо веры просили нас, Капитул Руанской церкви, подать благой совет по неким показаниям, отобранным и извлеченным из признаний и речей некой женщины, прозванной в народе Девицей, а именно: являются ли сии показания, вполне изученные и исследованные, частично или полностью противными истинной вере etc. и как можно будет оценить их на процессе веры, о чем полнее сказано во введении к грамоте с оными показаниями. А посему, взвесив всю тяжесть сего вопроса, мы отложили свой ответ, стремясь сперва заручиться советом, решением и постановлением блистательного Парижского Университета, а особенно факультетов теологии и декретов, дабы быть в силах дать более надежный и твердый совет. Но затем мы просмотрели и тщательно обдумали постановления множества докторов священной теологии, находящихся в сем городе, и многочисленного собрания прелатов, докторов теологии и канонического права, лиценциатов обоих прав, то есть канонического и гражданского, либо одного из двух, а также прочих ученых особ, знатоков божественного и человеческого права, — [собрания,] торжественно проведенного 2 мая вами, его председателем. [В ходе сего собрания] к оной женщине были обращены весьма многочисленные кроткие и благие увещания, милосердные призывы и внушения — как вами [лично], так и преподобным отцом, монсеньером архидиаконом Эврё, преславным профессором священной теологии, особо для того назначенным вашей властью и вашим приказом, дабы во спасение души и тела сей женщины, к славе и чести Божьей и во укрепление католической веры, она изволила признать непристойность своих поступков и речей и искупить их. [Ее просили также], чтобы она, как и подобает всякому католику, препоручила свои речи и поступки суду и определению вселенской Церкви,

сеньора нашего Суверенного Понтифика, вселенскому Собору и прочим прелатам Церкви, коих сие может касаться, или же четырем именитым и ученым клирикам светского подчинения из земель ее сторонников, уступив в том совету докторов и прочих вышеупомянутых лиц, кои тогда присутствовали. Но она женщина никоим образом не пожелала ни последовать, ни уступить сим справедливым увещаниям, побуждениям и милостивым внушениям, хотя их делали ей пренастойчиво и многократно, радея о спасении ее души и тела. [Напротив,] она не раз достойным порицания и пагубным образом презрела их и отринула, категорически отказываясь подчиниться установлению и суду Церкви, Суверенного Понтифика и кого-либо их вышеназванных особ, невзирая на объяснение и разъяснение ей [греховности] ее поступков и заблуждений, а так же на предостережение о вечном проклятье, коему она себя обрекает, — что было ей весьма ясно изложено.

Вот почему, вместе с обязательствами и заявлениями, принятыми в подобных делах по вопросам веры, мы, во благо оной веры, говорим нижеследующее, а именно: что постановления и богословские оценки вышеназванных докторов теологии по оным показаниям, были даны ими миролюбиво, справедливо и разумно; и мы присоединяемся к составителям [сих актов], добавляя, что обдумав и оценив оные увещания, внушения, милостивые побуждения и разъяснения, а также ответы оной женщины и ее отказы [отвечать], равно как и упорство ее души, мы полагаем, что следует признать ее еретичкой.

Составлено в нашем Капитуле, в год Господень 1431, 3 мая.

[Подписано:] Р. Геру».

Мэтры Обер Морель (107) и Жан Дюшмэн (33), лиценциаты канонического права, адвокаты курии Руанского официала, постановили таким образом:

«Вместе с заявлениями, принятыми в вопросах веры, а также отдавая себя на усмотрение наших сеньоров судей, прочих докторов священной теологии и судебных советников, в чьем ведении находится разъяснение сего вопроса, мы считаем, что должны сказать следующее.

Во-первых, что касается предполагаемых откровений, то, согласно правовым трактатам, притязания сей женщины, изложенные в оных статьях, *могли бы считаться обоснованными, в том, что касается Бога, если бы она женщина подкрепила их посредством чуда или свидетельством из Священного Писания, — из коего [впрочем,] ничто не явствует с очевидностью. А посему речам и показаниям оной женщины о ее предполагаемых откровениях не нужно верить никоим образом. Далее, что до ее отказа от женского платья, если она все же не имела на то указания Божьего, — а так, вероятно, и было, — сие противоречит чести и достоинству женского пола и добрым нравам¹¹. И поскольку на сей счет она уже была должным образом предупреждена, ее, раз она презирает [сии предупреждения], надлежало и надлежит отлучить от Церкви и предать анафеме. Далее, она женщина, если у нее нет разумной причины [поступить иначе] и совета собственного кюре, обязана получать в определен-*

ное время таинство евхаристии, — самое малое, раз в год; иначе сия женщина выступает против установления и предписания Церкви. Далее, она женщина обязана подчиниться суду воинствующей Церкви; и если, будучи о том должным образом предупреждена, она отнюдь того не сделала, то кажется, что она противится догмату веры о Единой святой католической Церкви.

Мы подразумеваем, [что все вышесказанное верно], если только сии откровения не исходят от Бога. А в том, чтобы оценить и утвердить сии откровения и предположения, а также прочие показания и притязания, мы полагаемся на суд наших сеньоров теологов, коим надлежит продолжить сие [дело].

Обдумав все сие, мы полагаем, что сие дело является сомнительным в отношении веры¹², противным добронравию, установлениям Церкви, а также возмутительным, мятежным и заставляющим подозревать того, кто его упорно поддерживает и отстаивает, в заблуждении по вопросам веры; и посему она должна быть наказана вечным заточением, питаясь хлебом страдания и водой скорби, дабы ей оплакать то, что она совершила и не совершать более [преступлений], кои придется оплакивать; либо же ее следует подвергнуть иной чрезвычайно каре, по усмотрению наших сеньоров судей.

[Подписано:] А. Морель, Ж. Дюшмэн».

**Одиннадцать адвокатов Руанской курии, из коих
одни являются лиценциатами права канонического,
другие — гражданского, а прочие — обоих прав,
постановили следующим образом, как явствует из грамоты,
составленной по сему поводу. Их имена нижеследуют:
Гийом де Ливэ (91), Пьер Карре (14), Геру Потель (115),
Жоффруа дю Кротэ (35), Ришар де Со (31),
Бюро де Кормей (25), Жан Ле Дус (75), Лоран дю Бюск (32),
Жан Коломбель (23), Рауль Анги (4), Жан Ле Тавернье (89).
Далее следует содержание оной грамоты:**

«Во имя Господа, аминь. Да будет известно всем, кто узрит данный публичный акт, что в год Господень 1431, в 9 индикт, в предпоследний день месяца апреля, в 14 год понтификата святейшего отца во Христе Господе, монсеньера Мартина V, божественным провидением папы, в часовне, или орактории, архиепископского владения в Руане собрались и присутствовали почтенные и многоопытные особы¹³, адвокаты архиепископской курии Руана, числом одиннадцать, чьи имена и прозвания не заявлены в данной грамоте. Преподобный отец во Христе, монсеньор Пьер, милостью Божьей епископ Бовеский, и святой отец Жан Ле Мэтр (81), викарий монсеньеры инквизитора, призвали их, под страхом закона, высказаться по неким статьям, каковые были переданы им от судей, и представить оным судьям на письме свои постановления до наступления ближайшего понедельника. Сие и прочее содержалось в бумаге, подписанной мессирами Гийомом Коллем (22), называемым иначе Буагийомом, и Гийомом Маншоном (95) — священниками и публичными нотариусами. При нас, публичном

нотариусе, и вышеозначенных свидетелей, особо для того вызванных и призванных, явились оные сеньоры адвокаты и, горя готовностью пойти навстречу и подчиниться по мере сил своим велениям монсеньеров судей, а также не желая навлечь на себя кару правосудия, но как истинные покорные сыновья [Церкви], в единодушном порыве, без всяких разногласий, высказались по сим статьям таким образом:

Препоручая себя благоусмотрению преподобных отцов и сообщества монсеньеров судей, и всех прочих, коих сие касается, хотя по такому важному и сложному вопросу, как тот, о коем идет речь в статьях, переданных нам вашими милостями, мы если и можем что-либо сказать или предоставить вам на письме, то разве что самую малость. Однако, делая принятые в таких случаях заявления, мы полагаем, что по сему вопросу надлежит сказать [следующее].

*Прежде всего, относительно откровений, о коих упомянуто в оных статьях, — что утверждения сей женщины, изложенные в сих статьях, могли бы считаться обоснованными, в том, что касается Бога, если бы оная женщина подкрепила их посредством чуда или свидетельством из Священного Писания. Но поскольку она того не сделала, не следует ей верить*¹⁴. Далее, относительно отказа от женского платья и отказа вновь надеть сей наряд, нам представляется, что, во-первых, она поступила вопреки достоинству женского пола; затем, что ее можно побудить вновь надеть женское платье и что в противном случае ей следует вынести приговор об отлучении, — если только она не действовала по указанию Божьему, чего не должно предполагать. Далее, относительно того, что она, по ее словам, предпочтет скорее лишиться приобщения к христову причастию в то время, когда верующие обычно причащаются, нежели оставить мужское платье, — в сем, как кажется, она явно идет против священных законов, ибо всякий верующий обязан раз в год получать таинство евхаристии. Далее, поскольку она не желает подчиниться суду Церкви воинствующей, она, как представляется, противоречит догмату веры о Единой святой Церкви etc., а также положениям права. И мы, как уже сказали и заявили, подразумеваем [что вышесказанное верно,] если только сии отстаиваемые ею откровения не исходят от Бога, — чему, по всей вероятности, и следует верить. Однако в том, чтобы оценить сии откровения и прочие предположения, содержащиеся в статьях процесса, и вынести по ним решение, мы полагаемся на суд наших сеньоров теологов матери нашей кормящей, Парижского Университета, учености коих подлежит более, чем разбор сих вопросов.

Оные монсеньеры адвокаты, собравшиеся в названном числе, имена и прозвания коих я, публичный нотариус, при себе сохранил, попросили меня, нижеподписавшегося публичного нотариуса, составить и отдать им одну или несколько публичных грамот обо всех вышеозначенных вопросах и каждом из них в отдельности.

Составлено в названной часовне, в утренний час, в означенные год, индикт, месяц, день и понтификат, при чем присутствовали достойные доверия особы: мессеры Пьер Кошон¹⁵ и Симон Дави¹⁶, — священники, присяжные нотариусы названной архиепископской курии Руана, особо для того вызванные и привлеченные свидетели.

И я, Гийом Лекра¹⁷, священник Руанского диоцеза, публичный апостолический и имперский нотариус архиепископской курии Руана, поставленный

при ней для допроса свидетелей, присутствовал в означенном месте в названный день и час вместе с названными свидетелями при всем вышесказанном, пока сие, как изложено выше, говорилось и совершалось названными монсеньерами адвокатами. Я видел, слышал и записал, что сие говорилось и делалось именно так. Вот почему я поставил свою обычную роспись под сей, собственноручно мною написанной, грамотой, и, будучи вызванным и привлеченным, подписал ее в освидетельствование истинности вышесказанного.

[Подписано:] Г. Лекра».

Преподобный отец во Христе, монсеньер Филибер, епископ Кутанса (106), постановил таким образом:

«Преподобному отцу во Христе Господе, монсеньеру Пьеру, милостью Божьей епископу Бове, моему дражайшему сеньору.

Преподобный отец во Христе и сеньор мой, прежде всего, препоручаю себя вам от всего сердца. Я получил послание вашего преподобия, доставленное в мое отсутствие вместе с тетрадью, содержащей исповедь и показания некой женщины, распределенные по 12 статьям и заверенные подписями трех нотариусов и королевской печатью. И, насколько я могу судить о том по оным статьям, сия женщина утверждает, будто ей явились ангелы Михаил и Гавриил со множеством [других] ангелов и святыми Екатериной и Маргаритой, и несколько раз [сие было] у некоего Древа фей; [она говорит], что прикасалась к сим святым телесно и что они ее укрепляли, и что она говорила с ними, и [делала сие] постоянно, а также пообещала оным святым хранить девственность, и что названные святые передали ей веление Божье о том, чтобы она пошла к некоему государю, каковой с ее помощью отвоюет великое владение; а также чтобы она надела и носила мужское платье, кое она надела и носит. [Она утверждает], что пошла к сему государю в сопровождении Михаила и множества ангелов и названных святых, и некий ангел дал оному королю весьма драгоценную корону. [Она говорит], что знает из откровения, будто сбежит из тюрьмы и будто французы совершат вместе с ней наипрекраснейшее деяние из тех, что когда-либо совершались во всем христианском мире; и что если бы она оставалась в мужском платье с французами, как то было до ее пленения, — сие было бы одним из высших благ, кои только могут выпасть всему Французскому королевству; и что она получит¹⁸ от своего государя оружие, вместе с вооруженным войском. Она посылала, и даже многократно, грамоты с приказами; и иногда в них вписывалось: ИИСУС или МАРИЯ, или знак креста; она не желала [тогда], чтобы поступали так, как она приказывала; в иных же грамотах, — когда она повелевала, то сие было под страхом смерти. Она говорит также, что бросилась с высоты башни вопреки запрету святых Екатерины и Маргариты, что было великим грехом, но она, якобы, искупила его исповедью; и она знает сие из откровения; и она, однако, сбросилась, предпочитая лучше умереть, чем быть в руках своих врагов и увидеть разгром города Компьени. [Она утверждает], что предпочтет лучше умереть и не быть допущенной к святому причастию, нежели оставить мужское платье; и что она верит, будто не совершила никакого смертного

греха и считает себя уверенной в спасении собственной души, как если бы уже пребывала в царствии небесном. О неких событиях, всего лишь возможных, она, по ее словам, знает наверняка, как если бы видела их в действительности; более того, ей ведомо, как она утверждает, по откровениям названных святых, что Бог любит неких ныне здравствующих особ, определенных и названных поименно, более, чем любит ее саму. Помимо того, она утверждает, что выказывала благоговение святым Екатерине и Маргарите, обнажая голову, преклоняя колени и целуя землю, по коей они ступали. И говорит, что совершенно уверена в том, что оные откровения исходят от Бога, и она верит в сие так же твердо, как в католическое вероисповедание и в то, что Господь Наш Иисус претерпел [муки] ради нашего спасения; и если Церковь пожелает, чтобы она совершила что-либо вопреки данному ей повелению, она того не сделает ни за что на свете; более того, сие будет для нее невозможным; и она отлично знает, что все рассматриваемое на сем процессе исходит от Бога; она не желает полагаться в том на решение воинствующей Церкви или кого-либо из людей, но [лишь] на Бога, чью волю, особенно в отношении откровений, она всегда исполняла.

Вот, преподобный отец, что я смог кое-как выявить из названных статей, извлеченных из подлинного процесса, проведенного, по-моему, законно, ибо нельзя предположить, чтобы ваше преподобие, а также доктора и сведущие сеньоры и магистры, коих вы собрали по сему случаю, могли как бы то ни было отклониться от стези истины, особенно в сем деле. И хотя после заключения, вынесенного по сему делу наиученнейшим и наиточнейшим образом, я не мог бы сказать ничего поистине существенного и весомого для сего процесса, я буду вынужден высказать вашему преподобию, кое его возбудило и учинило, свои соображения по сему поводу [и сделаю сие] наименее худшим образом, не оценивая каждое показание, поскольку вовсе не хочу казаться поучающим Минерву.

Разумеется, преподобный отец, я думаю, что сия женщина обладает изощренным умом, склонным к дурному, обуянным дьявольским влечением, обделенным благодатью Святого Духа. Действительно, если с необходимым вниманием изучить речи сей женщины, то никоим образом не удастся обнаружить в ней два признака, каковые, по свидетельству блаженного Григория¹⁹, удостоверяют, что некое лицо исполнено благодати Святого Духа, а именно: добродетель и смирение.

Более того, ее показания выглядят в иных случаях противными католической вере и еретическими либо, по меньшей мере, сильно подозрительными на предмет ереси, — не исключая, как и прежде, лучшего суждения; оные и прочие ее заявления выглядят суетными, суеверными, возмутительными, нарушающими мир и общественный порядок и во многих отношениях, — возможно, даже более, чем можно сказать, — оскорбительными и опасными [для истинной веры]. Сии показания, как представляется, следует прятать и таить от [неподготовленных] глаз, кои ослепнут без своевременной помощи правосудия, и, как убеждает [нас] правосудие, их погубные последствия не заставят себя ждать, хотя бы некие особы и упорствовали в том, что обсуждение и решение по сему делу, возможно, следует передать другому собранию. И сию женщину, даже если она пожелает отречься от того, от чего должно отречься в ее заявлениях, следует, как представляется, содержать под надежной стражей до тех пор, пока

она, при случае, не покажет, что в полной мере исправилась и искупила [свою вину]. Но если она не пожелает отречься от того, от чего следует, то с нею, кажется, надлежит поступить так, как принято поступать с особой, упорствующей в заблуждениях по вопросам веры, — впрочем, как и прежде, не исключено, что может быть предложено иное, лучшее, суждение. Вот, преподобный отец и сеньор, к чему, не исключая, что в сем деле возможны всяческие изменения к лучшему, я ныне пришел.

Я готов исполнить все, что благоволит поддержать Всевышний и что будет приятно вашему преподобию, так как сие счастливым образом совпадает с моими [собственными] желаниями.

Писано в Кутансе, 5 мая. Во всем [слуга] вашего преподобия. Филибер, епископ Кутанса.

[Подписано:] Сентиньи».

Преподобный отец во Христе, монсеньер епископ Лизьё (15), постановил таким образом:

«Преподобному отцу во Христе Господе, монсеньеру Пьеру, милостью Божьей и апостолического Престола епископу Бовескому, и особе многоопытной и ученой, мэтру Жану Ле Мэтру, викарию монсеньера инквизитора по делам ереси, от Занона, той же милостью Божьей епископа Лизьё, — привет во Господе и охотное исполнение ваших требований.

Знайте, что от вас, преподобный отец и сеньор, мне было передано послание с некими показаниями, каковые были даны на процессе, учиненном недавно над некой женщиной, именуемой в народе Девицей; я получил их в виде статейных записей в бумажной тетради, выказав при том столько же чистосердечия, сколь и надлежащего почтения. По их прочтении, зрелом осмыслении и изучении, я высылаю вам приложенные к сему оные статьи вместе с моим суждением или мнением о них, за моей подписью.

Дано в Лизьё, 14 мая, в год Господень 1431.

[Подписано:] Лангле²⁰».

«Конечно, трудно, преподобный отец, высказать уверенное суждение по вопросу о явлениях и откровениях, каковой содержится в статьях, переданных мне вашим преподобием за подписями неких нотариусов. По мысли Апостола, человеческое животное не принимает того, что от духа Божьего²¹ и нет никого, кто ведал бы помыслы Бога²² или был бы его советчиком, и однако, как полагает блаженный Августин в своей книге «О духе и о душе»²³, в сих видениях и явлениях душа часто становится жертвой заблуждения и обмана, поскольку то, что она видит, является порой истинным, порой ложным, порой благим, а порой дурным духом, коим она одержима, и нельзя с легкостью распознать, какой дух ее обуял; вот почему тому, кто просто и откровенно утверждает, что Бог послал его дабы явить миру некий тайный и невидимый приговор Божий, отнюдь не следует доверять, — разве что появятся некие знамения или чудеса, либо же особое свидетельство Писания; сие устанавливает декреталия Cum

ex injuncto, под заглавьем «О еретиках»²⁴. Никакое же гадательное толкование внешнего вида, никакой признак удивительной святости или замечательной жизни, в соответствии с коими следовало бы предположить, что Бог вдохнул в сию женщину дух пророчества, благодаря коему она, как похваляется, исполнила столько всего удивительного, не кажутся мне очевидными.

Итак, обдумав сие, я, Занон, епископ Лизьё, с принятыми в подобных делах заявлениями и обязательствами, тщательно прежде посовествовавшись и посовецовавшись, говорю, что учитывая низкое происхождение, безумные, а в некоторых случаях надменные, показания сей женщины и оценив, в каком виде и каким образом получала она, по ее утверждениям, свои видения и откровения, а также [учитывая] иные правдоподобные обстоятельства ее речей и деяний, следует допустить, что сии видения и откровения не исходят от Бога через посредничество святых, как она сие утверждает; напротив, скорее следует предположить одно из двух: либо они являются наваждением и обманом демонов, кои обращаются ангелами света²⁵ и порой видоизменяются по образу и подобию разных людей, либо же они являются ложью, порожденной человеческим измышлением, с целью обмануть простецов и невежд. Далее, с самого начала одни из названных статей содержат возмутительные и ошибочные новшества, иные же — заявления дерзостные и высокомерные, полные тщеславия и оскорбительные для благочестивого слуха, безбожные и непочтительные по отношению к таинству евхаристии. И когда она говорит, что не желает вверить свои речи и поступки решению и суду воинствующей Церкви, она тем самым наносит великий ущерб могуществу и авторитету Церкви. Если же она получила надлежащие и милосердные наставления, поучения и торжественные призывы и требования доверить толкование ее показаний и признаний, как обязан поступать всякий верующий, суду и решению нашего сеньора папы, всеобщей Церкви, собранной на вселенском Соборе, или иным прелатам Церкви, кои имеют на то власть, и если, с сердцем закоренелым, она гнушается и отказывается сие сделать, следует считать ее схизматичкой и сильно подозреваемой в ереси.

Вот что должно быть, как мне показалось, сказано по данному делу, не исключая [впрочем] лучшего суждения. Свидетельство сему — поставленная мною в означенные выше год и день моя обычная подпись.

[Подписано:] Занон из Лизьё».

**Преподобные отцы во Христе²⁶, монсеньеры и магистры
Никола, аббат Жюмьежа(86), и Гийом, аббат Кормея(10),
доктора декретов, постановили следующим образом,
согласно подписанной ими собственноручно грамоте,
содержание коей следует:**

«Некая грамота от вас, монсеньеры преподобный отец во Христе, Пьер, епископ Бовеский, и брат Жан Ле Мэтр, викарий монсеньера инквизитора, просят нас и от нас двоих, смиренных аббатов Никола из Жюмьежа(86) и Гийома

из Кормея (10), требует предоставить вам на письме до ближайшего понедельника наши соображения в обсуждении того, являются ли содержащиеся в некоторых статьях показания, касательно некой женщины, также недавно нам от вас переданные, противными истинной вере или сомнительными в отношении оной etc., как более пространно сказано в оной грамоте; недавно, по вашему запросу, мы предоставили на письме, также за нашими подписями, наш ответ [с просьбой], чтобы весь процесс, касающийся названной женщины, был бы передан нашей матери, Парижскому Университету, чьему мнению мы всегда желаем следовать, особо в деле столь сложном. Отнюдь не удовлетворившись сим ответом, вы вновь обратили к нам запрос, как только что было сказано. И прежде всего, вверяя наши речи определению святой римской Церкви и вселенскому Собору и сводя дело сей женщины к четырем пунктам [мы постановляем:]

Во-первых, относительно подчинения воинствующей Церкви, мы говорим: пусть сия женщина получит увещание милостивое, но вместе с тем показательное и прилюдное, в коем сообщалось бы об опасностях, коим она подвергается, и если, законно предупрежденная, она будет упорствовать в своей злобе, пусть ее сочтут подозреваемой в вере. Что до данных ей откровений и ношения платья, кое она, как говорит, соблюдает от Бога, то нам, на первый взгляд, не кажется, что следует на сем задерживаться или верить тому или доверять, тогда как не проявляются ни святость ее жизни, ни чудеса. Что до четвертого [пункта, о том], что она не пребывает в смертном грехе, то лишь Бог, проникающий в сердца людей, о том знает, и поскольку нам сие неизвестно, — нам, коим вовсе не должно судить о вещах потаенных²⁷, особо же при том, что мы не всегда присутствовали на допросах сей женщины, — мы полагаемся в их дальнейшей оценке на наших сеньоров теологов.

Свидетелями сему на данной грамоте поставлены наши росписи, в воскресенье, 29 апреля, в год Господень 1431.

[Подписано:] Н. из Жюмьежа. Г., аббат Кормея».

Мэтр Рауль Руссель (118), доктор обоих прав, казначей Руанской церкви, постановил следующим образом:

«Преподобный отец во Христе и мой прегрозный сеньор, и вы, наш почитаемый сеньор и магистр, да будет вашим милостям угодно узнать, что помимо того, что я уже письменно вам предоставил, я не сумею сказать вам ничего более, кроме того, что верю, что сии показания ложны, лживы и, как таковые, выдуманы сей женщиной и ее сообщниками, чтобы достичь своих целей, на благо их стороны. И относительно более глубокой богословской оценке сих предположений я полагаюсь на монсеньоров теологов и намерен присоединиться к предложенной ими богословской квалификации. Да будет сие высказано вместе с принятыми в таких сложных вопросах заявлениями

Составлено в год Господень тысяча четыреста тридцать первый, в последний день апреля.

[Подписано:] Вашим слугой Р. Русселем».

**Мэтр Пьер Минье (105), Жан Пигаш (113)
и Ришар де Груше (56), бакалавры священной теологии,
постановили таким образом:**

«С заявлениями, недавно представленными нами, к коим мы [вновь] присоединяемся, о том, чего требуют от нас ваше преподобие и викарий монсеньера инквизитора, а именно, чтобы мы высказались в надлежащей форме относительно показаний некой женщины, кои мы слышали, — являются ли они противными истинной вере, священному Писанию или сомнительными в отношении веры etc., — нам показалось недавно, и кажется и поныне, что определенный ответ по поводу оных показаний, — не исключая [впрочем] лучшего суждения, — зависит от уверенности, коей нам вовсе не удастся достичь, насчет различения источника предполагаемых откровений, о коих упомянуто в статьях, посланных вашим преподобием, где содержатся оные показания. Если они действительно исходят от злого духа или демона, если они порождены собственной хитростью [сей женщины], нам представляется, что, по большей части, сии показания будут сомнительными в отношении веры, несправедливыми, противными добронравию или каким-либо иным образом из содержащихся в грамоте порочными. Но если предполагаемые откровения исходят от Бога или благого духа, — что все же не кажется нам очевидным, — нам было бы недозволительно толковать их дурным образом. Вот, преподобный отец и сеньор, что наша совесть, без всякой дерзости и при всех должных поправках, диктует нам по пунктам, о коих вы нас запрашиваете.

[Подписано:] П. Минье, Ж. Пигаш, Р. Груше».

**Мэтр Рауль Ле Соваж (88), бакалавр священной теологии,
постановил сообразно подписанной им собственноручно
грамоте следующего содержания:**

«Я присоединяюсь к подобающим заявлениям и обязательствам, недавно сделанным в моем постановлении, и прошу считать их повторенными, преподобный отец во Христе и мой досточтимый сеньор, и вы, монсеньер викарий монсеньера инквизитора. Недавно переданные [мне] показания о предполагаемых откровениях, как я уже сказал ранее, одни с самого же начала и в том виде, в коем они изложены, показались мне вопиющими, другие — сомнительными в отношении веры, иные — дерзостными, плодящими заблуждения и дурные примеры, а собственно в их богословской оценке я сослался, как уже сказал, и ныне ссылаюсь на моих вышестоящих сеньоров и магистров.

Однако я не утверждаю сейчас ничего, кроме того, что должно утверждать, смиренно оставляя себя и свои речи на ваше, мой преподобный отец и сеньор, и моих вышестоящих сеньоров и магистров, благоусмотрение. В первом положении она говорит, что видела телесными очами святого Михаила etc.²⁸, и то же самое — в одиннадцатом положении; я не знаю, говорит ли она правду, но боюсь, как бы сие не было воображаемой и измышленной ложью. То, что святые Екатерина и Маргарита ей повелели, по указанию Божьему, надеть мужское

платье etc., и что она предпочла скорее умереть, чем оставить мужское платье, — сие мне представляется безрассудным. То, что она предпочла бы скорее вовсе не присутствовать на отправлении мессы и быть лишенной святого причастия в предписанное Церковью время, чем оставить оное мужское платье, — сие представляется возмутительным и служит источником дурных примеров. То, что она, будучи многократно предупреждена и призвана [к тому, тем не менее], замешкала и отказалась препоручить себя саму и свои поступки Церкви воинствующей и что она не пожелала, как сказано в двенадцатом положении, довериться относительно того, что было ей явлено в откровениях, определению воинствующей Церкви или кого-либо в сем мире, — сие представляется схизматическим, сомнительным и плодящим дурные примеры, поскольку она обязана больше, крепче и надежнее верить словам Церкви и повиноваться ее указаниям, нежели явлению, кое у нее было, — возможно, воображаемому; злые духи действительно порой принимают вид благих ангелов.

Что до второго положения — о знаке, каковой был, по ее словам, государю, к коему она была послана etc., — я [того] не знаю; возможно, сие вымысел и измышленная ложь.

Что до третьего положения, — что она уверена, будто тот, кто ее посещал и посещает, является святым Михаилом, поскольку он назвался таковым, etc., — сие представляется безрассудным, поскольку не следует верить всякому духу; и возможно, здесь наваждение от злого духа, как и выше. То, что она верит, что сии вещи истинны и благи так же крепко, как в то, что Христос претерпел [муки] и умер за нас, — сие представляется сомнительным, выставляющим нашу веру на посмеяние и умаляющим ее крепость.

По четвертому положению, — что в отношении неких грядущих событий, всего лишь вероятных, она уверена, будто они свершатся, точно также, как уверена в том, что действительно видит перед собой, — сие представляется самонадеянным, поскольку грядущие события не вершатся с непреложностью; и допуская, что сие могло быть открыто Богом, следует допустить, возможно, путем некоего сношения, как [было] с пророком Ионой, каковой предрек: еще сорок дней, — и Ниневия будет разрушена²⁹. То, что святые Екатерина и Маргарита открыли ей, будто она будет освобождена etc., — здесь, возможно, измышленная ложь и, пожалуй, бахвальство. Что до откровения о мече, — оно исходит, возможно, от духа злого или человеческого и вовсе не следует верить [сей женщине].

По пятому положению, — что она надела мужское платье по велению Божьему etc., — сие не правдоподобно, а скорее возмутительно, неприлично и непристойно, особенно для женщины и девицы, коей она, как говорит, является, — если только она не поступила так ради сохранения себя от того, чтобы над ней учинили насилие, дабы соблюсти свою девственность.

По шестому положению, — что когда в посланиях, кои она велела писать, она ставила знак креста, — то было знаком, чтобы те, кому она писала, не совершали того, что она приказывала. Хотя знаки несут то значение, кое им придают, можно однако заподозрить, что сие было сделано по наущению духа зла, из презрения и на поругание распятого Христа, каковой есть высшая истина и коего ненавидит [лукавый]. В остальном оное положение обнаруживает некое надменное бахвальство.

По седьмому, — что она доверилась обществу некоего оруженосца, коего никогда не видела etc., — она поступила безрассудно и подверглась великой опасности, что справедливо и для восьмого положения, — о том, как она сбросилась с весьма высокой башни. И когда она самочинно покинула отчий дом против воли родителей etc., она не проявила ни любви, ни почтения к своим родителям и поступила вопреки повелению, предписывающему их почитать, — и сие, быть может, по злему упорству и черствости сердца.

По восьмому, — гласящему, как было сказано, о том, как она сбросилась с башни, etc., — ее совет был безрассудным и дурным; представляется, что она была понукаема злым духом и проявила признаки отчаяния³⁰. Остальное в оной статье, возможно, бахвальство.

По девятому, — что святые Екатерина и Маргарита пообещали ей etc., — я [того] не знаю, но сие случайно может являться безумной выдумкой или надменной ложью. То, что она не думает, будто совершила деяния смертного греха, представляется самонадеянным и противоречащим тому, что она сбросилась с башни.

По поводу десятого, в коем она утверждает, что Бог любит некоторых людей etc., — допустим; но когда она утверждает, что святые Екатерина и Маргарита не говорят по-английски etc., — сие представляется суждением безрассудным и, в некотором роде, богохульством, поскольку бог является повелителем и высшим покровителем всех, — как англичан, так и прочих, и таким образом, представляется, что она противоречила заповеди о любви к ближнему.

По одиннадцатому, — что она обнимала и целовала телесно и осязательно святых Екатерину и Маргариту etc., — сие представляется выдуманной и измышленной ложью или дьявольским наваждением; и если она просто и безоговорочно им поклонялась, то, возможно, безрассудно подвергла себя опасности своего рода идолопоклонства.

По двенадцатому положению высказывать нечего, как уже было указано в отношении первого.

Тем не менее, преподобный отец, учитывая слабость женского пола, следует повторить ей по-французски названные положения и показания и обратиться к ней милостивый призыв исправиться и отнюдь не переоценивать так [своих] предполагаемых откровений, кои, возможно, были сказаны и навеяны ей Лукавым, либо как-нибудь иначе. И я говорил³¹ следовательно: для того, чтобы заключение и приговор по сим статьям были более верны и незыблемы и не могли бы подвергнуться нападкам с чьей-либо стороны, мне представляется, — не исключая, по-прежнему, лучшего суждения, — что ради чести королевского величества и вашей и ради покоя и спокойствия многих, оные статьи, вместе с надлежащими квалификациями, снабженные подписями нотариусов, должны быть посланы святому Апостольскому Престолу. Вот, преподобный отец во Христе и сеньор, монсеньер викарий инквизитора, что пришлось мне сказать по сему делу, при допущении всяческих поправок и улучшений etc.

[Подписано:] Р. Соваж».

Среда, 18 апреля

Далее, в среду, 18 апреля, 1431 года.

Мы, означенные судьи, зная уже, по мнениям и заключениям многочисленных особ, докторов как священной теологии, как и канонического права, а также лиценциатов оного права и прочих ученых лиц с оных факультетов, что можно было извлечь из ответов и показаний оной Жанны великие и тяжкие изъяны, кои, поскольку она не обратила их к лучшему, подвергли ее великим опасностям. Мы решили посему милостиво и сострадательно увещать, а также подвергнуть увещанию многими честными и учеными особами, — как докторами, так и прочими, — дабы наставить ее на путь истины и призвать к искреннему исповеданию нашей веры. С той же целью мы явились в означенный день в место заточения Жанны, в присутствии Гийома Ле Буше(72), Жака де Турена(124), Мориса дю Кенэ(37), Никола Миди(102), Гийома Адели(1) и Жерара Фёйе(47) — докторов, и Уильяма Хейтона(59), бакалавра священной теологии.

В их присутствии мы, означенный епископ, обратились к Жанне, каковая сказалась тогда больной, сообщая ей, что оные доктора и магистры пришли к ней милостиво и дружески, дабы утешить ее в недуге и укрепить. Затем мы изложили ей, как в течение стольких дней, в присутствии многочисленных ученых особ, она была допрошена по вопросам великой сложности, касающимся веры; на что она дала разнообразные и различные ответы, в отношении коих ученые и сведущие особы, изучившие их и тщательно оценившие, отметили, что многие из них представляют опасность для веры. И поскольку она была женщиной неграмотной и несведущей в Писаниях, мы предложили назначить для нее ученых и образованных людей, честных и доброжелательных, кои наставили бы ее подобающим образом. И мы призвали присутствующих докторов и магистров, по долгу преданности, каковой подчиняет их истинному учению веры, дать Жанне полезный совет во спасение ее души и тела; и если Жанна знает других вместо оных [для сей миссии], мы предложили доставить их к ней, дабы они дали совет и наставление о том, что ей следует делать, чего придерживаться и чему верить³², добавив, что мы являемся служителями Церкви, чьими призывом, волей и намерением является сие, и что мы готовы потрудиться для спасения ее души и тела всевозможными способами, как сделали бы ради наших ближних и самих себя. И мы с охотой готовы предоставить ей ежедневно таких людей, дабы наставить ее как подобает, и вообще сделать все то, что в таких случаях делает обычно Церковь, никогда не закрывающая лона своего от того, кто к ней приступает. Наконец, мы сказали Жанне, чтобы она хорошо обдумала сие спасительное увещание и дала бы ему действенный ход. И что если она тому воспротивится, опираясь на собственный свой ум и неопытный рассудок, нам придется ее покинуть; вследствие чего она может уяснить, какую опасность сие навлечет на нее, — опасность, коей мы всеми силами нашими и со всем рвением нашим пытаемся избежать.

На что Жанна ответила, что благодарит нас за то, что мы высказали ей во спасение ее души, сказав затем: «Мне кажется, что я в смертельной опасности из-за болезни, каковая со мной случилась. А если так, — пусть Бог поступит со мной, как ему угодно; я прошу вас об исповеди, таинстве евхаристии и погребении в освященной земле».

Тогда ей было сказано, что если она желает получить церковные таинства, нужно, чтобы она исповедалась как добрая католичка, а также подчинилась Церкви; и если она будет упорствовать в своем намерении не подчиняться Церкви, ей нельзя будет предоставить таинств, о коих она просит, за исключением таинства покаяния, кое мы всегда готовы ей дать.

Но она ответила: «Я не знаю, что вам сказать иного».

Далее, ей было сказано, что чем больше она страшится за свою жизнь, по причине болезни, кою имела, тем больше она должна [стремиться] изменить свою жизнь к лучшему; у нее как у католички не будет прав Церкви, если она не подчинится оной Церкви.

Она ответила: «Если тело умрет в тюрьме, я надеюсь, что вы велите положить его в освященную землю; а если не велите положить его туда, — уповаю на Бога».

Далее ей было сказано, что недавно она показала на своем процессе, что если сказала или совершила нечто противное нашей христианской вере, установленной Богом, то вовсе не желала бы того поддерживать.

Она ответила: «Я полагаюсь на ответ, каковой о том дала, и на Господа».

Далее, поскольку она говорила, что имеет несколько откровений от Бога через святого Михаила и святых Екатерину и Маргариту, ее спросили: если бы пришло некое доброе создание, утверждавшее, что имеет откровение от Бога относительно дела оной Жанны, поверила ли бы она ему.

Она ответила, что в мире нет такого христианина, каковой пришел бы к ней и сказал бы, что имеет откровения и о коем она не знала бы точно, говорил ли он правду или нет; и она узнала бы сие от святых Екатерины и Маргариты.

Спрошенная, совсем ли не может она предположить, что Бог мог открыть некоему доброму созданию нечто такое, что неизвестно ей, Жанне, ответила, что ясное дело — может. «Но я не поверила бы, — говорит она, — ни мужчине, ни женщине, если бы не имела какого-нибудь знака».

Спрошенная, верит ли она, что Святое Писание было откровением Божиим, ответила: «Вы прекрасно знаете, ясное дело, что — да».

Далее ее попросили, побудили и призвали спросить доброго совета у клириков и именитых докторов и поверить сему совету ради спасения души.

Спрошенная вновь, желает ли препоручить свои речи и поступки воинствующей Церкви, ответила наконец: «Чему бы со мной не случиться, я не скажу и не сделаю иного, чем то, что я уже сказала на процессе».

После того, как сие было совершено нами, означенные преподобные доктора, кои были там, призвали ее, прежде всего, к тому, чтобы она изволила препоручить себя и свои деяния воинствующей Церкви, приводя ей [в пример] многочисленных столпов Священного Писания, [речи] коих ей изложили, и [поучительные] образцы³³. И один из докторов³⁴, в ходе сего увещивания, прямо процитировал текст от св. Матфея, XVIII³⁵: «Если же согрешит против тебя брат твой etc.» и следующее: «А если и церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь etc.». Он изложил сие Жанне по-французски, говоря ей в конце, что если она вовсе не пожелает подчиниться Церкви и покориться ей, придется покинуть ее, как сарацинку.

На что Жанна ответила, что она добрая христианка и крещеная и что умрет доброй христианкой.

Спрошенная: поскольку она просила, чтобы Церковь дала ей таинство евхаристии, — значит ли сие, что она желала бы подчиниться воинствующей Церкви, и тогда ее допустят к сему таинству?

Она ответила, что другого она о сем подчинении не ответит; и что она любит Бога, служит ему и является доброй христианкой; и она желала бы помогать Церкви и поддерживать ее изо всех сил.

Спрошенная, не желает ли она, чтобы устроили какую-нибудь прекрасную и благородную процессию, дабы привести ее в хорошее состояние, если оно у нее не таково, ответила, что очень хочет, чтобы Церковь и католики молились за нее.

Среда, 2 мая

Далее, в среду, 2 мая, в год господень 1431,

Мы, означенные судьи, председательствовали в палате Руанского замка близ большой залы оного замка, на собрании преподобных отцов, сеньоров и магистров, созванных по нашему приказанию³⁶: Никола, аббата Жюмьежа(86), Гийома, аббата Кормея(10) — докторов декретов; аббата Сент-Уэна(83), приора Сен-Ло(73), а также Пьера, приора Лонгвилля(103), Жана де Ниба(111), Жака Гедона(58), Жана Фушье(50), Мориса дю Кенэ(37), Жана Ле Февра(77), Гийома Ле Буше(72), Пьера Удана(62), Жана де Шатийона(21), Эрара Эмангара(41), Ричарда Прати(116), Джона Карпентора(20), Пьера Мориса(101) — докторов; Никола Купкена(26), Уильяма Хейтона(59), Тома де Курселля(27), Ришара де Груше(56), Пьера Минье(105), Рауля Ле Соважа(88), Жана Пигаши(113), Жана Можье(99) и Жана Эда [Eude](44) — бакалавров священной теологии; Рауля Русселя(118), казначея руанской церкви, доктора обоих прав, Жана Гарэна(57), доктора канонического права; Робера Ле Барбье(71), Дени Гастинеля(53), Жана Ле Ду(75) — лиценциатов обоих прав; Никола де Вандре(127), архидьякона Э [Eu], Жана Пэншона(114), архидиакона Жоза, Жана Брюйо(12), певчего Руанской церкви, Ришара де Со(31), Лорана дю Бюска(32), Обера Мореля(107), Жана Дюшмэна(33), Жана Коломбея(23), Рауля Анги(4), Жана Ле Тавернье(89), Геру Потеля(113) — лиценциатов канонического права; Андре Маргери(97), архидиакона Пти-Ко, Жана Алепе(2), Жилля Дешана(29), [церковного] канцлера, Никола Кавалья(17) — каноников Руанской церкви; Гийома де Ливэ(91), Пьера Карре(14), Жоффруа дю Кротэ(35), Бюро де Кормея(25) — лиценциатов гражданского права; Гийома Дежардэна(30), Жана Тифэна(123) — докторов; Гийома де Ла Шамбра(66), лиценциата медицины; брата Изамбара де Ла Пьера(70), Гийома Леграна(79), Жана де Розэ(117), кюре Дюклера, брата Жана де Ба, Эсташа Катлэ, Реньо Лежэна, Жана Маомме, Гийома Ле Кошуа, Жана Ле Тоннелье и Лорана Ледюка — священников(128).

Мы, означенный епископ, заговорили с названными сеньорами и магистрами таким образом:

После того, как сия женщина была подробно допрошена и ответила по статьям, законно против нее выдвинутым со стороны обвинителя, мы передали ее признания, обобщенные в виде строгих положений, докторам и знатокам как свя-

щенной теологии, так и канонического и гражданского права, дабы заручиться их советом; и тотчас по получении суждения и мнения большинства, мы в достаточной мере уяснили, что сия женщина по многим пунктам представляется виновной, хотя сие дело нами еще не решено окончательно; и прежде чем перейти в сем процессе к окончательному решению, многим честным и добросовестным, а равно и ученым особам показалось чрезвычайно важным, чтобы мы всячески позаботились об осведомлении [сей женщины] относительно того, в чем она представлялась виновной, и о наставлении ее всеми нашими силами на путь и к познанию истины. Осуществить сие в полной мере мы стремились и стремимся со всяческой охотой. Так и все мы должны сего добиваться, — мы, кто живет во Церкви и служит делам божественным [должны] милостиво указать ей на то, что в ее речах или деяниях расходится с верой, истиной и религией, и милостиво упредить ее, чтобы она пожелала вспомнить о своем спасении. Вот почему мы прежде всего попытались наставить ее с помощью нескольких именитых докторов теологии, коих мы многократно и в различные дни к ней посылали, а также прочих, кои в меру сил приложили старания свои к сему делу со всем мягкосердечием и ни к чему ее не принуждая. Но поскольку овладело ею дьявольское коварство, они по-прежнему не смогли добиться в том никакого успеха. Когда мы заметили, что сие частное увещание не принесло никаких плодов, нам показалось возможным, чтобы пред всеми вами, торжественно собравшимися, сия женщина была бы с мягкостью и милосердием увещана о раскаянии; ибо может статься, что ваше присутствие и внушение, сделанное многочисленными особами, с большей легкостью приведет ее к смирению и послушанию, дабы она не слишком полагалась на собственное суждение, но поверила бы совету людей честных и мудрых, кои сведущи в праве божественном и человеческом, дабы она не навлекла на себя тяжких угроз, кои могут подвергнуть опасности ее душу и тело. И для сего увещания мы направили весьма ученого почтенного магистра теологии, особо сведущего в таких вопросах, а именно мэтра Жана де Шатийона (21), архидиакона Эврё, каковой, если вам угодно, ныне возьмет на себя труд объяснить сей женщине некоторые точные пункты, по коим она выглядит виновной, как мы уяснили из советов и заключений знатоков, и побудить ее отступить от сих проступков и преступлений и познать путь истины. Вот почему ныне сия женщина будет приведена сюда, пред ваши очи, и, как было сказано, увещана; и если кто-либо [из вас] может сделать или сказать нечто благое, дабы обратить ее с большей легкостью и благоприятно наставить во спасение ее души и тела, мы просим его никоим образом не отказываться открыться нам или изложить сие собранию.

Но после того, как она была приведена и появилась в тот день пред нами, вышеупомянутыми судьями, мы, означенный епископ, от своего имени и от имени другого судьи³⁷, предупредили оную Жанну, чтобы она приняла советы и увещания, кои будут обращены к ней означенным монсеньером архидиаконом, профессором священной теологии, каковой скажет ей многое во спасение ее души и тела, и пусть она сие воспримет; и что, если она того не сделает, то подвергнет себя великой опасности телесно и духовно, — и он разъяснил оной Жанне многое, согласно содержанию грамоты, приведенной ниже³⁸.

Затем мы, означенные судьи, попросили монсеньера архидиакона милостиво перейти к осуществлению оных увещаний. И монсеньер архидиакон, пови-

нуясь нашим указаниям, принялся поучать и наставлять Жанну и изложил ей сперва, что все верующие Христовы должны и обязаны блюсти и исповедовать христианскую веру и догматы веры и предупредил ее и призвал посредством общего увещания, чтобы она пожелала исправиться и очиститься как сама, так и в своих деяниях, согласно постановлению почтенных докторов и магистров, сведующих как в божественном, так в каноническом и гражданском праве.

На сие общее увещание Жанна ответила: «Читайте вашу книгу, — то есть грамоту, кою держал монсеньер архидиакон, — а после я вам отвечу. Я уповаю на Бога, моего создателя, во всем; я люблю его всем сердцем³⁹».

И затем, спрошенная, не желает ли ответить на сие общее увещание более пространно, ответила: «Я уповаю на своего судию: сие — Царь небесный и земной».

После чего монсеньер архидиакон, переходя к особым увещаниям, кои он должен был обратить к оной Жанне, начал, согласно следующей грамоте, так:

«I. Прежде всего он изложил, как недавно она сказала, что если бы в речах ее или поступках нашли нечто ущербное и сие было бы указано клириками, она желала бы сие исправить. В сём она вела речь славную и похвальную; действительно, всякий христианин должен обладать сей кротостью — всегда содержать себя в послушании более мудрым и доверять скорее суждению добродетельных и ученых особ, нежели собственному мнению. Ее же речи и поступки в течение многих дней прилежно изучались докторами и клириками, кои нашли в них многочисленные и тяжкие изъяны. Если же она все-таки пожелает смиренно их исправить, как пристало доброй и благочестивой христианке, служители Церкви готовы поступить с нею милосердно и снисходительно во спасение ее души. Но если, из гордыни или высокомерия, она желает упорствовать в собственном мнении, считая, что лучше разбирается в делах веры, нежели доктора и ученые особы, она подвергает себя тяжким опасностям.

II. Далее, он сообщил ей, что относительно откровений и явлений, кои, как она говорит, ей были [ниспосланы], она не желает подчиниться ни воинствующей Церкви, ни кому-либо из людей, но желает уповать в своих речах и поступках на одного лишь Бога. И он пояснил ей тогда, что такое Церковь воинствующая и какую власть получает она от Бога, и в ком сия власть пребывает; и как всякий христианин обязан верить, что есть лишь единственная святая католическая Церковь, коя всегда направляема Духом Святым и никогда не пребывает в заблуждении или ошибке; коей также каждый католик обязан повиноваться, как сын — матери, и суду коей должно препоручить все свои речи и поступки. Каковые бы явления или откровения он не имел, ничто не должно избежать суда Церкви, ведь даже апостолы препоручили Церкви свои писания; и всякое Писание, кое было Божественным откровением, дано нам для веры в него нашей матерью Церковью, каковая есть порядок непогрешимый, коего нам нужно во всем придерживаться, без схизмы или какого-либо раскола, — так, как учит в нескольких местах апостол Павел, etc. Также и откровение, данное Богом, всегда ведет к соблюдению [заповедей] послушания и смирения по отношению к вышестоящим и Церкви и никогда — к противоположному; и Господь не желает, чтобы

кто-либо осмеливался называть себя покорным лишь одному Богу или уповать в своих речах и поступках на Него одного; более того, он дал служителям Церкви и вверил им власть и полномочия ведать и судить деяния верующих, как благие, так и дурные; и кто отвергается [служителей Церкви], тот отвергается Бога, а кто им внемлет, внемлет Богу. Наконец, [архидиакон] призвал [Жанну] поверить, что оная католическая Церковь не может ни ошибаться, ни кого-либо несправедливо осудить; кто тому не верит, тот в самом деле заблуждается относительно догмата веры о Единой святой католической Церкви etc., каковой был тогда целиком изложен Жанне; и если кто-либо в сем упорствует, его следует счесть еретиком. Она была также призвана просто и ясно препоручить все свои речи и поступки, каковы они есть, суду и определению нашей святой матери Церкви, поскольку тот, кто сего не делает, является схизматиком и выказывает злоумышление против святости оной Церкви и ее непогрешимого управления Духом Святым. И [архидиакон] указал на тяжкие наказания, кои канонические предписания налагают на тех, кто таким образом заблуждается.

III. Далее, ей было объявлено, что уже долгое время она, вопреки приличиям пола своего, упорствовала в ношении мужского платья на воинский лад, и она носит его постоянно, без всякой необходимости; сие является вопиющим, противным приличиям и добронравию; она также носит волосы остриженными в кружок. Все сие противно заповеди Божьей, изреченной во Второзаконии, XXII: «На женщине не должно быть etc.»⁴⁰, противным заповеди Апостольской, гласящей, что женщина должна покрывать свою голову⁴¹; противным запретам Церкви, установленным на священных Вселенских соборах⁴²; противным наставлениям святых и докторов как священной теологии, так и канонического права, и заключает в себе дурной пример для прочих женщин etc. В особенности же допустила Жанна тяжкий проступок тем, что, по греховному стремлению носить сей постыдный наряд, предпочла бы скорее не получать таинство евхаристии в предписанное Церковью время, чем оставить сей наряд и надеть другой, в коем смогла бы пристойно и благоговейно получить сие таинство; она предрела сим указание Церкви по причине столь греховного устремления, хотя была, однако, многократно увещана по сему пункту, и особенно с наступлением праздника Пасхи, так как говорила, что хочет отслушать мессу и получить таинство евхаристии, и весьма горячо того желает; тогда ей было сказано надеть женское платье, от чего она отказывалась и отказалась, чем показала, что тяжело согрешила. Вот почему он побудил ее прекратить все сие и добровольно оставить мужское платье.

IV. Далее, Жанна, не довольствуясь ношением сего мужского платья при означенных обстоятельствах, пожелала сверх того отстаивать, что поступала хорошо и не грешила. Говорить же, что поступаешь хорошо, тогда как идешь наперекор наставлениям святых, велениям Божьим и Апостольским, когда презираешь также и указания Церкви из греховной склонности к платью непристойному и беспутному, сие есть заблуждение в вере, и тот, кто желал бы упорно оное отстаивать, впал бы в ересь. Помимо того, сии грехи она желала приписывать Богу и святым, чем кощунствовала против Бога и святых, приписывая им то, что им не подобает. На самом деле Бог и святые желают, чтобы всякое

приличие соблюдалось, а грехи, извращенность желаний и прочее — избегались; и они не желают, чтобы ради таковых вещей веления Церкви презирались. Так, он наставлял ее прекратить изрекать подобные богохульства, не смея приписывать оного Богу и святым и считать сие дозволенным.

V. Далее, многочисленные славные и именитые клирики обдумали и тщательно изучили то, что Жанна заявляла о своих откровениях и явлениях, очевидные выдумки насчет принесенной Карлу короны и прихода к нему ангелов, кои были в достаточной мере признаны вымышленными и лживыми, — как теми, кто был впоследствии на сей стороне⁴³, так и прочими⁴⁴; также ее речи о поцелуях и объятиях святых Екатерины и Маргариты, в отношении коих она также утверждала, будто они ежедневно, и даже по нескольку раз [на дню], приходят к ней без особой цели, без всякой видимой причины. Отчего бы им приходиться столь часто, чего нигде⁴⁵ святые не имели обыкновения делать при таких чудесных явлениях? Были изучены ее речи о том, будто она ничего не знает ни о частях тела, ни о прочих свойствах сих [святых], за исключением их голов, что никак не согласуется с видениями столь частыми, а также многочисленные повеления, кои она, как говорит, получила, а именно: носить сие платье, давать такие ответы, какие она дала на процессе, кои не согласуются с повелениями Бога и святых и в отношении коих не следует верить, будто они указаны ими; [была изучена] и совокупность многих иных вещей, кои доктора и знатоки сих вопросов хорошо обдумали; — все сие побуждает их понять и признать, что сии откровения и явления не были ниспосланы Жанне Богом, как она похвалялась. И ей было явлено, сколь великая опасность для всякого — надмиться до такой степени, чтобы мыслить себя способным иметь подобные явления и откровения и по причине сего лгать о вещах, касающихся Бога, изрекая лжепророчества и прорицания, кои не от Бога, но от собственного разумения; от чего может последовать искушение народа, явление новых лжеучений и много иных нечистых вещей, влекущих ко крушению Церкви и народа католического. Сколь тяжкой является и опасность вникать с нескромной жадностью в то, что превыше тебя, стремиться верить новшествам без совета Церкви и прелатов или даже выдумывать вещи небывалые и диковинные; действительно, демоны имеют обыкновение внедряться в подобные греховные наклонности — как тайными побуждениями, так и видимыми явлениями, обращаясь светлыми ангелами и, под личиной набожности или иного блага, увлекая [души] к губительным договорам и ввергая их в заблуждение, меж тем как Бог допускает сие по причине высокомерия людей, кои осмелились предаться столь неразумным изысканиям. Вот почему [архидиакон] наставлял Жанну прекратить изрекать такую неправду и ложь и вернуться на путь истины.

VI. Далее, от сего истока выдуманных таким образом откровений Жанна перешла ко многочисленным преступлениям: к примеру, посягая на присущее Богу, она смеет возвещать и подтверждать грядущие события, всего лишь возможные, а также нынешнее, но тайное — как [например,] сокрытый в земле меч; она похвалялась, что знает о неких особах наверняка, что они любимы Богом, а о самой себе — что она добилась отпущения греха, каковой совершила, бросившись с башни Бореуар, — в чем содержатся прорицательства и утверждения

дерзостные и безрассудные; она говорит также, что почитала нечто диковинное, кое ей являлось, не сообщая, однако, что обладала достаточной уверенностью, с коей могла бы поверить, что то благие духи; она не получила о том никакого совета от своего кюре или иного духовного лица; она похвастается сим в таких вопросах, где опасность идолопоклонства весьма грозна, и опрометчиво верит тому, чему не должна верить с такой легкостью, даже если некие явления и снизошли на нее таким образом, что все-таки представляется вымыслом. Помимо сего, она смела также говорить, будто верит, что сии явления суть святые Екатерина и Маргарита и ангелы, столь же твердо, как в вероисповедание христианское; в чем она выказывала веру опрометчивую и думала, как представляется, что нет большей и лучшей причины верить исповеданию христианскому и его догматам, кои ниспосланы нам через Церковь, чем неким сим вещам, кои ей являлись невиданным и диковинным образом и о коих нет никакого определения и никакого совета Церкви; более того, велено было Христом, святыми и Церковью не выказывать таким явлениям никакого доверия необдуманно. И ей было сказано, чтобы она хорошенько [о том] поразмыслила».

Когда означенный архидиакон изложил Жанне по-французски все предшествующее, согласно содержанию вышеназванной памятки (*aide-memoire*), она ответила следующее:

И сперва о том, что было ей сказано в первой и второй статьях сей памятки, она сказала: «Я отвечу вам ныне так же, как ответила недавно»⁴⁶.

И когда ей было объявлено, что такое Церковь воинствующая и [напомнили,] что ее увещали следовать и верить сему догмату о Единой святой Церкви etc. и подчиниться Церкви воинствующей, согласно содержанию второй статьи предшествующей памятки, она ответила: «Я очень верю в Церковь на земле; но в моих поступках и речах, как я сказала недавно, я полагаюсь и уповаю на Господа Бога». Далее она сказала: «Я очень верю, что Церковь воинствующая не может ни заблуждаться, ни согрешить; но что до моих поступков и речей, — я полностью верю и препоручаю их Богу, повелевшему мне совершить то, что я совершила». Далее она сказала, что подчиняется Богу, своему создателю, каковой велел ей совершить сие, и она уповает на Него и на самого себя.

Спрошенная, хочет ли она сказать [тем самым], что у нее нет судьбы на земле и что сеньор наш папа не был бы ей судьей, ответила: «Я не скажу вам о том [ничего] иного. У меня есть добрый повелитель, то есть Бог, на коего я во всем уповаю, — и ни на кого иного».

Далее, так как ей говорили, что если она не пожелает верить Церкви и верить также догмату о Единой святой католической Церкви, то она будет еретичкой, в том упорствуя, и будет наказана другими судьями и казнена на костре. Она ответила: «Я не скажу вам о том ничего иного. И если увижу огонь, то я скажу вам все то, что говорила прежде, и другого не сделаю».

Спрошенная: если бы святейший вселенский Собор, то есть сеньор наш папа, кардиналы и прочие прелаты Церкви, были здесь, не пожелала ли бы она довериться и подчиниться оному вселенскому Собору, ответила: «Вы не вырвете у меня ничего иного».

Спрошенная, желает ли она подчиниться сеньору нашему папе, ответила: «Отведите меня к нему, — и я ему отвечу». А иначе не пожелала ответить.

Далее, по поводу того, что ей говорили о платье etc., согласно III и IV статьям вышеназванной памятки, она ответила, по поводу сего платья, что вполне согласилась бы надеть длинную робу и женскую шапочку, чтобы пойти в церковь и получить таинство евхаристии, как она ответила прежде, при условии, что сразу после того она снимет оное платье и вновь наденет нынешнее.

А относительно прочего, что было ей изложено по сему поводу, — о ношении сего платья без необходимости, тем более при том, что она находится в тюрьме etc., она ответила: «Когда я совершу то, для чего была послана Богом, я надену женское платье»⁴⁷.

Спрошенная, считает ли она, что поступает хорошо, надевая мужское платье, ответила: «Я уповаю на Бога».

Далее, будучи увещана, и так как ей изложили содержание статьи IV вышеозначенной памятки, она ответила, что не хулила ни Бога, ни святых.

Будучи вновь увещана перестать носить мужское платье, полагая, будто, нося его, поступает хорошо, и снова надеть женское платье, ответила, что не сделает ничего иного.

Далее, спрошенная, осеняет ли она себя крестным знаменем всякий раз, когда к ней приходят святые Екатерина и Маргарита, ответила, что иногда сотворяет крестное знамение, а иногда — нет.

Далее, по поводу того, что ей говорили об откровениях etc., согласно содержанию V статьи вышеозначенной памятки, она ответила, что полагается в том на своего судию, то есть на Бога. И она сказала, что ее откровения исходят от Бога, без иных посредников.

Спрошенная, желает ли она положиться в отношении знака, данного ее королю, на [свидетельство] архиепископа Реймского, сеньора де Буссака⁴⁸, Шарля де Бурбона, сеньора де Ла Тремуя и Этьена, прозванного Ла Гиром⁴⁹, коим, или некоторым из коих, она, как говорила, показала вышеупомянутую корону, и кои присутствовали, когда ангел принес оную корону тому, кого она зовет своим королем, и дал ее оному архиепископу; или желает ли она положиться на других своих сторонников, кои напишут под своими печатями то, что было о сем сказано, ответила: «Дайте мне посыльного, и я напишу им обо всем сем процессе». А иначе она не пожелала ни верить им, ни полагаться на них.

Далее, по поводу того, что ей говорили относительно высокомерия, кое было в том, чтобы предсказывать через прорицательства события грядущие и вероятные, согласно VI статье вышеназванной памятки, она ответила: «Я полагаюсь в том на своего судию, то есть на Бога, и на то, что уже о том ответила, как записано в книге».

Далее, спрошенная: если ей пришлют трех или четырех клириков из ее сторонников⁵⁰, кои приедут сюда под охранной грамотой, пожелает ли она положиться на них в отношении своих явлений и того, что содержится в процессе, ответила, что пусть им позволят прибыть, а после она ответит. А иначе не пожелала ни довериться им, ни подчиниться в отношении сего процесса.

Спрошенная, желает ли она довериться или подчиниться церкви Пуатье, где была подвергнута испытанию, ответила: «Думаете ли вы поймать меня таким способом и тем завлечь к вам [в ловушку] (et par là m'attirer à vous)?»

Далее, в заключение сего, она Жанна была вновь и в достаточной мере увещана, главным образом о том, чтобы подчиниться Церкви под страхом быть покинутой ею; [о том,] что, если Церковь ее покинет, тело и душа ее окажутся в великой опасности и она вполне может подвергнуться угрозе кары вечного огня — для души, и кары мирской — для тела, по приговору иных судей.

На что она ответила: «А вы не будьте так уверены в том, что говорите против меня, дабы не случилось оттого дурного вашему телу и душе».

Ее попросили назвать хоть одну причину, по коей она отказывается подчиниться Церкви.

Она не пожелала дать на то другого ответа.

После чего несколько докторов и людей сведующих, разного положения и с различных факультетов, обратили к ней увещание, милостиво призвали и побудили ее подчиниться всеобщей воинствующей Церкви, сеньору нашему папе и святейшему вселенскому Собору⁵¹, указывая на опасности, коим она себя подвергнет в отношении души и тела, если вовсе не вверит себя и поступки свои воинствующей Церкви.

Она ответила как прежде.

И наконец, мы, означенный епископ, сказали Жанне, чтобы она одумалась, хорошенько поразмыслила о вышеуказанных увещаниях, советах и милостивых побуждениях и изменила образ мыслей.

На что Жанна ответила, спрашивая: «Как долго должна я раздумывать?»

Мы сказали ей, чтобы она поразмыслила прямо сейчас и ответила, как пожелает. И так как она не ответила ничего более, мы покинули сие место, а Жанну отвели в тюрьму.

Среда, 9 мая

Далее, в тот же год, в среду, 9 мая.

Оная Жанна была приведена и предстала пред нами, означенными судьями, находящимися в большой башне Руанского замка, в присутствии преподобного отца, монсеньера аббата Сен-Корнея в Компьени(28), магистра; Жана де Шатийона(21), Гийома Эрара(42) — докторов священной теологии; Андре Маргери(97) и Никола де Вандре(127) — архидиаконов Руанской церкви; Уильяма Хейтона(59), бакалавра священной теологии; Обера Мореля(107), лиценциата канонического права; Никола Луазелёра(92), каноника Руанской церкви; и мессира Жана Массье(98).

Жанну призвали и побудили отвечать правду по многочисленным и различным пунктам, содержащимся в ее процессе, кои она прежде отвергла и по коим ответила лживо, хотя по ним имеются точные сведения, улики и веские предположения; ей прочли и изложили многое по названным пунктам и сказали, что если она не поведает о том правды, ее предадут пытке; приготовленное к оной ей и показали в той же башне, где также находились и слушатели, готовые по нашему приказу подвергнуть ее сим мучениям, дабы наставить ее на путь и к познанию истины и дабы она могла через них достичь

спасения души и тела, кои своими лживыми выдумками подвергла тяжким опасностям.

На что Жанна ответила так: «Поистине, если б вам пришлось вывернуть мне члены и исторгнуть душу из тела, я не сказала бы вам иного; а если б и сказала что-нибудь, то после снова сказала бы, что вы силой заставили меня сие сказать»⁵².

Далее она сказала, что в минувший праздник Святого Креста⁵³ получила подкрепление от святого Гавриила, и она верит, что сие был архангел Гавриил⁵⁴; и она узнала от своих голосов, что сие — святой Гавриил.

Далее она сказала, что испросила совета у своих голосов насчет того, покоряться ли ей Церкви, ибо служители Церкви слишком принуждали ее покориться оной; и голоса сказали ей, — если она желает, чтобы Бог ей помог, — уповать на него во всех своих поступках. Далее она сказала, что спросила у своих голосов, будет ли она сожжена, и оные голоса сказали ей, чтобы она уповала на Бога — и он ей поможет.

Далее, спрошенная о знаке короны, каковой, по ее словам, был дан архиепископу Реймскому: желает ли она [в том] положиться на сего архиепископа, ответила: «Велите ему прийти»⁵⁵, а после я вам отвечу; и он не посмеет опровергнуть того, что я вам сказала».

Итак, видя ожесточенность ее души и манеру отвечать, мы, означенные судьи, в опасении, что страдания пытки принесут ей мало пользы, решили на тот раз воздержаться от их применения до получения о том более обстоятельного совета.

Суббота, 12 мая

Далее, в субботу, наступившего затем 12 мая, в доме, где мы, названный епископ, проживаем в Руане, мы, означенные судьи, председательствовали в собрании почтенных сеньоров и магистров Рауля Русселя(118), казначая; Никола де Вандре(127) и Андре Маргери(97) — архидиаконов и каноников Руанской церкви; Гийома Эрара(42), магистра священной теологии; Робера Ле Барбье(71), Дени Гастинеля(53), Жана Ле Руа(87) и Обера Мореля(107) — лиценциатов канонического права; Тома де Курселля(27), Никола Купкена(26) — бакалавров священной теологии; Никола Луазелёра(92) и брата Изамбара де Ла Пьера(70).

Мы, названный епископ, сообщили, что было сделано в минувшую среду, и испросили у заседателей совета о том, что осталось сделать и, в особенности, надлежит ли предать оную Жанну пытке. Выслушав мнение каждого и обдумав то, что в означенную среду было сказано Жанной, учитывая также ее настроение, волю и обстоятельства сего дела, мы заключили, что вовсе не полезно подвергать ее пытке и что мы тотчас же перейдем к дальнейшему.

В субботу⁵⁶, 12 мая, в доме монсеньера епископа Бовеского, в час вечерни, пред ним, а также пред монсеньером викарием инквизитора, собрались монсеньеры и магистры: Рауль Руссель(118), казначей; Никола де Вандре(127), архидиакон; Андре Маргери(97), Гийом Эрар (42) — [доктора] теологии; Робер

Ле Барбье(71), Дени Гастинель(53), Обер Морель(107), Тома де Курселль(27), Никола Купкен(26), Жан Ле Ду(75), Изамбар де Ла Пьер(70) и Никола Луазелль(92).

После того как им изложили то, что было сделано в оную среду etc., их спросили о том, что следует предпринять далее и полезно ли предать Жанну пытке etc.

И первым мэтр Рауль Руссель сказал, что, как ему кажется, не стоит, — дабы процесс, столь хорошо проведенный, как сей, не мог бы быть оклеветан.

Мэтр Никола де Вандре сказал, что ему кажется, что на сей раз не полезно предать ее пытке.

Мэтр Андре Маргери сказал, что сие не полезно на сей раз.

Мэтр Гийом Эرار сказал, что ее бесполезно предавать пытке, меж тем как дело и так вполне весомо, даже без пыток.

Мэтр Робер Ле Барбье — как вышеуказано, и чтобы далее она получила раз и навсегда [последнее] милостивое увещание etc., чтобы она подчинилась Церкви, а если нет, то пусть, во имя Господа, продолжат процесс.

Мэтр Дени Гастинель сказал, что не полезно предавать ее пытке.

Мэтр Обер Морель сказал, что ему представляется полезным предать ее пыткам, дабы узнать правду о ее выдумках.

Мэтр Тома де Курселль сказал, что ему представляется благом предать ее им. Он сказал также, что ее должно спросить (под пытками. — *А. С.*), желает ли она подчиниться суду Церкви.

Мэтр Никола Купкен сказал, что не полезно предавать ее пытке; но пусть она снова будет милостиво увещана о подчинении постановлению Церкви.

Мэтр Жан Ле Ду — как вышеуказано.

Брат Изамбар де Ла Пьер — как вышеуказано; и пусть она получит последнее увещание о подчинении воинствующей Церкви.

Мэтр Никола Луазелль сказал, что, как ему кажется, для облегчения ее души будет благом предать ее пытке; и все же он полагается на мнения означенных особ.

Мэтр Гийом Эктор(59)⁵⁷ появился [тогда] и был того мнения, что не следует подвергать ее пытке.

Мэтр Жан Ле Мэтр(81), викарий инквизитора, сказал, что следует допросить ее снова о том, считает ли она, что должна подчиниться воинствующей Церкви.

Суббота, 19 мая

Далее, в следующую за тем субботу, 19 мая,

Предстали пред нами, означенными судьями, находившимися в часовне архиепископского дома в Руане и заседавшими в трибунале, почтенные особы, сеньоры, отцы и магистры: Жилль, аббат Фекана(38), Гийом, аббат Мортимера(60) — доктора теологии; Никола, аббат Жюмьежа(86), Гийом, аббат Кормея(10) — доктора канонического права; а также аббат Прео(109), приор Сен-Ло(73), приор Лонгвилля(103), Жан де Ниба(111), Жак Гедон(58), Жан Фушье(50), Морис дю Кенэ(37), Жан Ле Февр(77), Гийом Ле Буше(72), Пьер Удан(62), Жан де Шатийон(21), Эرار Эмангар(41), Жан Бопер(8), Пьер

Морис (101), Никола Миди (102) — доктора [священной теологии]; Уильям Хейтон (59), Никола Купкен (26), Тома де Курселль (27), Ришар де Груше (56), Пьер Минье (105), Рауль Ле Соваж (88), Жан Пигах (113) — бакалавры священной теологии; Рауль Руссель (118), доктор обоих прав; Жан Герэн (57), Пакье де Во (126) — доктора канонического права; Робер Ле Барбье (71), Дени Гастинель (53) — лиценциаты канонического права; Андре Маргери (97), [лиценциат] гражданского права; Никола де Вандре (127), Жан Пэншон (114) — [лиценциаты] канонического права; Жан Алепе (2), Жилье Дешан (29), Никола Каваль (17) — лиценциаты гражданского права; Жан Брюйо (12) — канонического права; Никола Луазеллёр (92), каноник Руанской церкви; Жан Ле Ду (75), Гийом де Ливэ (91), Пьер Карель (14), Жоффруа дю Кротэ (35), Ришар де Со (31), Бюро де Кормей (25), Обер Морель (107), Жан Дюшмэн (33), Лоран дю Бюск (32), Жан Коломбель (23), Рауль Анги (4), Геру Потель (115) — лиценциаты канонического, а некоторые — гражданского права.

В их присутствии мы, означенный епископ, сообщили, что получили недавно в большом числе постановления и мнения именитых докторов и магистров по признательным показаниям и утверждениям вышеназванной Жанны; с ними заключениями мы бесспорно сможем продвинуться далее к завершению дела, ибо они с полным основанием представляются для того достаточными. Но дабы выказать почтение и благоговение матери нашей, Парижскому Университету, дабы иметь более полное и зримое разъяснение сего вопроса, ради большего успокоения совести и в назидание всем, мы решили передать вышеупомянутые показания матери нашей, Университету, и в особенности Факультетам теологии и декретов, прося постановлений докторов и магистров названного Университета, и особенно двух Факультетов. Университет, и особенно два сих Факультета, весьма воспламененные ревностью веры, старательно, обдуманно и торжественно представили свои заключения по каждому [из сих показаний] и передали их нам в подлинной грамоте. Итак, оные постановления, содержащиеся в сем акте, мы велели зачитать целиком дословно, всенародно и вразумительно всем вышеназванным докторам и магистрам, кои [сие] слушали. Но затем, по слушании постановлений означенных Университета и Факультетов, [разные магистры] высказали и изложили свои [собственные] постановления, сообразно таковым от оных Факультетов и Университета, помимо того, что они недавно постановили как по сим проблемам, так по названным показаниям и по образу ведения процесса, коего нам следовало бы придерживаться в дальнейшем. Мы повелели записать здесь содержание сих заключений, а также посланий Университета⁵⁸.

И сначала следует содержание послания Университета, сеньору нашему королю

«Превосходительнейшему, высочайшему и пресильному государю, королю Франции и Англии, нашему прегрозному и суверенному сеньору.

Превосходительнейший государь, грозный и суверенный сеньор и отец наш, ваше королевское превосходительство должно всемерно печься о том, чтобы

блюсти в их полноте честь, почитание и славу божественного Величия и его святой католической веры, искореняя заблуждения, лжеучения и все прочие противные ей бесчинства. Продолжая сие дело, Ваше Высочество во всех своих начинаниях, по милости всевышней, без труда найдет помощь, поддержку и преуспевание вместе с великим умножением высокой вашей славы. Принимая сие во внимание, ваше высокороднейшее величество начало, благодаренье Богу, прекраснейшее мероприятие, касающееся святой нашей веры, а именно, законный процесс против сей женщины, кою именуют Девицей, а также против ее вопиющих деяний, грехов и бесчинств, кои стали явными во всем сем королевстве и о виде и образе коих мы [вам] писали несколько раз. О сем процессе, о сути его и ходе мы узнали из грамот, кои были нам переданы, и доклада, который в нашем торжественном собрании сделали от [лица] вашего превосходительства наши подчиненные — почтенные преподобные магистры Жан Бопер(8), Жак де Турен(124) и Никола Миди(102), магистры теологии; кои нам также предоставили и сообщили ответ, каковой от них требовался, по другим пунктам. И воистину, по оглашению и тщательном изучении сего доклада, нам показалось, что великая важность, святость и правый ход процесса в отношении сей женщины были соблюдены, чем всякий должен быть удовлетворен. И за все сие мы покорнейше воздаем благодарность прежде всего высшему Величию, затем вашему высокородию — от всего покорного и преданного сердца, — и наконец, всем тем, кто ради Преподобия божественного употребили свой труд, старание и прилежание в сем деле, во благо нашей святой веры. Но сверх того, наш прегрозный и суверенный сеньор, согласно тому, что вашими означенными грамотами вам угодно было нам повелеть, предписать и от нас потребовать, мы, после многих созывов, после того, как имели меж собой и многократно провели великие и обстоятельные совещания, отсылаем вашему превосходительству наши мнения, заключения и постановления по пунктам, показаниям и статьям, кои были нам даны и представлены. И мы всегда готовы полностью посвятить себя таким вопросам, прямо затрагивающим нашу веру, как того непосредственно требует наше ремесло и как мы всемерно выказывали во все времена. И если что-либо останется от нашего лица по сему поводу сказать или изложить, сии почтенные и преподобные магистры, кои ныне возвращаются к Вашему благородному Высочеству и кои присутствовали на наших совещаниях, смогут более пространно огласить, сообщить и рассказать, согласно нашему намерению, все, что надлежит. Да будет угодно Вашему величеству довериться им в том, что было с нашей стороны на сей раз сказано, и иметь их в своем безусловном распоряжении; ибо, воистину, они выказали в означенных делах великое прилежание, из святых и чистых побуждений, не щадя трудов, людей и возможностей и не оглядываясь на великие и грозные опасности, кои заведомо встречаются на пути; также, через их великую мудрость, отмеченную тщательностью и надежным благоразумием, сие дело было и будет, если так угодно Богу, доведено до конца мудрым, святым и разумным образом. И наконец, мы все же смиренно просим ваше превосходительное Высочество, чтобы дело сие в кратчайшие сроки было тщательнейшим образом доведено правосудием до конца, ибо, воистину, медлительность и отсрочки весьма опасны и сему необходимо значительное и великое возмещение, дабы народ, сильно возмущенный сей женщиной, был бы приведен к благому и святому учению и вероисповеданию,

кое всецело [направлено] на возвышение и полноту нашей веры и прославление вечного сего божества, кое да соблаговолит, по милости своей, хранить ваше превосходительство в процветании, до самой славы в вышних, каковая не преидет веки.

Писано в Париже, в нашей конгрегации, торжественно заседавшей в Сен-Бернаре⁵⁹ 14 мая, в год тысяча четырехста тридцать первый.

Ваша смиреннейшая дочь, Парижский Университет. Эбер».

Далее следует содержание послания Парижского Университета, направленного нам, означенному епископу

«Преподобному отцу во Христе и сеньору, монсеньеру епископу Бовескому. Доказано, что безграничное рвение славнейшего милосердия вдохновляет прилежный труд пастырского бдения, преподобный отец и сеньор, когда с твердой и совершенно незыблемой прозорливостью, несокрушимейшая праведность не перестает радеть об охранении священной веры из благого побуждения ради общего спасения. Мужественность и прежаркий пыл вашего искреннейшего рвения был проявлен на деле, когда, наконец, мощным действием благотворнейшей преданности, она привела, по благосклонности Христовой, в руки вашего правосудия сию женщину, кою называют Девицей, чей весьма распространившийся яд явным образом отравил христианнейшую паству почти всего западного мира, чему отнюдь не приминуло открыто воспротивиться бдительнейшее внимание вашего преподобия, пекущееся об исполнении трудов истинного пастыря. Процесс, учиненный против тяжких бесчинств сей порочной женщины, их вид и содержание, вкупе с некоторыми показаниями, положениями или статьями и посланием сеньора нашего короля, а также верительные грамоты и запросы вашего преподобия были нам прилюдно и учтиво представлены преславными докторами теологии и нашими подчиненными — мэтрами Жаном Бопером (8), Жаком де Туреном (124) и Никола Миди (102). После того, как мы полностью усвоили их содержание, мы решили выразить самые пространные благодарности вашей преподобной милости, каковая в сем весьма великом труде по возвышению божественного имени, полноты и славы истинной веры и во благотворнейшее назидание всему правоверному люду, никоим образом не умеет предаться нерадению. Рассматривая, кроме того, обычную форму сих процессов и соответствие ее священному законодательству, мы всецело ее одобрили как проистекающую из величайшего и тончайшего благоразумия. Также, все запросы, кои означенные доктора представили нам в посланиях [подателями коих они являлись,] или же вслух, принимая во внимание [волю] короля, нашего сеньора, и [нашу] старинную привязанность к вашей преподобной милости, мы с величайшей охотой предоставили, искренне стремясь по мере сил своих во всем угодить вашему преподобию. Но по главному вопросу мы потрудились провести многочисленные советы и весьма серьезные совещания, где, по многократном рассмотрении вопроса и свободном обсуждении истины, мы пришли наконец к единодушному согласию и постановили составить на письме

наши заключения и постановления, кои означенные сеньоры и подчиненные, представ по возвращении своем пред светлостью означенного нашего сеньора и в присутствии вашего преподобия, вам в точности предъявят. Они позаботятся равно и о том, чтобы изложить от нашего имени то, что потребуется объяснить более пространно, как то полностью укажет своим содержанием грамота, кою мы ныне посылаем нашему сеньору королю и чья копия приложена к данной грамоте. Сии преславные доктора, однако, не щадя себя, не гнушаясь ни опасностями, ни трудами, не перестают работать над сим делом веры; пусть ваше преподобие примет их как особо уполномоченных [и готовых] снова с упорным рвением всецело предаться неустанной заботе их отеческой прозорливости о сем столь значительном мероприятии до тех пор, пока божественное величие, по велению разума, не смягчится достойным возмещением бесчинств, истина праведной веры не обретет полноты своей и не прекратится несправедливое и вопиющее развращение народа, — так, чтобы князь пастырей, когда он явится, изволил наконец воздать за пастырскую заботу вашего преподобия неуывдаемым венцом славы.

Писано в Париже, в нашей главной конгрегации, торжественно заседающей в Сен-Бернаре, 14 мая, в год Господень тысяча четыреста тридцать первый.

Вам, — ректор⁶⁰ и Парижский Университет.

[Подписано:] Эбер».

Далее следует постановление Парижского Университета

«Во имя Господа, Аминь. Из содержания сей всеобщей грамоты да будет всем очевидно и ведомо, что в оный год Господень 1431, в 9 индикт, 29 апреля, в бытность Престола апостольского, как утверждают, лишенным пастыря⁶¹, наша мать, Парижский Университет, был торжественно созван и собран в Сен-Бернаре по двум вопросам, из коих первым и главным было выслушать послание и некие положения, кои должны были быть составлены от имени христианнейшего государя, нашего сеньора короля, и его совета и наших сеньоров судей, по вопросу о процессе веры, учиненном против некой женщины по имени Жанна, прозванной в народе Девицей, и обсудить сие; второй вопрос был текущим, касающимся ходатайств и нарушений. Сии вопросы были изложены преподобным и многоопытным отцом, мэтром Пьером де Гуда — магистром искусств, ректором означенного Университета и председательствующим в сей конгрегации; послание было распечатано и зачитано, и верительная грамота, в нем содержащаяся, изложена устами одного из направленных в оный Университет послов нашего сеньора короля, его совета и означенных судей; и были зачитаны двенадцать статей, о коих сообщается ниже.

Далее, сеньор наш ректор сообщил, предположил и объявил, что дело, содержащееся в упомянутых статьях, является важным и сложным, затрагивающим истинную веру, христианскую религию, священные законы; что суд и оценка сих статей особо касается досточтимых Факультетов теологии и декретов, в соответствии с их наукой; он добавил, что Университет посовещается и придет

к заключительному суждению по сему делу и богословской оценке вышеупомянутых статей, привлекая к тому оные Факультеты — и суждение и оценки сих Факультетов будут сообщены оному Университету ими самими или же от их имени. Когда сие было сказано, наш сеньор ректор представил изложенные тогда пред конгрегацией положения, все и каждое в отдельности, к обсуждению всеми и каждым из присутствовавших магистров и докторов; и затем каждый Факультет и Нация, дабы обсудить как то, что было сказано, так и прочее, отделились и уединились в местах, где ими было до сих пор принято собираться для обсуждения наиболее сложных дел и вопросов, проведя каждый в сих местах свое обычное заседание. После того, как сии Факультеты и Нации обстоятельно посоветовались, постановления каждого из них были оглашены и повторены на общем собрании, как велит обычай; наконец, названный Университет, устами нашего сеньора Ректора, в силу единого согласованного заключения каждого Факультета и Нации, постановил, что решение по сему делу, вместе с квалификацией вышеупомянутых статей, будет доверено означенным Факультетам теологии и декретов, кои представят и сообщат их Университету.

Далее, в вышеуказанный год и индикт, 14 мая, в бытность Престола апостольского лишенным, как говорят, пастыря, мать наша, Парижский Университет, торжественно собрался в Сен-Бернаре по двум вопросам, из коих первым и главным было выслушать постановления названных досточтимых Факультетов, — а именно, теологии и декретов, — о деле веры, недавно, то есть прошедшего 29 апреля, доверенного им Университетом. После того, как существо сего вопроса было учтиво и обстоятельно изложено устами нашего сеньора Ректора, оный сеньор попросил означенные присутствовавшие в конгрегации Факультеты изложить и обнародовать в присутствии Университета свои постановления по названному делу и квалификации, [данные ими] по статьям. Когда сии запросы были сделаны, как только что было указано, досточтимый Факультет теологии устами почтенной и многоопытной особы, мэтра Жана де Труа⁶², тогда вице-декана оного Факультета, ответил, что каждый из Факультетов теологии и декретов, как целиком, так и в лице своих представителей, часто и многократно собирался по поводу сего дела, чтобы выработать по нему суждение и дать квалификацию статьям, о коих шла речь выше; наконец, каждый из них, после долгого и тщательного совещания, закрепил свою ученую позицию⁶³ по названному вопросу в том виде и образе, кои дословно записаны в бумажной тетради, кою оный мэтр Жан держал в своих руках и велел громко и внятно огласить в присутствии Университета, с квалификацией названных статей. Содержание сих статей, суждений и квалификационных оценок, находящееся в оной бумажной тетради следует дословно и является таковым:

Следуют статьи о речах и поступках Жанны, прозванной в народе Девицей

«И по-первых, некая женщина говорит и утверждает, что в возрасте 13 лет или около того, ... святое учение и церковные законы⁶⁴».

Далее следуют постановления и заключения, вынесенные священным Факультетом теологии в Парижском Университете по богословским оценкам статей, вышезаписанных и составленных по поводу речей и поступков Жанны, прозванной в народе Девицей. Оные богословские оценки, а также относящиеся к сему делу вопросы, — в целом и поотдельности, названный Факультет безоговорочно предоставляет суду нашего сеньора Суверенного Понтифика и святейшего Вселенского собора

[I]

Итак, прежде всего, по первой статье: рассмотрев происхождение сей особы, цель, образ и существо ее откровений, место [событий] и прочие обстоятельства дела, Факультет постановляет, что речь в данном случае идет о лживых, тлетворных и пагубных выдумках, или же оные откровения являются колдовскими и исходят от духов злых и дьявольских — Белиала, Сатаны, Бегеммота.

[II]

Далее, по второй статье: то, что она содержит, не является правдоподобным, скорее, сие — самонадеянная, тлетворная, пагубная и измышленная ложь и посягательство на чин ангельский.

[III]

Далее, по третьей статье: указанные оной женщиной знаки отнюдь не являются достаточными, и [посему] она выказывает безрассудное легкоеверие и делает необдуманные заявления. Кроме того, в сравнении, кое она приводит⁴⁵, ее вера — дурна, и она заблуждается в вероисповедальных вопросах.

[IV]

Далее, по четвертой статье: в ней заключаются признаки суеверия, колдовства, а также самонадеянные высказывания и пустое тщеславие [сей женщины].

[V]

Далее, по пятой статье: она женщина богохульствует и отвергается Бога в его таинствах; она отклоняется от божественной веры, священного учения и церковных законов; она злоумышляет и заблуждается в вероисповедальных вопросах, непрестанно похваляясь всеу; следует подозревать ее в идолопоклонстве и посвящении себя и одежд своих — демонам, в подражание язычникам.

[VI]

Далее, по шестой статье: она женщина является злодейкой, мошенницей, жестокой и алчущей пролития людской крови, мятежницей и подстрекательницей к тираннии, хулящей веления и откровения Божьи.

[VII]

Далее, по седьмой статье, — оная женщина нечестива по отношению к своим родителям, она преступает заповедь должного почтения к родителям; она смутьянка и богохульница, она заблуждается в вероисповедальных вопросах, и принесенный ею обет является безрассудным и самонадеянным.

[VIII]

Далее, в восьмой статье мы находим малодушие, кое переходит в отчаяние [и] явным образом — в самоубийство, а также — самонадеянное и безрассудное утверждение о предполагаемом отпущении греха. Оная женщина неверно судит о свободе человеческой воли.

[IX]

Далее, в девятой статье мы находим самонадеянное и безрассудное утверждение и пагубную ложь; [сия женщина] противоречит себе [относительно того, что утверждалось] в предшествующей статье и неверно мыслит по вероисповедальным вопросам.

[X]

Далее, в десятой статье мы находим самонадеянное и безрассудное утверждение, суеверное прорицательство, кощунство по отношению к святым Екатерине и Маргарите и нарушение заповеди любви к ближнему.

[XI]

Далее, по одиннадцатой статье, — оная женщина, полагая, что имела, при уточненных в первой статье обстоятельствах, откровения и явления, коими похвывается, — идолопоклонница, вызывающая демонов и заблуждающаяся в вероисповедальных вопросах; она высказывает безрассудные утверждения и принесла [некогда] недозволительную клятву.

[XII]

Далее, по двенадцатой статье: оная женщина является схизматичкой, злоумышленницей против единства и авторитета Церкви, отступницей, и она до сих пор упорствует в вероисповедальном заблуждении.

**Далее следует окончательное постановление
и приговор почтенного Факультета декретов
Парижского Университета по двенадцати вышеозначенным
и записанным статьям, касающимся речей
и поступков Жанны, прозванной в народе Девицей⁶⁶**

Сие постановление и приговор оный Факультет предоставляет решению и суду Суверенного Понтифика, Святого апостольского Престола и святейшего вселенского Собора.

Если означенная женщина, полностью за себя отвечая, упорно настаивала на положениях, заявленных в вышеозначенных двенадцати статьях, и если она совершила своим действием поступки, кои там указаны, то Факультет декретов, по тщательном изучении названных положений, считает нужным высказать с милосердием, в виде совета или поучения, нижеследующее:

[I]

Во-первых, что она женщина — схизматичка, а между тем схизма является недозволительным разрывом с единством Церкви, [творимым] из непокорности. И сия женщина, судя по тому, что она говорит, отступает от покорности воинствующей Церкви.

[II]

Далее, — что она женщина заблуждается в вероисповедальных вопросах; она противоречит догмату веры, каковой содержится в малом Символе: о Единой святой католической Церкви; и, словами блаженного Иеронима⁶⁷: кто противоречит сему догмату, выказывает себя не только невеждой, злоумышленником и не католиком, но и еретиком.

[III]

Далее, — что она женщина также и отступница, как по той причине, что волосы, кои Бог дал ей вместо покрывала⁶⁸, она остригла с дурной целью, так и потому, что с той же самой целью она стала подражать поведению мужчин⁶⁹, оставив женское платье.

[IV]

Далее, — что она женщина является лгуньей и чародейкой, когда говорит, что послана Богом и беседует со святыми и ангелами, меж тем как отнюдь того не доказывает посредством чуда или особым свидетельством Писания. Когда Бог пожелал послать Моисея в Египет, к сынам Израиля, то дабы они уверовали, что Моисей послан от Него, Он даровал им как знамение чудо превращения жезла в змея, а змея — в жезл⁷⁰. Затем Иоанн Креститель, дабы исполнить свою миссию, привел [в подтверждение ее божественности] особое свидетельство из Писания, говоря: «Я глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу»⁷¹, как говорит пророк Исайа⁷².

[V]

Далее, — что она женщина, из-за своей непоколебимой надменности, заблуждается в вероисповедальных вопросах; во-первых; — поскольку, будучи отлучена согласно канону⁷³, она долгое время оставалась в том же состоянии⁷⁴, во-вторых, — поскольку говорит, что предпочтет скорее вовсе не получать тела Христова и вовсе не исповедоваться в установленное Церковью время, нежели оставить мужское платье и вновь надеть женское. Она также вызывает сильное подозрение в ереси, и ее надлежит тщательно допросить по догматам веры.

[VI]

Далее, она женщина заблуждается также и потому, что утверждает, будто ее препроводят в рай, [столь же определенно] как если б уже пребывала там во славе блаженных. Между тем, находясь в сем странствии [земном], мы не ведаем, достоин ли странник славы или наказания, но лишь высший Судия знает сие.

Вот почему, если она женщина, получив милосердные наставления и надлежащие предупреждения от законного судьи, не желает по доброй воле возвратиться в единое лоно католической веры и, согласно решению означенного судьи, всенародно отречься от своего заблуждения и понести надлежащую кару, следует предоставить ее светскому суду, дабы она получила наказание по роду ее преступления⁷⁵.

После прочтения сих статей, богословских оценок и постановлений, наш сеньор Ректор открыто и громогласно спросил у почтенных Факультетов теологии и декретов, так ли именно оные Факультеты обсудили и вынесли заключения, оценки и постановления, как сие было зачитано по содержанию упомянутой тетради. Выслушав сие, Факультеты отвечали раздельно, то есть, Факультет теологии — устами упомянутого мэтра Жана де Труа, а Факультет декретов — устами преподобного мэтра Геру Буасселя, декана одного Факультета декретов⁷⁶; [они сообщили], что означенные постановления и богословские оценки действительно соответствовали тому, что было постановлено оными Факультетами.

Когда сие было сказано, наш сеньор Ректор сообщил и объявил, что Университет, как уже говорилось, недавно доверил сие дело, а также постановления и богословские оценки вышеуказанных статей, названным Факультетам теологии и декретов и что Университет признает, утвердит, и примет, как свои собственные, постановления и богословские оценки, вынесенные Факультетами теологии и декретов.

Высказав сие, фактически и по существу, наш сеньор Ректор представил все изложенное, высказанное и сообщенное в оной конгрегации, — как в целом, так и в частностях, — к обсуждению всеми присутствовавшими магистрами и докторами. Затем все Факультеты и Нации, дабы посоветоваться как о том, что было сказано, так и о многих других сложных делах, касающихся одного Университета, разошлись по тем уединенным местам, где до сей поры они обыкновенно собирались по наиболее сложным вопросам и делам, и провели там, как обычно, свои заседания. После долгих и обстоятельных совещаний, проведенных оными Факультетами и Нациями, постановления каждого из них были оглашены и повторены на общем собрании, как велит обычай. Наконец, Университет, устами нашего сеньора Ректора, в силу согласованного постановления всех Факультетов и Наций, заключил, что признает, утвердит и примет, как свои собственные, постановления и богословские оценки, вынесенные, как указано выше, Факультетами теологии и декретов. Достойные и преподобные особы — мэтр Жан Бопер, Жак Ле Тессье и Никола Миди, профессора священной теологии, — все вместе и каждый из них [в отдельности], — попросили, чтобы мы, нижеподписавшиеся публичные нотариусы, составили и вручили им одну или несколько публичных грамот обо всем вышесказанном.

Писано в Париже, в вышеуказанном месте, в означенные год, индикт, дни и месяц, в присутствии почтенных и достойных сеньоров и магистров, а именно: по означенным актам от 29 апреля — [в присутствии] Пьера Диерре, профессо-

ра священной теологии; Геру Буасселя, доктора декретов; Анри Тибу, магистра искусств и медицины, Жана Барре, Герольфа де Олля и Ришара Абессора — магистров искусств; Жана Вашре, главного смотрителя (bèdeau) при почтенном Факультете теологии, и Боэмона де Лютра (Lutrea), главного смотрителя при почтенной французской Нации; и по прочим речам и деяниям от 14 мая — [в присутствии] Жана Соке, Жана Гравтэна — профессоров теологии; названного Геру Буасселя; Симона де Ла Мара, магистра искусств и медицины; Андре Пеле, Гийома Этошара, Жака Нуриссёра (Nutritoris), Жана Трофара и Мартэна де Береша — магистров искусств, при большом скоплении прочих докторов и магистров каждого из Факультетов, равно как и при означенных смотрителях Жане Вашре и Боэмоне де Лютре, особо для того вызванных и затребованных.

[Подписано:] Я, Жан Бурийе, прозванный Французом, священник, магистр искусств, лицензиат декретов, бакалавр теологии и публичный апостолический и имперский нотариус, [присутствовал] при всем вышеуказанном, когда, как сказано выше, сие было оглашено и изложено в оных конгрегациях Университета, представлено к его обсуждению и им обсуждено и постановлено, вместе с почтенной особой, мэтром Мишелем Эбером, клириком Руанского диоцеза, магистром искусств, писцом апостолическим и имперским, а также матери нашей, Парижского Университета, публичным нотариусом, и с записанными выше свидетелями; и я видел и слышал, как сие свершалось. Вот почему под данной грамотой, коя была при том составлена и в точности записана рукой другого [писца], я, согласно вызову и требованию, поставил свою обычную роспись и собственноручно здесь подписался в удостоверение и освидетельствование истины. Ж.Бурийе⁷⁷.

И я, Мишель Эбер, клирик Руанского диоцеза, магистр искусств, писарь апостолический и имперский, матери нашей, Парижского Университета, нотариус, присутствовавший при всем вышеозначенном, когда сие было оглашено и изложено в оном Университете, а также представлено к его обсуждению и им обсуждено и постановлено, — я, вместе с преподобным отцом, мэтром Жаном Бурийе, прозванным Французом, публичным нотариусом, и с записанными выше свидетелями, при сем присутствовал, видел и слышал, как сие совершалось. Вот почему под составленной при том грамотой, коя была написана мною собственноручно, я, согласно вызову и требованию, поставил свою обычную роспись и подписался в удостоверение и свидетельство истинности предшествующего. Эбер».

Заключения докторов и магистров, находившихся тогда в Руане

Затем присутствующий тогда мэтр Рауль Руссель (118), казначей и каноник Руанской церкви, доктор обоих прав, постановил, что дело было открыто и торжественно рассмотрено и что теперь осталось вынести заключение и завершить процесс в присутствии сторон; и если она Жанна не возвратится на путь истины и спасения, ее следует считать еретичкой. И он согласен в том с решением Парижского Университета.

Мэтр Никола де Вандре (127), лицензиат канонического права, архидиакон Э и каноник Руанской церкви, постановил, как мэтр Рауль Руссель, добавив, что можно придти к заключению и вынести приговор в тот же день и предать [Жанну] светскому суду.

Преподобный отец во Христе, монсеньер Жилль, аббат св. Троицы в Фекане (38), доктор священной теологии, постановил, что в установленный день обвинителя надлежит спросить, желает ли он сказать [что-либо] иное, — и она Жанна сможет тогда получить увещание; по совершении сего, если она не пожелает отречься и возвратиться на путь истины, ее должно считать еретичкой; [тогда] вынесут приговор и предадут [Жанну] светскому суду.

Мэтр Жан Шатийон (21), доктор священной теологии, архидиакон Эврё, заключил, что те, кто не высказался безоговорочно, обязаны вынести постановление сообразно решению Парижского Университета⁷⁸. А что до него самого, то он согласен в том с решением означенного Университета. В остальном же [он высказывает мнение], как монсеньер Фекал.

Преподобный отец во Христе, монсеньер Гийом, аббат Кормея (10), доктор декретов, постановил сообразно решению Парижского Университета.

Мэтр Андре Маргери (97), лицензиат законов и бакалавр декретов, архидиакон Пти-Ко и каноник Руанской церкви, принимая во внимание увещания, сделанные названной Жанне, согласен с постановлением Парижского Университета. Что же до процесса, — он говорит, что можно единожды и сообщая завершить дело и вынести приговор.

Мэтр Эрап Эмангар (41), доктор священной теологии, постановил, что оную Жанну следует увещивать и далее, и если по совершении сего она не возвратится на путь истины, он согласится с решением Факультета священной теологии Парижского Университета.

Мэтр Гийом Ле Буше (72), доктор священной теологии, придерживается заключения, вынесенного им недавно, 9 апреля, вместе с другими докторами и бакалаврами, добавляя, что Жанна вновь должна быть милостиво увещана и ее следует ознакомить с постановлением Парижского Университета; по совершении сего, если она не пожелает подчиниться, надлежит продолжить процесс. И он согласен с постановлением названного Парижского Университета.

Монсеньер Пьер, приор Лонгвилля (103), доктор священной теологии, постановил, как мэтр Гийом Ле Буше.

Мэтр Жан Пэншон (114), лицензиат канонического права, архидиакон Жуи и каноник Парижской церкви, согласен с постановлением мэтра Гийома Ле Буше.

Мэтр Пакье де Во (126), доктор декретов, каноник церквей Парижа и Руана, постановил сообразно решению Парижского Университета.

Мэтр Жан Бопер (8), доктор священной теологии, каноник церквей Руана и Безансона, постановил согласно решению Парижского Университета и полагается на нас, судей, относительно дальнейшего порядка судопроизводства.

Мэтр Дени Гастинель (53), лицензиат обоих прав, каноник Руана, сказал, что если Жанна, будучи увещана, не покорится, он присоединится к постановлению означенного Парижского Университета.

Мэтр Никола Миди (102), доктор священной теологии, каноник Руанской церкви, постановил, что в один и тот же день можно завершить дело и вынести

приговор; в остальном он полагается на то, что сам высказал недавно, минувшего 9 апреля, вместе с другими докторами и бакалаврами.

Мэтр Морис дю Кенэ (37), доктор священной теологии, постановил, что Жанна вновь должна быть милостиво увещана; и если она не покорится, то он присоединится к постановлению Факультета теологии Парижского Университета.

Мэтр Пьер Удан (62), доктор священной теологии, постановил, что во спасение ее души и тела, Жанна должна быть милостиво увещана, прежде чем монсеньеры судьи придут к заключению. И по совершении оных увещаний, если она не вернется в единое лоно Церкви, она выкажет себя закоренелой еретичкой; а относительно заключения, кое надлежит вынести, он полагается на нас, судей.

Мэтр Жан Ле Февр (77), доктор священной теологии, придерживается своего прежнего постановления, вынесенного им недавно, 9 апреля, вместе с иными докторами и магистрами, а также постановления Факультета теологии Парижского Университета, добавляя, что она Жанна должна быть еще раз милостиво увещана, и [для того] ей надлежит назначить день. Святой отец, Мартэн Ладвеню (69), придерживается постановления названного мэтра Жана Ле Февра.

[А : Святой отец, мэтр Тома Амурэ постановил как названный мэтр Жан Ле Февр⁷⁹].

Почтенные и достойные доверия особы, адвокаты архиепископской курии Руана, из коих одни являются лиценциатами обоих прав, другие — канонического права, иные же — гражданского права, а именно: мэтр Гийом де Ливэ (91), Пьер Каррэ (14), Геру Потель (115), Жоффруа дю Кротэ (35), Ришар де Со (31), Бюро де Кормей (25), Жан Ле Ду (75), Обер Морель (107), Жан Дюшмэн (33), Лоран дю Бюск (32), Жан Коломбель (23), Рауль Анги (4) и Жан Ле Тавернье (89), постановили, что если она Жанна, будучи увещана о возвращении на путь истины и спасения и о подчинении Церкви, не пожелает покориться, следует продолжить процесс согласно постановлению Факультета декретов Парижского Университета, к коему постановлению присоединяются тринадцать означенных адвокатов.

Преподобный и святой отец во Христе, монсеньер Гийом, аббат монастыря Мортемер (60), профессор священной теологии, постановил, что она Жанна вновь должна быть милостиво увещана, и если она не пожелает покориться, то следует продолжить процесс; и он согласен с постановлением Факультета теологии Парижского Университета.

Святой отец, мэтр Жак Гедон (58), профессор священной теологии, постановил так же, как монсеньер аббат Мортемер.

Святой отец, мэтр Жак Фушье (49), доктор священной теологии, постановил так же, как означенный монсеньер аббат Мортемер.

Мэтр Жан Можье (99), лицензиат канонического права, каноник Руанской церкви, постановил, что Жанна должна быть еще раз милостиво увещана, и если она не пожелает покориться, то следует продолжить процесс.

Мэтр Никола Купкен (26), каноник Руанской церкви, бакалавр теологии, постановил согласно решению Парижского Университета.

Мэтр Рауль Ле Соваж (88), бакалавр священной теологии, придерживается своего первого постановления, каковое он, согласно собственноручно подписанной им грамоте, вынес недавно; он добавляет, что она Жанна должна быть вновь увещана наедине, а также открыто, пред народом; и если она не пожелает

возвратиться на путь истины и спасения, то он полагается на нас, судей, относительно дальнейшего порядка судопроизводства.

Мэтр Пьер Минье (105), бакалавр священной теологии, постановил сообразно заключению Парижского Университета.

Мэтр Ришар де Груше (56), бакалавр священной теологии, постановил, что Жанна должна быть еще раз милостиво увещана; и если, будучи увещана, она не покорится Церкви, то ее следует считать еретичкой.

Святой отец, брат Изамбар де Ла Пьер (70), придерживается своего постановления, вынесенного им недавно, 9 апреля, вместе с другими [докторами и магистрами]; он добавляет, что Жанна должна быть еще раз милостиво увещана и что если после увещания она не пожелает покориться Церкви, то он полагается на нас, судей, относительно дальнейшего порядка ведения процесса.

Мэтр Пьер Морис (101), каноник Руанской церкви, доктор священной теологии, придерживается постановления, каковое предоставил недавно, 9 апреля, вместе с другими докторами; он добавляет, что Жанна должна быть еще раз увещана и что ей следует сообщить о каре, каковую она понесет, если не пожелает подчиниться и покориться Церкви; в сем случае, а именно, если она останется в неповиновении, следует продолжить процесс.

Мэтр Тома де Курселль (27), бакалавр священной теологии, каноник Ланской и Теруанской церквей, придерживается того, что он недавно, 9 апреля, постановил вместе с другими. В остальном же он постановил, как мэтр Пьер Морис, добавляя, что если она Жанна не пожелает подчиниться Церкви после [повторного] увещания, то ее должно будет считать еретичкой.

Мэтр Никола Луазелёр (92), каноник Шартрской и Руанской церквей, магистр искусств, постановил, как только что упомянутый мэтр Тома де Курселль.

Мэтр Жан Алепе (2), лицензиат законов, каноник Руанской церкви, постановил, что она Жанна должна быть милостиво увещана; если она станет упорствовать в своем непослушании, то следует завершить дело и вынести приговор.

Святой отец, мэтр Бертран дю Шен (34), доктор декретов, декан Лион-ан-Сантер, из клюнийского ордена, постановил сообразно мнению Факультета декретов Парижского Университета⁸⁰.

Мэтр Гийом Эрар (42), доктор священной теологии, ризничий и каноник Лангрской церкви, постановил, как досточтимый капитул Руанской церкви и Парижский Университет.

Наконец, мы, означенные судьи, поблагодарили преподобных отцов, сеньоров и магистров за все сие, заключив, что мы еще раз увещаем оную Жанну, дабы она пожелала вернуться на путь истины и спасения души и тела, и затем, согласно их благому постановлению и мудрым советам, мы перейдем к следующему, завершив дело и назначив день для оглашения приговора.

Часть 4

ДАЛЬНЕЙШЕЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ПЕРВЫЙ ПРИГОВОР

Среда, 23 мая

Далее, в следующую за тем среду, 23 мая.

Когда мы, означенные судьи, заседали в трибунале, Жанна была приведена и предстала пред нами в палате Руанского замка, близ места своего заточения; [при сем] присутствовали преподобные отцы — монсеньеры епископы Теруанский (93) и Нуайонский (94), а также сеньоры и магистры Жан де Шатийон (21), архидиакон Эврё, Жан Бопер (8), Никола Миди (102), Гийом Эрап (42), Пьер Морис (101) — доктора священной теологии; Андре Маргери (97), лиценциат законов, и Никола де Вандре (127), лиценциат декретов, — архидиаконы и каноники Руанской церкви.

Мы велели изложить оной Жанне те пункты, по коим, согласно постановлению Факультетов теологии и декретов Парижского Университета, она впала в ошибку и заблуждение, а также [указали ей на] нарушения, преступления и заблуждения, кои, согласно тому же постановлению, были выявлены по каждому пункту. Мы велели обратиться к ней с увещанием, дабы она пожелала отступить от оных нарушений и заблуждений, исправиться и образумиться, а также подчиниться исправлению и суду нашей святой Церкви, — о чем более подробно сказано в приведенной ниже грамоте, изложенной тогда оной Жанне по-французски мэтром Пьером Морисом (101), каноником Руанской церкви, преславным доктором священной теологии.

2-е увещание (грамота Пьера Мориса)

Следует содержание сей грамоты

I

Во-первых, Жанна, ты сказала, что с той поры, когда тебе исполнилось 13 лет или около того, ты удостоилась откровений и явлений ангелов и святых Екатерины и Маргариты, коих ты постоянно видела своими телесными очами; они говорили с тобой; они часто с тобой говорят и сказали тебе многое, о чем полнее сообщается в записях твоего процесса.

Но по сему пункту надо сказать, что клирики Парижского Университета, а также и другие [ученые лица] рассмотрели род сих откровений и явлений, — их цель, суть, [а также] происхождение особы, [коей они предназначались], — и рассмотрев все, что следовало, они сказали, что либо речь идет о лживых, тлетворных и пагубных выдумках, либо же подобные откровения и явления являются колдовством и исходят от духов злых и дьявольских.

II

Далее, ты сказала, что твоему королю был знак, благодаря коему он узнал, что ты послана Богом, а именно, благодаря тому, что святой Михаил, в окружении множества ангелов, из коих одни были с крыльями, а другие — с коронами, и меж коими находились святые Екатерина и Маргарита, пришел к тебе в город Шато-Шинон, и там все вместе с тобой направились по лестнице замка в покои твоего короля, пред коим склонился ангел, несший корону. А однажды ты сказала, что когда твоему королю был сей знак, он был в одиночестве; в другой же раз ты сказала, что названная корона, каковую ты зовешь знаком, была вручена архиепископу Реймскому, каковой вручил ее твоему королю в присутствии многочисленных принцев и сеньоров, коих ты перечислила.

По сему пункту клирики говорят, что сие не является правдоподобным, но представляет собой самонадеянную, тлетворную, пагубную ложь, вымысел и посягательство на чин ангельский.

III

Далее, ты сказала, что узнаешь ангелов и святых по благому совету, укреплению и наставлению, кои они тебе даровали, и потому, что они называли себя тебе и приветствовали тебя; кроме того, ты веришь столь же крепко, сколь и в исповедание Христово, в то, что тебе являлся именно святой Михаил и что его деяния и речи — благи.

По сему пункту клирики говорят, что сих знаков не достаточно для того, чтобы распознать оных ангелов и святых, и что ты выказала безрассудное легковерие и сделала необдуманные заявления; и кроме того, в отношении сравнения, кое ты приводишь, а именно, о веровании столь же крепком, etc., — ты заблуждаешься в вероисповедальных вопросах.

IV

Далее, ты сказала, что пребываешь в уверенности относительно любого из грядущих событий, а также их вероятного хода, и что ты распознавала сокрытые

вещи; ты также узнала людей, коих никогда прежде не видела, и сие — от голосов святых Екатерины и Маргариты.

По сему пункту клирики говорят, что в сих утверждениях содержатся суеверие, прорицательство, самонадеянность и пустое тщеславие.

V

Далее, ты сказала, что по велению Бога и ему в угоду носила и постоянно носишь мужское платье; и поскольку тебе было повеление Божье носить сие платье, ты надела короткую тунику, пурпуэн, шоссy, скрепленные множеством шнурков; ты носишь также волосы, остриженные в кружок над ушами, не оставляя на себе ничего, что подтверждает и обозначает женский пол, за исключением того, чем тебя наделила природа; и ты часто получала в сем платье таинство евхаристии; и хотя тебя многократно предупреждали, чтобы ты его оставила, тем не менее, ты не пожелала сего сделать, говоря, что предпочтешь скорее умереть, чем оставить сие платье, если только на то не будет веления Божьего; и что если бы ты все еще пребывала в сем платье среди других своих сторонников, — сие было бы одним из величайших благ для Франции. Ты говоришь также, что ни за что не принесешь клятву не носить более сего платья и оружия; и обо всем том ты говоришь, что поступила хорошо и по велению Божьему.

По сему пункту клирики говорят, что ты хулишь и отвергаешься Бога в его таинствах; ты нарушаешь божественный закон, Святое Писание и законы канонические; ты неверно мыслишь и заблуждаешься в исповедальных вопросах; ты похваляешься всуе и подозреваешься в идолопоклонстве, а также в том, что посвятила себя саму и свои одежды [дьяволу], в подражание язычникам.

VI

Далее, ты сказала, что часто ставила в посланиях имена ИИСУС МАРИЯ и крест, — в знак того, чтобы те, кому ты писала, не совершали бы указанного в послании. В других же посланиях ты похвалялась, что велишь перебить всех, кто не покорится, и что [таким образом] наверняка увидят, у кого высшее право от Бога небесного; и часто ты говорила, будто не совершила ничего иначе, как по велению Божьему.

По сему пункту клирики говорят, что ты злодейка, мошенница, мятежница, жестоко алчущая крови людской, подстрекающая к тирании, приписывающая Богу дурные повеления и откровения.

VII

Далее, ты сказала, что из-за своих голосов, кои были тебе в 17 лет, ты против воли родителей, оттого чуть не лишившихся рассудка, покинула отчий дом; ты пошла к Роберу де Бодрикуру, каковой, по твоему настоянию, дал тебе мужское платье и меч, а также неких людей, дабы они проводили тебя к твоему королю; и когда ты явилась к оному [королю], ты сказала ему, что пришла сокрушить его противников; ты пообещала ему, что утвердишь его в великом господстве, что он одержит победу над своими противниками и что Бог послал тебя ради сего. Ты говоришь также, что поступила тогда хорошо, повинуюсь Богу и по откровению.

По сему пункту клирики говорят, что ты была нечестива по отношению к своим родителям; ты нарушила завет Божий о почитании родителей, ты смутянка, богохульница, заблуждающаяся в вероисповедальных вопросах, и ты дала дерзостное и безрассудное обещание.

VII

Далее, ты сказала, что совершенно добровольно прыгнула с башни Бореуар, предпочтя скорее умереть, чем быть преданной в руки англичан и пережить разгром Компьени; и хотя святые Екатерина и Маргарита запретили тебе прыгать, ты, однако, не смогла сдержаться; и хотя в сем заключался также и великий грех оскорбления сих святых, ты, однако, узнала от голосов, что Бог тебе его отпустил, после того как в том исповедалась.

По сему пункту клирики говорят, что сие было малодушием, ведущим к отчаянию, то есть к самоубийству; ты также высказала дерзостное и безрассудное утверждение об отпущении твоего греха, кое, как ты полагаешь, было тобою получено, и ты неверно судишь о свободе человеческой воли.

IX

Далее, ты сказала, что святые Екатерина и Маргарита пообещали препроводить тебя в рай, если только ты сохранишь свою девственность, каковую ты им обетовала и пообещала; и в том ты так же уверена, как если бы уже пребывала во славе блаженных; ты не считаешь, что совершила какой-либо смертный грех и тебе кажется, что если бы ты пребывала в смертном грехе, то святые не посещали бы тебя ежедневно, как они делают [ныне].

По сему пункту клирики говорят, что сим ты высказала утверждение дерзостное и безрассудное, а также пагубную ложь. Сие противоречит тому, что ты говорила ранее. Кроме того, ты неверно мыслишь о католической вере.

X

Далее, ты сказала, будто хорошо знаешь, что Бог любит неких ныне здравствующих людей более, чем тебя саму, и что ты узнала сие из откровения от святых Екатерины и Маргариты; а равно, что сии святые говорят по-французски, а не по-английски, поскольку они не на стороне англичан; и с тех пор, как ты узнала, что голоса держат сторону твоего короля, ты не любила бургиньонов.

По сему пункту клирики говорят, что речь идет об утверждении безрассудном и дерзостном, о суеверном прорицательстве, кощунстве по отношению к святым Екатерине и Маргарите, а также о нарушении заповеди любви к ближнему.

XI

Далее, ты сказала, что много раз выказывала благоговение тем, кого зовешь святым Михаилом, святыми Екатериной и Маргаритой, преклоняя колени, снимая головной убор, целуя землю, по коей они ступали и обетую им свою девственность, и что ты также целовала и обнимала оных святых и вызывала их; а равно, ты доверилась их указаниям с первого же дня, когда они пришли к тебе, и не спросила совета ни у кюре, ни у другого священника; и тем не менее,

вера твоя в то, что сии голоса исходят от Бога, столь же крепка, как вера в Христа и в то, что Господь Наш Иисус Христос пострадал [за нас]. Помимо того, ты сказала, что если какой-то злой дух явится тебе под видом святого Михаила, ты легко сумеешь его распознать и отличить. Ты сказала также, что по собственному почину поклялась не выдавать знака, данного твоему королю, и в конце добавила: если не будет на то веления Божьего.

По сему пункту клирики говорят, что ты, помыслив, будто [действительно] имеешь откровения и видения, — каковыми ты их описала и каковыми похвалялась, — являешься идолопоклонницей, вызывающей демонов и заблуждающейся в вероисповедальных вопросах; ты высказываешь безрассудные утверждения и принесла [ранее] недозволительную клятву.

XII

Далее, ты сказала, что если Церковь пожелает, чтобы ты совершила [нечто] противное повелению, кое, по твоим словам, тебе [дано] от Бога, — ты сего ни за что не сделаешь; и что ты хорошо знаешь, будто все рассматриваемое в ходе твоего процесса сделано по велению Божьему и тебе никак нельзя поступать иначе; и ты не желаешь положиться в сем ни на суд Церкви, пребывающей на земле, ни на суд кого-либо из людей, но лишь на суд одного Бога. Ты говоришь, кроме того, что давала сии ответы не самовольно, но по велению Божьему, несмотря на то, что догмат о Единой святой католической Церкви etc., был разъяснен тебе многократно и всякий христианин должен препоручить все свои речи и поступки [суду] воинствующей Церкви, особенно в вопросе об откровениях и тому подобных вещах.

По сему пункту клирики говорят, что ты являешься схизматичкой, неверно мыслящей в отношении единства и авторитета Церкви, отступницей от истинной веры и до сих пор упорствующей в своих заблуждениях.

Итак, после того, как сии утверждения были изложены и объявлены Жанне, вместе с богословскими оценками, кои дал им Парижский Университет, [Жанна] была предупреждена тем же доктором, также по-французски, что ей следует серьезно поразмыслить о своих речах и поступках и особенно по поводу последней статьи; и он говорил с нею таким образом:

«Жанна, дражайшая подруга, ныне, в завершение вашего процесса, настало время хорошенько взвесить то, что было сказано; ибо вы были четырехкратно увещаны, и вас вновь, с величайшим усердием, прилюдно увещают монсеньер епископ Бовеский, монсеньер викарий инквизитора и другие, посланные от их имени, доктора. Они увещают вас из почтения к Богу, во имя веры и закона Иисуса Христа, а также ради очищения совести, для умиротворения поднявшегося возмущения и во спасение вашей души и тела. Хотя в то же время вам было сообщено о великом вреде, каковой понесут ваша душа и тело, если вы не исправите и не измените к лучшему себя и свои речи, препоручая себя и доверяя деяния свои суду Церкви; вы, однако, до сих пор не пожелали о том и помыслить. И хотя собранными против вас уликами многие судьи могли бы уже удовлетвориться, означенные монсеньеры судьи, тем не менее, добиваясь спасения как души вашей, так и тела, отослали утверждения ваши Парижскому

Университету, — светочу всех наук и искоренителю заблуждений, — дабы он изучил их. По получении его заключений, монсеньеры судьи велели, с вышеупомянутой целью, провести для вас повторное увещание, обращая ваше внимание на вменяемые вам в вину заблуждения, возмутительные деяния и прочие нарушения и прося, побуждая и заклиная вас лоном (*entrailles*) Господа Нашего Иисуса Христа, пожелавшего претерпеть столь жестокую смерть во искупление рода человеческого, исправить свои речи и подчиниться суду Церкви, как следует и надлежит поступать всякому верующему. И сие [делается], дабы вы не допустили, чтобы вас отделили от Господа Иисуса Христа, сотворившего вас, и дабы вы причастились славы его; дабы вы отказались избрать путь вечного проклятия вместе с врагами Божьими, кои вседневно норовят смущать людей, принимая подчас облик Христа, ангела или святых, называясь и представляясь таковыми, — как о том вполне подробно сообщается в житиях Отцов [церкви] и в Писаниях. Вот почему не верьте в подобные явления; более того, отриньте всецело веру или представление, кои были у вас в отношении сего, и внемлите речам и мнениям Парижского Университета и других докторов, кои ведают законы Божьи и Священное Писание. Им кажется, что не следует верить ни оным видениям, ни каким-либо [иным] диковинным явлениям или новизне запретной, — разве что по авторитету Священного Писания или по достаточному знанию или чуду. У вас нет ни того, ни другого; но вы безрассудно поверили таким вещам, не обратившись ко Господу с благочестивым молением, дабы он заверил вас относительно того, и не обратились в дальнейшем к какому-либо прелату или иной ученой церковной особе, каковая могла бы вас просветить, а меж тем, вы должны были бы сие сделать, учитывая ваше положение и простоту вашего разумения.

И выслушайте пример: если бы король ваш своею властью доверил вам охрану некой крепости, наказав, чтобы вы не принимали никого, кто бы ни явился. И вот, некто скажет, что пришел по воле короля. Если только он не доставит грамот или иного верного знака, вы не должны будете ни верить ему, ни принимать его. Так, когда господь Наш Иисус Христос, возносясь на небо, доверил управление своей Церковью блаженному апостолу Петру и его преемникам, он запретил ей отныне принимать приходящих от Его имени, если сие не доказано ничем иным, кроме их собственных утверждений. Несомненно, вы не должны были бы верить тем, кто, по вашим словам, пришел именно так; и мы не должны верить в вас, поскольку Бог велит обратное¹.

Во-первых, Жанна, вы должны рассудить, что если во владениях вашего короля, когда вы там пребывали, появился бы некий рыцарь, или кто-либо иной, рожденный в его землях и ему подвластный, говоря: «Я не стану повиноваться королю и не подчинюсь ни ему, ни его служителям», — разве вы не сказали бы, что его следует осудить? Что же вы скажете о себе, рожденной, благодаря таинству крещения, в вере Христовой и сделанной дочерью Церкви и супругой Христа, если вы не повинуетесь служителям Христовым, то есть прелатам Церкви? Какое суждение вынесете вы о себе самой? Я молю вас, прекратите ваши речи, если вы любите Бога, создателя вашего, драгоценного вашего супруга, а также стремитесь к спасению вашему, и покоритесь Церкви, вверяя себя ее суду. Знайте, что если вы так не поступите и будете упорствовать в сем заблуждении,

душа ваша будет обречена на казнь вечную и вечные терзания; а что до тела, то я сильно опасаюсь, как бы дело не дошло до [его] гибели. Пусть вас не сдерживает страх перед людской молвой или пустой стыд, каковой, быть может, останавливает вас, поскольку прежде вы уже побывали у людей в великом почете и теперь боитесь его потерять, поступив, как я говорю. На деле же следует предпочесть славу Божью и спасение как тела вашего, так и души. И все сие погибнет, если вы не сделаете того, что я говорю, поскольку вы таким образом отделяете себя от Церкви и веры, каковую обетовали при святом крещении; вы отделяете власть Божью от Церкви, а ведь Церковь властью Божьей и духом его ведома, движима и управляема. Он даже сказал прелатам Церкви: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается»². Так, не желая подчиниться Церкви, вы, на самом деле, от нее отступаетесь; и не желая подчиниться ей, вы не подчиняетесь Богу и заблуждаетесь в отношении догмата о Единой святой Церкви, — той Церкви, о коей вам было недавно в достаточной мере разъяснено, [а именно,] что она такое и откуда берет свою власть.

Учитывая же сие, я, от лица ваших судей, монсеньера Бовеского и монсеньера викария инквизитора, из почтения к страстям Создателя вашего и стремясь ко спасению души вашей и тела, предостерегаю вас, молю и побуждаю исправиться и очиститься от всего вышеупомянутого и возвратиться на путь истины, покоряясь Церкви, препоручая себя ее суду и решению относительно вышеказанного. Поступая так, вы спасете душу свою и, как я думаю, избавите тело свое от смерти; но если вы того не сделаете и будете упорствовать, знайте, что ваша душа поглотится бездною (*s'englottira dans la damnation*); что же до уничтожения тела вашего, то я боюсь, что сие возможно. От чего Иисус Христос да благоволит вас уберечь».

После того, как она Жанна была таким образом увещана и выслушала сии поучения, она в ответ сказала так: «Что до моих речей и поступков, о коих я говорила в ходе процесса, я на них полагаюсь и на них настаиваю».

Далее, спрошенная, не считает ли она, что обязана препоручить свои речи и поступки воинствующей Церкви или кому-либо иному, помимо Бога, ответила: «Я желаю остаться с тем, что всегда говорила и чего придерживалась на процессе». Далее, она сказала, что если бы была уже приговорена к казни и увидела, что пламя зажжено, поленья приготовлены, а палач или тот, кто должен будет зажечь костер, готов сие сделать, и если б сама [уже] была в огне, — то и тогда не сказала бы ничего иного и отстаивала бы то, о чем сказала на процессе, до самой смерти.

Затем мы, означенные судьи, спросили у обвинителя и у оной женщины, желают ли они сказать что-либо еще. Они ответили, что им нечего более сказать. И мы приступили тогда к завершению дела, согласно тексту грамоты, каковую мы, названный епископ, держали в руках и содержание коей следует далее³:

«Итак, поскольку мы являемся правомочными в сем деле судьями, а также поскольку сие необходимо, мы полагаем и объявляем себя правомочными [судьями], так как вы, на наш взгляд, отказались [от всякого нового утверждения]. Мы завершаем сие дело. По завершении [прений], мы предписываем вам завтра выслушать, как будет оглашено веление права, а также наш приговор по данному делу. [И сие будет нами совершено], дабы продвинуться далее

и продолжить процесс, как того потребуют право и разум. При сем присутствовали: брат Изамбар де Ла Пьер (70), мессир Матье Ле Батёр, священники, и Луи Орсель⁴, — клирики Руанского, Лондонского и Нуайонского диоцезов и вызванные для того свидетели».

Четверг, 24 мая и первый приговор

Далее, в тот же год, в четверг после праздника Пятидесятницы, 24 мая,

Мы, означенные судьи, отправились с утра на площадь, что на кладбище аббатства Сент-Уэн, и оная Жанна находилась там, пред нами, на помосте, или амвоне. Прежде всего, мы велели преславному мэтру Гийому Эрау (42), доктору священной теологии, произнести торжественную проповедь во спасительное увещание оной Жанны, а также для всего народа, присутствовавшего там в великом множестве. При сем также присутствовали преподобнейший отец во Христе, Генрих, дозволением Божиим первосвященник святейшей римской Церкви, в сане кардинала Сент-Эвсебийского, прозванный в народе Кардиналом Англии (7); преподобные отцы во Христе, монсеньеры епископы Тербуанский (93), Нуайонский (94), Норвичский (3), монсеньеры аббаты св. Троицы в Фекане (38), св. Уэна в Руане (83), Жюмьежа (86), Бэн-Хеллоуина (52), Кормея (10), Мон-Сен-Мишеля (64), Мортимера (60), Прео (109); приоры Лонгвилль-Жиффара (103) и Сен-Ло в Руане (73); магистры Жан де Шатийон (21), Жан Бопер (8), Никола Миди (102), Морис дю Кенэ (37), Гийом Ле Буше (72), Жан Ле Февр (77), Пьер Удан (62), Пьер Морис (101), Жан Фушье (50); Уильям Хейтон (59), Никола Купкен (26), Тома де Курселль (27), Рауль Ле Соваж (88), Ришар де Груше (56), Пьер Минье (105), Жан Пигаш (113), бакалавры теологии; Рауль Руссель (118), доктор обоих прав, Жан Герэн (57), доктор канонического права; Никола де Вандре (127), Жан Пэншон (114), Жан Ле Ду (75), Робер Ле Барбье (71) — лиценциаты канонического права; Андре Маргери (97), Жан Алепе (2) — лиценциаты гражданского права; Обер Морель (107), Жан Коломбель (23), Жан Дюшмэн (33) — лиценциаты канонического права, и многие другие.

Оный доктор начал свою проповедь, выбрав темой слово Божье, записанное в гл. XV от Иоанна: «Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе»⁵. Затем он торжественно развил [сию мысль], говоря о том, что всем католикам надлежит пребывать на истинной лозе нашей святой матери Церкви, посаженной в землю десницей Христовой; он показал, что Жанна, по причине многочисленных заблуждений и преступлений, отделилась от единства оной святой матери Церкви и что она многократно смущала христианский люд; он увещал и побудил ее, а также весь народ, [примкнуть] к спасительным учениям.

По завершении сей проповеди, оный доктор обратил к Жанне такие слова: «Вот — монсеньеры судьи, кои много раз просили у вас и требовали препоручить все ваши речи и поступки [суду] нашей святой матери Церкви, объясняя вам и указывая, что в ваших речах и поступках имеется многое, что, по мнению судей, дурно и лживо».

На что Жанна сказала: «Я вам отвечу. Что касается подчинения Церкви, — я им по сему пункту ответила: пусть [показания] обо всем мною сказанном или совершенном отошлют в Рим, нашему сеньору Суверенному Понтифику, на которого, как и на Бога, я прежде всего полагаюсь. А что до моих слов и деяний, — я все совершила от Бога».

Далее она сказала, что ответственность за свои поступки и слова не возлагает ни на кого другого — ни на короля, ни на прочих; и если есть [на ней] какая-то вина, то сие — [вина] ее собственная, а не кого-то другого.

Спрошенная, желает ли она отречься от всех своих речей и поступков, кои были осуждены клириками, ответила: «Я уповаю на Бога и нашего сеньора папу».

И ей было сказано, что сего недостаточно⁶ и что папа слишком далеко, чтобы за ним идти; а также, что церковные чины (*ordinaires*) являются законными судьями, каждый в своем диоцезе, и, таким образом, необходимо, чтобы она уповала на нашу святую мать Церковь и согласилась с тем, что говорят клирики и опытные в сих вещах люди, а также с тем, что они постановили в отношении ее речей и поступков.

И о том она была увещана нами не менее трех раз.

Затем, поскольку она женщина не желала сказать ничего иного, мы, означенный епископ, приступили к оглашению нашего окончательного приговора⁷. Когда мы прочли основную его часть, она Жанна заговорила и сказала, что желает последовать всему, что прикажет Церковь, и что мы, судьи, пожелаем сказать и установить, говоря, что во всем покорится нашему повелению. И она многократно повторила, что поскольку, по словам служителей церкви, явления и откровения, каковые, по ее утверждениям, она имела, не следует отстаивать и каковым не стоит верить, она не желает их отстаивать, но во всем уповает на нашу святую мать Церковь и на нас, судей.

Тогда, в присутствии и на виду у многочисленного скопления духовенства и народа, она произнесла и огласила свое отречение, согласно грамоте, прочитанной ей и составленной по-французски. Содержание сей грамоты, каковую она сама огласила и подписала, следует ниже.

Отречение Жанны⁸

«Всякий, кто впал в заблуждение и ошибку по вопросам христианской веры, а затем, милостью Божьей, вернулся к свету истины и воссоединился с нашей святой матерью Церковью, должен величайше остерегаться, как бы враг адский снова не увлек его к заблуждению и не обрек на проклятье.

По сей причине я, Жанна, прозванная в народе Девницей, ничтожная грешница, познав глубину заблуждений, в коих пребывала, и, милостью Божьей, вновь обратившись к нашей святой матери Церкви, дабы видели, что не из притворства, но от чистого сердца и добровольно я к ней обратилась, признаю, что тяжко согрешила, ибо лживо притворялась, будто имею откровения и явления от Бога, ангелов и святой Екатерины и святой Маргариты. Я также соблазняла других [людей], выказывая безрассудное легкоеверие, и творила суеверные

прорицательства, кощунствуя в отношении Бога и его святых, преступая божественный закон, Священное Писание и каноническое право, вопреки естественной скромности нося распутное, постыдное и непристойное платье и волосы, остриженные в кружок на мужской лад, а также, по великой надменности и вопреки всякому женскому приличию, носила оружие, жестоко алча пролития крови людской. Я говорила, что совершила все сие по велению Бога, вышеназванных ангелов и святых и что совершив сие, я поступила хорошо и вовсе не оступилась, отвергаясь Бога и его таинств, разжигая соблазны, предаваясь идолопоклонству, поклоняясь злым духам и их вызывая.

Признаюсь также, что я была схизматичкой и всячески заблуждалась в вопросах веры. От чистого сердца и без притворства, по милости Господа Нашего, вернувшись на путь истины, благодаря святому поучению и доброму совету как от вас, так и от посланных мне вами докторов и магистров, я проклиная и отвергаю сии преступления и заблуждения, полностью от них отрекаюсь, отказываюсь и отступаюсь.

И в отношении всего вышесказанного, я всецело уверяю себя исправлению, распоряжению, наставлению и решению нашей святой матери Церкви и вашего доброго правосудия. Я также даю обет, клянусь и обещаю монсеньеру святому Петру, князю апостолов, святому отцу нашему Римскому папе, его викарию, и его преемникам, а также вам, монсеньеры, — преподобный отец во Боге, монсеньер епископ Бовеский, и святой отец, брат Жан Ле Мэтр, викарий монсеньера инквизитора по делам веры, — мои судьи, — что ни по чьему-либо побуждению, ни как-либо иначе я не вернусь более к оным заблуждениям, от коих Господу Нашему угодно было меня освободить и избавить; но я всегда пребуду в единении с нашей святой матерью Церковью и в покорности нашему святому отцу Римскому папе. И сие я говорю, утверждаю и в сем клянусь Богом всемогущим и сим святым Евангелием.

И в ознаменование сего я собственноручно подписала сию грамоту.

Подписано: Жанна +»⁹.

Далее следует содержание одного отречения, составленного на латыни

«Всякий раз, когда око духа человеческого, по наущению божественного милосердия¹⁰, возвращается из глубокой пучины заблуждений к чистому свету истины, следует с особой предусмотрительностью позаботиться о том, чтобы виновник заблуждения не бросился на тех, кто вернулся в единое лоно нашей святой матери Церкви, и не вверг их снова в прежнее нечестие.

Вот почему я, Жанна, прозванная в народе Девницей, ничтожная грешница, познав глубину заблуждений, в коих пребывала, словно бы в темнице и в оковах, и, милостью Божьей, вновь вернувшись в единое лоно нашей святой матери Церкви, дабы видели, что не из притворства, но от чистого сердца и добровольно я к ней обратилась, признаю, что тяжко согрешила, ибо лживо притворялась, будто имею откровения и явления от Бога, ангелов и святой Екатерины и святой Маргариты, а также соблазняла других [людей], выдавая

безрассудное легковерие, и творила суеверные прорицательства, кощунствуя в отношении Бога и его святых, преступая божественный закон, Священное Писание и каноническое право, вопреки естественной скромности носила распутное, постыдное и непристойное платье и волосы, остриженные в кружок на мужской лад, а также, по великой надменности и вопреки всякому женскому приличию, носила оружие, жестоко алча пролития крови людской. Я говорила, что совершила все сие по велению Бога, вышеназванных ангелов и святых и что, совершив сие, я поступила хорошо и вовсе не оступилась, отвергаясь Бога и его таинств, разжигая соблазны и предаваясь идолопоклонству, поклоняясь злым духам и их вызывая, а также впадая во грех схизмы и многочисленные заблуждения в вопросах веры.

С праведным сердцем, чистой душевной и верой непритворной, будучи, по милости Господней, наставлена на путь истины святым поучением и советом докторов и магистров, посланных ко мне по вашему приказу, я проклинаю, отвергаю все сии преступления, отрекаюсь и отступаю от них.

И в отношении сказанного я всецело веряю себя распоряжению, исправлению, наставлению и решению нашей святой матери Церкви и вашего правосудия. И я обещую, клянусь, обязуюсь и обещаю блаженному Петру, князю апостолов, и нашему святому отцу, нынешнему папе, а также его викарию, преемникам и вам, преподобный отец во Христе, монсеньер Пьер, епископ Бовеский, и святой отец, мэтр Жан Ле Мэтр, викарий монсеньера инквизитора по делам ереси, — моим судьям, — что никогда ни по чьему-либо совету, ни как-либо иначе не вернусь к сим вещам, от коих, по милости Икупителя нашего, меня освобождающей, я была избавлена, но всегда буду пребывать в лоне католической Церкви и общине римского понтифика.

И сие я утверждаю [клянясь] Богом всемогущим и сим святым Божиим Евангелием».

Наконец, после того как судьи получили ее отречение, о чем говорилось выше, мы, означенный епископ, огласили наш окончательный приговор такими словами:

Приговор по отречении

«Во имя Господа, аминь.

Все пастыри Церкви, кои горячо желают проявить честное радение о стаде Господнем, должны с еще большей бдительностью и упорством стараться всячески противостоять опасностям, чинимым коварным источником заблуждений, коль скоро он стремится многочисленными уловками и злобными обманами испортить овец Христовых, особенно в сие опасное время, когда, по пророчеству приговора апостольского, многие лжепророки, несущие пагубные и ложные учения, приидут в мир¹¹. Они своими многоликими и чуждыми истинами могли бы отвратить верующих от Христа, если бы наша святая мать Церковь, опираясь на непорочное учение и законы канонические, не старалась с усерднейшим радением отринуть их порочные измышления.

Вот почему ты, Жанна, прозванная в народе Девницей, была за премногочисленные опасные преступления вызвана в суд для процесса по делам веры и [предстала] пред нами, законными в сем деле судьями, — Пьером, милостью Божьей епископом Бовеским, и братом Жаном Ле Мэтром, каковой является в сем городе и диоцезе викарием преславного доктора, мэтра Жана Граврана, инквизитора по делам ереси в королевстве Французском, и направлен им особо для сего дела. Из чего следует, что рассмотрев и тщательно изучив твой процесс в целом и все, что было в ходе него записано, а особенно данные тобою ответы, признания и показания; и учитывая превосходное (*trés insigne*) решение магистров Факультетов теологии и декретов Парижского Университета, и сверх того, — всего Университета в целом, а также [богословские оценки и постановления], вынесенные многочисленными прелатами, докторами и знатоками как теологии, так и канонического и гражданского права в сем городе Руане и в других местах, в отношении твоих показаний, речей и поступков, мы вынесли вердикт.

Проведя совещание и тщательно обсудив, рассмотрев и изучив с деятельными ревнителями христианской веры то, что в сих пунктах по праву заслуживает рассмотрения и изучения и что можем и должны принять к сведению как мы сами, так и всякий, кто судит по справедливости, [мы постановляем следующее]:

Имея пред взором своим Христа и славу истинной веры, дабы суд наш исходил от лица Господа, мы говорим и постановляем, что ты совершила весьма тяжкое преступление, ибо лживо измышляла откровения и божественные явления, соблазняла ближнего [своего], предавшись безрассудному легковерию, суеверным прорицательствам, хулению Бога и святых, а также преступала закон, Священное Писание и установления канонические, отвергаясь Бога в его таинствах, разжигая соблазны, отступаясь от веры, впадая во грех схизмы и постоянно заблуждаясь по вопросам веры.

Но поскольку ты, после весьма частых милостивых увещаний и долгих отлагательств, возвратилась наконец, с помощью Божьей, в единое лоно нашей святой матери Церкви и собственными устами, с сердцем покаянным и верой, как мы думаем, непритворной, отказалась от своих заблуждений, кои были осуждены в прилюдной проповеди и от коих, как и от прочей ереси, ты сама громогласно, в согласии с церковными законами, отреклась, мы освобождаем тебя данной грамотой от пут отлучения, кои тебя стесняли, — [однако, лишь] если ты действительно возвращаешься к Церкви с праведным сердцем и верой непритворной и будешь блюсти то, что мы тебе предписали и предпишем.

Однако, поскольку ты, как было сказано, совершила дерзостное преступление против Бога и святой Церкви, мы окончательно приговариваем тебя нести спасительное покаяние в вечном заточении, на хлебе страдания и воде скорби, дабы ты оплакала совершенное тобой и впредь не совершала ничего, что следовало бы оплакать¹²; при сем мы оставляем за собой [право на] нашу милость и смягчение [приговора]».

В тот же четверг, после полудня

Далее, в тот же четверг, после полудня,

Мы, брат Жан Ле Мэтр (81), означенный викарий, в присутствии мессиров и магистров Никола Миди (102), Никола Луазелёра (92), Тома де Курселля (27) и брата Изамбара де Ла Пьера (70), вместе с некоторыми другими, направились в темницу, где находилась тогда Жанна. Мы, вместе с присутствовавшими, сообщили ей, что Бог явил ей в тот день великую милость, а также что служители Церкви обошлись с нею весьма милосердно, приняв ее, по милости и милосердию нашей святой матери Церкви; вот почему оной Жанне следует смиренно покориться и подчиниться приговору и повелению судей и служителей Церкви, а также полностью оставить свои заблуждения и прежние вымыслы и никоим образом к ним не возвращаться. Ей сообщили, что если она вернется к таковым [заблуждениям], Церковь более ее не примет, но покинет окончательно¹³. Кроме того, ей сказали оставить мужское платье и надеть женское, как было приказано Церковью.

Оная Жанна ответила, что охотно наденет сие женское платье и во всем подчинится и покорится служителям Церкви. И она надела предоставленное ей женское платье, тотчас же сняв мужское; сверх того, она пожелала и допустила, чтобы волосы, кои она носила остриженными в кружок, были обриты и удалены.

[Рецидив ереси¹]
[Окончательный приговор]

Понедельник, 28 мая

Далее, в следующий за тем понедельник, 28 мая, в день после Святой Троицы,

Мы, означенные судьи, явились в место заточения Жанны, дабы увидеть ее состояние и одеяние. При сем присутствовали сеньоры и магистры Никола де Вандре (127), Уильям Хейтон (59), Тома де Курселль (27), брат Изамбар де Ла Пьер (70), Жак Ле Камю (74), Николь Бергэн (9), Жюльен Флоке (49) и Джон Грей.

И поскольку она Жанна была переодета в мужское платье, то есть, в тунику, шапочку и пурпуэн и прочие одежды мужского обихода, хотя недавно она, по нашему приказанию, оставила сие платье и надела женское, мы спросили ее, когда и по какой причине она вновь надела мужское платье.

Жанна ответила, что надела сие мужское платье недавно, а женское — оставила.

Спрошенная, почему она надела сие мужское платье и кто вынудил ее надеть его, ответила, что надела его по собственной воле и никто ее не принуждал, и что она предпочитает сие платье женскому.

Ей сказали тогда, что она пообещала и поклялась не надевать вновь мужского платья.

Но она ответила, что никогда не подразумевала [под тем], что клянется не надевать вновь сего мужского платья.

Спрошенная далее, по какой причине она его надела, ответила, что сделала сие потому, что ей приличнее и дозволительнее быть в мужском платье, когда она среди мужчин, чем в женском. Далее она сказала, что надела его вновь, поскольку не было исполнено то, что ей пообещали, а именно: что она пойдет к мессе, получит тело Христово и с нее снимут железные оковы.

Спрошенная, отреклась ли она ранее и дала ли особое обещание не надевать вновь мужского платья, ответила, что скорее умрет, чем будет в железных оковах. Но если ей позволят пойти к мессе, снимут с нее железные оковы и предоставят щадящую тюрьму², — она будет послушной и сделает то, что пожелает Церковь.

Далее, поскольку мы, судьи, слышали от некоторых особ³, что она предалась тогда наваждениям своих мнимых откровений, от коих ранее отказалась,

мы спросили ее, слышала ли она с четверга голоса святых Екатерины и Маргариты.

Она ответила, что да.

Спрошенная: что они ей сказали, ответила, что Бог послал ей через святых Екатерину и Маргариту великое сожаление о сем неслыханном предательстве, каковое Жанна допустила, совершив отречение и отказавшись от своих слов, чтобы спасти себя, и что она прокляла себя ради спасения собственной жизни. Далее, по ее словам, голоса [еще] до четверга сказали ей, что она совершит и совершила в тот день. Кроме того, когда она была на помосте, или амвоне, перед народом, голоса, по ее словам, велели ей смело отвечать тому проповеднику, каковой тогда вещал. И Жанна говорила, что сие — лжепроповедник и что он сказал, будто она совершила многое, чего [на самом деле] не совершала. Далее, голоса сказали ей, уже после четверга, что она совершила великий проступок, признав, что ее прежние деяния были дурны. Далее, по ее словам, все, что она высказала и опровергла в тот четверг, было, по ее словам, сказано и опровергнуто ею лишь из страха перед огнем.

Спрошенная, верит ли она, что являвшиеся ей голоса суть святые Екатерина и Маргарита, ответила, что да и что они исходят от Бога⁴.

На вопрос и требование сказать правду по поводу короны, о коей упоминалось выше, ответила: «Обо всем на процессе я сказала вам так правдиво, как только смогла».

Ей напомнили тогда, что она, совершая отречение, на помосте, или амвоне, пред нами, судьями, и прочими, а также перед народом, сказала, что лживо похвалялась, будто сими голосами были святые Екатерина и Маргарита.

Она ответила, что не понимала, что поступает и говорит именно так.

Далее, она, по ее словам, не говорила и не понимала, что отрекается от своих явлений, то есть, от того, что сие были святые Екатерина и Маргарита; и все, что она совершила, она совершила из страха пред огнем, и она не отреклась ни от чего истинного. Далее она сказала, что предпочитает совершить свое покаяние единожды, то есть умерев, чем долее терпеть свое мучение в тюрьме. Далее она сказала, что никогда не совершала ничего противного Богу или вере, от чего могли бы ей приказать отречься; того же, что содержится в грамоте отречения, она не понимала. Далее она сказала, что не намерена от чего-либо отречься⁵, если только сие не угодно Богу. Далее она сказала, что если судьи того желают, она вновь наденет женское платье; в остальном же не сделает ничего иного.

Вслушав сие, мы удалились от нее, дабы продолжить процесс, согласно праву и разуму.

Вторник, 29 мая

Далее, на следующий день, то есть во вторник после Троицы, 29 мая,

Мы, означенные судьи, собрали в часовне архиепископского владения в Руане докторов и знатоков как теологии, так и канонического и гражданского права, а именно: преподобных отцов во Христе, монсеньеров аббатов св. Троицы в Фекане (38), св. Уэна в Руане (83), Мортимера (60); монсеньеров и магистров Пьера, приора Лонгвилль-Жиффара (103), Жана де Шатийона (21), Эрара Эмангара (41), Гийома Эрара (42), Гийома Ле Буше (72), Жана де Ниба (111), Жана Ле Февра (77), Жака Гедона (58), Пьера Мориса (101) — докторов священной теологии; Жана Герэна (57) и Пакье Ле Во (124) — докторов канонического права; Андре Маргери (97), Никола де Вандре (127) — архидиаконов Руанской церкви; Уильяма Хейтона (59), Никола Купкена (26), Гийома де Бодрибоска (6), Ришара де Груше (56), Тома де Курселля (27) — бакалавров священной теологии; Жана Пэншона (114), Жана Алепе (2), Дени Гастинеля (53), Жана Можье (99), Никола Кавалья (17), Никола Луазелёра (92), Гийома Дежардэна (30) — каноников Руанской церкви, среди коих одни — магистры, другие — лиценциаты канонического права, иные — права гражданского, а прочие — медицины; Жана Тифэна (123), Гийома де Ла Шамбра (66), Гийома де Ливэ (91), Жоффруа дю Кротэ (35), Жана Ле Ду (75), Жана Коломбеля (23), Обера Мореля (107), Пьера Каррэ (14), из коих некоторые — лиценциаты канонического права, другие — гражданского, а прочие — магистры или лиценциаты медицины; Мартэна Ладвеню (69), брата Изамбара де Ла Пьера (70) и мессира Гийома дю Дезера (36) — каноников Руанской церкви⁶.

В их присутствии мы, означенный епископ, указали, что по окончании последнего открытого заседания, проведенного в оном же помещении в канун Пятидесятницы, мы, по их совету, велели увещать названную Жанну и изложить ей каждый из пунктов, по коим, как считалось, согласно постановлению Парижского Университета, она впала в заблуждение и обманывалась, и побудили ее от того отступить и возвратиться на путь истины. И поскольку она никак не соглашалась и не желала ничего добавить, а также поскольку обвинитель утверждал, что более не желает ничего добавить или выдвинуть против нее, мы звершили сие дело, назначив сторонам в следующий за тем четверг выслушать приговор, о чем подробнее говорилось выше.

Помимо сего, мы сообщили о том, что было сделано в тот четверг и о том, что Жанна, после торжественной проповеди и обращенных к ней увещаний, отказалась и отреклась от своих слов и заблуждений и собственноручно подписала отказ и отречение, о чем более подробно говорилось выше; [было сказано также], что в тот же четверг после обеда мы, викарий монсеньера инквизитора, и те, кто при том присутствовал, милостиво призвали [Жанну] укрепиться в своем благом намерении и остерегаться повторного падения. Тогда, покоряясь велениям Церкви, она Жанна оставила мужское платье и надела женское, о чем более подробно говорилось выше.

Но затем, по внушению дьявола, она поведала многим особам, что ее голоса и являвшиеся ей духи [действительно] к ней приходили и о многом ей поведали. Также, отвергнув женское платье, Жанна вновь надела мужское. И по-

скольку нам, судьям, было о том сообщено, мы возвратились к ней и допросили ее, как было сказано ранее.

Вторник, 29 мая

В год Господень 1431⁷, во вторник после праздника Троицы Господней, 29 мая, на торжественном собрании, созванном в часовне архиепископского владения в Руане, пред означенными монсеньерами судьями, монсеньер епископ сообщил, во-первых, что накануне Пятидесятницы Господней оные сеньоры собрались в сей часовне и там было оглашено постановление Парижского Университета, матери нашей кормящей, и прежде всего, [постановление] Факультетов теологии и декретов. Были также объявлены [итоги] голосования, а именно, [решение о том,] чтобы завершили дело и переходили к дальнейшему. Несколькими преславными докторами было также сказано, что хотя недавно, на другом торжественном собрании, оная Жанна была наставлена и предупреждена, им все-таки кажется уместным, чтобы ее еще раз увещали сообразно постановлению Парижского Университета. Так и было сделано. Все богословские оценки и соображения, кои могут относиться к делу, были изложены и сообщены сей женщине устами мэтра Пьера Мориса и некоторыми другими заседателями, в присутствии монсеньеров Теруанского и Нуайонского. И несмотря на сии увещания, она по-прежнему упорствовала в своем достойном порицания намерении⁸. Таким образом, дело было завершено и, по его завершении, минувший четверг был назначен для оглашения того, что велит право, или для вынесения приговора в законной форме; и сей приговор был составлен сообразно постановлению нашей матери кормящей и означенных монсеньеров и заседателей. Была также изготовлена и составлена некая [особая] форма приговора, на всякий случай, если сия женщина откажется [от своих заблуждений].

И в четверг, на кладбище Сент-Уэн была произнесена торжественная проповедь и, по произнесении проповеди, [Жанну] увещали покориться тому, что гласит Церковь. И так как она не желала покориться, то приступили к чтению приговора; однако до окончания чтения она попросила слова и подчинилась Церкви и судьям и, согласно содержанию зачитанной ей грамоты, собственными устами отказалась и отреклась от своих заблуждений, как сообщается в оной грамоте, подписанной рукой Жанны. И в тот же день ей было дано отпущение⁹, с условием, что она поступает так с покаянным сердцем и верой непритворной, и ей было назначено покаяние. Далее, в то же место [ее заточения] явились монсеньер викарий и многие именитые доктора с наставлением о том, что ей следует покориться велениям Церкви, и они склонили ее вновь надеть женское платье и оставить мужское; и она надела сие женское платье, оставив прежнее.

Но по внушению дьявола, следующей ночью и [затем] в течение нескольких дней, она говорила некоторым людям, что ее духи и голоса приходили к ней и о многом ей поведали; а также, будучи недовольна женским платьем, она, как

только смогла заполучить и надеть мужское, тотчас его надела. Вчера же, прослышав о гневном ропоте, каковой по сему поводу разносился, монсеньеры судьи явились к ней и застали ее в мужском платье; они сделали то, о чем говорится в грамоте, и она грамота была зачитана нотариусами, вместе с грамотой об отречении. По прочтении сих бумаг, монсеньеры судьи испросили у монсеньеров заседателей их заключение.

Тогда же пред оными сеньорами и означенными магистрами, в часовне архиепископского дома, мы велели зачитать признания и показания оной Жанны, высказанные пред нами совсем недавно, то есть вчера, в том виде, как они записаны выше, спрашивая у присутствовавших их мнения и заключения. Они высказались таким образом¹⁰:

Мэтр Никола де Вандре (127), лицензиат канонического права, архидиакон Э и каноник Руанской церкви, постановил, что Жанна должна быть признана и является еретичкой; и как только нами, означенными судьями, будет вынесен приговор, Жанну должно предать светскому правосудию, прося оное, чтобы оно благоволило поступить с нею мягко.

Преподобный отец во Христе, монсеньер Жилль, аббат монастыря св. Троицы в Фекане (38), доктор священной теологии, постановил, что она Жанна вероотступница. Тем не менее, было бы правильно снова зачитать и объяснить ей грамоту, коя была ей недавно зачитана, предложив ей слово Божье. И, по совершении сего, нам, судьям, надлежит объявить ее еретичкой и предать ее светскому правосудию, прося оное поступить с названной Жанной мягко.

Мэтр Жан Пэншон (114), лицензиат канонического права, архидиакон Жуи, каноник Руанской и Парижской церквей, постановил, что она женщина вероотступница; а что до дальнейшего порядка ведения процесса, — он полагается на монсеньеров theologов.

Мэтр Гийом Эра (42), доктор священной теологии, ризничий и каноник Лангрской и Ланской церквей, постановил, что она женщина вероотступница; и поскольку она отступилась, ее должно предать светскому правосудию. В остальном он высказался, как и означенный монсеньер де Фекан.

Мэтр Роберт Гилберт (54), доктор священной теологии, настоятель часовни нашего сеньора короля, высказал такое же заключение, как и мэтр Гийом Эра.

Преподобный отец во Христе, монсеньер аббат св. Уэна в Руане (83), постановил, как монсеньер аббат Феканский.

Мэтр Жан де Шатийон (21), доктор священной теологии, архидиакон и каноник церкви Эврё, постановил, как монсеньер аббат Феканский.

Мэтр Эра Эмангар (41), доктор священной теологии, постановил сообразно заключению монсеньера аббата Феканского.

Мэтр Гийом Ле Буше (72), доктор священной теологии, постановил, что она женщина вероотступница и должна быть осуждена как еретичка. А в остальном он присоединяется к заключению монсеньера аббата Феканского.

Преподобный отец, монсеньер Пьер, приор монастыря Лонгвилль-Жиффар (103), доктор священной теологии, постановил, что если на прошедшей Страстной неделе¹¹ она женщина призналась в том, что содержится в грамоте, он согласен с заключением монсеньера аббата св. Троицы в Фекане.

Мэтр Уильям Хейтон (59), бакалавр священной теологии, постановил, что, принимая в внимание зачитанные статьи, оную Жанну следует считать вероотступницей и осудить как еретичку. И он присоединился к заключению монсеньера де Фекана.

Мэтр Андре Маргери (97), лицензиат гражданского и бакалавр канонического права, архидиакон Пти-Ко и каноник Руана, а также мэтр Жан Алепе (2), лицензиат гражданского права, каноник Руана, мэтр и Жан Гарэн (57), доктор декретов, каноник Руанской церкви, постановили, как вышеупомянутый монсеньер де Фекан.

Мэтр Дени Гастинель (53), лицензиат обоих прав, каноник Руана, постановил, что она женщина — вероотступница и еретичка и должна быть предана светскому правосудию, без ходатайства¹².

Мэтр Пакье Ле Во (126), доктор декретов, каноник Парижской и Руанской церквей, постановил сообразно заключению монсеньера аббата Феканского, без ходатайства.

Мэтр Пьер де Удан (62), доктор священной теологии, постановил, что, по его мнению, учитывая насмешливое поведение сей женщины, ему кажется, что она всегда была еретичкой и что в данном случае она вероотступница, и следовательно, должна быть признана еретичкой и предана светскому правосудию, согласно заключению монсеньера де Фекана.

Мэтр Жан де Ниба (111), доктор священной теологии, постановил, что она женщина неисправимая вероотступница, и что ее следует признать еретичкой. И он того же мнения, что и часто упоминаемый монсеньер аббат Феканский.

Мэтр Жан Ле Февр (77), доктор священной теологии, постановил, что она женщина является закоренелой [еретичкой], осужденной заочно (*contumax*)¹³, и ослушницей; а в остальном он придерживается заключения вышеупомянутого монсеньера аббата Феканского.

Преподобный отец во Христе, монсеньер Гийом, аббат Мортемера (60), доктор священной теологии, придерживается постановления означенного монсеньера де Фекана.

Мэтр Жак Гедон (58), доктор священной теологии, постановил сообразно заключению монсеньера аббата Феканского.

Мэтр Никола Купкен (26), бакалавр священной теологии, каноник Руанской церкви, присоединяется к заключению монсеньера де Фекана.

Мэтр Гийом дю Дезер (36), каноник Руанской церкви, постановил, как уже упомянутый монсеньер аббат Феканский.

Мэтр Пьер Морис (101), доктор священной теологии, каноник Руана, постановил, что оную женщину следует признать и счесть вероотступницей, и он придерживается в том заключения монсеньера аббата Фекана.

Мэтр Гийом де Бодрибоск (6), бакалавр священной теологии, мэтр Никола Каваль (17), лицензиат гражданского права, мэтр Никола Луазеллёр (92), магистр искусств, мэтр Гийом Дежардэн (30), доктор медицины, каноники Руанской церкви, постановили как названный монсеньер де Фекан.

Мэтр Жан Тифэн (123), доктор медицины, мэтр Гийом де Ливэ (91), лицензиат гражданского права, мэтр Жоффруа дю Кротэ (35), лицензиат гражданского права, мэтр Пьер Каррель (14), лицензиат гражданского права, постановили сообразно заключению названного монсеньера аббата Феканского.

Мэтр Жан Ле Ду (75), лицензиат обоих прав, мэтр Жан Коломбель (23), лицензиат канонического права, Обер Морель (107), лицензиат канонического права, брат Мартэн Ладвеню (69) из ордена Братьев Проповедников, мэтр Ришар де Груше (56), бакалавр теологии, мэтр Гийом де Ла Шамбр (66), лицензиат медицины, постановили сообразно постановлению монсеньера аббата Феканского.

Мэтр Тома де Курселль (27), бакалавр теологии, каноник Ланской и Труанской церквей, и брат Изамбар де Ла Пьер (70) из ордена Братьев Проповедников постановили сообразно заключению часто упоминаемого монсеньера аббата Феканского, добавив, что оную женщину надлежит еще раз милостиво увещать о спасении ее души и сказать, что ей незачем более радеть о своей земной жизни.

Мэтр Жан Можье (99), лицензиат канонического права, каноник Руанской церкви, постановил как монсеньер де Фекан.

Наконец, выслушав мнение каждого, мы, означенные судьи, поблагодарили их и затем постановили, что с Жанной поступят как с вероотступницей, согласно праву и разуму.

Среда, предпоследний день мая и последний день сего процесса

Далее, на следующий день, то есть в среду, предпоследний день означенного месяца мая,

Оная Жанна была вызвана от нашего лица судебным исполнителем, назначенным нами в оную среду, дабы выслушать приговор, о чем подробнее сообщено в нашей грамоте и в отчете исполнителя. Далее следует содержание сих грамот.

Содержание грамоты вызова

«От Пьера, милостью Божьей епископа Бовеского, и Жана Ле Мэтра (81), викария преславного мэтра Жана Граврана, коего Святой апостольский престол назначил инквизитором по делам веры и ереси в королевстве Французском, — всем настоятелям церквей в городе Руане и где бы то ни было в сем диоцезе, и каждому из них в отдельности, в порядке их вызова, привет во Господе. По причинам и поводам, подлежащим более подробному объяснению, некая женщина, Жанна, прозванная в народе Девицей, повторно впавшая в различные заблуждения, противные истинной вере, прилюдно отреклась пред лицом Церкви от оных заблуждений. Она повторно впала в них, как сие должным и достаточным образом явствует из ее признаний и показаний, а также из иных источников. А посему мы строго повелеваем и указываем всем вам, и каждому из вас в отдельности, по востребованию, без всяких промедлений и отговорок,

вызвать оную Жанну в суд. Завтра, в восемь часов утра, она должна лично предстать пред нами на площади Старого Рынка в Руане, чтобы мы могли объявить ее вероотступницей и отлученной от церкви еретичкой, а также дать ей положенное в таких случаях предписание. Дано в часовне архиепископского дома в Руане, во вторник, 29 мая, в год Господень 1431, после праздника Троицы Господней.

Подписано: Г. Маншон (95). Г. Буагийом (22)».

Далее следует содержание отчета об исполнении одного судебного вызова.

Содержание отчета о вызове

«Преподобному отцу во Христе и господину, монсеньеру Пьеру, милостью Божьей епископу Бовескому, а также преподобному и святому отцу, брату Жану Ле Мэтру (81), викарию преславного доктора, мэтра Жана Граврана, коего Святой апостольский престол назначил инквизитором по делам веры и ереси в королевстве Французском, от вашего смиренного Жана Массье (98), священника и старосты христианской общины Руана, — надлежащее почтение с полной покорностью и почитанием.

Да будет известно вашим преподобиям, что в силу повеления вашего, кое было мне представлено и к коему приложена данная грамота, я лично вызвал некую женщину, прозванную в народе Девицей, дабы она предстала пред вами в сию среду, после праздника Святой Троицы Господней, в предпоследний день нынешнего месяца мая, в восемь часов утра, на площади Старого Рынка в Руане, согласно букве и содержанию вашего повеления, а также тому, что оно указывает предпринять. И о том, что я совершил сие именно так, я объявляю вашим преподобиям данной грамотой, скрепленной моею печатью.

Дано в год Господень 1431, в оную среду, в семь часов утра».

Затем, около девяти часов утра того же дня, когда мы, означенные судьи, находились на площади Старого Рынка в Руане, близ церкви св. Спасителя¹⁴; в присутствии и при участии преподобных отцов во Христе, монсеньеров епископов Теруанского (93) и Нуайонского (94), мэтров Жана де Шатийона (21), Андре Маргери (97), Никола де Вандре (127), Рауля Русселя (118), Дени Гастинеля (53), Гийома Ле Буше (72), Жана Алепе (2), Пьера де Удана (62), Уильяма Хейтона (59), Пьера де Лонгвилля (103), Пьера Мориса (101) и множества других сеньоров и магистров, служителей Церкви, она Жанна была приведена и поставлена пред нами на помост, или амвон, на виду у народа, собравшегося там в великом множестве. И дабы еще раз даровать ей спасительный совет, а также в назидание народу, преславный доктор теологии, мэтр Никола Миди (102), произнес торжественную проповедь, опираясь на слово Апостольское из Первого Послания коринфянам, гл. XII: «Страдает ли один член, страдают с ним все члены»¹⁵.

По завершении проповеди, мы снова призвали оную Жанну подумать о спасении души, поразмыслить над своими проступками, сокрушаясь и чувствуя истинное раскаяние; и мы призвали ее поверить совету клириков и именитых

людей, кои ее просвещали и наставляли в том, что касалось ее спасения, — и особенно советам двух почтенных Братьев Проповедников (70; 69)¹⁶, кои были тогда при ней и коих мы предоставили ей для того, чтобы они непрестанно ее наставляли и всеусердно расточали ей полезные увещания и благие советы.

Итак, исполнив сие, мы, означенные епископ и викарий, приняли во внимание все предшествующее, из коего установлено, что она женщина никогда воистину не отступала ни от своих заблуждений, ни от своего упорного безрассудства и омерзительных преступлений. Более того, своей хитрой лживостью, притворными раскаянием и покаянием, лжеобращением [в истинную веру], а также нарушением клятвы, скрепленной святым именем Божиим, и богохульством по отношению к Его неизреченному Величию, она показала, что ее дьявольское и лукавое упорство достойно высшего порицания. Таким образом, она выказала себя закоренелой, неисправимой еретичкой, повторно впавшей в ересь, не достойной никакого снисхождения или причащения, кои были милостиво дарованы ей в предшествующим приговоре. Также, принимая во внимание все подлежащие рассмотрению в сем деле пункты, и каждый из них в отдельности, после тщательного обсуждения и совещания с многими опытными людьми, мы перешли к нашему окончательному приговору в сем деле.

Окончательный приговор

«Во имя Господа, аминь.

Всякий раз, когда смертный яд ереси прочно застывает на одном из членов Церкви и превращает его в телесный член Сатаны, следует с ревностным усердием позаботиться о том, чтобы в иные части мистического тела Христова не смогла проникнуть гнусная зараза сего опасного пятна. Также и установления святых отцов гласят, что лучше отделить ожесточенных еретиков от общества праведников, нежели пригреть сих гадов смертных на груди чистой нашей матери Церкви, к великой опасности для прочих верующих.

А посему мы, Пьер, милостью Божьей епископ Бовеский, и брат Жан Ле Мэтр(81), викарий преславного доктора Жана Граврана, инквизитора по делам ереси, особо им назначенный в сем процессе, — полномочные по сей части судьи, — справедливым приговором объявили, что ты, Жанна, прозванная в народе Девицей, впала в различные заблуждения и грехи — [такие, как] схизма, идолопоклонство, вызывание демонов и прочие. Тем не менее, поскольку Церковь не затворяет лоно своего для тех, кто к ней приходит, мы думали, что однажды ты уже отвернулась от сих заблуждений и преступлений с чистой душой и верой непритворной, отказавшись от них и прилюдно поклявшись, обетовав и пообещав никогда не возвращаться к сим заблуждениям или какой-либо ереси, по чьему-либо внушению или иначе, но, напротив, навсегда воссоединиться с католической Церковью и общиной римского понтифика, — о чем подробнее говорится в грамоте [отречения], собственноручно тобою подписанной. Однако

вслед за твоим отречением от заблуждений источник схизмы и ереси, осаждая сердце твое, прельстил его, и ты, как собака, привыкшая возвращаться к своей блевотине, снова — о, горе! — впала в те же заблуждения и упомянутые уже грехи, что с полной очевидностью явствует из твоих добровольных признаний и показаний. И мы признали со всею ясностью, что лишь на словах и, скорее, от лживого сердца, чем от души искренней и верной, ты отвергла ранее свои обманные измышления¹⁷.

Следовательно, мы снова приговариваем тебя к отлучению, каковое ты заслужила ранее, и объявляем, что ты как вновь впадшая в прежние заблуждения провозглашаешься вероотступницей и еретичкой. И сим приговором нашим, каковой мы, восседая в трибунале, выносим тебе письменно и устно, мы постановляем следующее. Дабы ты, член столь прогнивший¹⁸, никоим образом не поразила и другие члены, необходимо исторгнуть тебя из единого лона Церкви, отсечь от тела ее и предать светской власти, что мы и делаем, прося оную светскую власть смягчить свой приговор в отношении тебя, исключив смерть и повреждение членов. И если ты явишь признаки истинного раскаяния, да будет тебе предоставлено таинство покаяния¹⁹ ».

Сей приговор был частично оглашен перед отречением

«Во имя Господа, аминь²⁰ .

Все пастыри Церкви, кои горячо желают проявить честное радение о стаде Господнем, должны с еще большей бдительностью и упорством стараться всячески противостоять опасностям, чинимым коварным источником заблуждений, коль скоро он стремится многочисленными уловками и злобными обманами испортить овец Христовых, особенно в сие опасное время, когда, по пророчеству приговора апостольского, многие лжепророки, несущие пагубные и ложные учения, придут в мир. Они своими многоликими и чуждыми истинами могли бы отвратить верующих от Христа, если бы наша святая мать Церковь, опираясь на непорочное учение и законы канонические, не старалась с усерднейшим радением отринуть их порочные измышления.

Вот почему ты, Жанна, прозванная в народе Девицей, была за весьма многочисленные опасные преступления вызвана в суд для процесса по делам веры и [предстала] пред нами, законными в сем деле судьями, — Пьером, милостью Божьей епископом Бовеским, и братом Жаном Ле Мэтром, каковой является в сем городе и диоцезе викарием преславного доктора, мэтра Жана Граврана, инквизитора по делам ереси в королевстве Французском, и был им направлен особо для сего дела. Мы рассмотрели и тщательно изучили твой процесс в целом, равно как и все, что было в ходе него записано, а особенно данные тобою ответы, признания и показания; мы приняли во внимание превосходное решение магистров Факультетов теологии и декретов Парижского Университета, и сверх того, — всего Университета в целом, а также [богословские оценки и постановления], вынесенные многочисленными прелатами, докто-

рами и знатоками как теологии, так и канонического и гражданского права в сем городе Руане и в других местах, в отношении твоих показаний, речей и поступков.

Проведя совещание и тщательно обсудив, рассморов и изучив с деятельными ревнителями христианской веры то, что в сих пунктах по праву заслуживает рассмотрения и изучения и что может и должно быть принято к сведению как нами самими, так и всяким, кто судит по справедливости, [мы постановляем следующее].

Имея пред взором своим Христа и славу истинной веры, дабы суд наш исходил от лица Господа, мы оглашаем и постановляем²¹, что ты лживо измыслила божественные откровения и явления; что ты являешься самонадеянной, легкомысленной, суеверной и опасной искусительницей и гадалкой, хулительницей Бога и святых; что ты отвергаешься самого Бога, презрев таинства Его; что ты преступила божественный закон, [отвергла] святое учение и законы церковные; что ты мятежница, злодейка, отступница, схизматичка и ты заблуждаешься во многих вопросах нашей веры и, таким образом, учитывая вышесказанное, ты дерзновенно согрешила против Бога и святой Церкви.

Помимо того, хотя мы сами и многие доктора, ученые и сведущие магистры от нашего имени, стараясь спасти твою душу, неоднократно и весьма часто увещали тебя подобающим образом и в достаточной мере, как только что говорилось, дабы ты пожелала очиститься, исправиться, а также отдать себя на усмотрение, суд и исправление нашей святой матери Церкви, ты, однако, не пожелала так поступить и о том позаботиться. Более того, ты, очерствившая душой, решительно и упрямо сие отвергла, а также явно и многократно упорствовала в своем отказе подчиниться сеньору нашему папе и святейшему вселенскому Собору. И посему мы ставим тебя вне всякого закона и объявляем закоренелой еретичкой, упорствующей в вышеназванных преступлениях, проступках и заблуждениях.

Поскольку заблуждения твои были осуждены в открытой проповеди, мы постановляем, что тебя как член сатанинский, отсеченный от Церкви, пораженный проказой ереси, необходимо предать светскому правосудию, дабы ты не поразила и прочие члены Христа; и мы предаем тебя оной власти, прося, чтобы она соблаговолила смягчить свой приговор по отношению к тебе, исключив смерть и повреждение членов. И если ты явишь признаки истинного раскаяния, да будет тебе предоставлено таинство покаяния.

Я, Гийом Коль (22), прозванный иначе Буагийомом, священник и означенный нотариус, утверждаю, что сличение с подлинным регистром было должным образом проведено, и потому я поставил под записью данного процесса, содержащего сто пятьдесят восемь листов²², свою роспись и, вместе с другими указанными ниже нотариусами, собственноручно здесь подписался. Буагийом (22)²³.

Я, Гийом Маншон (95), священник Руанского диоцеза, публичный апо-столический и имперский нотариус, утверждаю, что присутствовал вместе с другими выше- и нижеуказанными нотариусами, при сличении [записи]

означенного процесса с подлинным регистром, и сие сличение было должным образом проведено. Вот почему, вместе с сими нотариусами, я собственноручно подписал данный процесс и поставил здесь, по требованию, свою роспись. Г. Маншон (95)²⁴.

Я, Никола Такель (122), священник Руанского диоцеза, присяжный публичный имперский и архиепископской курии Руана нотариус, призванный к участию в означенном процессе, утверждаю, что вместе с вышеуказанными нотариусами, видел и слышал, как проводилось сличение сей записи процесса с подлинным регистром оного процесса, и что сие сличение было должным образом проведено. Вот почему, вместе с означенными нотариусами, я собственноручно подписал данный процесс и поставил здесь, по требованию, свою роспись. Н. Такель».

**[Некоторые
последующие акты]**

[Собранные после казни [оной Жанны] сведения о многочисленных словах, сказанных ею при кончине и на пороге смерти]

Далее, в четверг, 7 июня того же, то есть 1431, года.

Мы, означенные ранее судьи (16, 81), в силу нашей должности, собрали определенные сведения о неких словах, произнесенных оной покойной Жанной в присутствии достойных доверия особ, когда она еще находилась в тюрьме и до того, как ее отвели на казнь.

И прежде всего, достопочтенный и многоопытный мэтр Никола де Вандре (127), лицензиат канонического права, архидиакон Э, [из] Руанской церкви, в возрасте 52 лет или около того, будучи вызван, приведен к присяге, принят и допрошен в означенный день как свидетель, сказал под присягой, что в среду, в предпоследний день мая месяца, накануне минувшего праздника Причастия Господа Нашего Иисуса Христа¹, когда оная Жанна находилась еще в тюрьме Руанского замка, где ее содержали, она сказала, что, поскольку голоса, приходящие к ней, пообещали, что она будет освобождена из заточения, а она [между тем] видит обратное, она понимает и сознает, что они ее обманули и обманывают.

Далее, Жанна говорила и признавалась, что собственными глазами и ушами видела и слышала те голоса и явления, о коих упоминалось на процессе. И мы, означенные судьи, то есть магистры Пьер Морис (101), Тома де Курселль (27), Никола Луазелёр (92), брат Мартэн Ладвеню (69), Жан Тутмуйе (125) и мессир Жак Ле Камю (74), вместе с некоторыми другими, при сем присутствовали.

Брат Мартэн Лавню(69)², священник из ордена Братьев Проповедников, в возрасте 33 лет или около того, будучи вызван, принят, приведен к присяге и допрошен как свидетель, сказал и показал, что оная Жанна, в утро того дня, когда ей вынесли [окончательный] приговор, и прежде чем ее отвели на казнь, в присутствии мэтров Пьера Мориса, Никола Луазелёра и названного Тутмуйе, приятеля свидетеля, сказала и призналась, что осознает и признает, что приходящие к ней голоса и явления, упоминавшиеся на процессе, ее обманули, ибо сии голоса пообещали ей, что она будет избавлена и освобождена из тюрьмы; а она видит совсем обратное.

Спрошенный, кто сподвиг Жанну высказать сие, свидетель сказал, что то был он сам, свидетель, а также мэтр Пьер Морис и мэтр Никола Луазеллёр, кои увещали ее во спасение души и спрашивали у нее, правда ли, что ей были названные голоса и явления; и она ответила, что да; и в сем убеждении она упорствовала до конца. И она не уточняла, — по крайней мере, насколько слышал свидетель, — в каком виде приходили сии голоса, разве что, — насколько он помнит, — [она сказала,] будто они приходили в великом множестве и были мельчайшего размера³.

Кроме того, он слышал, как Жанна говорила и признавалась, что служители Церкви думают и предполагают, что ее голоса, если только они и впрямь существуют, приходят и исходят от злых духов, то она думает и полагает точно так же, как служители Церкви; и она не желает верить в сих духов.

И она Жанна, как представляется свидетелю, была тогда в здравом рассудке.

Далее, по словам свидетеля, в тот же день он слышал, как Жанна говорила и признавалась, что хотя в своих признаниях и ответах она похвалялась, будто ангел Божий принес корону тому, кого она зовет своим королем, а также что она сама, Жанна, сопровождала ангела, пока он нес корону тому, кого она зовет своим королем, — и прочее, подробнее рассказанное на процессе, — она, однако, естественным образом и без всякого к тому принуждения, сказала и призналась, что несмотря на все ее высказывания и бахвальства насчет одного ангела, никакого ангела, принесшего оную корону, все же не было; более того, сие она сама, Жанна, была ангелом, каковой сказал и пообещал тому, кого она зовет своим королем, что если он допустит ее к делу, то она коронует его в Реймсе. Не было никакой другой короны, ниспосланной от Бога, — что бы она ни говорила и ни утверждала в ходе одного процесса относительно короны или знака, данного тому, кого она зовет своим королем.

Достопочтенный и многоопытный мэтр Пьер Морис (101), профессор священной теологии, каноник Руана, в возрасте 38 лет или около того, будучи вызван, принят, приведен к присяге и допрошен в тот же день как свидетель, показал, что в день, когда Жанне вынесли приговор и когда сия Жанна еще находилась в тюрьме, он, свидетель, явился к ней утром, дабы увещать ее во спасение ее души. Увещая ее таким образом и спрашивая, как обстояло дело с сим ангелом, каковой, по ее словам, принес корону тому, кого она зовет своим королем, — о чем упоминалось на процессе, — он слышал, как она ответила, что сама была ангелом.

Спрошенная о короне, каковую она ему пообещала и о множестве ангелов, ее сопровождавших, etc., она ответила, что да, [сие было,] и что они являлись ей в виде неких весьма мелких частиц (*certaines choses très petites*).

Наконец, спрошенная свидетелем, было ли ей сие видение на самом деле, она ответила, что да, и что [сии духи] являлись ей действительно, — были ли они благими или дурными духами, говоря по-французски: «Будь то благие или дурные духи, они мне [и вправду] являлись».

Оная Жанна говорила также, что слышала голоса особенно в час вечерни, когда звонят колокола, а также по утрам, при колокольном звоне⁴. И поскольку, по словам свидетеля, было ясно, что духи, посулившие ей освобождение, —

злые духи и что она была обманута, Жанна сказала и ответила, что она, и правда, была обманута. И он слышал от нее также, что в отношении того, были ли сие благие или же злые духи, она полагается на служителей Церкви.

И, говоря сие, оная Жанна, как ему кажется, была в здравом уме и рассудке.

Брат Жан Тутмуйе (125), священник из ордена Братьев Проповедников, в возрасте 24 лет или около того, будучи вызван, принят, приведен к присяге и допрошен в оный день как свидетель, говорит и утверждает под присягой, что в день, когда Жанне вынесли приговор, то есть в среду накануне праздника Причастия Христова, он, свидетель, сопровождая своего товарища, брата Мартэна Лавню (69), каковой явился с утра к оной Жанне, дабы увещать ее во спасение ее души, услышал сперва от мэтра Пьера Мориса (101), уже там находившегося, будто она сказала и призналась, что рассказ насчет короны — всего лишь вымысел и что она сама была ангелом; и сие оный мэтр изложил на латыни.

Затем Жанну спросили о приходящих к ней голосах и явлениях. Она ответила, что в самом деле слышала голоса, особенно когда звонили колокола, в час повечерия и заутрени, несмотря на то, что означенный мэтр Пьер сказал ей тогда о том, что порою люди, слушая бой колоколов, думают, будто слышат и улавливают некие слова.

Далее, Жанна еще говорила и признавалась, будто ей были явления, каковые порой приходили к ней в великом множестве и были мельчайшего размера, или в виде весьма мелких частиц, и никак иначе не разъясняла, каковыми были их вид и обличие.

Далее [свидетель] говорит, что в тот же день, после их прихода в камеру, где содержалась оная Жанна, мы, означенный епископ, в присутствии монсеньера викария монсеньера инквизитора, сказали оной Жанне по-французски: «Ну, что ж, Жанна, вы все время твердили нам, будто ваши голоса говорили, что вы будете освобождены, а теперь вы видите, как они вас обманули; скажите нам теперь правду». Тогда Жанна ответила: «В самом деле, я ясно вижу, что они меня обманули».

И он не слышал, чтобы она говорила что-либо еще, кроме того, что [сказала] вначале, — до того, как мы, означенные судьи, пришли в тюрьму, — Жанну спросили, верит ли она, что оные голоса и явления исходили от благих духов, или же — от дурных. Жанна ответила: «Я не знаю, я уповаю в том на мою мать, Церковь», или так: «...на вас, служителей Церкви».

И, как кажется ему, свидетелю, оная Жанна была в здравом уме, и он слышал, как Жанна в сем, — то есть в том, что была в здравом уме, — призналась.

Мессир Жак Ле Камю (74), священник, каноник из Реймса, в возрасте 54 лет или около того, будучи вызван, принят, приведен к присяге и допрошен в тот день как свидетель, говорит и утверждает под присягой, что в прошлую среду, в канун праздника Причастия Христова, он, свидетельствующий, пошел утром вместе с нами, означенным епископом, в темницу Руанского замка, где содержали Жанну, и там слышал, как Жанна прилюдно говорила и сознавалась громким голосом, дабы все присутствовавшие могли услышать, в том, что она, Жанна, видела явления, к ней приходящие, а также в том, что она слышала голоса, пообещавшие ей освобождение из тюрьмы; и потому она вполне осознает, что они ее обманули, и раз они так ее обманули, она думает, что они вовсе не были ни благими голосами, ни вообще чем-то благим.

Чуть позже она исповедалась в своих грехах некоему брату Мартэну (69) из ордена Проповедников; и после таинства исповеди и покаяния оный брат, желавший даровать ей таинство евхаристии, спросил, держа освященную гостию в руках своих: «Верите ли вы в то, что сие есть тело Христово?». Жанна ответила, что да: «и он — единственный, кто может меня освободить; я прошу, чтобы мне его даровали»⁵. Затем оный брат сказал Жанне: «Верите ли вы все еще в сии голоса?». Жанна ответила: «Я верю единственно в Бога, и не желаю более верить сим голосам, поскольку они меня так обманули».

Мэтр Тома де Курселль (27), магистр искусств и бакалавр теологии, в возрасте 30 лет или около того, будучи вызван, принят, приведен к присяге и допрошен в тот день как свидетель, говорит и утверждает под присягой, что в среду, накануне праздника Причастия Христова, он, свидетель, находясь вместе с нами, означенным епископом, в темнице Руанского замка, где содержали Жанну, слышал и уяснил, что мы, означенный епископ, обратились к оной Жанне с вопросом о том, не говорили ли ей голоса, что она будет освобождена. Она ответила, что голоса сказали ей, что она будет освобождена и чтобы она хорошо держалась. И Жанна, обдуманно, как кажется свидетелю, добавила: «Я ясно вижу, что они меня обманули». Тогда мы, означенный епископ, как показывает свидетель, сказали Жанне, что она может ясно видеть, что сии голоса не были благими духами и что они не исходили от Бога; действительно, если б сие было так, они никогда бы не произнесли лжи и не солгали бы.

Мэтр Никола Луазелёр (92), магистр искусств, каноник Руанской и Шартрской церквей, в возрасте 40 лет или около того, будучи вызван, принят, приведен к присяге и допрошен в тот день как свидетель, говорит и утверждает под присягой, что в прошлую среду, накануне праздника Евхаристии Господней, он, свидетель, пришел поутру вместе с преподобным отцом, мэтром Пьером Морисом, профессором священной теологии, в тюрьму, где содержалась Жанна, прозванная в народе Девицей, дабы увещать и наставить ее во спасение ее души. На требование сказать правду об ангеле, каковой, согласно тому, что она говорила на процессе, принес некую предрагоценную и из чистого золота корону тому, кого она зовет своим королем, а также [на требование] не утаивать правды и впредь, поскольку более не следует думать ни о чем, кроме спасения своей души, он, свидетель, слышал, как оная Жанна сказала, что она сама возвестила тому, кого зовет своим королем, корону, о коей идет речь⁶, и что она сама была ангелом, и другого ангела не было.

И ее тогда спросили: а корона, — была ли она действительно вручена тому, кого она зовет своим королем? Она ответила, что не было ничего иного, кроме обещания о короновании того, кого она зовет своим королем, каковое она дала ему самому, обещая, что он будет коронован.

И кроме того, он, свидетель, говорит, что много раз, как пред названным мэтром Пьером и двумя братьями проповедниками, так и пред нами, означенным епископом, а также в присутствии весьма многих других особ, слышал от оной Жанны, будто ей действительно были откровения и явления духов и что в сих откровениях она была обманута; она сие признает и ясно понимает, поскольку в сих откровениях ей было обещано освобождение из тюрьмы, а она видит обратное. А были ли сии духи благими или дурными, — она полагается в том на клириков; сим же духам более не верит и верить не станет.

Далее, он же, свидетель, говорит, что призвал ее к тому, чтобы она, дабы устранить заблуждение, посеянное ею в народе, открыто признала, что была обманута и сама обманула народ, веря подобным откровениям и побуждая народ оным поверить, и за то смиренно просит прощения. Жанна ответила, что охотно сие сделает, но боится, что не вспомнит о том тогда, когда нужно будет сие сделать, то есть когда она будет на лобном месте; она попросила своего духовника, чтобы он напомнил ей о сем, а равно и о прочем, имеющем отношение к ее спасению.

И посему Жанна, как ему, свидетелю, кажется, была в здравом уме, являя тогда великие знаки покаяния и раскаяния в содеянных ею преступлениях, равно как и другие признаки [раскаяния]; и он слышал, как и в тюрьме, в присутствии весьма многих особ, и на лобном месте, она в величайшем раскаянии сердечном просила прощения у англичан и бургиньонов, ибо, по ее признаниям, она приказывала их убивать и преследовать и причинила им много вреда.

**Далее следует содержание грамот,
кои король, сеньор наш, написал императору⁷,
королям, герцогам и прочим государям
всего христианского мира**

«Ваше императорское Величество, светлейший король и дражайший брат наш, вы, чьи славные деяния и неутомимые труды направлены всеусердно к защите верующего люда и к битвам с кознями еретическими, выказали наиревностнейшую любовь к чести веры католической и неустанную заботу о славе имени Христова; и [преданные вам] души с радостью безграничной ликуют всякий раз, когда узнают о возвеличивании в [различных] землях святейшей веры и о пресечении тлетворных заблуждений. Сие сподвигло нас сообщить Вашей Светлости о справедливой каре, недавно назначенной некой лживой прорицательнице, объявившейся не так давно в нашем королевстве Французском, за проступки ее.

Действительно, появилась некая женщина, прозванная в народе Девицей, и, отличаясь необычайной гордыней, она, вопреки природным приличиям, надела мужское платье, облачилась в воинские доспехи и посмела в ратных битвах учинять всяческие побоища людские и вести различные сражения. Посему высокомерие ее дошло до того, что она похвалялась, будто послана Богом, дабы вести жаркие битвы, и что Михаил, Гавриил и множество других ангелов, вместе со святыми девами Екатериной и Маргаритой, являлись ей в видимом общении. Почти целый год прельщала они народ так, что великое множество людей, отвратясь от истины, обратилось тогда к басням, кои молва людская почти повсеместно распространяла о деяниях сей прорицательницы⁸.

Наконец, милосердие Божье, из жалости к народу своему, каковой бросил с чрезмерным легкомыслием в новые и весьма опасные верования, не испытывав прежде, исходит ли их дух от Бога, привело сию несчастную в наши руки и наше распоряжение.

И хотя она доставила нашей нации премногие беды, нанесла великий ущерб королевству нашему и было бы позволительно не мешкая подвергнуть ее тяжким наказаниям, мы все же отнюдь не были намерены отмщать таким образом за [понесенное] оскорбление или же немедленно предать сию женщину светскому правосудию, дабы она была за то наказана. Кроме того, мы были призваны прелатом, в чьем диоцезе она была пленена, отдать ее под суд церковной юрисдикции, поскольку говорили, будто она свершила тяжкие и возмутительные преступления против истинной веры и христианской религии. Мы же, как подобает христианскому королю, чья с сыновней любовью авторитет Церкви, тотчас же выдали оную женщину суду нашей святой матери Церкви и под юрисдикцию означенного прелата. Оный же, безусловно, с великой тожественностью и достохвальной важностью, во имя Божье и во благое назидание народу, вместе с викарием инквизитора по делам ереси, участия коего добился, провел весьма важный процесс по сему делу.

После того, как оные судьи, действительно, допрашивали сию женщину в течение многих дней, они постановили, что ее признания и показания должны быть рассмотрены докторами и магистрами Парижского Университета и другими премногочисленными и весьма учеными особами; согласно заключениям оных, [судьи] сочли установленным, что она является женщиной суеверной, прорицательницей, идолопоклонницей, вызывательницей демонов, хулильницей Бога и святых, схизматичкой и заблуждающейся во многих вопросах веры Христовой. И дабы сия ничтожная грешница очистилась от стольких и столь пагубных преступлений, и дабы душа ее исцелилась от сих крайних недугов, она была часто и в течение многих дней милостиво увещана отринуть все заблуждения, вступить на прямую стезю истины и уберечь свои тело и душу от тяжелой опасности. Но дух гордыни настолько завладел ее существом, что святые учения и благие советы никак не могли смягчить ее железного сердца; более того, она постоянно хвалилась, будто совершала все по велению Бога и святых дев, кои являлись ей в видимом облиции; и, что хуже всего прочего, она не признавала никакого судьи на земле и не желала подчиняться никому, кроме единственно Бога и блаженных, торжествующих в царстве [небесном], отвергая суд нашего сеньора Суверенного Понтифика, вселенского Собора и всеобщей воинствующей Церкви.

Когда означенные судьи увидели, что сердце ее так очерствело, они велели вывести сию женщину на люди, и когда ее заблуждения были ей изложены в открытой проповеди и были сделаны последние увещания, означенные судьи приступили наконец к вынесению своего приговора об осуждении. Но прежде чем он был полностью зачитан, она женщина передумала и воскликнула, что выскажет нечто лучшее [, чем прежде]. Когда судьи поняли сие, то с радостью в сердце, надеясь спасти от гибели ее тело и душу, обратили благосклонный слух к тому, что говорила сия женщина, каковая подчинилась тогда указанию Церкви, отказалась и отреклась вслух от своих заблуждений и смертных преступлений, собственноручно подписав грамоту о сем отказе и отречении; посему наша благочестивая мать Церковь, радуясь о грешнице, принесшей покаяние, вернув в овчарню вновь обретенную овцу, заблудшую в пустыне, поместила ее в тюрьму, дабы она совершила спасительное покаяние.

Но огонь ее гордыни, казавшийся угасшим, раздуваемый демонами, возродился в ядовитом пламени, и несчастная женщина вернулась к заблуждениям и лживым нелепостям, кои изрекала прежде. Наконец, как повелевают церковные законы, дабы она не заразила впоследствии прочих частей тела Христова, ее предали суду светской власти, каковая сочла, что тело ее должно быть сожжено огнем. Однако несчастная, видя неотвратимость своей близкой кончины, открыто признала и недвусмысленно высказала, что сии духи, кои, по ее многократным утверждениям, являлись ей в видимом обличьи, были дурными и лживыми и что освобождение из тюрьмы также было ей лживо обещано оными духами; и она призналась, что ее провели и обманули.

Вот [каковой была], светлейший король, ее смерть и кончина, о чем мы почитали за благо вам поведать, дабы вы, ваше королевское Величество, смогли наверняка узнать суть дела и уведомить прочих о кончине сей женщины. Мы думаем, что вашему верному народу по-настоящему необходимо лишь одно — чтобы Ваша Светлость и иные князья, как церковные, так и светские, заботливо воспитывали народы католические, дабы оные и не помышляли [о том, чтобы] внимать легкомысленно суевериям и порочным измышлениям, особенно в последнее время, когда, как мы видим, повсюду являются лжепророки и сеятели заблуждений, каковые, восстав в нечистом дерзновении против нашей святой матери Церкви, возможно, заразили бы весь народ Христов, если бы милосердие небесное и его верные слуги не потрудились с бдительным усердием отразить усилия нечестивцев и покарать оных.

Иисус Христос да благоволит хранить ваше Величество, светлейший король, на протяжении долгих дней в процветании и преуспейнии, ради защиты его Церкви и христианской религии, согласно вашим пожеланиям.

Дано в Руане, 8 июня 1431 г.».

**Далее следует содержание послания,
кое король, наш сеньор, написал прелатам церкви, герцогам,
графам и прочим знатым людям
и городам своего королевства Французского**

«Преподобный отец во Христе, почти повсеместно распространилась молва о том, что является ныне вполне общепризнанным, а именно, будто сия женщина, называвшая себя Жанной Девицей, исполненная заблуждений колдунья, уже не менее двух лет назад, вопреки божественному закону и приличию женского пола, облачилась в мужское платье, — богопротивное дело! — и отправилась в сем виде к нашему смертельному врагу. Ему и его сторонникам, служителям Церкви, знатым людям и простонародью она часто давала понять, что послана от Бога, надменно похваляясь, будто нередко вступает в личное и видимое общение со святым Михаилом и множеством ангелов и святых Рая — таких, как святые Екатерина и Маргарита. Сими небылицами и чаянием обещанных ею грядущих побед она совратила сердца многих мужчин и женщин с пути истины и обратила их к сим басням и выдумкам. Также, она облачилась в доспехи,

изготовленные для рыцарей или оруженосцев, взяла штандарт и, из великого глумления, гордыни и высокомерия, просила [себе права] владеть благороднейшим и высочайшим гербом Франции и носить его, чего частично добилась; и она, как говорят, вместе с братьями своими, носила его во многих сражениях и битвах; а именно, [ее герб включал в себя] щит с двумя золотыми лилиями в лазурном поле и меч с поднятым вверх острием и нанизанной на него короной. В таком виде она пустилась в поход, руководила войсками и большими отрядами рыцарей и лучников, дабы учинять и творить бесчеловечные поступки, проливая людскую кровь, сея смуту и волнения во всем народе, подстрекая его к вероломству и опасным мятежам, к суеверию и ложным верованиям, нарушая всякий добрый мир и возобновляя убийственную войну. Она терпела, когда многие благоговели пред ней и поклонялись ей, как почитаемой святой, и она поступала достойным порицания образом во многих иных случаях, о коих долго рассказывать, но каковые, однако, обрели немалую известность в разных краях и крайне возмутили почти весь христианский мир.

Но Бог, в могуществе своем сжалившись над верным своим народом, не оставил его надолго в опасности и не потерпел, чтобы народ оный пребывал в сих суетных, опасных и новых верованиях, коим предался столь легкомысленно; он пожелал допустить, по великому своему милосердию и великодушию, чтобы она женщина была пленена под Компьенью и отдана в нашу власть и наше распоряжение.

И поскольку с тех пор мы получили запрос от епископа, в чьем диоцезе она была взята, относительно того, чтобы сия женщина, покрывшая себя явным позором как виновная в оскорблении божественного величия, была предоставлена ему как ординарному церковному судье, мы, из почтения к нашей святой матери Церкви, чьи священные повеления, как мы считаем, разумно предпочесть нашим собственным делам и желаниям, а также во имя и для возвеличивания нашей святой веры, велели предать ему оную Жанну, дабы он учинил над ней процесс, хотя мы нисколько не стремимся к тому, чтобы служители нашего светского правосудия получили за то какое-либо воздаяние или были отмищены; между тем, нам следовало бы сделать сие, учитывая великие беды и несчастья, ужасные убийства, отвратительные жестокости и прочие неисчислимыя злодеяния, кои она совершила по отношению к нашему государству и верноподданному люду. Названный епископ, добившись участия викария инквизитора по делам ереси и созвав к себе великое и изрядное число почтенных магистров и докторов теологии и канонического права, с великой торжественностью и должной основательностью учинил процесс над сей Жанной.

После того, как он и инквизитор, являвшиеся судьями в сем деле, в течение многих дней допрашивали оную Жанну, ее признания и показания были отданы оным магистрам и докторам, а также всем Факультетам нашей дражайшей и возлюбленной дочери, Парижского Университета, коему означенные признания и показания были отосланы для тщательного изучения.

Согласно мнению и заключению [сих докторов], судьи нашли сию Жанну суеверной, а также прорицательницей, идолопоклонницей, вызывательницей демонов, хулительницей Бога и его святых, схизматичкой и весьма часто заблуждающейся в вопросах веры в Иисуса Христа. И дабы вернуть ее и привести

вновь в единое лоно и общину нашей святой матери Церкви, очистить ее от преступлений и столь ужасных, отвратительных и пагубных грехов, а также дабы исцелить и уберечь ее душу от вечной кары и проклятия, ее часто и в течение весьма долгого времени премилостиво и мягко увещевали, чтобы она смиренно соблаговолила вернуться на путь и прямую стезю истины, отказавшись и отступившись от всяких заблуждений; [ибо] в противном случае она подвергнет душу свою и тело великой опасности.

Но опаснейший и разрушительный дух гордыни и крайнего высокомерия, каковой вечно силится поколебать и нарушить единение и безопасность верных христиан, завладел душой сей Жанны и так сковал ее цепями своими, что каким бы ни было благое учение или совет, или иное предоставленное ей милостивое увещание, ее очерстневшее и упрямое сердце не пожелало ни смириться, ни смягчиться. Напротив, она часто похвалялась, будто все совершенные ею дела были благими и будто она совершила их по велению Бога и святых дев, являвшихся ей в видимом облиии. И, что еще хуже, она не признавала и не желала признать на земле [иного судьи], кроме единственно Бога и райских святых, отвергая и отрицая суд нашего святейшего отца, [римского] папы, вселенского Собора и всеобщей воинствующей Церкви. И церковные судьи, видя, что душа ее очерствела и упорствует столь долго, велели выставить [сию женщину] пред духовенством и народом, собравшимся в великом множестве. В их присутствии, торжественно и всенародно, ради возвеличивания нашей веры, искоренения заблуждений и в назидание и очищение христианского люда, некий именитый магистр теологии, произнеся проповедь, рассказал и поведал о ее поступках, преступлениях и заблуждениях. Затем ее милостиво увещали вернуться в единое лоно святой Церкви и искупить свои преступления и заблуждения; но она по-прежнему упрямо упорствовала. Исходя из того, означенные судьи принялись оглашать ей приговор, как в подобном случае велит и устанавливает право.

Однако прежде, чем сей приговор был полностью зачитан, она, как кажется, начала колебаться, говоря, что желает вернуться к святой Церкви; сие с охотой и радостью услышали означенные судьи и духовенство, и они приняли от нее сие с благосклонностью, надеясь, что таким образом ее душа и тело будут избавлены от погибели и пытки. Она подчинилась тогда велению святой Церкви, собственными устами отказавшись и прилюдно отречьшись от своих заблуждений и отвратительных преступлений, собственноручно подписав грамоту о сем отказе и отречении. Итак, наша милосердная мать, святая Церковь, радуясь о грешнице, принесшей покаяние, и стремясь вернуть в общее стадо вновь обретенную и найденную овцу, заблудшую в пустыне и сбившуюся с дороги, осудила сию Жанну на заточение, дабы [она могла] совершать спасительное покаяние.

С тех пор прошло совсем немного времени, но огонь ее гордыни, каковой казался в ней угасшим, занялся опять в ядовитом пламени, раздуваемый Врагом [рода человеческого]; и вскоре она несчастная женщина вновь предавалась заблуждениям и лживым нелепостям, кои изрекала прежде и от коих, как уже говорилось, впоследствии отказалась и отреклась. А посему, как указывают повеления и установления святой Церкви, дабы она впредь не заражала других частей тела Христова, к ней обратили прилюдную проповедь и как

вновь предавшуюся своим преступлениям и прежним ошибкам отдала светскому правосудию, кое незамедлительно приговорило ее к сожжению. Видя близость своей кончины, она полностью признала и осознала, что духи, кои, по ее словам, часто ей являлись, были дурными и лживыми и что обещание освободить ее, многократно данное ей сими духами, было лживо; и, таким образом, она призналась, что была сими духами осмеяна и обманута.

Вот [каковым был] конец деяний, вот [каковой была] смерть сей женщины, о чем мы ныне осведомляем вас, преподобный отец во Боге, и сообщаем вам правду о сем вопросе, дабы в тех местах вашего диоцеза, где вы сочтете нужным, вы в открытых речах и проповедях, или как-нибудь иначе⁹, обнародовали сие на благо и возвышение нашей веры и в назидание христианскому люду, какой из-за поступков сей женщины долгое время пребывал в обмане и заблуждении. Ибо надлежит, чтобы вы, как и подобает вашему сану, заботились о том, чтобы никто из доверенного вам христианского люда не помышлял легкомысленно верить таким заблуждениям и опасным суевериям, особенно в нынешние времена, когда, как мы видим, выступают многие лжепророки и сеятели проклятых ересей и безумных исповеданий; они, в дерзости безумной и крайнем высокомерии, восстают против нашей святой матери Церкви и могли бы ненароком заразить народ христианский вредоносным ядом ложной веры, если бы Иисус Христос о нас не радел, а вы и служители его, как и подобает, не приложили бы стараний, дабы отразить и пресечь посягательства и безумные дерзновения нечестивцев.

Дано в нашем городе Руане, 28 июня».

Далее следует отказ некоего монаха от его высказываний

«Преподобный отец во Христе и сеньор, и вы, святой отец и сеньор, викарий святого отца Жана Граврана, славного профессора священной теологии, особо уполномоченный Святым Престолом апостольским как инквизитор по делам ереси в королевстве Французском, я, брат Пьер Бокье, монах ордена Братьев Проповедников, смиренный грешник и ваш подданный, как добрый и честный католик желаю, — и признаю, что к тому обязан, — во всем и всецело повиноваться моей святой матери Церкви и вам, моим судьям по сей части, со всею покорностью и благоговением. Согласно собранным по вашему приказанию сведениям, вы нашли меня виновным в следующем: а именно, главным образом, в том, что в предпоследний день минувшего месяца мая, накануне [дня] Святого Причастия¹⁰, я сказал, что вы и те, кто судил некую женщину, Жанну, прозванную в народе Девицей, поступили и поступаете дурно; учитывая, что она Жанна предстала пред вашим, означенных судей, собранием и была отдана на ваш суд для процесса по вопросам веры, сии слова — глупы и свидетельствуют, на первый взгляд, о приверженности к ереси; на самом же деле (да поможет мне Бог), — коль скоро было сочтено, что я их произнес, — они были высказаны и произнесены мною совершенно необдуманно, по оплошности

и в подпитии: я признаю, что тяжко в том согрешил и молитвенно и коленопреклоненно прошу прощения означенной нашей матери святой Церкви и вашего, мои судьи и досточтимые сеньоры; и я покорнейше препоручаю себя вашему взысканию, исправлению и наказанию, смиренно прося Церковь смягчить свою суровость и выказать ко мне снисхождение».

Следует приговор оному монаху, каковой злословил о судьях, судивших оную женщину

«Во имя Господа, Аминь.

Мы, Пьер, милостью Божьей епископ Бовеский, и брат Жан Ле Мэтр, коего преславный доктор мэтр Жан Гравран, уполномоченный апостольской властью как инквизитор по делам ереси во всем королевстве Французском, особо уполномочил и назначил в сем городе и Руанском диоцезе, — в том числе и в вышеуказанном деле, — [заявляем следующее]. Мы, осознавая важность процесса по вопросам веры, учиненного против брата Пьера Бокье, обвиняемого в данном деле и ожидающего нашего решения, ознакомились со сведениями относительно того, что вменяется ему в вину, каковые были собраны по нашему приказанию и переданы нам; из оных сведений, на кои ссылался и сам обвиняемый, со всей законностью явствовало и явствует, что вскоре после того, как некая женщина, Жанна, прозванная в народе Девницей, была нами и нашим окончательным приговором предана светской юрисдикции как еретичка, обвиняемый, [пребывая] в некоем месте, при немногочисленных свидетелях, сказал и произнес, что мы поступаем дурно и что все, кто ее судил, поступали дурно. В сих словах обвиняемый обнаружил приверженность делу оной Жанны и тем самым тяжко согрешил и впал в заблуждение.

Однако, поскольку оный брат Пьер подтвердил пред нами, что как добрый и честный католик желает и, как он выразился, обязан всецело и во всем покориться нашей святой матери Церкви и нам, своим судьям по сей части, со всею покорностью и благоговением, а также поскольку он полностью подчинился в сем вопросе нашему взысканию и исправлению, а равно решил повиноваться нашим повелениям, мы все-таки, стремясь предпочесть милосердие суровости и учитывая, прежде всего, его сословную принадлежность и то, что он высказал и произнес сии слова в подпитии, как он сказал и подтвердил, освобождаем его от приговоров, кои он навлек на себя по сей причине, воссоединяем его с паствой католической и восстанавливаем его в добром имени, поскольку и насколько сие необходимо.

И все же, нашим окончательным приговором, каковой мы сей грамотой выносим, заседая в трибунале, мы осуждаем его сидеть в заточении на хлебе и воде вплоть до ближайшего праздника Пасхи¹¹, в Руане, в доме Братьев Проповедников; и мы сохраняем за собой [право на] смягчение [приговора].

Составлено в Руане, 8 августа 1431 г.».

Копия посланий Парижского Университета, направленных сеньорам Папе, императору и коллегии кардиналов

«Мы полагаем, святейший отец, что необходимо потрудиться над тем, чтобы яд лжепророков и нечестивцев никоим образом не заразил святую Церковь всяческими заблуждениями, и [потрудиться] с тем большей бдительностью, что конец времен кажется все более неотвратимым. Действительно, концу дней учитель Народов¹² предрек сии тяжкие времена, когда люди более не примут здорового учения, но, отвратив слух от истины, обратятся к басням. Истина также гласит: «Восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных»¹³. Когда же мы видим, что возникают новоявленные пророки, кои похваляются, будто получают свои откровения от Бога и блаженных, торжествующих в царстве [небесном], а также предсказывают людям грядущие события и преступают границы проницательности ума человеческого, осмеливаясь совершать деяния новые и диковинные, пастырь должно всецело посвятить внимание свое тому, чтобы на народ, слишком охочий до новшеств, не обрушились чуждые учения, прежде чем не будет установлено, исходят ли подобные откровения от Бога. Действительно, лукавые и опасные сеятели лживых измышлений легко могут заразить народ христианский, если каждому предоставить [право] измышлять в воображении своем небесные откровения и посягать на авторитет Бога и святых.

Таким образом, вполне правомерно, что нам, Святейший отец, кажется достойной одобрения бдительная забота, каковую проявили недавно в защиту христианской религии преподобный отец во Христе, монсеньер епископ Бовеский, и викарий монсеньера инквизитора по делам ереси, направленный в королевство Французское Святым апостольским Престолом. Они действительно позаботились о том, чтобы тщательно испытать некую бедную женщину, плененную в пределах Бовеского диоцеза, носящую мужское платье и вооружение, законно обвиненную пред ними в том, что она лживо измышляла божественные откровения и совершила тяжкие преступления против истинной веры; они пожелали выяснить всю правду о ее деяниях.

И поскольку они оповестили нас о проведенном против нее процессе, прося отослать наше заключение по высказанным ею утверждениям, мы посчитали благом открыть вашему Святейшеству то, о чем узнали, дабы, ради возвеличения истинной веры, не схоронить содеянное в молчании. Как просветили нас на самом деле означенные монсеньеры судьи, она, женщина, называвшая себя Жанной Девицей, на суде без принуждения высказала многочисленные признания, каковые были тщательно взвешены и обстоятельно рассмотрены многочисленными прелатами, докторами и прочими знатоками права божественного и человеческого, а также отданы на обсуждение и суд нашего Университета. Сии признания показали, что она, женщина должна быть сочтена суеверной и вызывающей злых духов прорицательницей, идолопоклонницей, хулильницей Бога и святых, схизматичкой и заблуждающейся во многих вопросах веры Христовой. Судьи, будучи огорчены и скорбя о том, что душа

сей ничтожной грешницы попала в гибельные пучины столь великих преступлений, старались непрестанными увещаниями и милосердными призывами отвратить ее от заблуждения, коему она предалась, и склонить ее подчиниться суду нашей святой матери Церкви. Но дух зла настолько завладел ее сердцем, что она очерствела душой и долгое время отвергала спасительные предупреждения, не подчиняясь ни единому живому человеку, каким бы достоинством он не блистал, и даже священному вселенскому Собору, не признавая никого, кроме Бога. Однако, наконец, благодаря непрестанным трудам означенных судей, высокомерие сей женщины немного стихло, и она, склоняясь к преемным советам, при великом скоплении народа, собственными устами отказалась и отреклась от своих заблуждений, собственноручно подписав грамоту об отречении и отказе.

Но немногими днями позже несчастная женщина вновь впала в свои прежние безумства и пуще прежнего погрязла в заблуждениях, от коих ранее отступилась. Вот почему означенные судьи в окончательном приговоре осудили ее как вероотступницу и еретичку и оставили на суд светской власти.

Когда она узнала, что гибель тела ее близка, она открыто и со многими стенаниями призналась, что духи, кои, по ее словам, являлись ей правдоподобным образом¹⁴, провели ее и обманули. Будучи на самом пороге смерти, она, как казалось, раскаялась в своих грехах, попросила прощения у всех и покинула сей мир. Итак, все ясно осознали, сколь опасно и ужасно так опрометчиво верить новоявленным выдумкам, наподобие тех, кои не только сия женщина, но и многие другие¹⁵ распространили недавно по сему христианнейшему королевству. И все верующие христиане должны получить предостережение, видя сей замечательный пример, дабы не дать своим страстям с легкостью увлечь себя, но оставаться более чуткими к поучениям Церкви и наставлениям своих прелатов, чем к басням суеверных женщин. Что если однажды, из-за прегрешений наших, мы дойдем до того, что прорицательницам, лжевещающим от имени Господа, не посылавшего их, люди, по легкомыслию своему, станут внимать более, нежели пастырям и учителям Церкви, коим Христос сказал когда-то: «Идите и поучайте все народы». Тотчас же погибнет религия, обрушится вера, Церковь будет попорана, и неправедность Сатаны воцарится над всем миром.

Да благоволит Иисус Христос пресечь сие и благостным руководством вашего Святейшества сохранить стадо свое в целостности и чистоте».

Для коллегии кардиналов

«Преподобнейшие отцы,

Мы сочли должным, во благо веры и христианской религии, изложить нашему святейшему сеньору, Суверенному Понтифику, то, что услышали и узнали относительно осуждения беззаконий, содеянных в сем королевстве некоей ничтожной женщиной; мы написали Его Святейшеству в сей форме: «Мы полагаем, святейший отец, etc...»

И поскольку Господь привел вас, ваши преподобия, в сию наблюдательную коллегию, восходящую к Святому Престолу апостольскому, дабы она надзирала за всем, что совершается в целом мире, а особенно за тем, что касается полноты веры, мы сочли, что было бы в высшей степени неверно, если бы дело сие осталось для вас, ваши преподобия, неизвестным. Воистину, вы — светоч мира, от коего знание истины ни в коей мере не должно быть сокрыто, дабы все верующие получали от вас, ваши преподобия, спасительное наставление в делах веры. И да хранит вас счастливым образом Всевышний во благо святой своей Церкви».

Приложения

СУДЬИ И АСЕССОРЫ РУАНСКОГО ТРИБУНАЛА

1. Гийом Адели. Доминиканец. В 1428 г. он был регент-магистром теологии в Париже. Его имя появилось в документах процесса лишь 18 апреля: вместе с другими асессорами ему было поручено увещать Жанну о необходимости подчиниться воинствующей Церкви.

2. Жан Алепэ (ок. 1367–1434). В одном из документов от 1421 г. он назван лицензиатом обоих прав. Будучи до английской оккупации каноником Руана, Алепэ получил новое назначение от Генриха V и стал каноником Эврё. Возможно, именно он упоминается в числе участников Руанского соглашения 19 января 1419 г. и церемонии подписания мирного договора с Карлом VI 24 сентября 1419 г. Он дважды участвовал в судебных заседаниях по делу Жанны. Голосуя по поводу 12 статей обвинения, он положился на решение theologов Парижского Университета. 29 мая 1431 г. он проголосовал так же, как аббат Феканский и, таким образом, одобрил передачу Жанны светским властям. Он присутствовал на казни. Жан Рикье вспомнит в ходе процесса реабилитации в 1456 г., что Ж. Алепэ сказал ему, плача: «Я хотел бы, чтобы моя душа была там, где, как я верю, пребывает душа сей женщины» (XXII, р. 141).

3. Уильям Олнвик (?—1449). Духовную карьеру начал как монах аббатства Сент-Олбанс. Был епископом Норвича с 1426 по 1436 г., затем, до конца жизни, — епископом Линкольна. Доктор права, королевский секретарь, Олнвик пользовался доверием Генриха V и был хранителем личной печати Генриха VI. 1 января 1431 г. он находился в Руане. Присутствовал при отречении Жанны 24 мая 1431 г. Подписал грамоту от 12 июня 1431 г., в которой король Генрих VI гарантировал защиту судьям и клирикам, принимавшим участие в процессе Жанны. В 1435 г. Уильям Олнвик участвовал в Аррасской конференции.

4. Рауль Анги (?—1442). Упомянут как лицензиат декретов в грамоте от 14 марта 1430 г. Состоял адвокатом в церковной курии Руана; присутствовал на судебных заседаниях с 21 февраля 1431 г.; 19 мая он поддержал решение факультета декретов и более не появлялся на процессе. С 1435 г. и до самой смерти являлся руанским каноником.

5. Жан Бассе (1381—1454). До 1418 г. фигурирует в документах как магистр искусств, затем — как лицензиат канонического права. В 1420 г. Генрих V представил его курии города Тирпье в диоцезе Авранша. В том же году Жан Бассе получил церковную пребенду в Руане, которой ранее пользовался Жан Алепэ. В 1429 г., будучи официалом Руана, он имел несколько бенефициев в Нормандии. С 1419 г. являлся хранителем грамот о привилегиях Парижского Университета. Он присутствовал на нескольких судебных заседаниях по делу Жанны, в последний раз — 27 марта 1431 г. Когда с ним консультировались по поводу 12 обвинительных статей, он ответил весьма сдержанно, сослался на суд теологов и попросил, чтобы ему были предоставлены все материалы процесса, как того требовали канонические предписания. В ходе процесса над Жанной он был брошен в темницу, но, по всей вероятности, это не было связано с самим процессом. В 1436 г. он стал казначеем Руанского архиепископства, в 1439 г. — кантором и главным викарием, а в 1440 г. — каноником Кутанса.

6. Гийом де Бодрибоск (?—1447). Магистр искусств; в 1403 г. упомянут как магистр теологии. Когда в 1414 г. Джон Ланкастер стал герцогом Бедфордским, руанский капитул поручил Гийому де Бодрибоску составить для будущего регента Франции поздравительное послание. До 1421 г. Бодрибоск был каноником церкви Нотр-Дам-Ла-Ронд, а затем — каноником Руана. В 1414 г. капитул поручил ему составить поздравительное послание и для герцога Бургундского. Он присутствовал на нескольких заседаниях в начале процесса; 29 мая 1431 г. он согласился с аббатом Феканским в отношении богословской оценки деяний Жанны. По его мнению, Жанну следовало передать в распоряжение светской власти. Его племянница и наследница вышла замуж за англичанина.

7. Генрих де Бофор (?—1447). Епископ Линкольна, затем Винчестера, кардинал с 1426 г. Канцлер Англии, двоюродный дед Генриха VI, играл значительную роль в английской политике. Приехал во Францию в апреле 1430 г., короновал Генриха VI в Париже 17 декабря 1431 г. и вернулся в Англию в мае 1432 г. В протоколах процесса его имя упомянуто лишь в связи с заседанием 24 мая. На самом деле, он внимательно следил за ходом процесса. Когда Жанна заболела, он, по соглашению с Варвиком, приказал за ней ухаживать. Несколько свидетелей сообщают, что в момент отречения Жанны на кладбище Сент-Уэн он остановил одного из капелланов, который упрекнул Кошона в излишней мягкости по отношению к подсудимой.

8. Жан Бопер (?—ок. 1462). Уроженец Неверского диоцеза. В 1397 г. стал магистром искусств. В период с 1415 по 1419 гг. получил степень формального бакалавра (*bachelier formé*, т.е. бакалавра, допущенного к участию в диспутах и преподаванию в университете), затем, в 1419 г., стал лицензиатом теологии. В том же году Университет, ректором которого он избирался в 1412 г. и 1413 г., послал его вместе с Пьером Кошоном в Труа, чтобы подать «помощь и совет» Карлу VI. В 1415 г. он, вместе с Пьером Кошоном, в составе бургундского посольства, присутствовал на церковном соборе в Констанце. Он был каноником Парижа и Бове в 1420 г., а в 1422 г. Университет поручил ему добиться от королевы Англии и герцога Глостера подтверждения университетских привилегий. В 1423 г. он подвергся разбойному нападению на дороге между Парижем и Бове и повредил правую руку. Он добился от папы необходимых льгот,

чтобы продолжить пользоваться своими бенефициями. Генрих VI в 1430 г. назначил его каноником Руана. Учитывая, сколь важную роль сыграл Бопер в ходе процесса над Жанной, король Англии 2 апреля 1431 г. пожаловал ему 30 ливров сверх положенных ему 20 турецких су за каждый день процесса. В конце апреля 1431 г. ему было поручено отправиться в Париж вместе с Жаком де Туреном и Никола Миди, чтобы получить заключение Университета по делу Жанны. 28 мая 1431 г. Бопер покинул Руан и как представитель Парижского Университета отправился на церковный собор в Базель. Затем, в 1435 г., он продолжил участие в соборе уже в качестве посланника руанского капитула. Он внес большой вклад в работу собора и из Базеля был направлен послом к королю Англии. 16 января 1435 г. Генрих VI, за добрую службу во Франции и в ходе Базельского собора, пожаловал ему бенефиции в Англии с годовым доходом в 100 ливров. После того, как в 1450 г. Карл VII отвоевал Руан, Бопер прибыл туда и предъявил свои права на каноникат, называя себя «добрым французом». Именно тогда Гийом Буйе, начиная кассационный процесс по делу Жанны, взял у него показания относительно процесса осуждения. Бопер высказывался о Жанне без особой симпатии, но настаивал на том, что он отсутствовал на завершающей стадии процесса, так как уехал из Руана в Базель сразу после отречения Жанны на кладбище Сент-Уэн. Боперу удалось сохранить за собой место руанского каноника.

9. Николь Бертэн. Каноник Лизьё. Душеприказчик Пьера Кошона и его племянника Жана Бидо. Присутствовал на процессе 28 мая 1431 г.

10. Гийом Боннель (?—1437). Бенедиктинец, аббат монастыря в Кормее с 1408 г. Изучал каноническое право в Париже с 1426 по 1428. Получил степень доктора декретов в 1428 г. В 1432 г. был избран деканом факультета декретов. Боннель участвовал в нескольких судебных заседаниях по делу Жанны. Во время консультаций по поводу 12 обвинительных статей он, вместе с аббатом Жюмьежа, отметил, что не может судить о «сокровенном» (*choses cachées*), тем более что не присутствовал регулярно на допросах Жанны. Он присоединился к решению Университета. Присутствовал на кладбище Сент-Уэн во время отречения Жанны, после чего в процессе более не участвовал.

11. Уильям Брольбстер. Священник Лондонского диоцеза. Присутствовал на процессе 25, 27 и 28 марта 1431 г.

12. Жан Брюйо (?—1435). Священник диоцеза Байо. Магистр искусств; с 1403 г. упоминается в документах как лицензиат декретов. В 1408 г. был избран прокурором Парижского Университета. В 1410 г. Жан Брюйо и Пьер Кошон были отправлены с посольством к герцогу Беррийскому. В 1418 г. Брюйо был назначен следственным советником (*conseiller aux Enquetes*) и кюре прихода Сен-Никола-де-Тайи, в Руанском диоцезе. В 1422 г. он стал кантором и каноником Руана. Несколько раз был депутатом на собраниях Штатов Нормандии (1423, 1427, 1430 гг.). Многократно участвовал в судебных заседаниях по делу Жанны — до 19 мая 1431 г. включительно.

13. Жиль Канивэ, или Кёнивэ. Уроженец Пикардии, упоминается как лицензиат медицины с 1422 г. Был ассессором на процессе всего лишь один раз, 3 марта 1431 г., а затем отправился на церковный собор в Базель.

14. Пьер Карель, или Карре. О нем нет точных сведений. Согласно некой грамоте, он якобы являлся клириком диоцеза Лизьё и магистром искусств

Парижского Университета. В тексте протоколов процесса он назван лицензиатом гражданского права. Принимал участие в голосовании 24 мая 1431 г.

15. Занон де Кастийон (?—1459), епископ Лизьё (*episcopus Lexoviensis*). Уроженец Милана, в 1424 г. стал преемником своего дяди, Бранда Кастильони, на епископском престоле Лизьё. В ходе консультаций по 12 обвинительным статьям, он посчитал, что, ввиду низкого происхождения Жанны, ее дело свидетельствует либо о дьявольском промысле, либо попросту о злонамеренном обмане. Занон де Кастийон был достаточно известным в свое время гуманистом. Ему часто поручались дипломатические миссии. В 1434 г. Генрих VI послал его на Базельский собор. Однако в 1449 г. Занон принял сторону Карла VII. В том же году он был рукоположен в кардинальский сан, а затем, в 1453 г., переведен в епископство Павийское.

16. Пьер Кошон¹ (ок. 1371—1442). Уроженец Реймского диоцеза. Получил степени магистра искусств и лиценциата декретов в Парижском Университете, ректором которого избирался затем дважды (1397 г., 1403 г.). В 1423 г. был назначен хранителем университетских привилегий и состоял в этой должности до 1432 г., т.е. до своего отъезда в Лизьё³. В 1398 г. на церковном соборе в Париже он голосовал за неподчинение папе Бенедикту XIII. В 1407 г. участвовал в посольстве, целью которого было склонить Бенедикта XIII и Григория XII к отказу от суверенного понтификата. Согласно грамоте от 6 февраля 1409 г.³, он был назначен советником Жана Бесстрашного. В феврале 1413 г. Кошон принял участие в следственной и реформенной комиссии, созданной герцогом Гиеньским, с целью обновить состав королевской администрации и положить конец административным злоупотреблениям. 28 апреля того же года Кошон был рядом с мятежниками, намеревавшимися потребовать от герцога Гиеньского выдачи пятидесяти «изменников». Он принимал участие в составлении кабольшеннского ордонанса. 14 мая 1414 г. его имя было внесено в список изгнанных из Парижа, составленный после возвращения в столицу герцога Орлеанского. 8 января 1415 г. Жан Бесстрашный послал его на Констанцкий собор. Вместе с другими послами герцога, Кошон выступил на соборе с «Оправданием» Жана Пти, а по сути — в защиту позиции герцога Бургундского, который таким образом хотел оправдаться перед общественным мнением за убийство Людовика Орлеанского, совершенное по его приказу в 1407 г. В конце марта 1418 г. Кошон вернулся во Францию. Уже в апреле Изабелла Баварская и герцог Бургундский послали его в монастырь Томб — искать примирения с представителями короля и коннетабля Арманьяка.

22 июля 1418 г. Кошон был назначен докладчиком при Карле VI. 27 июля того же года находился в составе комиссии, учрежденной епископом Парижским для осуждения клириков-арманьяков, брошенных в тюрьму за оскорбления величества. С этого времени он получал бенефиции сразу с нескольких доходных должностей: видама и каноника Реймса, каноника Бове и Шалона, архидиакона и каноника Шартра, прево Лилля, архидиакона Шалона и папского референдаря. 21 марта 1420 г. Университет, по собственной просьбе Карла VI, направил к нему Кошона и Бопера, чтобы «подать помощь и совет» в ходе подготовки договора в Труа. В июне 1420 г. Кошон как должностное лицо Университета поклялся блюсти этот договор. 21 августа 1420 г. он был назначен епископом Бовеским; 12 января 1420 г. герцог Бургундский присутствовал на церемонии его введения

в должность. 3 июня 1422 г. Кошон принял участие в совете, созванном Карлом VI в Нельской башне. В октябре он был назначен душеприказчиком Карла VI. В 1423 г. он впервые присутствовал на Большом Совете Генриха VI; в ту пору его годовой доход достигал 1 000 ливров. Он был главным инициатором составления ордонанса от 26 ноября 1425 г., который отменял двадцатипроцентное повышение налогов, объявленное папой Мартином V. Взамен Генрих VI должен был отдать папской курии некоторые епископства и три четверти свободных бенефициев во Франции. Парламент отнесся к этому ордонансу крайне враждебно и лишь после долгих дебатов ратифицировал его 6 марта 1426 г.

С 6 февраля по 20 июня 1428 г. Кошон находился в Шампани. Там он возглавил комиссию, которой было поручено укрепить крепости Аргонны и получить причитающиеся подати с Реймса, Лана, Суассона, Нуайона, Сен-Кантена и Шалона, чтобы заплатить жалованье воинам Жана Люксембургского, державшим в осаде город Бомон.

В 1429 г. Кошон остался глух ко всем протестам и жалобам нормандского духовенства, стонавшего от экстраординарных поборов — так называемых «трех десятин». Известно, что нормандский клир не выплатил Римской курии анна-тов, отчего пострадал и сам Кошон, и поэтому с нормандского духовенства было решено собрать сразу три десятины. Одна предназначалась папе, и две — Бедфорду с тем, чтобы он употребил эти средства «для защиты страны и, в особенности, для изгнания врагов, находящихся в Мон-Сен-Мишеле».

В августе 1429 г. наступление войск Карла VII вынудило Кошона покинуть Бове. Он нашел убежище в Руане, архиепископский престол которого в то время пустовал. Несмотря на хлопоты приближенных английского короля, Кошон не смог занять место архиепископа. В том же 1429 г. он, по всей видимости⁴, отправился в Англию, вместе с кардиналом Винчестерским, по «делам и нуждам короля, [...] имеющим касательство и отношение к его королевству Французскому». В квитанции от 16 января 1430 г., заверенной его подписью и печатью, он признал, что действительно получил 670 турских ливров на путешествие в Англию, совершенное с 5 сентября по 9 января 1430 г. В 1430 г. он отправился в Кале, чтобы увидеть Генриха VI, который вступил в этот город 23 апреля. Именно тогда Жанна, находившаяся в плену у бургиньонов, стала объектом притязаний одновременно и англичан и Парижского Университета. 14 июля 1430 г. Кошон отправился в Компьень, к герцогу Бургундскому, и вручил ему требование «от короля, нашего сеньора, и от него самого как епископа Бовеского⁶». Кошон потребовал выдачи Жанны, чтобы он мог начать против нее процесс по делам веры, поскольку она была взята в его диоцезе. Он предложил огромный выкуп.

16 декабря 1430 г. Кошон присутствовал на коронации Генриха VI в Париже. В ходе руанского процесса только Кошон и викарий инквизитора Жан Ле Мэтр были официальными судьями; остальные члены трибунала исполняли ассессорские обязанности. 29 января 1432 г. Кошон был назначен епископом Лизьё, но по-прежнему часто находился в Руане, в Сен-Канд-Ле-Вьё, где находилась резиденция епископа Лизьё, а также церковь, духовный суд с прокуро-ром и капитулом, которые были подчинены юрисдикции епископа. В 1433 г. он, по всей вероятности, был в Кале, где предполагалось устроить встречу двух королей⁶. Как известно, послы Карла VII на эту встречу не приехали. Наконец,

в июле 1434 г. Генрих VI направил Кошона на собор в Базель. Там епископ узнал, что изгнан из своего диоцеза, поскольку сторонники Карла VII вновь взяли инициативу в свои руки. 23 июля 1435 г. он покинул Базель и выехал на конгресс в Аррас, где последовательно отстаивал права английского короля. Он покинул Аррас 27 сентября 1435 г.

На заседании английского Парламента 15 марта 1436 г. он был первым из прелатов Церкви, кого призвали присягнуть на верность и преданность королю Генриху. В том же году умер архиепископ Руанский, но капитул предпочел Пьеру Кошону Людовика Люксембургского. В период с октября 1438 г. по март 1440 г. Кошон несколько раз ездил в Англию, главным образом занятый хлопотами о мире. С июля по сентябрь 1439 г. он участвовал в конференции, проходившей на территории между Кале и Гравлином: в ходе конференции велись переговоры о мире и об освобождении герцога Орлеанского. 1 августа 1441 г. Кошон сопровождал герцога Йоркского при его вступлении в Руанский собор в качестве губернатора Нормандии.

Кошон скоропостижно умер в Руане 18 декабря 1442 г. Он был погребен в соборе Лизьё, в часовне Девы Марии, которую выстроил на свои средства и в которой есть изображение его герба — лазоревое с серебряным поясом и тремя золотыми раковинами. Его захоронение было забыто, а затем вновь обнаружено в 1931 г. В 1944 г. во время воздушной бомбардировки Лизьё, крест, некогда венчавший его гробницу, а затем хранившийся в музее, исчез. Наследниками Кошона стали его племянник, Жан Бидо, каноник Руана, и племянница, Гильметта, которая затем вышла замуж за Жана де Ринеля, известного секретаря английского короля в Руане.

17. Никола Каваль (ок. 1390—1457). Магистр искусств и бакалавр декретов Парижского Университета с 1403 г. В 1428 г. стал лицензиатом гражданского права. Получил от англичан каноникаты в Мортэне и Руане (1421). Был другом Занона де Кастийона, епископа Лизьё, и Жана де Кастийона, епископа Кутанса. Являлся душеприказчиком Пьера Кошона. В 1428 г. стал настоятелем церкви Нотр-Дам-дез-Андли. На допросах, проведенных в ходе процесса реабилитации в 1452 и 1456 гг., он утверждал, что видел Жанну всего один раз. Он заявил, что «ничего не знает» и ему нечего вспомнить по этому поводу. На самом же деле он присутствовал на судебных заседаниях 27 февраля, 1 и 27 марта, 2, 19 и 29 апреля; он голосовал за то, чтобы Жанну выдали светским властям как вероотступницу.

18. Пьер Кавэ, лицензиат гражданского права. Его имя не встречается в документах Парижского Университета. На процессе он появился лишь однажды — 1 марта 1431 г.

19. Ангерран де Шанрон (?—1435). Лицензиат обоих прав, официал Кутанса. Присутствовал на процессе только один раз — 24 марта 1431 г.

20. Джон Карпентер, иначе Шарпантье или Карпантье. Англичанин, королевский клирик. В 1431 г. был настоятелем приходской церкви Биконсфилда, в диоцезе Линкольна. Он присутствовал на трех заседаниях по делу Жанны; вместе с шестнадцатью докторами участвовал в консультации по поводу 12 обвинительных статей. Во всех документах указан как доктор теологии.

21. Жан де Шатийон, Жан Юло де Шатийон. Бакалавр теологии Парижского Университета, где, скорее всего, был товарищем Кошона и Бопера. Став

доктором теологии, с 1428 г. преподавал на теологическом факультете Университета. Ко времени процесса над Жанной он уже был архидиаконом и каноником Эврё, а позднее, в 1437 — 1442 гг., — архидиаконом города Вексена в Нормандии. Многократно участвовал в судебных заседаниях. 2 мая 1431 г. он обратился к Жанне с торжественным увещанием; 29 мая 1431 г. голосовал за то, чтобы ее выдали светским властям, а на следующий день присутствовал на казни. Однако Массье и Маншон сообщают, что он был вынужден в какой-то мере защищать Жанну, так как считал, что она не обязана отвечать на некоторые вопросы судей.

22. Гийом Колль, прозванный **Буагийомом** или **Боскгийомом** (ок. 1390 — после 1456). Нотариус церковного суда Руана. В одном из документов от 1421 г. он назван кюре прихода Нотр-Дам-де-Ла-Ронд. Он заверил своей подписью постановление главных викариев руанского архиепископства о том, чтобы отнять бенефиции у тех каноников и кюре руанского диоцеза, которые находились в подчиненных дофину землях. В июле-ноябре 1430 г. он был нотариусом на инквизиционном процессе, который Жан Гравран вел против Жана Сегана. В 1448 г. архиепископ приказал пустить с торгов его имущество «взамен на прощение», поскольку он попал в тюрьму и находился под угрозой отлучения. В 1456 г. он выступал свидетелем на процессе реабилитации.

23. Жан Коломбель (?—1437). Клирик из Лизьё. В 1420 г. упомянут как лицензиат декретов. Был прокурором Руанского архиепископства в 1423 и 1424 г., а также прокурором церковного суда с 1423 по 1429 г. Получил место кюре при церкви Сен-Вивьен в Руане (1429). Затем стал адвокатом архиепископской курии Руана. В ходе процесса участвовал в заседаниях двенадцать раз. Огласил свое решение на двух главных заседаниях — 15 и 25 мая 1431 г. В конце жизни был каноником Лизьё.

24. Гийом де Конти (?—1452). Уроженец Амьена, бенедиктинец, упоминается как лицензиат декретов с 1422 г., аббат Ланьи — с 1423 г., аббат монастыря св. Екатерины в Руане — с 1429 г. Присутствовал на первых четырех заседаниях по делу Жанны — 21, 24 и 27 февраля и 1 марта 1431 г. В ноябре 1431 г. был избран деканом факультета декретов; в мае 1432 г. отправился на Базельский собор. В 1335 г. Университет послал его на Аррасский мирный конгресс, а в 1436 г. поручил ему поздравить Карла VII в связи со взятием Парижа.

25. Бюро де Кормей. Лицензиат гражданского права, учился, скорее всего, в Орлеане. С 1404 по 1420 г. был кюре прихода Туффревиль-Ла-Корбелин. В одном из документов от 1394 г. из архива Орлеанского Университета, упоминается некий *Burellus de Cormelles, clericus Rothomagensis diocesis, licentiatus in legibus, Franciaie regis secretarius* (Бюро де Кормей, клирик Руанского диоцеза, лицензиат обоих прав, секретарь французского короля. — А. С.), который рассматривался как кандидат на один из авраншских каноникатов. Помимо прочего, он был адвокатом Руанской курии.

26. Никола Купкен, или Копкен (?—1442). В одном из документов за 1403 г. он упомянут как магистр искусств. В 1417 г. стал ректором грамматических школ в Руане. Впоследствии стал бакалавром теологии. В 1423 г. он был каноником Руана и духовником диоцеза на время вакансии архиепископского престола. 5 июня 1430 г. руанский капитул избрал его помощником Пьера Мориса и поручил ему поздравить короля Генриха VI с прибытием в Руан.

Немногим позже он был назначен каноником церкви города Бедфорда. Девятнадцать раз присутствовал на судебных заседаниях по делу Жанны. Решительно голосовал против применения к ней пыток, но высказался за предание ее светской власти.

27. Томаде Курселль (1393—1469). Уроженец Амьена. Избирался ректором Парижского Университета в 1430, 1431 и 1435 г. В 1431 г. был посланником Университета в Риме. Упоминается как лицензиат теологии с 1435 г.; долгое время был профессором в Париже. 12 мая 1431 г. он, вместе с Обером Морелем и Никола Луазелёром, оказался в меньшинстве, голосуя за применение к Жанне пыток. 19 мая 1431 г. он заявил, что поскольку она отказывается покориться Церкви, ее следует признать еретичкой. 7 июня 1431 г. он свидетельствовал, что Жанна в утро перед казнью говорила, будто голоса ее обманули. Именно он, вместе с Гийомом Маншоном, оформил и перевел на латынь французскую минуту, то есть подлинный протокол процесса осуждения. Следует отметить, что он «забыл» указать, каким было его собственное голосование по поводу пыток. На допросах в ходе процесса реабилитации в 1456 г. он отвечал очень сдержанно, ссылаясь на плохую память. Курселль сыграл очень важную и заметную роль на Базельском соборе. На конгрессе в Аррасе в 1435 г. он представлял французского короля и требовал мира. Удостоился дружбы самого Карла VII. Именно Курселль произнес надгробную речь на королевских похоронах. По свидетельству Эннио Сильвио Пикколомини, он был преславным среди докторов теологии, и он, более чем кто-либо иной, был вдохновителем декретов Базельского собора, а также человеком замечательным и приятным своей ученостью, но в то же время скромным и исполненным сдержанности. Он умер в 1469 г., будучи деканом капитула Нотр-Дам в Париже.

28. Жан Дасье (?—1437). Бенедиктинец, с 1424 г. аббат монастыря св. Корнелия Компьеньского. Лицензиат гражданского права. Присутствовал на процессе лишь 9 мая 1431 г. Принимал участие в Базельском соборе.

29. Жилль Дешан (?—1438), выходец из знатной руанской семьи. Его дядя, тоже Жилль, епископ Кутанса, был рукоположен кардиналом в 1411 г. Сам Жилль Дешан учился в Парижском Университете (значится в списках за 1414 г.), получил звание лиценциата гражданского права. В 1415 г. был назначен духовником Карла VI. С 1421 г. являлся каноником Кутанса и Руана, был церковным канцлером, настоятелем церкви Нотр-Дам etc., участвовал в различных переговорах. После 19 мая 1431 г. не участвовал в процессе над Жанной. В 1438 г. прокурор начал против него судебное преследование по вероисповедальным вопросам, но он умер в тюрьме до вынесения приговора.

30. Гийом Дежардэн (ок. 1370—1438). Лицензиат медицины; с 1408 г. регент-магистр медицинского факультета Парижского Университета. С 1418 г. проживал в Руане, в 1421 г. стал каноником Байё и Руана. Вместе с Гийомом де Ла Шамбром ухаживал за Жанной во время ее болезни. Присутствовал на нескольких судебных заседаниях. 29 мая 1431 г. он присоединился к мнению аббата Феканского, то есть проголосовал за выдачу Жанны светским властям.

31. Ришар де Со. Руанский священник, магистр искусств и бакалавр декретов Парижского Университета; его имя упомянуто в одном из реестров от 1403 г. В ходе первых судебных заседаний по делу Жанны он был назван бакалавром декретов. Начиная со 2 мая 1431 г. его называли лиценциа-

том декретов и адвокатом Руанской курии. В последний раз он появился на заседании 19 мая 1431 г., в ходе которого присоединился к заключению факультета декретов.

32. Лоран дю Бюск. Руанский клирик. Лицензиат декретов в 1420 г. Адвокат церковной курии Руана. Появлялся на нескольких заседаниях процесса и в последний раз, 19 мая 1431 г., присоединился к заключению факультета декретов.

33. Жан Дюшмэн, или дю Кёмэн (de Quemino). В ходе первых судебных заседаний он был назван бакалавром канонического права, а после 27 марта 1431 г. — лицензиатом канонического права и адвокатом Руанской курии. Высказываясь по 12 обвинительным статьям, он поддержал мнение Обера Мореля. Присутствовал при отречении Жанны, после чего в процессе не участвовал.

34. Бертран Дюшен. Бенедиктинец из Клюни, настоятель Лионз-ан-Сантер, упоминается как доктор декретов с 1426 г. Он не присутствовал на процессе, но присоединился к заключению факультета декретов. В 1439 г. стал аббатом монастыря Сен-Пьер-д'Анон в Аррасском диоцезе.

35. Жоффруа дю Кротэ, в протоколах процесса назван лицензиатом гражданского права, но не упоминается как таковой в списках Парижского Университета. Был адвокатом Руанской курии и пансионером капитула в 1435 г. Многократно присутствовал на судебных заседаниях. 27 марта 1431 г. он высказал мнение, что следует даровать Жанне трехдневную отсрочку, прежде чем предать ее отлучению. 19 мая присоединился к заключению факультета декретов, а 29 мая — ко мнению аббата Феканского о необходимости выдать Жанну светским властям. 5 июня 1456 г. был допрошен как свидетель на процессе реабилитации.

36. Гийом дю Дезер (1390—1471). Родился в Париже. В 1421 г. Генрих V назначил его каноником Руана. Стал бакалавром декретов не ранее 1432 г. Присутствовал на судебном заседании 29 мая 1431 г. и проголосовал за выдачу Жанны светским властям. После завоевания Карлом VII Нормандии принял сторону французского короля. В 1452 г. был помощником кардинала д'Эстутвилля, который занимался следственными анкетами на процессе реабилитации. Выступал как свидетель на этом процессе, — причем добровольно, не будучи вызванным. Сообщил, что присутствовал при отречении Жанны, а также при вынесении окончательного приговора. Однако его показания не отличаются особой точностью.

37. Морис дю Кенэ. Во французской минуте несколько раз назван дю Шеном или de Quercu. Будучи доктором теологии, он регулярно присутствовал на судебных заседаниях по делу Жанны — вплоть до 24 мая 1431 г. Точных данных о нем нет, но среди выпускников Парижского Университета значился некий Jean de Quesneio, лицензиат теологии в 1429 г. и магистр — в 1430 г.

38. Жиль де Дюормор (?—1444). Бенедиктинец, именуется аббатом Бопрэ с 1403 г., лицензиатом теологии — с 1408 г. В 1413 г. стал аббатом Бобека, а в 1423 г. — аббатом Феканского монастыря. С 1423 г. по 1429 г. был регентом парижского Факультета теологии. Затем проживал, как правило, в Руане, в постоянной резиденции аббатов Феканских. Герцог Бедфорд и король Англии

доверяли ему множество дипломатических миссий. В 1428 г. он был назначен на должность королевского советника, а в 1429 г. послан в Англию по государственным делам. 5 марта 1430 г. ему было поручено выбрать наиболее подходящих руанских клириков для отправки их на Базельский церковный собор.

Он часто присутствовал на процессе Жанны. Его соратник Жан Массье, свидетельствуя на процессе реабилитации, скажет, что аббат Феканский действовал скорее из ненависти к Девике и из любви к англичанам, чем по справедливости. Его богословская оценка поведения Жанны, высказанная в ходе голосования, вызвала одобрение большинства ассессоров. Он присутствовал на заседании Большого Совета, который издал грамоты, гарантировавшие безопасность для руанских судей (12 июня 1431 г.). В 1438 г. он был в числе послов английского короля, которые должны были договориться о мире с Карлом VII. В 1439 г. Жиль де Дюрмор был назначен епископом Кутанса, а спустя пять лет умер в Руане.

39. Жан [Гийом] Дюваль. Присутствовал лишь на одном судебном заседании — 27 марта 1431 г. Скорее всего, как полагают современные исследователи, в протоколах процесса допущена ошибка: в данном случае речь должна идти не о Жана, а о Гийоме Дювале, доминиканце из монастыря Сен-Жак в Руане. Действительно, Гийом будет свидетельствовать в 1450 г. на процессе реабилитации: по его словам, он присутствовал на процессе осуждения лишь однажды. Мартэн Ладвеню в своих показаниях назвал его викарием инквизитора.

40. Жан Дюваль. Руанский священник. Магистр искусств Парижского Университета; в 1422 г. он выпросил для себя место каноника в городе Мо, а в 1425 г. стал настоятелем церкви города Этрена в Руанском диоцезе. Присутствовал на судебном заседании 24 февраля 1431 г.

41. Эрар Эмангар (?—1439). Священник Руанского диоцеза. Стал лицензиатом теологии в 1414 г. В феврале 1414 г. он просил у папы закрыть дело Жана Пти, выступая на стороне герцога Бургундского. В тридцатые годы XV в. многократно упоминался как регент-магистр Университета, в 1431 г. назван профессором. Регулярно посещал судебные заседания по делу Жанны, вплоть до 19 мая 1431 г. включительно.

42. Гийом Эрар. Уроженец Лангрского диоцеза. Став лицензиатом теологии 12 января 1428 г., уже 26 марта был провозглашен магистром. Преподавал теологию в Париже. Его имя стоит в перечне регент-магистров. В 1432 г. он фигурирует в документах как каноник Руанской церкви, а в 1438 г. — как декан. В 1435 г. Генрих VI поручил ему блюсти интересы Англии в ходе Аррасской конференции. Он умер в 1439 г. в Англии, где представлял интересы Людовика Люксембургского.

Он присутствовал на допросе Жанны лишь однажды, 9 мая, но принимал участие в заочных голосованиях. Ему было поручено произнести проповедь на кладбище Сент-Уэн. Четыре дня спустя после этой проповеди Жанна назовет его «лжепроповедником», так как, по ее словам, он приписывал ей мнимые преступления и грехи. Эта проповедь произвела глубокое впечатление на слушателей. Многие свидетели, допрошенные в 1450, 1452 и 1456 г., припоминали фразу: «О, дом Франции (т.е. французский королевский род. — А. С.) никогда прежде ты не порождал чудовищ; и вот, ныне, соединившись с сей суеверной

женщиной, ведьмой и еретичкой, ты опозорен». Известно, что Жанна прервала его, говоря: «Проповедник, вы злословите, не говорите так об особе короля Карла, потому что он — добрый католик».

По свидетельству Жана Массё, Гийом Эрар грубо окликнул его, когда Жанна, готовясь подписать отречение, попросила у него совета. 8 июня 1431 г. Г. Эрар дал расписку в том, что за участие в процессе, начиная с 6 мая 1431 г., он получил 31 турский ливр, из расчета 20 турских су в день.

43. Жан д'Эстиве, прозванный *Benedicite* (?—1438). Закончил факультет декретов в Парижском Университете. Каноник Бове и Байё, главный прокурор Бовеского диоцеза. 9 января 1431 г. Кошон выбрал именно его для исполнения прокурорских функций на процессе по делу Жанны. Д'Эстиве пришлось сыграть на нем роль столь же важную, сколь и одиозную. Об этом на процессе реабилитации свидетельствовали оба судебных секретаря — Маншон и Буагийом.

Д'Эстиве был автором доклада, который состоял из 70 статей, обличающих Жанну. Эти статьи были зачитаны обвиняемой 27 и 28 марта 1431 г. С самого начала процесса д'Эстиве занял откровенно враждебную позицию по отношению к Жанне: он прилюдно оскорблял ее в тюрьме, называя распутницей. Как свидетельствует Гийом Колль, «мэтр Гийом д'Эстиве также входил в тюрьму к Жанне, выдавая себя за пленника, как ранее поступал Луазелёр» (XXII, р.117). Он поддерживал связь с Кошоном и после суда над Жанной: в 1437 г. он служил прокурором при двоюродном племяннике епископа, Жане де Ринеле. Его кончина, случившаяся 20 октября 1438 г. была трагична: по словам Буагийома, он был найден утопшим «в болоте, что находится за одними из Руанских ворот» (XXII, р.117). Буагийом утверждал, что таким образом Господь покарал д'Эстиве за лживость и жестокость.

44. Жан Эд (*Eude*). Бакалавр теологии. Присутствовал на процессе лишь 2 мая 1431 г., когда Жан де Шатийон обратился к обвиняемой со спасительным увещанием.

45. Гийом Эввар (?—1470). В декабре 1429 г. стал лиценциатом теологии. В ходе процесса присутствовал на одном заседании, 3 марта 1431 г., и более ничем себя не проявил. Затем отправился в Базель, чтобы участвовать в церковном соборе вместе со своими соратниками по руанскому процессу — Никола Лами, Дени Сабревуа, Жиллем Канивэ и Тома Фьевэ. Будучи одним из самых влиятельных парижских прелатов, Эввар сыграл на Базельском соборе значительную роль.

46. Джованни да Фано. Францисканец-минорит из графства Марш. В документах за 1428 — 1429 гг. он значится лишь как *sententiarus* (т.е. сентенциарий, клирик, допущенный к преподаванию по книге «Сентенций» Петра Ломбардского, в которой мнения церковных авторитетов по вопросам богословия были приведены в согласие между собой). Звание сентенциария занимало третью ступень в иерархии ученых степеней теологического факультета университета. Ниже сентенциария стояли курсор (бакалавр-репетитор) и библикус (комментатор Библии), выше — соответственно, бакалавр-форматис, допускавшийся ко всем диспутам, лиценциат, обладавший правом преподавать повсеместно, и доктор теологии. Джованни да Фано стал лиценциатом теологии лишь в 1431 г. Он присутствовал на процессе 27 февраля 1431 г.

47. Жерар Фёйе. Францисканец-минорит. В декабре 1429 г. получил степень лиценциата теологии, а 30 марта 1430 г. — степень магистра. 13 февраля 1431 г. он прибыл из Парижа в Руан вместе с Бопером, Миди, Туреном, Морисом и Курселлем. Фёйе присутствовал на судебных заседаниях часто, но лишь до 18 апреля 1431 г., когда он, вместе с другими ассессорами, торжественно призвал Жанну подчиниться Церкви.

48. Тома Фьевэ или Фивэ. Клирик из диоцеза Камбре. В 1426 г. стал доктором декретов, а в 1429 г. — официальом собора Парижской Богоматери. Присутствовал на судебном заседании 12 марта 1431 г., после чего, по предписанию Университета, уехал в Базель на церковный собор.

49. Жюльен Флоке. Упомянут в одном из прошений от 1419 г., без всякой ученой степени. Присутствовал на судебном заседании 28 мая 1431 г. В 1434 г. стал теруанским каноником и упоминается в источниках только под этим титулом, по-прежнему без указания ученых степеней.

50. Жан Фушье. Францисканец-минорит, в 1439 г. стал представителем ордена в Руанской провинции и был назван в источниках *Sacre Pagine professor*, то есть, по всей видимости, бакалавром теологии со степенью библикуса. Он был свидетелем того, как Жан де Шатийон обратился к Девине с увещанием. 19 мая 1431 г. присоединился к заключению факультета теологии, прося, кроме того, чтобы Жанну увещали снова. 24 мая 1431 г. он присутствовал при отречении Жанны на кладбище Сент-Уэн.

51. Никола де Фовилль. В списках Парижского Университета за 1435 г. под этим именем фигурирует один из магистров искусств. Де Фовилль присутствовал только на одном судебном заседании — 24 февраля 1431 г. В 1451 г. под этим именем упомянут кюре Экренвилля.

52. Томас Фрик. Бенедиктинец. Аббат Бек-Хеллоуина с 9 июня 1430 г. Проживал, в основном, в Руане. Присутствовал на одном судебном заседании — 24 мая 1431 г. В 1436 г. аббат Жюмьежа подал жалобу папе и собору, по поводу того, что в ходе ассамблеи прелатов и аббатов аббат Бек-Хеллоуина, вопреки приличиям, занял место перед ним.

53. Дени Гастинель (?—1440/1441). Был учеником Никола Ле Ру в Париже. В 1418 г. получил степень лиценциата канонического права. В 1422 г. стал каноником Руана. Благодаря покровительству Уолтера Хонгерфордена, в 1427—1428 г. он получил место кюре в Невилле. В 1424 г. вошел в состав Королевского совета. Присутствовал на двенадцати судебных заседаниях; 12 мая проголосовал против применения пыток по отношению к Жанне. 19 мая он согласился с решением Университета, а 29 мая высказался за то, чтобы передать Жанну светским властям, *absque supplicatione* (без ходатайства. — А. С.). Он занимал важное положение в Руанском капитуле.

54. Роберт Гилберт. Англичанин, доктор теологии, настоятель часовни английского короля. Присутствовал только на одном судебном заседании, 29 мая 1431 г., и проголосовал тогда за то, чтобы Жанну выдали светским властям. В 1436 г. получил сан епископа Лондонского.

55. Жан Гравран, или Ле Гравран. Доминиканец. Получил степень магистра теологии не позднее 1413 г. Уже в 1424 г. был назначен инквизитором Франции. В 1431 г. он участвовал в судебном процессе по делу Жана Ле Куврёра,

из за чего воздержался от участия в процессе Жанны. Однако 4 июля 1431 г. он произнес гневную речь, в которой утверждал, что она была «ведома врагом адовым и... творила убийства христиан в огне и крови до тех пор, пока не была сожжена» (*Journal d'un bourgeois de Paris*. Paris, 1881. P. 270).

56. Ришар де Груше (ок. 1392 — после 1452). Магистр искусств и бакалавр теологии. Присутствовал на нескольких заседаниях процесса. В 1452 г., свидетельствуя на процессе реабилитации, Груше вспоминал, что заключение по 12 обвинительным статьям, которое он подписал вместе с Пьером Минье и Жаном Пигашем, не понравилось Кошону. Этот факт подтвердил и Никола де Упвилль, давая показания в 1456 г.: Минье, Пигаш и Груше сочли себя не вправе высказываться об источнике откровений Жанны. Однако 19 мая 1431 г. Груше постановил, что если Жанна не покорится Церкви, то ее следует объявить еретичкой. 29 мая 1431 г. он голосовал за то, чтобы Жанну выдали светским властям. Будучи в 1452 г. каноником коллегиальной церкви Сосэ, он заявил, что участвовал в процессе по причине «страха, угроз и испуга» (XXII, p. 216). Собрание руанского духовенства поручило ему заняться подготовкой посольства, которое должно было отправиться на Базельский собор.

57. Жан Герэн, или Гарэн (ок. 1370—1433). Уроженец Руана. В 1415 г. получил степень доктора декретов. В 1419—1422 гг. был деканом факультета декретов. Получил от Генриха V нескольких пребенд, и, в частности, в 1422 г. — канониката в Руане. В 1423 г. и в 1430 г. английское правительство посылало его на собрания Штатов Нормандии. В 1431 г. он был казначеем Руанского архиепископства. Присутствовал на нескольких судебных заседаниях по делу Жанны. Умер в Базеле в 1433 г.

58. Жак Гедон. Францисканец-минорит. В документах постоянно упоминается как доктор теологии, хотя некоторые исследователи, к примеру, Денифль, ставят этот сан под сомнение. Будучи смотрителем (*gardien*) монастыря в Руане, он являлся единственным ассессором, который присутствовал на процессе Жанны регулярно и до самого конца.

59. Уильям Хейтон, или Уильям Хэттон. Английский клирик, бакалавр теологии. В 1419 г. он прибыл во Францию для подготовки свадебных торжеств по случаю брака Генриха V с Екатериной, дочерью Карла VI. В 1431 г. он, являясь королевским секретарем, заседал в Большом Совете. Участвовал в семнадцати судебных заседаниях по делу Жанны и присутствовал при ее казни. В ходе окончательного голосования высказался, как аббат Феканский. В 1433 г. он был смещен с должности королевского секретаря.

60. Джон Хэмптон, священник. Присутствовал на судебных заседаниях 27 и 28 марта 1431 г.

61. [Никола де Омон], аббат Мортимера. Цистерцианец из монастыря Ро-зьер, назначен аббатом Мортимера 26 ноября 1428 г. В феврале 1431 г. он был лицензиатом и профессором теологии. В латинском протоколе аббат Мортимера ошибочно назван Гийомом по причине того, что на момент составления Курселлем латинской редакции действующим аббатом Мортимера был Гийом Теруд. Аббат Мортимера редко присутствовал на процессе, но предоставил свое заключение по 12 обвинительным статьям. 19 мая 1431 г. он присоединился к мнению факультета теологии, а 29 мая голосовал вместе с аббатом Феканским за то, чтобы Жанну передали светским властям.

62. Пьер Удан, или де Удан. Кармелит. Магистр теологии в 1424 г. В протоколах процесса назван доктором теологии. В 1431 г. он был назначен приором Руана — города, которому Бедфорд выражал всяческое благорасположение. Пьер Удан присутствовал на двух судебных заседаниях, а также на казни Жанны. В период между 1430 и 1439 гг. он часто проповедовал в Руанском соборе.

63. Никола де Юбан. Доктор декретов, секретарь и аббревиатор апостольских посланий. 12 сентября 1429 г., после смерти Жана Жерсона, он был назначен каноником собора Парижской Богоматери. Присутствовал на судебных заседаниях с 12 по 15 марта 1431 г.

64. Робер Жоливэ де Монпэншон (?—1444). Бенедиктинец, аббат Мон-Сен-Мишеля с 1411 г., упоминается как бакалавр декретов в 1416 г. В 1419 г. он бежал из своего аббатства, которое хранило верность дофину Карлу, и нашел приют у англичан. В 1423 г. он получил от Бедфорда должность канцлера и хранителя его личной печати, а затем, в 1430 г., — должность советника по особо важным делам. Ему поручалось множество дипломатических и военных миссий. Он проживал в Руане и присутствовал при отречении Жанны 24 мая 1431 г. После его смерти в 1444 г. Карл VII велел раздать его имущество монахам Мон-Сен-Мишеля.

65. Жан Лаббе (?—1445). Бенедиктинец. С 1417 г. был аббатом монастыря св. Георгия в Бошервилле. Присутствовал лишь на двух судебных заседаниях по делу Жанны. В 1444 г. сложил с себя сан и умер в следующем году.

66. Гийом де Ла Шамбр. 6 марта 1430 г. получил степень лиценциата медицины. Преподавал в Парижском Университете. В ходе процесса над Жанной ухаживал за ней, когда она была больна. Сам он тогда был молод, поскольку во время кассационного процесса, в 1456 г., ему будет всего около сорока восьми лет. Будучи в том году допрошен в Париже, он утверждал, что проголосовал как аббат Феканский потому, что его вынудил и заставил это сделать Пьер Кошон. Его отец был врачом при французском королевском дворе.

67. Жан де Ла Фонтэн. Уроженец диоцеза Байё. Магистр искусств, лиценциат декретов в 1424 г. В 1422 г. он находился в составе делегации, имевшей поручение добиться от Генриха VI подтверждения университетских привилегий. 9 января 1431 г. Кошон назначил его полномочным советником и дознавателем по делу Жанны, а 9 марта приказал ему вести допросы Жанны в тюрьме, что он и делал до 17 мая 1431 г.; 27 мая он проголосовал за предложение Жана д'Эстиве: если Жанна не покаяется говорить правду по всем 12 обвинительным статьям, она будет отлучена от Церкви. Свидетели процесса реабилитации — Изамбар де Ла Пьер, Жан Массё, Гийом Манишон, Никола де Упвилль — единодушно свидетельствуют, что де Ла Фонтен навлек на себя гнев Кошона, давая Жанне полезные советы. По словам Упвилля, он якобы был брошен за это в темницу. Так или иначе, после 28 марта 1431 г. он более не появлялся на судебных заседаниях.

68. Никола Лами. В 1423 г. стал бакалавром теологии в Парижском Университете, а в 1428 г. — лиценциатом. Избирался ректором Университета в 1426 и 1429 гг.; 23 февраля 1427 г. был назначен каноником Байё. Присутствовал на судебном заседании 3 марта и сразу после этого уехал в Базель, чтобы участвовать в церковном соборе. Именно Никола Лами рассказал о руанских событиях Жану Ниде, приору базельских доминиканцев, автору известной проповеди

о Жанне. По словам Лами, Жанна призналась, что имела сношения с ангелом Божьим, каковой, по мнению множества весьма сведущих особ, был никем иным, как духом зла, ибо это следовало из многих улик и логических умозаключений.

69. Мартэн Ладвеню, или Лавню (ок. 1400–?). Доминиканец из руанского монастыря якобинцев. В документах процесса редко упоминается о его присутствии на заседаниях: 20 февраля 1431 г. он участвовал в заседании, на котором Кошон решил просить инквизитора прибыть в Руан лично или, по крайней мере, передать свои полномочия Жану Ле Мэтру. 19 мая 1431 г. Ладвеню согласился с заключением факультета теологии; 24 мая он присутствовал при отречении Жанны, а 29 мая, как и Изамбар де Ла Пьер, проголосовал за выдачу обвиняемой светским властям. Утром 30 мая 1431 г. он исповедовал и причастил Жанну. Вместе с братом Изамбаром Ладвеню стоял у костра во время казни Девицы. 7 июня 1431 г. он дал показания для составления так называемых «Посмертных сведений». Впоследствии он выступал свидетелем на процессе реабилитации. Ему было тогда около 56 лет.

70. Изамбар де Ла Пьер (ок. 1392–?). Доминиканец, бакалавр теологии. Начиная с 10 марта, он присутствовал на четырнадцати судебных заседаниях как помощник вице-инквизитора. В ходе голосований 12 мая 1431 г. он отверг возможность применения пытки; 29 мая проголосовал за то, чтобы выдать Жанну светским властям, но прежде обратиться к ней с повторным увещанием. Ему и Мартэну Ладвеню было поручено сопровождать и поддерживать Жанну в день казни, 30 мая 1431 г. В ходе процесса реабилитации его один раз допрашивали в 1450 г. и еще дважды — в 1452 г. В 1455 г., будучи снова вызван в суд для дачи свидетельских показаний, он не явился. К этому времени ему было около 63 лет.

71. Робер Ле Барбье (ок. 1383—1444). Магистр искусств, лицензиат обоих прав. В 1419 г. стал каноником Руана; в 1422 и 1436 гг. исполнял там обязанности официала; был депутатом на собрании Штатов Нормандии. До 19 мая 1431 г. он часто присутствовал на судебных заседаниях.

72. Гийом Ле Буше. Кармелит. В 1413 г. стал лицензиатом теологии. Согласно документам, с 1422 г. проживал в Руане. В протоколах процесса фигурирует как доктор теологии. Ле Буше регулярно принимал участие в допросах, а также в судебных голосованиях по ключевым вопросам; осудил Жанну, поддержав приговор аббата Феканского; присутствовал на казни Девицы.

73. Гийом Ле Бур (?—1456). Монах-каноник. С 1415 г. и до конца жизни являлся приором Сен-Ло в Руане. Участвовал в нескольких судебных заседаниях, присутствовал на кладбище Сент-Уэн при отречении Жанны.

74. Жак Ле Камю (?—1438). Будучи каноником Реймса с 1423 г. и каноником Сен-Симфорьена с 1428 г., он утратил свои бенефиции, поскольку перешел на сторону англичан. В качестве некоторого возмещения Генрих VI даровал ему должность кюре при монастыре св. Троицы в Фалезе. Жак Ле Камю прибыл в Руан из Парижа, чтобы присутствовать на судебном заседании 28 мая 1431 г.; 7 июня он давал показания для составления «Посмертных сведений».

75. Жан Ле Ду, или Ле Дус. Получил степень лицензиата обоих прав не позднее 1427 г. В протоколах первых судебных заседаний он был ошибочно назван бакалавром. Как адвокат Руанской курии присутствовал на двенадцати

заседаниях; 12 мая 1431 г. проголосовал против применения к Жанне пыток. 29 мая он высказал согласие с решением аббата Феканского, то есть одобрил передачу Жанны светским властям.

76. Ролан Л'Экривен. С 1414 г. являлся регент-магистром факультета медицины. Стал лицензиатом медицины не позднее 1424 г. Декан факультета медицины с 1427 по 1430 гг., он был личным врачом герцога Бедфорда в Руане, а после 1438 г. стал врачом герцогов Бургундских. Он появился на заседании процесса лишь однажды — 3 марта 1431 г.

77. Жан Ле Февр (ок. 1414—1463). Отшельник ордена св. Августина. Получил степень лиценциата теологии 13 марта 1426 г., а степень магистра — 15 октября 1426 г. Преподавал теологию в Париже. Присутствовал на судебных заседаниях с 21 февраля по 29 мая 1431 г. Будучи известным проповедником, в 1439 г. он призвал верующих молиться за войска, ушедшие на подмогу городу Мо, который был осажден французскими войсками. Год спустя он выступил с речью на руанском кладбище Сент-Уэн по случаю поражения французов под Понтуазом. Назначен епископом Деметриады в 1441 г. Как помощник архиепископа он занимал видное место в церковном капитуле Руана. В 1452 и 1456 гг., в ходе кассационного процесса по делу Жанны, регулярно давал свидетельские показания. С волнением вспоминал о казни Девицы. В грамоте от 30 мая 1456 г. сообщается, что он был доверенным судьей (*juge subdélégué*) на процессе реабилитации.

78. Ришар Ле Ганё. Уроженец Кутанса. Присутствовал на заседании 24 февраля; в протоколах процесса назван бакалавром теологии. В источниках упоминается некий Ришар Ле Ганё, магистр искусств Парижского Университета, являвшийся также бакалавром. Не позднее 1436 г. он стал лицензиатом декретов.

79. Гийом Легран. По всей видимости, представитель руанского клира. 2 мая 1431 г. присутствовал при публичном увещании Жанны.

80. Гийом Ле Мэтр, в протоколах процесса назван бакалавром теологии. Присутствовал на судебном заседании 24 февраля 1431 г.

81. Жан Ле Мэтр. Монах из ордена Братьев Проповедников, т.е. доминиканец. В одном из регистров руанского капитула, в записи от 18 сентября 1436 г. он назван бакалавром теологии, и это единственное упоминание в источниках о его научной степени. 21 августа 1424 г. Жан Гравран, инквизитор Франции, назначил его своим викарием в Руанском диоцезе. Поскольку Ле Мэтр серьезно сомневался, стоит ли ему принимать участие в процессе, Кошон 22 февраля 1431 г. обратился с посланием к Жану Граврану, прося его либо прибыть на процесс лично, либо официально делегировать свои полномочия Ле Мэтру. Не имея возможности приехать самому, инквизитор 4 марта 1431 г. передал свои полномочия Жану Ле Мэтру. Свидетели, выступавшие на процессе реабилитации, — Ладвеню, Массье, Маншон, Упвилль — настаивают на том, что Ле Мэтр крайне осторожно и сдержанно вел себя на процессе. Как и епископ Бовеский, Ле Мэтр являлся официальным судьей на процессе. 12 мая 1431 г., во время голосований по поводу пыток, он потребовал, чтобы Жанну еще раз спросили, согласна ли она подчиниться Церкви. 14 апреля 1431 г., по рекомендации Большого Совета, Генрих VI пожаловал ему 20 золотых салю за «старания, заботы и труды, связанные с нахождением и присутствием на процессе, учиненном над Жанной Девицей». В этой грамоте он назван приором руанского монастыря

доминиканцев. Архиепископ многократно поручал ему выступать с проповедями при различных обстоятельствах.

Последнее упоминание о Жане Ле Мэтре содержится в грамоте от 25 января 1452 г., где сказано, что руанский капитул позволяет ему выступить с проповедью в Руанском соборе. Год его смерти точно не известен. Возможно, его уже не было в живых к началу процесса реабилитации, поскольку его не вызвали свидетелем в ходе следствия в 1450 и 1452 гг.

82. Филипп Ле Марешаль. Являлся прокурором французской Нации Парижского Университета. В 1420 г. он был послан в составе посольства к королю Англии и герцогу Бургундскому, чтобы подтвердить университетские привилегии. Вместе с ним эту миссию исполнял и другой прокурор Университета, Жан Бассё. Именно эти два прокурора рекомендовали названным государям Пьера Кошона. Ле Марешаль стал лицензиатом канонического права в 1424 г. Он присутствовал только на одном судебном заседании, состоявшемся 1 марта 1431 г.

83. Гийом Ле Мель. Бенедиктинец. Не позднее 1418 г. стал профессором канонического права в Париже. До 1428 г. был аббатом монастыря св. Екатерины, а затем — аббатом монастыря св. Уэна в Руане, сменив на этом посту Жана Ришара, который был низложен за неумелое управление обителью. Ле Мель присутствовал на нескольких судебных заседаниях, в частности, при отречении Жанны и во время голосований 29 мая 1431 г.

84. Никола Ле Мир. Такой персонаж в других источниках не встречается. Возможно, следует читать *Пьер* вместо *Никола*: Petrus Medici был лицензиатом теологии Парижского Университета в 1428 г. Он дважды появился на заседаниях процесса; в протоколах от 24 февраля Ле Мир назван бакалавром, а от 27 февраля — доктором теологии.

85. Гийом Лермит, бакалавр. В других источниках не упомянут. Участвовал в процессе над Жанной всего дважды — 22 и 24 февраля 1431 г.

86. Никола Ле Ру (?—1431). Бенедиктинец. Выходец из благородной руанской семьи, воспитывался в Жюмьеже. В 1411 г. получил степень бакалавра декретов в Парижском Университете, и в том же году стал доктором декретов. В 1412 г. назначен аббатом Ла-Круа-Сен-Лёфруа, а затем, в 1418 г., — аббатом монастыря в Жюмьеже. Регент парижского факультета декретов в 1419 г. Университет посылал его на церковные соборы, проходившие в Пизе, Риме и Констанце. Никола Ле Ру присутствовал на девяти заседаниях процесса, но после публичного отречения Жанны более не появлялся, — возможно, по болезни, так как умер через семнадцать дней после казни подсудимой.

87. Жан Ле Руа. Каноник Руана. Под этим именем в источниках упоминается несколько разных личностей. Леруа присутствовал лишь на заседаниях процесса, состоявшихся 21 и 24 февраля 1431 г. Он выразил свое мнение по делу Жанны только вместе с руанским капитулом, то есть 14 апреля 1431 г. Некий Жан Ле Руа был назван прокурором должностных дел Руанской курии в грамоте приговора, вынесенного в ноябре 1430 г. по делу Жана Сегана. Возможно, именно о нем идет речь и в другом документе, написанном в мае 1431 г., где он по-прежнему назван прокурором, и где сообщается о том, что он, вместе с Жаном Бассё, был брошен в темницу по приговору официала. В источниках также фигурирует имя Жана Ле Руа (Iohannes Regis), руанского каноника, составителя завещаний в 1433 — 1435 гг. Возможно, речь идет об одном и том же лице.

88. Рауль Ле Соваж. Некий Radulphus Silvestris, священник Руанского диоцеза, изучал теологию в Париже в 1430 г. Некий Жан Соваж упоминался как лицензиат теологии в 1429 г., а в ноябре 1431 г. был провозглашен магистром. С которым из упомянутых персонажей следует идентифицировать члена руанского трибунала, до конца не ясно.

Ле Соваж дважды появлялся на процессе (в Орлеанском манускрипте протокола от 22 февраля 1431 г. он назван Жаном, а не Раулем) под титулом бакалавра теологии. Некий Iohannes Silvestris, лицензиат теологии, чье имя было, впрочем, помещено среди имен бакалавров теологии, высказал свое мнение по 12 статьям обвинения вместе с 22 докторами теологии. Скорее всего, это был все-таки Рауль, а не Жан Ле Соваж. Некий Radulphus Silvestris, бакалавр теологии, представил судьям Жанны отдельное заключение, в котором он оговорился, что ранее уже высказывал свое мнение. Безусловно, он ссылаясь на постановление 22 докторов теологии. По всей вероятности, Соваж испытывал некоторые сомнения в правильности своих оценок, почему и составил отдельное заключение: более того, он просил, чтобы 12 статей обвинения были отправлены в Рим.

Radulphus Silvestris участвовал в консультациях 19 мая 1431 г. и сослался на заключение, которое предоставил ранее, а в остальном согласился с решением судей. Присутствуя на заседании 24 мая 1431 г., он упомянут в протоколе как бакалавр теологии. После этого он более не появлялся на процессе и, следовательно, никак не проявил своей позиции в связи с «рецидивом ереси» Жанны.

Жан Марсель, свидетель на процессе реабилитации, сообщил в 1456 г. о том, что монсеньер Жан Ле Соваж, доминиканец, участвовавший в руанском процессе, вел некие благосклонные по отношению к обвиняемой речи.

89. Жан Ле Тавернье, уроженец Руана. В 1428 г. упомянут как бакалавр канонического права, а в протоколах процесса назван лицензиатом. С ним, как и с другими адвокатами Руанской курии, консультировались по поводу 12 обвинительных статей. 2 мая 1431 г. он присутствовал на публичном увещании Жанны, с которым выступил Жан де Шатийон. 19 мая 1431 г. он согласился с постановлением факультета декретов.

90. Жан Ле Вотье, августинец, бакалавр теологии. Присутствовал на судебных заседаниях 27 февраля и 1 марта 1431 г.

91. Гийом де Ливэ (? — 1456). В протоколах процесса он назван лицензиатом права, хотя на самом деле являлся всего лишь магистром искусств и бакалавром декретов. В начале своей церковной карьеры был каноником Лизьё, а затем, благодаря грамоте, полученной от Генриха VI, был принят в каноники Руанской церкви. Вместе с другими адвокатами курии Руана он представил свое мнение по 12 обвинительным статьям; 2 мая присутствовал при увещании Девы Жаном Шатийоном; 19 мая присоединился к решению факультета декретов; 29 мая проголосовал за то, чтобы Жанну выдали светским властям, согласившись с мнением аббата Феканского. Гийома де Ливэ не вызвали свидетелем на процесс реабилитации, вероятно, он умер незадолго до этого.

92. Никола Луазелёр, или Луазеллёр (ок. 1390 — после 1456). Уроженец Шартра. В 1413 г. стал магистром искусств в Париже. До 1421 г. был каноником Шартра, а затем — каноником Руана. В октябре 1431 г. получил степень бака-

лавра теологии. Находясь на хорошем счету у английского правительства, Луазелёр 2 августа 1430 г. стал посланником руанского капитула к кардиналу Английскому, с поручением добиться королевской аудиенции. Будучи связан дружескими узами с Кошоном, он регулярно присутствовал на судебных заседаниях. 19 мая голосовал за применение пытки по отношению к Жанне, а 28 мая — за выдачу ее светским властям.

Такель, Массё и Маншон, в ходе следствия на кассационном процессе, рассказали, что Луазелёр добился доверия Жанны, притворившись ее земляком и сторонником. По утверждениям Такеля и Буагийома, он, страдая от угрызений совести, намеревался просить у Жанны прощения. Спасаясь от гнева англичан, он якобы покинул Руан, а затем погиб жестокой смертью в Базеле. Эти сведения не верны: несмотря на то, что 2 августа 1431 г., то есть одновременно с Н. Миди и Ж. Бопером, Луазелёр был избран представителем руанского капитула на Базельском соборе, он остался в Руане. 7 июня он дал показания, относящиеся к так называемым «Посмертным сведениям», и присутствовал на собраниях капитула до конца июня 1431 г. Он отправился в Базель лишь в 1435 г., чтобы заменить там умершего Жана Ле Галуа. Приняв активное участие в деятельности собора, Луазелёр присоединился к сторонникам верховенства собора над папой. Интересно, что эту позицию отнюдь не поддерживал Генрих VI, к чьему мнению так прислушивался руанский капитул. Позиция Луазелёра послужила причиной его противостояния с руанским капитулом, вследствие чего капитул попытался отозвать его из Базеля в 1437 г. Однако Луазелёр ослушался приказа и продолжил участие в соборных заседаниях, пользуясь влиянием и популярностью среди его участников. Год его смерти не известен. Во всяком случае, в 1442 г. источники все еще упоминают о нем. Скорее всего, Никола Луазелёр умер не ранее 1456 г. Известно, что 28 июня 1456 г. руанскому капитулу, по завещанию Луазелёра, был передан том посланий св. Киприана и св. Августина.

93. Людовик Люксембургский (?—1443). Епископ Теруанский, которого английский король назначил канцлером Франции (со своей стороны, Карл VII назначил канцлером Франции Реньо де Шартр, архиепископа Реймского). Людовик был братом Жана Люксембургского, продавшего Жанну англичанам. Будучи всецело предан английской короне, Людовик в 1436 г. стал архиепископом Руанским, заняв, таким образом, место, на которое столь долго претендовал Пьер Кошон. Последнему, как известно, пришлось довольствоваться саном епископа Лизьё. В 1440 г. Людовик Люксембургский был рукоположен в кардиналы. Получив епископство Элийское, он постоянно находился в Англии, живя в богатстве и роскоши. Он появился на процессе только 23 мая; но присутствовал при отречении и казни Девицы.

94. Жан де Майи (1396—1472). Лицензиат гражданского права. Королевский докладчик (*maître des requêtes*) и президент Счетной палаты с 1424 г., он был на жаловании у английского правительства. В 1425 г., приняв сан епископа Нуайонского, он стал одним из главных членов Королевского совета. Присутствовал на заседании 23 мая 1431 г., а также при отречении и казни Жанны. 12 июня 1431 г. де Майи подписал охранную грамоту, которую Бедфорд от имени Генриха VI предоставил всем участникам трибунала. В 1456 г., вызванный свидетелем на процесс реабилитации, он признался, что сохранил весьма

смутные воспоминания о суде над Жанной. Де Майи принимал участие в Аррасской конференции, выступая от имени герцога Бургундского, а затем ездил в составе посольства к Карлу VII, чтобы добиться от него ратификации мирного договора. Как епископ Нуайонский де Майи торжественно принимал Карла VII в столице своей епархии в 1443 г.

95. Гийом Маншон (ок. 1396—9.12.1456). Каноник Руана и Эврё, нотариус церковного суда Руана. Присутствовал на каждом судебном заседании и при казни Жанны. По его словам, на деньги, полученные за участие в процессе, он купил миссал, чтобы молиться за Жанну. Маншон, вместе с Тома де Курселлем, составил латинскую редакцию процесса. Он сам переписал его в пяти экземплярах. Во время процесса реабилитации Маншон передал один из этих экземпляров, а также французскую минуту, судьям. В 1436 г. он стал кюре монастыря Сен-Мартэн де Витфлёр. В различных документах кассационного процесса он назван каноником коллегии Нотр-Дам в Англи и кюре Сен-Никола-Ле-Пэнтьер в Руане. Свидетельские показания, данные им в 1450, 1452 и 1456 гг. позволяют лучше понять, как был организован руанский процесс и какую роль играли на нем те или иные члены трибунала.

96. Жан Маншон. Присутствовал на процессе только однажды, вечером 14 марта 1431 г. Исследователи руанского процесса Ж. Кишера и П. Шампён по-разному его идентифицируют. Кишера отождествляет его с неким каноником коллегии Манта. Шампён считает, что речь идет о некоем уроженце диоцеза Байё, который в 1397 г. был лицензиатом теологии, в 1403 г. стал регент-магистром в Парижском Университете; а в 1413 г. — королевским духовником. В том же году Жан Маншон, о котором говорит П. Шампён, трудился вместе с Пьером Кошоном над составлением кабошьенского ордонанса. Он являлся каноником Шартра. В 1420 г., в период подготовки и подписания англо-французского договора он, вместе с Пьером Кошоном и Жаном Бопером, находился в Труа как посланник Университета.

97. Андре Маргери (ок. 1376—1465), уроженец Руана. В 1403 г. стал магистром искусств, в 1409 г. был назначен главным викарием архиепископа Руанского Людовика д'Аркура. Как лицензиат гражданского права участвовал в Констанцском церковном соборе. Вернувшись в Руан после того, как город попал под власть Генриха V (1419), он заявил, что никогда не поддерживал арманьяков. Будучи советником английского короля, он в 1421 г. принял сан архидиакона Пти-Ко, относящегося к Руанскому диоцезу. В 1423 г. был направлен в качестве депутата на собрание Нормандских штатов. Довольно часто присутствовал на процессе Жанны. Голосовал против применения пытки, однако 19 мая 1431 г. присоединился к решению Университета, а 25 мая, вслед за аббатом Феканским, проголосовал за то, чтобы Девуцу выдали светским властям. Присутствовал при казни Жанны 30 мая 1431 г. Между 1442 и 1443 гг. Маргери совершил паломничество в Иерусалим. В 1452 и 1456 гг. выступал свидетелем на процессе реабилитации.

98. Жан Массье (ок. 1400 — после 1456). В 1430 г. являлся старостой христианской общины Руана. 9 января 1431 г. Кошон назначил его судебным приставом, в чьи обязанности входило исполнять судебные постановления по делу Жанны. Он находился рядом с Жанной в момент ее казни, стоя перед костром. 3 февраля 1431 г. церковный суд Руана приговорил его к штрафу за превыше-

ние должностных полномочий: он незаконно получил деньги от вызванных им клириков в месте, не подлежащем юрисдикции епископа. В 1438 г. он был осужден за безнравственность, а в 1458 г. — за беспутное поведение. Во время кассационного процесса, в 1450 и 1456 гг., дал подробные свидетельские показания. Он был тогда кюре прихода Сен-Канд-Ле-Вьё в Руане.

99. Жан Можье (ок. 1370—1440). С 1421 г. каноник Руанской церкви. В источниках упоминается то как бакалавр теологии, то как лицензиат канонического права. Скорее всего, верным является второй вариант. В 1424 г. Можье был послан депутатом на собрание Парижских штатов. Он не присутствовал ни на одном допросе Жанны, но согласился со всеми 12 обвинительными статьями, заверив судей, что всегда готов исполнить их добрые повеления. Присутствовал на увещании 2 мая 1431 г., проведенном Жаном де Шатийоном. 19 мая 1431 г. высказал мнение, что Жанна должна быть повторно увещана. 29 мая проголосовал за выдачу подсудимой светским властям.

100. Никола Молэн. Лицензиат гражданского права. Присутствовал только на четырех судебных заседаниях. В 1432 г. стал каноником Нотр-Дам-де-Ла-Ронд.

101. Пьер Морис (1393—1436). Получил степень лиценциата теологии в январе 1429 г. и степень магистра теологии — 23 мая 1429 г. Был кюре различных приходов. 11 января 1430 г. стал руанским каноником. 5 июня 1430 г. Пьер Морис, по поручению руанского капитула, выступил с приветственной речью во время торжественного визита Генриха VI в Руанский собор. По всей видимости, Морис был связан с Людовиком Люксембургским, епископом Теруанским, канцлером английского короля.

Он прибыл на процесс как представитель Парижского Университета и присутствовал на двадцати трех заседаниях. По свидетельству Гийома де Ла Шамбра, Морис исповедал Жанну перед казнью и сказал, что она предстала пред Богом «святой и праведной». 23 мая 1431 г. Пьер Морис «с милосердным состраданием» призвал Жанну подчиниться Церкви. По воспоминаниям секретаря руанского процесса, Гийома Колля, Морис был сильно огорчен, когда увидел, что Жанна вновь надела мужское платье. Однако на следующий день он проголосовал за то, чтобы ее выдали светским властям. Утром 30 мая 1431 г. он посетил Жанну в тюрьме, желая ее исповедовать. Жанна спросила у него, где ей суждено оказаться на исходе дня, и он посоветовал ей во всем уповать на Господа.

7 июня 1431 г. он сообщил, что в день казни убеждал Жанну в inferнальной природе ее голосов. Жанна якобы ответила, что это правда и что она полагается на решение клириков относительно того, благие или злые духи ей являлись. 5 сентября 1436 г. Морис был назначен главным викарием инквизитора, но умер через двадцать дней после этого.

102. Никола Миди. Стал лиценциатом теологии не позднее 1424 г.; 21 апреля 1431 г. Генрих VI назначил его каноником Руана, и 19 мая он приступил к исполнению этой должности. 11 июня 1431 г. руанские каноники, как и в случае с Бопером, даровали ему право получать аннаты с его пребенды, «за услуги, кои он оказал Церкви». В декабре 1431 г. Миди торжественно приветствовал Генриха VI при его вступлении в Париж. В 1433 г. он стал ректором Лувенского университета. В 1434 г. отправился на церковный собор в Базель. В 1436 г. папа

Евгений IV освободил его от обязанностей каноника, сохранив за ним доходы от канониката, поскольку Миди тяжело перенес проказу и остался инвалидом. В 1438 г. его имя все еще упоминается в регистре руанского капитула.

Миди был наиболее прилежным ассессором руанского процесса. Именно он сделал первую редакцию 12 обвинительных статей. Вместе с Бопером и Жаком де Туреном он отправился в Париж, чтобы получить постановление Университета по делу Жанны. 30 мая 1431 г. он находился на площади Старого рынка, где произнес последнюю проповедь перед Жанной, после чего подсудимую передали светским властям и казнили.

103. Пьер Миже (1385 — после 1455), приор Лонгвилля, бенедиктинец. В 1413 г. он был лиценциатом теологии, в 1431 г. упомянут как регент-магистр в Париже. Проживал, по больше части, в Руане. В 1420 г. Генрих V возместил ему доходы от его бенефиция, находившегося на французской территории. Он очень часто присутствовал на заседаниях по делу Жанны. В 1452 и 1455 г., выступая свидетелем на процессе реабилитации, вспомнил о том, что пролил много слез во время казни Девицы, и обвинял во всем Кошона. Тем не менее, сам он в ходе процесса не выказывал благосклонности по отношению к Жанне. Голосовал за то, чтобы подсудимую выдали светским властям.

104. Адам Миле, клирик Руанского диоцеза, секретарь Генриха VI. 25 марта 1431 г., в Вербное воскресенье, он посетил Жанну в тюрьме и убеждал ее оставить мужское платье в обмен на допуск к таинству причастия.

105. Пьер Минье, или **Ле Минье** (? — ок. 1432). Бакалавр теологии. Присутствовал на восьми судебных заседаниях. Совместно с Р. Груше и Ж. Пигашем написал заключение по поводу 12 статей обвинения. 19 мая 1431 г. высказал согласие с решением Р. Сильвестра и более на процессе не появлялся.

106. Филибер де Монжё (? — 1439). Отпрыск знатного бургундского рода. До 1424 г. был каноником Амьена, затем — епископом Кутанса. Горячий приверженец двойной монархии, он был обязан своим епископским саном герцогу Бургундскому и Бедфорду. Он ни разу не появлялся на заседаниях процесса, но представил свое решение по поводу 12 обвинительных статей. По его мнению, в Жанну вселился злой дух, и ее следовало незамедлительно признать виновной. В конце 1431 г. де Монжё отправился на Базельский собор, где сыграл важную роль, находясь в оппозиции к папе Евгению IV. В Кутанском епископстве преемником Монжё стал его коллега руанскому трибуналу Жиль де Дюрмор, а затем — Ришар де Лонгёй, один из судей процесса реабилитации.

107. Обер Морель. В 1420 г., он, по представлению Генриха V, получил приход Тёвилль-а-Майо. В 1428 г. стал лиценциатом декретов. Кроме того, был адвокатом Руанской курии. Участвовал в двенадцати судебных заседаниях. 12 мая 1431 г. голосовал за применение пытки, как Курселль и Луазелльер.

108. Робер Морелле, магистр искусств. В тексте одного из прошений от 1442 г. он фигурирует как каноник и канцлер Руанской церкви. Присутствовал на четырех заседаниях в начале процесса. В 1441 г. он был обвинен в богохульстве и привлечен к суду.

109. Жан Морэ (? — до 11.09.1432). Бенедиктинец. Лиценциат обоих прав. 17 ноября 1420 г. стал настоятелем аббатства Прео в диоцезе Лизьё. Присутствовал на нескольких судебных заседаниях, в последний раз появился на процессе 24 мая 1431 г. при отречении Жанны.

110. Гийом Мутон. Присутствовал на заседании 31 марта 1431 г. В других источниках имя этого персонажа не найдено.

111. Жан де Ниба. Францисканец-минорит. Стал лицензиатом теологии не позднее 1424 г.; с 1426 г. был регент-магистром в Париже. Присутствовал на пятнадцати судебных заседаниях до 29 мая включительно. Голосовал за то, чтобы Жанну выдали светским властям.

112. Пьер Ориан, клирик Шалонского диоцеза. Присутствовал на процессе лишь однажды — 25 марта 1431 г., в Вербное воскресенье.

113. Жан Пигаш. В 1416 г. получил степень бакалавра теологии. Кюре Сен-Ва, что в Кравилль-Ла-Малле, служил при Руанском соборе с 1416 г., хотя каноником стал лишь в 1447 г. Присутствовал на нескольких допросах Жанны, представил свое мнение по статьям обвинения в декларации, составленной совместно с Р. Груше и Ж. Минье; затем, 19 мая, согласился с университетским постановлением. Присутствовал при отречении Жанны 24 мая 1431 г.; на голосовании 29 мая согласился с мнением аббата Феканского.

114. Жан Пэншон (? — до 25.06.1438). Лицензиат канонического права в Париже до 1414 г.; каноник Руана, архидиакон церкви св. Иосифа в Париже в 1418 г.; 3 декабря 1429 г. назначен главным викарием на время вакансии руанского архиепископского престола. В январе 1431 г. Бедфорд поручил ему представить руанскому капитулу грамоту, освобождающую монахов-кармелитов от некоторых выплат в пользу церковной метрополии. В ходе процесса Пэншон присутствовал на десяти заседаниях. 29 мая 1431 г. высказал мнение, что Жанна является вероотступницей, а относительно дальнейшего ведения процесса сослался на решение магистров теологии.

115. Геру Потель. В документах процесса он назван лицензиатом декретов. Однако еще в 1434 г., в прошении к папе Римскому, он представился как «бакалавр искусств и обоих прав». Вместе с другими адвокатами Руанской курии Потель участвовал в консультациях по 12 обвинительным статьям. 2 мая 1431 г. он был свидетелем того, как Жан де Шатийон обратился к Жанне с торжественным увещанием; 19 мая высказал согласие с решением факультета декретов.

116. Ричард Прати, англичанин. Настоятель королевской часовни и канцлер Солсберийского капитула. В период с июля по ноябрь 1430 г. он вел в Руане дело Жана Сегё. В ходе процесса Жанны присутствовал на нескольких заседаниях, до 2 мая включительно, и представил свое мнение по 12 статьям вместе с 22 другими докторами теологии.

117. Жан де Розэ, кюре Дюклера. Упоминается в одном из документов руанского архиепископства от 1438 г.

118. Рауль Руссель (?—1452), уроженец деревни Сошеврэй Кутанского диоцеза. В 1416 г. получил степень доктора декретов. Не позднее 1420 г. стал каноником Руана. Упоминается как казначей капитула в 1422 г. По поручению Бедфорда Руссель выполнял весьма разнообразные миссии, в том числе и военного характера, — к примеру, инспектировал крепости Нижней Нормандии (1428 г.). 7 ноября 1429 г. он получил пребенду и каноникат Жана Жерсона в соборе Парижской Богоматери.

Руссель часто присутствовал на судебных заседаниях. 12 мая он проголосовал против пытки, опасаясь, что это может бросить тень на образцовое доселе ведение процесса. Он не участвовал в голосовании 29 мая, но днем позже

присутствовал при казни Жанны. Будучи сторонником английского правительства, Руссель числился среди королевских советников и докладчиков; в 1435 и 1438 гг. ему поручали вести переговоры с королем Франции. В июле 1441 г. он торжественно приветствовал в Руанском соборе герцога Йоркского. В 1444 г. он стал преемником кардинала Люксембургского на руанском архиепископском престоле. При вступлении Карла VII в Руан в 1450 г. Руссель присягнул на верность французской монархии. В 1452 г. он принял у себя кардинала д'Эстувилля, руководителя кассационного процесса, но воздержался от участия в следствии.

119. Дени де Сабревуа. В документах упоминается как лицензиат теологии (1426 г.), магистр (март 1430); преподавал в Париже. Присутствовал только на нескольких первых заседаниях. В начале марта 1431 г. уехал на Базельский собор. Несмотря на кратковременность своего пребывания в Базеле, внес существенный вклад в работу собора. В 1440 г. де Сабревуа склонил генеральную ассамблею теологического факультета встать на сторону Феликса V. С 1456 по 1472 гг. он являлся деканом парижского Факультета теологии.

120. Приор Сажи. По мнению Ж. Кишера, речь идет о брате Пьере де Ла Крике, приор бенедиктинского монастыря, расположенного в местечке Сижи близ Нёшатель-ан-Брэ. Шампьон предполагал, что это мог быть кюре Сажи, Пьер Мартель. Так или иначе, приор де Сажи появился лишь на одном судебном заседании, 24 февраля 1431 г.

121. Жан Секар. Кюре Сен-Вивьена в 1411 г. Адвокат, лицензиат декретов до 1416 г. Магистр искусств и каноник Руана в 1421 г. (это назначение можно было получить только от Римской курии). Был в числе тех прелатов, которые в 1421 г. лишили бенефициев клириков, остававшихся на подчиненных дофину землях.

122. Никола Такель (1398 — после 1456). Имперский нотариус и нотариус архиепископской курии Руана. В 1456 г. Такель заявил, что стал участвовать в процессе лишь после 14 марта 1431 г., то есть после того, как инквизитор назначил его нотариусом. Он был кюре прихода Мениль-Дюркю в 1432 г., а в 1441 г. был назначен старостой христианской общины Баквилль-Ле-Мартеля. Давал свидетельские показания на процессе реабилитации в 1452 и 1456 гг.

123. Жан Тифэн (1396—1469). 27 февраля 1418 г. стал лицензиатом медицины. Преподавал в Парижском Университете, где в двадцатые годы получил докторскую степень. 20 января 1422 г. Генрих V назначил его настоятелем часовни Сент-Эньян в Канском замке. Затем Тифэн служил каноником при Сен-Шапель в Париже, а 11 декабря 1432 г. ему дали место каноника в Руане. В 1456 г., выступая свидетелем на процессе реабилитации в Париже, он уверял, что ни разу не предоставлял по делу Жанны никаких письменных заключений, если не считать доклада о недомогании подсудимой из-за отравления рыбой. На самом деле, 29 мая 1431 г. он проголосовал как аббат Феканский, и это заключение сохранилось в протоколах процесса.

124. Жак де Турен или Ле Тессье. Францисканец-минорит, в документах за 1422 г. упоминается как лицензиат теологии. Вместе с Ж. Бопером и Н. Миди, де Турен доставил 12 обвинительных статей в Париж, по поручению Кошона. Из показаний Жана Тифэна мы знаем, что де Турен иногда допрашивал Жанну.

Он также внес различные поправки в текст двенадцати статей, над которыми до него работал Никола Миди.

125. Жан Тутмуйе, доминиканец. Не присутствовал на судебных заседаниях, но вместе с Мартэном Ладвеню посетил Жанну утром 30 мая, перед казнью.

126. Пакье де Во (?—1447). В документах за 1426 г. упомянут как доктор декретов. В том же году, по указанию английского короля, де Во был зачислен в каноники собора Парижской Богоматери. Присутствовал на судебном заседании 12 марта 1431 г.; 19 мая высказал согласие с решением Парижского университета, а 29 мая проголосовал за то, чтобы Жанну выдали светским властям. В 1435 г., будучи каноником Руана, Пакье де Во состоял секретарем и капелланом при Джоне Бедфорде. Годом позже получил епископский сан в Мо, а затем, в 1439 г., стал епископом Эврё. Проживал, однако, в Руане, где исполнял функции главного викария архиепископа, кардинала Людовика Люксембургского. В 1443 г., после смерти Кошона, стал епископом Лизьё.

127. Никола де Вандре (ок. 1375—1438), сеньор де Босре. Лицензиат канонического права. Стал каноником руанского капитула не позднее 1419 г. В документах за 1422 г. упоминается как архидиакон Э. Состоял викарием при архиепископе Людовике д'Аркуре в 1412—1422 гг., а также в период вакансии архиепископского престола (1429—1431). Де Вандре был одним из основных кандидатов на место архиепископа, но не смог добиться своего назначения. Он присутствовал на двадцати одном судебном заседании. Проголосовал против применения пытки, но высказался за то, чтобы Жанну выдали светским властям. 7 июня 1431 г. он доложил Кошону о речах, которые Жанна якобы произносила утром перед казнью, и его показания вошли в т.н. «Посмертные сведения». В 1456 г., свидетельствуя на кассационном процессе, Тома де Курселль уточнил, что де Вандре был составителем грамоты об отречении.

128. Жан де Ба, Эсташ Катлё, Реньо Лежён, Жан Маомме (душеприказчик Никола де Вандре в 1442 г.), **Жан Ле Тоннелье, Лоран Ледюк** — все эти клирики, присутствовавшие на заседании 2 мая 1431 г., не упоминаются в других источниках.

СУДЬИ И АСЕССОРЫ РУАНСКОГО ТРИБУНАЛА

Вспомогательная таблица

Имя (русская транскрипция)	Годы жизни	Имя (французская транскрипция)	Индекс в тексте процесса
Адели, Гийом	?	Guillaume Adeline	1
Аленс, Жан	ок. 1367–1434	Jean Alespee	2
Анги, Рауль	?–1442	Raoul Anguy	4
Ба, Жан де	?	Jean des Bats	128
Бассе, Жан	1381–1454	Jean Basset	5
Бертэн, Николь	?	Nicole Bertin	9
Бодрибоск, Гийом де	?–1447	Guillaume de Baudribosc	6
Боннель, Гийом	?–1437	Guillaume Bonnel	10
Бонер, Жан	?–1462	Jean Beaupere	8
Боскгийом			См. Колль
Бофор, Генрих де	?–1447	Henri de Beaufort	7
Брольбестер, Уильям	?	William Brolbster	11
Брюйо, Жан	?–1435	Jean Bruillot	12
Буагийом			См. Колль
Бюск, Лоран дю	?	Laurent du Busc	32
Вандре, Никола де	Ок. 1375–1438	Nicolas de Venderes	127
Во, Пакье де	?–1447	Pasquier de Vaux	126
Герэн (Герэн), Жан			См. Герэн
Гастинель, Дени	?–1440/1441	Denis Gastinel	53
Гедон, Жак	?	Jacques Guesdon	58
Герэн, Жан	Ок. 1370–1433	Jean Guerin (Garin, Guarin)	57
Гилберт, Роберт	?	Robert Gilbert	54

Судьи и ассессоры руанского трибунала

Гравран (Ле Гравран), Жан	?	Jean Graverent (Le Graverent)	55
Груше, Ришар де	Ок. 1392 – после 1452	Richard de Grouchet	56
Дасье, Жан	?–1437	Jean Dacier	28
Дежардэн, Гийом	Ок. 1370–1438	Guillaume Desjardins	30
Дезер, Гийом дю	1390–1471	Guillaume du Desert	36
Дешан, Жиль	?–1438	Gilles Deschamps	29
Дюваль, Жан [Гийом]	?	Jean [Guillaume] Duval	39
Дюваль, Жан	?	Jean Duval	40
Дюрмор, Жиль де	?–1444	Gilles de Duremort	38
Дюшмэн (дю Кёмэн), Жан	?	Jean Duchemin (du Quemin)	33
Каваль, Никола	1390–1457	Nicolas Caval	17
Кавэ, Пьер	?	Pierre Cavé	18
Канивэ (Кёнивэ), Жиль	?	Gilles Canivet (Quenivet)	13
Карпантье, Жан			См. Карпентер
Карпентер (Карпантье, Шарпантье), Джон	?	John Carpenter (Carpentier, Charpentier)	20
Карре, Пьер			См. Карель
Карель (Карре), Пьер	?	Pierre Carel (Carré)	14
Кастийон, Занон де	?	Zanon de Castilione	15
Катлё, Эташ	?	Eustache Cateleu	128
Кенэ, Морис дю	?	Maurice du Quesnay	37
Кёмэн, Жан дю			См. Дюшмэн
Кёнивэ, Жиль			См. Канивэ
Колль, Гийом де (по прозвищу Боскгийом, или Буагийом)	Ок. 1390 – после 1456	Guillaume Colles (dit Boscguyllaume ou Boisguillaume)	22
Коломбель, Жан	?–1437	Jean Colombel	23
Конти, Гийом де	?–1452	Guillaume de Conti	24
Копкен, Никола			См. Купкен
Кормей, Бюро (Гийом) де	?	Bureau de Corneilles	25
Кошон, Пьер	1371–1442	Pierre Cauchon	16
Кротэ, Жоффруа дю	?	Geffroi du Crotay	35
Купкен (Копкен), Никола	?–1442	Nicolas Coupequesne (Coppequesne)	26
Курселль, Тома де	1393–1469	Thomas de Courcelles	27
Лаббе, Жан	?–1445	Jean Labbé	65
Лавню, Мартэн			См. Ладвено
Ладвено (Лавню), Мартэн	Ок. 1400–?	Martin Ladvenu (Lavenu)	69
Лами Никола	?	Nicolas Lami	68
Ла Пьер, Изамбар де	?	Isambart de La Pierre	70
Ла Фонтэн, Жан де	?	Jean de La Fontaine	67
Ла Шамбр, Гийом де	?	Guillaume de La Chambre	66
Ле Барбье, Робер	Ок. 1383–1444	Robert Le Barbier	71
Ле Бур, Гийом	?	Guillaume Le Bourg	73
Ле Буше, Гийом	?	Guillaume Le Boucher	72

Приложение II

Ле Вотье, Жан	?	Jean Le Vautier	90
Ле Ганё, Ринар	?	Richard Le Ganeux	78
Ле Гравран Жан			См. Гравран
Легран, Гийом	?	Guillaume Legrant	79
Ле Ду (Дус), Жан	?	Jean Le Doux (Le Doulx)	75
Ле Дус, Жан			См. Ле Ду
Ледюк, Лоран	?	Laurent Leduc	128
Лежён, Реньо	?	Regnault Lejeune	128
Ле Камю, Жак	?–1438	Jacques Le Camus	74
Ле Марсаль, Филипп	?	Philippe Le Marechal	82
Ле Мель, Гийом	?	Guillaume Le Mesle	83
Ле Минье, Пьер			См. Минье
Ле Мир, Николас	?	Nicolas Le Mire	84
Ле Мэтр, Гийом	?	Guillaume Le Maistre	80
Ле Мэтр, Жан	?	Jean Le Maistre	81
Лермит, Гийом	?	Guillaume Lermite	85
Ле Ру, Николас	?–1431	Nicolas Le Roux	86
Ле Руа, Жан	?	Jean Leroy	87
Ле Соваж, Рауль	?	Raoul Le Sauvage	88
Ле Тавернье, Жан	?	Jean Le Tavernier	89
Ле Тессье, Жак де			См. Турен
Ле Тоннелье, Жан	?	Jean Le Tonnelier	128
Ле Февр, Жан	Ок. 1414–1463	Jean Le Fevre	77
Л’Экривен, Ролан	?	Roland Lecrivain	76
Ливэ, Гийом де	?–1456	Guillaume de Livet	91
Луазелёр (Луазеллёр), Никола	Ок. 1390 – после 1456	Nicolas Loiseleur (Loiselleur)	92
Луазеллёр, Никола			См. Луазелёр
Людовик Люксембургский	?–1443	Louis de Luxembourg	93
Майи, Жан де	1396–1472	Jean de Mailly	94
Маншон, Гийом	Ок. 1396–1456	Guillaume Manchon	95
Маншон, Жан	?	Jean Manchon	96
Маомме, Жан	?	Jean Mahommet	128
Маргери, Андре	Ок. 1376–1465	Andre Marguerie	97
Массье, Жан	Ок. 1400 – после 1456	Jean Massieu	98
Миди, Николас	?	Nicolas Midi	102
Миге, Пьер	1385 – после 1455	Pierre Miget	103
Миле, Адам	?	Adam Milet	104
Минье (Ле Минье), Пьер	? – ок. 1432	Pierre Minier (Le Minier)	105
Можье, Жан	Ок. 1370–1440	Jean Maugier	99
Молэн, Николас	?	Nicolas Maulin	100
Монжё, Филибер де	?–1439	Philibert de Montjeu	106
Монпэншон, Робер Жоливе де	?–1444	Robert Jolivet de Montpinchon	64
Морелле, Робер	?	Robert Morellet	108

Судьи и ассессоры руанского трибунала

Морель, Обер	?	Aubert Morel	107
Морис, Пьер	1393–1436	Pierre Maurice	101
Морэ, Жан	? – до 11.09.1432	Jean Moret	109
Мутон, Гийом	?	Guillaume Mouton	110
Ниба, Жан де	?	Jean de Nibat	111
Олнвик, Уильям	?–1449	William Alnwick	3
Омон, Никола де	?	Nicolas de Hautmont	61
Ориан, Пьер	?	Pierre Orient	112
Пигачи, Жан	?	Jean Pigache	113
Потель, Геру	?	Guerould Postel	115
Прати, Ричард	?	Richard Praty	116
Пиншон, Жан	? – до 25.06.1438	Jean Pinchon	114
Розэ, Жан де	?	Jean de Rosay	117
Руссель, Рауль	?–1452	Raoul Roussel	118
Сабревуа, Дени де	?	Denis de Sabrevois	119
Сажы, приор	?	Le prieur de Sagy	120
Секар, Жан	?	Jean Secard	121
Со, Ричард де	?	Richard des Saulx	31
Такель, Никола	1398 – после 1456	Nicolas Taquel	122
Тифан, Жан	1396–1469	Jean Tiphaine	123
Турен (Ле Тессье), Жак де	?	Jacques de Touraine (Le Tessier, Textoris)	124
Тутмуис, Жан	?	Jean Toutmouille	125
Удан, Пьер де	?	Pierre de Houdenc	62
Фано, Джованни да	?	Giovanni da Fano	46
Фёйе, Жерар	?	Gerard Feuillet	47
Фивэ, Тома			См. Фьевэ
Флоке, Жюльен	?	Julien Flosquet	49
Фовилль, Никола де	?	Nicolas de Foville	51
Фрик, Томас	?	Thomas Frique	52
Фушье, Жан	?	Jean Fouchier	50
Фьевэ (Фивэ), Тома	?	Thomas Fievet (Fievet)	48
Хейтон, Гийом (Хэттон, Уильям)	?	Guillaume Haiton (William Hatton)	59
Хэмптон, Джон	?	John Hampton	60
Хэттон, Уильям			См. Хейтон
Шанрон, Ангерран де	?–1435	Enguerrand de Champrond	19
Шарпантье, Жан			См. Карпентер
Шатийон, Жан Юло де	?	Jean Hulot de Chatillon	21
Эврар, Гийом	?–1470	Guillaume Evrard	45
Эд, Жан	?	Jean Eude	44
Эмангар, Эрар	?–1439	Erard Emengart	41
Эрар, Гийом	?	Guillaume Erard	42
Эстиве, Жан де	?	Jean d'Estivet	43
Юбан, Никола де	?	Nicolas de Hubent	63

ПОСЛАНИЯ ЖАННЫ

Послание жителям Турне

Отправлено 25 июня 1429 г. Доставлено в Турне 6 июля 1429 г. Содержится в городских регистрах. См. LXXXIV, р. 381–382.

Иисус Мария,

Любезные верные французы города Турне, Девица шлет вам весть отсюда о том, что за восемь дней она выгнала англичан из всех мест, кои они держали по реке Луаре, при помощи осады или иначе, и при том было множество убито, пленено и разгромлено в битве, и она думает, что граф Сюффор*, его брат Ла Пуль, сир Тальбор, сир Скале и мессир Жан Фальстоф и некоторые другие рыцари и капитаны были пленены, а брат графа Сюффора и Гласиас — мертвы. Верные французы, держитесь, прошу вас.

И прошу вас и требую: будьте готовы отправиться на коронацию благородного короля Карла в Реймс, где мы скоро будем; и идите нам навстречу, когда узнаете, что мы подходим. Препоручаю вас Богу, Бог да хранит вас и дарует вам благодать, дабы вы могли поддержать правую войну (la bonne querelle) в королевстве Французском. Писано в Жьене 25 июня.

Верным французам города Турне.

* Здесь и далее сохранена транскрипция оригинала (примеч. пер.).

Послание сеньорам горожанам города Труа

Написано в Сен-Фале 4 июля 1429 г. Оригинал исчез. Копия сохранилась в регистре Реймса. См. LXXXIV, р. 382.

Иисус Мария,

дражайшие и добрые друзья, если вам, сеньорам, горожанам и жителям города Турне, сие неведомо, — Жанна-Девушка шлет вам весть от царя небесного, ее правого и высшего Сеньора, от коего она ежедневно пребывает на королевской службе, дабы вы изъявили честное повиновение и признание благородному королю Франции, каковой вскорости будет в Реймсе и Париже, — кто бы тому не воспротивился, — и в его добрых городах сего святого королевства, с помощью царя Иисуса. Верные французы, предстаньте пред королем Карлом, — и в том не будет никакого греха, — и не тревожьтесь ни о телах ваших, ни о добре, если так поступите; если же не поступите так, я обещаю вам и клянусь вашими жизнями, что мы войдем, с Божьей помощью, во все города, коим должно быть в святом королевстве, и сотворим там крепкий добрый мир, кто бы тому не воспротивился. Препоручаю вас Богу; Бог да хранит вас, если ему угодно. Отвечайте немедленно. Писано под городом Труа, в Сен-Фале, во вторник четвертого июля.

Послание герцогу Бургундскому

Отправлено 17 июля 1429 г. из Реймса, не подписано. Оригинал сохранился в архиве дю Норд в Лилле. См. LXXXIV, р. 383.

Иисус Мария,

высокий и грозный принц, герцог Бургундский, Жанна-Девушка просит вас от имени Царя Небесного, моего законного и высшего сеньора, чтобы король Франции и вы заключили крепкий добрый мир надолго; простите друг другу от всего сердца, полностью, так, как это подобает честным христианам; а если вам нравится воевать, — идите на сарацинов. Государь Бургундский, я прошу вас, умоляю и требую так смиренно, как только могу, не воевать более в святом королевстве Французском и отозвать незамедлительно и быстро ваших людей, кои пребывают где-либо в местечках и крепостях означенного святого Королевства; а что касается благородного короля Франции, то он готов примириться с вами, если в этом нет бесчестия, и я говорю вам от имени Царя небесного, моего законного и высшего сеньора, ради вашего блага, вашей чести и вашей жизни, что вы не выиграете более ни одного сражения против честных французов, а все те, кто сражался бы в означенном святом Французском королевстве, сражался бы против Иисуса, Царя небес и всего мира, — моего законного и высшего сеньора. И я прошу и молю вас на коленях не учинять никаких битв и не воевать против нас, — вас и ваших людей или подданных; и знайте наверняка, что сколько бы людей вы не привели против нас, они ничегошеньки не выиграют, и будет великое сожаление о великой битве и крови, каковая прольется у тех, кто придет против нас. И три недели назад я уже вам писала и послала с герольдом письмо,

дабы вы были сегодня в воскресенье XVII июля в городе Реймсе на коронации короля: на что я до сих пор не имею никакого ответа, как и новостей об означенном герольде. Поручаю вас Богу; да хранит он вас, если ему угодно. И прошу Бога, чтобы он установил добрый мир.

Написано в Реймсе, XVII июля.

Послание жителям Реймса

Отправлено из Провена 5 августа 1429 г. Не подписано. Оригинал сохранился в муниципальном архиве Реймса. См. LXXXIV, р. 384.

Мои дорогие и добрые друзья и добрые и верные французы города Реймса, Жанна Девица шлет вам свои вести и просит вас и требует, чтобы вы ничуть не сомневались в правой войне, кою она ведет ради королевской крови; и я обещаю вам и уверяю вас, что никогда не покину вас, пока живу; и сие правда, что Король заключит перемирие с герцогом Бургундским на пятнадцать дней, по истечении коих он (герцог. — А. С.) должен мирно сдать город Париж. Между тем я несколько не удивлюсь, если не войду туда столь скоро; поскольку я вовсе не довольна перемириями, так заключенными, и не знаю, буду ли их блюсти; но если буду, то лишь для того, чтобы сберечь честь Короля, а также дабы они не позорили королевскую кровь, ибо я держу и буду держать армию короля, дабы быть наготове к концу оных пятнадцати дней, если они не сотворят мира. Посему, мои дражайшие и преданные друзья, я прошу вас о том не беспокоиться, пока я жива, но требую, чтобы вы творили благой дозор и хранили добрый город короля и дали мне знать, нет ли каких предателей, от коих вы желаете избавиться; и так скоро, как только смогу, я их отсюда выбью (je les en osteray), и пришлите мне вести о себе.

Препоручаю вас Богу, каковой да хранит вас.

Писано в пятницу пятого августа, близ Провена, в полевой ставке по дороге на Париж.

Послание служителям церкви, горожанам и жителям города Риома

Отправлено из Мулена 9 ноября 1429 г. Оригинал, на бумаге, сохранился в Риоме. До середины XIX века можно было видеть печать и черный волос, застывший в воске, который сегодня исчез. Подписано первой из известных подписей Жанны. См. LXXXIV, р. 385–386.

Дорогие и добрые друзья, вам хорошо известно, как город Сен-Пьер-ле-Мутье был взят приступом, и я, с Божьей помощью, намерена взять другие города, противостоящие Королю; но ради сего велики были расходы на порох, стрелы и прочие военные принадлежности под означенным городом и на суммы, предназначенные для осады Ла-Шарите, куда мы ныне направляемся. Я прошу вас, коль

скоро вам дороги благо и честь Короля, а также всех прочих людей [находящихся] здесь, благоволите помочь и послать без промедления пороху, селитры, стрел, крепких арбалетов и прочих военных принадлежностей для означенной осады; и так, сделайте, чтобы благодаря оному пороху и прочим военным принадлежностям дело было недолгим и никто не смог бы сказать вам, что вы были в сем нерадивы или отказали.

Дорогие и добрые друзья, да хранит вас наш Господь.

Писано в Мулене девятого ноября.

Жанна.

Послание служителям церкви, горожанам и прочим жителям Реймса

Написано в Сюлли 16 марта 1430 г. Подписано (вторая подпись). Оригинал сохранился. См. LXXXIV, р. 386.

Дражайшие, возлюбленные, коих весьма желают увидеть, Жанна-Девушка получила ваше послание, в коем упоминается, что вы опасаетесь осады [со стороны врагов наших]. Знайте, что ее вовсе не будет, если я смогу их вскорости встретить, а если будет так, что я их не встречу и они придут к вам, закройте ворота, ибо я очень скоро буду у вас, и коли они будут там, я заставлю их бросить шпоры, ибо будет такая спешка, что они не успеют их надеть и снимут [осаду] весьма быстро. Иного я вам сейчас не пишу, но будьте по-прежнему добрыми и верными. Молю Бога хранить вас. Писано в Сюлли 16 марта. Я послала бы вам еще некоторые вести, кои весьма бы вас обрадовали, но опасаясь, как бы послания не были перехвачены в дороге и оных вестей бы не увидали [враги наши].

Жанна.

Послание гуситам

Написано в Сюлли-сюр-Луар 23 марта 1430 г. Подписано: Пакерель. На латыни, переведено на немецкий. Сохранилось в одном из регистров Вены. Это послание не было продиктовано Жанной, оно является творением брата Пакереля, ее духовника. См. LXXXIV, р. 387.

Иисус-Мария, (на полях примечание Ж. Пакереля: Puella de Anglia).

Некоторое время назад молва и глас народный донесли мне, Жанне-Девушке, что вы, из верных христиан ставшие еретиками и уподобившиеся сарацинам, разрушили истинную религию и веру и впали в постыдное и преступное суевение и что нет такой постыдной вещи, каковую вы не осмелились бы совершить, стремясь его распространить и отстоять. Вы разрушаете церковные таинства, губите заветы Веры, громите храмы, разбиваете и сжигаете статуи, кои были воздвигнуты как памятные монументы, вы предаете резне христиан, потому что они хранят истинную Веру. Что сие за ужас? И что за исступление и безумие

вами владеет? Сию веру, кою Бог всемогущий, Сын, Дух Святой открыли, учредили, поставили на царство и прославили тысячекратно чудесами, Веру сию вы подвергаете гонениям, хотите низвергнуть и уничтожить. Вы слепы, хотя не лишены глаз и ясного зрения. Думаете ли вы, что останетесь безнаказанными? Или не знаете, что Бог противится вашим преступным попыткам? Позволить вам пребывать во мраке и заблуждении? Таким образом, что чем более вы предаетесь преступлению и святотатству, тем более готовит он вам великих наказаний и мук.

Что же до меня, откровенно признаться, то если б я не была занята войной с англичанами, я давно бы уже пришла вас проводить, но если я не узнаю, что вы исправились, я, возможно, оставлю англичан и пойду на вас, дабы мечом, коли нельзя иначе, уничтожить ваше безумие и позорное суеверие и исторгнуть из вас либо вашу ересь, либо вашу жизнь; но если вы предпочитаете вернуться к католической вере и свету изначальному, пришлите ко мне ваших послов и я скажу им, что вам надлежит делать, а если же вы этого не хотите и упрямо брыкаетесь против шпоры, вспомните, какой вред и какие преступления вы беспрерывно множили, и ждите, что я принесу вам такой же жребий посредством могучих сил божественных и человеческих.

Писано в Сюлли, 23 марта, еретикам Богемии.

Пакерель.

Послание моим дражайшим и добрым друзьям, служителям церкви, эшевенам, горожанам и жителям и вилланам доброго города Реймса

Отправлено из Сюлли 28 марта 1430 г. Оригинал сохранился в частном архиве семьи Малесси-Мелен. Третья, и самая умелая, подпись Жанны. См. LXXXIV, р. 388.

Дражайшие и добрые друзья, да будет вам известно, что я получила ваше послание, в коем упоминается, как королю сообщили, что в добром городе Реймсе есть много дурного. Если желаете знать, то сие правда, будто ему сообщили, что явно можно увидеть многих, кто состоит в союзе и должен предать город и впустить туда бургиньонов. А затем король узнал обратное, поскольку вы послали ему заверение, отчего он вами весьма доволен. Верьте, что вы вполне пребываете в его милости, а что касается осады, то если вам понадобится, он поможет. И он хорошо знает, что вам приходится многое терпеть из-за жестокостей, кои причиняют вам сии предатели и противники бургиньоны; если он вас от сего избавит, в угоду Богу, то сие будет так скоро, как только он сможет; я прошу вас, и требую, дражайшие друзья, чтобы вы хорошенько хранили означенный добрый город для короля и творили бы хороший дозор, и вы скоро получите от меня больше добрых вестей. Иного сейчас я вам не пишу, кроме того, что вся Бретань — французская, и герцог должен прислать королю три тысячи воинов, коим уплачено за несколько месяцев.

Писано в Сюлли 28 марта.

Жанна.

Примечания

Предварительный, или официальный, процесс

Часть 1. Предварительное следствие, подготовка процессуальной документации, формирование трибунала

¹ Формулировка соответствует библейскому образу — см. Евр., 12, 2 в синодальном переводе.

² В разделе «История Жанны д'Арк» см. статью, «Бог и мое право», часть I, в которой объясняется, почему прозвище *la Pucelle* мы переводим здесь и далее как *Девушка*, а не как *Дева*.

³ Вопрос о компетенции Кошона является спорным и дебатировался в современной историографии.

⁴ Мартэн Биллорэн, доминиканец, в 1416 г. был лицензиатом теологии. В 1425 г. числился среди магистров теологии в Париже. К началу процесса Биллорэн уже был главным викарием инквизитора Франции. Жанна попала в плен 23 мая 1430 г.; вскоре после 26 мая Мартэн Биллорэн написал герцогу Бургундскому послание, о котором идет речь на процессе.

⁵ Филипп Добрый (1396—1467) стал герцогом Бургундским в 1419 г. после того, как приближенные дофина убили его отца Жана Бесстрашного во время переговоров на мосту Монте-ро. В 1420 г. он подписал в Труа договор, обязуясь не вступать в сношения с дофином без одобрения Генриха V. Он также присягнул на верность английскому королю. Тем не менее, в 1422 г., после смерти Генриха V, Филипп отказался от предложения англичан стать регентом Французского королевства на время малолетства Генриха VI, и этот пост занял Джон Бедфорд. В 1429 г., будучи приглашенным на церемонию коронации Карла VII, герцог Бургундский не дал никакого ответа. 17 июля, в день коронации, Жанна писала ему, умоляя увести бургундские войска с театра военных действий и заключить мир. Однако, вопреки желанию Жанны, герцог договорился с Карлом VII лишь о перемирии, которое было подписано 28 августа 1429 г. в Компьени. После этого Джон Бедфорд постарался всеми силами удержать Филиппа Бургундского на своей стороне: он назначил его своим главным наместником во французских землях и отдал ему на покорение Шампань и Бри. В конце апреля 1430 г. Филипп разорвал перемирие с Карлом VII — вероятно, для того, чтобы силой добиться выполнения секретных условий Компьеньского соглашения относительно городов, расположенных в долине Уазы. В мае герцог был уже у ворот Компьени. 23 мая он встретился с Жанной, плененной бастардом Вандомским. В тот же день он послал жителям Сен-Кантена известие о разгроме отрядов Жанны. Немного позже такое же известие было послано и его союзнику, графу Амедею Савойскому. Вскоре после казни

Жанны сам герцог получил от англичан религию о Руанском процессе. Впрочем, его согласие с англичанами было далеко не полным. В ноябре 1432 г., после смерти своей первой жены, сестры герцога Бургундского, Джон Бедфорд вступил в новый брак с Жаклин Люксембургской, не предупредив о том герцога. Это послужило поводом к серьезной ссоре, после которой англо-бургундский союз дал глубокую трещину. В июле 1432 г. между Филиппом Добрым и Карлом VII начались длительные переговоры. Они увенчались заключением мирного соглашения в Аррасе (21 сентября 1435 г.).

⁶ Предпочтительнее использовать здесь и далее термин «сеньор» вместо нейтрально-универсального «господин», поскольку он более точно отражает как общую ментальность участников процесса, так и суть их взаимоотношений и является специфическим элементом средневековой западноевропейской этики.

⁷ Жан Люксембургский (1390–1440), сеньор де Бореуар, граф де Линьи. Сразу после пленения Жанны он велел отвезти ее в замок Болье, находившийся в нескольких километрах от Компьени. Она попыталась сбежать, и тогда Жан Люксембургский перевел ее в свой замок Бореуар, расположенный между Камбре и Сен-Кантенем. Жанна попыталась сбежать и оттуда, чтобы поспешить на помощь осажденной Компьени. Хотя ее отчаянная попытка не удалась, 26 октября 1431 г. Жану Люксембургскому все равно пришлось снять осаду с Компьени, бросив свою артиллерию. Он долгое время не решился продать Жанну англичанам, так как его тетка, Жанна Люксембургская, испытывала к узнице Бореуара глубокую симпатию. Она пригрозила лишить племянника наследства, если тот жестоко поступит с пленницей. Но, к несчастью для Девы, тетка Жана Люксембургского умерла в сентябре, и к середине ноября он принял предложение англичан.

В 1436 г., на процессе реабилитации, Эмон де Маси, приближенный графа, рассказал, что во время суда над Девницей Жан Люксембургский прибыл в Руан и посетил Жанну в тюрьме. В 1431 г. Жан Люксембургский участвовал в рыцарских состязаниях ордена Золотой Подвязки. Умер в Гизе в 1440 г.

⁸ Известно три аутентичных списка данной части процесса (*A, B, C*). В нижней части первого фоллио манускрипта *B* присутствует аттестация нотариуса: «Я, Гийом Коль, иначе именуемый Боскгийомом, священник Руанского диоцеза, нотариус апостольской канцелярии и архиепископской курии Руана, присяжный секретарь, вместе с прочими утверждаю по сему делу, что сличение настоящего документа, содержащего 158 страниц с подлинным регистром сего процесса было должным образом проведено. Посему я отметил каждую страницу собственноручно и вместе с названными нотариусами, и я подписался в конце, поставив здесь свою роспись. Боскгийом». Эта аттестация воспроизведена на каждом фоллио формулой: «Подтверждаю, как выше. Боскгийом». В манускрипте *A* говорится о 111 стр., а в манускрипте *C* — о 206 стр.

⁹ Генрих VI (1421–1471), сын Генриха V и Екатерины Французской, родился в Виндзоре 6 декабря 1421 г. и был провозглашен «королем Франции и Англии» после смерти отца, 31 августа 1422 г. Торжественная коронация состоялась в Вестминстере 6 ноября 1429 г. С 29 июля по 20 ноября 1431 г. он находился в Руане. Затем, 2 декабря 1431 г., Генрих VI был привезен в Париж и коронован 16 декабря как французский король в соборе Нотр-Дам. 26 декабря его доставили обратно в Руан.

В 1445 г. Генрих VI женился на Маргарите Анжуйской, дочери короля Рене Доброго. Он был убит в лондонском Тауэре в 1471 г.

¹⁰ В 1431 г. пост архиепископа Руанского был вакантным. Прежний архиепископ, Жан де Ла Роштайе, получил сан кардинала и переехал в архиепископство Безансон (24 мая 1426 г.). После этого руанскому капитулу, представлявшему духовную власть в диоцезе, пришлось коллективно назначать должностных лиц архиепископства. Лишь 29 мая 1431 г. папа Евгений IV предписал в своей булле руанскому капитулу принять в качестве архиепископа Юга д'Оржа.

¹¹ Имеется в виду 15-летний цикл времяисчисления, введенный в 312 г. Константином Великим вместо цикла олимпиад.

¹² Мартин V. Отоп Колонна, избранный папой 11 ноября 1417 г., был признан почти всеми сеньорами королевства, кроме Жана IV д'Арманьяка, который в конце концов также подчинился мнению большинства.

¹³ После осады 1418 г. это место в окрестностях замка было приспособлено для заседаний чиновников балаяжа.

¹⁴ Роль Парижского Университета, и особенно теологического факультета, была в этом процессе весьма существенна. И дело не только в том, что большинство членов трибунала было связано с Сорбонной. В общественно-политической жизни позднесредневековой Европы стра-

ны университетское сообщество как таковое играло огромную роль. Достаточно вспомнить события, произошедшие всего лишь четвертью века ранее руанского процесса, когда после убийства Людовика Орлеанского разгорелась жаркая полемика между сторонниками Жана Пти и приверженцами Жана Жерсона — именно университеты выступили тогда протагонистами на политической сцене, и именно они во многом сформулировали кредо враждующих партий. Не меньшую роль университетское сообщество сыграло и на процессе Яна Гуса. «Если рыцарство хранит христианский мир от внешних, видимых врагов, то ученым выпала честь беречь внутреннее единство мира, следить за тем, чтобы соблюдались законы человеческие и божественные. Отсюда амбиции и раздражение университетских деятелей, видящих несоответствие окружающего мира своему представлению об этих законах, а их собственного реального положения — высокой самооценке <...> При участии университетов была развернута грандиозная охота на ведьм в XV—XVI вв. Если колдуний судил обычный суд, то в половине случаев он кончался освобождением обвиняемых, но стоило судьям обратиться к университетским экспертам — дело неизменно заканчивалось суровым приговором» (см. ст. П. Ю. Уварова в «Словаре средневековой культуры», под ред. А. Я. Гуревича (М., 2003. С. 550—551)).

¹⁵ Деление на абзацы в посланиях отсутствует.

¹⁶ Венсан Ле Фурбёр из Мо, бакалавр декретов, нотариус Парижского Университета. Это единственный случай, когда в документах процесса встречается его подпись.

¹⁷ Мишель Эбер, магистр искусств, нотариус Парижского Университета с 1422 г. Он составлял и подписывал послания Университета о выдаче Жанны с мая по ноябрь 1430 г., а также послание королю и решения Университета в апреле—мае 1431 г. Согласно указанию в университетском картулярии, Эбер умер 6 августа 1449 г. «в великой бедности и болезни» в Богадельне (Отель-Дьё).

¹⁸ Бастард Вандомский. Мы знаем из финансового документа военного казначейства от 1428 г., что он именовал себя Гийомом и командовал одним из отрядов в войске Жана Люксембургского (NBP. ms. f. 4484, fol. 80). В 1456 г. у него было поместье в Лекиелль-Сен-Жермен, где он и проживал.

¹⁹ Под термином «доктор декретов» следует понимать «доктор канонического права». В XV в. факультетом декретов Парижского Университета назывался факультет канонического права.

²⁰ Никола (или Кола) де Майи (?–1457). Сеньор Блаужи-сюр-Сомм и Конти, он с юности поддерживал партию бургиньонов и получал от англичан различные земли и должности. В 1426 г. англичане назначили его балью Вермандуа. Судя по всему, номинально он оставался в этой должности до 1432 г., хотя Карл VII, со своей стороны, назначил на нее Ла Гира — в противовес незаконному, с его точки зрения, ставленнику бургиньонов. В 1428 г. Никола де Майи обратился к жителям Реймса с посланием, в котором настойчиво склонял их быть верными бургиньонской партии. В 1435 г. король Англии послал его на конгресс, проходивший в Аррасе. Ла Гир, который получил назначение от Карла VII во время проезда этого государя через Лан в июле 1429 г., заменил его в балыже Вермандуа в 1432 г. В 1441 г., при осаде Понтуаза, Никола де Майи находился среди людей Жана Люксембургского.

²¹ Жан де Пресси-ан-Артуа, рыцарь, сир дю Мениль, советник и шамбеллан герцога Бургундского, член Большого королевского совета. В 1425 г. он собирал в Шампани налог для содержания войска, осаждавшего Мюанье. Он сопровождал Генриха VI во время его пребывания в Руане (29 июля 1430 г. — ноябрь 1431 г.). По воспоминаниям Жанны, она видела его в Аррасе; он предлагал ей принять от него в дар женское одеяние.

²² Вопрос о наличии этих пяти статей в названном документе остается спорным.

²³ Никола Ролен, канцлер Бургундии с 1422 г., играл видную роль при Филиппе Добром. Позднее он подвергся опале. Ян ван Эйк запечатлел его в своей знаменитой картине «Дева Мария с донатором», находящейся в Лувре.

²⁴ Речь идет о монастыре тринитариев, который находился в центре Парижа. Церковь этого монастыря служила залой заседаний для ректорского совета Университета. Mathurins — монахи, занимавшиеся выкупом пленников из стран Северной Африки.

²⁵ Ректором Парижского Университета на 21 ноября 1430 г. являлся Тома де Курселль (27).

²⁶ Жан де Ринель служил нотариусом Большого Совета при Генрихе VI. По свидетельству Тома де Курселля, именно Жан де Ринель ездил в Париж, чтобы привезти оттуда докторов Сорбонны, приглашенных участвовать в руанском процессе. В 1434 г. он был назначен секретарем короля Генриха VI был женат на Гильметте Бидо, племяннице Пьера Кошона. В 1439 г. сопровождал Кошона, когда тот отправился в Англию. В одном из документов от 1443 г. говорится, что он пробыл на службе у короля в течение 24 лет. 30 сентября 1444 г. вдова Жана де Ринеля

добилась от капитула Нотр-Дам в Руане предоставления ему гробницы в кафедральном соборе, в капелле Сент-Эспри.

²⁷ Руан являлся опорным пунктом англичан в Северной Франции.

²⁸ По мнению П. Шампюна, существовали два человека с таким именем. Один из них, упомянутый в 1420 г. как нотариус, вел регистры руанского капитула с 1421 по 1441 г.

²⁹ Пьер Кошон избрал местом жительства дом мэтра Жана Рюбе, кюре прихода Сен-Никола-Ле-Пэнктьер и члена капитула. Упоминание этой резиденции встречается в грамотах о назначении делопроизводителя, советника и нотариусов. Кошон многократно проводил в этом доме заседания ассесоров. Именно там проходило и голосование о применении к Жанне пыток. Один из секретарей процесса, Г. Маншон, в 1452 г. уточнит, что в этом доме проживал тогда мэтр Жан Бидо, руанский капоник, племянник Кошона.

³⁰ Оправдание *ad cautelam* являлось условным оправданием. Оно давалось свидетелю, чтобы тот мог выступить с показаниями в том случае, если боялся навлечь на себя какую-либо жесткую санкцию, — к примеру, отлучение от церкви: *Ego te absolvo a tali excommunicatione, si eam de facto contradixisti*.

³¹ Здесь и далее под словами «каноник какой-либо церкви» подразумевается «каноник какого-либо капитула». Принимая во внимание, что в тексте процесса присутствуют обе формулировки, целесообразно сохранить эту вариативность и придерживаться всякий раз буквально-го перевода.

³² Известно, что де Ла Фонтэн, выполняя поручение Кошона, отправил своих людей «во Францию» (в том числе в Лотарингию и Барруа), чтобы те собрали сведения о Жанне. Собранная таким образом информация не удовлетворила Кошона, поскольку не содержали ничего дурного о Девиде.

³³ Здесь впервые появляются лица, вызванные Кошоном из Парижа: доктора теологии Жан Бонер, Жак де Турен, Никола Миди, Пьер Морис и Жерар Фёйе, а также Тома де Курселль, получивший степень бакалавра. Начиная с 18 февраля, им будет выплачиваться из английской казны по 20 турецких су в день.

³⁴ В манускрипте *O* значится: «В доме мэтра Жана Рюббе».

Часть 2. Публичные заседания инквизиционного трибунала

¹ Канелла находилась посреди внутреннего двора Руанского замка.

² Здесь и далее Кошон постоянно использует термины (*reddition, restitution*), выдающие его стремление видеть в Жанне субъект, полностью подвластный его юрисдикции. По его мнению, право ведения процесса над Жанной изначально принадлежало именно ему.

³оборот «сильно подозреваемая в ереси» — обычная для инквизиционной процессуальной практики формула, определяющая степень тяжести подозрений, под которые подпадал обвиняемый. Помимо вышеуказанной, существовали и другие градации: «находящиеся под сильнейшим подозрением» и «находящиеся под легким подозрением». От тяжести подозрений зависел выбор снитимы для осужденного.

⁴ Манускрипт *O* содержит противоположное утверждение.

⁵ Домреми, расположенная в долине реки Мёз, на границе между Французским королевством и Империей, относилась к герцогству Бар и превотству Гондрекур; она принадлежала к той части Барруа, которая, по договору в Брюгге от 1301 г., стала подчиняться непосредственно королю Франции. Домреми вошла в шампанское превотство Анделю и балляж Шомон-ан-Бассиньи. Кроме того, часть Домреми относилась к бану Грё. Деревня Грё, которая прежде, как и Домреми, входила в состав епископства Тульского, была присоединена к Французскому королевству уже после 1388 г. В состав королевства входили также и несколько крестьянских дворов Домреми, которые стояли на границе с землями Грё, на другом берегу так называемого «Ручья», впадавшего в Мёз. Его русло затем сильно сместилось, о чем свидетельствуют картографические документы. Остальные дома, находившиеся за ручьем, относились к Лотарингии. Их обитатели были приверженцами партии бургиньонов. В 1398 г. часть Домреми, относившаяся к Барруа, насчитывала двадцать пять хозяйств.

В церковном отношении Домреми зависела от деревни Грё, в которой находилась главная церковь. Церковь Грё была посвящена святому Маврикию, а церковь Домреми — святому епис-

копу Реймскому, чье имя носила деревня. От церкви Домреми времен Жанны не осталось ничего, кроме квадратной башни начала XIII в. Эта башня, с парными окнами на крыше, была возведена в романском стиле, и в ней когда-то находились восточные хоры. Церковь была полностью переделана в XVI, а затем в XIX в. На месте западных ворот воздвигли апсиду, а внизу башни, в которой находились хоры, прорубили новую дверь. Из внутреннего убранства церкви св. Ремигия не сохранилось ничего, что могла бы видеть Жанна. Среди стоящих там статуй только статуя св. Маргариты могла появиться в этой церкви ранее середины XV в. Во всяком случае, купели в форме дароносиц относятся, самое раннее, к концу XV, а возможно, и к XVI в.

Принимая во внимание собственные заявления Жанны, годом ее рождения считают 1411. или 1412 г. Однако в показаниях свидетелей процесса реабилитации, а также в нарративных источниках есть ряд разночтений относительно возраста героини. Это заставляет некоторых исследователей отодвинуть дату ее рождения на 1409 или 1410 г.

⁶ Такой вариант имени отца Девы содержится в манускриптах процесса осуждения. Этот вариант находит подтверждение в документах, сообщающих об этом человеке: «Жакоб д'Арк», арендатор Шато-де-л'Иль в Домреми (1420) («Дневник лотарингского археологического общества» за 1889 г.); «Жак д'Арк», староста деревенской общины (1423) (сборник документов, составленный Симеоном Люсом, «Жанна д'Арк в Домреми»); «Жако д'Арк», прокурор жителей Домреми (1427 г.) (там же).

На землях близ леса Буа-Шеню, согласно одному из нотариальных актов, были зарегистрированы владения «Жакоба Дара» и «Жакоба Дз». Форма «Дарк» встречается в документах процесса реабилитации. В сентябре 1429 г. Карл VII пожаловал родственникам Жанны грамоты аноблирования. В 1555 г., при их ревизии и переписке, была использована именно форма «Дз» (*Daix*). Известно, что эта форма содержится также в анонимной «Хронике Девы». М. Монтень, который посетил «дом Жанны» в Домреми в 1580 г., тоже пишет в своем «Путевом дневнике» о «Жанне Дз» (*Jane Day*).

Вопрос о фамильном имени Жака д'Арка и членов его семьи долгое время оставался спорным. Валле де Виривилль посвятил этой теме свою работу «Новые исследования об имени Жанны, называемой Орлеанской Девы, снабженные генеалогическими таблицами и неизвестными документами» (*Vallet de Viriville, Nouvelles recherches sur la famille et le nom de Jeanne Darc, dite la Pucelle d'Orléans, accompagnées de tableaux généalogiques et de documents inédits, Paris, 1854*). Он попытался восстановить ту форму имени, которая могла употребляться по отношению к отцу Жанны и его потомкам. Известно, что Валле де Виривилль разделял мнение исследователей, которые предлагали не ставить аностроф между предлогом и именем, вопреки главенствующей традиции. Однако лишь один из наиболее известных биографов Девы, П. Донкёр, сразу же принял предложенный Валле де Виривиллем способ написания родового имени Жанны. Без сомнения, его главным аргументом в пользу отсутствия артикля был тот факт, что Орлеанский манускрипт французской минуты процесса осуждения (O) содержит вариант «Тар» (та же форма встречается в «Истории осады Орлеана», написанной неким дю Бретеном в 1631 г.).

Историки, предпочитающие ставить артикль в родовом имени Жанны, считают достоверным, что «Арк» обозначает название местности: какой бы ни была форма — Арк, Ар, Э, Эй, — мы имеем дело с одним и тем же топонимом. Форма Эй выражает локальное произношение названий местечка Арк, Ар. Смягчение звука «р» является обычным для жителей Лотарингии. К примеру, местечко Сен-Мар в пригороде Нанси обозначено в документах начала XVI в. как Сен-Ма или Сен-Мей.

Какой же топоним содержится в родовом имени отца Жанны: Ар-сьюр-Мёрт (Мёрт-и-Мозель, Нанси) или же Арк-ан-Барруа (Верх. Марна, Шомон)? В первом случае, род должен был бы считаться лотарингским. Во втором — относиться к графству Шампань.

Известно, что между сеньорами Домреми и сеньорами Шатовиллен, в чьей власти находился Арк-ан-Барруа, в XIV и XV вв. существовали тесные связи. В 1612 г. был опубликован «Трактат о знатности и родне Орлеанской Девы» Шарля дю Лиса, потомка в пятом колене одного из братьев Девы. Он положил начало традиции, согласно которой Жак д'Арк считался уроженцем Сеффона (Верх. Марна, Монтье-ан-Дер). Тем не менее наиболее правдоподобной выглядит версия о том, что Жак д'Арк происходил из Арк-ан-Барруа. В актах, о которых мы упоминали выше, Жак д'Арк фигурировал как один из нотаблей Домреми. Он отправился в Реймс на коронацию дофина и получил благодарность от города, а затем был аноблирован Карлом VII. Когда вышла поэма Вальрана Вараниуса, посвященная Деве и опубликованная в 1516 г., стали говорить, что он умер от горя после смерти дочери, но так ли было в действительности — остается спорным.

⁷ Изабелла (или Изабо) Роме, мать Жанны д'Арк, была уроженкой барруаской деревни Вутон, относящейся к превогству Гондрекур (Мёз, Бар-Ле-Дюк, Гондрекур). Вутон находилась в двух лье от Домреми, если идти по дороге на Грё.

Около 1440 г. Изабелла переехала в Орлеан. Она жила в этом городе, получая обеспечение из городской казны, вплоть до своей смерти 28 ноября 1458 г. Городская община выплачивала ей 28 ливров 8 парижских солей (36 турецких ливров) в год.

7 ноября 1455 г. в парижском соборе Нотр-Дам она, вместе со своими сыновьями, торжественно ходатайствовала о реабилитации дочери.

⁸ Свидетели реабилитации называют многих крестных Жанны: Беатрис, вдову Этлена из Домреми, Жана Мореля из Грё, покойного на момент процесса Жана Лангара, Жана Рэнгессона, Жаннетту, вдову Тьесслена, и Жаннетту, вдову Тевинэна Ле Ройе; Манжетту, жену Жана Жуайара, вдову Жанну Барре, проживавшую во Фребекуре. Многие свидетели процесса реабилитации называют себя крестными отцами и матерями: Жан Морель из Грё, семидесяти лет, который присутствовал на коронации Карла VII, Беатрис, вдова Этлена, восьмидесяти лет, Жаннетта, вдова Тевинэна Ле Ройе, семидесяти лет, Жаннетта, вдова Тьесслена де Виттель, проживавшая в Нёфшато, шестидесяти лет. Заметим, что Жан Морель был прокурором общины Домреми в то же время, что и Жак д'Арк, о чем сохранилась запись в одном из актов от 31 марта 1427 г. (LXXXII, р. 360). Агнесса и Сибилла, упомянутые Жанной, не названы более ни одним свидетелем. Зато Девица упоминает некую «Жанну, супругу мэра Обри, из сей деревни, каковая была ее крестной».

⁹ Жан Минс, кюре Домреми. Имя этого персонажа в исторических источниках не упоминается. При Жанне кюре Домреми был мэтр Гийом Фронте, которого со времени процесса реабилитации уже не было в живых.

¹⁰ «Французских особ» (*de la langue de France*). При том, что само слово «национальность», применительно к интересующей нас эпохе, достаточно условно, стоит отметить, что источники, затрагивающие эту тему («Хроника Карла VII» Жана Шартье, ординанс Генриха VI от 1445 г., упомянутый в «Хронике Мон-Сен-Мишеля и др.), используют схожие формулировки: в них, к примеру, говорится о тех, «кто принадлежит к сей нации или языку». Среди членов руанского инквизиционного трибунала большинство советников, равно как и оба судьи, были французами. Другое дело, что они считали себя подданными Генриха VI, который, по договору в Труа, был королем Франции. Что же касается приверженцев Карла VII то, если таковые и находились в Руане, это могли быть только люди, поменявшие свои политические пристрастия на противоположные, то есть новые сторонники английского правления. Более того, когда секретарь процесса говорит о партии Карла, он, возможно, преднамеренно пользуется выражением, лишенным национальной окраски: «люди с той стороны», «люди ее партии» (то есть сторонники Жанны). Возможно, следует понимать слова епископа как предложение предоставить Жанне потабли, которым она могла бы просто-напросто прочесть *Credo* и *Pater* по-французски. Впрочем, автор манускрипта О употребляет выражение: «одного или двух именитых особ из сего общества», подразумевая, по всей видимости, кого-либо из ассессоров.

¹¹ Настойчивое требование прочесть эти молитвы обусловлено процессуальной практикой инквизиционных трибуналов. Льоренте указывает, что в ходе первых допросов подозреваемого в ереси «заставляли прочитывать Отче наш, Верую, статьи Символа веры, заповеди Десятилетия и некоторые другие догматы христианского учения; если он их не знал, запел или ошибся при чтении, то презумпция, что он заблуждается в деле веры, обретала новую силу» (*Llorent J.-A. Histoire critique de l'Inquisi. On d'Espagne. T. 1, 2. Paris, 1818. T. 2, p. 248*).

¹² Джон Грей, или Жан Гри, королевский оруженосец (хотя нет твердой уверенности, что речь не идет о другом Джоне или Жакне Грее). 21 февраля ему, вместе с Дж. Бервойтом и У. Тальботом, было поручено стеречь Жанну. 13 марта инквизитор, в свою очередь, представляет его как стражника, вместе с Дж. Бервойтом. Он присутствует на проходивших в тюрьме заседаниях 17 марта, 31 марта и 28 мая.

В 1456 г., свидетельствуя на процессе реабилитации, Тома де Курселль упоминал его как стражника Жанны.

¹³ Приемная, близ королевских покоев.

¹⁴ Здесь и далее мы в большинстве случаев переводим *bourguignon* как *бургиньон*, а не *бургундец*, принимая во внимание политический оттенок термина, который говорил о принадлежности к проанглийской партии бургиньонов. В интересующую нас эпоху партия бургиньонов (сторонников англичан и герцога Бургундского) и партия арманьяков (сторонников дофина Карла) находились в состоянии гражданской войны.

¹⁵ Нёфшато относился к герцогству Лотарингскому, но в 1220 г. герцог Лотарингский принес оммаж за Нёфшато графу Шампанскому. Когда же графство Шампань было присоединено к короне, этот оммаж был принесен королю Франции. Нёфшато был подотчетен бабьи Шомона, прево Англо и Парижскому Парламенту.

Жители Нёфшато и лотарингские кунцы, которые вели дела по всей Европе, часто вступали в споры с герцогом Лотарингским. В связи с этим Парламент возбуждал против него судебные процессы. 1 августа 1412 г. Парламент осудил герцога за злоупотребления, которые он допустил в отношении жителей Нёфшато и провозгласил город присоединенным к короне.

Маловероятно, что король смог тогда обеспечить исполнение этого приговора. Но сама ситуация говорит о том, какое важное место занимал король Франции в сознании горожан Нёфшато. Когда Литуан де Вержи, в июле 1428 г., осадил Вокулёр, большинство жителей Домреми, в числе которых была Жанна и ее родственники, бежало в Нёфшато: город остался верным королю Франции. Женщина Ла Русс (Рыжая), у которой остановилась семья Жанны, ссужала деньги обитателям Нёфшато, поддерживавшим партию дофина. В анкетах реабилитационного процесса, составленных в 1455 г., пятеро земляков Жанны подтверждают, что Ла Русс имела репутацию честной женщины.

¹⁶ Авторы манускриптов *О* и *Е* относят это ко времени пребывания Жанны в Нёфшато. Показания Жанны о ее работе по дому и в поле послужили темой многих исследований. Если основываться только на словах самой Жанны, она всего лишь помогала отцу в сельскохозяйственном и скотоводческом трудах. На допросе 24 февраля она повторит, что обычно не пасла скотину: ей лишь довелось отводить стадо в замок Иль. Жители Домреми, которых спрашивали на процессе реабилитации о том, чем Жанна занималась в юности, отвечали, что иногда она ходила с отцом за плугом, а когда приходила очередь ее отца, пасла общее стадо. Ответы земляков Жанны следуют единому стереотипу, поскольку основной задачей кассационного процесса было утвердить за Жанной репутацию добропорядочной католички, смиренно пасущей овец, подобно многим женщинам ее круга. Образ Жанны-пастушки, возникший, как мы видим, очень рано, может ввести в заблуждение. Жанна работала по дому; она шила, пряла и вела жизнь обычной крестьянки, но пастушкой никогда не была.

¹⁷ Гийом Фронте из Нёфшато упомянут в одном из актов 1423 г. По свидетельству Этьена де Сиона, он являлся дуаиеном, то есть старостой церковной общины Нёфшато; по воспоминаниям Жана Колэна, свидетеля процесса реабилитации, кюре Домреми считал Жанну доброй католичкой; по его словам, он никогда не знал лучшей. Об этом священнике ничего более не известно.

¹⁸ Монастырь Нёфшато был основан герцогом Лотарингским ок. в 1261 г. Жанна дважды или трижды исповедовалась у братьев-миноритов в Нёфшато. Нет оснований полагать, что она посетила кордельеров Нёфшато в те несколько дней, когда находилась в этом городе вместе с семьей, бежавшей из Домреми от бургиньонов. Скорее всего, это случилось при каких-то иных обстоятельствах.

¹⁹ То есть примерно в 1424 или 1425 г., если принять 1411 или 1412 г. за дату рождения Жанны. На допросе 27 февраля Жанна скажет, что находится под опекой святых в течение семи лет.

²⁰ Манускрипт *О*: «в день поста»; манускрипт *Е*: «она тогда соблюдала пост, а накануне не постилась».

²¹ Дом Жанны д'Арк в Домреми стоит около церкви, к югу от нее. Этот дом был полностью перестроен в конце XV в. Скульптурный тимпан над дверью, датированный 1481 г., украшен блазонами Тьесслен и дю Лис. Вероятно, эти гербы принадлежат Клоду дю Лису, фискальному прокурору Домреми, внуку Жана, второго брата Девиды, и жене Клода, Николь Тьесслен, представительнице рода, к которому принадлежала одна из крестных матерей Жанны. Местоположение церкви можно определить по показаниям Жанны: строение находилось справа от дома.

²² Манускрипт *Е*: «*quod pater suus de suo recessu nihil sciret*», что соответствует значению латинского глагольного конъюнктива. Следует перевести это выражение так: «...и чтобы отец ничего не знал о ее уходе». Перевод в списке *Е* более согласован с общим смыслом фразы.

²³ Вокулёр был центром королевского кастелянства, входившего в состав графства Шампань. Собственно замок с XI в. по XIV в. принадлежал дому Жуанвиллей. 15 августа 1335 г. Жан де Жуанвилль уступил Вокулёр Филиппу Валуа в обмен на город Мерси-сюр-Сен, а также на некоторые дополнительные привилегии. Карл V в 1358 г. отдал Вокулёр в пожизненное пользование Анри, графу Водемонскому и сенешалю Шампани. После смерти графа, 4 июля

1365 г., Вокулёр был присоединен к королевскому домену. Именно в Катрево, близ Вокулёра, король Франции Филипп IV Красивый и германский император Альбрехт Австрийский встретились в декабре 1299 г., чтобы урегулировать различные вопросы касательно границы между королевством и Империей.

²⁴ Важный момент с точки зрения инквизиционной практики: Жанна изначально демонстрирует правильное поведение, стараясь, согласно церковным наставлениям, «прогнать дьявола смирением». Ср.: «Однажды дьявол явился некоторому пустыннику в образе светлого ангела и сказал ему: „Я Гавриил и послан тебе от Бога“. Пустынник возразил ему: „Смотри, не к другому ли ты послан; я недостойн видеть ангелов как человек грешный“» (XXVI, с. 99).

²⁵ Робер де Бодрикур, лотарингский сеньор (Бодрикур-ан-Сентуа, близ Нёфшато), был капитаном Вокулёра в 1420 г. Кроме того, по распоряжению Карла VII, он исполнял обязанности бальи Шомона с 17 октября 1437 г. вплоть до своей смерти, наступившей в 1454 г. Еще ранее он временно заменял на этом посту своего дядю, Жана д'Опуа, — в частности в 1423 г. Поскольку Бодрикур всегда оставался верен Карлу VII, 2 июня 1424 г. Джон Бедфорд конфисковал его крепость Блэз вместе с другими его сеньориями в пользу Жана де Вержи, сеньора Фуванского. В 1425 г. Робер женился вторым браком на Аларде де Шамбле, чей отец был маршалом герцогства Бар (род Шамбле происходил от рода сеньоров Бриксе). Бодрикур находился в постоянных сношениях с Людовиком, кардиналом Барским, а затем с Рене Анжуйским, герцогом Барским. В конце июля 1428 г. Антуан де Вержи, получивший пост маршала Франции от Генриха VI Английского, осадил Вокулёр. В сентябре Бодрикур, в соответствии с военной практикой тех времен, подписал с ним договор, обещая сдать крепость по истечении определенного срока. В действительности Вокулёр так и не был сдан бургиньонам, но благодаря этой формальной уступке Бодрикур выиграл драгоценное время.

²⁶ На самом деле речь идет о сводном двоюродном брате Жанны, которого она звала дядей, поскольку он был вдвое старше ее. Дюран Лассар, или Лассуа, был крестьянином из деревни Бюрей-Ле-Пти, которая находилась в 11 км к югу от Домреми и относилась к превоству Гондрекур. Дюран женился на Жанне, дочери Жана де Вассёля и Авелины де Вутон, сестры Изабеллы Роме. Лассар пользовался особым доверием Жанны и оставил очень ценные свидетельства о первом этапе ее эпопеи, выступая на процессе реабилитации в 1456 г. Из показаний Дюрана Лассара мы знаем, что Жанна попросила его о помощи, когда решила предстать перед Робером де Бодрикуром, так как деревня Бюрей располагалась на пути к Вокулёру, в 6 км к югу от крепости. Бюрей наполовину относилась к Барруа, а наполовину — к Шампань. Поскольку Жанна не хотела возбуждать подозрений родителей относительно своих намерений, она сказала в качестве предлога, что пойдет помогать своей кузине при родах (это подтверждают трое свидетелей кассационного процесса). Лассар доставил ее к капитану Вокулёра и помог собрать необходимое для поездки в Шинон снаряжение. 17 июля 1429 г. он присутствовал в Реймсе на коронации Карла VII.

²⁷ Хронология свиданий Жанны с Бодрикуром долгое время не подвергалась сомнению, и большинство историков пользовалось выкладками Эдуарда Ринне, который первым систематизировал сведения, содержащиеся в материалах обоих процессов Жанны, применительно к этому вопросу.

Следует примеру Э. Ринне, биографы Жанны основывались на показаниях одного из ее слугников, Бертрана де Пуланжи, которому Бодрикур поручил проводить деушку к дофину (см. LXXXVIII). Пуланжи был единственным из свидетелей, кто дал хронологические уточнения относительно свиданий героини с капитаном Вокулёра. По его словам, Жанна явилась в Вокулёр около дня Вознесения в 1428 г. Она просила Робера де Бодрикура передать дофину, чтобы тот хорошо держался и пока воздерживался от каких-либо решительных действий против своих врагов, поскольку еще до середины Великого Поста ее Господин пошлет дофину помощь. Однако капитан крепости принял ее дурно, после чего она возвратилась к отцу. Затем, незадолго до начала Великого Поста (10 февраля 1429 г.), она вновь явилась в Вокулёр, ища кого-нибудь, кто согласился бы доставить ее к дофину.

Ни Дюран Лассар, который по просьбе Жанны проводил ее к Роберу де Бодрикуру, ни другой ее слугник Жан де Пуйоннон, ни Катерина, жена Апри Ле Ройе, у которой она проживала в Вокулёре, не говорят о первом приходе Жанны в Вокулёр около дня Вознесения. Дюран Лассар свидетельствует, что забрал Жанну из отчего дома по ее просьбе и она провела три недели в его доме в Бюрей-ан-Во. Указанным Лассаром временной промежуток значительно превышает тот срок, о котором Жанна скажет на допросе. Катерина Ле Ройе, из Вокулёра, в свою очередь, заявляет, что Жанна проживала у нее в течение трех недель, хотя и с перерывами.

В 1948 г. Жак Кордые в своей работе «Жанна д'Арк» также подверг сомнению «изолированное свидетельство» Пуланжи (см. LXVII). Действительно, трудно согласиться с тем, что в день Вознесения (13 мая 1428 г.) Жанна стала бы говорить о своих планах, относящихся к середине Великого Поста: до этой временной вехи оставалось еще около десяти месяцев — срок немалый.

Указание на середину Великого поста содержится и в свидетельстве Нуйонпона, так что эта дата, по-видимому, действительно была продекларирована Жанной (см. LXVII).

Беспокойство Жанны о том, чтобы дофин не вступал в открытые военные столкновения с англичанами до указанного ею срока, также выглядел странным: в мае 1428 г. Карлу VII еще не нужно было предпринимать серьезных мер для обороны Орлеана, осада которого началась лишь осенью, в октябре. На театре военных действий наблюдалось относительное затишье, и положение Карла не было столь критическим, каким оно станет полгода спустя.

С другой стороны, показания Пуланжи можно считать вполне достоверными, если принять версию о том, что изначально Жанна вовсе не намеревалась снимать осаду с Орлеана. Из показаний ее земляков на процессе реабилитации явствует, что Жаннетта уходила из Домреми скорее как ясновидящая, чем как воин. Мы рассмотрим этот вопрос подробнее в статье «Бог и мое право» (см. «Бог и мое право», II).

Вместе с тем, трудно объяснить, каким образом Жанна могла дважды приходить со своей необычной просьбой к Бодрикуру. Известно, что родители с некоторых пор чрезвычайно строго за ней следили, опасаясь, что сон Жакоба об уходе дочери с солдатами станет явью. По словам Жанны, родители испытали изумление и отчаяние, когда она ушла. Не менее показательны свидетельства жителей Домреми, которые, судя по их заявлениям на процессе реабилитации, никоим образом не были осведомлены о ее намерениях покинуть отчий дом.

Впрочем, Жерардэн д'Энналь, единственный житель Домреми, державший сторону бургиньонов, который, кажется, хорошо знал Жанну, вспомнил любопытную подробность. Он заявил, что незадолго до своего ухода из деревни девушка бросила ему странную фразу: «Мой друг, если б вы не были бургиньоном, я охотно бы вам кое-что сказала». «Я же, — говорит он, — подумал, что речь идет о некоем парне, за которого она хотела выйти замуж» (XXI, p. 267). Как видим, Жерардэн был далек от мысли о ее уходе.

Другое свидетельство, данное на кассационном процессе Мишлем Ле Буэнном, другом Жаннетты, позволяет усомниться, что решение об уходе было принято девушкой спонтанно или под влиянием сообщений о начавшейся осаде Орлеана. Мишель вспоминает свою беседу с Жанной, случившуюся на Иванов день (24 июня 1428 г.), то есть спустя немногим более месяца после дня Вознесения: «Есть, — сказала она ему тогда, — некая Дева между Кусси и Вокулёр, которая ранее, чем через год, коронует короля Франции» (XXI, p. 280).

Можно допустить, что весной 1428 г. Жанна посетила Вокулёр тайно и просила де Бодрикура лишь том, чтобы он сообщил дофину о скорой поддержке. Тогда становится понятным, что замысел ее созрел постепенно и к тому времени ей уже было трудно держать его в полном секрете. Поэтому она позволяла себе некоторые намеки в разговорах с односельчанами. Возможно, именно к этому периоду стоит отнести известный сюжет о вешнем сне Жакоба д'Арка, в котором он увидел, как Жанна уходила с воинами. Судя по всему, его дочери не вполне удавалось блюсти тайну своих намерений и она подчас проговаривалась о них, навлекая на себя гнев отца.

Сведения о хронологии приходов Жанны в Вокулёр, которые содержатся в ее собственных показаниях, слишком противоречивы. Они существенно отличаются от заявлений Пуланжи. По мысли Девиды, «переговоры» с Бодрикуром прошли в гораздо более сжатые сроки — приблизительно, в декабре или январе; она упорно пыталась сломить сопротивление капитана, и, в конце концов, добилась в этом успеха, не возвращаясь в Домреми. Сама Жанна ничего не говорит о возвращении домой перед повторным визитом в Вокулёр. Правда, в другом документе руанского процесса, а именно, в докладе судебного исполнителя или докладе д'Эстиве, действительно есть намек на ее возвращение домой. Конечно, «Доклад д'Эстиве» часто содержит неточные сведения, а иногда и намеренные искажения действительности. И тем не менее трудно объяснить, зачем обвинению понадобилось домысливать повторные визиты Жанны к Бодрикуру: эта подробность никак не влияла на содержание обвинительных статей.

Наконец, нужно учитывать, что и сам Пуланжи мог за давностью лет допустить в своем рассказе ошибку. Существует также вероятность оплошности писаря, который мог перевести *Ascensionem Domini* вместо *Adventum Domini*.

²⁸ Карл II, герцог Лотарингский (1390—1431). Сначала он являлся сторонником партии бургиньонов, однако потом изменил политические предпочтения, выдав свою дочь и наследницу Изабо замуж за Рене Анжуйского. Из источников известно, что герцог подчас вел себя как

рутье. В июле 1412 г. Парламент осудил его за притеснения и вымогательства, допущенные по отношению к горожанам Нёфшато (см. выше). Перед отъездом в Шинон, Жанна отправилась в Нанси ко двору герцога, который пожелал ее видеть.

Многие свидетели процесса реабилитации вспоминали о деталях этого путешествия (Дюран Лассар, Жан Морель, Луи де Мартиньи-Ле-Жербонво, Жан де Нуйоннон, который проводил Жанну вплоть до Туля, Бертрам де Пуланжи).

Жан Морель слышал, что Жанна якобы получила в подарок от герцога черного коня. Луи де Мартиньи говорит о коне и денежном вознаграждении. Лассар упоминает только о четырех франках, которые Жанна ему показала и которые, по словам Лассара, герцог дал ей в качестве вознаграждения.

Жанна сообщила о своей встрече с Карлом Лотарингским Маргарите Ла Турульд, супруге мэтра Работо, одного из советников Карла VII. Осенью 1429 г. года Девица проживала в доме Работо, в Бурже, в течение трех недель. Свидетельство Ла Турульд на процессе реабилитации позволяет нам дополнить показания самой Жанны. По воспоминаниям Маргариты, Девица сказала недужному герцогу, что тот не исцелится, если не раскается в своих грехах; она побуждала его вернуться к своей супруге, благочестивой Маргарите Баварской. Карл II действительно состоял в любовной связи с некоей Ализон дю Мэ и не скрывал этого от придворных.

Историки отмечают некоторую вольность в выражениях, которую Жанна допустила по отношению к герцогу Лотарингскому. Во всяком случае, свидетельство Ла Турульд доказывает, что скандальная жизнь герцога была известна Жанне.

В период томительного ожидания помощи от Бодрикура Жанна совершила, помимо поездки в Нанси, еще одно небольшое путешествие — на этот раз в Сен-Никола-де-Пор. Сама Девица о нем не упоминает, но некоторые сведения содержатся в показаниях ее земляков. «Жанна совершила паломничество в Сен-Никола, — говорит Бертрам де Пуланжи, — и предстала с охранной грамотой пред герцогом Лотарингским, каковой пожелал ее видеть» (XXI, р. 293). Следуя мысли Пуланжи можно заключить, что паломничество в Сен-Никола было совершено еще до поездки Жанны в Нанси. Катерина Ле Ройе, приютившая Девицу в Вокулёре, также сообщает о поездке в Сен-Никола. Ожидая решения Бодрикура, Жанна во всеуслышанье утверждала, что ей необходимо идти к дофиню. «После сего свидетельница и многие другие люди поверили словам Жанны» настолько, что некий «Жак Алэн из Вокулёра и Дюран Лассар пожелали ее проводить; они доехали до Сен-Никола, но вернулись обратно в Вокулёр, потому что Жанна заявила, что так уехать было бы с ее стороны недостойно» (XXI, р.284).

Большинство историков склоняется к мысли, что Жанна поехала в Сен-Никола-де-Пор на богомолье к мощам св. епископа Мирликийского. Сен-Никола был в те времена популярным местом паломничества, поскольку святой Николай считался покровителем странников.

Другие исследователи полагают, что Жанна, сопровождаемая Жаком Алэном и Дюраном Лассаром, выехала из Вокулёра в направлении Шинона, и, следовательно, в своих показаниях свидетели говорят не о Сен-Никола-де-Пор, а о Сен-Никола-де-Сетфон — пустыни, расположенной в окрестностях Вокулёра. Интересно, что такой маршрут Жанны находит подтверждение в словах Катерины Ле Ройе, которая, кстати, не говорит о визите к герцогу Лотарингскому (скорее всего, этот визит был инициирован Бодрикуром, и Катерина ничего существенного о нем не знала).

Жак Кордьё, говоря о несостоявшемся самовольном отъезде Жанны в Шинон через Сен-Никола, предположил правоту Катерины, так как, судя по словам Жанны, этот отъезд был противен воле Бодрикура, тогда как визит к герцогу Лотарингскому без сомнений был согласован с капитаном. Направляясь в Сен-Никола-де-Пор, что на пути в Лотарингию, Жанна должна была удалиться от пределов королевства Французского, — следовательно, вряд ли она избрала бы эту дорогу, если бы ее целью действительно был Шинон. Таким образом, Кордьё предполагает, что до отъезда к дофиню Жанна дважды покидала Вокулёр: для самовольной поездки к дофиню через Сен-Никола-де-Сетфон и для визита в Нанси к герцогу Лотарингскому.

П. Тиссе высказывает иную точку зрения. По его мнению, тот факт, что Жанна могла отправиться в Сен-Никола, прежде чем поехать в Нанси, является вполне объяснимым, ибо тогда из Туля напрямую ехали в Сен-Никола, через Пор-Сен-Венсан, не проезжая через Нанси. Жан де Нуйоннон заявляет, что когда Жанна направилась в Нанси, он сопровождал ее до Туля.

С тезисом Кордьё о путешествии в Сен-Никола-де-Сетфон трудно согласиться еще и по другой причине. Бертрам Пуланжи прямо указывает, что Жанна совершила в Сен-Никола *паломничество*. Если действительно имело место паломничество, то его целью мог быть только Сен-Никола-де-Пор.

²⁹ Рене Анжуйский (?—1480), сын Людовика II Анжуйского и Иоланды Арагонской, был воспитан кардиналом Барским, который в августе 1419 г. оставил ему в наследство герцогство Барское (до 1420 г. герцогством Барским управлял герцог Лотарингский). Немногим ранее, в марте, было принято решение о скорой свадьбе Рене со старшей дочерью и наследницей герцога Лотарингского, Карла II. Со смертью Карла II (1431) Рене стал герцогом Лотарингским. Однако ему пришлось столкнуться с претензиями кузена своей жены, графа Антуана Водемонского, которого поддержал герцог Бургундский. Рене был убит 2 июля 1431 г. в Бульневилле, расположенном к юго-востоку от Нёфшато. Он приходился шурином Карлу VII, который был женат на его сестре Марии Анжуйской.

³⁰ На процессе реабилитации Дюран Лассар сообщил, что жители Вокулёра подарили Жанне перед отъездом мужские одежды. Сам Лассар и Алэн из Вокулёра вскладчину купили ей коня за 12 франков — эту сумму им потом возместил Робер де Бодрикур. Это свидетельство подтверждено Катериной, женой Анри Ле Ройе, у которой жила Жанна.

³¹ Спутники Жанны известны, это Жан де Нуйонпон из Меца и Бертран де Пуланжи. Они были приближенными Бодрикура, тесно общались с Жанной и оба выступали затем свидетелями на кассационном процессе. Вместе с Нуйонпоном и Пуланжи в путь отправились их слуги — Жюльен и Жан де Онкур. Эскорт Жанны дополняли Коле де Вьенн и его слуга — лучник Риппар. Коле де Вьенна обычно отождествляют с неким Жаном Коле, гоном при конюшнях Карла VII, который служил курьером между двором дофина и Вокулёром. Его имя упоминается в счетных книгах крепости.

Находясь в Вокулёре, Жанна поведала Нуйонпону и Пуланжи о своем замысле, и ее откровенность нашла у них поддержку. Возможно, они сами предлагали свои услуги Бодрикуру. Пуланжи и де Мец не только проводили Жанну в Шинон, но и служили ей в ходе военных кампаний. Их показания на процессе реабилитации представляют огромный интерес.

О родословной этих соратников Девы известно немного. Местечко Нуйонпон находилось в долине Мез, на территории герцогства Бар, и относилось к замковому округу Шатийона. Возможно, следует считать товарища Жанны родственником некоего Жана де Нуйонпона, который 1 февраля 1325 г. принес оммаж Эдуарду, графу Барскому за фьеф Домреми-о-Буа, расположенный близ Коммерси. Жанна, без сомнения, ошибалась, считая своего спутника рыцарем. Он назван оруженосцем в счетах, касающихся возмещения дорожных расходов, которые понесли Пуланжи и де Мец, провозжая Жанну в Шинон. Нуйонпон был аноблирован в марте 1449 г. за «похвальные услуги, кои он оказывал во время войны». Ко времени процесса реабилитации (1455 г.) ему было около 57 лет и проживал он в Вокулёре.

Что касается второго спутника Жанны, Бертрана Пуланжи, то его принято считать потомком Луи де Пуллиньи (названным Пуланжи в одном тексте 1409 г. и упомянутом в нескольких документах конца XIV — начала XV в.). Луи де Пуллиньи (Пуланжи) был горожанином Туля. Собственно Пуллиньи — это местечко в герцогстве Лотарингском, недалеко от Нанси. В документах сохранились разные формы старинного написания фамилии Пуланжи: Польпэ, Пулленьи, Пулленьи. Как сообщает Симеон Люс, в 1408 г. в Вокулёре жила Изабо Колэн — вдова некоего Луи (или Лойона) де Пуллиньи, уроженца Туля. В 1455 г., в ходе процесса реабилитации, Бертран де Пуланжи давал показания, находясь в Туле. Ему было тогда 63 года, и в материалах процесса он назван «королевским оруженосцем».

³² Бенедиктинское аббатство, относящееся к диоцезу Шалона. Его настоятелем был тогда Арнуль д'Ольнуа, родственник Робера де Бодрикура по материнской линии.

³³ Кафедральный собор Осера.

³⁴ Манускрипты *О* и *Е* содержат лишь: «при ней часто были ее голоса».

³⁵ Это заявление Жанны, а также некоторые другие, позволяют понять, насколько трепетно она относилась к Орлеанскому дому. В связи с этим стоит упомянуть, что Людовик Орлеанский в начале XV в. активно вмешивался в жизнь восточной части королевства и попытался распространить свое влияние в Лотарингии и Люксембурге. В те времена королевская власть все более и более дискредитировала себя по причине безволия и душевной болезни Карла VI, и можно предположить, что именно брат безумного короля, Людовик Орлеанский, берег престиж французской монархии в этих землях. Вероятно, слова Жанны можно расценивать как своеобразное подтверждение этого. Карл Орлеанский был сыном Людовика Орлеанского и Валентины Висконти. В 1406 г. он женился на Изабелле, дочери Карла VI, которая умерла в 1409 г. Карл женился вторично в 1410 г. — на Бонне, дочери Бернара д'Арманьяка. Убийство его отца Жаном Бесстрашным (23 ноября 1407 г.) повлекло за собой создание партии арманьяков, в которой Карл играл важную роль. После того как герцог попал в плен под Азенкур (1415 г.), англи-

чане захватили его осиротевшие владения. Жанна страстно желала освободить герцога Карла; Жан Жуверель дез Юрсей, со своей стороны, тоже просил короля содействовать освобождению принца, считая его «наиболее близким короне». Карл Орлеанский был освобожден лишь в 1440 г., благодаря стараниям герцогини Бургундской. Он женился на Марии Клевской, получил орден Золотого Руна и активно способствовал прекращению войны с Англией. Стихи Карла Орлеанского, которые он писал в течение всей жизни, являются прекрасным образцом средневековой лирики.

В 1443 г. герцог Орлеанский подарил островок Иль-о-Бёф, находящийся в русле Луары, Пьеру д'Арку — «в благодарность и в знак внимания к Жанне-Девиге, его сестре». После одного из неудачных походов в Италию (1451) Карл поселился в Блуа, где и умер в 1465 г.

³⁶ Возможно, ей прочли эти письма в тюрьме. Возможно также, что составители протокола попросту ссылаются на послание Жанны англичанам, которое содержится в статье XII. Во втором случае вероятно, что это позиция интерполяция в основной текст.

³⁷ Сен-Катрин-де-Фьербуа, близ Шинона, был весьма почитаемым местом паломничества. Воины, вернувшиеся из плена, оставляли там свои доспехи *ex voto* (по обету).

³⁸ Долгое время в историографии принято было считать датой прибытия Жанны в Шинон 6 марта 1429 г. Эта дата указана в «Хронике Мон-Сен-Мишель». «Хроника Ла-Рошели» содержит другую дату: 23 февраля. Однако, скорее всего, секретарь ратуши Ла-Рошели, который считается автором этой хроники, неверно выразился, желая сказать, что в названный день Жанна выехала из Вокулёра. Бертрап Пуланжи, свидетельствуя на процессе реабилитации, говорит, что путешествие из Вокулёра в Шинон продлилось одиннадцать дней, из чего можно заключить, что Жанна прибыла в Шинон именно 6 марта, как и указано в «Хронике Мон-Сен-Мишель».

И все же стоит отметить, что точную дату установить трудно, поскольку ни «Хроника Ла-Рошели», ни «Хроника Мон-Сен-Мишель» не являются в этом вопросе надежными источниками.

Многие биографы Жанны (М. де Буамармэн, П. Буассонад, Ж. Кордье, О. Леруа, К. Дезам) придерживаются версии о раннем приезде Девиги в Шинон и ориентируются на дату, указанную писцом Ла-Рошели. Пуланжи и Нуйонпон, слушники Жанны, уточнили на процессе реабилитации, что Жанна стремилась увидеть короля до середины Поста, то есть до 6 марта. Никто из них не сказал далее, что Жанне не удалось осуществить своего желания. Нуйонпон говорит, что Жанна выехала из Вокулёра в первое воскресенье Великого Поста или около того, то есть 13 февраля 1429 г. Тексты, составленные позднее, — к примеру, «Хроника Девиги» и «Дневник осады Орлеана», — рассказывают, что она «знала Божьей милостью», в какой день случится «битва селедок», а именно в канун первого воскресения Поста (*dimanche des Bures*). Она якобы предсказала это Бодрикуру, который был поражен ее пророчеством и решил отправить ее к дофину.

Итак, судя по всему, Жанна покинула Домреми в середине февраля (если следовать гипотезе о двух приходах Жанны в Вокулёр, то первый раз она приходила туда 13 мая 1428 г.). Затем, выехав из Вокулёра около 23 февраля 1429 г., Жанна со своими провожатыми достигла Шинона. Это случилось приблизительно 6 марта 1429 г.

³⁹ Шарль де Бурбон, граф Клермонский. Его отец, Жан де Бурбон, был пленен при Азенкуре и умер в Англии в 1433 г. Шарль стал герцогом Бурбонским в 1434 г. Еще прежде, 6 августа 1425 г., он женился на Агнессе Бургундской, сестре Филиппа Доброго. Именно он привел войско на помощь осажденному Орлеану. Он участвовал в осаде Труа, присутствовал на коронации Карла VII в Реймсе, сражался в битве при Монтениллуа. Он также участвовал в штурме Парижа — последнем крупном военном предприятии Девиги. Назначенный верховным военным наместником в землях, расположенных к северу от Сены, он выступал за заключение мира с герцогом Бургундским (зима 1429 г.). В 1435 г. Шарль де Бурбон участвовал в Аррасской конференции.

⁴⁰ Жанна находилась в Сен-Дени в период между 9 и 13 сентября 1429 г. Как сообщает хронист Персеваль де Каши, приближенный герцога Алансонского, Жанна просила герцога вернуться под Париж, чтобы возобновить наступление.

⁴¹ Штурм ворот Сент-Оноре произошел 8 сентября 1429 г., в праздник Рождества Богоматери. В ходе этого штурма Жанна была ранена в бедро арбалетной стрелой.

⁴² Считалось греховным сражаться в день церковного праздника.

⁴³ См. «Бог и мое право», П.

⁴⁴ Манускрипт *O* содержит дополнение: «Но я не скажу всего, о чем знаю».

⁴⁵ В шестидесятой статье обвинения текст д'Эстиве гласит: «Она не знает, должна или нет рассказать все, что ей было открыто». В манускрипте *O* этих слов нет.

⁴⁶ *Ne boirait-elle pas du vin jusqu'à Paques*. Можно предположить здесь некий вид божбы, разговорной клятвы или же присказки. Возможный вариант перевода: «Это так же верно, как то, что она не станет пить вина до Пасхи!».

⁴⁷ Согласно инквизиционной практике, обвиняемый имел право не свидетельствовать против себя. См. «Бог и мое право», II.

⁴⁸ *Qu'au nom de la voix vient une clarté*. Возможно, более адекватным вариантом перевода было бы: «что именем голоса нисходит просветление», то есть «властью голоса, от его имени» — ср. с выражением «именем короля», «именем закона».

⁴⁹ Возможно, на эти слова Жанну вдохновил текст одной из распространенных молитв XV в.: «Помолимся за тех, кто пребывает в благодати: Бог да сохранит их в ней до конца; и за тех, кто пребывает в смертном грехе: Бог да благоволит скорее исторгнуть их оттуда». Свидетельствуя на процессе реабилитации в 1455 г., Буагний процитировал этот ответ Жанны и вспомнил, какое изумление ее слова вызвали у судей.

⁵⁰ Максе-сюр-Мёз. Эта деревня стояла на реке Мёз, ниже по течению, чем Домреми. Она была наполовину барруасской, наполовину лотарингской. Бургиньон из Домреми — это, несомненно, Жерар д'Эпиналь.

⁵¹ Замок Иль находился на посевном лугу перед Домреми, на правом берегу реки Мёз. Он стоял на каком-то подобии острова, образованного собственно рекой и ее рукавом (так называемое местечко Нантронн). Само строение имело в плане прямоугольную форму, а над его западной стеной возвышалась круглая башня. Часовня Потр-Дам опиралась на внешнюю крепостную стену, с восточной стороны. 2 апреля 1420 г. эта крепость, вместе с ее окрестностями, была сдана в аренду сроком на девять лет. Арендодателя, сеньора де Бурлемона, представлял мэр Обри по прозвищу Жаннелль (муж одной из крестных Жанны), а арендаторами были Жан Биже из Домреми и Жакоб д'Арк, отец Жанны.

⁵² Это дерево росло на опушке Букового леса. Жители Домреми называли его Древом фей и почитали за красоту: Жерардэн д'Эпиналь называл его «прекрасным, как лилия» (*pulchra sicut lilia*). Он вспоминал на процессе реабилитации, что ветви этого бука спускались до земли. Бертрам Лаклонн, другой свидетель на кассационном процессе, называл его «сильно согбенным» (*multum corbatus*). Его ветви образовывали нечто вроде «пристанища»; его прозвали «пристанищем дам», или «дам фей». Это дерево, возможно, было разновидностью буков криворастущих — действительно довольно редких в этих местах. Рихард Вассбургский, архидиакон из Вердена, в своих «Древностях бельгийской Галлии» (1547 г.) не преминул указать на это прекрасное дерево, связанное с легендой о Жанне. По словам Рихарда, «под ним никогда не бывало дождя или снега». Монпель, во время своей поездки в Домреми в 1580 г., также видел «дерево Девы».

Именно у Древа Фей потомок одного из братьев Жанны, Этьен Ордадь, главный дуайен Туля (1569–1612), приказал выстроить в память о героине часовню. Позднее, в последней четверти XIX в., на руинах этой часовни была воздвигнута базилика Буа-Шеню, строительством которой руководил епископат Сен-Дьё. Неподалеку от монастыря кармелитов, близ базилики, бьет Источник, целительный для больных лихорадкой. Со времен Жанны он несколько изменил свое русло. Жанна упоминала Древо фей и Источник. Свидетели, дававшие показания в ходе процесса реабилитации, рассказывали об обрядах, верованиях и суевериях, связанных с этим буком. Дети Домреми собирались возле него в День Источников и в воскресенье, называемое Laetare. По склонам холма, который венчал Буковый лес, протекало много источников, поэтому некоторые исследователи путают, к примеру, Смородиновый ручей и Ручей Лихорадочных, он же Источник фей, прозванный сегодня Ручьем Девы. Источник фей протекает по середине склона, недалеко от современного Кальвэра, что стоит на дороге, ведущей к базилике.

⁵³ Манускрипт E, в разделе под номером пять, содержит дополнение: «и она сама плала из него».

⁵⁴ С этого бука срывали на праздник «красный май» — зеленые ветви, считавшиеся в Лотарингии и других местах символом весеннего обновления. Хороводы вокруг «мая», о которых говорили многие свидетели процесса реабилитации, являлись частью местных обрядов. В других местах Лотарингии обычно спиливают дерево и, установив его в деревне, водят вокруг него хороводы. Пляски и песни вокруг «красного мая», а также языческие верования в то, что бук является пристанищем фей, заставили юре Домреми прочесть торжественную проповедь. По словам Беатрис Этелэн, во время молитвенной процессии накануне дня Вознесения юре зачитал возле бука отрывок из Евангелия, после чего феи там больше не появлялись (XXI, p. 247).

⁵⁵ Род Бурлемонов, принадлежавший к светской общине Туля, происходил от Пьера и Симона де Бриксе, живших во второй половине XII в. (Бриксе — деревня на реке Мёз неподалеку от Вокулёра). Замок Бурлемон стоял близ Нёфшато, на левом берегу реки Мёз, вверх по ее течению от Домреми. Таким образом, он находился в пределах Французского королевства и относился к шампанскому кастелянству Монтеклер (Андло). Бурлемоны владели сеньориями в Шампани и в герцогствах Бар и Лотарингия. Они принадлежали к лотарингскому рыцарству. Пьер де Бурлемон, последний представитель этого рода по мужской линии, умер 4 апреля 1412 г. Затем Домреми перешло к наследнице его сестры Жанны (ум. до 1410 г.), состоявшей в браке с Андре де Жуанвиллем. Наследницу звали Жанной де Жуанвилль (ум. после 1431 г.), она была женой Анри д'Ожевилле, лотарингского сеньора и рыцаря, а после его смерти вторично вышла замуж за Жана, графа Зальмского.

Древо Фей росло на земле, подвластной Бурлемонам. В судебном докладе д'Эстиве, составленном в ходе руанского процесса, оно названо колдовским деревом Бурлемонов (*arbre charmine de Bourlemont*). Сеньоры Домреми владели четвертью лесных угодий Буа-Шеню, а также примыкавшим к лесу непроизведенным виноградником.

Память о Бурлемонах тем более связана с Деревом фей и Ручьем, что дочери и племянницы сеньоров в воскресение, называемое Laelare, встречались у этого бука с девочками из Домреми. Жители Домреми, дававшие на процессе реабилитации показания об этом дереве, называли имена почивших сеньоров. Пьер Дранье в 1455 г. вспоминал, что видел у Ручья Пьера де Бурлемона и его мать, Катерину де Боффремон-Рюин (ум. ок. 1400 г.). Изабеллетта, жена Жерара д'Эпиналя, также упомянула о Пьере и его жене, которая «была из Франции». Этьен де Сионн (староста христианской общины Нёфшато), Тевизн Ройе из Шермизе (крестьянин Домреми), Жаннетта, его жена (крестная Жанны), говорили, что видели там Катерину де Рюин, супругу Жана де Бурлемона.

⁵⁶ Жанна назвала в числе своих крестных некую Жанну.

⁵⁷ Манускрипт *E* содержит дополнительно: «и прежде».

⁵⁸ В латинском протоколе выражение *bois chenu* переводится как «лес, засаженный дубами». Доклад д'Эстиве переводит как *pemus canutum*, что сообщает несколько иной смысл слову *Чену*. Это могло быть сделано намеренно, чтобы сопоставить сведения о Буа-Шеню с известным пророчеством Мерлина.

⁵⁹ Ссылки на эти предсказания содержатся в так называемом «*Recollectio*» — сборнике документов, составителем которого был инквизитор Жан Бреаль, руководивший процессом реабилитации. Сборник состоял из различных воспоминаний о процессе осуждения и из материалов самого процесса.

Пророчества, которые после прихода Девичи стали напрямую связываться с ее личностью, передавались из уст в уста. На процессе реабилитации Дююа показал, что пленному Саффолю передали четверостишие, в котором было предсказано, что некая Девича придет из Букового Леса и проедется верхом на спинках лучников (XXII, р. 10). Эхо этого пророчества слышно также и в поэме «Посвящение Девиче», автором которой была Кристина Пизанская: «Ибо Мерлин и Сивилла, и Беда / Узрили то сверх пяти веков назад».

Жанна и сама порой намекала на существование пророчеств о себе. По словам Дюрана Ласара, она сказала ему, что «Франция, разоренная женщиной, будет спасена девой» (XXI, р. 283). Стоит отметить характерное различие между тем, как интерпретировали мотив дубового леса в истории Жанны клирики двух инквизиционных процессов. С одной стороны, поклонение волшебным источникам и величественным деревьям напрямую связано с язычеством. Именно на это намекали руанские судьи, упоминая об обрядовых плясках вокруг Древа фей, имевших, судя по всему, кельтское происхождение. С другой стороны, приверженцы Карла VII в Шиньоне спрашивали Жанну не о дубе, а именно о Буа-Шеню, дубовом лесе, Дубраве, упомянутой в так называемом пророчестве Мерлина (пересказанном в «Истории бриттов» Гальфреда Монмутского). Образ дубравы, в свою очередь, сакрализован библиейским сюжетом о явлении трех ангелов Аврааму в Маврийской дубраве. Такое сопоставление позволило инквизитору Жану Бреалю использовать мотив Дубового леса как дополнительное подтверждение божественности миссии Жанны (см. «Бог и мое право», II).

⁶⁰ Святые, особо почитаемые Жанной. Святая Екатерина была покровительницей церкви Максе-сюр-Мёз; умершая в юности сестра Жанны носила это имя. Часто отмечалось, что в приходской церкви Домреми стоит статуя святой Маргариты, которая могла сохраниться со времен Девичи.

⁶¹ После аудиенции с Карлом VII Жанна подверглась проверке со стороны особой комиссии, заседавшей в Пуатье с 1 по 21 марта 1429 г. К сожалению, протокол следствия утерян; из разных источников до нас дошли только его заключения о благосклонном к героине вердикте судебной комиссии.

⁶² Вариативность толкования здесь термина *salut*, а также его сужение до однозначного «приветствия» в обвинительном докладе д'Эстиве достойны комментария. Далее на этом же допросе Жанна скажет, что доверилась св. Михаилу тогда, когда поняла, что он приносит ей доброе, благое учение, то есть *благо* и *спасение* для ее души. Жанна обладала типичным для человека средневековья пониманием того, что слово имеет множество смысловых уровней. Вспомним ее утверждение о частом присутствии ангелов среди людей, а также о наличии при свидании с дофином в Шиноне множества факелов, «не считая света духовного». Поэтому вполне возможно, что следует принять двойное значение фразы *salut qu'ils me font*: то есть «приветствие, кое они мне ниспосылают» и одновременно «благо (спасение), кое они мне доставляют».

⁶³ Манускрипт *E* в статье под номером шестьдесят заменяет слово «ежедневно» на слово «всегда». См. «Бог и мое право», IV.

⁶⁴ Мы видим здесь, что «припоминание» она трактует как совет и дозволение. См. «Бог и мое право», II.

⁶⁵ Святой Михаил был особо почитаем Карлом VII. Известно, что «Гора» (то есть нормандский монастырь-крепость Мон-Сен-Мишель, возведенный на скалистой горе) устояла перед англичанами. Верность, проявленная защитниками монастыря по отношению к династии Валуа, имела очень большое идеологическое и пропагандистское значение. Во многом благодаря этому Карл VII и Людовик XI провозгласили архангела Михаила защитником королевства от врагов. Можно, впрочем, заметить, что культ святого Михаила был весьма распространен и в Лотарингии: в трех ее диоцезах насчитывалось сорок шесть церквей, посвященных архангелу. Знаменитое аббатство Сен-Мишель, основанное в начале VIII в. и во времена Жанны относившееся к Барруе, имело очень большое влияние в регионе (см. «Бог и мое право», II).

⁶⁶ Важнейшая деталь для понимания природы ее голосов; см. «Бог и мое право», II.

⁶⁷ Выражение *ad ipsam* (jusqu'à elle) в действительности противоречит содержанию двух манускриптов, *B* и *C*, в которых указан вариант *ad ipsum*. В манускрипте *A* два этих слова отсутствуют. Можно предположить, что судьи и Жанна вкладывали в термины *lumière* и *clarté*, разный смысл. Здесь возможно двойное толкование: либо «не весь свет доходил до нее», либо «не все ей было ясно», то есть не вся ясность до нее доходила (см. «Бог и мое право», II).

⁶⁸ После намека на откровения, сделанного Жанной в ходе допроса 22 февраля, здесь впервые встречается упоминание о знаке дофины.

⁶⁹ О храме Сен-Катрин-де-Фьербуа подробнее см. «Бог и мое право», III. Некоторые хроники (Жан Шартрь; автор Дневника осады Орлеана; Антонио Морозини) также приводят этот эпизод.

⁷⁰ Имеется в виду Куланж-Ла-Виньёз, под Осером; город сдался Жанне в июне 1429 г.

⁷¹ Здесь мы встречаем упоминание о третьем обете Жанны. См. «Бог и мое право», III.

⁷² Речь идет о Жане и Пьере д'Арках. Жан сопровождал сестру почти с самого начала ее эпопеи. Пьер присоединился к ним позднее. Оба брата сражались под Орлеаном. Они были аноблированы Карлом VII в декабре 1429 г., вместе со всей семьей Девицы. Пьер присутствовал на коронации дофина. Вместе с сестрой он попал в плен под Комьенью, но был освобожден за выкуп. В 1436 г. оба брата, по странной аберрации сознания, примут за свою сестру некую Кюд, будущую «даму дез Армуаз» — саму известную из самозванок, выдававших себя за Жанну. В 1455 г. они вместе с матерью будут ходатайствовать о реабилитации Жанны. Жан последовательно получит должности прево Вокулёра (1455–1468), бальи Вермандуа, капитана Шартра.

⁷³ О штандарте Жанны см. LXXV, р. 284–309.

⁷⁴ Бахрома на штандарте Жанны на самом деле состояла из квадратных зубчиков, называемых коммонами, которые были двух или трех цветов. (LXVII, р. 285–307.).

⁷⁵ Это, скорее всего, преувеличение. Войско Жанны могло насчитывать 3 500–7 000 человек.

⁷⁶ Орлеанская бастида Сен-Лу была воздвигнута на правом берегу Луары, напротив острова Сен-Лу, а бастида Моста (Турель) — на левом берегу реки.

⁷⁷ Здесь стоит отметить любопытное противоречие. На первых допросах Жанна говорит о том, что поход на Орлеан являлся частью ее первоначального замысла. Однако земляки Жанны в своих показаниях не сообщают никаких сведений, подкрепляющих это утверждение. См. «Бог и мое право», II.

⁷⁸ Стоит сопоставить это заявление Жанны, касающееся ее пророческого дара, с показаниями свидетелей на процессе реабилитации. Духовник Девинцы, Жан Пакерель, вспоминал, что Жанна предупреждала его о своем скором ранении (XXII, р. 77). Другой свидетель, Ален Виоль, ссылается на это предсказание, не утверждая, впрочем, что слышал его непосредственно от Жанны (XXII, р. 91).

⁷⁹ Город Жаржо расположен недалеко от Орлеана. Капитан его цитадели, Апри Бизе, был убит в ходе штурма. Известно, что взятие Жаржо (11–12 июня 1429 г.) стало одной из самых блестящих побед Жанны. Именно в Жаржо она сражалась бок о бок с герцогом Алансонским.

⁸⁰ Жан IV д'Арманьяк. Об отношении графа к вопросу об истинном папе и о совете, который дала ему Жанна, см. «Бог и мое право», IV.

⁸¹ Эти слова Жанны — яркое подтверждение того, что не следует излишне модернизировать ее образ: Жанна не была провозвестницей «национализма» нового времени, как это зачастую утверждается в исторической литературе. Напротив, зная о галликанских тенденциях французского клира и о грядущей Прагматической санкции Карла VII, мы можем отметить традиционность и консервативность, отчетливо проступающие в позиции Жанны. Оставаясь в рамках классического средневекового универсализма и субнационализма, она демонстрирует приверженность древнему правопорядку, установленному Богом. См. «Бог и мое право», II; IV.

⁸² Джон Ланкастер, герцог Бедфордский (1389–1435), третий сын Генриха IV. Женится на Анне, сестре Филиппа, герцога Бургундского. После смерти Генриха V, 31 августа 1422 г., Бедфорд стал регентом Французского королевства. Оправдываясь за поражение, понесенное англичанами под Орлеаном, он писал своему брату, герцогу Глостерскому, что Жанна, приспешница дьявола, добыла французам победу с помощью лживых чар и колдовства. Он просил от английского Парламента денежной помощи и подкреплений для продолжения военных операций на континенте, и ему были посланы отряды кардинала Бофорского, которые ранее предназначались для борьбы с гуситским движением. В 1430 г., когда герцог Бургундский стал все больше склоняться к мирным переговорам с французской стороной, Бедфорд сумел удержать его от перехода в другой лагерь, отдав под его управление всю Шампань. Бедфорд согласился передать Жанну церковной юстиции лишь при условии, что процесс будет проходить в Руане, а не в Париже, как того желал Университет. Париж, по мнению Бедфорда, был в ту пору далеко не так надежен, как Руан — оплот англичан в Нормандии. Бедфорд придавал огромное значение положению дел в Нормандии и сделал Руан административной столицей, подчинив себе местный капитул. Он внимательнейшим образом следил за ходом процесса Жанны. Позднюю осень 1429 г. и большую часть 1430 г. он провел в своей резиденции в Руанском замке. По свидетельству Г. Колля, Бедфорд якобы тайно присутствовал при проверке Жанны на девственность, которую официально поручили его жене, герцогине Бедфордской (XXII, р. 118). Бедфорд вернулся в Париж 30 января 1431 г. Умер в Руане 14 сентября 1435 г. и был погребен в хоральном помещении кафедрального собора.

⁸³ Использование Жанной правовой лексики, пусть и в ее бытовом звучании, симптоматично и заставляет нас отказаться от более разговорных вариантов «куш» или «потеря».

⁸⁴ Известно, что теологическая традиция характеризует речь демонов как суетливую, сбивчивую и непонятную. Речи ангелов и святых, напротив, полагалось быть ясной и внятной.

⁸⁵ Мандрагора — растение, имеющее свойства безладонны и распространяющее резкий запах. У него стержневой корень, в котором можно угадать форму человеческого тела. Его называли «травой магов» или «дланью славы». Мандрагору использовали как средство для любовного приворота. В XV в. ее хранили в шелковых тканях или в драгоценных футлярах, дабы никогда не быть в бедности. В Лотарингии, где она не произрастает, ее заменяли брионией или перестуенем.

⁸⁶ Жанну доставили в Кротуа в конце ноября 1430 г. В этой крепости, расположенной на берегу р. Соммы, бургиньоны передали Девинцу англичанам. 20 декабря ее перевезли в Руан. Благодаря бургундскому рыцарю Эмону де Маси, который выступал свидетелем на кассационном процессе (XXII, р. 87), нам известны некоторые подробности о пребывании Жанны в этом замке. См. «Бог и мое право», II.

⁸⁷ Иконографический канон предписывал изображать св. Михаила держащим в руках весы для взвешивания человеческих душ.

⁸⁸ См. «Бог и мое право», III.

⁸⁹ Вероятно, после его отъезда, то есть уже не в Реймсе.

⁹⁰ Здесь в манускрипте О указано, что Жанну допрашивает Жан Бопер.

⁹¹ Манускрипт E в статье под номером 48 содержит: «материальные головы».

⁹² Ответ Жанны заставляет вспомнить о духовном движении *Imitatio Christi*, весьма распространенном в ту эпоху. «Подражание Христу» предполагало страстную апелляцию к евангельскому авторитету, а также к многочисленным *exempla* (агиографическим образцам), иллюстрирующим так называемое *ars moriendi* (искусство умирать). Ср.: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Мат. 24, 36). См. «Бог и мое право», IV.

⁹³ Речь идет о представителях клира, которые на тот момент держали сторону Карла VII и состояли в оппозиции по отношению к проанглийскому Парижскому университету. Многие из них составили основу университета в Пуатье, созданного Карлом VII в 1431 г.

⁹⁴ Мария Анжуйская, сестра Рене Анжуйского, супруга Карла VII.

⁹⁵ Жанна была узницей замка Бореуар, близ Сен-Кантена, с августа по ноябрь 1430 г.

⁹⁶ Здесь начинается текст французской минуты, дошедший до нас в манускрипте Юрфе (U).

⁹⁷ Жанна, сестра Вальрана Люксембургского, графа Линьи и Сен-Поль, коннетабля Франции, принадлежавшего к партии бургиньонов и умершего в 1415 г. В 1420 г., после смерти своего вичутого племянника, Филиппа Брабантского, она стала графиней Линьи и Сен-Поль и передала огромную часть своих владений племяннику Жану, к которому питала горячую привязанность. Будучи крестной матерью Карла VII, она была связана с профранцузской партией. Жанна Люксембургская умерла в Бореуаре в сентябре 1430 г. До самой своей кончины она запрещала племяннику, под угрозой лишения его наследства, продавать Жанну англичанам. В ходе судебного заседания Жанна вспомнила, что госпожа де Люксембург ходатайствовала перед своим племянником о том, чтобы он не выдавал узницу англичанам.

⁹⁸ Жанна Бетюнская в первом браке была замужем за Робером де Бар, графом Марльским, который погиб при Азенкуре. В 1448г. она вторично вышла замуж за Жана Люксембургского. Как и тетка ее мужа, она тяготела к профранцузской партии.

⁹⁹ См. «Бог и мое право», III.

¹⁰⁰ Жанну перевезли в Аррас в последние дни сентября, после отъезда из Бореуара.

¹⁰¹ Следует, видимо, понимать, что они делали их не для себя, а для людей из «военного штаба» Жанны.

¹⁰² Известно, что изначально и долгое время единственной функцией военного вождя (*dux*), было воодушевлять дружину и вторгаться во вражеские ряды, демонстрируя воинскую доблесть и бесстрашие. Эту ипостась военного вождя, безусловно, символизировал его штандарт или любой другой опознавательный знак, который мог быть виден войску в гуще сражения. Таким образом, штандартоносец должен был скорее вдохновлять и воодушевлять воинов, нежели принимать непосредственное участие в битве. Именно так и поступала Жанна, которая затем утверждала в ходе процесса, что никогда и никого не убивала своим мечом. См. «Бог и мое право», II.

¹⁰³ Возможно, стоит видеть в этом намек на слухи о том, что вокруг шлема Жанны было нечто вроде нимба. В данном случае судьи могли намекать на его рукотворность.

¹⁰⁴ Брат Ришар, монах-кордельер, проповедовал в Труа в 1428 г. перед Рождеством. В апреле 1429 г. он находился в Париже. «Дневник Парижского горожанина» свидетельствует о необычайном успехе его проповедей. Однако в конце апреля ему пришлось снестно покинуть город. Тома Базен, тогда еще студент, вспоминал, что доктора теологического факультета собирались преследовать его за те заблуждения, которые он распространял в Париже. Бургундский хронист Монстреле не скрывает, что брат Ришар выказал себя слишком ярким сторонником французской партии. В июле 1429 г. брат Ришар находился в Труа; Городской Совет поручил ему встретиться с Жанной. Немногим позже он присутствовал на коронации Карла VII, рядом с Девницей. В середине августа он исповедовал ее в Санлисе, где она приняла причастие вместе с графом Клермонским и герцогом Алансонским. Известно, что во время пребывания Жанны и брата Ришара в Монфокон-ан-Берри в октябре или ноябре 1429 г., между ними произошла размолвка по поводу Катерины Ла-Рошельской. Брат Ришар был сильно недоволен тем скептическим отношением, которое Девница проявила к его подопечной. В марте 1431 г. он находился в Пуатье; инквизитор, как самолично, так и через своих викариев, запретил ему читать публичные проповеди. Так же поступил и Парижский Парламент.

¹⁰⁵ Манускрипт O содержит: «в Реймсе».

¹⁰⁶ Главный казначей герцога Орлеанского с 1421 по 1443 г., Жак Буше, остался в осажденном Орлеане. Он принял Жанну с 29 апреля по 8 мая 1429 г. в своем особняке Порт-Ренар, стоявшем близ крепостной стены. Дочь Буше, Шарлотта, делила с Жанной постель; на процессе реабилитации она будет давать показания о пребывании Жанны в Орлеане. Вернувшись в Орлеан около 20 июня, Жанна вновь остановилась у Жака Буше.

¹⁰⁷ В латинском тексте Тома де Курселля несколько искажены слова франкоязычного протокола, в котором сказано: «но она их поддерживала в меру своих сил». То же самое видим в манускриптах *О* и *Е*. Молебны за освобождение Жанны совершались в разных городах Франции по инициативе местных церковных и муниципальных властей. Так, например, Жак Желю, архиепископ Эмбренский, направил послание Карлу VII с просьбой заказать повсюду такие молебны; в Туре сотворили публичные молебны и организовали торжественную процессию. В католической традиции сохранились молитвы, составленные в честь Жанны. Один из евангелистов Библиотеки Гренобля, — книга, на которой присягали члены Счетной палаты этого города, — содержит тексты предобеденной и причастной молитв с просьбами об освобождении Жанны.

¹⁰⁸ В данном случае латинский текст Тома де Курселля опять содержит разночтения с версиями манускриптов *У* и *О*. В нем стоит *eam* вместо *eum*. Таким образом, Курселль опирался здесь не на латинский протокол.

¹⁰⁹ 11 июля 1429 г.

¹¹⁰ С 16 по 21 июля 1429 г.

¹¹¹ По всей вероятности, судьи ссылались на определенный источник этих слухов, который им был известен, а для нас остается загадкой.

¹¹² Шато-Тьерри открыл свои ворота армии дофина 29 июля 1429 г. Войско было там до 1 августа.

¹¹³ Раздача перчаток проводилась обычно по случаю важных церемоний.

¹¹⁴ Епископом был Жан Фукерель, парижский лицензиат теологии (1414), дуайен Бове; он занимал епископское место в Санлис с 1423 г. Армањьяки были вынуждены покинуть Санлис 19 мая 1418 г. Город вновь сдался Карлу VII в августе 1429 г. Жан Фукерель был на стороне англичан. При приближении войск Карла VII, он спешно уехал в Париж, прихватив с собой значительную сумму денег.

¹¹⁵ Золотой салию, монета, чеканившаяся в царствование Генриха VI. Она получила свое название из-за отчеканенного на ней изображения ангельского благовенения. Салию равнялся тогда одному турецкому ливру и восьми су.

¹¹⁶ Жанна достигла Ланьи-сюр-Мари в конце марта 1430 г. и пробыла там несколько недель, после чего направилась к Компьени.

¹¹⁷ *Tunique* — зд. длинная блуза.

¹¹⁸ Катерина Ла-Рошельская, визионерка, которой покровительствовал брат Ринар, познакомилась с Жанной в ноябре или декабре 1429 г. В августе 1430 г. жители Тура доставили королю грамоту с опровержением неких клеветнических наветов Катерины. Катерина была арестована и ее дело передали официальному парижскому трибуналу. На одном из допросов она заявила, что Жанна сбежит из тюрьмы при пособничестве дьявола, если ее не будут хорошенько стеречь. К сожалению, официальные протоколы процесса Катерины не дошли до нас. Известно, что Катерину Ла-Рошельскую отпустили. В анонимном «Дневнике Парижского горожанина» сообщается, что в июне 1431 г. она уже была среди армањьяков.

¹¹⁹ Монфокон-ан-Берри, с 1666 г. — Вилькье, близ Буржа.

¹²⁰ Текст манускриптов *У* и *Е* более точен: «она сказала, что ему с сим делать».

¹²¹ Попытка Жанны осадить в ноябре 1429 г. Ла-Шарите-сюр-Луар, близ Пьевра, не имела успеха. Город защищал знаменитый рыцарь Перрине Грессар.

¹²² Манускрипты *У* и *Е* содержат вариант: «что Жанна ни за что не пойдет туда». Безусловно, более правдоподобным выглядит перевод: «чтобы она туда ни за что не ходила». Возможно, составители списков *У* и *Е* несколько исказили смысл фразы, вследствие чего слова, относящиеся к Жанне, отнесены к самой Катерине. Вероятнее всего, Катерина все же просила Жанну не ходить в Ла-Шарите.

¹²³ После осады Сен-Пьер-ле-Мутье, проходившей в октябре-ноябре 1429 г.

¹²⁴ Жанна испытывала особенно теплые чувства по отношению к компьеньцам из-за их преданности королю Франции. Город был освобожден от бургињонов 15 октября 1430 г.

¹²⁵ В мае 1430 г. Гинар де Бурнель, пикардийский оруженосец, капитан Суассона, отказался вступить в город Жанну и ее соратников. В июле он сдал Суассон королю Англии за 4000 золотых салию. В город вошли отряды герцога Бургундского. После заключения Аррасского договора Гинар Бурнель остался на службе у Филиппа Доброго.

Часть 3. Закрытые заседания инквизиционного трибунала

¹ 22 мая 1430 г., в Крепи, близ Санлиса, Жанна узнала, что Компьень вот-вот подвергнется осаде. Она покинула Крепи около полуночи и уже спустя четыре с половиной часа въехала в Компьень через Пьерфонские ворота.

² Жанна была взята в плен 23 мая 1430 г., около шести часов вечера.

³ В декабре 1429 г. Карл VII аноблировал Девицу, ее отца, мать, братьев (Жакмэна, Жана и Пьера), а также «их род и родственников». Описанный Жанной герб носили затем братья Жанны и их потомки.

⁴ Вероятно, художник был послан самим Кошоном.

⁵ Манускрипт *U* содержит дополнение: «им в угоду».

⁶ Скакун являлся боевой лошастью, а иноходец — обиходной.

⁷ См. протокол заседания от 27 февраля.

⁸ Манускрипты *U* и *E* содержат: «списанная, что за знак явился ее королю»; если следовать варианту манускрипта *E*, Жанна в своем ответе называет этот знак «прекрасным и достойным почитания».

⁹ Реньо де Шартр, сын Эктора Шартрского, сеньора Онз-ан-Бре. До 1410 г. он был дуайеном Бове. В 1414 г. папа Иоанн XXIII назначил его архиепископом Реймским и отправил с дипломатическими миссиями к Людовику II Анжуйскому и Карлу VI. Три брата Реньо Шартрского погибли при Азенкуре. В 1418 г., во время вступления бургиньонов в Париж, его отец был зарезан, а сам он — брошен в темницу. В 1424 г. он стал канцлером французского короля и всячески старался добиться союза с герцогом Бургундским, причем его дипломатия зачастую обходилась казне весьма дешево. Реньо де Шартр присутствовал при Шинопской встрече Карла VII и Жанны, а затем, в Пуатье, возглавлял комиссию теологов, экзаменовавших Жанну. Архиепископ участвовал в орлеанской кампании весной 1429 г. Жанна присоединилась к нему в Блуа, где был назначен сбор королевской армии. Архиепископ короновал Карла VII в кафедральном соборе Реймса. В сентябре 1429 г., вместе с графом Клермонским, он настаивал на сдаче Компьени герцогу Бургундскому во исполнение условий перемирия, которое было заключено 28 августа. 10 октября 1429 г. он находился в Париже и вел переговоры с англичанами. Жанна вновь встретилась с ним и с графом Клермонским в мае 1430 г., во время похода на Суассон. 18 мая 1430 г. этот город отказался открыть перед ними ворота. Реньо направился в Санлис, тогда как Жанна, через Крепи, вернулась в осажденную Компьень. Безусловно, Жанна, чья слава неуклонно возрастала, очень мешала дипломатии Реньо де Шартра. Уже после пленения Девицы, в своем послании к жителям Реймса, архиепископ даст волю презрению, которое питал к ней. «Она делала все в свое удовольствие», — заявил он, а затем станет порицать ее за гордыню, кокетство и склонность к роскоши. Его главная мысль была такова: Жанна исполняла лишь собственную волю, а не приказания Божьи. В 1435 г. архиепископ Реймский участвовал в Аррасском конгрессе. Он умер в 1445 г., оставаясь до последних дней сторонником мирных переговоров с Англией.

¹⁰ Жорж де Ла Тремуй (ок. 1385—1446) был приближенным Жана Бесстрашного и его шамбелланом. Попал в плен при Азенкуре, но освободился, заплатив выкуп. В 1416 г. женился на старой герцогине Беррийской, которая умерла спустя семь лет. В 1417 г. он стал великим шамбелланом Франции. В 1427 г., вместе с Артуром де Ришмоном, Ла Тремуй совершил дворцовый переворот и сместил Пьера де Жиака, фаворита короля Карла VII. После убийства Жиака Ла Тремуй занял его богатством и женился на его сунугре, Катерине де Л'Иль-Бушар. В июле 1427 г., по наущению Ришмона, дофин Карл приблизил Ла Тремуй к своей особе. Вплоть до 1433 г. шамбеллан оказывал огромное влияние на политику короля, являясь его главным и постоянным кредитором. В период эпопеи Жанны д'Арк Ла Тремуй фактически был правителем «Буржского королевства». На некоторое время Жанне удалось ослабить влияние королевского фаворита, но после военной неудачи Девицы под Парижем, Ла Тремуй, вопреки ее воле, добился ее возвращения ко двору в Сюлли. Проявляя крайнюю неразборчивость в средствах, Ла Тремуй достиг высочайшего положения. Он настаивал на заключении мира с герцогом Бургундским любой ценой. Заметим, впрочем, что этого желало и французское общественное мнение, а птаты Лангедока в 1428 г. прямо просили дофина Карла о скорейшем перемирии с Бургундией. Ла Тремуй сумел навлечь королевскую немилость на своего прежнего союзника, Ришмона, и вынудил его покинуть двор. Однако в 1433 г. Ришмон устроил заговор против

великого шамбеллана. Это положило конец всемогуществу Ла Тремуий. Он удалился от дел и умер в Сюлли в 1446 г.

¹¹ Жан (Иоанн II), герцог Алансонский (1407–1476). Его отец погиб в битве при Азенкуре (1415 г.). В 1423 г. он женился на Жанне, дочери Карла Орлеанского и Изабеллы Французской. Наместник дофина в Нормандии, он был пленен в битве при Вернейле в 1424 г. Не пожелав принести присягу английскому королю, он был вынужден заплатить выкуп в 200 000 золотых салию, ради чего продал все свое имущество. В 1429 г. он присутствовал на встрече Жанны и дофина и более не покидал Девуцу вплоть до военной неудачи ее войск под Парижем в сентябре 1429 г. В 1435 г., после смерти своей первой жены Жанны Орлеанской, герцог женился на Марии д'Арманьяк. В 1440 г. он вел переговоры с англичанами, надеясь вернуть земли своего домена. Во второй половине сороковых годов XV в. герцог участвовал в мятеже знати против короля, известном как Прагерия. Вернувшись ко двору в начале пятидесятих годов, он решил выдать свою дочь от брака с Марией д'Арманьяк, Екатерину, замуж за герцога Йоркского, что крайне не понравилось Карлу VII. В 1455–1456 гг. герцог вступил в спор с англичанами. В это же время он выступал свидетелем на процессе реабилитации, в ходе которого дал очень подробные и ценные для биографов Девуцы показания. Герцог был арестован графом Дюнуа 31 мая 1456 г. В 1458 г. суд пэров в парламенте Вандома приговорил его к смертной казни, но позже его помиловали. Смерть Карла VII положила конец опале герцога. Сын Карла VII, Людовик XI, вновь приблизил герцога ко двору, но взамен потребовал от него сдать несколько своих крепостей, а также доверить ему судьбу своих детей — Рене и Екатерины. Жан Алансонский не пожелал выполнить требований нового короля. Он был вновь арестован в 1474 г., вновь осужден на смерть и вновь помилован. Смертную казнь заменили пожизненным заключением в Лувре, где герцог и умер в 1476 г.

¹² Любопытно, что отвечая на этот вопрос, Жанна сменяет акценты: она не говорит о поклоне дофина ангелу, но охотно описывает свой собственный поклон. Создается впечатление, что в описываемой Девуцей сцене было всего два главных действующих лица: она и дофин. В связи с этим, стоит припомнить так называемые «Посмертные сведения» руанского процесса, в которых прямо говорится о том, что незадолго до казни, в минуту отчаяния, Жанна призналась, что ангелом в этой сцене была она сама. Если считать эти свидетельства достоверными, а также если учесть, каким образом объясняли поведение Жанны теологи процесса реабилитации, можно предположить, что Жанна не могла поклониться ангелу, так как «роль» ангела в сцене мистической «коронации» играла она сама (см. также «Бог и мое право», II, IV).

¹³ Один из руанских нотариусов действительно носил такое имя.

¹⁴ См. «Бог и мое право», IV.

¹⁵ См. «Бог и мое право», II.

¹⁶ Здесь, вероятно, должен быть глагол будущего времени в сослагательном наклонении, то есть: «если бы они не пришли, я попросила бы...».

¹⁷ Таким образом, инициатива судебного вызова в Туль исходила не от Жанны. См. «Бог и мое право», II.

¹⁸ Речь идет о первом из обетов Жанны. См. «Бог и мое право», III.

¹⁹ Вопрос судей, равно как и последующее уточнение Жанны, могут быть связаны с известным наставлением церкви о распознавании источника откровений: дар различения духов подается Духом святым (1 Кор. 12, 14) и приобретается смирением. «Но, прежде, нежели удостоится кто-либо дара различения, он не должен доверять своим помыслам или внушениям своего собственного сердца и разума, но все предлагать на суд руководителей, опытных в духовной жизни». (XXVI, с. 100–101). Эта практика сопрягается и с фундаментальной средневековой категорией совета, которой, по мнению судей, Жанна пренебрегла.

²⁰ Манускрипт *U* содержит: «чтобы идти за ним и привести в течение трех лет».

²¹ Под словом «инвеститура» здесь следует, конечно, понимать судебные полномочия.

²² По всей видимости, речь идет о характерных особенностях ведения инквизиционных процессов, в ходе которых допускались различные способы влияния на подсудимого, в том числе и незаконные, с нашей точки зрения. Достаточно вспомнить, что Луазелёр, выдавая себя за тайного сторонника французов, много раз исповедовал Жанну в тюрьме. Добытые таким образом признания девушки, подслушанные Кошоном и записанные тут же секретарями, были затем положены в основу обвинительных статей процесса.

²³ Манускрипты *U* и *O* содержат дополнение: «монсеньором викарием инквизитора».

²⁴ Здесь стоит отметить любопытную дихотомию в представлениях Жанны об ангеле и о самой себе вне ангельской функции. Если следовать «Посмертным сведениям» (см. с. 239–243),

то в описываемой сцене именно Жанна принимала на себя роль посланника Божьего. Однако, отвечая на вопрос судей, она четко разделяет две своих ипостаси: корошу все-таки держала Жанна-ангел, а не Жанна-человек.

²⁵ Здесь в латинском протоколе опущены один ответ и один вопрос, которые фигурируют во французской минуте (*U*) и в манускриптах *E* и *O*.

²⁶ Согласно библейской традиции, в момент видения или откровения ангел может быть видим ограниченному количеству наблюдателей. При этом другие люди его не воспринимают. Ср. с историей Моисея (Втор. 4,15), Даниила (Дан. 10, 7–8), а также с многочисленными примерами мистического опыта визионеров позднего средневековья. О короне см. «Бог и мое право», II.

²⁷ Подобные телесные путешествия с ангелом имеют четкие библейские параллели — напр., история св. Петра (Деян. 12, 7–9).

²⁸ Манускрипты *U*, *O* и *E* содержат: «обрадована или уstraшена и в великом ужасе».

²⁹ См. «Бог и мое право», II.

³⁰ См. «Бог и мое право», II.

³¹ Пон-л'Эвек, городок близ Компьени. Он был одним из опорных пунктов англичан на Уазе: отсюда бургундские и английские отряды могли получать подкрепление и провиант. Жанна, вместе с Потомом де Сентрайлем, Жаком де Шабанном и другими капитанами, покинула Компьень 14 мая, чтобы помочь крепости Шуази, осажденной Филиппом Добрым. Но англичане из Пон-л'Эвека, поддерживавшие гарнизоном Нуайона, остановили французов. Шуази сдался на следующий день, 16 мая 1430 г.

³² Выхав из Сюлли-сюр-Луар, Жанна переправилась через Сену близ Мелена.

³³ 8 сентября 1429 г.

³⁴ Манускрипты *U* и *O* содержат формулировку «*de par Jesus*». В таком случае возможен вариант перевода: «Сдайте город ради Иисуса!».

³⁵ Спор с одним из голосов корреспондируется с представлением о природе совета Жанны: под советом она понимает внутренний диалог, поиск правильного решения. В свете гипотезы об экзцентрической структуре средневековой личности, мы можем объяснить, почему этот внутренний диалог преобладает в диалог со внешним оппонентом. См. «Бог и мое право», IV.

³⁶ Манускрипты *U* и *O* содержат дополнение: «и она вовсе в том не признавалась, ибо совсем не припоминает, чтобы поступала или говорила».

³⁷ Манускрипты *U* и *O* содержат: *pour la tourbacion des personnes et les noises de ses gardes*. Не ясно, является ли слово *personnes* в данном случае ошибкой писца. В остальных списках протоколов фигурирует слово *prisons* — «тюрьма». Таким образом, возможны два варианта перевода: «из-за беспокойств, причиняемых людьми» (посетителями) или «из-за тюремной суматохи».

³⁸ Тому есть множество параллелей в Библии (напр., история св. Петра) и в агиографических трудах (жития св. Екатерины Александрийской, св. Евстафия, св. Анатолия и др.).

³⁹ Этот пассаж напрямую соотносится с известной легендой из жития св. Андрея о явлении ему Иоанна Богослова, который произнес: «Видишь, как я скоро пришел тебе на помощь, и знай, что я весьма забочусь о тебе. Сам Бог повелел мне вести тебя ко спасению и пецись о тебе. Будь же терпелив и терни без ропота все. Уже недалеко то время, когда получишь полную свободу и будешь ходить по своей воле везде, где тебе будет угодно» (XXVI, с. 104).

⁴⁰ Здесь любопытно отметить взаимозаменяемость в старо-французском языке глаголов *penser* и *croire*. Когда процесс мышления типологически уподобляется процессу уверования, внутренний диалог обретает черты откровения, видения, общения с высшим разумом в форме совета. Объект веры интегрируется в личное субъективное пространство верующего (и мыслящего) и обеспечивает взаимозаменяемость опыта мышления и опыта откровения. Поэтому весьма вероятно, что строгие границы личностного пространства несколько размывались. В таком случае объект веры начинал осознаваться личностью как центр притяжения и, таким образом, как подлинное ее средоточие. См. «Бог и мое право», IV.

⁴¹ Манускрипты *U* и *O* содержат: [Франке Даррас,] «когого умертвили в Ланьи». Манускрипт *E* содержит: «каковой был казнен в Ланьи». На смерть Франке по вине Жанны, указывает лишь латинский протокол. Отряд рутье (т.е. вольных наемников) под командованием Франке из Арраса, державшего сторону герцога Бургундского, был разгромлен Жанной у Ланьи-сюр-Марн в мае 1430 г. Франке был взят в плен сторонниками Карла VII.

⁴² Имеется в виду Жаке Гийом, владелец гостиницы «У Медведя», находившейся в Париже у ворот Бодуайе. В апреле 1430 г. Гийом участвовал в заговоре арманьяков, которые намеревались открыть ворота войскам короля Карла VII. Заговор был раскрыт, Гийома казнили, а его жену изгнали из Парижа.

⁴³ Здесь впервые в протоколах возникает вопрос о подчинении Церкви, который станет потом краеугольным камнем процесса. Судьи будут спрашивать Жанну об этом около двадцати раз.

⁴⁴ Больё-Ле-Фонтен, замок Жана Люксембургского, куда он велел доставить Жанну через несколько дней после ее пленения. Девушка оставалась в этом замке в течение четырех месяцев.

⁴⁵ Трактовка Жанной природы божественных знамений очень интересна и нуждается в развернутом комментарии. См. «Бог и мое право», III.

⁴⁶ В этих словах Жанны можно видеть прямое указание на данный королю «рыцарский» обет. См. «Бог и мое право», III.

⁴⁷ Манускрипты *U, O и E* содержат: «если она окончательно наденет женское платье».

⁴⁸ Манускрипты *U, O и E* содержат дополнение: «а также женский шаперон», то есть головной убор наподобие длинного канюшона, хвост которого иногда спускали набок в виде драпировки.

⁴⁹ Упланд (*houppelande*) — просторная длинная верхняя одежда. В историографии принято трактовать эту просьбу Жанны как согласие пасть благочестивый и приличествующий скромной католичке наряд для того, чтобы присутствовать на мессе. Однако такое объяснение противоречит поведению Жанны на суде: вплоть до самого акта публичного отречения на кладбище Сент-Уэн она категорически отказывалась сменить свой наряд на женский. Правда, 25 марта Жанна сказала судьям, что наденет женское платье, если они отпустят ее домой, но это выглядит скорее насмешкой, поскольку Жанна отлично осознавала невозможность такого поворота событий. Дозволения же присутствовать на мессе она добивалась всерьез, полагая, что это возможно. Поэтому гораздо более правдоподобным было бы другое объяснение слов Жанны об упланде: девушка предлагала судьям компромисс — пусть они дадут ей длинное просторное одеяние, которое скрыло бы от посторонних глаз ее мужской костюм, и в таком виде она вполне смогла бы присутствовать на мессе, не вызывая никаких нареканий.

⁵⁰ Ср. со статьей допроса беггардов и бегинок в «Руководстве Инквизитора» от 1323 г.: «Item, что сие за паломничества, мессы, приношение свечей и раздача милостыни по указанию колдунов?» (XIII, с. 200).

⁵¹ Способ, с помощью которого Жанна определяет, какие именно духи ей явились — дурные или благие, требует более подробного комментария. См. «Бог и мое право», II.

⁵² Манускрипты *U, O и E* содержат: «что сие было наречие ангелов».

⁵³ Принцип благой воли как оправдания веры можно считать основополагающим в ментальности Жанны. См. «Бог и мое право», II, III.

⁵⁴ Такие случаи нередки в агиографии. См. жития св. Валента в «Лавсанке» или св. Никиты, где дьявол или демон, явившись в образе светлого ангела, мог быть распознан только по лживой доктрине (XXVI, с. 79, 82). Св. Пахомию Великому однажды явился дьявол в образе самого Христа. Интересен внутренний совет старца с самим собой для принятия верного решения: «„Радуйся, старец, столько мне удививший. Я — Христос и пришел к тебе, как к другу своему“. Изумился преп. Пахомий и, робко смотря на привидение, начал рассуждать: „Христово пришествие сопровождается радостью; сердце не чувствует никакого страха, все помысления тотчас исчезают: ум делается очами серафимскими и все вперяется в зрение славы Господней; душа забывает время; человек делается тогда бесплотным, а теперь я смущаюсь, боюсь... Нет, это не Христос“» (там же, с. 94). Однако история Магдалены де Ла Крус, монахини, жившей в конце XV в., дает иной пример высочайшей хитрости и искусности бесов. С пяти лет Магдалена руководствовалась советами духов демонов — Бальбана и Питона, явившихся ей под видом светлых ангелов, святых Доминика, Франциска, Антония и др., и даже самого Христа. Давбы сильнее завладеть помыслами девочки, демоны просили ее вести набожную жизнь (XXVI).

⁵⁵ Имеется в виду вопрос о подчинении Церкви.

⁵⁶ Эти слова Жанны можно сравнить с поучениями Оригена в его IV Гомилии на Псалом XXXVI: *Iniustus... si peccaverit, non poenitet et peccatum suum emendare nescit. Iustus autem... scit emendare, scit corrigere.* — «Неправедный, ежели согрешил, не кается и греха своего искупить не умеет. Праведник же... умеет искупить, умеет исправить». Вполне возможно, Жанне были знакомы слова этой проповеди.

⁵⁷ Три манускрипта латинской редакции протоколов (*A, B, C*) содержат вариант: «*qui erat rex Francie*; но манускрипт *U* содержит: «каковой станет королем Франции». Очевидно, что упот-

ребление глагола в будущем времени не корректно ни по отношению к Карлу VI, ни по отношению к Карлу VII, который, по мысли Жанны, после коронации являлся единственным законным королем. Возможно, Жанна хотела указать, что он безоговорочно станет королем всего королевства. С другой стороны, использование имперфекта в латинском протоколе Т. де Курселля может быть отнесено к моменту приезда Жанны в Шинон.

⁵⁸ Манускрипты *U*, *O* и *E* содержат: «и если потребуется раздеть ее на казни».

⁵⁹ Жанна разделяет типичные для средневековой этики представления о том, что мирские потресения и несчастья людей являются карой за их греховное поведение в прошлом.

⁶⁰ Белым доспехом в эпоху позднего средневековья называли доспех, лишенный какой-либо гравировки, чеканки или иных геральдических украшений.

⁶¹ Один из стражников Жанны.

⁶² См. «Бог и мое право», II.

⁶³ Манускрипт *U* содержит: «Убив или велев убить герцога Бургундского». Жан Бесстрашный, герцог Бургундский, был убит в Монтеро 10 сентября 1419 г. Еще ранее, в 1407 г., по его приказу был убит Людовик, герцог Орлеанский.

⁶⁴ См. «Бог и мое право», IV.

⁶⁵ *Aller en erre* (в манускрипте *U*: *eure*) — выходить, совершать выход. Здесь де Курселль не стремится точно передать вариант французской минуты и попросту говорит о тех, кто *vadunt, gallico «en erre»* (т.е. «выходят, по-французски, «en erre»»).

⁶⁶ В Лотарингии четверг считается днем шабаша.

⁶⁷ Вариант *Реймсская церковь* здесь предпочтительнее, чем традиционный для русского слуха вариант *Реймский собор*, так как источник употребляет термин *eglise*, а не *cathedrale* или *basilique*.

⁶⁸ *Puorquoi cet étendard fut-il plus porté dans l'église de Reims, au sacre de son roi, que les étendards des autres capitains.* — Вероятно, имеется в виду, что штандарту Жанны уделялось больше внимания: его дольше, чем штандарты других капитанов, показывали публике.

⁶⁹ Эта классическая инквизиционная процедура вполне соответствовала принципу *beau proces* (благородного/образцового процесса), который был изначально провозглашен Кошоном в отношении процесса Жанны.

⁷⁰ Жанна не раз повторяла, что общается с голосами ежедневно. Между тем вопрос о дозволении сменить мужской костюм на женский давно оставался у нее без ответа. В связи с этим ее слова можно расценивать как дополнительное свидетельство об обете не снимать мужского наряда до исполнения своей миссии. Обет был принесен Карлу VII, и именно он мог разрешить ее от клятвы. Однако, по-видимому, связи с королем Жанне установить не удалось. См. «Бог и мое право», III.

[Ординарный процесс]

Часть 1. Семьдесят статей обвинения, составленных Жаном д'Эстиве

¹ В этой части процесса д'Эстиве принимает на себя функции прокурора как официальный обвинитель. Поэтому далее избран именно такой перевод термина *promoteur*.

² *Monitions* — в инквизиционной процессуальной практике так назывались три предостережения, которые инквизиторы делали обвиняемому на трех первых слушаньях, чтобы побудить его старательно припомнить прошлое, испытать свою совесть и добровольно сознаться во всем, что он помнит о сказанном и сделанном против католической веры. При этом обвиняемому давали понять, что никого не арестовывают без наличия улики и что, если его признания будут искренни и он действительно рассказывает, то к нему отнесутся снисходительно. В противном же случае с ним поступят по всей строгости закона. Более подробно см.: *Llorent J.-A. Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne*. Т. 1, 2. Paris, 1918.

³ Каноническая процедура, проводившаяся с целью проверить доводы следствия, предполагала допрос обвиняемого, основанный на его высказываниях. При этом обвиняемый должен был отвечать: «Я сему верю» или «Я сему не верю» (т.е. «я с этим согласен» или

«я с этим не согласен»). Позиции, признанные обвиняемым, закреплялись. Оставалось позаботиться лишь о тех позициях, которые обвиняемый отверг и которые в таком случае квалифицировались как статьи, требовавшие доказательства. По этим позициям продолжалось дознание. Подобная процедура допроса часто применялась и на светских судах — во всяком случае, со времен святого Людовика. Ее целью было испытать на прочность материалы, собранные на дознании. Отказ отвечать по позициям толковался, по обычаю судов Церкви, как признание их справедливости. В светских судах допускались вариации. Парижский Парламент, после долгих обсуждений, пришел к тому, чтобы при отказе подсудимого признать статьи обвинения, считать эти статьи юридически ничтожными.

⁴ Термин *libelle* можно перевести как доклад, отчет, донесение; в современном французском языке есть еще одно значение этого слова: *пасквиль, клевета*. В докладе д'Эстиве изложены претензии сторон, то есть, на самом деле, пункты обвинения. Он состоит из преамбулы, резюмирующей заключения и утверждающей, что епископ должен считаться компетентным ординарным судьей, а брат Же Мэтр — законным представителем Инквизиции. Из преамбулы известно, что Жанна покрывала себя позором и необходимо, чтобы ее провозгласили ведьмой, приспешницей злых духов, схизматичкой и еретичкой, или хотя бы сильно подозреваемой в ереси. Продумана целая серия статей, которые прокурор намерен выдвинуть против Жанны после ее допроса на предмет *credit vel non credit*.

⁵ Т. е. присяга в том, чтобы не изрекать клеветы.

⁶ Развернутый протокол заседания, содержащийся в манускрипте *U*.

⁷ В манускрипте *U* сообщается дополнительно, что статьи были зачитаны мэтром Тома де Курселлем.

⁸ Преамбула завершается обычными формулами: делопроизводитель заявляет, что не намерен доказывать ничего, кроме того, чего достаточно для утверждения сути его иска, и что он оставляет за собой правоставлять в эти статьи «любые дополнения и поправки, кои потребуются».

⁹ Необходимо отметить, что приводимые в обвинительных статьях ответы Жанны не были точными цитатами. Поэтому при переводе мы старались сохранить легкие вариации в их изложении, следуя оригиналу.

¹⁰ Три манускрипта протоколов содержат эти статьи, и после каждой из них — замечания, сделанные Жанне по их прочтении. Первые тридцать статей были ей зачитаны 27 марта, а остальные — 28 марта. Затем, начиная со следующей статьи, помещены выдержки из допросов, на которых основана данная статья. В статье шестидесятой (о подчинении Воинствующей Церкви) находятся выдержки из допросов 31 марта и 18 апреля, которые были включены туда *после* прочтения доклада Жанне. Ради большей убедительности для судей и консультантов, было решено дополнить таким образом работу, продолженную в ходе процесса, чтобы утвердить или опровергнуть каждую из 70 статей и подготовить затем 12 статей, предназначенных для отправления на суд консультантам. 12 статей были составлены между 2 и 5 апреля; послание консультантам датировано 5 апреля. Однако были и более поздние отправления, к примеру, постановление 22 theologов, датированное 12 апреля 1431 г.

¹¹ Известно, что категория прорицательства, в отличие от пророчества, имеет в церковном каноне сугубо отрицательное значение. «Означенное слово в Священном Писании преимущественно употребляется в смысле ложного пророчества и значит то же, что *гадание, ворожба, чародейство*. В кн. Второзакония (XVIII, 10) о прорицателях упомянуто в связи с чародеями, вызывателями мертвых и прочими мерзостями язычников, которых должны были удаляться Иудеи <...> Лжепрорицания и гадания, во всех их формах, особенно строго воспрещаются законом Моисеевым и свящ. Писателями (Лев. XX, 27, Втор. XVIII, 9–14 и др.). Они суть ветвь языческого идолопоклонства и суеверия, и, в каком бы виде ни рассматривались и ни употреблялись, греховны и постыдны для истинного христианина, обнаруживая в нем недостаток веры и глубокое невежество» (см.: Библейская энциклопедия. М., 1891. С. 582.).

¹² Возможно, речь идет о Николае Луазелёре, какое-то время исповедовавшем Жанну в тюрьме под видом тайного сторонника Карла VII. О подобных способах дознания, применявшихся в ходе инквизиционных процессов, см. XLVI, с. 1035–1037.

¹³ Приведенные д'Эстиве приметы ярчайшим образом отражают церковные представления о характерных особенностях языческого капища. Могучие деревья и лесные источники, вокруг которых водились обрядовые хороводы, с давних пор являлись объектами религиозного почитания у кельтских и германских племен.

¹⁴ *La Rousse* — значит «Рыжая». Здесь важен буквальный перевод ее имени, так как это позволяет предположить намек обвинителя на общение Жанны с женщиной легкого поведения. На самом деле, как свидетельствует один из документов коллекции С. Люса, «Ла Русс, жена Жана Вальдэра, была замужем с 1412 г. и ссужала деньги жителям Нёфшато — неблагонадежным, по мнению герцога Лотарингского, а следовательно, державшим сторону короля Франции» (LXXXVI, p. 287).

¹⁵ То есть к духовному судье.

¹⁶ Ее волосы были острижены «под горшок».

¹⁷ Или бриджи (*les braies* или *haut-de-chausse*).

¹⁸ Пуриуэн — род облегчающего жилета.

¹⁹ Роба — род верхней одежды с разрезом посредине, надевавшаяся поверх основного костюма.

²⁰ Или капюшон с разрезанным падвое «хвостом».

²¹ Вероятно, речь идет о крепких кожаных гетрах.

²² Дага — длинный кинжал, который носили на поясе и использовали наряду с мечом.

²³ Отсутствие упоминаний о подобном напущении в свидетельствах Жана де Меца и Бертрана Пуланжи и схожесть предполагаемых слов Робера с вотивными формулами того времени нуждаются в комментарии. См. «Бог и мое право», III.

²⁴ Табар, или тюбар, — род короткой далматики (мантии).

²⁵ Здесь во французской минуте содержится четыре реплики, из которых две первые не появляются в латинском протоколе, а две последние помещены в статью XIV, где речь также идет о мужском платье. Пропуск двух первых реплик, содержащих смелые заявления о мужском одеянии, по-видимому, не был случайным.

²⁶ Жанна действительно ответила на этот вопрос, но ее ответ отсутствует во французской минуте.

²⁷ Эта реплика Жанны нуждается в комментарии, так как имеет прямое отношение к вопросу об обете, предположительно данному ею королю. См. «Бог и мое право», III.

²⁸ *Du parti adverse*: из противников судей и англичан, то есть из сторонников Девы.

²⁹ Речь, разумеется, идет о магическом искусстве.

³⁰ При составлении данной статьи обвинения д'Эстиве прибегает к практике распознавания приспешников дьявола через уличение их в лжепророчестве.

³¹ Речь идет о военном трофее. Поскольку использована формулировка *sur un bourguignon*, возможно и иное толкование: Жанна выменяла меч на пленного бургундца. Весьма показательно, что меч, взятый во Фьербуа, исчезает именно после ухода Жанны из Сен-Дени, т.е. после неудачи, которую ее отряды потерпели под Парижем. Красноречивым фактом можно считать и то, что официальные власти не позаботились снабдить ее новым мечом, и она была вынуждена воспользоваться трофейным оружием. На примере этого видно, что после коронации Карла VII в Реймсе отношение к Деве со стороны двора в корне изменилось. См. «Бог и мое право», III.

³² Конье — основная воинская единица, представлявшая собой отряд во главе с рыцарем-копейшником. Конье состояло из 6-8 человек: всадника и подчиненных ему пеших бойцов.

³³ Манускрипт *U* содержит дополнительную фразу, которую латинский протокол воспроизводит в статье XXII.

³⁴ Большинство исследователей признает, что текст послания к англичанам, содержащийся в процессе, действительно, являлся тем текстом, который продиктовала сама Жанна — разумеется, с учетом ошибок, на которые она указала. Любопытно отметить, что послание к англичанам, составленное в марте 1429 г., когда Жанна находилась в Пуатье, было отправлено по назначению лишь месяц спустя — между 24 и 27 апреля, из Блуа. Надо полагать, решение о таком промедлении исходило не от Жанны, а от ее нового окружения. О формировании образа Жанны в общественном сознании, а также о пропагандистских приемах, использовавшихся для создания этого образа см. «Бог и мое право», II, III.

³⁵ Уильям Пул (1396—1450), граф Саффолк, с 1424 г. кавалер Ордена Подвязки. Командовал английскими отрядами под Орлеаном после гибели Солсбери. Участвовал в обороне Жаржо, в ходе которой, в мае 1429 г., попал в плен. Освободился посредством выкупа в 20 тысяч ливров; гарантом выплаты этого выкупа был собственный брат Саффолка Томас, отданный им в заложники. Саффолк был зарезан в 1450 г., заподозренный в измене и симпатиях к профранцузской партии. Известно, что Саффолк увлекался французской поэзией и сам писал стихи на французском языке.

³⁶ Джон Тальбот (1373—1453), граф Шрусбери, впервые прибыл во Францию в 1417 г. В 1423 г. посвящен в кавалеры Ордена Подвязки. Сражался под Вернёем в 1424 г. В 1425 г. был послан королевским наместником в Ирландию и вернулся во Францию вместе с Бедфордом в 1427 г. В ходе осады Орлеана Тальбот организовал оборону бастилии Сен-Лу. После победы французов участвовал в осадах Мэнг-сюр-Луар и Божанси. Под Патэ он попал в плен и освобожден лишь в 1433 г. Погиб восьмидесятилетним стариком в битве при Кастильоне в 1453 г.

³⁷ Томас, сир де Скаль и де Нюселль (?—1440), в 1424—25 г. воевал в Мэне и был произведен в кавалеры Ордена Подвязки. 12 октября 1429 г. он прибыл в Орлеан вместе с Солсбери. Ведя осаду вместе с Тальботом и Саффолком, затем принимал участие в осаде Божанси. 18 июня 1429 г. он, как и Тальбот, попал в плен под Патэ и освобожден лишь в 1433 г.

³⁸ Строго говоря, слово *hahay* является военным кличем — вроде «ура!» или «эйей!».

³⁹ 22 марта 1429 г.

⁴⁰ Речь идет о Клименте VIII (Хиле Муньосе), который стал приемником Бенедикта XIII в 1423 г. и сложил с себя полномочия 26 июля 1429 г. в пользу Мартина V.

⁴¹ Жан Каррье, архидиакон, протеже графа д'Арманьяка.

⁴² Бернар Гарнье, тайно избранный 12 ноября 1429 г. Жаном Каррье, протеже Иоанна IV, составившего в одиночестве Священную Коллегию.

⁴³ Сам факт обращения графа к Жанне с подобным вопросом, равно как и стиль послания, позволяет провести явную параллель с историей Екатерины Сиенской. См. «Бог и мое право», IV.

⁴⁴ Манускрипт *U* содержит здесь пометку о дате и короткий диалог о мужском одеянии, которые не воспроизведены в латинском протоколе.

⁴⁵ Вероятно, речь идет об условиях, которые Жанна выдвигала по поводу присяги. Жанна всегда уточняла, что будет давать правдивые показания лишь «о том, что касается процесса».

⁴⁶ В тексте латинского протокола содержится французский комментарий: «должно быть: «всё, что я совершила благого»».

⁴⁷ Речь идет о французской минуте.

⁴⁸ *Acoler* (уст.). Это слово этимологически родственно слову *acolyte* — аколит, то есть низший духовный чин, служка, прислужник. Таким образом, слово «обнимать» несколько искажает истинный смысл действия Жанны, лишая его оттенка благоговения. Вариант «принадать» кажется здесь более точным. Именно поэтому речь идет об объятии колен, а не об объятии за шею или плечи.

⁴⁹ Этот фрагмент допроса вплоть до конца абзаца является выдержкой из протокола заседаний, проходивших 14 марта.

⁵⁰ Эта и предыдущая реплики переставлены местами. См. оба заседания от 14 марта.

⁵¹ В действительности протокол утреннего допроса от 14 марта содержит существенное дополнение. Согласно тексту протокола, Жанна добавила: «Я не говорила: „такой дурной смертью“».

⁵² Появление в числе святых, посещавших Жанну, архангела Гавриила нуждается в более подробном комментарии. См. «Бог и мое право», III.

⁵³ Иное естественным выглядит принесение виргинального обета наиболее популярным в ту эпоху святым девиственницам. См. «Бог и мое право», III.

⁵⁴ Это уточнение Жанны можно считать весьма ценным для понимания природы ее голосов: они отнюдь не всегда звучали, как внятная речь. Волю Господа требовалось еще *поймать*. См. «Бог и мое право», II.

⁵⁵ Жанна воспринимала многие сведения о чудесах, наполнявших ее жизнь, с чужих слов. Это очень важная деталь, проливающая некоторый свет на роль «пропаганды» вокруг Жанны, а также на ее доверие к тому, что в ходе этой кампании провозглашалось. См. «Бог и мое право», II, III.

⁵⁶ Это признание Жанны, равно как и некоторые другие, свидетельствует о том, что она испытывала душевную склонность к обетованию: принесение клятвы укрепляло ее волю и помогало противостоять внешним обстоятельствам. См. «Бог и мое право», III.

⁵⁷ Два первых абзаца являются выдержкой из заседания, проведенного в субботу, 3 марта 1431 г.

⁵⁸ Точнее — Бог с державою на суде. Имеется в виду иконографический канон изображения Вседержителя.

⁵⁹ О функциях меча и штандарта Жанны, а также о ее отношении к этим предметам см. «Бог и мое право», III.

⁶⁰ Об этом обвинении сообщал в своем письме Жану Жерсону (1429 г.) некий парижский клирик. Он утверждал: «Когда названные дети, поклоняясь ей, приносили ей в дар свечи, как мною было сказано, она давала трем каплям горячего воска стечь им на головы, предрекая, что в силу сего действия, они смогут быть только благими.» (*Valois N. Un nouveau temoignage de Jeanne d'Arc. // l'Annuaire-bulletin de la Societe de l'histoire de France. Paris, 1906. P. 17*).

⁶¹ Первое воскресенье Поста. По старинному французскому обычаю, в этот день деревенская молодежь устраивала празднество. Место этого праздника в годовом фольклорном цикле, а также его обрядовая специфика (поклонение воде, огню и фаллическому символу в виде высокого костра) позволяют сравнить его с нашей Масленицей.

⁶² Манускрипт *O* и латинский протокол содержат *hodie* (сегодня), что совершенно корректно. Манускрипт *E* содержит *hac nocte* (этой ночью), что можно считать оплошностью, допущенной переводчиком из-за спешки.

⁶³ Последующее является выдержкой из допроса 1 марта.

⁶⁴ Речь идет о святом Михаиле и святом Гаврииле.

⁶⁵ О христологическом обосновании своего права, которое Жанна всегда отстаивала как перед светской, так и перед духовной властью, см. «Бог и мое право», II.

⁶⁶ Безусловно, под термином *nation* здесь следует понимать не нацию в современном значении этого слова, а государственную общность. По мнению д'Эстиве, она, вероятно, отождествлялась с так называемой двойной монархией, то есть с единым франко-английским государством под властью английского короля.

⁶⁷ Мат. VII, 16.

⁶⁸ Статья обосновывает компетенцию епископа как ординарного судьи по месту совершенного преступления, а равным образом — и компетенцию инквизитора. Жанна представлена закоренелой злодейкой и преступницей.

⁶⁹ В этой и следующей статьях обвинитель еще раз утверждает, что Жанна покрыла себя позором пред людьми достойными и влиятельными (*apud bonos et graves*) и что против нее учиняется инквизиционный процесс (*inquisitio ex officio*). Кроме того, он подтверждает, что Жанна является закоренелой еретичкой и находится под «высшим подозрением». В соответствии с этим, над Жанной как над вероотступницей начинается тяготеть угроза анафемы.

⁷⁰ Эта статья является «основной», или «реляционной» (*relatif*). Ее изначальной целью было установить общепризнанность спорных фактов и, сверх того, поддержать мнение, что обвиняемый сознался в преступлениях и признал их как в судебном, так и во внесудебном порядке.

⁷¹ Это папутственное заключение (*conclusio salutaris*) содержит дополнительные формулировки, к которым прибегали, если в докладе были упущения. Это давало обвинителю право делать необходимые добавления к докладу и, по возможности, видоизменять его. Кроме того, обвинитель настаивал, что факты, приведенные в его докладе, подлежат обоснованию лишь в том объеме, который необходим для оправдания иска.

Часть 2. Двенадцать статей обвинения

¹ Стражник Жанны.

² Далее следует этап инквизиционного процесса, посвященный сбору теологических квалификаций, или богословских отметок, которые надлежало представить в ходе консультаций. Эта норма процессуальной практики судов инквизиции описана у Льюренте: «Приглашают богословов-квалификаторов, которым передают [...] выдержки из показаний, сделанных обвиняемым при последнем допросе и данных им в ответ на сообщенные ему показания свидетелей» (*Llorent J.-A. Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne. Paris, 1948. T. 1, p. 257*). В случае Жанны таким основанием иска служило общественное мнение или общественная молва.

³ Известно, что первую редакцию двенадцати обвинительных статей сделал Никола Миди. Вторую редакцию сделал затем Жак де Турен.

⁴ Речь идет о возможных событиях грядущего, которые, однако, не должны произойти непременно и обязательно, то есть «с необходимостью», в философском смысле термина.

⁵ Имеется в виду догмат Малого Символа [веры]. См. Постановление факультета декретов, параграф II. Положение о *Credo* гласит: *Unam sanctam catholicam et apostolicam Ecclesiam...*

Часть 3. Консультации theologов и церковных юристов

¹ В документе перечислены лишь пятнадцать докторов; но нужно добавить к ним Жака Гедона, который, как указывает грамота, приведенная ниже, высказался вместе с двадцатью одним экспертом.

² Эта эпонимия не точна, так как Мартин V умер в феврале 1431 г.

³ Имена Жана де Ла Э и Жана Бартона в других источниках не встречаются.

⁴ Цитата из канона Novinus, пар.1, из Декреталий Григория IX, 27 X 5, 40 (от 1209 г.).

⁵ Это просьба о предоставлении всего процесса целиком, основана на декреталии Бонифация VIII, содержащейся в Сексте. Sext., 5, 2 de Hereticis: «*eis per totum processum super quod deliberandum est, seriose manifestari ac integraliter explicari*» — «весь рассматриваемый процесс целиком должен быть сторого им предоставлен и полностью разъяснен». Судопроизводство инквизиции предполагало некоторые вариации в процессуальной практике. Кошон следует в этом обычаям парижского клира.

⁶ В тексте стоит «*me confirmo*», что можно перевести как «я утверждаюсь, я убежден их мнением». Но проще, как кажется, предположить здесь оплошность писца и читать: «*me conformo*» — «я соображуюсь».

⁷ Все это, начиная со слов: «или некоторые из них», почти дословно воспроизводит соответствующий отрывок из послания судьям от 5 апреля. Далее в тексте постановлений часто используются цитаты из этого послания. Кроме того, консультанты, привлеченные Кошоном для участия в процессе, зачастую помещают в своих посланиях обширные цитаты из постановлений своих коллег, чей авторитет ставят выше собственного. При этом они не оформляют эти интерполяции как цитаты, но мы для наглядности выделяем их курсивом.

⁸ Текст воспроизводит заключение двадцати двух theologов (так называемое «Заключение шестнадцати...»).

⁹ Жан де Буг, бенедиктинец, доктор theologии, священник Феканского аббатства с 1406 г. Он не присутствовал на процессе, но предоставил свое мнение по 12 статьям. Этот клирик играл важную роль в Парижском Университете.

¹⁰ Жан де Буг не цитирует, но резюмирует послание 22 theologов от 12 апреля 1431г.

¹¹ Цитата из заключения Жана Бассе, а до конца следующего абзаца — его постановление, воспроизведенное почти дословно.

¹² Здесь Морель и Дюшманн почти дословно следуют тексту постановления Дени Гастинеля.

¹³ Здесь и далее мы переводим термин *circonspecte* как «многоопытный», учитывая отсутствие в русском языке эквивалента или более точного варианта перевода. Релятивные определения: осмотнительный, компетентный, внимательный, прилежный.

¹⁴ Члены Руанской курии последовательно придерживаются текста постановления Ж. Бассе.

¹⁵ Пьер Кошон (? — 22 февраля 1449), священник и нотариус архиепископской курии Руана, — свидетель совещания руанских адвокатов по поводу 12 статей. Он является автором хорошо известной «Нормандской хроники».

¹⁶ Симон Дави, нотариус архиепископской курии, был прево конферрии руанских нотариусов в 1435г.

¹⁷ Гийом Лекра, нотариус архиепископской курии Руана. В одном из документов от 1 августа 1431г. упоминается, что на его средства была восстановлена часовня св. Марка в Руане.

¹⁸ Латинский протокол содержит глагольную форму *reciperet*. Скорее всего, здесь ошибка писца: следует привести это в соответствие со следующими предложениями и прочесть как *recipit*, то есть «она получила от своего государя...».

¹⁹ Св. Григорий: *Dialog. Lib.I, c.I: «Mens autem quae divino Spiritu impletur, habet evidentissime signa sua; virtutes et scilicet humilitatem, quae ex utraque perfecte in una mente conveniunt, liquet quod de praefere[n]tia Sancti Spiritus testimonium ferunt.* — Сознание же, кое исполнено Духа Святого, обладает с очевидностью признаками своими: добродетелью и смирением, чем выявляется, что ежели обе они в едином сознании сочетаются, то свидетельство благодати Духа Святого в себе несут».

Эти идеи св. Григория были подхвачены Жаном Жерсоном и получили развитие в его трактатах: «Об отличении истинного видения от ложного» («*De distinctione verarum visionum a falsis*»), а также «Об испытании [истинности] духов» («*De probatione spirituum*») — из «Молота ведьм» («*Malleus malificarum*»).

²⁰ Красноречивая деталь, подтверждающая проанглийскую политическую ориентацию епископа Лизьё: его секретарь носил прозвище Англичанин.

²¹ Св. Павел, 1 Кор., 2, 14.

²² Св. Павел, 1 Кор., 2, 16. Запон излагает мысль апостола весьма приблизительно. У апостола Павла сказано: «Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его?».

²³ Св. Августин, «*De spiritu et anima*». В «*Patrologia latina*» указан лишь трактат св. Августина «*De spiritu et littera ad Marcellinum*» (P. L., t. XLIV). Но трактат, на который ссылается Запон и который он приписывает святому Августину, на деле является средневековой компиляцией Гуго Сен-Викторского или Альхера Клервосского и повествует о видениях, обманах зрения, проявлениях добрых и злых духов.

²⁴ См. декреты 12 X 5, 7, в которых Иннокентий III утверждает: следует, чтобы тот, кто притязает на то, что он послан Богом, подтвердил свою невидимую миссию посредством чуда или особым свидетельством Писания.

²⁵ Св. Павел, 2 Кор., 11, 14.

²⁶ Начиная отсюда перед нами так называемые вторичные консультации; первое мнение уже было дано их авторами, но судьи попросили их о повторном заключении.

²⁷ См. St. Kuttner, *Ecclesia de occultis non indicat* (Acta Congressus iuridici internationalis, III, 1936, p. 227–246).

²⁸ Эта и аналогичные ей формулы, которые следуют далее, отсылают поочередно к 12 статьям, посланным консультантам

²⁹ Иона, 3, 4.

³⁰ Не следует забывать, что отчаяние считалось тяжким грехом, как и уныние, ибо утративший надежду утрачивал и веру.

³¹ Ссылка на первую консультацию, предоставленную автором.

³² В соответствии с текстом французской минуты, Жанне вовсе не предлагается выбрать советников, посторонних процессу. Ей лишь предлагают выбрать помощника среди заседателей или позволить судьям самим назначить одного или нескольких из них.

³³ Термин *exempla* является одной из специфических категорий средневековой ментальности и нуждается в более подробном комментарии. См. «Бог и мое право», II, IV.

³⁴ В манускрипте U указано его имя: Никола Миди.

³⁵ Мат. 18, 15–17.

³⁶ На заседание 2 мая, где Жанну торжественно увенчивал Жан де Шатийон, было создано шестьдесят три ассессора — количество весьма значительное для этого процесса. Девять руанских священников, присутствовавших в тот день, более не появились на других заседаниях.

³⁷ Т.е. викария инквизитора, Жана Ле Мэтра.

³⁸ Неуклюжесть текста проистекает из того, что Тома де Курселья вставил в этот абзац протокола речь епископа, а затем ограничился воспроизведением французской минуты, не заботясь ни о связках, ни о повторях. На самом деле, последнее предложение, в том виде, как оно составлено, должно косвенно восходить к фразе, относящейся к проповеди Жана де Шатийона.

³⁹ Эти две реплики Жанны записаны в протоколе Тома де Курселья по-французски и не переведены на латынь.

⁴⁰ Втор. 22, 5.

⁴¹ Пав. 1 Кор., 11, 5–6, 13.

⁴² Грангрский собор (concile de Grangres) не был вселенским собором, но его каноны перешли в Декрет Грациана: гл. 2 и 6 в Д. XXX.

⁴³ Это предложение остается неясным. Возможно, здесь следует видеть аллюзию на людей из окружения Карла VII, которые на момент процесса или немногим ранее перешли на сторону англичан. Но вероятна и другая трактовка, если фразу *qui furent par la suite dans ce parti* применить к окружению Жанны. Из заявлений Жанны на процессе явствует, что у нее были противники и в «ее партии», то есть в окружении Карла. Известный циркуляр архиепископа Реймского, направленный им французским городам сразу по пленении Жанны и обвиняющий ее в смертных грехах, не оставил сомнений в том, что многие из высокопоставленных лиц королевства всегда испытывали к Жанне недоверие. Кроме того, весьма важно отметить, что согласно церковной иерархии Реньор де Шартр, архиепископ Реймский, был высшим чипом для Кошона и его непосредственным начальником. Однако он никак не отреагировал на действия епископа Бовеского, — по крайней мере публично. Более того, вполне вероятно, что он частным образом их санкционировал, о чем свидетельствуют настоячивые предложения руанских судей вызвать для процесса видных клириков из лагеря Карла VII. Члены трибунала также предлага-

ли Жанне во всем положиться на суд архиепископа Реймского или коллеги Пуатье, которую, как мы помним, официально возглавлял именно Реньо де Шартр.

⁴⁴ Здесь мы видим применение процессуальной нормы инквизиционного суда, основанной на так называемой *внесудебной информации*, т.е. собрании нескольких показаний, сделанных секретно, без присяги, лицами, которые были опрошены инквизиторами или комиссарами святого трибунала о поведении и религиозных воззрениях того, против кого сделан донос, — в том числе, если дело возбуждено по форме *apud bonos et graves*.

⁴⁵ Т.е. поскольку о том не сообщается ни в одной книге, «*nulle part*».

⁴⁶ Здесь довольно ощутимая разница с манускриптами *U* и *O*, текст которых содержит: «Далее ей было сказано: «Вы просили как-то, чтобы ваши слова были пересмотрены, — и вы оспариваете [то, что должно], как содержится в прешествующей грамоте [...]. Отвечает, что также ответит и ныне».

⁴⁷ См. «Бог и мое право», II.

⁴⁸ Жан де Ла Бросс, сеньор де Буссак и де Сеп-Север, маршал Франции, довел до Орлеана королевскую армию, собранную в Блуа. Вместе с Сентрайем и Вандомом освободил Компьень 25 октября 1430 г. 11 ноября 1430 г. Карл VII назначил его главным наместником на землях за Сеной, Марной и Соммой. Де Буссак присутствовал на коронации дофина в Реймсе. Умер в 1433 г.

⁴⁹ Этьен де Виньоль, прозванный Ла Гиром, воин на службе дофина с 1418 г. Вступил вместе в Жанной в Орлеан 29 апреля 1429 г.; сопровождал короля и Девуцу в походе на Реймс. После взятия Лувье, в 1429 г., стал главным капитаном Нормандии; возможно, он пытался тогда освободить Девуцу, но был взят в плен бургуинцами, содержался в крепости Дурдан, а затем был выкуплен за выкуп в 1500 реалов золотом. Вновь обретя свободу, он с перенесенным успехом продолжил воевать. Ла Гир умер 11 января 1442 г. во время кампании по освобождению Юго-Запада. В истории сохранилась его знаменитая молитва: «Господи, сотвори для Ла Гира то, что сотворил бы для тебя Ла Гир, если бы ты был Ла Гиром, а Ла Гир — Богом».

⁵⁰ Манускрипты *U* и *O* содержат: «двух, трех или четырех рыцарей из ее сторонников». Вариант, содержащийся в латинском протоколе, выглядит вернее.

⁵¹ Базельский собор, открытию которого предстояло свершиться с таким трудом.

⁵² Утверждая это, Жанна — по наитию или вполне сознательно — следовала единственно верному пути. Только такая позиция могла спасти ее от пыток. См. «Бог и мое право», II.

⁵³ 3 мая 1431 г.

⁵⁴ Манускрипт *U* содержит: «И верьте, что сие был святой Гавриил».

⁵⁵ Манускрипты *U* и *O* содержат дополнение: «и чтобы я слышала, как он говорит».

⁵⁶ Вариант, содержащийся в манускрипте *U*.

⁵⁷ То есть, Уильям Хейтон.

⁵⁸ Здесь мы видим применение нормы процессуальной инквизиционной практики, которую можно квалифицировать как оглашение результатов ученых консультаций или промежуточное голосование (т.е. посвященное не окончательному приговору, а дальнейшему ведению дела). Оно проводится в соответствии с обычным процессуальным голосованием по принципу совета с авторитетными знатоками теологии и канонического права. Инквизиторы могут видоизменить свое решение в соответствии с этими голосованиями, склоняясь перед компетентностью их авторов.

⁵⁹ Монастырь бернардинцев (clos), в ограде Сеп-Никола-дю-Шардоннэ.

⁶⁰ Пьер де Гуда, уроженец Лейдена, учился в Париже в 1426 г., стал лиценциатом в 1427 г., а через год был избран прокурором английской нации. Известно, что разделение на «нации» в Парижском Университете XV в. существовало наряду с делением на факультеты. Пьер де Гуда был избран ректором 24 марта 1431 г.

⁶¹ Многократные повторы о вакансии папского престола 29 апреля выглядят уже несколько странными. Известно, что 25 февраля, сразу после кончины папы Мартина V, был избран Евгений IV. Лео Таксиль и Поль Феш (Tax: I L, Fesh P. Le martyre de Jeanne d'Arc, P., 1890, p. 455, n. 435, p.1, etc.) видят в этом проявление схизмы, но крайней мере потенциальной. Четкого документального подтверждения этому нет, но резкая антипапская позиция, занятая в Базеле Парижским Университетом и как раз Тома де Курселлем, свидетельствует в пользу этой версии.

⁶² Жан де Труа, из ордена тринитариев.

⁶³ Здесь формулировку *position doctrinale* следует понимать как *ученое обоснование, вывод, установление*.

⁶⁴ Здесь воспроизведен текст 12 статей обвинения.

⁶⁵ Речь, по всей видимости, идет о заявлении Жанны относительно того, что она верит в истинность своих голосов не менее крепко, чем в существование Бога и установления Церкви.

⁶⁶ Далее следует окончательное голосование, в соответствии с обычной процедурой инквизиционных процессов.

⁶⁷ Comment. in epist. ad Titum, c. III.

⁶⁸ 1 Кор. 11, 15; и с. 2 D XXX.

⁶⁹ С. 6 D. XXX.

⁷⁰ Исход, VII, 9.

⁷¹ Мат. 3, 4; Марк. 1, 3; Лука, 3, 4; Иоанн, 1, 23.

⁷² Исайа, 40, 3.

⁷³ С. 13 X 5, 7 (декреталия Иннокентия III, Латеранский собор 1215 г.).

⁷⁴ Поскольку этот факт не рассматривался как один из пунктов 12 статей обвинения, можно заключить, что факультет чрезвычайно внимательно ознакомился с существом дела.

⁷⁵ Два факультета следуют разным методикам: теологи останавливаются последовательно на каждой из 12 статей и на основании их квалифицируют преступления Жанны, не вынося в конечном итоге заключительного постановления. Декреталисты, напротив, не следуют 12 статьям, но обобщают содержащиеся в них обвинения, дают свои квалификации преступления Жанны и, наконец, выносят ясный приговор.

⁷⁶ Геру Буассель, магистр Парижского Университета, присутствовал на общеуниверситетских совещаниях 29 апреля и 14 мая 1431 г.

⁷⁷ Жан Бурийе, как и Геру Буассель, был магистром Парижского Университета.

⁷⁸ Манускрипт *U* содержит: «*qui non plane deliberaverunt se retulerunt ad deliberationem Universitatis Parisiensis*» — «те, кто не высказался в полной мере, положились на заключение Парижского университета».

⁷⁹ Эта фраза содержится лишь в манускрипте А. Во французской минуте, правда, упоминается имя брата Т. Амурс, но говорится, что он высказался, как и Мартэн Ладвено, вместе с адвокатами архиепископской курии. Тома Амурс, доминиканец, изучающий теологию, стал бакалавром лишь в 1435 г. Он не присутствовал на процессе, но 19 мая высказал свое мнение по поводу заключения Университета.

⁸⁰ О постановлениях двух последних участников процесса — Бертраана дю Шена и Гийома Эрара — ничего не говорится во французской минуте.

Часть 4. Дальнейшее судопроизводство и первый приговор

¹ В данном случае весьма показателен выбор Пьером Морисом конкретного пояснительного образца (*exemplum*). Желая быть понятным Жанне, он ссылается на нравственные категории и социальные нормы, относящиеся скорее не к третьему сословию, к которому она принадлежала по происхождению, а к сословию воинскому, с которым он ее невольно ассоциирует. Возможно, именно этот удачный ход произвел в сознании Жанны столь желанный для судей эффект и спровоцировал днем позже ее знаменитое отречение на кладбище Сент-Уэн.

² Лука, 10, 16.

³ Здесь мы видим пример применения процессуальной нормы *conclusio in causa*. Это оглашаемая судьями декларация о том, что прения окончены и стороны отказались от всякого нового утверждения.

⁴ Два этих персонажа в других известных источниках не упоминаются.

⁵ Иоанн, 15, 4.

⁶ Настойчивость судей вполне обоснована. Процессуальный кодекс судов инквизиции предусматривал возможность так называемого *недостаточного сознания*. Оно имело место, когда обвиняемый признавал часть поступков и речей, которые ставились ему в вину, но отрицал другие, установленные тем не менее судопроизводством или являющиеся таковыми по мнению инквизитора.

⁷ Этот приговор помещен в конце материалов процесса.

⁸ Речь идет о так называемом *сильном отречении* (*abjuratio de vehementi*), которое должен был произнести человек, сильно подозреваемый в ереси. Из показаний Тома де Курселья на процессе реабилитации ясно, что составителем грамоты об отречении был Никола де Вандре.

⁹ Из показаний руанский судей на процессе реабилитации известно, что Жанна поставила под грамотой об отречении знак креста. В ходе руанского процесса Жанна призналась, что имела

обыкновение ставить такой опознавательный знак на посланиях, содержавших заведомо ложные сведения, дабы адресат не исполнял написанного. Некоторые исследователи полагают, что Жанна неспроста поставила такой же знак на грамоте отречения, тем более что Гийом Маншон, секретарь руанского трибунала, видел, как она улыбнулась при этом. Однако, возможны и другие объяснения. К моменту увещания на кладбище Сент-Уэн Жанна была слишком истощена — как физически, так и психологически, — чтобы тщательно выводить на бумаге свою подпись. Она научилась писать свое имя лишь зимой 1430 г., а в заточении, безусловно, ни разу не брала в руки пера, поэтому вряд ли она была в состоянии расписаться разборчиво. Наконец, надо учесть, что у нее не было к тому ни малейшей охоты: многие свидетели в ходе процесса реабилитации говорят о том, что Жанна вообще плохо понимала смысл прочитанной ей грамоты отречения.

¹⁰ Все начальные строки грамоты практически повторяют текст гл. IX из Декрета Грациана «*Juramentum a scismate redeuntium*».

¹¹ Иоанн, 4,1; Марк, 13,22; Мат. 24,11.

¹² Согласно нормам процессуальной практики судов инквизиции (Безьерский собор 1246 г., инструкции инквизиторам), карающий церковный судья всегда вправе изменить и смягчить свой приговор в зависимости от дальнейшего поведения осужденного.

¹³ В манускрипте *U*, текст которого, в целом, не расходится с этим, отсутствует упоминание о предостережении насчет возможного рецидива ереси, сделанного в этот день или же 29 мая в начале заседания.

Рецидив ереси Окончательный приговор

¹ Рецидив ереси (т.е. повторное впадение в ересь) влек за собой окончательное отлучение и выдачу обвиняемого светскому суду.

² Манускрипт *U* содержит дополнение: «и чтобы при ней была женщина», для надзора. *Prison gracieuse* — судя по всему не формулировка Жанны, но воспроизведение традиционного термина в отношении одного из видов тюрем инквизиционного трибунала, так называемого *тюрьма сострадания*. В такую тюрьму заключали на известный срок людей, присужденных к епитимии. Ее называют также *тюрьмой епитимии или милосердия*; она находилась обычно вне помещения для собраний трибунала, но близости от него. Именно перевода в такую тюрьму должна была ожидать Жанна, присужденная по отречению к епитимии на хлебе и воде. Как мы видим, Жанна первоначально пыталась добиться справедливости, еще надеясь на исполнение первого приговора.

³ Эта деталь позволяет думать, что судьи явились к Жанне в камеру не затем, чтобы навесить ее и осведомиться о ее состоянии, но чтобы проверить допесение о предполагаемом рецидиве ереси.

⁴ Манускрипт *U* содержит: «Да, и от Бога», тогда как в манускрипте *O* воспроизведен оборот латинского протокола: «Да, и что они исходят от Бога».

⁵ Здесь серьезное расхождение с текстом французской минуты. Последняя содержит: «Далее, по ее словам, она сказала тогда, что вовсе не собиралась от чего-либо отречься, если только сие не будет угодно Господу Нашему» В латинском же протоколе опущено несколько слов: «*что она сказала тогда [qu'elle dist en l'eure]*», которыми Жанна утверждала, что *на тот момент, непосредственно при отречении*, она не намеревалась ни от чего отречься, если только [...].

⁶ Кроме того, высказались Роберт Гилберт, доктор теологии, настоятель королевской часовни (54); Пьер де Удан, доктор теологии (62) и Жан Пигаш, бакалавр теологии (113).

⁷ Здесь текст воспроизведен по манускрипту д'Юрфе (И).

⁸ Речь идет, безусловно, об отказе отречься от своих слов и поступков.

⁹ Специфический термин, применяемый обычно для отпущения грехов в Страстной четверг (*absoute*).

¹⁰ Далее следует окончательное голосование, ведущее уже непосредственно к оглашению приговора.

¹¹ Можно предположить здесь оплошность составителя. Скорее всего, в протоколе должно быть сказано «*уходящей Страстной недели*», ибо отречение датируется 24 мая, четвергом после Пятидесятницы. По такое прочтение предполагает, что приор Лонгвилля вовсе не присутствовал на кладбище Сент-Уэн 24 мая. Тома де Курселль, бывший на этом заседании, упомянул его в числе присутствовавших. Однако французская минута, в которой значится «на уходящей Страстной неделе» — *cessante Passione*, не содержит имени приора Лонгвилля в списке заседателей от 24 мая.

¹² Это замечание относится к последнему предложению в заключении аббата Феканского: «прося оное поступить мягко...». Впрочем, это обычная формальность для инквизиционных приговоров о передаче подсудимых светскому суду.

¹³ То есть еретичкой, не раскаявшейся в своих деяниях.

¹⁴ С восточной стороны от Площади Старого Рынка находились крытые ряды мясного рынка, а с западной — кладбище при церкви Сен-Совёр. На площади были воздвигнуты три помоста: один, на который должны были поставить Жанну, сколотили возле конька рыночной крыши; другой помост, для судей, высился рядом с кладбищем; третий, на котором сложили костер, стоял посреди площади, напротив судейского. Согласно свидетельству Жана Массье, данному на процессе реабилитации, крест, о котором Жанна молила на костре, взяли для нее у одного из клириков церкви Сен-Совёр.

¹⁵ 1, Кор. 12, 26.

¹⁶ Имеются в виду Изамбар де Ла Пьер (70) и Мартэн Ладвеню (69).

¹⁷ В данном случае Жанна подпадала под квалификацию *лжекающейся*, т.е. человека, признавшегося в своих преступлениях и просившего примирения с Церковью, но подозреваемого в неискренности раскаяния и в том, что он сделал признание только для того, чтобы избежать законной кары.

¹⁸ См. Декрет Грациана (16, 24, 3).

¹⁹ См. *Sext.*, 4 in-VI, 5, 2.

²⁰ Во вступительных фразах грамоты повторяется текст *Приговора по отречении*. См. с. 220.

²¹ С этого места тексты *Приговора перед отречением* (24 мая 1431 г.) и *Приговора по отречении* начинают расходиться.

²² В манускрипте *С* указана другая цифра: 206.

²³ Текст манускрипта *А* несколько отличается от текста манускрипта *В*, которому мы в основном следуем в нашем переводе. Манускрипт *А* содержит: «Я, Гийом Коль, прозванный иначе Буагийомом, священник Руанского диоцеза, публичный апостолический и досточтимой архиепископской курии Руана нотариус, являющийся, вместе с другими [нотариусами], присяжным секретарем в данном деле или процессе, утверждаю, что сличение записи сего процесса, содержащей сто одиннадцать листов, с подлинным регистром, было проведено должным образом, и посему я собственноручно подписал каждое фоллио данного процесса, и собственноручно подписан здесь вместе с двумя другими нотариусами в освидетельствование вышеказанного. Буагийом».

²⁴ Манускрипты *А* и *С* содержат: «Я, Гийом Маншон, священник Руанского диоцеза, публичный, имперский и архиепископской курии Руана нотариус и присяжный секретарь на данном процессе, вместе с выше- и нижеуказанными нотариусами, утверждаю, что оное сличение с подлинным регистром сего процесса было должным образом проведено, и потому я поставил под данным процессом свою роспись, рядом с росписями и подписями оных нотариусов, и собственноручно здесь подписался. Г. Маншон». Рядом с подписями секретарей сохранились следы двух печатей красного воска — епископской и викария инквизитора.

Некоторые последующие акты

¹ 30 мая 1431 г.

² Здесь имя Мартэна Ладвеню написано именно таким образом, т.е. *Lavenu*.

³ Показание Пьера Мориса (см. ниже, с. 240) поясняет и подтверждает это. См. также показания Тутмуйе, с. 241.

⁴ Жанна любила звон колоколов. Приятели ее детства сообщали, что она преклоняла колени в поле, слушая их. Старый звонарь Перрэн Драпнье вспоминал, что она журила его, когда

он вовсе не звонил в колокола. Дюнуа говорил, что она любила по вечерам приходить в церковь и приказывала звонить в колокола в течение почти получаса.

⁵ Церковь рассматривала Жанну как повторно впадшую в ересь, то есть как пераскаившую грешницу. Поэтому факт допущения Жанны к причастию и исповеди перед казнью вызывал у некоторых историков соблазн предположить либо некоторые тайные подробности относительно последних часов жизни Девы, либо свидетельство уколов совести у ее судей, в глубине души осознающих несправедливость своих действий. В эпоху классического Средневековья наблюдалась тенденция лишать приговоренных к смерти этих главных церковных таинств. Хотя в 1311 г. папа Климент V повелел допускать осужденных, по крайней мере, к таинству покаяния, современники отнюдь не всегда были склонны выполнять его указ. Время правления Карла V и Карла VI было отмечено противостоянием Филиппа де Мезьера, настаивавшего на исполнении папской воли, и канцлера д'Оржемона, который ее игнорировал. Спор разрешился заявлением Карла V о том, что, пока он жив, обычай останется без изменения. И только после того, как Жан Жерсон опубликовал свои пять доводов против этого нарушения папской воли, в феврале 1397 г. последовал королевский эдикт, в котором повелевалось допускать к исповеди осужденных на смерть преступников. Однако, обычай, существовавший до папского и королевского указов, сохранялся еще долгие столетия, и в каждом конкретном случае вопрос решался конъюнктурно и произвольно, в соответствии с обстоятельствами судебного дела. Здесь важно отметить, что причащение и исповедь Жанны перед казнью подчеркивает стремление обоих судей (вице-инквизитора и Кошона) формально следовать идеальным образцам и нормам инквизиционного судопроизводства. Кроме того, учитывая сам факт появления так называемых «Посмертных сведений», можно предполагать в судах подспудное желание выведать у Жанны истину на пороге смерти.

⁶ *Avait annoncé (возвестила)* — это единственный случай, когда в тексте процесса, при пересказе речей Жанны о короне и ангеле, встречается такая формулировка. Луазелёр, употребивший ее в своих показаниях, мог лучше других разбираться в особенностях мировосприятия Жанны, поскольку он несколько раз исповедовал ее в замке под видом тайного сторонника Карла VII. Известно, что Луазелёр выдавал себя за пленника англичан. Эта фраза Жанны, если ее верно передает Луазелёр, проясняет многие странности в сцене шпионского свидания Жанны с дофином. См. «Бог и мое право», II.

⁷ Речь идет об императоре Священной Римской Империи Сигизмунде.

⁸ Аллюзия на 2-е Посл. к Тимофею ап. Павла.

⁹ Известно, что инквизитор Жан Гравран 4 июля 1431 г. выступил в Париже в проповедь, в которой говорилось о Жанне.

¹⁰ То есть в день казни Жанны, 30 мая 1431 г.

¹¹ 20 апреля 1432 г.

¹² Имеется в виду св. Павел, чей текст 2-го Послания к Тимофею здесь цитируется. Сначала: «...в последние дни наступят времена тяжкие» (пав. 2 Тим. 3,1); затем: «Ибо будет время, когда здорового учения принимать не будут, ...и от истины отвратят слух и обратятся к басням» (Пав. 2 Тим. 4, 3-4).

¹³ Мат. 24, 24.

¹⁴ Здесь: *vraisemblablement*. Параллельные места в других манускриптах латинской редакции содержат слово *visibiliter* (видимым образом) или вовсе не содержат уточнения.

¹⁵ По всей вероятности, составители послания Парижского Университета намекают на Катерину Ла-Рошелльскую, Пьеррон и др., поскольку и во время процесса над Жанной и вскоре после ее казни в Париже и других городах появлялись ярые сторонники Девы. Судьба этих женщин была печальна: их ждал костер, заточение или богадельня.

Приложения

Судьи и ассессоры руанского трибунала

¹ В данном примечании указаны лишь наиболее значимые в связи с процессом события из жизни Пьера Кошона.

² Эта функция обычно исполнялась епископами Бове и Мо.

³ С 1405 г. Жан Бесстрашный стал привлекать Парижский Университет к советам по всем важным государственным вопросам.

⁴ Сохранилась квитанция, удостоверяющая тот факт, что эта поездка действительно состоялась.

⁵ 31 января 1431 г. Кошон выдал главному сборщику налогов в Нормандии квитанцию о выплате 775 турецких ливров. Этой суммой он расплачивался за формальное отсутствие на королевской службе с 1 мая по 30 сентября 1430 г.

⁶ Желая доказать, что Кошон совершил поездку в Кале, историки обычно ссылаются на некую охранную грамоту, в которой действительно сообщается о присутствии в Кале епископа Бовеского. Однако 15 августа 1433 г. Кошон был уже епископом Лизьё. Епископом Бовеским на тот момент являлся Жан Жувеналь дез Юрсен. Кроме того, эти охранные грамоты предназначались для послов не английского, а французского короля: чтобы явиться в Кале, им нужно было пересечь районы, все еще занятые английскими отрядами.

История Жанны д'Арк

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

1337–1453 гг.

Столетняя война между Францией и Англией

Короли Англии (годы царствования):

Эдуард III (1327–1377)

Ричард II (1377–1399)

Генрих IV (1399–1413)

Генрих V (1413–1422)

Генрих VI (1422–1461)

Короли Франции (годы царствования):

Иоанн Добрый (1350–1364)

Карл V (1364–1380)

Карл VI (1380–1422)

Карл VII (1403–1461)

1411 или 1412 г.

Домреми. Рождение Жанны.

Крещение Жанны в церкви Домреми кюре Жаном Ниве.

1420 г.

Договор в Труа между Карлом VI и Генрихом V, лишивший дофина Карла Валуа права на французский престол.

1423 или 1424 г.

Домреми. Жанна впервые слышит *голос*, находясь в саду своего отца, приблизительно в полдень. *Голос* велит ей быть хорошей девочкой и посещать церковь.

1425 г.

Домреми. Анри д'Орли угоняет скот, принадлежащий жителям Домреми. Жанна де Жуанвилль, владелица замкового округа, в который входила Домреми, добивается возврата угнанного стада жителям.

1428 г.

Май: Бюрей-ле-Пти. Жанна живет у Дюрана Лассара, помогая по хозяйству его беременной жене.

13 мая (день Вознесения): Вокулёр. Первая встреча Жанны с Робером де Бодрикуром. Возможно, личного свидания не состоялось, но Жанна передала капитану весть о скорой чудесной помощи дофину.

Июль: Нёфшато. Жители Домреми покидают деревню из страха перед бандами рутье. Семья Жанны находит приют у некой женщины по прозвищу Ларусс (Рыжая), у которой пребывает в течение двух недель.

Лето или осень: Туль. Жанна предстает перед духовным судом диоцеза по делу о нарушении ею брачного обещания. Суд признает юридическую ничтожность обвинения.

1429 г.

Январь: Бюрей-ле-Пти. Второй приход Жанны к Лассару.

Вокулёр. Разговор Жанны с Жаном де Нуйонпоном. Вторая встреча с де Бодрикуром.

Первая половина февраля: Нанси. Визит Жанны к герцогу Карлу II Лотарингскому. Возвращение в Вокулёр через Сен-Никола-дю-Пор.

Вокулёр. Жанна пребывает в доме у супругов Ле Ройе. Третья встреча с де Бодрикуром, во время которой Жанна, возможно, предрекает скорое поражение французов в некой битве.

12 февраля: разгром французского войска в «Битве селедок».

Вторая половина февраля: ритуал изгнания бесов, проведенной над Жанной мессиром Фурнье, кюре Вокулёра. Подготовка эскорта.

Вторник, 22 февраля: Отъезд из Вокулёра в Шинон, поздно вечером. Эскорт Жанны составляют Жан де Мец со своим слугой Жаном де Оннекуром, Бертран де Пуланжи со своим слугой Жюльеном, королевский посланец Колле де Бьенн и лучники Ришар.

23–26 февраля: Сент-Юрбэн–Осер. Жанна останавливается, чтобы присутствовать на мессе в главной церкви Осера.

26 февраля–2 марта: Осер–Сен-Катрин-де-Фьербуа, через Жьен (27 февраля).

3–5 марта: Сен-Катрин-де-Фьербуа–Шинон. Из Сен-Катрин Жанна направляет послание к дофину с просьбой об аудиенции (3 марта).

Вторник, 6 марта, поздно вечером: Шинон. Дофин дает аудиенцию Жанне.

Среда, 7 марта: Шинон. Первая встреча Жанны с герцогом Жаном Алансонским.

11–22 марта: *Пуатье*. Допросы Жанны членами комиссии клириков в доме Жана Рабата, куда поселили девушку.

Вторник, 22 марта: *Пуатье*. Жанна диктует послание английскому королю.

Четверг, 24 марта: Отъезд в Шинон.

Суббота, 2 апреля: *Шинон*. Некий оруженосец из Тура, по приказу дофина, отправляется за мечом в Сен-Катрин-де-Фьербуа.

Вторник, 5 апреля: Отъезд Жанны из Шинона в Тур для экипировки. За две недели ей изготовят доспехи, штандарт и выпел.

Четверг, 22 апреля: Отъезд из Тура в Блуа, где назначен сбор королевской армии и формирование обоза с провиантом для жителей осажденного Орлеана. Там же создается хоругвь для войска Жанны.

В конце 20-х чисел апреля армия выступает в Орлеан.

Пятница, 29 апреля: Жанна переправляется через Луару и высаживается в Шесси. Вечером ее отряд вступает в Орлеан через Бургундские ворота. Ей предоставляется жилье в доме Жака Буше, казначея плененного англичанами герцога Орлеанского.

Суббота, 30 апреля: *Орлеан*. Жанна поднимается на мостовое укрепление Сен-Круа и оттуда обращается к англичанам и их предводителю Уильяму Гласдэйлу.

Воскресенье, 1 мая: *Орлеан*. Бастард Орлеанский на три дня покидает город, чтобы привести из Блуа остальные части армии дофина. Жанна совершает обход Орлеана.

Понедельник, 2 мая: *Орлеан*. Жанна верхом осматривает английские укрепления.

Вторник, 3 мая: *Орлеан*. Праздник Воздвижения Креста Господня. Торжественная процессия в городе.

Среда, 4 мая: *Орлеан*. Жанна выезжает навстречу Бастарду. Взятие Бастиды Сен-Лу.

Четверг, 5 мая: *Орлеан*. День Вознесения Господа. Военные действия запрещены. Жанна посылает англичанам требование прекратить кровопролитие и снять осаду.

Пятница, 6 мая: *Орлеан*. Взятие Бастиды Августинцев.

Суббота, 7 мая: *Орлеан*. Взятие Бастиды Турелль. Жанна получает легкое ранение в ключицу.

Воскресенье, 8 мая: *Орлеан*. Англичане снимают осаду. В городе проходит торжественная процессия, которая дает начало ежегодным празднествам в честь освобождения Орлеана. Традиция сохранилась до наших дней.

Понедельник, 9 мая: Жанна покидает Орлеан.

Пятница, 13 мая: *Тур*. Встреча Жанны с дофином Карлом.

Между 13 и 24 мая: *Сен-Флоран-ле-Сомюр*. Встреча Жанны с герогом Алансонским, его матерью и женой.

Воскресенье, 22 мая: *Лош*. Жанна пребывает в замке вместе с дофином.

Вторник, 24 мая: Жанна покидает Лош.

Воскресенье, 29 мая: *Селль-ан-Берри*.

Понедельник, 6 июня: *Селль-ан-Берри*. Встреча Жанны и Ги де Лавалья, отъезд в Роморантэн.

Вторник, 7 июня: *Роморантэн*.

Четверг, 9 июня: *Орлеан*. Перегруппировка войск.

Суббота, 11 июня: штурм Жаржо.

Воскресенье, 12 июня: взятие Жаржо.

13–14 июня: *Орлеан*.

Среда, 15 июня: штурм и взятие Мёнг-сюр-Луар.

Четверг, 16 июня: штурм и взятие Божанси.

Суббота, 18 июня: победное сражение при Патэ.

Воскресенье, 19 июня: Жанна со своими соратниками возвращается в Орлеан.

Среда, 22 июня: *Шатонёф-сюр-Луар*. Королевский военный совет.

Четверг, 23 июня: Карл VII уезжает в Жьен.

Пятница, 24 июня: войско отбывает в Жьен вслед за дофином. Подготовка к походу на Реймс.

Суббота, 25 июня: *Жьен*. Девушка диктует послания к жителям Турне и к герцогу Бургундскому с приглашением присутствовать на коронации в Реймсе.

Понедельник, 27 июня: Жанна покидает Жьен, а через два дня все войско выступает в направлении Осера.

Понедельник, 4 июля: *Сен-Фаль*. Жанна диктует послание к жителям Труа.

5–9 июля: французская армия у стен Труа. Переговоры о сдаче города дофину.

Воскресенье, 10 июля: *Труа*. Торжественное вступление дофина и Жанны в город. Через два дня войско покидает Труа и направляется к Реймсу.

Четверг, 14 июля: *Шалон-сюр-Марн*. Встреча Жанны со своими земляками, среди которых Жан Морель и Жерардэн д'Эпиналь.

Суббота, 16 июля: Вступление в Реймс.

Воскресенье, 17 июля: *Реймс*. Торжественная коронация Карла VII в Реймском соборе.

Четверг, 21 июля: *Корбени*. Традиционный обряд исцеления золотушных прикосновением королевской руки.

Суббота, 23 июля: *Суассон*.

27–31 июля: *Шато-Тьерри*. Грамотой от 31 июля 1429 г. Карл VII освобождает жителей Домреми и Грё от налогов и податей.

Суббота, 6 августа: *Провэн*. Письмо Жанны жителям Реймса.

7–15 августа: Дорога на Париж через Кулломе, Ла-Фетре-Милон, Крепиан-Валуа, Ланьи.

Понедельник, 15 августа: *Монтепиллуа*. Серьезная стычка с англичанами, английские отряды укрываются за стенами Парижа.

17–28 августа: *Компъень*. Пребывание короля в городе.

Понедельник, 23 августа: Жанна покидает Компъень.

Четверг, 26 августа: *Сен-Дени*.

Понедельник, 7 августа: *Сен-Дени*. Прибытие Карла VII.

Вторник, 8 сентября: штурм парижских ворот Сент-Оноре. Жанна ранена в бедро стрелой из арбалета.

Среда, 9 сентября: возвращение в Сен-Дени.

Четверг, 10 сентября: *Сен-Дени*. Король отдает приказ войскам прекратить штурм Парижа.

Суббота, 12 августа: Войско направляется в долину Луары.

14–21 сентября: *Провэн, Куртнэ, Шаторенар, Монтаржи.*

Понедельник, 21 сентября: *Жьен.* Роспуск королевской армии.

Конец сентября: Подготовка военной кампании с целью очистить Ла-Шарите и близлежащие земли от банд рутье.

Октябрь: Отъезд в Сен-Пьер-ле-Мутье. Во главе войска поставлены сводный брат Ж. де Ла Тремуя Шарль д'Альбре и маршал де Буссак.

Среда, 4 ноября: *Сен-Пьер-ле-Мутье.* Штурм и взятие крепости.

Конец ноября: войско направляется к крепости Ла-Шарите, где обосновался Перрине Грессар, один из предводителей рутье. Переправа через Луару между Невером и Десизом.

Вторник, 24 ноября: Жители Буржа, по просьбе Шарля д'Альбре, посылают королевским отрядам 1300 золотых экю.

Понедельник, 23 ноября–20-е числа декабря: Осада Ла-Шарите.

Суббота, 25 декабря: Жанна возвращается в Жаржо.

1430 г.

Январь: *Мёнг-сюр-Йевр, Бурж.*

Среда, 19 января: *Орлеан.*

Февраль–март: *Сюлли-сюр-Луар.*

Среда, 29 марта: *Ланьи.* Пленение Франке д'Арраса. Эпизод чудесного оживления и крещения младенца, находящегося при смерти.

Понедельник, 24 апреля: *Мелен.* Жанна ждет подкреплений, запрошенных у Карла VII.

25 апреля–6 мая: *Крепи-ан-Валуа.*

Суббота, 6 мая: *Компъень.*

11–12 мая: *у стен Суассона.* Капитан крепости Гишар де Бурнель отказывается пропустить отряды Жанны через город.

15–16 мая: *Компъень.*

17–21 мая: *Крепи-ан-Валуа.* Ожидание подкреплений от короля.

Понедельник, 22 мая: *Компъень.* Жанна возвращается в город.

Вторник, 23 мая: Пленение Жанны под Компъенью.

Вторник, 23 мая: *Марньи.* Филипп Добрый приезжает из Кудэна, чтобы увидеть Жанну.

Среда, 24 мая: *Клеруа.*

27 мая–10 июня: *Больё-ле-Фонтен.*

11 июля–начало ноября: *Боревуар.*

Четверг, 9 ноября: *Аррас.*

21 ноября–9 декабря: *Кротуа.*

Среда, 20 декабря: Путь по Сомме от Кротуа до Сен-Валери.

Воскресенье, 23 декабря: Прибытие в Руан.

1431 г.

Вторник, 9 января: *Руан*. Первый день официального процесса. Опрос жителей Домреми и Вокулёра.

Суббота, 13 января: Чтение собранных сведений о Девиге.

Вторник, 13 февраля: *Замок Буврей*. Присяга должностных лиц, назначенных Кошоном для ведения процесса.

Понедельник, 19 февраля: Послание Кошона викарию инквизитора с требованием присоединиться к процессу.

Вторник, 20 февраля: Викарий инквизитора отклоняет требование епископа Бовеского, мотивируя свой отказ участвовать в процессе недостаточной компетенцией. Новый запрос Кошона.

Среда, 21 февраля: *Королевская капелла замка Буврей*. Первое публичное заседание. Жанна предстает перед судьями.

22 февраля–3 марта: *Королевская капелла замка Буврей*. Публичные заседания.

4–9 марта: *Дом епископа Бовеского*. Закрытые совещания членов трибунала.

10–17 марта: *Тюрьма Жанны*. Закрытые заседания. 13 марта викарий инквизитора впервые присоединяется к процессу.

18–22 марта: *Дом епископа Бовеского*. Совещания ассессоров.

Суббота, 24 марта: *Тюрьма*. Жанне зачитывают протоколы ее допросов.

Понедельник, 26 марта: Начало ординарного процесса.

27–31 марта: Жанне зачитывают 70 статей обвинения.

2–5 апреля: Консультации докторов, составление 12 обвинительных статей.

Понедельник, 16 апреля: Болезнь Жанны в результате отравления карпом, присланным в угощение от епископа Бовеского.

Среда, 18 апреля: *Тюрьма*. Милостивое увещание, сделанное Жанне епископом Бовеским.

Среда, 2 мая: *Королевская капелла замка Буврей*. Публичное увещание Жанны, составленное и произнесенное Жаном де Шатийоном.

Среда, 9 мая: *Большая башня замка Буврей*. Угроза применения пыток.

Воскресенье, 13 мая: Трапеза, устроенная графом Варвиком для епископов Бовеского, Нуайонского, Теруанского, а также для Хэмфри Стаффорда. После трапезы все участники навещают Жанну в тюрьме.

Суббота, 15 мая: *Архиепископский дворец в Руане*. Консультации магистров Парижского Университета, а также других докторов и магистров, находящихся в Руане.

Среда, 23 мая: *Замок Буврей*. Предъявление обвинения и публичное увещание Жанне, сделанное руанским каноником Пьером Морисом.

Четверг, 24 мая: *Кладбище Сент-Уэн*. Публичная проповедь Гийома Эра, за которой последовало отречение Жанны. Ее вновь отводят в тюрьму под охраной англичан. Жанна облачается в женскую одежду.

Понедельник, 28 мая: *Тюрьма Буврейского замка*. Жанна вновь надевает мужское платье. Обвинение в рецидиве ереси.

Вторник, 29 мая: Совещания докторов и ассессоров.

Среда, 30 мая: *Площадь Старого рынка.* Жанна сожжена на костре как нераскаянная еретичка. Палач выбрасывает пепел в Сену.

1450 г.

Начало сбора свидетельских показаний для организации кассационного процесса по иску Изабеллы Роме и братьев Жанны. Процесс начат по воле Карла VII и на первых стадиях ведется Гийомом Буйе.

1452 г.

Сбор показаний завершен под руководством новых судей: кардинала д'Эстутвилля и инквизитора Франции Жана Бреалья.

1455–1456 г.

Процесс продолжен по приказу папы Каликста III.

1456 г.

Июль. Париж: Постановлением папы Каликста III приговор, вынесенный Жанне в ходе руанского процесса, признан юридически ничтожным.

1903 г.

Февраль. Начало официальной процедуры канонизации Жанны.

1904 г.

Январь. Папа Пий X провозглашает Жанну преподобной (первая ступень канонизации).

1909 г.

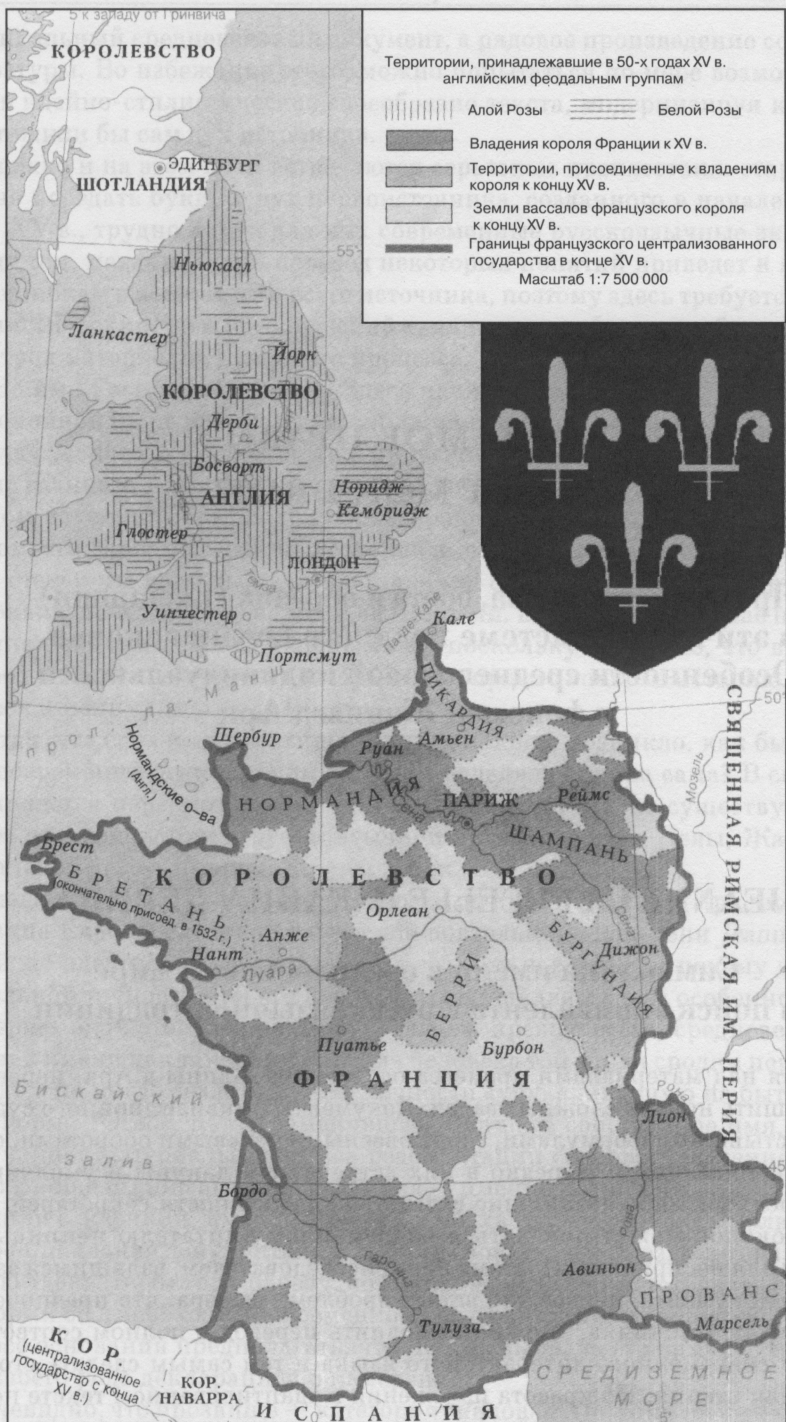
11 апреля. Папский декрет о беатификации Жанны (вторая ступень канонизации).

1920 г.

16 мая. Декрет папы Бенедикта XV о канонизации Жанны.

Англия и Франция во время столетней войны (1337–1453 гг.)

Англия и Франция во второй половине XV в.

БОГ И МОЕ ПРАВО DIEU ET MON DROIT

**Пространство права, обета и образца (Exemplum)
в этической системе позднего средневековья.
Особенности средневековой индивидуальности
и феномен Жанны д'Арк**

JEANNE LA PUCELLE И ЖАННА-ДЭВИЦА

**Символика имени в средневековом мире
и поиск эквивалента в русскоязычной традиции**

Работая над материалами процесса осуждения Жанны д'Арк, переводчик должен решить немало сложных задач. Документы инквизиционного суда изобилуют застывшими формулами, тяжеловесными речевыми оборотами, специфическими терминами. Нередко в них встречаются лакуны и умолчания — преднамеренные, либо возникшие вследствие небрежности секретарей. Стиль этих протоколов может показаться современному читателю непривычным и трудным для восприятия. Поэтому перед исследователем, взявшимся за перевод такого документа, неизбежно встает проблема выбора: что предпочесть — дух или букву источника? Можно выполнить перевод в полном соответствии с нормами современного литературного языка и тем самым сделать его более удобным для чтения. Но красота изложения в адаптированном тексте нередко достигается в ущерб исторической достоверности, поскольку из корпуса первоисточника выхолащивается огромная доля специфической информации, которая как раз и создает неповторимый «аромат эпохи». В итоге мы получаем

не уникальный средневековый документ, а рядовое произведение современной литературы. Во избежание этого, можно попытаться по мере возможности передать идейно-стилистическое своеобразие текста, модернизируя который мы уничтожили бы сам дух источника.

Однако и на этом пути встречаются серьезные препятствия: стараясь оптимально передать букву и дух первоисточника, созданного в начале тридцатых годов XV в., трудно найти для них современные русскоязычные эквиваленты. Между тем, механический перевод некоторых понятий приведет к непоправимым ошибкам в восприятии всего источника, поэтому здесь требуется не только лингвистический, но и исторический анализ — и требуется он буквально с первых строк материалов руанского процесса.

«Во имя Господа, Аминь. — Здесь начинается процесс по делам веры против покойной ныне женщины, именуемой в народе Девицей» (XX, р. 1).

Для русского слуха, возможно, привычнее был бы другой перевод: «процесс против Жанны д'Арк» или «процесс против Орлеанской девы». Однако при тщательном изучении материалов обоих процессов Жанны, а также ее феномена в целом, эти варианты кажутся совершенно неудовлетворительными. В данной части статьи мы должны начать с главного: с поиска адекватного русскоязычного эквивалента имени девушки из Домреми. В противном случае наше исследование пойдет в ложном направлении, поскольку очевидно, что в прозвище, которое выбрала себе Жанна и которое так прочно вошло в историю, содержится ключ к пониманию ее феномена.

Итак, что означало прозвище Жанны, как оно возникло, как было воспринято современниками и каким смыслом наделяла его она сама? В связи с этим нам придется пересмотреть пусть и недавнюю, но все же существующую традицию ее именования в русскоязычной литературе как Девы, Жанны-Девы, Орлеанской девственницы, Жанны д'Арк.

Люди XV столетия не знали личности по имени Жанна д'Арк, но зато почти половина Европы слышала о чудесной воительнице по имени *Jeanne la Pucelle*. Какой же идейный смысл содержит в себе это название, и почему достижение предельной точности при его переводе представляется нам особенно важным?

Серьезность этого вопроса обусловлена, прежде всего, средневековой концепцией имени как такового. Имя для человека той эпохи сродни персональной легенде, оно могло создать вокруг личности ауру, влияющую на бытие и сознание. Форма *Pucelle*, почти заменившая Жанне ее собственное имя, появилась неслучайно. Материалы процесса реабилитации содержат сведения о том, что это прозвище Жанна выбрала себе сама — именно его она использует на первом свидании с дофином, именно его тут же подхватывает людская молва и фиксирует официальная документация. Иными словами, это прозвище оказалось полностью адекватным тому образу, которому желала соответствовать сама Жанна и который был необходим современному ей французскому обществу. Более того, есть все основания предполагать, что Жанна выбрала его символом своей миссии, своего рода декларацией о намерениях.

Очевидно, что прозвище — категория знаковая. Поэтому необходимо соблюдать известную осторожность в его интерпретации.

Средневековый мир являл собой пространство клятвы и обряда. Возьмем ли мы герб, оммаж или боевой штандарт — в основе будет символ, образ, имя. Все,

что важно, должно обладать именем, ибо, согласно христианской концепции, мы делаем вещь реальной только тогда, когда даем ей название, и в этом смысле идея материализует вещь. Недаром именно в эту эпоху столь бурное развитие получили многочисленные формы ритуальной магии, испокон веку признающей могущество слова и буквы. Ментальность средневекового человека вела его по пути самовыражения и взаимодействия с социумом посредством символа. Прозвище было одним из самых удобных способов передать миру информацию об особенностях личности, и в этом смысле его можно было назвать символом личности.

Имя, данное при крещении, с течением жизни нередко отходило на второй план, порой его и вовсе забывали, в то время как прозвище становилось единственной принятой в общении формой индивидуализации. Выбор имени как такового был обусловлен многими причинами: от конкретной даты рождения и соответствующей строки святцев до родовой традиции или принесенного обета. Пожалуй, имя больше говорило о роде в целом, чем о личных качествах самого хозяина. В обыденной жизни средневекового человека главная роль принадлежала не имени, а прозвищу — слепку с индивидуальности хозяина. Подобно геральдическому блазону, или в дополнение к нему, оно доносит до нас уникальную информацию о конкретной личности того времени.

Безусловно, интерпретируя значение того или иного прозвища, важно понять, было ли это прозвище воспринято от других или инициатива исходила от самого его обладателя. В последнем случае, его можно расценивать как программное. Надо полагать, бывают и счастливые совпадения, — когда оценка окружающих совпадает с намерениями личности. Судя по всему, именно такое «попадание в точку» мы видим в истории нашей героини. Прозвище, принятое Жанной, безусловно, явилось символом, опознавательным знаком, с которым она появилась на исторической сцене. С ним, как мы увидим позже, ее узнавали и признавали. Но вместе с тем оно свидетельствовало и о способе, который Жанна избрала для осуществления своей миссии. Попытаемся найти истоки возникновения этого символического имени: *Pucelle*.¹

Точное время его появления установить сейчас затруднительно, но любопытно, что имя *Pucelle* всегда предшествует Жанне, его узнают задолго до того, как видят ее саму. Она не совершила еще ничего примечательного, а молва уже бежит впереди нее, словно заранее расчищая путь и настраивая людей на определенный лад. Надо сказать, эта закономерность настораживала многих биографов Жанны, заставляя их предположить, что вокруг девушки изначально была организована кампания по созданию того, что сегодня назвали бы имиджем. Однако такое объяснение, выходящее за рамки средневековой ментальности, искажает восприятие ситуации и делает ее трактовку излишне современной. Чтобы избежать этого в дальнейшем, попробуем найти разгадку поведения Жанны, оставаясь, насколько возможно, в этическом пространстве ее эпохи.

Мы не будем здесь останавливаться на подробном описании политической ситуации первой четверти XV в., поскольку эта тема прекрасно освещена в мировой историографии (см. Список использованной литературы). Напомним лишь, что Жанна появилась на политической арене в тот момент, когда французская монархия находилась в критическом положении. Карл Валуа, единст-

венный, по мнению Жанны, законный престолонаследник, был лишен всех прав по договору в Труа (1422 г.) и собирался бежать в Шотландию, обрекая свое королевство стать частью эфемерной «двойной монархии» под властью английской династии Ланкастеров. Жанна, считая эту ситуацию неправомерной и греховной, выступает в качестве глашатая Божьей воли и вмешивается в казалось бы необратимый ход событий. Она открыто заявляет, что явилась «во Францию», дабы восстановить справедливость, короновать законного наследника престола и отправить англичан восвояси. И перво-наперво она берется освободить осажденный англичанами Орлеан, с потерей коего рухнут последние надежды на восстановление французского королевства. Но она всего лишь юная девушка, дочь деревенского старосты, а чтобы ее приняли всерьез, необходим особый социальный статус. Статус, обладая которым, она могла бы провозгласить декларацию о намерениях и быть услышанной. Во времена Средневековья такой декларацией о намерениях могло стать прозвище, — особенно если оно являлось самоназванием.

Итак, в начале зимы 1429 г. Жанна ушла из родной деревни Домреми в крепость Вокулёр, чтобы просить капитана крепости Робера де Бодрикура о поддержке. Ей нужен был сопроводительный отряд и санкция капитана на поездку к дофину в Шинон. Подробнее мы рассмотрим этот этап ее биографии чуть позднее. А пока напомним, что по мере приближения маленького кортежа Жанны к землям дофина слава о необычной девушке начинает опережать ее саму. Не случилось еще ничего сверхъестественного, а владения «буржского короля»,² тающие под ударами англо-бургундских войск, уже полнятся настойчивыми слухами.

Бастард Орлеанский, который станет впоследствии одним из ближайших соратников Жанны, одним из первых ухватился за эти слухи, как тонущий — за соломинку. Говоря на процессе реабилитации о самых первых днях появления Жанны «во Франции», он вспоминает, как сразу же отправил гонцов к дофину, чтобы узнать, достоверно ли то, что доносит о ней молва. В послании к Карлу Валуа он делится чудесной новостью: «Некая юная девушка, именуемая в народе *la Pucelle* (сохраним пока французское написание. — А. С.), только что проехала через Жьен, и будто бы направляется к благородному дофину, чтобы снять осаду с Орлеана и проводить дофина в Реймс для коронации» (XXII, р. 2).

Из показаний Бастарда следует, что информация просочилась в Орлеан на том этапе, когда Жанна находилась где-то близ города Жьена, т. е. есть на полпути из Вокулёра в Шинон. Ее маленький отряд выехал из крепости, вверенной капитану Роберу де Бодрикуру, во вторник, 22 февраля 1429 г. Миновав Сент-Урбен, Клерво, Потьер, Осер и Мезиль, они проследовали через Жьен 27 февраля. Конечным пунктом этого путешествия была, как известно, резиденция дофина, Шинон, куда Жанна со своим окружением и прибыла к полудню 4 марта.

По прошествии примерно трех дней дофин, наконец, решил принять ее, а затем миновало еще целых три недели, прежде чем комиссия клириков Пуатье вынесла свой судьбоносный вердикт, легализовав миссию Жанны и определив отношение к ней официальной власти. Но вот что интересно: 27 февраля 1428 г. еще никто не мог предсказать такого хода событий, и в Жьене не могли знать наверняка, как поведут себя дофин и Церковь в столь неординарной ситуации. Была вероятность того, что в новоявленной посланнице неба признают

наперсницу дьявола, — и тогда все, кто принимал ее благосклонно, оказались бы в весьма двусмысленном положении. Однако в тот момент это никого не останавливало.

Можно лишь догадываться, сколь глубокое впечатление производили на людей сама Жанна и ее кортеж. Весть о ее приближении распространялась настолько стремительно, что население осажденного Орлеана было взбудоражено еще до того, как Жанна успела хотя бы достичь Шинона и встретиться с дофином.

Безусловно, французскому обществу потребовались годы жестоких бедствий, тревог и лишений, чтобы оно оказалось готовым принять необычную спасительницу, а не отторгнуть ее как нечто чуждое. Надежда на появление чудесного мессии стала формой внутреннего, психологического сопротивления нескончаемым военным тяготам. Она становилась все более страстной и отчаянной по мере того, как нарастало ощущение близкой катастрофы, которая, как казалось тогда многим, нависла над Францией ранней весной 1428 г. Идеино-психологическая атмосфера сгущалась и накалялась, общественные страхи, тревожные ожидания и чаяния находили свое выражение в самых разных и подчас весьма ярких, причудливых формах. В народной среде воскресали и получали новое истолкование древние, полузабытые предания, легенды, пророчества. Апологеты «Буржского королевства» — Кристина Пизанская, Жак Желю, Жан Жерсон и Карл Орлеанский — своими пламенными воззваниями старались вывести из апатии интеллектуальную и военную элиту, вдохновить ее на дальнейшее сопротивление врагу. В этих условиях появление Жанны не могло не вызвать стихийного всплеска в общественном сознании. Ее приход был внезапным и, вместе с тем, очень ожидаемым, поэтому общественный отклик был мгновенным.

Однако вернемся к вопросу о возникновении прозвища *Pucelle*. Если самым ранним свидетельством его появления в речи современников Жанны можно считать показания Дюнуа, то на каком этапе его стала употреблять сама Жанна? Ее духовник Жан Пакерель на процессе реабилитации свидетельствовал, что во время свидания с дофином Карлом в Шиноне она обратилась к нему со следующими словами:

«Любезный дофин, меня зовут Жанна *Pucelle*, и Царь Небесный шлет вам через меня весть, что <...> вы будете наместником Царя Небесного, который есть [истинный] король Франции» (XXII, р. 72).

Как и в письме Дюнуа, здесь использовано слово *pucelle*, но никак не *fille*, *démoiselle* или *vierge*, — слова, которые в разных контекстах могли бы означать незамужнюю девушку. Осознанно или нет, но Бастард Орлеанский и его информаторы выбрали из всего языкового многообразия именно данную оценочную характеристику новоявленной героини.

Вот самое раннее из дошедших до нас свидетельств о речах Жанны в день ее прихода в Вокулёр. Жан де Нуйонпон из Меца, который был в числе первых соратников девушки, передает на процессе реабилитации ее слова: «Я пришла сюда, в Королевскую Палату, говорить с Робером де Бодрикурром, дабы он изволил или приказал проводить меня к королю. Он не внемлет ни мне, ни тому, что я ему говорю; а меж тем нужно, чтобы до середины поста я была у короля, даже если мне придется стереть ноги до колен. Ибо никто в мире, — ни короли, ни герцоги, ни дочь шотландского короля или прочие, — не может возвратить королевства

Французского; нет ему иной помощи, кроме моей; хотя я все-таки предпочла бы прятаться подле моей матери, бедной женщины, ибо сие (т. е. миссия спасения королевства. — А. С.) не пристало моему положению; но нужно, чтобы я пошла и чтобы действовала так, потому что мой Сеньор того желает» (XXI, р. 276).

Эти слова Жанны, в отличие от всех ее последующих прокламаций, не содержат никакого намека на то, что она четко понимает суть своего нового общественного статуса. Здесь только «нетерпение сердца» и эмоциональный протест в ответ на маловерие Бодрикура. Безусловно, психологическое напряжение, которое сквозит в речах девушки, могло быть обусловлено и досадой на капитана Вокулёра, который в шутку посоветовал дяде Жанны отвесить ей оплеуху и проводить домой. Но вместе с тем смысл ее речей позволяет предположить, что на этом этапе она еще не пришла к полному осознанию своего нового места в мире, и эта неопределенность, конечно, тоже сказывалась на ее душевном состоянии. Она как будто пробовала почву, и ей потребовалось время, чтобы ее представление о собственной миссии обрело законченную форму и словесное выражение. А на тот момент ничто не предвещало близкого чуда: юную девушку в красном платье — наверняка лучшем из домашнего гардероба — попросту не воспринимали всерьез. По легенде, запечатленной в одной из хроник, так называемой «Chronique de la Pucelle», де Бодрикур не только посмеялся над просьбой Жанны, но и пригрозил, что если она проявит настойчивость, то он отдаст ее солдатам, *pour qu'ils s'ebattent en peché* (чтобы они развлеклись ею во грехе. — А. С.) (LXXIX, р. 116).

Но после третьей попытки стало ясно, что настойчивость Жанны не только не иссякает, но, напротив, крепнет день ото дня. И дело вдруг сдвинулось с мертвой точки. Вокулёр — город маленький, и вскоре весть о необычайной гостье распространилась повсюду. Надо полагать, сама девушка тому способствовала, ибо в ее ситуации требовалось спешить, а она как никогда нуждалась в признании окружающих. Всеобщая поддержка была ее единственным оружием, без этого она не мыслила своего будущего — дело спасения королевства невозможно было осуществить в одиночестве. Она, судя по всему, вполне сознательно потворствовала людской молве. «Помоги себе сам — и Небо тебе поможет!» — таков был ее принцип действия. И вот уже Бодрикур пишет о ней дофину, кюре Вокулёра признает ее чуждой силам зла, и мало-помалу начинает формироваться тот идеализированный образ, в котором скоро сольются воедино элементы коллективного мифотворчества, ловкой пропаганды и харизма самой Жанны. Окружение начало активно подыгрывать Жанне.

Жан Ле Фюмё, каноник (а в конце двадцатых годов XV в. еще только служка) церкви Нотр-Дам де Вокулёр, поделится на процессе реабилитации воспоминаниями детства: «Я часто видел, как Жанна весьма благоговейно приходила в сию церковь; она слушала там утреннюю мессу и оставалась на молитве долгое время. Я видел, как она преклоняла колени под сводами сей церкви пред образом Святой Девы, то со склоненным, то с поднятым лицом; я верю, что сие была святая и добрая девушка» (XXI, р. 296).

Жанна готовила себя к предстоящей миссии задолго до того, как приступила к ее фактическому осуществлению. Когда же, наконец, настало время действовать, она полностью подчиняет свое поведение строгому канону. Она старается вести себя безукоризненно, в полном соответствии с тем, что, по ее пред-

ставлениям, подобает посланнице небес. Создается впечатление, что она сознательно смиряет свой непокорный нрав для пользы дела. Так, в феврале 1428 г., когда Жанна почти отчаялась добиться помощи от Бодрикура, она едва не совершила роковую ошибку. Возвращаясь из Нанси, куда ее вызвал герцог Лотарингский, она чуть было не свернула в Шинон сама, без всякого сопроводительного отряда! Лишь в последний момент, с трудом преодолев жгучее нетерпение, девушка повернула коня назад в Вокулёр, сказав, что *так поступать не годится*.

Возвращаясь к первым свидетельствам о появлении Жанны, мы видим, что молва незамедлительно облакает свой пиетет по отношению к ней в готовую формулу *la Pucelle*. Жанна становится персонификатором некоего идеала, чья характеристика в глазах общества значительно важнее, чем ее индивидуальные качества. Поэтому успех девушки с самого начала начинает напрямую зависеть от того, насколько органично она вписывается в узкие рамки этого идеала. Это характерный для средневековой ментальности принцип: сакральна не личность, а место, ею занимаемое. Отождествив Жанну с *puella* из пророчества Марии Авиньонской (см. Бог и мое право, II), люди придали ее образу определенный *статус*. Образ, принятый на себя Жанной, имел вполне понятное для ее современников значение.

Но насколько он сейчас понятен нам? Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться в том комплексе этических категорий, которые неизбежно возникли вокруг нового статуса Жанны. Именно эта задача и будет определять направление нашего поиска, цель которого — найти русский эквивалент имени *la Pucelle*.

Итак, какой же смысл содержится в форме *puella*, которую используют авторы латинской редакции протоколов, и ее французском эквиваленте *pucelle*?

Почему это прозвище так прочно закрепилось за Жанной и какую смысловую нагрузку оно могло нести для нее самой и ее современников? И самое главное, насколько адекватен традиционный перевод конструкции *Jehanne la Pucelle* русским сочетанием *Жанна-Дева*. Может ли оно передать огромный понятийный объем, который содержался во французском варианте и был очевиден для человека той эпохи?

Нетрудно заметить, что перевод *Жанна-Дева*, к сожалению, не столько раскрывает феномен *la Pucelle*, сколько искажает его. Два этих варианта несут различную смысловую нагрузку.

В латинском языке есть два слова, обладающие сходным значением, но не являющиеся синонимами: *puella* (девочка, девушка) и *virgo* (дева, девушка). На первый взгляд, почти одно и то же. Но язык — структура в высшей степени разумная, и если какое-либо понятие порождает различные варианты обозначений, — значит, на то есть причины и требуется изучить семантические особенности каждого из вариантов.

В России Жанну долгое время называли несколько иначе, а именно: *Орлеанская дева*. Но несмотря на красоту и монументальность звучания, этот вариант далек от аутентичности — его французский эквивалент никогда не был знаком ни самой Жанне, ни ее современникам.

В Россию это словосочетание пришло с легкой руки В. А. Жуковского, который в 1817–1821 гг. перевел пьесу Ф. Шиллера, посвященную орлеанской геро-

ине («Die Jungfrau von Orleans»). Однако немецкий вариант *Jungfrau* ближе по значению русскому *девушка*, а во французском языке ему соответствует скорее *fille*, чем собственно *pucelle*. Таким образом, популярность Шиллера и его пьесы не способствовала распространению более точного варианта перевода, да в этом не было и нужды: оба, и творец, и переводчик «Орлеанской девы», были великими романтиками, а не историками, и следование исторической достоверности нельзя считать их главной задачей.

Русский перевод остроумной, но одиозной с научной точки зрения «Орлеанской девственницы» Вольтера, также не требовал исторической точности. Известно, что первый перевод поэмы Вольтера на русский язык, фрагменты которого в разное время были сделаны А. С. Пушкиным, Г. В. Адамовичем, Н. С. Гумилевым, Г. В. Ивановым, вышел под общей редакцией М. Л. Лозинского лишь в 1924 г. Ранее русскому читателю был доступен только перевод Д. В. Ефимьева — И. В. Стремоухова, в силу цензурных запретов распространявшийся в списках.

В. А. Жуковский вполне разделял романтическое отношение Ф. Шиллера к своей героине и перевел драму одухотворенным, порой выпяченным слогом. Переводчики Вольтера, в свою очередь, также были верны оригиналу и хотели передать игривую амбивалентность заглавия в полном соответствии с фривольным духом поэмы. Разумеется, для француза семантическое богатство слова *pucelle* было доступно без пояснений: Вольтер назвал свою «романтическую эпопею» просто «La Pucelle». При этом он вольно или невольно иллюстрировал своей поэмой любопытную тенденцию: значение слова *pucelle* во французском языке с течением времени менялось и каждая эпоха вносила свой вклад в его понятийный объем. Иначе говоря, те значения, которые придавались данному слову французами последующих поколений, все менее отражали первоначальный смысл, коим наделяли его французы первой половины XV в. Время шло, и понятие *pucelle* девальвировалось, подобно многим специфически средневековым понятиям, которые получили в Новое время новую жизнь и новое значение. Да и историческая достоверность образа Жанны мало кого интересовала, хотя, пожалуй, ее имя во все времена охотно использовалось из конъюнктурных соображений.

Наиболее активные попытки увековечить память о героине долгое время предпринимали жители Орлеана, и это понятно, ибо они имеют полное право считать ее своей героиней. Этим правом они начинают пользоваться сразу после снятия осады 8 мая 1429 г., учредив ежегодные праздничные процессии в честь Жанны и в ознаменование своего чудесного избавления от английского гнета. Во второй половине XV в. появляется стихотворная «Мистерия о снятии осады Орлеана» (между 1435 и 1439 гг., аноним.), а затем, на основе хроник и различных свидетельств современников, создается знаменитый «Дневник осады Орлеана» (ок. 1461 г.). Век спустя, с разницей в двадцать лет, в этом городе появляются латинский вариант описания осады Ж. Л. Мико и творение Л. Трипо «Les faits, pourtraict et jugement de Jeanne Darc dicte la Pucelle d'Orléans» (1583 г.). Однако, как мы уже говорили, изучение личности Жанны весьма затруднено тем фактом, что ее образ очень рано был взят на вооружение представителями различных политических и религиозных течений и использовался ими для собственной выгоды. Так, сразу же после реабилитации Жанны в 1456 г. протоколы процесса были размножены в большом количестве и, по сведениям Р. Пер-

ну, к середине XVI в. их насчитывалось уже не менее тридцати экземпляров (LXXXIV, р. 348). Образ Жанны в этих протоколах, по всей вероятности, можно рассматривать с той же степенью доверия, с какой мы читаем сентенции Руанского процесса. В обоих случаях придется делать скидку на общую заданность хода расследования и предвзятость мнений, о чем, кстати сказать, говорили и современники.

XVI в. принес Жанне новую известность — теперь в качестве героини многочисленных «Жизнеописаний замечательных женщин». Жанна вновь становится знаменем борьбы, теперь уже религиозной, между католиками и сторонниками Реформации, что делает ее фигуру еще более иллюзорной с точки зрения исторической достоверности.

XVII в. стал веком жарких споров между представителями разных слоев французского общества за право называться родственниками девушки. Естественно, это лишь способствовало дальнейшей идеализации ее образа.

Мыслители века Просвещения, которые не испытывали благоговения перед Средневековьем вообще и Жанной в частности, весьма критически подошли к оценке ее личности. П. Бомарше и Ш. Монтескье считали ее либо авантюристкой, либо орудием политических игр. Лишь к концу XVIII в. возникает насущная потребность обратиться к источникам, чтобы хоть немного приблизиться к прототипу (в 1790 г. К. де Л'Аверди публикует «Заметки и выдержки из манускриптов королевской Библиотеки»). Однако в эпоху Революции образ Жанны с его роялистской окраской стал неуютен новым вершителям судеб Франции. С 1793 г. празднества, проводившиеся в Орлеане в честь Жанны, были запрещены, а ее статуи и реликвии — уничтожены.

Впрочем, образ Жанны недолго оставался не востребуемым: с пришествием Наполеона ее облачают в республиканские одежды, а еще ранее, в 1801 г., как отклик на саркастическую поэму Вольтера в Германии появляется знаменитая драма «Die Jungfrau von Orleans» Ф. Шиллера, о чем мы упоминали выше. Вторая половина XIX в. ознаменована появлением ряда трудов, посвященных Жанне, которые уже с полным правом можно считать научными. Краткий обзор этого историографического периода дан нами в предисловии к книге.

Однако историки XIX в., заново открывая для себя истинный образ Жанны, не уделяли должного внимания возникновению ее прозвища, которое к тому времени настолько глубоко вошло в общественное сознание, что мыслилось чем-то вроде фольклорной константы, не требующей разъяснений.

Между тем, за четыре столетия, минувших со дня казни Жанны, Европа узнала множество женщин, вошедших в историю под тем же наименованием, что и орлеанская героиня. Слово *pucelle* утратило свою самодостаточность и потребовалось всякий раз уточнять, какая именно *Pucelle* имелась в виду. Вслед за Жанной на французской политической сцене стали появляться многочисленные пророчицы и визионерки, многие из которых пытались примерить на себя образ *Pucelle*. Среди дошедших до нас имен — *Pucelle de Lyon*, *Pucelle de Schiedam*, *Pucelle de Rome*.

Наличие ряда «однокоренных» прозвищ, в которых имя заменено словом *pucelle*, доказывает существование определенного смыслового клише. Назваться *Pucelle* — значило полностью войти в смысловое поле этого клише, взять на себя конкретные функции и получить ясный социальный статус.

Этот тезис подтверждается и тем фактом, что в случае с Жанной все источники, повествующие о начале ее пути, использовали формулы *on dit qu'une Pucelle*, *Jeanne dite la Pucelle* или *qui se faisait appelée la Pucelle* (говорят, что некая *Pucelle*; Жанна, именуемая *Pucelle*; которая называла себя *Pucelle* — А. С.). Не было никакой надобности объяснять людям значение данного слова, поэтому никто и никогда, заметим, не спрашивал героиню о его сокровенном смысле. Даже руанские судьи, так придиричиво и скрупулезно исследовавшие любой мало-мальски неясный поступок в ее жизни, не усмотрели в этом выборе ничего экстраординарного. Напротив, заострять внимание на этом вопросе было для них невыгодно из-за явного несоответствия самого наименования *pucelle* тому еретическому образу, который им предстояло навязать Жанне в ходе дознания и следствия.

Итак, если все-таки было смысловое клише, обозначаемое словом *pucelle*, то как найти ему соответствие в русскоязычной традиции? Вероятно, абсолютного эквивалента не существует по объективным историческим причинам. Но приблизиться к нему с наименьшими потерями возможно. Ассоциативный ряд, в котором может находиться искомый вариант, выглядит таким образом: *pucelle* — девушка, девственница, прислужница, юродивая угодница, блаженная. Как видим, в половине случаев терминология строго церковная, но она в эпоху Жанны была фактом повседневности, отринуть ее изначально было бы нецелесообразно. Рассмотрим отдельные компоненты указанного ряда.

Юродивая. Это слово трудно применить к Жанне в силу его православного контекста. Юродство как таковое, будучи феноменом восточной церкви, имеет принципиально самоуничижительный, подчеркнуто аффективный характер. Юродивый отрекается от собственного разума и норм человеческого бытия, он становится как бы крепостным Бога, полностью и безоговорочно растворяя свою волю в воле божественной. Западу же, с его развитым в эпоху Позднего Средневековья правосознанием, свойственен скорее вассальный вариант зависимости, условно говоря, более прагматичный. Человек здесь не стремится бежать от мира, даже более того, именно мир становится для него одновременно алтарем, на который он возлагает свою духовную жертву, и ареной борьбы за торжество христианства. Оттого так множатся в эпоху классического и Позднего Средневековья светские ордена, вроде беггардов и мантеллатов, которые по своему воплощали в жизнь идеалы клюнийской доктрины о неделимости церковного и мирского путей служения. Отзвуки этой идеи есть и в словах самой Жанны: в посланиях англичанам и герцогу Бургундскому она намекает на гипотетический крестовый поход против неверных (см. с. 118; 285). Кристина Пизанская и Антонио Морозини также говорят о возможности такого похода во главе с Жанной.

Жанна, конечно, не юродивая, но полностью пренебрегать значением данного слова не стоит: в нем, как и в слове *pucelle*, есть элемент добровольной жертвенности и готовности подчинить собственную волю указанию свыше.

Угодница — еще один возможный вариант, в христианстве близкий слову «святая» или сочетанию «божья девица» (ср. «божий человек»). Любопытно, что словосочетание «Божья девица» (*Pucelle de Dieu*) применительно к Жанне встречается в английских хрониках XV в. — к примеру, в хрониках Уильяма Сэкстона и Уильяма Уэрстера (см. LXXX, p. 181.), хотя ни сама Жанна, ни фран-

цузские, ни бургундские хронисты этот вариант не использовали. Надо полагать, англичане дополнили прозвище Жанны уточнением «Божья», не найдя нужного эквивалента в своем родном языке, но желая отразить присущий слову *pucele* оттенок религиозного служения.

Вероятно, вышеуказанный вариант мог бы послужить искомым эквивалентом, но лишь в том, что касается сути отношения субъекта к Богу. Речь идет о неизменном принципе Жанны *Nôtre Sire Dieu premier servi* (Господу Богу Нашему сперва послужив. — А. С.) Во всем остальном, к сожалению, понятия *угодница* и *pucele* не соответствуют друг другу: быть угодницей не означает являться девой и девственницей, что в случае с *pucele* обязательно. Если же выбрать вариант «Божья дева», то спектр значений существенно сузится, оставив место лишь для церковного толкования прозвища Жанны, что было бы неверно.

Блаженная. В русской церкви это понятие почти тождественно понятию *юродивая*, а в католичестве имеет более широкое толкование (ср. *la bienheureuse Vierge Marie* — святая Дева Мария). Но оно, как и слово *угодница*, способно удовлетворить наши требования к эквиваленту лишь частично. Термин *блаженная* обозначает скорее результат деятельности, чем образ действия. Это, скорее, вознаграждение, оценка деяния, посмертная райская слава. Между тем, *pucele* — в большей степени путь служения, т. е. модель поведения и социальный статус.

Если же обратиться к сугубо светской терминологии, то здесь отправной точкой нам послужит крайне любопытное свидетельство духовника Жанны — Жана Пакереля. Вспоминая об испытаниях, которым девушка по приказу дофина подверглась в Пуатье, он сообщает о решении комиссии удостовериться, «*si elle était corrompue ou vierge <...>. Elle fût trouvée femme, et vierge et pucelle*» (была ли она порочна или девственна <...>. Она была сочтена женщиной, девой и *pucele*. — А. С.) (XXI, р. 71). Допустим, можно быть *femme*, не будучи *pucele*. Но, оказывается, есть возможность быть *pucele*, не являясь с необходимостью одновременно *vierge*, — а это уже показательно. Т. е. каждое из этих трех слов имеет отдельное место и значение в вердикте комиссии клириков. Причем дополняя друг друга и усиливая таким образом общее благоприятное впечатление от испытываемой, эти слова все же не представляются полностью взаимозаменяемыми. Стало быть, Жанну признали женщиной, девственницей и ... Кем еще?

Для русского читателя звучит довольно нелепо: женщина, и она же девственница, — т. е., по сути дела, опять-таки Дева. Однако это логическое противоречие можно разрешить, если сосредоточиться на конкретном смысловом контексте рассматриваемых слов: *femme*, *vierge*, *pucele*. Слово *femme* здесь подразумевает не столько качественную характеристику следующего за ним *vierge*, сколько констатацию того факта, что Жанна вообще принадлежит к человеческому роду. Ведь членам комиссии надлежало определить, с посланницей каких потусторонних сил они имеют дело, — ангельских или дьявольских, — следовательно, в отношении Жанны были допустимы самые смелые предположения. Окружающие могли подозревать в ней нечто среднее — не мужчину и не женщину, т. е. существо бесполое, не от мира сего. О возможности такого восприятия говорит известная характеристика девушки, данная Персевалем де Буленвиллье в письме миланскому герцогу Филиппо-Мария Висконти. Де Буленвиллье был камер-

гером и советником Карла VII, т. е. находился в самом центре событий. Он должен был выражать мнение людей, непосредственно общавшихся с той, кого при дворе к тому времени стали считать посланницей Бога.

В письме от 21 июня 1429 г., написанном в самый разгар всеобщей эйфории от свершений Жанны, он сообщает, что девушка эта «красива и хорошо сложена; держится она по-мужски, говорит немного, в речах выражает необыкновенную рассудительность; у нее приятный женский (!) голос. Пьет она мало, ест еще меньше. Ей нравятся боевые кони и красивое оружие. Она любит общество благородных воинов и ненавидит многолюдные сборища. Обильно проливает слезы, [хотя] лицо у нее обычно веселое. С неслыханной легкостью выносит она и тяготы ратного труда, и бремя лат, так что может по шесть дней и ночей подряд оставаться в полном вооружении» (LXXXVII, p. 120).

Заметим, что Буленвиллье как лицо официальное декларировал точку зрения французского двора и не был вполне беспристрастен. То, что его высказывания носят «рекламный» характер и призваны всячески поддержать растущую славу Жанны, а через это и авторитет французского короля, подтверждено всем ходом его дальнейших рассуждений. Они пестрят всякого рода домыслами и стандартными апокрифическими деталями, вроде слухов о рождении девушки, описанном у Буленвиллье как сцена «рождества». Однако его сообщения ценны для нас тем, что ясно характеризуют те *предлагаемые обстоятельства*, в которых рождался образ Жанны, тот угол зрения, под которым ее рассматривали современники. Буленвиллье пишет: «у нее приятный женский голос», «ест она мало, пьет еще меньше», «часто проливает слезы, хотя лицо у нее обычно веселое». Эти странные замечания наводят на мысль о некоей суеверной дистанции, ощущение которой Персеваль передает своему адресату.

Помимо теологической экзаменовки в Пуатье Жанну подвергли другому важному испытанию. Его проведение было возложено на женскую часть комиссии — тещу короля Иоланту Арагонскую и двух дам из ее свиты — де Гокур и де Трев.

Их первоочередной задачей было официально засвидетельствовать, что Жанна является нормальным человеческим существом, а не порождением дьявола. В этом смысле, вероятно, и употреблено в вердикте клириков слово *femme*. Здесь также можно усмотреть и признание того, что Жанна, несмотря на свой мужской наряд, является нормальной женщиной, а значит, не следует опасаться дьявольского наваждения и подмены. В связи с этим стоит упомянуть, что среди окружающих Жанну людей ходили слухи, порождавшие сомнения в ее половой принадлежности. Поговаривали об отсутствии у нее менструаций. Впоследствии, на процессе реабилитации, эти слухи найдут свое отражение в показаниях личного оруженосца девушки, Жана д'Олона. Человек из ближайшего окружения Жанны, он подкреплял собственные наблюдения свидетельствами женщин из ее личной прислуги.

Во-вторых, комиссия Пуатье должна была подтвердить заключение придворных дам о девственности испытуемой. Непорочность была прямым доказательством ее правдивости и безупречности, без чего немислимо было доверить ей столь чудесную миссию как спасение королевства. Кроме того, факт девственности отрицал интимную связь с Дьяволом, а следовательно, демоническую природу ее харизмы. Поэтому в вердикте появляется термин *vierge*.

Наконец, в-третьих, члены комиссии должны были удостовериться, что Жанну можно признать *pucele*.

В данном контексте *pucele* выступает как качественная характеристика, в отличие от первых двух определений, первое из которых носит биологический, а второе — физиологический характер. Вместе с тем, хотя все три слова взаимосвязаны, два первых могут существовать без третьего. А вот чтобы получилась *pucele*, необходимо наличие всех трех определений. Церковники Пуатье признали результат обследования Жанны вполне удовлетворительным, и никто из них не потребовал от девушки разъяснений по поводу выбранного ею прозвища. Однако очевидно, что на данном этапе любое несоответствие между Жанной и ее прозвищем не ускользнуло бы от пристального внимания экзаменаторов. Ведь Жанна претендовала на великую честь стать во главе королевского войска, и значение ее прозвища при этом становилось чем-то вроде официального штандарта.

В протоколах первого заседания Руанского процесса, от 21 февраля 1431 г., зафиксировано: *«in partibus suis vocabata Johannetta et, postquam venit in Franciam, vocata est Johanna, sed de cognomine suo discebat se nescire»* (в своих краях она звалась Жаннеттой, а после того, как пришла во Францию, зовется Жанной, но говорит, что прозвища своего не знает (лат.). — А. С.)

Допустимы два толкования слова *cognomen*: имя или прозвище.

Что же понимала под ним сама Жанна?

Вот ее показания на допросе 24 марта: «Меня зовут Дарк или Роме, ибо в моих краях девочки носят имя матери». Казалось бы, это противоречит ее прежнему заявлению о неведении относительно своего прозвища. Однако возможно, что 21 февраля Жанна имела в виду как раз то бытовое прозвище, о котором мы говорили раньше. Его у нее действительно не было. Она попросту не успела его получить в родной деревне Домреми. Жанна не отрекалась от прозвищ отца и матери, Дарк и Роме, но, видимо, считала их родовыми и не расценивала как свои собственные. Смысл ее утверждения понятен: *Pucelle* не воспринимается ею с тех же позиций, как воспринималось бы Дарк или Роме. Поэтому Жанна не называет его, отвечая на вопрос судей о своем детстве. В Домреми она никогда не была *Pucelle*. Она стала ею лишь тогда, когда представление о будущей миссии обрело в ее сознании законченный вид, полностью тождественный образу *Pucelle*.

Через полтора года необходимость соответствовать избранному клише сыграт с ней злую шутку: едва она окажется в руках англичан, утратив таким образом ореол неприкосновенности и непорочности, — как выпадет из зоны внимания большинства своих недавних сторонников. Общественное мнение на долгое время роковым образом парализуется. Благородный порыв Жака Желю, составившего в тот период свои знаменитые «Три молитвы об освобождении Девы», а также регулярные городские процессии орлеанцев, моливших Бога о спасении своей героини, остались без должного отклика. Конечно, это во многом было вызвано тем, что король резко прекратил пропагандистскую деятельность в пользу Жанны. Тот факт, что деятельность подобного рода велась на первых порах силами двора и церкви, сомнений не вызывает. Однако прежде всего причину краха многие увидят в поведении самой Жанны, в ее отступлении от правил игры, т. е. собственно в отступничестве от образа *Pucelle*. При этом для

нас все более очевидным становится зерно данного образа, а именно: служение, смирение, подчинение. Ведь, как бы то ни было, *pucelle* всегда остается *служанкой*, и будь ее господином Бог или иной властитель, она — лишь медиум, орудие высшей воли. Оттого с неоспоримой логикой прозвучал летом 1430 г. официальный отклик двора на пленение Жанны. Устами Реньо де Шартра, архиепископа Реймского, было провозглашено: «Она не желала внимать никаким советам и все делала по-своему <...>. Она впала в гордыню из-за богатых одежд, кои надела, и из-за того, что творила не то, что велел ей Бог, но лишь собственную волю» (LXXXIV, р. 146). Увы, в глазах окружающих, Жанна преступила заповедь совета, одного из семи даров святого Духа. Это значило нарушить завет смирения, т. е. выйти за пределы образа *Pucelle*, несовместимого с грехом гордыни. Стоило ей сделать это, как удача отвернулась от нее.

«Дневник Клемана де Фокемберга», секретаря Парижского Парламента, который фиксировал все значительные события, происходившие во Французском королевстве с 1417 по 1437 г., великолепно иллюстрирует вышесказанное. Последовательно занося в свой «Дневник» все, что доносила молва об эпопее Жанны, де Фокемберг всякий раз именует героиню по-разному, выдавая тем самым и перемену своего собственного к ней отношения. Так, 10 мая 1429 г., почти сразу после орлеанской победы Жанны, он пишет: «некая *pucelle* со знаменем в руках»; 14 июня, после победы французских войск под Жаржо — то же самое; 28 июня, в разгар Луарской кампании, на страницах его «Дневника» появляется *la Pucelle*, т. е. уже не «некая», а совершенно определенная *Pucelle*; 8 сентября, после поражения войск Жанны в Сен-Дени, Фокемберг записывает: «некая женщина, которую звали *la Pucelle*»; после пленения Жанны 23 мая 1430 г. под Компьенью он становится все более осторожным в формулировках: «некая женщина, которую люди означенного мессира Карла звали *la Pucelle*»; и, наконец, сообщая о смерти Жанны, секретарь Парламента выносит свой приговор: «Жанна, которая называла себя *la Pucelle*» (LXXXIII, р. 245).

Говоря о силе смыслового клише *pucelle*, полезно вспомнить показания земляков Жанны на процессе реабилитации. Они с редким единодушием игнорировали любые детали, способные пролить свет на особенности жизни будущей героини. Все они словно пользовались единым трафаретом, настаивая на благообразной ординарности ее деревенского бытия. Будучи всего лишь Жаннеттой, — а для них она ни кем иным стать и не успела, — их соплеменница ничем не выделялась из общей массы. Жители Домреми сохранили в своей памяти на удивление мало примечательного о ее детстве. Все их воспоминания на эту тему носят усредненно-безликий характер, они сведены к единому образцу: к идеалу примерной христианки — скромной, работающей, лояльной. Зато когда на дороге в Шинон появляется *Pucelle*, она мгновенно становится центром всеобщего внимания, и с этого времени показания свидетелей содержат все более и более богатую информацию о ее жизни. Люди начинают видеть в ней не Жаннетту, а *Pucelle* — личность, пришествия которой страстно ждали в лихую для Франции годину.

В отечественной историографической традиции, — надо сказать, довольно скупой на фундаментальные исследования этого сюжета, — принято было до сих пор переводить *la Pucelle* как *Дева*. Эту чисто литературную форму использовали В. И. Райцес и А. П. Левандовский. Но им пришлось работать в услови-

ях историографического вакуума и прежде всего решать глобальные задачи, т. е. заниматься научной популяризацией своей темы в целом. Они использовали привычный литературный вариант перевода, не считая его критику актуальной и не заостряя внимания на его исторической точности. Однако теперь, когда читателю становится доступным основной источник по изучению истории Жанны д'Арк, очень важно понять, какой огромный смысл сама героиня и ее современники вкладывали в скромную на первый взгляд форму *la Pucelle*.

Если мы переведем термин *pucelle* как *Дева*, интерпретация останется ущербной. Чтобы быть Девой, необходимо принадлежать к женскому полу и быть девственницей. С этим все в порядке. Но вот третьему важному условию такой вариант никак не удовлетворяет. Речь вновь идет об оттенке служения, который так хорошо передал Франсуа Вийон, назвав Жанну *la Pucelle de Dieu*.

Так как слово *pucelle* в современном французском языке имеет несколько архаическое звучание, необходимо найти русский эквивалент с той же долей архаичности. В русском языке сохранился вариант *барышня* и в рамках языковой практики дореволюционной России, он, возможно, был бы близок к оригиналу. Но, увы, в старофранцузском языке уже присутствует ближайшая по значению к слову *барышня* форма *demoiselle*, означавшая, видимо, просто вежливое обращение к молоденькой незамужней женщине (муж. *demoisau*). Кстати, этот вариант тоже встречается в источниках применительно к Жанне, правда, большей частью не французских — например, в Хронике Антонио Морозини. Надо думать, это не случайно: понятие *Pucelle*, перенесенное на иноземную почву, теряет свой символический подтекст, будучи продуктом национальным. Однако самое главное отличие понятия *барышня* от *pucelle* заключается, безусловно, в социальном подтексте. Барышней изначально называли дочь боярина, т. е. девушку благородного происхождения, так же как *demoiselle* (ср. с *damoiselle* и *dame*). Со временем в обоих языках социальный подтекст данного слова стал почти незаметен, но все же искомого «оттенка служения» в слове *барышня* не появилось. *Pucelle*, в отличие от *барышни*, могла быть только простолюдинкой. Даже Богородицу иногда называли именно так, желая подчеркнуть ее простоту. Ведь Дева Мария была женой плотника.

Говоря о Деве Марии, мы употребили привычный для русскоязычных биографов Жанны термин *Дева*. Но именно здесь кроется главная опасность, ибо русскому слову *Дева* традиционно соответствует *la vierge*. Оно не служило синонимом *la pucelle*, о чем свидетельствует частое употребление этих слов с разной смысловой нагрузкой в одном словесном ряду. Вряд ли Жанне могла прийти в голову кощунственная мысль назваться Девой — *Jeanne la Vierge*! Это стало бы посягательством на славу Девы Марии и святых дев — признанных католической церковью небесных девственниц. Но ведь и на Руси мы не встретим Дев, а только юродивых, блаженных, людей божьих, святых и угодниц. Причина столь же очевидна: как и на Западе, здесь знали одну Деву — Богородицу.

Жанна и ее соплеменники вкладывали в имя *Pucelle* несколько иной смысл, чем тот, который заключен в слове *Дева*. Для русского человека использование последнего применительно к Жанне означало бы семантическую ошибку. Если воспринимать слово *Дева* в его светском значении, оно звучит слишком физиологично, если же в церковном — кощунственно. Скорее, его следовало бы заменить на более скромное *девушка* или *дѣвица*.

На первом из этих вариантов остановился князь С. С. Оболенский, представитель русской диаспоры в Париже, историк, который посвятил Жанне обширную монографию. Можно было бы воспользоваться его формой перевода, но, к сожалению, автор, сохраняя изысканный литературный слог, несколько консервативен, из-за чего теряется живая связь с современным русским языком. Слово *девушка* в современном русском языке не отвечает необходимым условиям, которые позволили бы сделать его эквивалентом старинного *pucelle*. Во-первых, оно звучит слишком общо и универсально, что роднит его с французским *fille*. Во-вторых, оттенок служения, сокрытый в нем, несколько иного рода: это обращение, используемое в сфере обслуживания, т. е. вариант французского *[ma]demoiselle*.

Почему же мы предлагаем остановить свой выбор на втором варианте — *девица*?

Прежде всего, он для нас так же понятен и содержателен, как *la Pucelle* для французов XV в. В обоих словах отсутствуют каноничность и монументальность, присущие слову *Дева*. Вместе с тем, слово *девица*, такое привычное на первый взгляд, обладает весьма широким спектром значений. В нашем понимании *дэвица* — это *девственница*, и тогда ей соответствует *la vierge*; *молодая особа женского пола*, — *la fille*; *порядочная незамужняя женщина*, — *demoiselle*; *прислуга*. Все это приводит нас к искомому эквиваленту *Pucelle*, в котором некоторая архаичность звучания в рамках современного французского языка сохраняется так же, как и в русском *девица*.

Единственное, что придется добавить к понятийному объему слова *дэвица* — это религиозный подтекст. Но для человека Средневековья он почти неотделим от идеи служения в его христианском понимании, т. е. служения Верховному сеньору, а через него и всему люду. Служение как христианская добродетель — это стремление угодить Богу свершением благих дел. В этом смысле слово *дэвица* близко понятию «угодница», которое мы рассмотрели выше.

Итак, термин *дэвица* оказывается по смыслу и тональности значительно ближе к *la Pucelle*, чем *Дева*, *Девушка* и *Девственница*. Поэтому мы остановимся на этом, пусть непривычном, но зато наиболее адекватном варианте перевода — Жанна-Девица.

ПРОСТРАНСТВО ПРАВА В ИСТОРИИ ЖАННЫ Д'АРК

Genius loci

Историко-географические особенности региона Домреми

«Святые рождались и жили в самых разных местах, — писал Альбер Гарро, — но Людовик Святой принадлежал к особой земле, и свои героические титулы он завоевал не вопреки этому факту, а в полной связи с ним. Связь между Людовиком Святым и его королевством — основная часть его призвания» (XXXIV, с. 29).

О Жанне д'Арк можно было бы высказаться точно так же.

«Затем, спрошенная о месте своего рождения, она ответила, что родилась в деревне Домреми, которая едина с деревней Грё, и именно в Грё находится главная церковь» (XX, р. 38).

Домреми... Пограничье королевства и империи, издревле бальяж герцогства Бар, превоства Гондрекур, а при Жанне так называемое *Barrois mouvant* — зависимое Барруа. Со времен Брюггского трактата 1301 г. этой областью на востоке Франции напрямую управлял король. Впоследствии она стала шампанским превоством и бальяжем Шомон-ан-Бассиньи.

Само Домреми долгое время принадлежало шампанским и лотарингским Бурлемонам, но последний из них, Пьер де Бурлемон, умер в 1412 г., не оставив прямых наследников. По счастью, сестра его, Жанна, прежде чем умереть в 1410 г., успела родить дочь от брака с сиром Андре де Жуанвиллем. К этой дочери, Жанне де Жуанвилль, и перешло по наследству Домреми. Но племянница Пьера де Бурлемона, Жанна де Жуанвилль, скончалась не ранее 1431 г., стало быть, именно она оставалась владелицей (*chatelaine*) Домреми в интересующее нас время (см. XX, р. 66, п. 3). Именно ей жители Домреми были обязаны счастливым возвращением скота, угнанного рутьером Анри д'Орли в 1425 г., когда повсюду царили голод и разорение. Для понимания исторического контекста, в котором формировалась личность Жанны, важно отметить, что перед ее глазами с самого детства был пример активной женщины, способной эффективно управлять.

Родись Жанна несколькими веками ранее, она, вероятнее всего, была бы дочерью сервов аббатства святого Ремигия. Появись она на свет раньше всего лишь на век, — быть ей под властью славных Жуанвиллей. Знаменитый представитель этого рода, Жан де Жуанвилль, был автором «Жития св. Людовика». Известно, сколь крепка была связь сенешаля Нормандии с легендарным монархом. «В 1253 г., в Яффе, он стал человеком короля, с которым вскоре связал себя узами живейшей дружбы <...>. Он был свидетелем в ходе процесса канонизации Людовика IX, и французская королева Жанна Наваррская, жена Филиппа Красивого, попросила его написать для нее житие святого Людовика <...>. При этом говорили, что “есть сомнения, не описал ли он более жизнь собственную, нежели святого Людовика, ибо жизни их были, по правде говоря, сплавлены в единое целое” (“Рукопись Истории княжества Жуанвилль”, 1632 г.)» (X, р. 69). Жуанвилли владели крепостью Вокулёр, в зависимости от которой находилось и Домреми, но в 1335 г. король обязал их передать этот важный военный пункт ему. Взамен Жуанвилли получили Мерси-сюр-Сен. Правда, в 1358 — 1365 гг. Вокулёр был отдан королем Карлом V в пожизненное владение сенешалю Шампани и графу Водемонскому Генриху, но после смерти последнего крепость была окончательно присоединена к королевскому домену.

Св. Людовик и наследие Жуанвиллей

Сюжет о Жуанвилле мог бы оказаться чуждым данному исследованию, если бы не был связан с мистическим чувством близости к королевской особе, которое веками хранили жители Барруа. Пограничное положение Домреми лишь

укрепляло это чувство, а постоянная угроза нападения бургиньонов усиливала стремление хранить верность своему прямому сеньору — королю.

Через всю жизнь пронес сир де Жуанвилль эту крепкую связь вассала со своим сеньором — основу основ рыцарского общества. Безусловно, Жуанвилли сохранили память об этом и после того, как Вокулёр стал частью королевского домена. Сердечная дружба не просто с идеальным королем, но с единственным святым монархом французской земли (если не считать фольклорного saint Charlemagne, т. е. св. Карла Великого) должна была считаться звездным часом рода, и всякий рыцарь позаботился бы о том, чтобы столь славное предание переходило из уст в уста как реликвия. Поэтому неудивительно, что представление Жанны об идеальной монархии формировалось под влиянием легенд о Людовике IX Святом и о его почитаемом предке, Карле Великом. Подтверждением этому служат показания Дюнуа, запомнившего слова Жанны, сказанные ею под Орлеаном: «... ибо я несу вам лучшую помощь из тех, что когда-либо были дарованы воину или городу, сие — помощь Царя небесного. Однако она нисходит не ради любви ко мне, но от Бога, который, по просьбе святого Людовика и святого Шарлеманя, смиловился над городом Орлеаном и не потерпит [более], чтобы враги держали в неволе сеньора Орлеанского и владели его городом». И далее: «Сия юная девушка утверждала, что имела видение святого Людовика и святого Шарлеманя, кои молили Бога о спасении короля и сего города» (XXII, р. 4–5).

Исследуя французскую этическую мысль Средневековья, Ж. Дюби писал: «Именно Людовик Святой осуществил идею королевской власти во всей ее полноте — такой, как она сформировалась в средневековом сознании <...>. С ранних лет получивший подобающее воспитание под властной опекой матери, сызмальства приученный к постоянному чтению Священного писания, он, подобно Иисусу, посещал бедняков» (XLII, с. 148). Как писал Жуанвилль: «Он вверг свою плоть в пучину приключений, возглавив последних крестоносцев и ведя упорную борьбу во славу Божию против неверных. Победоносный вначале, а затем разбитый, плененный, подобно Святому Петру, он, как только был освобожден, отправился поклониться поочередно всем святым местам в Палестине» (там же).

Нетрудно усмотреть в этих текстах прямые аналогии поведению Жанны. Множество свидетелей упоминает о ее усердной заботе о бедняках и жадной восприимчивости к проповеди. Она также «ввергает свою плоть в пучину приключений», переживает триумф и плен. Она, как и св. Людовик, помышляла о крестовом походе — намек на это мы видим в послании к англичанам, которое было составлено в апреле 1429 г. Для Жанны король Людовик был не просто королем, но истинным святым, а стало быть, предание о нем, хранимое в старых землях Жуанвиллей, было для нее *образцом* (exemplum), побуждающим к действию.

Этический кодекс Людовика Святого запечатлен в его знаменитом «Наставлении», и Жанна будет следовать ему буквально во всем. «Если вы будете страдать от болезни или от чего-либо иного, от чего вы сами не можете избавиться, переносите это кротко и благодарите за это Господа, и принимайте это от него доброй волей <...>. Имейте жалостливое сердце ко всем людям, о которых вы услышите, что они в беде, сердцем или телом, и охотно помогайте им <...>.

Вы не должны, повинуюсь кому-либо, идти против Бога <...>. И если вы будете уверены, что не получите награды за добро, которое делаете, и не будете наказаны за зло, которое делаете, вы все-таки должны стараться всем сердцем не делать того, что негодно Господу, и делать то, что Ему угодно, как только вы можете, единственно из любви к нему». Жуанвилль пишет: «И когда он хотел сказать что-нибудь утвердительно, говорил: "Действительно, это так". <...> Никогда я не слышал, чтобы он назвал дьявола, чье имя весьма распространено в королевстве» (X, p. 90). «Не терпи, чтобы говорили при тебе ни слова против Бога и его святых», — увещевает Людовик в своем «Наставлении», и Жанна в точности будет следовать его завету, пресекая сквернословие во французском войске. «Будь сердцем мягок и милостив к беднякам, к немощным и несчастным, укрепляй их и помогай им в меру твоих сил», — учит Людовик (Ibid., p. 90). «Бедняки охотно приходили к ней, поскольку она не доставляла им никакого огорчения, но скорее поддерживала их по мере своих сил», — передает руанский протокол слова Жанны (XX, p. 96).

Святой король учит опираться в жизни только на совет и помощь *достойного* — «Исповедуйся часто и возьми себе в исповедники достойного человека (*prends pour confesseur un prud'homme*), который сумеет явить тебе, как должно поступать и чего следует беречься. <...> Если ты сокрушен сердцем, выскажи сие сперва твоему исповеднику или достойному человеку (*à un prud'homme*), который не был бы склонен к пустословию; тебе от того станет легче» (X, p. 90). На допросе 17 марта 1431 г. Жанна, в точности следуя этому совету, характеризует явившегося ей святого Михаила так: «*il était en la forme d'un très vrais prud'homme; et de l'habit et des autres choses elle ne dira rien de plus*» (он был в виде истинно достойного человека, а об одеянии и прочих вещах она не скажет ничего более. — А. С.). Разумеется, Жанна не могла читать наставлений Людовика IX, но этого и не требовалось: по всей видимости, общественное сознание в эпоху Жанны уже настолько прочно связала память о святом короле с теми моральными установлениями, которые он проповедовал, что эта неразрывная связь стала фактом устной традиции.

Житие св. Людовика передавалось из уст в уста, а историческая близость Домреми и земель Жуанвиллей вполне могла способствовать возникновению особо трепетного отношения Жанны к легенде о великом короле.

Общность этических позиций св. Людовика и Жанны выявляется и в самом главном — в сохранении интимности «тесного оммажа» Сеньора с его подданным. В глазах Церкви такая близость была почти ересью, поскольку представляла угрозу ее собственному авторитету. «Единовластия на небе соответствовало единовластие на земле <...>. Не занимал ли коронованный король в этом мире в точности то же место, которое в Раю занимает Христос, являющийся источником всякой власти и всякого правосудия. Будучи твердо в этом убежден, Людовик Святой, как бы далеко он ни заходил в своем мистицизме, никогда не уступал притязаниям духовенства и почтительно, но непреклонно держался перед другим, противостоящим ему монархом — Папой» (XLII, с. 152). Той же позиции придерживается Жанна: «Она ответила, что пришла к королю Франции от Бога, блаженной Девы Марии и всех святых рая, и вышней торжествующей Церкви, и по их повелению; сей Церкви она и вверяет все свои благие дела и все, что совершила и совершит» (XX, p. 139). Подчинение вышней Церкви,

которая есть единое целое с Богом, для нее идентично подчинению голосам, а Церковь земная в ее глазах легитимна только при условии, что ее требования не противоречат голосу от Бога.

Людовик и Жанна мыслили в рамках одной этической концепции христианского государства, хотя представляли собой два крайних социальных полюса. Неспроста по сторонам от портала церкви Сакре-Кёр, купол которой парит над Монмартром, стоят на страже именно эти две конные фигуры: Жанна и св. Людовик.

Теснейшее взаимодействие с небесным Сеньором, которое было для Жанны в порядке вещей, напоминает отношения тесного оммажа между вассалом и его господином. Как известно, тесный оммаж, в отличие от простого оммажа, предполагал, что вассал обязан своему сеньору прежде всего воинской службой. Следовательно, он должен быть готов отдать жизнь за своего сеньора. В свою очередь, он был вправе ожидать от сеньора защиты и опеки, и между ним и сеньором устанавливались отношения взаимной любви и верности.

Лотарингия или Барруа?

Формально родиной Жанны следует считать Барруа, а не западную Лотарингию, но над Домреми стояли владетельные сеньоры Бурлемон — старый лотарингский род (XX, р. 66, п. 3). «Когда замок Иль был обитаем, — вспоминает на процессе реабилитации Изабеллетта д'Эпиналь, — сеньоры и их дамы приходили на отдых к Дереву Дам <...>. Иногда в летнюю пору они приводили своих девочек и мальчиков; я знаю сие, ибо когда-то сопровождала сира Пьера де Бурлемона и его жену, каковая была из Франции, а порой и других девушек и юношей из той же деревни» (XXI, р. 270).

Из текста этого документа следует, что сир Пьер де Бурлемон считался все-таки лотарингским сеньором, поскольку Изабеллетта уточняет, что жена его, Беатрис, была родом из Франции. Кроме того, из показаний Изабеллы д'Эпиналь явствует, что замок Иль, который актом от 2 апреля 1420 г. был сдан на девять лет в аренду отцу Жанны, Жаку д'Арку, и Жану Биже, являлся родовым замком Бурлемонов. Наконец, из показаний Изабеллы следует, что, по обычаю, сеньор не чурался близкого общения со своими вилланами. В быту непроезжей границы между ними не существовало, коль скоро прогулки, о которых вспоминает Изабелла, были в порядке вещей.

Таким образом, признавая юридическую принадлежность Барруа к французскому королевству, нельзя забывать, что кутюмы этой земли — лотарингские, и именно они во многом повлияли на формирование личности Жанны. Поэтому, вполне естественно, что первыми, кто поверил в нее, были два лотарингских оруженосца — Жан де Мец и Бертран де Пуланжи.³ Впоследствии они станут ее ближайшими соратниками.

Исследуя вопрос о формировании ложного представления современников о Жанне как уроженке Лотарингии, П. В. Крылов называет три фактора, послуживших тому причиной. Прежде всего, это пророчество Мерлина о деве из «леса Канута», который современники сочли прообразом леса Буа-Шеню близ

Домреми. Затем, — периферийное положение Лотарингии: оно делало ее гранью, за которой возможно чудесное. Наконец, — поездка Жанны перед отъездом в Шинон к герцогу Лотарингскому: этот визит наводил на мысль о лотарингском происхождении девушки (XLIV, с. 13).

Однако леса росли вокруг любой деревни, да и спрашивали о лесе близ Домреми лишь на процессе осуждения, а на кассационном процессе никто из земляков об этом не упоминал. Визит Жанны к герцогу Лотарингскому также не получил широкой огласки. Это понятно: названный государь в те времена придерживался политики враждебного нейтралитета по отношению к дофину, и вряд ли весть о хорошем приеме, который он оказал девушке, могла быть использована в пропагандистских целях сторонниками Карла Валуа.

Видимо, само ее поведение, язык, образ действий, — то, что столь ценно и порой трудноуловимо в письменном источнике, — выдавали в ней уроженку именно Лотарингии. «Спрошенная, знает ли она что-нибудь о тех, кто летает вместе с феями, ответила, что никогда того не делала и ничего о том не знает, но слышала, что это бывает по четвергам» (XX, р. 145). Как известно, в Лотарингии четверг является, по общим представлениям, днем шабаша (см. XX, р. 145, п. 2). Однако, что особенно важно, ее поведение свидетельствует о том, что все это не мешало ей считать себя французской подданной, ибо в ту эпоху ощущение подданства было совершенно наднационально и имело под собой правовую, а не национальную основу.

Весьма характерно, что в 1428 г., когда Жанне удалось выиграть судебный процесс, затеянный против нее неким «парнем из Туля» за ее мнимый отказ от брачного обещания, она идет именно в лотарингский Туль. Домреми, будучи баном Грё, относилось к этому диоцезу. Стоит подчеркнуть, что устоявшаяся в историографии формулировка «парень из Туля» достаточно условна: ничто не подтверждает тульского происхождения жениха Жанны. Он мог быть уроженцем любой деревни близ Домреми и вызвал ее в Туль лишь по той причине, что именно в этом городе находился духовный суд. Любопытен и следующий пассаж: «Далее она призналась, что, из страха перед бургиньонами, покинула отчий дом и пошла в Нефшато, в Лотарингию, к некоей женщине по имени Ла Русс, где пробыла около пятнадцати дней» (XX, р. 45). Но Нефшато был провозглашен присоединенным к короне в 1412 г. (см. XX, р. 45, п. 1), т. е. давно мог называться французским. Жанна, жившая по лотарингским кутюмам, не чувствовала никакой путаницы в вопросе о своем французском подданстве, ибо не земля как таковая, но сугубо личные отношения рождают принцип сеньории. «Я пришла сюда, в палату короля, чтобы говорить с Робером де Бодрикуром», — заявит Жанна капитану Вокулёра, видя в нем непосредственного подчиненного дофина Карла.

Францисканское влияние

Как видим, Жанна совершенно четко осознает и свое право апеллировать к сюзерену, и механизм реализации этого права. Она действует в соответствии с законом «прямого», или «тесного», оммажа, который жители Домреми, нахо-

дившиеся под властью капитана Вокулёра, признавали в отношении дофина Карла. Стоит подчеркнуть, что совсем рядом, по другую сторону разделявшего Домреми ручья, никто этого закона не признавал.

Положение Вокулёра, который Р. Перну назвала аномалией, было уникальным. Обитатели крепости упорно хранили верность дофину, находясь среди бургиньонских земель. Эта верность имела под собой прочную основу: она была результатом долгой практики тесного оммажа жителей Вокулёра с их непосредственными сеньорами — королями Франции.

Этот принцип времен Людовика Святого, перенесенный на землю Домреми Жуанвиллями, безусловно, подкреплялся духом францисканства.

«Францисканский след» в жизни Жанны отмечен многими историками. Он подтверждается рядом прямых и косвенных свидетельств, и их наличие подтолкнуло многих исследователей к крайним выводам. М. Лами, Р. Амбелен, Ж. Гримо и даже авторитетный и достаточно консервативный историк С. Люс полагали, что именно францисканцы инспирировали поступки Жанны или даже разыгрывали перед ней сцены откровений.

Действительно, природа веры у Жанны сродни традициям раннего францисканства. Собственно говоря, это евангельские традиции, согласно которым интимная связь с Богом не замутнена строгой необходимостью церковного посредничества. Общение происходит почти на равных: «Как ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино», — говорит св. Франциск. В Руане мировоззрение Жанны не сможет вместить идеи о двух церквах — Церкви Воинствующей и Церкви Торжествующей, и она упрекнет ассессоров за это.

В вопросе руанских судей о единстве двух церквей легко уловить отголосок бурных канонических правовых споров на пороге Нового времени о принципах взаимосвязи между правом внутренним и правом внешним. Историк церкви Либеро Джероза назвал этот конфликт «неизлечимым экклезиологическим дуализмом» между *ecclesia abscondita* или *spiritualis* (сокрытой или духовной Церковью) и *ecclesia universalis* или *visibilis* (вселенской или видимой Церковью) (см. ХLI). Как видим, в эпоху процесса над Жанной этот существенный дуализм уже четко осознавался теологами и канонистами, оставаясь за пределами понимания Жанны, высшим авторитетом для которой являлся только Бог, а земная церковь была инстанцией вторичной. Спустя век Лютер сделает эту проблему краеугольным камнем своей реформы, отвергнув супрематия канонического права в вопросе спасения человеческой души.

Что же касается Домреми, то понимание принципов веры исходило здесь по сути дела именно от францисканцев и их ближайших братьев по вере — августинцев. Похоже, все монахи, знакомые Жанне в детстве, принадлежали к одному из этих двух орденов, духовные традиции которых, безусловно, оказали сильное влияние на формирование ее мировоззрения.

В англо-бургундской Франции, как отмечает С. Люс, «преследованием ереси ведал доминиканец Жан Граверан, но именно францисканцам — Антуану Эло, Пон Фрежерону, Пьеру Фабру — папы Бенедикт XIII и Мартин V передают последовательно свои полномочия по делам веры в Лионне, Дофинэ и Провансе, т. е. в землях, подчиненных Карлу VII или его теще Иоланте» (LXXXII, p. 166). Но дело даже не в высших иерархах, а в той частой сети миноритских монастырей, которая покрывала восточную Шампань и западную Лотарингию.

Среди священников, с которыми общалась Жанна до своего ухода в Шинон, других попросту не было. Ее первый духовник, кюре Гийом Фронте из Нефшато, был кордельером (другое название миноритов) и считал, что «Жанна была доброй католичкой, и никогда он не знал лучшей» (XX, р. 46, п. 1). Сама Жанна говорила, что «когда кюре был занят, она исповедовалась другому священнику, с разрешения своего кюре» (XX, р. 46).

Очевидно, тот, другой, также был из нищенствующего ордена, иначе он не заменял бы с такой легкостью Гийома Фронте. По-видимому, оба они имели прямое отношение к монастырю кордельеров в Нефшато, который Жанна не раз посещала: «Несколько раз, два или три, как ей кажется, она исповедовалась у монахов в Нефшато» (Ibid.). Даже кольцо, подаренное Жанне в детстве отцом или матерью, выглядит вполне францисканским — на нем были имена Иисус — Мария. Логично, что следующий значимый в ее жизни священник, ее личный капеллан Жан Пакерель, будет представителем нищенствующего ордена, августинцем. Кстати сказать, и в соседнем с Домреми Бриксе, где Жанна часто бывала, находился августинский монастырь.

Появление брата Пакереля в жизни Жанны вообще довольно любопытно и достойно пристального внимания. Этот вопрос мало изучен из-за ошибочного отождествления Пакереля с духовником, присланным к Жанне матерью. На самом деле августинец вовсе не был послан в Тур Изабеллой Роме. Мать Жанны послала к ней некоего Никола из Вутона, своего родственника, который далее будет участвовать в формировании *maison militaire* Девыцы в качестве ее личного казначея. По всей видимости, Изабелла Роме послала его к Жанне в знак того, что она благословляет дочь и прощает ее за самовольный уход из дому.

Пакереля же, напротив, доставили люди дофина, почти силком, о чем он и сообщает в своих показаниях на процессе реабилитации. Его персона заслуживает внимания, ибо он соединял в себе функции личного капеллана, духовника и, что особенно важно, секретаря Девыцы. Следовательно, большая часть посланий Жанны, дошедших до нас, написана и отредактирована именно им и несет на себе отпечаток его личности.

Доверие Жанны к Пакерелю несомненно. Люди, которые доставили священника, обратились к ней со словами: «“Жанна, мы привели к вам сего почтенного отца; когда вы узнаете его хорошо, вы его очень полюбите”. Жанна ответила им, что очень рада его видеть, что уже слышала о нем и что хочет исповедаться ему на следующий день. Назавтра он выслушал ее исповедь и отслужил мессу в ее присутствии; с тех пор свидетель всегда следовал за нею и сопровождал до города Компьень, где она была пленена» (XXII, р. 71). Жанне приходилось возлагать на него ответственность за оформление своих важнейших государственных посланий, а ведь они были больше, чем официальными бумагами, они были прокламацией ее божественной миссии и богоизбранности ее монарха. Поэтому вполне понятно, что фигура Пакереля появилась не спонтанно — французская элита, занимавшаяся формированием «кабинета» Жанны, должна была позаботиться о достойном секретаре.

Интересно проследить, как изменились взаимоотношения Жанны и ее капеллана, когда девушка заметила разницу между ее видением собственной миссии и той скромной ролью, которую ей позволяли играть в действительности. Не секрет, что после Луарской кампании и коронации дофина в Реймсе разли-

ца между тем, как Жанна понимала свою миссию, и тем, какие полномочия были ей предоставлены королем, становится все более ощутимой.

Ярким документальным подтверждением этому служат десять посланий, сохранившихся в различных коллекциях. Мы располагаем их полным текстом и можем подвергнуть их внешней критике. Внимание привлекает одна хронологически обусловленная закономерность: чем позже написана государственная бумага, тем реже встречается в титуле клерикальное францисканское *Jesus Maria*; но зато все чаще встречается под письмом подпись самой Жанны. Сначала это довольно неуклюжий росчерк пера, а затем — в третий раз — уже уверенная и красивая роспись. Тот факт, что в зимние месяцы 1429–1430 гг. она явно научилась писать (пусть только свое имя), говорит о ее твердом намерении сохранить инициативу и не уступать никому своих мессианских полномочий. «Она сказала также, что никогда никто из сеньоров не диктовал этих писем, но она сама их диктовала, прежде чем отправить; однако, их показывали некоторым из ее сторонников» (XX, р. 83).

Возможно, они тоже соглашались, что такое сопровождение документов сакральной верификацией *Jesus — Maria* вполне разумно. Но инициатива явно шла от Пакереля и его заместителей: «Спрошенная, для чего служил знак [креста], каковой она ставила на своих посланиях; а также имена ИИСУС МАРИЯ, ответила, что их ставили туда клирики, писавшие ее послания; и некоторые говорили, что подобает ставить два сих имени: ИИСУС МАРИЯ» (XX, р. 143).

Видимо, по мере того, как после Реймса Жанна перестала ощущать поддержку официальных кругов, ее отношение к «клирикам» также утратило былую интимность.

По мере того, как Жанна теряла доверие двора, она все больше стремилась к самостоятельности, поскольку отныне могла полагаться лишь на саму себя. С этих пор ни она сама, ни клирики, ни король не чувствовали и не признавали за ней безусловной поддержки неба. Харизма Девы в ее изначальном, блистающем виде начала к тому времени тяготить недавних покровителей. Последние, по всей вероятности, и ранее не слишком доверяли ее откровениям, а после успешной коронации дофина и вовсе не склонны были способствовать росту ее популярности. И ни Жанна, ни ее окружение отныне не рисковали ставить священные имена в заголовок все менее и менее легитимных, с точки зрения двора, посланий.

Вернемся к общности францисканской доктрины и идеи справедливо-го государства, которую некогда стремился осуществить св. Людовик. Неслучайно средневековый идеал справедливого монарха запечатлен на флорентийской фреске церкви Санта-Кроче в образе св. Людовика, опоясанного веревкой св. Франциска. В последующие столетия его часто станут изображать с атрибутами францисканства, храня память об исключительной симпатии французского короля к нищим братьям. Людовику Святому удалось приблизиться к осуществлению идеала христианского государя эпохи высокого Средневековья, т. е. примирить в своем лице два пути служения Богу: церковный и светский. Не стоит забывать, что родоначальник францисканской этики, сам Франциск Ассизский, парадоксальным образом сочетал в себе наследие всех трех сословий: выходец из купеческой семьи, истово влюбленный в идеалы французского рыцарства, он стал монахом и взял посох проповедника.

Духовная парадигма Бог — Служение — Индивид имеет свою светскую параллель в формуле Суверен (Дама) — Служение — Вассал. У рыцарства и монашества — общая ось: служение Богу различными путями. Светские рыцарские ордена создавались по примеру монашеских, и члены таких орденов не давали обетов церковных, но давали светские. Часто светские ордена назывались не только *ordo*, но и *religio*, по примеру орденов духовных. Члены и тех и других, давая обеты, были обязаны патрону верностью и служили своему Сеньору.

Таким образом, родство светского и духовного служения коренилось в общей для всего средневекового общества этической парадигме, построенной на идее и духе сеньории как таковой. При этом вассальный договор должен быть скреплен не только законом, но и верностью по взаимной любви. Идентичность этого принципа с евангельским заветом «возлюби Господа Бога своего» очевидна. «Многие живут в покорности более по нужде, чем по любви, — сетует августинец Фома Кемпийский. — Таковые остаются неудовлетворенными и удрученными по малейшему поводу; они никогда не обретут душевного покоя, куда от всего сердца не предадут себя покорности из любви к Богу» (XXV, I, сар. 9). Это христологическое оправдание нравственности, которая помогает спасению души мирянина, породило любопытный феномен полусветских орденов: доминиканцев-мантеллатов, беггардов и бегинок, францисканцев-терциариев. В глазах многих современников члены этих орденов балансировали на грани между ересью и дозволенной свободой вероисповедания, поскольку они выпадали из принятой трехчастной структуры общества: *oratores* — *bellatores* — *laboratores*, т. е. молящиеся — воины — труженики.

Инквизиционные процессы тщетно пытались добиться от них ответа, являются ли они собственно мирянами или полноценными монахами. Но и они, и приверженцы современного им движения *Devotio moderna* (Новое благочестие), практиковали евангельские заветы именно в миру, вне монашеского анаторезиса. Подобную же социальную позицию демонстрирует Жанна: она не рыцарь, хотя многие представители рыцарства готовы включить ее в собственный этос, признавая своей; она не монахиня, хотя никто не препятствовал ей уйти в монастырь и молить Бога о спасении Франции и дофина; она даже не крестьянка, ибо отказалась от работы, «на которую всегда найдется много других». Но она парадоксальным образом нечто четвертое, принимающее на себя любую из этих функций по мере необходимости и осознающее себя вправе поступать именно так. Поэтому столь важно верное понимание имени *puelle*, ибо с правовой точки зрения оно отчетливо запечатлело социальную позицию Жанны, избранную ею самой и воспринятую обществом.

Францисканская легенда, как убедительно показывает Катберт в своем «Романтизме святого Франциска», фокусируется на личности христианина в контексте его прямой связи с творцом. Исходя из этого, францисканское предание формулирует три основных жизненных правила, которые могут быть названы «естественными законами» для личности: «покорность идеалу, искренность, — в особенности, перед самим собой, — и подчинение знания духовному деянию» (LXVIII, p. 29).

«Когда святой Жилль спросил у св. Бонавентуры, может ли невежда вкушать божественной благодати так же, как и ученый человек, св. Бонавентура ответил, что [для этого] достаточно любви» (Ibid., p. 75). Кому же на земле более

свойственна чистая и бесхитростная любовь, как не простой девице? Значит, ее социальный статус вовсе не так низок, ведь целью средневекового общества в конечном итоге является достижение христианскими душами состояния божественной благодати.

Вот и Жанна — девица Бога, подотчетная лишь Ему и непорочная, принимающая приказ, идущий только от Него. «Благословенна душа, которая слышит Господа, говорящего внутри нее, которая получает слово утешения из его уст. Благословенна душа, которая ловит звуки божественного шепота и не внимлет бормотанию мира. Благословенны уши, которые прислушиваются не ко гласу, звучащему вовне, но к истине, которая учит внутри» (XXV, I, cap. 1). «Говори, Господи, — вторит Фома Кемпийский Священному писанию, — ибо твой слуга слышит. Я Твой слуга. Даруй мне разумение, что я могу верно понять Твои повеления <...>. Склони мое сердце к Твоим повелениям <...>. Позволь речи Твоей быть чистой, как роса» (Ibid., cap. 2).

Позиция Фомы Кемпийского созвучна уставу Третьего Ордена францисканцев: «Братья и сестры да возлюбят Господа всем сердцем, всей душой, всем духом своим и всеми силами своими <...>. И да восславят они Господа своими деяниями, ибо ради того и послал их Он в мир: дабы словом и деянием несли они свидетельство его гласу и сообщали всем, что нет иного всемогущества, кроме Его <...>. И повсюду, где они пребудут, да упомянут, что они предали и отдали тела свои Господу Иисусу Христу. Ради любви к нему они должны противостоять врагам, как видимым, так и невидимым, ибо Господь сказал: “Счастливы те, кто терпит муки во имя справедливости, ибо их есть Царствие Небесное” » (XI, p. 77).

Суждения Бонавентуры и Фомы Кемпийского, основанные на евангельской традиции непосредственного общения с Богом, очень близки позиции Жанны. Но они подразумевают общение с Церковью Небесной и не относятся напрямую к каноническому праву. Поэтому когда речь заходит о взаимодействии с церковью земной, причем в практической, а не теоретической сфере, Жанна оказывается в очень опасном положении. Посредничество церкви в деле спасения души христианина было до эпохи Реформации обязательным.

И, наконец, после всего сказанного, приведем еще один любопытный факт. Известно, что мать Франсиска была француженкой и принадлежала к благородной фамилии Бурлемон.⁴ Таким образом, мы опять приходим к мысли, что францисканская легенда была укоренена в регионе Домреми не только усилиями собственно ордена, но и как родовое наследие двух рыцарских домов, владевших этими землями: Жуанвиллей и Бурлемонов.

«Простая девица» (simple pucelle)

Ощущение «тесного оммажа» с Сеньором парадоксальным образом толкало Жанну к высказываниям, которые могли быть расценены судьями как ересь.

«Далее, в тот же день, она сказала, что коли судьи отказываются допустить ее к мессе, то вполне во власти Господа Нашего допустить ее к ней, когда ему будет угодно, без них» (XX, p. 176). Казалось бы, трудно примирить непосред-

ственную близость Жанны высшему Сеньору со скромным статусом простой девицы.

«Она ответила, что так было угодно действовать Богу, через простую девицу, чтобы дать отпор противникам короля» (XX, р. 123). Слова Жанны кажутся образцом христианского смирения и скромности, однако мнимый уничижительный оттенок *simple pucelle* исчезает, если вспомнить, какая ступень социальной лестницы отводилась «девам и вдовам». На самом деле девы, девицы, окруженные ореолом непорочности, принадлежали к числу наиболее уважаемых церковью социальных групп.

Ж. Ле Гофф отмечает: «В XII — XIII вв. было особенно распространено произведение духовной литературы “Зерцало дев”, где сравнивались достоинства девственности, вдовства и замужества. Сравнение иллюстрировалось миниатюрой: замужняя женщина собирала урожай сам-тридцать (кстати, и такое число было совершенно мифическим для Средневековья), тогда как вдовы — сам-шестьдесят, а девственницы — сам-сто» (XLV, с. 289).

Исследуя средневековые представления о природе девственности, полезно обратиться к раннехристианскому наследию: «Важной представляется и еще одна характеристика девственности: в ней раннехристианские мыслители видели путь к духовной свободе христианки; в браке же — дорогу к подчинению ее мужчине (Августин). При этом, как писал св. Иероним, через девственность женщина может возвыситься над своим природным положением и стать такой же совершенной, как мужчина. Когда женщина желает служить Христу, она перестает быть женщиной, как бы отрекается от своей телесности и уподобляется мужчине» (LV, с. 4). Приняв обет девственности и таким образом обручась с Христом, женщина возвышается до достоинства мужчин, через что освобождается от подчинения мужчинам и непосредственно соединяется с Богом.

Безусловно, растущая в период Позднего Средневековья популярность святых дев Екатерины и Маргариты также говорит о важной социальной роли девиц. Своей непорочностью и пламенной любовью к Христу они, по мысли современников, вносили существенный вклад в дело общего спасения. «Золотая легенда» не случайно воспроизводит характерный диалог Маргариты Антиохийской с поверженным ею дьяволом. «Маргарита схватила его за голову, бросила оземь подле себя; и ставя правую ногу ему на череп, она сказала: “Будь сокрушен, надменный дьявол, ногою женщины”. Дьявол вскричал: “О блаженная Маргарита, я побежден! Если бы меня поверг наземь какой-нибудь юноша, я бы о том не беспокоился; но вот, я побежден юной девушкой, и я огорчен тем более, что твои отец и мать были моими друзьями” ». Поэтому не стоит заблуждаться, принимая слова о «простоте» в устах Жанны лишь как знак смирения, в ее случае назваться Девицей значило с самого начала заявить о достаточно высокой самооценке.

«Простота» Жанны не помешала ей довольно высокомерно отказать знатному рыцарю д'Олону, своему оруженосцу, когда тот «стал настоятельно просить ее показать когда-нибудь сей совет (ее голоса. — А. С.); она ответила, что не считает его достаточно добродетельным и достойным того, чтобы видеть сей совет» (XXI, р. 486).

Здесь любопытно отметить, какое толкование получает понятие *simplicitas* (простота), столь угодное Богу и столь милое Жанне, во францисканской тра-

диции. «Простота, — говорит Фома Челанский, поясняя устав ордена, — избирает скорее действовать, чем учиться и учить». «Под учением, — разъясняет историограф францисканского ордена отец Катберт, — Фома подразумевает академические штудии, стремление к знанию ради знания» (LXII, р. 28). По свидетельству Маргариты Ла Турульд на процессе реабилитации, «когда Жанну допрашивали клирики, она ответила им: “В книгах Господа нашего есть больше, чем в ваших” » (XXII, р. 61).

Таким образом, подобная «простота» являлась скорее показателем чувства собственного достоинства, поскольку подразумевала опору непосредственно на высший христианский авторитет.

Отметим, что правовая самостоятельность французской женщины была в эпоху Жанны отнюдь не так иллюзорна, как мы привыкли думать. К примеру, владелица Домреми Жанна де Жуанвилль скончалась не ранее 1431 г., а следовательно, сменив двух мужей, спокойно и успешно управляла селением двадцать лет, и никто у нее этих прав не оспаривал. Когда же некий рутье, Анри д'Орли, угнал скот у жителей Домреми, крестьяне обратились за экстренной помощью именно к ней, а не к королевскому коменданту Вокулёра. Они считали, что ее вмешательство будет более эффективным.

В сущности, юная тезка Жанны де Жуанвилль, в опасный момент сгоня общий скот в замок, арендуемый ее отцом, Жакобом д'Арком, сознательно берет на себя те же охранные функции, что и благородная дама из рода Бурлемон. Она воспроизводит определенный стереотип поведения, в согласии с которым женщине отнюдь не возбраняется принимать ответственные решения. У Жанны не было оснований чувствовать правовую ущербность из-за своей принадлежности к женскому полу. Напротив, кутюмы восточной Франции должны были воспитать в ней чувство самоуважения. Древний судебник франков, Салическая правда, свидетельствует о достойном месте женщины в правовой вертикали общины. Вергельд за убийство свободной женщины в несколько раз превышает плату за убийство свободного германца. Слова Жанны о том, что в ее краях женщины наследуют прозвище матери, тоже доказывают, что и в Позднем Средневековье, вплоть до XVI в., материнское родовое имя на равных сосуществовало с отцовским.

Вряд ли можно считать случайностью, что именно германская, а не собственно французская земля породила феномен женской духовной практики, который был высшим проявлением свободы в ее средневековом понимании. Осознать свое право на занятие теологией наравне с мужчинами — значило приблизиться к евангельскому идеалу, согласно которому «нет более ни мужчины, ни женщины», т. е. все пред Богом равны.

Здесь, в центрах так называемого рейнского мистицизма, т. е. в цистерцианских, бенедиктинских и доминиканских монастырях XII — XV вв., трудились Хильдегарда Бингенская, Элизабет из Шонау, Мехтильда Магдебургская, Мехтильда Хакеборнская, Гертруда Хельфтская, она же Великая, Маргарета и Кристина Эбнер, Элизабета Киршбергская, Эльсбет Штагель, Аделаида Лангманн, Элизабета Кампф и многие другие. Симптоматично, что вышеупомянутые авторы не формировали своего особого, женского, направления в богословии. Они творили наравне с мужчинами, читали и использовали теологические труды своих знаменитых современников, переписывались с крупными теологами

своей эпохи, внося огромный вклад в развитие религиозной мысли Средневековья. Женщина в монастырях германских земель чувствовала за собой полное право осуществлять теософские изыскания. Пусть она не осмеливалась открыто проповедовать, но зато ее личный духовный опыт мог остаться на пергамене. Не стоит забывать, что в глазах средневекового человека ценность такого, запечатленного на письме, опыта лишь возрастала. Разумеется, речь идет о женщинах, скрывшихся от мира за стенами монастырей, но, следует признать, что многие из них попадали туда уже вполне сформировавшимися интеллектуально. Во всяком случае, потребность в самостоятельном духовном поиске им довелось ощутить и осознать именно в миру.

По мысли Виолле-ле-Дюка: «Роль женщины на Западе после установления христианства приобретает значение, не признать которого нельзя. Если влияние женщин иногда прекращается, испытывает спад, то в кризисные периоды оно почти сразу возрождается, и влияние это здоровое <...>. Что особенно характерно для женщин в те века бесконечных распрей (XII–XIV вв. — А. С.), — это независимость и чувство собственного достоинства» (XXXIII, с. 29–30). Действительно, даже в «Песне о Роланде» по отношению к супруге главного героя звучит почтительное *per* (спутница, равная). «При чтении романов, новелл, хроник XII–XIV вв. поражаешься, насколько женщина осведомлена, как участвует во всем, как она в трудных обстоятельствах умеет найти выход, взять на себя руководство, принять решение, встать вровень с событиями» (XXXIII, с. 35).

Этическая реабилитация женщины, долгое время считавшейся не более чем сосудом скудельным, безусловно, связана с широчайшим распространением культа Девы Марии в период Позднего Средневековья.

«Женщина, облеченная в солнце, с луной под ногами и увенчанная короной из двенадцати звезд, этот великий знак и символ проник даже в глубины Ада, ибо все черти там напуганы только одним именем славной Девы» (XXXII, с. 306). А. Брайант отмечает, что «большая часть английской поэзии, которая дошла до нас с тех времен, написана в Ее (Девы. — А. С.) честь <...>. «Ни один мужчина, — провозглашал проповедник, — не должен держать женщину в пренебрежении, ибо нет мудрости в том, чтобы пренебрегать тем, кого любит Господь <...>. Женщина замечательна, и этого не приуменьшить. От скорби и заботы она нас избавит; Женщина — вершина всего; Клянусь Девой Марией!» (Там же, с. 307).

Ж. Дюби, конечно, имел основания назвать один из своих трудов «*Mâle Moyen Âge*» («Мужское Средневековье». — А. С.). Однако эта эпоха дает множество примеров того, как женщина с успехом достигает самореализации в мужском обществе, великолепно осваиваясь в границах, этим обществом установленных.

Столетняя война предстает пред нами как бы в обрамлении двух идеологем: «негоже лилиям прясть» и «Франция, погубленная женщиной, будет спасена девой». Первая содержит намек на то, что женщина не должна наследовать земли, а во второй обычно видят аллюзию на личность Изабеллы Баварской, погубившей Францию договором в Труа.

Правда, Изабелла всего лишь продолжила спор, начатый более чем двумя веками ранее за наследство совсем другой женщины, Алиеноры Аквитанской,

которая действительно стояла у истоков войны. Сьюард Десмон в своей работе о Генрихе V приводит легенду о том, как «некий картезианский монах, в XVI в. показавший Франциску I череп герцога (Жана Бесстрашного. — А. С.), кротно заметил, что через это отверстие в голове герцога Жана англичане вошли во Францию» (LVII, с. 242). Однако задолго до гибели бургундского герцога брак Алиеноры с Генрихом II Плантагенетом открыл англичанам ворота огромного герцогства Аквитанского. Конечно, владение столь обширной территорией на континенте могло лишь разжечь амбиции Плантагенетов. Алиенора Аквитанская не была в числе фактических зачинщиков Столетней войны, в отличие от Изабеллы, супруги Эдуарда II и матери Эдуарда III, однако в обеих королевах в свое время видели воплощение пророчества о том, что женщина погубит Францию. Очевидно, эта идея, как эхо библейской антитезы Ева — Мария, переходила с одного образа на другой в соответствии с требованиями исторического момента.

Помимо упомянутых нами образцов женского влияния, известны примеры, хронологически более близкие самой Жанне. Это и теща дофина Карла Иоланта Арагонская, в которой многие историки вполне обоснованно видят влиятельную покровительницу Жанны. В источниках сохранились сведения о кипучей энергии Иоланты, ее богатстве и связях с европейскими дворами. Это и Кристина Пизанская, которая снискала себе прижизненную славу как на литературном, так и на политическом поприще. «Кристина Пизанская по своему опыту знала, что женщины способны выполнять мужскую работу. Ей пришлось писать, чтобы заработать на жизнь. И весьма примечательно, что писатель, стесненный материальными обстоятельствами, не изменил своим моральным воззрениям и не пожелал ради выгоды умалчивать о политических просчетах своих современников — Людовика Орлеанского, Изабеллы Баварской, Карла VI, которые увязли в политической борьбе. В своих посланиях она пыталась убедить их прервать переговоры с англичанами и искать пути к миру и согласию меж собой» (С, р. 5). Невозможно обойти вниманием и св. Екатерину Сиенскую, которая заставляла сильных мира сего, включая королей и самого Папу, прислушиваться к ней и исполнять таким образом волю Божью (см. Бог и мое право, IV, 2).

Известно, что долгая эпоха крестовых походов привела к заметной эмансипации женщины, вынужденной в отсутствие мужа и сыновей брать на себя всю ответственность за судьбу дома или целой феодальной сеньории. Нечто подобное можно наблюдать и в период Столетней войны, когда бездействие и неспособность мужчин, неспособных установить на своей земле порядок и мир, в какой-то мере понудили женщину взять на себя исконно мужские функции.

Жювеналь дез Юрсен и автор «Хроники» из Сен-Дени повествуют о знатной нормандской даме Перетте де Ла-Ривьер, чей муж был убит при Азенкуре. В 1418 г., находясь в своем огромном замке Ла-Рош-Гийон на отвесном берегу Сены, она три месяца оборонялась против отрядов Уорвика и Ги де Бутейера, бывшего капитана Руана, присягнувшего на верность Генриху V. Англичанам удалось подорвать стены замка, и в обмен на неприкосновенность земель Перетты король потребовал от нее либо принести вассальную клятву, либо вступить в брак с Ги де Бутейером. Она отказалась принести оммаж противнику своего короля и отвергла брак с человеком, которого считала предателем. Тем

более что, по условиям предполагаемого брачного контракта, земли и владения должен был унаследовать сын, рожденный от Ги. Тем самым оба сына Перетты от предыдущего брака лишались бы наследства. Благородная дама из Ла-Рош-Гийон предпочла такому позору изгнание и вместе с детьми покинула замок.

Не менее примечательна история о некоем Беранже. Обремененный долгом рыцарь вынужден был выдать дочь за сына состоятельного крестьянина — своего кредитора. Желая хоть как-то смягчить участь дочери, он собственноручно посвятил виллана в рыцари. Тот оказался завзятым краснобаем и хвастуном: чтобы продемонстрировать всем свою рыцарскую доблесть, он стал еженощно наведываться в лес, а там ломал о пень свое копьё и возвращался в замок, уверяя всех, что одержал победу над очередным странствующим рыцарем. Но у дамы, не находившей на теле супруга ни единой царапинки, появились сомнения и однажды ночью, когда хвастун вновь уехал на вымышленный поединок, дама надела доспехи, села на коня и настигла супруга в тот момент, когда тот вновь собрался порубить свой щит и сломать копьё. Он кинулся в ноги к неведомому «рыцарю» и взмолился о пощаде. Дама же представилась неким Беранже Пышнозадым и отпустила обманщика только после того, как тот поцеловал ее в зад. Немногим позже дама воспользовалась случаем и в куртуазной беседе ввергла своего супруга в краску стыда, изящно намекнув на его знакомство с неким Беранже (см. XXXIII, с. 35). Как видим, желая проучить своего супруга, дама облачается в доспехи и не опасается при этом обвинений со стороны церкви. Автор этой новеллы тоже не выказывает никакого смущения по поводу явного нарушения церковных норм. Напротив, хитроумная выдумка дамы вызывает его одобрение, он — на ее стороне.

Автор «Песни об Альбигойском крестовом походе» с восхищением пишет: «Внутри крепости была камнеметательная машина, сооруженная плотником <...>. Машину притащили волоком из Сен-Сернена и подняли на дощатый настил. И стреляли из нее благородные дамы, девицы и женщины из простонародья» (XLII, с. 142).

Жанна отнюдь не была единственной из женщин Средневековья, осмелившейся из практических соображений надеть мужской наряд. История XIV — XV вв. дает нам примеры женщин, носивших мужское платье. Наиболее известны из них Жанна де Монфор и Якоба (Жаклина) фон Виттельсбах. Да и Бланка Кастильская, мать Людовика Святого, не раз лично руководила армией. Так поступали не только знатные особы, но и представительницы третьего сословия — достаточно вспомнить сюжет о святой Маргарите-Пелагии, содержащийся в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского. Коль скоро такой моделью поведения вполне открыто пользуются женщины с различным социальным статусом, можно заключить, что модель эта не представлялась заведомо порочной и греховной, как это пытались представить руанские судьи, говоря о мужском наряде Жанны.

По легенде, о которой упоминал Симеон Люс, рядом с Домреми, в Лотарингии, процветало аббатство, руководимое женской рукой. «Эта возвышающаяся часть Франции, — пишет Люс, — была покрыта обширными лесами — такими, что Каролинги считали их наиболее достойными императорской охоты. Над опушками этих лесов возвышались почтенные аббатства Люксёй и Ремирмон; как говорили, ими управляла некая аббатиса, являвшаяся принцессой Священ-

ной Империи, у которой были свои высшие сановники, настоящий феодальный двор, и которая приказывала своему сенешалю носить пред собой обнаженный меч. Вассалом этой женской власти долгое время был герцог Лотарингский» (LXXXIII, р. 13). Кстати сказать, Люксембург и Вокулёр были единственными островками французского сопротивления на территории, принявшей стору бургиньонов.

Итак, в сознании Жанны сплелись воедино два важных фактора: уважение к женщине, которое нашло отражение в местных кутюмах, и особый статус семьи, призванной защищать интересы общины. Дом, в котором она жила, почти примыкал к церкви, и такое соседство было довольно почетным в глазах односельчан. В определенной степени, дом Жанны был ядром деревни. Жакоб д'Арк, уважаемый всеми человек, староста, вел тяжбы, собирал налоги, представлял интересы Домреми перед королевским комендантом, Робером де Бодрикурром, а стало быть, пред самым сюзереном. Мать Жанны, Изабо, уже в силу своего родового прозвища Роме, т. е. Римлянка, должна была вызывать всеобщее уважение как паломница — именно паломников, посетивших Рим, называли в те времена ромеями.

Маловероятно, что Изабелла дошла именно до Рима — такое великое паломничество вряд ли могло изгладиться из памяти ее земляков. О нем обязательно упомянули бы на кассационном процессе, ибо глубокая набожность матери могла стать весомым и красочным аргументом в пользу реабилитации Жанны. Рим являлся центром так называемого «большого покаянного круга», посещение которого давало надежду на отпущение грехов, но он был слишком далеко от Домреми и отнюдь не каждый мог пуститься в столь обременительное путешествие.

Гораздо ближе к Барруа находился один из центров так называемого «малого покаянного круга» — Пюи-ан-Велэ, где хранилось изображение «черной богородицы» — древняя икона, созданная, возможно, еще до крещения Хлодвиг-а св. Ремигием. Паломничество в Пюи-ан-Велэ приравнивалось по значимости к посещению Рима. Пюи-ан-Велэ мать Жанны определенно посещала, и некоторые историки полагают, что именно за это она и получила прозвище Роме. Ромеями, или римлянами, называли не только богомольцев, достигших собственноручно Рима, но и паломников, посетивших святые места «малого покаянного круга». Однако точно известно о посещении Изабеллой этой святыни лишь в марте 1429 г., тогда как Жанна на допросе упоминает имя матери как родовое или, во всяком случае, известное ей с детства. Кроме того, на богомолье в Пюи Изабелла Роме ходила вместе с другими жителями Домреми, но никто из них позже не удостоился прозвания Роме. Впрочем, до Рима мог дойти кто-то из ее предков, и Изабелла, возможно, получила свое прозвание, как и Жанна, по лотарингскому обычаю, от матери. Зная, как часто Девица станет посещать святые места, можно смело предположить, что культ паломничества занимал большое место в ее семейном этосе.

Возможно и другое объяснение этимологии родового имени Жанны. От Домреми рукой подать до Лотарингии, входившей в состав Священной Римской империи, и прозвище Изабо могло быть связано с имперскими корнями ее предков, особенно если учесть, что многие земли вокруг Домреми долгое время были частью Лотарингии. «Соседняя деревня Грё, являвшаяся частью епископства

Тулльского (которое находилось в Лотарингии. — А. С.), как, несомненно, ранее и Домреми, была присоединена к королевству в 1388 г.» (XX, р. 38, п. 1).

Так или иначе, нравственный облик Изабеллы подкреплял авторитет общинного старосты, отвечая всем требованиям христианской морали. Об этом сочтут нужным сообщить на процессе реабилитации все их земляки. Жанна говорила, что мать обучила ее молитвам *Pater Noster*, *Credo*, *Àve Maria* и всему прочему, что полагалось знать доброй католичке. Семья д'Арк представляла собой образец для подражания. Конечно, они не были богаты, но их вполне можно было назвать зажиточными. Помимо сада, обширного участка леса и пахотных земель, Жакоб обладал достаточными денежными средствами, чтобы девять лет арендовать замок Иль, где в нужную минуту можно было спрятать общинный скот или укрыться самим. Кроме того, Жакоб и Изабелла платили местному кюре, дабы тот служил за них ежегодную мессу. Стоит подчеркнуть, что сама возможность платить не натурой, а деньгами говорит о достаточно стабильном положении семьи старосты.

Это позволяло им, в соответствии с нормами христианской морали, давать в своем доме приют тем, кто в нем остро нуждался. «На восточной границе королевства все чаще появлялись люди, выброшенные с насиженных мест, бредущие, куда глаза глядят. Вот картинка, нарисованная в самом Париже [автором “Дневника Парижского горожанина”]: люди шли, “удрученные страхом, зноем и голодом, больше мертвые, чем живые, женщины с непокрытой головой, иные в одной рубашке, некоторые несли по два ребенка на руках или в корзине; шагали обобранные священники, в одном подряснике”. Это продолжалось из года в год. Волна переклестывала за границы страны, и прирейнские города, — такие, как, например, Кёльн, — были переполнены беженцами из Франции. Они все чаще появлялись в маленькой деревушке на Мёзе, на большой дороге, которая вела через Лангр — Нёфшато — Вокулёр — Верден из Франции в пределы Империи» (LI, с. 294). Тогда Жанна выказывала себя не только примерной христианкой, но и старшей по социальному положению, а следовательно, обязанной покровительствовать. По словам ее подруги, Изабеллы Жерардэн, Жанна требовала, «чтобы бедняков уложили в ее постель, а ей позволили переночевать на кухне» (XXI, р. 270). Ее серьезность и склонность к уединению стали поводом для насмешек со стороны сверстников. «Она много молилась Богу и Святой Деве, — настолько, что порой сам свидетель (Колен из Грё. — А. С.), который был тогда юн, и прочая молодежь смеялись над нею» (Ibid., р. 275).

Однако насмешки земляков ни в коей мере не поколебали саму Жанну. Девушка была преисполнена сознанием своей правоты и права действовать, ибо она, дочь старосты, всегда ощущала себя старшей, ответственной, сильной. Юный возраст не был ей в том помехой.

Необходимо отметить, что вопрос о точном возрасте Жанны до сих пор остается открытым. Общепринятая на сегодняшний день дата, 6 января 1412 г., взята из уже известного нам послания Персеваля де Буленвиллье, которое, как мы видели, не отличается стремлением к исторической достоверности. Еще В. И. Райцес подверг сомнению день Крещения Господня в качестве даты рождения героини, подчеркивая, что ни один из земляков Жанны не упомянул на процессе реабилитации о появлении ее на свет в столь важный для христианина церковный праздник.

Другой важный аргумент против названной даты остался незамеченным в историографии: в 1412 г. умер Пьер де Бурлемон, сеньор Домреми. Это событие не могло полностью изгладиться в памяти жителей деревни как незначительное, ибо смерть сеньора повлекла за собой слияние прежнего аббатства с родовыми землями Жуанвиллей, вследствие чего у Домреми появился новый хозяин — Жанна де Жуанвилль. Логично было бы предположить, что хоть кто-то из многочисленных свидетелей — земляков Жанны, в особенности ее крестные, следуя тогдашнему обычаю, «привязал» бы дату рождения девушки к столь важному для жизни общины событию.

Бесконечные историографические споры о возрасте Жанны обусловлены неточностью ее собственных показаний в ходе руанского процесса. Одна из ее подруг, Овьетта, которой ко времени кассационного процесса было «сорок пять лет или около того», была близка с ней и часто посещала дом ее отца. Она утверждает, что Жанна была старше ее «на три или четыре года, как она говорила» (XXI, р. 263). Действительно, в детстве подобная разница в возрасте весьма ощутима. Это дает основания отвергнуть 1412 г. в качестве года рождения Жанны и отнести это событие к 1409 г. или 1410 г. На первый взгляд, в этом случае возникает противоречие с заявлениями самой девушки на допросах. Но если в показаниях Овьетты перенести акцент с главной части на маленькое уточнение, а именно, на слова «как она говорила», появится возможность сгладить это противоречие. Оказывается, это сама Жанна настаивает на своем старшинстве.

Изабелла Жерардэн, которой Жанна приходилась кумой, было в 1456 г. пятьдесят лет. Изабелла считает Жанну своей сверстницей. Это было бы нелепо, будь Жанна на шесть лет моложе ее. Если принять во внимание, что к 1398 г. «часть Домреми, относящаяся к Барруа, насчитывала двадцать пять дворов» (XX, р. 38, п. 1) и все друг друга отлично знали, то предполагать такую ошибку довольно трудно.

Возможно, что не возраст как таковой, а именно *поведение* Жанны заставляло земляков видеть в ней взрослого человека. Жанна сама утверждала, что рано повзрослела — после первого пришествия голосов она еще усерднее посещала церковь, перестала водить хороводы с подругами и старалась максимально воспринять образ примерной христианки, раздавая милостыню, ухаживая за больными и исправно соблюдая церковные обряды (XX, р. 67). И все же такая аберрация сознания у односельчан Жанны должна иметь известные пределы. Отвергнув 1412 г. в качестве года ее рождения, нельзя, тем не менее, идти дальше 1410 г., ибо на суде в 1431 г. Девица показала, что с момента пришествия к ней св. Михаила прошло около семи лет. Ей было тогда тринадцать, следовательно, случилось это около 1423 г. В дальнейшем эти даты будут весьма полезны для изучения природы ее голосов, и мы к ним еще вернемся.

Неверно было бы полагать, что решимость действовать в соответствии с конкретным планом Жанна черпала только в откровениях своих голосов. Точнее, как мы постараемся показать далее, не всякий импульс обретал в ее сознании такую мощь и был до такой степени созвучен исторической необходимости, чтобы возвращаться к ней в виде голосов. Она всегда умела добиться своего и проявить инициативу. Об этом говорил на процессе реабилитации звонарь Перрен Драпье, которого она журила за нерадивость и, обещая хлебцы в награду, заставляла в урочный час бить в колокола. О твердости ее характера могли

свидетельствовать и судьи тульского официала, перед которым она предстала вопреки родительской воле. Симон Мюнье, младший товарищ Жанны, вспоминал на процессе реабилитации о материнской заботе, которую она проявила по отношению к нему во время его болезни: «Когда он (Симон Мюнье. — А. С.) был маленьким и плохо себя чувствовал, она приходила ухаживать за ним и утешать его» (XXI, р. 268). Староста Домреми Жакоб д'Арк, вероятно, гордился дочерью, когда после реймской коронации она обратила к королю единственную, по ее словам, просьбу: в награду за ее труды освободить от налогов жителей Домреми. Именно обеспечение налоговых сборов составляло главную обязанность ее отца.

Задолго до прихода к дофину в Шинон Жанна стремилась подчинить себе ход событий, отстаивая свое право действовать так, как ей казалось верным. При этом если взглянуть на ее действия внимательно, обнаруживается любопытная деталь: все ее инициативы имеют под собой ясное правовое обоснование. Она шла на суд в Туль без согласия родителей, отвергнув навязанного ей жениха, и никто никогда — ни в Домреми, ни в Руане, ни, позднее, в Париже не воспринимал это как нечто исключительное. Напротив, это была обычная практика, Жанна не преступала в этом никаких правовых норм. Ведь лишь в XVI — XVII вв. было пересмотрено старое каноническое правило, согласно которому при вступлении в брак не требовалось согласие родителей. В связи с судебным процессом в Туле возникает вопрос о юридическом совершеннолетии, которого Жанна должна была достичь к этому времени, т. е. к 1428 г. В противном случае она не обладала бы правосубъектностью, и отец имел бы полное право насильно вернуть ее и отдать под венец. Но Жакобу и Изабелле пришлось смириться с поступком дочери, и Жанна, выиграв свой первый процесс, могла расценить эту победу как последний аргумент в пользу решения об окончательном уходе из отчего дома.

Однако понятие юридического совершеннолетия в эпоху Позднего Средневековья было весьма дискретным и функциональным. Так, согласно установлениям св. Людовика, крестьянин становился взрослым в 15 лет и, как таковой, мог держать землю (XCI, р. 33). Но поскольку таинство брака относилось к ведению духовного суда, официала, то, по каноническому праву, брачным возрастом считался пубертат, т. е. возраст ок. 13 — 14 лет, совпадавший с *aetas discretionis* (возрастом благоразумия). Обычно именно на этом этапе девушки давали обет девственности, а значит, могли распоряжаться собственной судьбой и навсегда отвергнуть перспективу замужества. Так поступила и Жанна.

Следовательно, ко времени процесса в Туле Жанна обладала полной правосубъектностью относительно брака, и единственной законной предпосылкой для свершения последнего было обещание, данное девушкой жениху. Известно, что церковь начала активно участвовать в церемонии бракосочетания довольно поздно. Видный исследователь западноевропейского крестьянства эпохи зрелого Средневековья Р. Фоссье пишет: «Вмешательство священника, которое, видимо, стало правилом после 1275 г. или 1300 г., ничего не меняет, ибо Церковь признает, что таинство это творит именно обмен обещаниями, данными супругами друг другу, а не благословение служителя Божьего» (LXXI, р. 28). Архив актов парижского парламента сохранил историю «молодой девушки по имени Жаннетта Ролан, которая хотела поехать в Англию к жениху, <...> поки-

нувшему Париж после возвращения французов. Парламент приказал родителям девушки запретить ей воссоединиться с женихом. Тогда последний начал судебный процесс, требуя исполнения брачного обещания, которое как с точки зрения обычного права, так и с точки зрения права канонического имело характер обязательства. Парламент <...> признал, что не существует никаких канонических препятствий к вступлению в брак и что в данном обещании нет никаких формальных отклонений» (XL, с. 300).

С другой стороны, включение Церкви в процесс бракосочетания привело к ослаблению власти главы семьи над дочерней жизнью и судьбой. Если в «Кутюмах Бовези» Филиппа де Бомануара зафиксирован традиционный образ отца-деспота, в чьем полном распоряжении была судьба дочери, то «со времени, когда писал Бомануар, отец юной девушки не мог более распоряжаться ею, не спросив ее [мнения], и установления святого Людовика предусматривают возможность ситуации, при которой брак, задуманный родителями, мог быть отменен собственной волей девушки» (LXXII, р. 27).

Тульский официал не спрашивает Жанну о воле ее отца, матери или братьев, — по закону она может отвечать за свой поступок сама. Парень из Туля тоже действует в рамках закона: ему сосватали девушку, и он требует обещанного. Однако суд без проволочек признает правоту Жанны, ведь для этого ей требовалось лишь доказать судье, что она «не давала сему человеку никаких обещаний» (XX, р. 113).

Дискредитация высших слоев общества и ожидание спасения «снизу»

Вернемся к происхождению мессианских мотивов в сознании Жанны.

Как уже отмечалось, на последнем этапе Столетней войны стало ощущаться некоторое разочарование в той политике, которая велась по преимуществу мужчинами. Люди устали от бесконечных распрей. Государи и воины, которым надлежало обеспечить мир, оказались неспособными прекратить войну. Воинов она кормила, являясь их привычной стихией. Знать же заметно дискредитировала себя в ходе войны, не умея соотносить свои интересы с общим благом и будучи не в силах путем династических браков распутать клубок противоречий, нить которого тянулась к эпохе Алиеноры Аквитанской.

«В глазах крестьянства, война, которую вели благородные господа, была чем-то вроде потехи, при которой мишенью служили простые люди, ибо бойцов отпускали на волю за выкуп чаще, чем убивали, а расплачиваться за это, так или иначе, приходилось крестьянам», — отмечает исследователь эпохи Валуа и Плантагенетов Кеннет Фаулер (LIX, с. 246). Представители третьего сословия, в наибольшей степени страдавшего от тягот военного времени, убедились в том, что рыцарство не намерено их защищать. Ярким свидетельством этому служит памфлет XIV в. «Плач о битве при Пуатье»: «Когда стало очевидным, что наше войско может легко одержать победу над войском англичан, было сказано: “Если мы двинемся вперед и перебьем их, война завершится, хуже для нас не может быть ничего, потому что мы потеряем источник своего существо-

вания; будет гораздо лучше, если мы бежим". И не было ни одного выстрела, ни одного удара копья <...>. Они заключили соглашение с этими англичанами» (LIX, с. 246).

Недовольство тактикой профессиональных воинов породило в умах крестьянства мечты о самостоятельном сопротивлении англичанам, о войне именем короля. «Если он (король. — А. С.) прислушается к добрым советам, то не преминет повести Жака Простака в своем великом войске; уж он-то не победит с поля битвы, чтобы спасти свою шкуру» (там же).

Спасения «сверху» теперь не ждали. Поэтому жителям Вокулёра не пришло на ум обвинить Жанну в грехе гордыни, когда из ее уст прозвучали знаменитые слова: «Поистине, никто — ни король, ни герцог, ни дочь Шотландского короля, никто иной не смог бы возвратить Французского королевства, и ему не будет помощи, кроме как от меня...» (XXI, р. 277).

Весьма показателен рассказ автора «Хроники первых четырех Валуа» о тяжелой для французов битве при Пуатье: «Крестьянину из отдаленного уголка Шампани явился ангел и сообщил, что король Иоанн будет разбит, если вступит в сражение близ Пуатье. Крестьянин прошел пол-Франции, чтобы сообщить это королю. Но тот не послушался его, был разбит и пленен» (LXXI, р. 123). А вот что фиксирует протокол допроса Жанны в Руане: «Затем она пошла в Шинон. Она сказала также, что отправила своему королю послание, в коем было указано, что она посылает узнать, можно ли ей войти в город, где пребывает ее король и что она проделала целых пятьдесят лье, дабы придти к нему на помощь и что у нее есть много добрых вестей для него» (XX, р. 75).

Как видим, в двух этих сюжетах много общего: контрастное сопоставление крестьянина с королем, судьбоносный для королевства момент, ангельская весть, переданная крестьянскими устами. Кроме того, оба рассказа содержат указание на одну и ту же местность, из которой посланец Бога спешит на помощь королю Франции. Ведь добраться из «отдаленного уголка Шампани» — это то же самое, что прийти из «пределов Лотарингии», откуда, по выражению современников, пришла Жанна. Особенно если вспомнить, что часть Домреми была зависима от Вокулёра как раз через Шампань.

Очевидно, что за семьдесят лет до Девы уже живет легенда о простеце-избраннике, не внемля которому, — по сути дела не внемля гласу народному, — король и королевство терпят крах. Вопрос о том, что подразумевалось под категорией «простеца» и можно ли назвать таковой Жанну, достаточно подробно освещен в историографии (см. XCIV, с. 81–103). Интересно заметить, как упорствовали в утверждении этого образа авторы кассационных протоколов. В данном случае произошло полное слияние таких слагаемых образа Девы, как политическая пропаганда, коллективное сознание и самооценка Жанны.

Это слияние имело понятную причину: возникший в результате образ совпадал с неким смысловым клише, ясным для современников и представлявшим собой факт общественного сознания. Так, во второй декаде XIII в., при Людовике Святом, мы наблюдаем типологически сходную реакцию на крестовый энтузиазм некоего «простака» Жака, возглавившего так называемый «крестовый поход пастушков». Его считали Божьим человеком. «Жак со своими последователями проповедовал преимущественно простому деревенскому люду — пастухам, юношам и девушкам, которые бросали все, чтобы идти за ним

<...>. Жак говорил им, что именно с их помощью Богу угодно освободить короля и Палестину» (XXXIV, с. 152).

О. Бузи весьма точно назвал свою работу «Предсказание или усвоение. Пророчества о Жанне д'Арк в первые месяцы 1429 г.». Он сделал вывод, что «распространение мнений о предопределении ее действий едва ли вызвано пропагандистской кампанией сторонников Карла Валуа <...>. Скорее всего, возможны два объяснения: либо ожидание чудесного спасения, принесенного воительницей-девой, вошло в массовое сознание накануне появления Жанны д'Арк на исторической сцене, либо пророчества возникли постфактум как одно из следствий изумления, вызванного эпопеей Девы. В первом случае, это ожидание спасения, отчасти известное ей самой, могло выплеснуться на нее и придать ей магический ореол, как только девушка заявила о себе» (XLIV, с. 8). В этом О. Бузи согласен с Колет Бон, изучавшей пропагандистские приемы, использованные во времена коронации Карла VII в Реймсе 17 июля 1429 г.

История, какова она есть, или история, каковой она должна быть?

Анализ протоколов процесса реабилитации заставляет обратить пристальное внимание на генезис мифа Жанны. В своих показаниях многочисленные свидетели исходят из особого, специфически средневекового понимания прошлого как факта бытия. По сути дела, речь идет об отношении к истории как таковой.

Средневековое интеллектуальное пространство — мир компиляции, устроенный подобно игре в конструктор. Одаренность и индивидуальность автора — в виртуозном и искусном сочетании кубиков, на гранях которых нарисованы буквы. Вспомним, что, согласно представлениям средневековых теологов, мир уподобляется письменах Бога, т. е. тексту божественной реальности. Сравнение видимого мира с текстом или книгой — характерная особенность средневекового миропонимания. Пророчество Апокалипсиса гласит о том, что небеса свернутся, как свиток. Жанна заявляла клирикам Пуатье, что «в книгах Господа Нашего есть больше, чем в ваших», имея в виду преимущество откровения перед собственно книжной ученостью. Сравнение мира с текстом становится совершенно понятным, если вспомнить начальные строки Евангелия от Иоанна: «вначале было Слово».

Исходя из вышесказанного, средневековый автор должен был относиться к своему тексту иначе, чем наш современник, ведь, создавая текст, он как бы создавал и реальность, уподобляясь в этом смысле самому Творцу. В процессе этого творения возникал чисто средневековый универсум, где текст разворачивался в реальность, а реальность сворачивалась в текст. Нетрудно увидеть, что такое понимание реальности допускало вневременной подход к истории. Будущее и прошлое можно было «прочитать» и предсказать, если Бог давал человеку такую возможность. Поэтому нельзя считать человека Средневековья лишенным чувства историзма. Напротив, его существование проникнуто духом истории едва ли не в большей степени, чем наше. Разница лишь в «строитель-

ном материале» этого историзма: для нас это время, а для него — сюжет. Не череда, а созвездие автономных сюжетов, существующих во вневременном пространстве.

Правда, в период «ренессанса XII в.» уже существует тенденция к упорядочению как мировой, так и локальной истории. Мы видим подтверждение этому у одного из ярких представителей ранней английской историографии Гальфрида Монмутского, создавшего во второй половине XII в. «Историю бриттов». Однако и Гальфрид продолжает следовать тем же законам, интегрируя историю бриттов в контекст более мифологический, чем собственно фактографический. Интересно, что для него, по-видимому, не существует четкой грани между мифом и фактом. Домысливая недостающее в своем повествовании и дополняя текст божьей реальности новым, собственным, текстом, Гальфрид не считает себя святотатцем. Не считают себя таковыми и свидетели процесса реабилитации, позволяя своей памяти дорисовывать, а то и вовсе видоизменять канву событий или отдельные характеристики. Как соотносить такую вольность в трактовке истории, т. е. божественного «текста», со страхом божьим? Ведь вмешательство в замысел Бога должно было повлечь за собой неминуемую кару.

Объяснение этому противоречию есть. Стараясь воссоздать полную и гармоничную картину мировой истории, Гальфрид без труда заполняет белые пятна собственным домислом, который, тем не менее, сам считает единственно верным, т. е. *верит* в него. Понятно, что истории и хроники чаще всего создавались авторами по заказу их высоких покровителей. Следовательно, авторы этих сочинений были идеологически небеспристрастны. Гальфрид, к примеру, творил свою «Историю бриттов» с оглядкой на интересы новой знати, пришедшей на остров после Вильгельма Завоевателя. Но не будет ли упрощением видеть в этой идейной пластичности лишь политическую подоплеку? Ведь речь, пожалуй, идет именно о том, о чем говорит А. Я. Гуревич в своем труде «Категории средневековой культуры»: «Верность истине вытеснялась верностью господину или верой в Господа. Истина была как бы “антропоморфна”» (XXXVII, с. 148).

«История Средних веков знает массу самозванцев и узурпаторов, выдававших себя за законных государей и их потомков <...>. То, что их сплошь и рядом признавал народ, диктовалось, прежде всего, надеждами угнетенных и недовольных на доброго короля <...>. Но вряд ли есть основания во всех случаях считать самозванцев простыми обманщиками <...>. Они и сами нередко находились в заблуждении и имели какие-то, пусть ложные, причины видеть в себе законных претендентов, либо по наитию свыше сознавали себя призванными к миссии, которую хотели и должны были выполнить. Религиозное умонастроение эпохи благоприятствовало появлению всякого рода пророков, вождей и Божьих посланцев» (там же, с. 149). И далее: «Марк Блок отмечает парадокс: из уважения к прошлому в Средние века стремились изобразить его не таким, каким оно было, а таким, каким оно должно было бы быть» (там же).

История Жанны весьма ярко подтверждает справедливость этих оценок. После ее гибели в мир еще долго приходили вдохновленные ее подвигом самозванки. Самая известная из них, Клод дез Армуаз, появилась в люксембургском Арлоне спустя всего лишь пять лет после казни Жанны и была признана матерью, братьями и боевыми соратниками Жанны. Вполне вероятно, Клод искренне верила в то, что действительно является личностью, за которую се-

бя выдает. Вспомним также широко известное в медиевистике «дело Мартина Герра». Ближайшие родственники Мартина даже в суде подтверждали его тождество с подсудимым-самозванцем, глубоко веря в высшую справедливость такой идентификации.

Поэтому, когда мы обнаруживаем в показаниях земляков Жанны стойкую уверенность в ее «пастушеском» прошлом, не стоит принимать это за коллективную амнезию или издержки официальной пропаганды. Свидетели процесса реабилитации с расстояния в четверть века предпочитали «прошлому, каковым оно было», «прошлое, каковым ему должно быть». Этим отчасти объясняется и быстрое узнавание в Жанне девицы из священных пророчеств, которой предстояло избавить мир от ужасов войны. Некоторые из таких пророчеств, к примеру, так называемое пророчество Ангелиды, были написаны задним числом, словно с портрета самой Жанны, другие же имели источником библейские тексты и древние предания. «Ибо Мерлин, и Сибилла, и Беда предвидели сие более чем за пятьсот лет...» — восклицала Кристина Пизанская в «Слове о Жанне д'Арк», вышедшем из-под ее пера летом 1429 г.

Все эти пророчества с приходом Жанны отлично подходили для выполнения двух задач: во-первых, они легитимировали ее миссию, а во-вторых, создавали ореол богоизбранности вокруг дофина, в помощь которому Девица была послана. Общество охотно откликнулось на возникновение вокруг Жанны некоего мифологического поля. Люди готовы были способствовать появлению все новых и новых доказательств тому, что появление Девицы — промысел божий, даже если для этого потребуется дополнить текст божьей реальности вымыслом.

Мэтр Жан Эро, участник комиссии в Пуатье, призванной официально санкционировать будущую деятельность Жанны, идет буквально по стопам Гальфрида Монмутского. Заполняя нужную лауну, он припоминает, что слышал пророчество из уст самой Марии Авиньонской, персональной святой Карла VI, отца дофина. Мария якобы сообщила королю, что, согласно посетившим ее видениям, Францию в скором времени постигнут великие беды, но придет девушка, которая наденет доспехи и с оружием в руках освободит королевство от его врагов. «И оный Эро крепко верил, что Жанна была той, о ком говорила Мария Авиньонская» (XXII, р. 59).

Мэтр Эро заявил об этом вслух, и можно не сомневаться, что его рассказ повлиял на окончательный вердикт клириков. Однако вопрос об аутентичности этого пророчества остается весьма спорным, ибо оно не фигурирует в «Книге откровений» Марии Робин. Эта книга содержит лишь двенадцать пророчеств, записанных под диктовку ее духовником и точно датированных. Никакого пророчества о Жанне там не содержится. Инквизитор Жан Бреаль, руководивший процессом реабилитации и призванный освятить эпопею Жанны максимальным числом пророчеств, должен был знать о «Книге откровений». Однако, судя по всему, он не нашел там нужных сведений и потому не воспринял всерьез единичное высказывание мэтра Эро. Как бы то ни было, коллеги Эро, менее высокопоставленные и менее скованные должностными обязанностями, отнеслись к его словам с большим вниманием. Среди них был и мэтр Барбэн, чьим показаниям, данным спустя четверть века после казни Жанны, мы и обязаны памятью о пророчестве Марии Авиньонской.

Таким образом, это пророчество на деле оказывается удачным, своевременным вымыслом Жана Эро. Он следует тем же принципам, что и Гальфрид Монмутский, приводя историю, какова она есть, в соответствие с тем, какова она *должна быть*. Фактически он делает то же самое, что делаем мы, когда домысливаем для себя стороны куба, видя на самом деле лишь одну. Для средневекового мировоззрения принцип подчинения действительности этическому идеалу можно считать универсальным и основополагающим. Такой строй мысли основан на нравственном императиве, в котором автор видит оправдание своего права видоизменять и домысливать историю. Как пишет исследователь общественно-политической мысли позднесредневековой Франции Ю. П. Малинин, «сознание средневекового человека и общества было сознанием нравственным, отличающимся сугубо этическим подходом ко всем мировоззренческим проблемам, начиная от смысла человеческого существования и кончая проблемами социально-политических отношений» (XLVII, с. 20).

Исходя из этого, нетрудно заметить общий для Гальфрида и Жанны принцип нравственного императива. Только Гальфрид реализует этот принцип на пергамене, а Жанна утверждает его всей своей жизнью. За каждым ее поступком — стремление сделать мир таким, каким он должен быть, то есть, иными словами, восстановить божественный порядок. Как ни странно это звучит для нас, привыкших считать Жанну прежде всего национальной героиней, область ее интересов лежит совсем в другой плоскости — наднациональной, общеправовой с католической точки зрения.

Восстановление утраченного единства

По мнению Жанны, причиной творящихся в королевстве беззаконий и вероломных поступков послужило, в том числе, и убийство герцога Бургундского, повлекшее за собой решительный разрыв вассалитета Бургундии по отношению к Франции. Как вспоминал Бастард Орлеанский, Жанна, вмешавшись в ход военного совета под Труа, заявила дофину: «Во имя Божье, не позднее, чем через три дня я добьюсь того, что вы вступите в сей город — по любви, либо властью и силой; и Бургундия, *исполненная вероломства* (fausseté), будет повергнута в изумление» (XXII, р. 9). Труа, где был заключен злополучный договор, лишивший Карла права на престол, держал ранее сторону Бургундии. Нарушение герцогом Бургундским присяги, по убеждению Жанны, являлось преступлением, повлекшим новое обострение внутреннего конфликта.

Отпадение бургундского герцогства от французской короны воспринималось сторонниками Карла как очевидная несправедливость. Известный французский историк Р. Фавтье в своем исследовании «Капетинги и Франция. Роль династии в создании государства» отводит бургундским герцогам роль самых преданных вассалов короля той эпохи. «Герцогство Бургундия, — пишет Фавтье, — было единственным из крупных фьефов, над которым сюзеренитет короля никогда не ставился под сомнение. Герцоги не только регулярно приносили оммаж и выполняли для короля положенную службу, но, кажется, первыми согласились на требование представлять перед королевским судом, дабы уладить

разногласия со своими вассалами» (LVIII, с. 170). Бургундия когда-то являлась частью единой империи Карла Великого, одного из идеалов средневековой монархии. После распада его империи западная часть Бургундии входила в состав французского королевства. Когда после смерти Филиппа Руврского в 1361 г. бургундская династия пресеклась, Иоанн Добрый передал герцогство на правах аппанажа своему сыну, Филиппу Храброму. В первой половине XV в. можно наблюдать некоторые сепаратистские тенденции со стороны Жана Бесстрашного и Филиппа Доброго, что, несомненно, находилось в тесной связи с английским вторжением во Францию. Однако не стоит преувеличивать степень этого сепаратизма, поскольку он был обусловлен не столько стремлением Бургундии к полной самостоятельности, сколько политической выгодой от лавирования между враждующими сторонами. Важно отметить, что официальный хронист Филиппа Доброго, а затем Карла Смелого, Жорж Шатлен, заявлял в своей «Хронике»: «Я не англичанин, не испанец, не итальянец, но француз, ибо я описал подвиги двух французов, из которых один — король, а другой — герцог» (LVIII, с. 298). Шатлен был обязан придерживаться официальной позиции, из чего можно заключить, что герцог Бургундский хотел, чтобы его считали французом.

Идея единого французского королевства, частью которого мыслилась Бургундия, была жива в общественном мнении. Правовой прецедент для восстановления этого единства был вполне очевиден. Бесспорное подтверждение этому мы видим в реймских коронационных обрядах — бургундскому герцогу отведена роль одного из шести светских пэров королевства, во время сакральной церемонии он подает французскому королю золотые шпоры. Автономизация герцогства с середины XIV в. выглядит скорее внутрисемейной рокировкой: Иоанн Добрый пожаловал эту землю своему сыну Филиппу Храброму за доблесть, проявленную в битве при Пуатье. Т. е., в принципе, это был дар сеньора за службу, бенефиций, который предполагал вассальную присягу. Присягнув английскому монарху, Филипп Добрый становился в глазах Жанны вероломным вассалом, который поставил под угрозу целостность государства, дарованного истинному наследнику престола самим Богом. В этом смысле он продолжал череду вероломств, начало которой бургиньоны положили в 1407 г., убив главу арманьяков, Людовика Орлеанского. Это преступление должно было повлечь за собой кару Господню. Она последовала, как известно, 10 сентября 1419 г.: в ходе свидания на мосту Монтеро Жан Бесстрашный был убит людьми дофина в отместку за убийство герцога Орлеанского. Смута, вызванная политически значимыми убийствами, воспринималась вместе с бедствиями войны, как кара за грехи и гордыню французов. Руанские судьи не забыли упомянуть об этом на допросе Жанны. «Спрошенная, думает ли она и уверена ли, что ее король поступил хорошо, убив монсеньора герцога Бургундского, ответила, что это было великим уроном для королевства Французского; но что бы ни было между двумя названными государями, Бог послал ее на помощь королю Франции» (XX, р. 143).

Таким образом, возвращение утраченного единства стало не просто реализацией далекого идеала, а прямой и насущной необходимостью перед лицом несправедливой войны. Любопытнейший факт: анализируя интеллектуальный и эмоциональный климат того времени, историк Люсай-Смит пишет, что

«в 1413 г. даже пробургундский парижский университет официально воззвал к тем, кто обладает даром пророчества “среди набожных лиц и тех, кто ведет созерцательный (contemplative) образ жизни” и обратился к ним “за помощью в улучшении сложного положения королевства”» (LXXXI, p. 75). Такие общественные умонастроения укрепляли в Жанне ощущение законности и правоты своих намерений.

С точки зрения Жанны, восстановление справедливости требовало возврата непокорного и могущественного вассала в сеньориальную юрисдикцию. Только таким путем можно обеспечить Божий мир, что подчеркивают и многочисленные «Зеркала государей» времен классического Средневековья, написанные по примеру созданного в тридцатые годы IX в. трактата Ионы Орлеанского «О королевских учреждениях». Церковь освящала королевскую власть и провозглашала необходимость того, чтобы все подданные слепо подчинялись этой власти, поскольку «тот, кто противится сей власти, противится порядку, угодному Богу» (XLV, с. 254). Однако, что наиболее важно для нашего исследования, мотивация Жанны не расслаивается на сугубо политическую, религиозную, правовую и прочие — ее мироощущение по сути своей глубоко монистично, и в основе его лежит общехристианское стремление к отражению Царства Божьего на земле.

Драма французского королевства могла принимать в сознании Жанны тем более глобальный масштаб, что бедствия терпел монарх, носивший именование *наихристианнейшего*, т. е. сравнивавшийся в эпоху Позднего Средневековья в авторитете с императором. Марк Блок, говоря в «Королях-чудотворцах» о Реймсском коронационном обряде XIII в., полагает, что причиной первенства французского короля перед другими христианскими монархами могло считаться «особое» качество священного елея, употреблявшегося при миропомазании. По легенде, этот елей имел сверхъестественное происхождение: он был доставлен с небес голубкой (Св. Духом) для крещения Хлодвигу св. Ремигием в 481 г. Для миропомазания других королей, равно как и для французских королей, использовался только обычный елей.

Характерно, что с XIV в., вследствие непрекращающейся борьбы Капетингов и Плантагенетов, на эту привилегию стали претендовать и английские монархи. Существует легенда о получении св. Фомой Беккетом сосуда с елеем от Богоматери для коронации Эдуарда II. Правда, историческая достоверность этой легенды не была подтверждена официальным признанием папы Иоанна XXII.

Стоит упомянуть, что английская сторона также воспринимала затянувшуюся войну как династический конфликт, в основе которого лежит именно правовой спор за наследование престола. Повествуя в своих «Правдивых хрониках» о том, как по смерти Карла IV пэры Франции отдали престол Филиппу Валуа, а не Изабелле Английской и ее сыну, Жан Ле-Бель заключает: «Многим людям тогда показалось, что французское королевство ушло из-под власти законной династии». Далее, рассказывая о военных операциях короля Эдуарда в Камбрези и Тьераше, Ле-Бель сообщает: «В год Милости 1399 король Эдуард выступил из брабантского города Вильворде, дабы пройти огнем и мечом по королевству Французскому и сразиться с королем Филиппом де Валуа, который силой и вопреки справедливости удерживал французский престол»

(VII, с. 38, с. 95). Стремление английских королей военным путем отстоять свое право на французскую корону, равно как и упорное противодействие их притязаниям со стороны династии Валуа, имело под собой одну и ту же правовую основу. Однако ни у одного из английских королей не было своей Жанны д'Арк, и причина этого ясна: Жанна опиралась на кутюмы своей земли, для которой король Англии оставался чужеродным иностранцем. Коронация Генриха VI, спешно организованная его опекуном Бедфордом в декабре 1430 г. в ответ на коронацию дофина, не имела должного воздействия на умы французов. Иначе и быть не могло: эта церемония проходила в Сен-Дени под Парижем, тогда как истинному наследнику французского престола надлежало по обычаю короноваться в Реймском соборе.

По представлениям Жанны, путь к избавлению страны от военных бедствий мог пролегать только через Реймс, сакральную связь с которым через Домреми она ощущала с детства. Так мыслилось Жанне до осени 1428 г. Именно об этом говорили ей голоса и именно эта информация запечатлелась в памяти ее соплеменников. Разговор с Жаном Нуйонпоном тоже не содержит сведений о военных планах Жанны: более того, она, как кажется, отрицает всякую возможность спасти королевство обычными для той эпохи способами. Вспомним, что, по ее мнению, ни королевская воля, ни герцогское войско, ни брачная дипломатия не смогут уже помочь Франции (см. XXI, р. 277). Переговоры о помолвке малолетнего дофина Людовика с Маргаритой Шотландской длились, как известно, с августа по октябрь 1428 г. Осведомленность жителей Домреми о политических реалиях своего времени была, как видим, достаточно высока. Слова Жанны иллюстрируют зрелость ее правосознания: она твердо знает, что единство страны нельзя восстановить никакими помолвками и прочими дипломатическими хитростями, если дофин не получит право на верховную власть из рук высшего Сеньора.

Жанна идет за справедливостью, *justitio*, дабы восстановить Божий мир.

«Спрошенная, известно ли ей, что святые Екатерина и Маргарита ненавидят англичан, ответила: “Они любят то, что любит Бог, и ненавидят то, что Бог ненавидит”. Спрошенная, ненавидит ли Бог англичан, ответила, что ничего не знает о любви или ненависти Бога к англичанам, как и о том, что он сделает с их душами, но хорошо знает, что они будут изгнаны из Франции, кроме тех, кто останется здесь и умрет, и что Бог пошлет победу французам против англичан» (XX, р. 140–141). По мысли Жанны, англичане будут наказаны за то, что нарушили божий порядок, символом восстановления которого послужила Реймсская коронация.

На территории Домреми когда-то было аббатство св. Ремигия, крестителя первого французского короля-христианина Хлодвиг. Во времена Жанны обители уже не существовало, но память о ней, безусловно, была жива: об этом говорит само название деревни, а также ее главная церковь — Сен-Реми. Культ св. Ремигия, несомненно, способствовал формированию у Жанны четких представлений о том единственном пути, который должен был вести дофина к престолу. Жанна твердо знала, что до торжественной коронации дофин не может называться королем, и ее упорство в этом мнении чрезвычайно важно для понимания уровня ее правового сознания. Сюжет чудесной коронации Хлодвиг, судя по всему, с детства волновал Жанну: она слышала о нем в проповедях,

видела его подробные изображения в церкви Сен-Реми, наверняка, соотносила в мыслях родное Домреми с его далеким шампанским «тезкой» — Реймсом.

Известие о том, что Реймс, колыбель французской монархии, занят врагами, усиливало значение бывшего аббатства св. Ремигия. По сути дела, первоначальный замысел Жанны имел единственную цель — короновать дофина в Реймсе. Она идет восстанавливать справедливость из Домреми — в Реймс. *Из одного дома св. Ремигия — в другой.*

Любопытно, насколько похожи два рассказа о самом начале эпопеи Жанны, взятые из двух совершенно различных источников. «Тогда (во время мессы, 7 марта 1429 г. — А. С.), — говорит герцог Алансонский, — Жанна обратилась к королю с множеством просьб и среди них с просьбой отдать свое королевство Царю небесному — после этого дара Царь небесный поступит так же, как он поступал с его предшественниками, и вернет все в прежнее состояние...» (XXII, р. 64). Соратник Жанны со времен Вокулёра, Бертран Пуланжи, в свою очередь, свидетельствует: «Оная Жанна говорила [Роберу де Бодрикуру], что королевство принадлежит не дофину, а ее Господину; однако последний хочет, чтобы дофин стал королем и взял королевство в коммendu <...>. Оный Робер спросил ее, кто ее господин, и она ответила: “Царь небесный”» (XXI, р. 292–293). Видимо, в обоих показаниях запечатлены модель поведения и образ мыслей, действительно свойственные Жанне. В своих поступках она опирается на нормы права, обычные для ее эпохи, и делает это демонстративно. По ее представлениям, коронация дофина должна быть подобна некоему акту инвеституры.

Здесь необходимо подчеркнуть, что в историографии зачастую объединяют два совершенно разных эпизода истории Жанны: так называемую сцену инвеституры, о которой идет речь, и сцену с Ангелом, Знаком и Короной, произошедшую при первом публичном свидании Жанны с Дофином, о чем мы поговорим в последней части статьи.

Историк Люсай-Смит приводит пассаж анонимного хрониста, подтверждающий, что церемония «инвеституры» все-таки состоялась. «Однажды Девица попросила короля о даре. Она попросила о самом Французском королевстве. Изумленный король дал ей его после некоторого промедления, и девушка приняла его. Она даже попросила, чтобы акт был торжественно составлен и зачитан четырьмя королевскими секретарями. После того, как хартия была написана и оглашена, король был не менее изумлен, когда девушка сказала, указывая на него тем, кто находился рядом: “Вот, вы видите наибеднейшего рыцаря в своем королевстве”» (LXXXI, р. 67).

Сама Жанна говорила, что ее знак королю был в том, «что ангел подтвердил сие (т. е. легитимность Жанны. — А. С.) ее королю, поднеся ему корону и говоря, что он будет владеть всем королевством Французским с помощью Божьей и трудами Жанны, и чтобы он допустил Жанну к делу, а именно, дал бы ей воинов; а иначе не быть ему так скоро коронованным и помазанным» (XX, р. 120). Чрезвычайно важно отметить, что данный ритуал отнюдь не был изобретением экзальтированной визионерки, но напротив, четко отображал современную Жанне правовую норму. И это снова разрушает миф о «простоте», девушки, на самом деле вполне свободно чувствовавшей себя в правовом пространстве своей эпохи.

Помимо того, имеет смысл привлечь к исследованию так называемые «Посмертные сведения» — отчет, составленный несколькими членами трибунала для епископа Кошона вскоре после казни Жанны. Во-первых, по словам авторов этого отчета, корона была не *принесена* дофину ангелом или Жанной, но лишь *возвещена*, т. е. Девица убедила Карла допустить ее к делу, обещая скорую коронацию и помазание. И, сообщая эту весть, она уже была не Жанна, но ангел — *вестник, посланник Божий*.

Сцена с архиепископом и передачей короны, описанная ею далее, частично воспроизводит реймский коронационный церемониал. Для Жанны он был процедурой высшего порядка, — возможно, поэтому ее показания относительно этой сцены несколько сбивчивы, неясны, но вместе с тем полны высокого вдохновения. Признание девушки в том, что ангелом была всего лишь она сама, относится к одному из последних допросов. Она затем повторит его и уточнит незадолго до казни, что отражено в «Посмертных сведениях» процесса. Согласно этому признанию, никаких небесных существ в сцене свидания Жанны с дофином не было (см. с. 239–243). Это ставило под сомнение и все прочие откровения девушки, касавшиеся ее общения со святыми. Коль скоро ангелом, по словам Жанны, все-таки являлась она сама, значит, все дальнейшее было совершено ею по собственной воле, а вовсе не по указанию голосов.

Любопытно, как удалось оправдать слова Жанны судьям процесса реабилитации. Текст судебного запроса о кассации обвинительного процесса гласит: «Поскольку “ангел” — есть название того, кому дано некое поручение, с тем же смыслом, что и “посланный Богом”, она (Жанна. — А. С.), поднося королю корону и пальмовую ветвь победы, которая была ему полезна, могла сказать о себе, что является ангелом, т. е. посланницей Бога; в сем она не солгала, но высказалась благоразумно. И если она сказала, что сим ангелом был св. Михаил, она не высказалась дурно, ибо заявила, что совершала все по приказу св. Михаила и действовала не от своего имени, etc.» (XXI, р. 81–82).

Однако сама Жанна вряд ли могла бы разделить оптимизм судей процесса реабилитации. Ее слова, запечатленные в «Посмертных сведениях», сильно отличаются от того, что она говорила прежде. Вероятно, интересующее нас признание созрело у Жанны в минуту слабости, вследствие долгих месяцев тюремных мучений. Оно свидетельствует о горьких сомнениях Девицы в божественном источнике ее миссии.

Возвратимся к сцене инвеституры в Шиноне. Если таковая сцена действительно состоялась, и именно в том виде, как ее описывает хронист, значит, Жанна прекрасно ориентировалась в правовых основах королевской власти. Они отражены в позднесредневековых трактатах о принципах монархии, к примеру, в «Трактате о коронации» Жана Голейна, созданном в 1374 г. по предписанию Карла V: «Король Богу приносит оммаж за свое королевство, которым он владеет не мечом, как говорили в древности, а от Бога, что засвидетельствовал король на своей золотой монете: “Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat”. Он не сказал: “Меч царствует и побеждает”, но: “Иисус побеждает, Иисус царствует, Иисус правит» (XLV, с. 252).

Историки по-разному видят сцену свидания Жанны и дофина в Шиноне, предлагая самые различные толкования — символическое (Р. Перну), мистическое (С. С. Оболенский) или конспирологическое, т. е. основанное на

предположении о хорошо организованном заговоре придворной элиты (М. Лами и др.).

Безусловно, доля символизма в изложении этой сцены велика, но именно в том смысле слова «символ» (сопричастность), который определил Ле Гофф: «У греков “сymbолон” означало знак благодарности, представлявший собой две половинки предмета, разделенного между двумя людьми. Итак, символ — это знак договора. Он был намеком на утраченное единство <...> и рассматривался как изображение чего-то ему соответствовавшего в сфере более высокого и, таким образом, становившегося его символом» (XLV, с. 307). Поэтому неудивительно, что в ходе руанского процесса показания Жанны об Ангеле, Знаке и Короне постоянно балансируют на грани конкретики и абстракции, порождая у ученых подозрение либо в стремлении со стороны девушки запутать судей, либо в наличии у нее легкого помешательства. Если бы в глазах руанского трибунала Жанна действительно выглядела умалишенной, это, возможно, могло бы облегчить ее участь. К сумасшедшим относились снисходительно. «Их могли считать вдохновенными оракулами, и какой-нибудь дурак при сеньоре, а позже королевский шут, становился советником. В сельском мире деревенский дурачок был фетишем всей общины» (там же, с. 296). Однако Жанна, на свою беду, отнюдь не воспринималась современниками как сумасшедшая и блаженная, судьи считают ее вполне правосубъектной.

Жанна говорит с судьями, находясь в ясном сознании, и «отвечает с мудростью», что явно отягощает ее участь и свидетельствует в глазах трибунала о грехе гордыни (*responsio superba*). Изъясняясь, казалось бы, символами, она говорит на одном с судьями языке, и недаром средневековый хронист с легкостью повествует о том, что «король дал ей его (королевство. — А. С.) после некоторого промедления, и она приняла его» (см. LXXXI, p. 67). «На самом деле это наслоение конкретного на абстрактное составляло основу ментальности и чувствований средневековых людей <...>. И нельзя с уверенностью сказать, что стремление к абстрактному было прежде всего свойственно образованным кругам, интеллектуалам и клирикам, а стремление к конкретному встречалось в первую очередь среди необразованных. И чувство абстрактного, и чувство конкретного в равной мере характеризовало и *literati*, и *illiterati* (грамотных и невежественных. — А. С.). Понятен успех у народа ересей, — например, катарской, которая представляла собой разновидность манихейства и ставила на место Бога и Сатаны абстрактные принципы Добра и Зла. Точно так же искусство Раннего Средневековья <...> обнаруживает, что тенденции к абстрактному в нем древнее других» (XLV, с. 312).

Говоря об абстрактных категориях средневековой религиозности, стоит обратить внимание еще на одну характерную особенность мировоззрения Жанны: ее оптимистическое мировосприятие. Ее вера словно соткана из света, в ее сознании практически нет места Дьяволу, в ее представлениях о мире отсутствует персонификация Зла. Между нею и Богом прямая связь, и не существует адской силы, способной эту связь разорвать. «Нет для тебя ничего более доступного, — пишет в своей книге “Духовное нищенствование” виднейший теолог своего времени, удостоенный на соборе в Констанце звания учителя Церкви, Жан Жерсон, — как захотеть, а захотев, ты всегда можешь пойти к Богу, говорить с Ним и Его святыми, и просить Его о помощи» (VI, с. 24).

В мироощущении Жанны и ее понимании права как такового полное отсутствие образа дьявола носит принципиальный характер. Здесь ее вера отвечает логике францисканства, опирающейся, в свою очередь, на концепцию Августина о том, что зло есть всего лишь умаление добра. Нельзя оставить без внимания и дальнейшее развитие этой неоплатонической идеи у Ансельма Кентерберийского и Псевдо-Дионисия Ареопагита. Труды последнего послужили источником для духовного поиска целой плеяды представительниц рейнского мистицизма XIII — XIV вв. К его наследию обращались также бегинки и столь близкая Жанне св. Екатерина Сиенская. Все они в той или иной степени рисковали навлечь на себя подозрения в ереси, отстаивая принцип несуществования зла как дьявола, как самостоятельной силы, антагонистичной божественному добру.

Протоколы допросов доносят до нас стойкое нежелание Жанны возлагать какую-либо ответственность за свои поступки на других людей, а также ее склонность объяснять бедствия королевства несправедливостью людских поступков, а не кознями Сатаны. Характерно, что французская теологическая мысль того времени, в лице Жана Жерсона, являет ту же тенденцию. Жерсон, в частности, писал, что «причина всей Схизмы — деньги» и что «Бог в одно мгновение может разрушить все замыслы злых (злых людей, а не духов! — А. С.). Но если мы не возьмемся за ум, боюсь, что на великих и на малых найдет такая буря и такая гроза, что и подумать страшно» (XLIX, с. 80).

Итак, зло для Жанны — это августиновское умаление добра и нарушение человеком установленного Господом правопорядка. Вопреки представлениям о Средних веках как о времени жесткой социальной несвободы, в рамках которой маленькому человеку, вечному яблоку раздора между ангелами и демонами, тесно и некомфортно, история Жанны являет собой историю личности, осознающей свое право на свободу воли в самом главном — в деле спасения души через служение Богу. Ее представление о своем месте в мире, по иронии судьбы, наиболее точно сформулировано в девизе Плантагенетов: *Dieu et mon droit* (Бог и мое право. — А. С.). Будучи плоть от плоти членом общества, построенного на вассально-сеньориальных отношениях, Жанна в результате оказывается подотчетной лишь королю и Богу («Господу Богу Нашему сперва послужив!»). Бог в понимании средневекового человека был безусловным источником нравственного закона. Такая концепция свободы является, по сути дела, отражением евангельского завета: «поступай с ближним своим так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Впоследствии эта идея найдет свое новое воплощение в формуле кантовского категорического императива — нравственное, а значит, божественное начало в ней безусловно.

Исследуя позднесредневековое соотношение человеческого и божественного, Э. Кассирер справедливо заметил, что «каждая частность и индивидуальность непосредственно связана с Богом, стоит с ним лицом к лицу» (LXV, р. 57). Однако, абсолютизовав этот принцип, лишив себя посредников в отношениях с «сеньором», а вернее, избрав таковыми лишь своих «сестер из рая», Жанна в итоге навлекла на себя тяжкое обвинение и с французской, и с английской сторон: послание архиепископа Реймского своей пастве о том, что «она никого не слушала и всегда поступала по-своему», обвинение в грехе гордыни со стороны руанского трибунала и т. д. При этом, в соответствии с этическими воззрениями того времени, наличие одного смертного греха влекло за собой все про-

чие, — и, по мнению руанских клириков, гордыня Жанны открывала в ее душе дверь всем остальным человеческим порокам.

Отчасти этим, а не только политической ангажированностью обусловлена чудовищность выдвинутых против Жанны обвинений. Достаточно было уличить ее в грехе гордыни, чтобы за ним потянулась вся цепь стандартных и, казалось бы, недоказанных в ходе процесса обвинений: «ведьма, вещунья, колдунья, лжепророчица, заклинательница и приспешница злых духов, поборница суеверия, магических искусств, злоумышленница и, в вопросе нашей католической веры, схизматичка, заблуждающаяся и уклонившаяся от положений *Unam Sanctam*, etc. и от других положений названной веры, злоязычная и зловредная, хулящая Бога и его святых, возмутительница, искустельница, разрушительница и вредительница мира, погрязшая в распрях, кровожадная, подстрекающая к кровопролитиям, полностью и без стыда отвергнувшая приличия своего пола, бесстыдно принявшая позорный наряд и обычаи воинов, а по этим, и по другим еще причинам противная Богу и людям, извратительница божественных и естественных законов и церковного благочиния, соблазнительница государей и простолюдинов...» (XX, р. 159).

Справедливость и право

В поединке Жанны с руанскими судьями обе стороны используют право как инструмент поддержания Божьего порядка. Это право, в полном соответствии с духом Позднего Средневековья, обладало иерархической структурой. Обратимся к составленному в конце XIV в. образчику правовой культуры — глоссированному бургундскому судебнику (*Le coutumier bourguignon glosé*). Трактующие составляющие понятия права и выстраивая иерархию «кутюм — закон — обычай» (*coustume — loy — usage*), он гласит: «Кутюмы суть то, что хранится с древних времен и испытанно государями и хранимо народом, кое определяет, чьей должна быть всякая вещь и что кому принадлежит. Законы суть установления (*établissements*), кои учредили государи и кои хранил народ в [своей] стране <...>. Законы суть как бы [орудие] права для прояснения истины; обычаи хороши, если согласуются с законами; те же, что не согласуются разумно, называются не обычаями, а злоупотреблениями (*abus*) и подлежат исправлению; если же обычаи провозглашены — либо волею государя, либо общественным мнением страны (*observance de paie*) — их следует придерживаться не более чем строго в их границах. Иначе же следует вернуться к кутюму, который основан на праве» (XV, р. 108–109).

Такое почтение к кутюму позволяет утверждать, что если нарушен кутюм, то нарушен древний божественный порядок. Те, кто нарушил его, должны быть наказаны, ибо они позорят своими действиями всю христианскую общину. И тогда оправдана и просто необходима справедливая война. В знаменитом трактате «Юноша» (1466 г.), автором которого был соратник Жанны, а позднее адмирал Франции Жан де Бюэй, сказано: «Когда сражаешься ради доброго дела, поступаешь по справедливости и отстаиваешь право <...>. Если знаешь, что дерешься за правое дело, а рядом сражается родная кровь, не удержаться от слез

<...>. Сердце переполняет сладостное чувство верности и жалости, когда видишь, как твой друг храбро подставляет свое тело оружию, дабы свершилась и исполнилась воля Создателя нашего <...>. И оттого испытываешь такое наслаждение, что ни один человек, подобного не изведавший, не сможет никакими словами его описать» (XL, с. 191). Важно, что под родной кровью здесь должна подразумеваться кровь друга или сторонника. Аналогичное чувство испытывала Жанна, вспоминая, что у нее «волосы встают дыбом» при виде льющейся французской крови. Она вела речь о французской крови вообще, а не о ранениях своих кровных братьев Жана и Пьера, которые сражались подле нее. О собственных братьях она упоминала крайне редко и лишь по необходимости.

Итак, одной из задач справедливой войны являлось поддержание и восстановление государства, устроенного в соответствии с законом и справедливостью. Любопытно, как составители бургундского судебника характеризуют основы благородного государства, поддерживать которые есть прямой долг каждого доброго христианина: «Во-первых, преблагородной является земля, в коей царствование совершается наравне (*par en raire*) с королем Франции <...>. Он (герцог Бургундский. — А. С.) также является старшим среди пэров Франции, ибо если бы король отличил кого-либо из пэров, в отношении их пэрства, преблагородный герцог и государь Бургундии получил бы сие признание и юрисдикцию, по причине старшинства, ибо никто не должен быть ему судьей, особенно относительно того, что касается его пэрства. Во-вторых, та земля является преблагородной и делает того, кто ею владеет, преблагородным, коя может существовать и управляться без помощи какой-либо иной земли <...>. Бургундия является преблагородной и делает преблагородным государя, который ею владеет, ибо преблагородная земля Бургундии управляется со всею справедливостью, и ею правят согласно кутюмам оной земли, кои являются законами в Бургундии и расцениваются как законы и имеют силу законов» (XV, р. 59).

Далее в судебнике поясняется, что правовое поле Бургундии устроено лучше других, ибо оно основано именно на кутюмах, а не на законах, кои могут быть приняты в угоду светским государям или знати. Кутюмы же Бургундии проверены и записаны ординарными судьями, после долгих совещаний, с одобрения преблагородных герцогов и государей Бургундии, с согласия священников, знати и именитых горожан, и т. д.

Такая схема имеет универсальный для позднесредневекового социума характер. Жанна безоговорочно предпочитает договору в Труа, лишившему престола дофина Карла, древний обычай престолонаследия. При этом она апеллирует к кутюму именно как к источнику высшего права, идущего непосредственно от Бога. Любопытно, как Л. Фавр, сопоставляя римское и германское право с точки зрения влияния древнегерманского наследия на правосознание человека Средневековья, подчеркивает, что «древние германцы не знали завещания. *Solus Deus hoeredem facere potest*» (LXXII, р. 12). Стало быть, лишь Бог может сделать кого-либо истинным наследником.

Итак, первым источником права для Жанны был *кутюм*.

Нарушение кутюма было по сути своей отступлением от божественного установления и влекло за собой неминуемый крах. Признаком его приближения для королевской династии стала осада Орлеана.

Осада этого стратегического для всей долины Луары пункта началась в середине октября 1428 г. Падение Орлеана поставило бы под вопрос само существование Буржского королевства и дофина Карла как политической фигуры. С потерей этого города шансы дофина взойти на престол становились эфемерными, поэтому прежде всего Жанне и сторонникам Карла необходимо было отстоять Орлеан и не отдать англичанам земли, сохранявшими верность дофину.

Панкраццо Джустиниани в письме отцу из Брюгге в Венецию высказался без обиняков: «Мессир, я уже писал вам четвертого дня сего месяца и сообщал о том, как упорно англичане осаждали Орлеан в течение полугода <...>. В самом деле, если б они взяли Орлеан, то легко могли бы стать хозяевами Франции, а дофина отправить в богадельню» (LXXXVII, р. 16).

Таким образом, не только в самой Франции, но и за ее пределами было очевидно, что падение Орлеана повлечет за собой непоправимые для французской государственности последствия. Поэтому первоначальный замысел Жанны, состоявший в обеспечении коронации дофина, претерпел некоторые изменения, когда Девица поняла, что «победы можно добиться лишь острием копья».

Бог и мое право

Как ни странно, вполне зрелое правосознание Жанны лишено религиозной экзальтированности, обычно свойственной визионеркам той эпохи. Ее чувство права основано на здравом смысле и ясном понимании справедливости. Как отмечает английский историк Саквил-Вест, «она в значительной степени отличается от своих соратниц-святых. К примеру, она никогда не использует таких расхожих выражений, как “мой небесный Супруг” или “мой Жених”, что было общим для большинства женщин мистического склада» (LXXXIX, р. 383). Действительно, ее вера абсолютно сеньориальна, ее Бог всегда только *Seigneur*, «она поступит лучше, подчиняясь и служа своему суверенному сеньору, т. е. Богу» (XX, р. 93). Отсутствие во взаимоотношениях Жанны со своим Сеньором куртуазной утонченности, германского мистицизма или итальянской чувственности легко объяснить, взглянув на один из документов начала 1423 г., упоминающий о недавно разрушенных и сожженных по причине войны деревнях в превостве Бар. Согласно этому документу, пострадало, ни больше, ни меньше, семнадцать деревень! Среди них упоминается Domgemy-aux-bois, хотя нет твердой уверенности, что речь идет именно о деревне Жанны. В любом случае масштаб бедствия, постигшего маленькое превоство, впечатляет. Через год с небольшим, в марте 1423 г., горе не миновало уже и семью самой девушки: при взятии укрепленной церкви в Сермезе графом Зальмским, губернатором Барского герцогства от англо-бургиньонов, погиб от выстрела бомбарды Колло Тюрло, муж двоюродной сестры Жанны.

Удивительно ли, что характер откровений Жанны не слишком куртуазен и даже не слишком мистичен? Ее предшественницы-визионерки черпали духовную силу из опыта мистического экстаза или уединенных монастырских штудий. Для них беседы и полное слияние с Богом являлись самоцелью. Для них главным становился их собственный внутренний мир. Для Жанны, напро-

тив, общение с голосами — импульс к конкретным действиям в мире внешнем. Поле ее битвы остается на земле, она не столько мистик, сколько борец за справедливость. Большинство известных нам визионеров, описывая свои откровения, пользуются выпяченным языком чувственности. Жанна говорит совершенно иначе, язык ее откровений — вассально-сеньориальный, ведь она призвана воевать за справедливость, а не предаваться экстатической медитации.

В Руане Жанна назовет Бога своим *droiturier et souverain Seigneur*, т. е. *правым и высшим Сеньором* (XX, р. 190). Само слово *droiturier* (праводатель, правоисточник) однозначно указывает на единственный в ее понимании источник права. Современник Жанны, августинец Фома Кемпийский проповедует: «Ищи лишь близости с Богом и его ангелами, и избегай людской оценки» (XXV, I, 8). «Во имя Божье, — вторит ему Жанна в Орлеане, — советы Бога, моего Сеньора, надежнее и мудрее ваших» (XXII, р. 4).

Жанна, в принципе, никогда не ждет чуда в его узко церковном значении, ее вера опирается на здравый рассудок и сознание собственного права. Необходимо действовать, — и тогда станет ясно, на чьей стороне закон и Небо. «Именем Бога, воины будут сражаться, и Бог дарует им победу!» (XX, р. 151). В Пуатье она заявляла: не требуйте от меня знамений, отправьте меня в Орлеан, там вам и будет знак. Между тем, председательствовал в этой комиссии никто иной, как Реньо де Шартр, архиепископ Реймский, верховный прелат «Буржского королевства», и он, вероятно, был вправе ожидать большего уважения от простолюдины.

Как видим, твердое правовое сознание, получившее оформление в вассально-сеньориальной системе, не являлось прерогативой рыцарского сословия, как можно было предположить. В действительности оно было цементирующей основой позднесредневекового общества Западной Европы, которое отличается так называемым *юридизмом мышления*.

Юридизм мышления был присущ третьему сословию ничуть не менее чем двум первым, ведь то, что в итоге находит воплощение на пергаменте хартии, долгие годы вызревает в людской среде. П. К. Хартманн в своем труде «Французские короли и императоры», говоря о Генеральных штатах как противовесе королевской власти, подчеркивает, что с XV в. туда мог избираться любой совершеннолетний из третьего сословия, платящий прямые налоги. «В целом (за исключением духовенства), переход человека, родившегося в одном сословии, в другое, высшее или низшее, был возможен и даже обычен» (LXXI, с. 15). Прямое подтверждение этому — аноблирование братьев Жанны в 1429 г.

К третьему сословию относились банкиры, рантье, городские цеховые ремесленники, сельские арендаторы, крестьяне и наемные рабочие, беднейшие слои населения. Жанна, как мы помним, была дочерью старосты Домреми. У нее не было оснований причислять себя к низшей ступени этого сословия; напротив, она могла противопоставить свой голос голосу сильных мира сего.

Область Барруа, окруженная враждебными бургиньонскими землями, управлялась напрямую королем, и это способствовало укреплению верно-подданнических настроений среди жителей Домреми. Тем более что с конца XIV в. королевская власть достаточно активно исполняла свои управленческие функции в округе Вокулёра, о чем свидетельствует непрерывный поток юридической документации об урегулировании тяжб, рассмотрении жалоб,

дарах держаний и т. д. При этом в инициалах всех актов фигурирует непосредственно имя монарха — Карла VI, а затем Карла VII. Это тесное взаимодействие между королем и его подданными шло в русле общей для периода Позднего Средневековья тенденции, при которой верность все более воспринималась как верноподданничество.

Перерождение категории верности как чисто рыцарской этической нормы в категорию верноподданничества как нормы универсальной для всего французского общества того времени, безусловно, нашло отражение в мировоззрении Жанны. При этом необходимо отметить, что верноподданничество все же не предполагало рабской покорности монарху. Как замечает исследователь позднесредневековой общественно-политической мысли Франции Ю. П. Малинин, «монархия, даже в зените своего могущества в XVI в., не искоренила частного права. Сознание *своего права* перед лицом короля, а тем более перед низшими сословиями, было, безусловно, всегда живо». Далее, анализируя «Бревиарий знатных» знаменитого публициста и поэта Алена Шартье, Ю. П. Малинин добавляет: «Это сознание *своего права* [Ален Шартье] возвел в ранг благородной добродетели — праводушия (*droiture*), избрав для рефрена соответствующего стиха слова “каждому свое законное право”» (XLVII, с. 69). История Жанны доказывает, что такое сознание *своего права* было не в меньшей степени присуще и ей, представительнице третьего сословия.

Если присмотреться к реалиям жизни земляков Жанны, можно заметить, что они тоже старались блюсти свои права. Нотабли Домреми дорожили своим статусом: старшую сестру Жанны, Екатерину, Жак выдал замуж за Жана Колэна, одного из нотаблей соседней с Домреми Грё. В одной из грамот 1423 г. имя Жана Колэна стоит на очень почетном месте — сразу после имени мэра Грё.

Говоря о правосознании третьего сословия, нелишне обратить внимание на коллекцию документов, касающихся истории Франции последнего этапа Столетней войны. Один из лучших французских биографов Жанны, Симеон Люс, сопроводил этой коллекцией свой труд «Жанна д'Арк в Домреми». Мы видим, что окружающие Жанну люди, как благородные, так и простолюдины, постоянно участвуют в судопроизводстве — по поводу возмещения ущерба, назначения штрафов, ведения тяжб. Отец Жанны также долгое время представлял общину Домреми в ходе одного судебного спора. Мы находим упоминания о ведении тяжб и в биографиях старшего брата Жанны — Жакмэна, и ее будущих соратников — Жана из Меца и Бертрана Пуланжи.

Свои права в отношении руанских судей Жанна также вполне осознавала, тем более что, по некоторым свидетельствам процесса реабилитации, в составе трибунала находились люди, помогавшие ей советом. Ее заявление о том, что вырванные у нее под пыткой признания она все равно потом объявит ложными, оказывается, полностью соответствует инквизиционной практике того времени. Несколько членов руанского трибунала, как известно, отказались дать санкцию на применение к Жанне пыток. Но этот шаг был обусловлен не столько их мягкосердечием, сколько правовыми инквизиционными нормами, которых Кошон старался неукоснительно придерживаться в ходе своего *beau process* (благого, образцового процесса): «Решение должно быть следующего содержания: мол, после тщательного рассмотрения дела обвиняемого не было найдено никаких законных доказательств выдвинутого против него обвинения в пре-

ступлении — и далее следует продолжить в выражениях, предусмотренных для оправдательного приговора» (XLII, с. 256).

Видя упорство и решимость Жанны, судьи сочли, что в отношении нее пытки могут оказаться мерой бесполезной и даже вредной, поскольку могут бросить тень на весь ход процесса. «Руководство для инквизитора» от 1323 г. гласило: «Если же обвиняемый сознается под пыткой, его признания записываются нотариусом. По окончании пытки, его следует отвести в место, где нет ни малейшего напоминания о пытках. Там ему нужно зачитать его признания, полученные под пыткой, и продолжить допрос, пока не будет услышана из его уст вся правда. Если он не подтвердит своих признаний или будет отрицать, что в чем-либо сознавался под пыткой <...> и если он уже прошел через все назначенные ему пытки, его следует отпустить. И если он настоятельно требует вынесения приговора, ему следует вынести приговор» (XLII, с. 257). Конечно, можно было постараться обойти букву закона, но ведь Кошон хотел «образцового процесса», а не публичного мученичества Жанны. Ясно, что ее заявление предотвратило экзекуцию, и это вновь было результатом не просто психологического, но правового поединка.

В том же ракурсе следует рассматривать и отчаянное упорство, с которым Жанна много дней подряд отказывалась принести полную присягу. В «Руководстве Инквизитора» от 1323 г., при изложении правил допроса беггардов и бегинок, запечатлен общий принцип подхода инквизиционного судьи к присяге обвиняемого. Обвиняемый, в данном случае францисканец-терциарий, «не обязан давать клятву перед прелатами и инквизиторами, если только речь не идет о вере или основных ее положениях. Item, прелаты и инквизиторы имеют право их допрашивать только по вопросам веры, заповедей и таинств. Если же вопросы касаются других вещей, то они не обязаны отвечать <...>. Item, если они будут подвергнуты отлучению за то, что, представ перед судом, они отказываются дать обычную клятву говорить правду и только правду, коль скоро дело не идет об основах веры, заповедях и таинствах, а также за отказ отвечать на вопросы о других членах секты и выдать своих сообщников, то подобное отлучение будет несправедливым и не будет иметь над ними силы, и они никоим образом не будут принимать его в расчет» (XLII, с. 198–199).

Здесь снова борьба ведется в правовом поле, тем более что сюжет отказа обвиняемого приносить присягу — один из наиболее часто встречающихся в протоколах инквизиционных трибуналов. Подтверждением этому служат знаменитые протоколы епископа Жака Фурнье, составленные в 1319 г., во времена гонения на еретиков-вальденсов в регионе г. Лиона (Вьеннский диоцез). Нелишне напомнить, что вальденской ересью на юге Франции называлось духовное движение, распространенное среди полусветских общин, исповедовавших те же принципы, что и беггарды, и терциарии. Некая Аньес Франку наотрез отказалась принести какую-либо присягу перед началом допроса, мотивируя это тем, что за год до вызова в суд, будучи при смерти, обещала своему кюре никогда не приносить обетов, так как Господь запретил клясться. С тех пор приношение клятвы она считает грехом и готова пожертвовать жизнью, чтобы не преступить данную священнику... клятву! Век спустя Жанна повторит эту формулу на допросе, утверждая, что приняла обет не рассказывать о своих откровениях никому, дабы ее не слишком о том расспрашивали.

Парадоксально, что Аньес, отрицая обетование как таковое, оказывается в ситуации двойного обета, т. е. обета не давать обетов. Но таким нестандартным способом она все же освобождает себя от всех прочих возможных в будущем обетований. У Жанны, напротив, вся жизнь проникнута обетами, поэтому в ее ситуации трудно предположить принципиальное неприятие клятвы. Упрямство девушки в отношении присяги вызвано не отказом от клятвы как таковой, а предметом сокровенного обета, который ей пришлось бы раскрыть. Кроме того, обет, принесенный Аньес на одре болезни, дан непосредственно Богу, клятва же, данная в суде, мыслится все-таки как менее весомая. То же — в случае с Жанной, которая всегда меньше страшилась кары земной, чем кары небесной.

Право говорить или молчать она оставляла за собой с самого детства. Оставаясь все время на виду, Жанна, тем не менее, была довольно замкнутым человеком. По ее собственному признанию, она не рассказывала о своей внутренней борьбе и голосах даже на исповеди. Не рассказывала никому, кроме Робера де Бодрикура и дофина. Если вдуматься, это факт уникальный и очень ценный. «Она охотно исповедовалась в те дни, когда это предписывалось, особенно во время пресветлого праздника Пасхи или воскресения Господа нашего Иисуса Христа, в чем, как мне кажется, не было никого прилежнее ее в обеих деревнях», — вспоминает ее крестная Беатрис (XXI, р. 246). Исповедовалась она часто — и кюре Домреми Гийому Фронту, который считал ее замечательной христианкой и утверждал, что «никогда не знал лучшей», и у францисканцев в Нефшато (см. XX, р. 46, п. 1, 2). Боязнь открыться родным объяснима — Жанна сама оправдывала это страхом перед бургиньонами и волей отца (см. XX, р. 113). Но подозревать собственного кюре в пренебрежении тайной исповеди странно.

Нет сомнений, что Жанна относилась к таинству исповеди в высшей степени серьезно, даже во время процесса она молила епископа Бовеского исповедовать ее, хотя вряд ли заблуждалась на его счет. И, тем не менее, на исповеди она молчала, хотя голоса никогда не просили ее об этом, оставляя за ней право на самостоятельное решение (см. XX, р. 114). Решение девушки было твердым: не раскрывать своей внутренней жизни никому на свете. Такой ригоризм в вопросе сохранения тайны личного мистического опыта, на наш взгляд, вполне соотносим с областью средневекового права. Поведение Жанны перекликается здесь с опытом блаженной Анджелы из Фолиньо (к. XIV в.), чьи откровения дошли до нас в записи ее сподвижника, францисканца Арнольда. «Когда сестре Анджеле досаждали вопросами о ее духовной жизни, становилась она при этом недоступной и неохочей». Анджела повторяла: «Тайна моя — для меня» <...>. «Потому что, — сетует Арнольд, — казалось ей, будто открывая мне что-нибудь, она ничего не высказывает, и даже больше того, вследствие возвышенности откровений и невозможности их выразить, казалось ей, что она богохульствует...» (VI, с. 134). Как и Анджела, Жанна чувствует и осознает свое право сохранить интимность в общении с Богом: это — ее «епархия», и никому больше в ней не место.

У Франциска Ассизского, как сообщается в его первом житии, «был обычай никому или почти никому не открывать наиболее заветных своих тайн, <...> и именно потому, что боялся запятнать человеческим восхищением ниспосланную ему милость, он и тщился скрыть ее насколько и от кого мог» (VIII,

с. 100). Как схоже это с показаниями Жанны о знаке, который был явлен дофину: «“Я пообещала и поклялась не открывать сего знака, и сие по моей собственной воле, поскольку меня слишком понуждали сказать сие рассказать”. И она тогда пообещала, что более никому о том не скажет» (XX, р. 120).

Удивительная деталь: «она сказала, что святые Екатерина и Маргарита охотно исповедуют ее время от времени!» В общем, это исключительная привилегия для доброй католички. Такое утверждение дало повод руанским судьям обвинить Жанну в смертном грехе гордыни. Но столь же выразительный штрих находим мы у блаженной Анджелы: «Когда блаженная Анджела во время тяжелой болезни не могла причаститься, то вознеслась с ангелами к небу. “Вот алтарь ангелов, — было ей сказано. — Приготовься принять Того, кто обручился с тобой кольцом Своей Любви”» (VI, с. 190). В признаниях обеих девушек мы видим общий для средневекового женского профетизма принцип: вступая в непосредственный контакт с миром божественным, они если и не выходят из-под юрисдикции земной церкви окончательно и бесповоротно, то, по крайней мере, перестают воспринимать церковь как довлеющий над ними непререкаемый авторитет. Церковь теряет в их глазах статус высшей инстанции, и это возвышает их над остальной паствой, которая продолжает покорно вкушать крохи истины из рук духовенства. Конечно, такое положение вещей не могло удовлетворить руанских ассессоров, и Девица в их глазах становилась надменной еретичкой.

На первый взгляд может показаться, что Жанна действительно зачастую пренебрегала авторитетом институциональной церкви: вспомним, что, по ее словам, она ни разу не проговорила о своих видениях и откровениях собственному кюре — человеку, которому, в первую очередь, обязана была доверять тайны своей души. Тем самым она сознательно нарушила строгие церковные предписания, и церковь в некотором роде теряла ее из поля зрения. Жанна самовольно очертила для себя некое личное пространство, которое не вписывалось в жесткую систему координат, предлагаемых простым мирянам католической церковью.

Тем не менее, в этой позиции Жанны не стоит видеть никакого противоборства или осознанного неприятия церкви как института. Напротив, поведение девушки в ходе руанского процесса показывает, что она остро нуждалась и в исповеди, и в причастии, и в покаянии и относилась к церковным таинствам в высшей степени почтительно. Вопрос о неподчинении воинствующей церкви возникал лишь тогда, когда требования последней вступали в противоречие с тем, что в понимании Жанны было ей велено голосами. Общаясь напрямую с божественной силой, девушка всего лишь не чувствовала нужды в посредниках, но именно это и делало ее в глазах церкви опасным элементом.

Жанна считала себя достаточно образованной. На обвинительную статью д'Эстиве о том, что она не была в юности достаточно обучена и наставлена в вере, Жанна ответила: «что до ее обучения, то она восприняла веру и была вполне и должным образом обучена, как надлежит хорошему ребенку» (XX, р. 163–164). Вместо безоговорочного подчинения руанские судьи встречают с ее стороны готовность состязаться на равных. «Мы сказали ей тогда, что охотно дадим ей одного или двух французских нотаблей, коим она произнесет Pater Noster etc. На что Жанна ответила, что не произнесет сего пред ними, если они не выслушают ее на исповеди <...>. Мы, означенный епископ, запретили оной Жанне

покидать без нашего позволения отведенную ей в Руанском замке тюрьму, под страхом быть уличенной в преступлении ереси. Но она ответила, что не принимает сего запрета, добавив, что, если бы сбежала, то никто не смог бы бранить ее за нарушение клятвы или вероломство, поскольку она никогда не давала [такой] клятвы кому бы то ни было» (XX, р. 41–42).

Более того, она немедленно потребовала, чтобы с нее сняли цепи.

«Мы сказали тогда, что она уже много раз пыталась сбежать из других тюрем, и именно потому, дабы охранять ее надежнее и лучше, было велено заковать ее в железные цепи. На что она ответила: “Верно, что я хотела и хочу сбежать, как сие дозволено законом (*licite*) любому человеку, брошенному в темницу или плененному”» (Ibid.) Жанна употребляет здесь именно термин *licite* (законно, дозволено законом). Этот термин — из области правовой практики, в отличие от нейтрального *permis* (разрешено), который употребляется в тексте процесса сплошь и рядом.

Вопрос о правах пленника, захваченного на поле боя, был, в силу своей непреходящей актуальности в период Столетней войны, скрупулезно разработан. Жан де Бюэй в уже знакомом нам труде «Юноша» рассуждает: «Имеет ли право военнопленный, который дал “честное слово своему победителю” нарушить это слово и бежать? Да, “если хозяин держал его в тесной темнице, когда он был в опасности от смертельной болезни”» (XL, с. 211). Так называемый «рецидив ереси», т. е. факт повторного переодевания в мужской наряд, привел ее в итоге на костер. Свои действия Жанна объясняет с тех же позиций, что и де Бюэй: с ней дурно обращались и нарушили данное ей обещание о переводе в женскую тюрьму.

24 мая 1431 г.; отстаивая свои права, она требует апелляции к самому понтифику, чтобы он лично рассмотрел ее процесс и вынес решение в обход Кошона (см. XX, р. 337). Нет никаких свидетельств того, что апелляция Девы к римскому папе была лишь следствием благого совета кого-либо из членов трибунала. Те из ассессоров, кто дожил до кассационного процесса 1450–1456 г., в своих показаниях неоднократно заявляли, что были сильно запуганы епископом Бовеским и боялись выказать какую-либо симпатию по отношению к обвиняемой.

Голоса и совет в восприятии Жанны

Итак, Жанна была далека от того, чтобы смириться с постигшим ее несчастьем: она желала бороться до конца. «Помоги себе сам, и Небо тебе поможет». Видимо, доля ее личного участия в генезисе и осуществлении собственной миссии была несколько больше, чем просто реализация божественного повеления. Тем более что последнее она трактовала весьма любопытно. Жан д'Алансон вспоминает на процессе реабилитации об одной сцене, которая произошла между ним и Жанной под Жаржо: «Герольды кричат: на приступ! И сама Жанна мне говорит: “Вперед, любезный герцог, на приступ!” А мне казалось, что сие преждевременно. Жанна отозвалась: “Не бойтесь, сейчас так угодно Богу; а когда Бог того хочет, время потрудиться! Помоги себе, и Небо тебе поможет!” Она

добавила: “Любезный герцог, тебе страшно? Разве ты не знаешь, что я пообещала твоей жене вернуть тебя целым и невредимым?” » (XXI, р. 172).

Говоря о попытке бегства из Больё, Жанна толкует свой *совет* весьма прагматично: «Спрошенная, уйдет ли она теперь, если увидит к тому случай, ответила, что, если увидит открытую дверь, то уйдет; и сие будет ей повелением Божиим. И она крепко верит, что если увидит открытую дверь и ее стражники и прочие англичане не сумеют воспрепятствовать, она поймет, что сие — дозволение и Бог посылает ей помощь. Но без дозволения она не уйдет, разве что предпримет попытку, чтобы узнать, будет ли сие угодно Богу; и она присовокупила к тому известную французскую пословицу: “Помоги себе, и Небо тебе поможет”. И она говорит так, чтобы, если она уйдет, не стали бы говорить, будто она ушла без дозволения» (XX, р. 133).

О природе голосов Жанны немало говорит ее поведение в связи с двумя ранениями, которые она получила соответственно под Орлеаном и Парижем. Свидетели вспоминали, что она предупреждала их заранее о том, что будет ранена. В ходе руанского процесса она подтвердила, что действительно сообщала близким о своих будущих ранениях. Но было ли это, строго говоря, пророчеством? Как могла девушка, находясь в самой гуще сражений, в самом пекле боя, под градом стрел, избежать ранений, если только не имела на себе какого-нибудь чудесного заклятья? Ранения должны были быть, и они, конечно, были. Однако Девица декларировала, что находится под защитой Бога. У нее оставался единственный способ оправдать для самой себя, а также для «города и мира» — через пророчество, через самодостаточное «необходимо, чтобы я была ранена», которое интегрировало драматический эпизод в библейский контекст. И речь здесь идет не о намеренном самообмане, а о подлинной природе ее откровений, в соответствии с которой смутное предчувствие усилием воли переводилось в ряд ясных знаков свыше. Если *до* самого события, — то как предсказание, если *после* него, — как объяснение.

Жанна почти всегда отказывалась отвечать судьям на вопросы о своих откровениях, о короле или обетах. Это было сугубо личным. Но нередко судьи встречали отказ и тогда, когда вопросы, не связанные напрямую с запретными темами, казались Жанне ничтожными с точки зрения их мистической ценности. Когда Жанна не в силах сказать что-либо конкретное о возрасте святых, их облике, платьях и тому подобных мелочах, она говорит судьям, что у нее нет на то дозволения голосов или что она «не очень хорошо поняла» их волю.

Таким образом, именно невозможность определиться по этим вопросам и воспринимается Жанной как отсутствие дозволения свыше. Тогда она просит дать ей время, чтобы поразмыслить (*s'aviser*), т. е. войти в медитативное состояние для общения с Богом. Конечно, настойчивые просьбы Девицы об отсрочках могли быть обусловлены и другими причинами. Некоторые историки, в том числе и издатель ее процесса П. Тиссе, считают, что настойчивые просьбы Жанны об отсрочках доказывают ее стремление связаться с кем-то из лиц «*de son partie*», т. е. со своими сторонниками. Вспомним, что Кошон подослал к ней одного из членов трибунала, Никола Луазелёра, который под видом мнимого сторонника Карла VII добился доверия девушки и часто ее исповедовал. Откровения Жанны в беседах с Луазелёром тщательно фиксировались стоявшими в потайной нише помощниками Кошона. Жанна могла надеяться, что Луазелёру удастся

наладить связь с французским двором и, скорее всего, Луазелёр не спешил ее в этом разубедить. Вероятно, надеждой Жанны на получение совета от короля Жанна и объясняются ее просьбы об отсрочках. В таком случае именно отсутствие вестей «из Франции» и невозможность понять волю ее короля заставили Жанну признать, что ей стало трудно разобраться в повелениях голосов.

Однако любые полученные сведения она скорее всего истолковала бы как волю голосов. Впрочем, *неполученные* сведения — тоже. От адвокатов она благоразумно отказалась и никаких иных советников, кроме голосов, у нее не было. Кошон предложил ей выбрать из числа ассессоров любых официальных защитников, но она не пожелала: в ее глазах они были нелегитимны, ибо держали противную законному королю сторону.

Симптоматичен сюжет так называемого «повторного увещания» Пьера Мориса перед отречением Жанны на кладбище Сент-Уэн. Отчаявшись убедить обвиняемую каким-либо иным аргументом, он переходит на язык права, который мгновенно возымел действие, судя по скорому отречению девушки:

«Вот вам пример: если ваш король своей властью доверил вам охрану некоей крепости, запретив впускать кого бы то ни было; и вот, некто скажет, что пришел от имени короля; если только он не принес грамоты или другого надежного знака, вы не должны ни пускать его, ни верить ему. Так, когда Господь наш Иисус Христос, вознесясь на небо, доверил блюсти Свою Церковь блаженному апостолу Павлу и его преемникам, он запретил ей отныне принимать тех, кто говорит, что пришел от ее имени, если сие не было достаточным образом явлено иначе, кроме как их собственными утверждениями» (XX, р. 332).

Проповедь как источник права Агиографические образцы

Как мы уже говорили, первым источником права являлся для Жанны кутюм. Вторым и третьим можно назвать проповедь и житийные *образцы* (*exempla*).

Обостренное внимание к проповеди как своего рода правовому глоссарию сквозит в формулировках ее ответов на процессе осуждения. Жанна нередко использует риторические фигуры, популярные в то время у проповедников. Францисканцы, рядом с которыми она выросла, должны были, согласно традициям своего ордена, сделать проповедь слова Божия фактом повседневности.

Бродячие проповедники в эпоху Позднего Средневековья были связующим звеном между различными сегментами общества. Они являлись разносчиками идей и камертоном умонастроений. Они действительно сильно влияли на общественное мировоззрение. «Это проповедничество, — пишет А. Брайант, — имело серьезные последствия. В дни широкой региональной дифференциации оно помогало создать общенациональное мнение, диалект и речь. <...> И в эпоху вопиющей социальной несправедливости <...> они (проповедники. — А. С.) создали атмосферу внимания, в которой неравенство людей больше не могло считаться абсолютно неизбежным <...>. Никто, от короля до последнего нищего, не может спастись от адовых мук, если не соблюдает истинных заповедей» (XXXII, с. 320).

Под стенами Труа, на пути к Реймсу, Жанна встретила с одним из таких проповедников, францисканцем братом Ришаром. «Дневник Парижского горожанина» повествует о его шестичасовой проповеди в Париже на кладбище Невинноубиенных в 1429 г. Тогда брату Ришару страстно внимали пять — шесть тысяч человек. В результате его неустанной деятельности парижане настолько растрогались и прониклись благочестием, что менее чем через три или четыре часа можно было увидеть сотню горящих костров, на которых люди жгли шахматные доски, карты, шары, кости и всякие предметы, с помощью которых можно было предаваться азартным играм. Одиннадцать проповедей, которые брат Ришар произнес тогда в Париже и Булони, привели народ в такое исступление, что люди готовы были пойти за монахом на край света, внимая спасительному слову.

Известно, что Париж в то время был полностью на стороне англо-бургундской партии. Напомним, что осенью того же года войско Карла с Девицей во главе пыталось осадить столицу, но штурм закончился неудачей из-за яростного сопротивления горожан. Любопытно, что едва бургиньоны стали препятствовать брату Ришару проповедовать в Париже, опасаясь стремительного роста его влияния на умы, как тот «переметнулся» в Труа к арманьякам. Парижане, уязвленные этим, «проклинали его именем Бога и всех святых, и что хуже всего, шахматы, и шары, и кости, словом, все игры, которые он запретил, возобновились, несмотря на его речи» (XL, с. 180). Таким образом, заподозрив его в «дезертирстве», парижане мгновенно разуверились в истинности его увещаний. Доктрина, изреченная вероломными устами, перестала восприниматься ими как истинная.

Еще важнее для нас деятельность одного из ярчайших мыслителей своего времени, гуманиста и личного секретаря дофина Алена Шартье. Предприняв попытку отговорить Парижский университет от ратификации позорного договора в Труа, но не преуспев в этом, Шартье написал в 1422 г. свой знаменитый «Обвинительный спор четверых». «Излюбленная в те времена аллегорическая форма позволила ему изобразить Даму Францию в разорванной одежде и со струящимися по лицу слезами. Она обращается к трем своим сыновьям — Дворянину, Священнику и Крестьянину, упрекая их в том, что они своими спорами довели ее до такого плачевного состояния. Каждый из сыновей старается свалить ответственность за все несчастья на других: крестьянин обвиняет рыцаря, который грабит его вместо того, чтобы защищать; дворянин критикует добрых горожан, которые, укрывшись от опасностей, разрабатывают планы кампаний, но громко протестуют, когда у них просят денег на военные расходы. И тогда вмешивается священник, в котором мы можем узнать самого Алена Шартье. “Хватит ссориться, — говорит он, — когда дом горит, не время выяснять, кто устроил пожар, но все вместе должны стараться его потушить”» (XL, с. 285).

Этот пассаж выявляет особенность исторического момента, когда все слои общества представляются одинаково ответственными за несчастья королевства, а следовательно, в равной степени призваны, и имеют право положить им конец. И в этом они равны пред высшим судьей.

Период с 13 до 18 лет был для Жанны ознаменован появлением в ее жизни голосов и видений. Жанна отчетливо разделяет «подкрепление», «голоса»

и «совет». Очередность их прихода, а также их принципиальное отличие друг от друга, — вот что проливает свет на генезис замысла Жанны и на формирование ее представлений о будущей миссии. Важно, что практическая сторона дела стала очевидной для Жанны не сразу, а постепенно, по мере того, как крепла решимость девушки действовать в конкретной исторической ситуации. Поэтому сначала она получает «подкрепление» (благую весть), затем «голоса» (настойчивое побуждение), а затем «совет» (принятое решение, модель поведения), который, по ее словам, всегда будет с ней.

Источником права для нее выступают не только собственно правовые нормы местных кутюмов и наставления проповедников, о чем мы уже упоминали, но и материалы агиографии. Возможно, для Жанны это был наиболее значимый источник.

В самом деле, жития святых, которые проповедники сопровождали многочисленными *образцами* (*exempla*), могли стать прямым руководством к действию. Известно, что в Позднем Средневековье весьма популярными были так называемые «*exemplaria*» — сборники поучительных примеров, которыми клирики могли пользоваться при составлении проповедей. В них как нигде наглядно представлена правовая вертикаль между человеком и Высшим судьей. Эта вертикаль настолько безусловна, что не остается сомнений в необходимости пренебречь низшими ступенями правосудия, если они вступают в противоречие с высшей инстанцией.

Воин или ясновидящая?

Совет Жанны, как известно, состоял из трех лиц: архангела Михаила и двух святых дев — Екатерины и Маргариты. Именно они должны были стать для девушки искомыми образцами. Однако ни одна из женских ипостасей ее *совета* не являла собой образа девы-воительницы, а следовательно, не могла создать для Жанны правового прецедента в таком качестве. Правда, с XIV в. св. Екатерина все чаще начинает изображаться с мечом, затмевающим ее традиционные атрибуты — книгу, перо и кольцо. Но меч в руках александрийской святой — это лишь память о постигшей ее казни. По легенде, все воинственные чудеса, этой казни сопутствовавшие, исходили от ангела небесного, сама же Екатерина мечом никогда не пользовалась.

Но ведь и Жанна первоначально не заявляла о себе как о воине. Покидая отчий дом, она отправлялась не на битву, а на коронацию дофина в Реймсе. Утаивала ли она сознательно столь важную часть своего плана, как командование армией, или последнее поначалу вовсе не входило в ее намерения? Попробуем разобраться.

Итак, в начале зимы 1429 г. «дядюшка» Жанны Дюран Лассар, — на самом деле муж ее тетки, — пришел в Домреми и попросил отпустить девушку в Бюрей-ле-Пти, чтобы она помогла его жене, бывшей на сносях. Из Бюрей-ле-Пти Жанна послала его к Бодрикуру с просьбой дать провожатых к дофину. Но Дюран вернулся ни с чем, и тогда Жанна взяла его одежду и пошла с ним в Вокулёр. Там они нашли пристанище у семьи Ле Ройе, там же состоялся

и известный разговор с Жаном из Меца, содержащийся в протоколах процесса реабилитации. Из этого разговора явствует, что оруженосец не ожидал встретить Жанну в крепости. С другой стороны, он хорошо знал девушку, о чем свидетельствует тон беседы. По всему Вокулёру уже разнеслась молва о Жанне, охотно объяснявшей всем и каждому, в чем состоит ее миссия. Вот здесь следует остановиться.

Согласно принятой в историографии точке зрения, именно во время пребывания в доме Ле Ройе Жанна сжигает за собой мосты, полностью раскрывая свой невероятный план. «Она заявляла всем, что нужно, чтобы до середины Великого поста она предстала пред дофином, что она принесет ему помощь Неба и что иной у него не будет» (LXXXIV, р. 31). Жизнь ее отныне становится публичной. Но все ли карты она раскрывает в действительности? Отнюдь нет. Одна маленькая деталь странным образом ускользает от внимания историографов, хотя является необходимой для понимания характера Жанны и модели ее поведения. Достаточно сравнить ее показания в Руане со свидетельствами кассационных протоколов. Руанские судьи слышат: «Когда она пришла в названный город Вокулёр, она признала Робера де Бодрикура, хотя прежде никогда его не видела, и узнала она одного Робера с помощью своих голосов <...> и Жанна сказала сеньору Роберу, что нужно, чтобы она пошла во Францию <...>. Она также призналась, что герцог Лотарингский послал за ней; она пошла туда и сказала ему, что хочет идти во Францию» (XX, р. 51). Ни слова об Орлеане в этих показаниях нет, хотя на допросе 22 февраля 1431 г., т. е. немногим ранее, она четко сформулировала, что «голос говорил ей пойти во Францию; и она не могла более пребывать там, где была; и что сей голос говорил ей, что она снимет осаду с Орлеана. Она сказала затем, что голос велел ей самой, Жанне, пойти в крепость Вокулёр к Роберу де Бодрикуру, капитану того места» (XX, р. 47).

Из этого явствует, что весть об осажденном Орлеане стала последней каплей, переполнившей чашу терпения. Именно ради снятия осады Жанна, кажется, и торопилась в Шинон. Но почему же она так упорно скрывала эту часть своего плана? Удивительное дело: не зная мы наперед, что Жанна спешит с восточной окраины во Францию именно для того, чтобы спасти Орлеан, мы с трудом догадались бы, что речь идет о знаменитой в будущем Орлеанской деве. Ее земляки, давая показания на процессе реабилитации, точнейшим образом передают слова Девы о ее миссии, но никто из них как будто слыхом не слыхивал об Орлеане! Между тем, момент был воистину драматический: осажденный с середины октября 1429 г., город ко времени описываемых нами событий оставался во вражеском кольце более четырех месяцев. За судьбой Орлеана следила не только вся Франция, но и Европа.

Принимая во внимание теснейшие контакты Бодрикура с «Буржским двором», о чем свидетельствуют счета крепости Вокулёр с их постоянными упоминаниями о королевских гонцах, невозможно представить, чтобы весть об опасности, грозящей Орлеану, могла обойти Домреми стороной. Особенно если учесть давнюю связь региона Барруа с Орлеанским домом. Жанна не случайно показала, что «хорошо знает, что Бог любит герцога Орлеанского и даже, что ей было больше откровений о нем, чем о любом другом смертном, кроме того, кого она зовет своим королем» (XX, р. 54). Одним из пунктов ее программы было во что бы то ни стало освободить из английского плена герцога, как, выражаясь

словами канцлера Жювеналя дез Юрсена, *le plus prochain de la couronne* (ближайшего к короне. — А. С.) после дофина (см. XX, р. 54, п. 1).

«Отец Карла Орлеанского и родной брат короля, Людовик, углубился в восточные пределы (королевства. — А. С.), и старался установить свое влияние в Лотарингии и Люксембурге; когда королевская власть пошатнулась, брат безумного короля сохранил престиж французской монархии в этих землях. По-видимому, Жанна унаследовала некоторым образом память об этом» (XX, р. 54, п. 1).

Однако, кроме причин эмоционального, глубинного характера, были у Жанны и вполне рациональные причины спешить на помощь Орлеану. Один из счетов Руана от 15 сентября сохранил упоминание о готовящейся осаде Вокулёра и, что наиболее важно, о некоем договоре о сдаче крепости, который Бодрикур заключил с англичанами. Как замечает Симеон Люс, «подписывая этот договор, Робер де Бодрикур, ловкий защитник крепости, выиграл время и избежал серьезной опасности на срок, определить который мы, к сожалению, не можем. С другой стороны, англичане также нашли выгоду в том, чтобы долее не держать под весьма сильной, но стратегически второстепенной крепостью внушительный армейский корпус, в котором они нуждались для будущей осады Орлеана. Орлеан был ключевым пунктом на Луаре, и взятие этого города дало бы англичанам возможность контролировать юг страны. Если бы им удалось сломить сопротивление Орлеана, к ним отошли бы и иные крепости на северном берегу реки, которые все еще оставались верными Карлу. Вероятно, вступление англичан в Орлеан было условием, так или иначе оговариваемым в трактатах подобного рода, с которым Робер де Бодрикур соотносил окончательную сдачу Вокулёра; и именно это объясняет нам, почему сдачи крепости так никогда и не последовало» (LXXXII, Preuves, p. 226–227).

Известно, что осаждавшими и осажденными порой заключались соглашения о том, что крепость капитулирует, если в установленный срок не получит помощи и подкреплений. Симеон Люс приводит документальные подтверждения тому, что капитуляция важного стратегического пункта нередко служила условием сдачи менее значимых крепостей, находящихся в осаде.

Таким образом, даже если до прихода в Вокулёр Жанне не было достоверно известно о том, насколько тесно судьба ее земли связана с участью Орлеана, то вскоре она должна была об этом узнать. Нет никакого сомнения, что ее будущие провожатые — де Мец, Пуланжи и прочие — рассказали ей об этом. Первые слова, с которыми Жан де Мец обратился к Жанне в Вокулёре, свидетельствуют о крайне пессимистическом отношении оруженосца к перспективам дофина и судьбе королевства. Он сказал девушке: «Милочка, что вы здесь делаете? Разве не подобает, чтобы король был изгнан из королевства, а мы стали англичанами?» (XXII, р. 277).

Однако вернемся к вопросу о том, каким образом миссия Девы была, в ее представлении, связана с осадой Орлеана. Жанна, находясь в Домреми, не упоминала о своих намерениях отстоять Орлеан, и в показаниях ее земляков на процессе реабилитации не упоминается о соответствующем пункте ее программы. Тому могут быть два объяснения: либо Жанна по ходу дела изменила свой первоначальный план действий, поняв важность освобождения города для судьбы государства, либо она сознательно скрывала свое намерение стать воином.

Первое из возможных объяснений мы рассмотрели выше и чуть позже к нему вернемся. Второе же объяснение предполагает, что Жанна раскрывала свой замысел не разом, а постепенно, строго дозируя информацию и избегая лишних откровений. У нее были на то веские причины: одно дело облачиться в доспехи и отправиться на войну, и совсем иное — надеть дорожный костюм, чтобы принести дофину божественную весть.

Последнее-то как раз весьма типично для средневекового женского профетизма и выглядит гораздо менее экстравагантным и двусмысленным, чем образ девы-воина. Не стоит забывать, что Девица была отнюдь не первой в ряду известных нам средневековых ясновидящих женщин, которые стремились донести до светских и церковных правителей волю Небес, полученную в откровениях. Источники доносят до нас их имена: св. Хильдегарда Бингенская († 1179), св. Бригитта Шведская († 1373), св. Екатерина Сиенская (1347–1380) и менее знаменитые Констанция Рабастенская (2-я пол. XIV в.), Мария Робин († 1399), Жанна-Мария де Майе († 1414) и др. (См. LXXVIII, р. 159–168). Все они с огромной энергией бросались в бурный водоворот политических событий своей эпохи, не желая оставаться в неизвестности и коротать жизнь у тихого семейного очага. Они пытались предотвратить распад единой Церкви, вмешивались в ход Великой Схизмы и Столетней войны, требуя, чтобы великие государи неукоснительно соблюдали обязанности, возложенные на них Создателем. Будучи в основной своей массе простолюдинками, они смело апеллировали к кардиналам, королям, императорам, римскому папе, передавая им волю Божию, а подчас и порицая за нерадивость. Они могли себе это позволить, ибо были твердо уверены в своем праве говорить с земными властителями от лица Господа. Такое христологическое оправдание политической инициативы этих женщин, как правило, уберегало их от преследований со стороны институциональной церкви.

Таким образом, в начале своего пути Жанна могла опираться на знаменитый опыт своих предшественниц и не имела оснований считать себя первопроходцем. Все что ей было нужно, — это провожатые в Шинон, целью же было — короновать дофина. Если к этому времени у нее и созрело решение воевать, то ни одним словом не выдает она этого намерения! Вероятнее всего, ее мужской костюм, приобретенный в складчину жителями Вокулёра, — просто-напросто верховой. В этом дорожном платье нет ничего от воинского доспеха, и наличие оружия, т. е. подаренного де Бодрикуром меча, — минимальная мера безопасности в таком опасном путешествии. Позднее Жанна упорно отказывалась принимать где-либо меч, всякий раз предпочитая ему штандарт, куда более подобающий ее миссии. Не стоит забывать, что собственно св. Михаил, который, как мы видели, первым призвал Жанну к новой жизни, назван в «Золотой легенде», а следовательно, и в проповедях Позднего Средневековья, «штандартоносцем» небесного воинства. Именно в таком качестве, т. е. в качестве королевского штандартоносца, Жанна и совершит все свои ратные подвиги.

Еще 23 июня 1428 г. Жанна поведала своему другу Мишелю Лебуэну, что «между Кусси и Вокулёром есть девушка, которая до истечения года коронуется короля Франции, и заявила, что через год король будет помазан в Реймсе» (XXI, р. 280). Как раз тогда, действительно, не было еще никакой осады. А вот план, как видим, уже существовал, и сроки были Жанной определены. И вот, ситуа-

ция радикально изменилась. Голоса, по признанию Девицы, твердо приказали ей спасать Орлеан, а слова Жанны, как следует из показаний земляков, остались прежними и не содержали в себе никакого намека на воинское будущее героини. И лишь после того, как Вокулёрский эскорт проехал через Жьен, тайный замысел Девицы становится достоянием общественности. Эхо этой перемены в заявлениях Жанны доносит до нас Бастард Орлеанский: «Некая юная девушка, называемая в народе Девницей, <...> направляется к благородному дофину, чтобы снять осаду с Орлеана и проводить дофина в Реймс для коронации» (XXII, р. 2). Это — первое упоминание об освобождении Орлеана как важнейшей части ее замысла.

Жьен был на пути в Шинон первым пунктом, державшим сторону дофина. Здесь уже позволительно раскрыть карты. Но, что не менее важно, он равно удален и от Домреми. В самом деле, неясно почему, придя в Вокулёр в январе и покинув этот город не раньше чем через три недели, Жанна была предоставлена самой себе. Не было ни единой попытки отца или братьев хоть как-то вмешаться в ее судьбу, не говоря уже о том, чтобы вернуть ее домой. Между тем ригоризм Жакоба д'Арка в этом вопросе хорошо известен: «е отец рассказывал, что видел во сне, как она Жанна уйдет с воинами; и отец и мать с великим тщанием блюли ее и держали в строгом повиновении, <...> она также слышала от своей матери, что отец говорил ее братьям: “Поистине, если бы я узнал, что такое приключилось и я так ошибся в своей дочери, я хотел бы, чтоб они (братья. — А. С.) ее утопили, а если бы они сего не сделали, я сам бы ее утопил”» (XX, р. 115).

Неужели когда настала пора действовать, отец вдруг переменял тон? Совсем нет. Жанна призналась, что родители, узнав о ее уходе, «почти обезумели». Они простили свою дочь лишь после ее письменных извинений, отправленных из Пуатье, когда ничего уже нельзя было изменить. Значит, единственно возможное объяснение сдержанной реакции отца на уход Жанны в Вокулёр состоит в том, что в Домреми ничего не слышали о поведении Жанны во время ее долгого пребывания в Вокулёре. По крайней мере, они ничего не должны были знать о ратных планах дочери. Жанна хорошо запомнила урок, таившийся в материнских словах о сне Жакоба — язык снов часто употреблялся в ту эпоху, чтобы снять гнет глубокой подсознательной тревоги и прояснить личную позицию по какому-либо важному вопросу. Поэтому, вполне вероятно, что Жанна, со свойственным ей здравым смыслом, ловко вышла из положения — немного сместив акценты, она придала своему воинственному плану более невинные черты.

Наконец, в начале последней декады февраля Робер де Бодрикур благословил маленький отряд красноречивым напутствием: «Езжай, езжай, и будь, что будет». Характерно, что никто, кроме самой Жанны, не припомнил потом этой хрестоматийной фразы Робера. Трудно даже понять, была ли она в действительности сказана комендантом или Жанна ее просто домыслила.

Кстати говоря, историографическая легенда о торжественных проходах Жанны жителями Вокулёра противоречит источникам. Свидетели упоминают о том, что горожане купили ей мужскую одежду и все, что необходимо в дорогу. Но, при внимательном рассмотрении, людьми, экипировавшими Жанну и опекавшими ее в Вокулёре, оказываются все те же де Мец и Пуланжи с двумя

своими слугами, а также «дядюшка» Лассар с приятелем Жаком Алленом и супруги Ле Ройе. Всё. Остальные многочисленные свидетели реабилитации сохранили скудные воспоминания об этом периоде и полагаются во всем на рассказы самого Лассара, — скорее всего, позднейшие.

Не менее вероятно также, что контуры первоначального замысла Жанны трансформировались в дороге под воздействием внешних причин: советов ее военного «эскорта» и известий об осаде, грозившей стать роковым событием для судьбы королевства Французского. Не трудно понять, что драматическая нота в этих известиях неуклонно возрастала по мере приближения маленького отряда к Орлеану.

Вероятнее всего, на первом этапе своего пути Жанна не хотела полной ясности в отношении себя и своих намерений. Слишком много препятствий возникло бы при таких обстоятельствах и со стороны родных, и со стороны бургиньонов, через чьи земли предстояло проехать. Поэтому она раскрыла лишь необходимый минимум информации, оставив до поры до времени в тайне самое смелое из своих намерений.

Состояние ее души накануне отъезда из Вокулёра в Шинон отлично характеризуют несколько деталей: «Жанна была исполнена нетерпения, и время тяготило ее, как беременную женщину» (XXI, р. 285). Дважды порывалась она уйти, взяв мужскую одежду — впервые, когда Лассар передал ей отказ Бодрикура, а во второй раз — в компании Дюрана и его друга Жака Алена. Тогда они вместе дошли до Сен-Никола, а затем круто развернулись, ибо Жанна решила, что «с ее стороны так уходить нечестно». Как видим, и здесь Жанна явно предпочитает оставаться в правовом поле, несмотря на жесточайшее психологическое напряжение. Своей целью она видит восстановление божьего порядка, справедливости, и в этом она нисколько не уклоняется от канонической традиции. Именно из божественной справедливости, согласно «Своду теологии» Фомы Аквинского, проистекают все виды права — вечного, божественного, естественного и позитивного. Она призвана Богом восстановить нарушенное право, и не желала осуществлять этот завет нечестными способами. Позже она, скрепя сердце, заставляла себя блюсти даже ненавистное ей пятнадцатидневное перемирие с бургундцами, «лишь для того, чтобы сберечь честь Короля, а также, дабы не позорили королевскую кровь» (см. Прил. III, с. 286).

Итак, 21 или 22 февраля 1429 г. Вокулёр покидала не воительница, а ясно-видящая.

Лишь после Жьена все недомолвки были отброшены, и картина полностью прояснилась. Логично, что первым говорит об этом де Мец, который был на тот момент самым близким товарищем Жанны: «Ее братья из рая и ее Сеньор, то есть Бог, сказали ей, что нужно идти на войну, дабы отвоевать французское королевство» (XXI, р. 278). Очевидец аудиенции в Шиноне, личный врач дофина Реньо Тьерри, сообщает, что «видел Жанну пред королем, в городе Шиноне, и слышал ее речи, а именно, что она послана к благородному дофину Богом, чтобы снять осаду с Орлеана и проводить короля в Реймс, дабы он был помазан и коронован» (XXII, р. 15).

Стало быть, можно проследить некоторую эволюцию в образе мыслей Девы. Изначально ее замысел состоял лишь в коронации дофина, так как все беды королевства коренились в отклонении от Божественного плана и в отсутствии

легитимного помазанника на троне. И только потом, ранней весной 1429 г., факт драматической осады Орлеана заставил ее изменить решение. Возможно, она сделала это по совету новых друзей из воинского окружения: они отлично понимали, что путь к Реймсу, вопреки географии, лежит через Орлеан.

Подкрепление от архангела Михаила Генезис миссии Жанны

Безусловно, если мы хотим понять, как формировалось в сознании Жанны представление о ее миссии, не следует ограничиваться фактами сугубо политического характера. Необходимо обратить пристальное внимание на некоторые факты внутренней жизни Девы, которые мы можем изучать, благодаря ее собственным признаниям или рассказам очевидцев. Конечно, главным образом это касается *совета* Жанны и ее *голосов*.

Большой интерес для нас представляет единственная мужская ипостась *совета* Жанны, архангел Михаил. Его культ, как известно, пережил огромный подъем на заключительном этапе Столетней войны. Несомненно, этот факт придал будущему Карлу VII дополнительную легитимность в глазах народа. В землях же Барруа и Лотарингии рост интереса к образу архангела совпал с очень давней традицией. Издатель протоколов процесса осуждения Жанны и один из самых известных ее биографов, П. Тиссе, сообщает, что «в трех диоцезах [Лотарингии и Барруа] насчитывается 46 церквей, посвященных архангелу. Знаменитое аббатство Сен-Миель (Saint-Mihiel), возникшее еще в VIII в. и находящееся в Барруа, пользовалось большим влиянием в регионе» (XX, р. 72, п. 2). В документе от 30 июля 1414 г., из коллекции С. Люса, сообщается об основании Ферри Лотарингским, графом Водемоном, и его женой Маргаритой де Жуанвилль часовни св. Михаила близ замка Жуанвилль, «в коей ежедневно на рассвете должна служить месса» (LXXXII, Preuves, р. 72). Поэтому нет ничего удивительного, что свое первое откровение, а вернее, «подкрепление» Жанна получила именно от св. Михаила.

Рассмотрим сюжет о пришествии к Жанне штандартноосца небесного воинства. «Она сказала также, что ей было подкрепление от святого Михаила. Спрошенная, которое из названных видений явилось ей первым, ответила, что первым пришел святой Михаил. Спрошенная, много ли времени прошло с тех пор, как она впервые услышала голос святого Михаила, ответила: “Я не говорю вам о голосе святого Михаила, но говорю о великом подкреплении (réconfort)”» (XX, р. 72).

Такого же рода *подкрепление* Жанна получит в Сен-Дени, но уже от св. Екатерины. Коль скоро сама она твердо различает, где голоса, а где подкрепление, можно полагать, что подкрепление от св. Екатерины означало, собственно, облегчение от ран. Одной из важнейших сакральных функций этой святой в эпоху Позднего Средневековья считалось исцеление и защита от ранений. Кроме того, св. Екатерине поклонялись как освободительнице пленников. Жанна носила в бой оберег — кольцо, посвященное этой святой. Поэтому вполне логично, что всякий раз, когда Жанна была ранена или находилась в плену, —

например, после прыжка пленницы с башни Бореуар, — она вновь интенсивно общалась именно со св. Екатериной, а не с архангелом или св. Маргаритой.

Возвращаясь к образу св. Михаила, отметим, что он издавна почитался христианами как небесный воитель, дарующий победу тому, к кому благоволит Господь. Когда в 312 г. римский император Константин одержал победу над Максенцием, архангел Михаил, согласно легенде, появился в небе, провозгласив: «In hoc signo vinces!» — «Сим знаком победишь!» Этот эпизод по сути своей очень близок рассказу Жанны о шинонском «знаке дофина». Знаменитые предшественники дофина Карла Карл Великий и Людовик Святой глубоко чтили св. Михаила. Известно, что Карл Великий провозгласил его *Patronus et Princeps Imperii Galliarum* (Покровителем и государем галльской империи) (LXXIX, р. 107).

Важно отметить, что Жанна получает первое *подкрепление* от архангела Михаила *до* появления собственно голосов, которые пришли к ней, когда ей было около 13 лет. Стало быть, *подкрепление* можно отнести к периоду *между 1424 и 1425 г.* Имея перед глазами эту более или менее точную хронологическую привязку, необходимо выяснить, какие существенные для нас события пришили на этот исторический этап.

Итак, август 1424 г. — это время одной из самых мощных и решающих атак англичан на нормандскую твердыню Мон-Сен-Мишель. Именно тогда Бедфорд, бывший регентом при малолетнем Генрихе VI, направил туда мощный флот под командованием Никола Бурдетта. Аббатство оказывало неприятелю долгое и успешное сопротивление. В сентябре 1425 г. это противостояние увенчалось победой французов под руководством бретонца Ришмона.

Весть о несокрушимости Мон-Сен-Мишеля имела огромное значение для всей Франции, ибо святой Михаил давно считался покровителем королевства, патроном династии Валуа. После того, как в 1419 г. Сен-Дени под Парижем перешел в руки англичан, св. Дионисий, хранитель королевского знамени Орифламмы, утратил, в глазах сторонников дофина, ореол защитника королевства. В том же году Карл объявил своим личным патроном архангела Михаила. По мнению дофина, именно св. Михаил спас его от смерти во время известного инцидента в Ла-Рошели (1422 г.), когда во время заседания нотаблей пол неожиданно провалился и все присутствовавшие, включая дофина, рухнули вниз. Многие тогда сочли, что это был заговор и покушение на дофина, однако Карл почти не пострадал и в том же году пожертвовал деньги на основание обители в Мон-Сен-Мишеле.

Как все эти события отозвались в Домреми, находившейся на противоположной стороне Франции? Там были особые причины сочувствовать судьбе нормандской святыни. «Так, когда в середине 1419 г. аббат Мон-Сен-Мишеля Робер Жоливе покинул свое аббатство, дофин поставил во главе аббатства принца крови, своего кузена Жана де Аркура <...>. Сестра Жана де Аркура, Мари, в 1417 г. вышла замуж за Антуана Лотарингского, графа Водемонского и сеньора Жуанвилля. В эту эпоху вся семья исповедовала подлинный культ Горы и святого Михаила. При таких обстоятельствах, похоже, что события, происходившие в Мон-Сен-Мишеле, были известны в регионе Домреми» (LXXIX, р. 110).

Но, кроме вести о несокрушимости аббатства, период 1424–25 гг. принес французским подданным еще одну благую весть, на этот раз из области права, что особенно важно для нашего исследования.

По обычаю, молодой монарх не мог управлять государством до достижения совершеннолетия. Так было даже с Людовиком Святым, который был коронован в возрасте 12 лет в Реймском соборе. Возраст королевского совершеннолетия (*majoritas regis*), не был, однако, четко зафиксирован. Король, будучи первым среди рыцарей, должен был следовать традициям рыцарства, согласно которым он признавался совершеннолетним в 21 год, т. е. после трех семилетних циклов воспитания и инициаций. Но, как известно, политическая ситуация корректировала этот идеал: по сути дела, речь шла лишь о достижении монархом минимально разумного для исполнения своих функций возраста *aetas discretionis* (возраста благоразумия). Это казалось вполне достаточным, поскольку рядом всегда был Совет, в чьих руках оставались до определенного времени бразды правления.

Чарльз Вуд, исследуя вопрос о королевском совершеннолетии во Франции и Англии, заключает, что обычно сами короли пытались, с разной степенью успеха, диктовать условия опекунам, объявляя себя совершеннолетними. Возраст, в котором они это делали, сильно варьировался: от 10 лет в случае Ричарда II, до 30 — у Людовика Святого и его сына, Филиппа III (в двух последних случаях очевидна контаминация с библейским возрастом Христа, который, согласно традиции, именно в 30 лет приступил к исполнению своей миссии).

В 1380 г., после смерти Карла Мудрого, деда Карла VII, именно вокруг вопроса о престолонаследии разгорелись жаркие споры в Королевском совете. Герцог Анжуйский считал, что «в соответствии с кутюмом Франции, раз старшему сыну короля, Карлу, нет еще четырнадцати лет, он не может получить в полной мере управление королевством <...>. Пьер д'Оржемон, который считал себя главным в королевском совете, говорил весьма убедительно и сказал, приводя многие доводы, что необходимо подождать, пока он достигнет более зрелого возраста, а в особенности, что король Карл V повелел и пожелал, чтобы он не был помазан, пока не достигнет более зрелого возраста, и что герцоги Бургундский и Бурбонский должны стать воспитателями детей». Однако затянувшееся междоусобица грозило сильными волнениями, по меньшей мере, в Париже, и было решено, что «короля следует доставить в Реймс, дабы он был помазан, <...> и что многие короли в меньшем возрасте управляли своими королевствами, и также король святой Людовик, <...> и что каков бы ни был закон или ордонанс, изданный в прошлые времена, он может быть изменен во избежание большей несообразности, каковая была бы весьма велика, из-за распри сеньоров, которая была очевидна; и что как только король будет коронован, все таковые распри прекратятся, и он примет бразды правления от своего имени, и будет иметь добрый совет» (XVIII, *Histoire de Charles VI, roy de France, par Jean Juvenel des Ursins*, p. 324).

Таким образом, каждое восшествие на престол требовало определенной адаптации кутюма и решающий голос в этом имел королевский совет. Однако частые вариации все-таки группировались вокруг определенной основы, которая существовала в общественном мнении, т. е. вокруг кутюма. О наличии такого кутюма даже спустя почти столетие после казни Жанны, в 1523 г., пишет в своем трактате «Наставник и Ученик» Кристофер Сент-Джермен: «Мне кажется, что поскольку закон Англии <...> основан на презумпции, <...> по обы-

чаю, несовершеннолетние до достижения возраста двадцати одного года не способны управлять собою» (XCI, р. 34).

Выйти из-под гнета ограничений, связанных с королевским малолетством, самому монарху было непросто. Так, после смерти Карла V и учреждения опекунского совета, о котором мы упоминали выше, Карлу VI не удалось воспользоваться правовой нормой, установленной эдиктом его отца от 1374 г. Эдикт гласил, что королевского совершеннолетия монарх должен достигать в четырнадцать лет. Однако Карлу VI пришлось ждать гораздо дольше, так как совет, несмотря на его просьбу о провозглашении совершеннолетия, отказал ему в этом и легко пренебрег эдиктом Карла V.

Но вот что любопытно: на 21 году жизни, как того и требовал кутюм, Карл VI повел себя принципиально иначе. В 1388 г., «держа свой план в тайне от совета, он обратился к архиепископу Реймскому и убедил его провозгласить королевское совершеннолетие в непредусмотренной заранее речи со ступеней кафедры» (ibid., р. 37). Не следует забывать, что в интересующее нас время, т. е. в 1424 г., сын Карла VI, будущий Карл VII, миновал именно 21-летний возрастной рубеж. В глазах Жанны и ее земляков, ориентировавшихся на кутюм, а не на эдикт, достижение дофина совершеннолетия могло стать значительным событием, поскольку оно делало его законным кандидатом на французский престол.

При тяжелых обстоятельствах, в которых оказалась Франция к моменту прихода Жанны, любое нарушение кутюма, особенно в отношении персоны столь сакральной, как королевская, привлекало к себе пристальное внимание.

Таким нарушением в глазах многих французов, несомненно, стал договор в Труа, по которому королева Изабелла лишала наследства дофина, а трон по смерти ее мужа Карла Безумного должен был перейти к ее внуку, т. е. будущему сыну Екатерины Французской и Генриха V (см. LXXX, р. 15–31). Еще в 1419 г., сразу после убийства Жана Бесстрашного в Монтеро, сам Жерар Монтегю, епископ Парижский, призвал народ к «священному союзу» против английской угрозы. Он предлагал французским партиям помириться между собой и присоединиться к «единственному сыну и наследнику короля». Жителями Нормандии, к этому времени полностью занятой англичанами, владели те же чувства. Около 1420 г. нормандец Робер Блондель сочинил стихотворную «Жалобу добрых французов», в которой пламенно поддерживал партию дофина против англичан и их бургундских союзников. Не менее показателен и «Ответ доброго и честного француза всем сословиям французского народа», появившийся сразу после подписания договора в Труа. В нем была сделана попытка показать всю ничтожность этого документа с точки зрения разума и права: Карл VI не был свободен, когда подписал договор, поскольку находился в руках своих заклятых врагов; а если бы он и был свободен, договор не сделался бы от этого действительным, поскольку король пребывал не в том душевном состоянии, которое позволяло бы ему принимать настолько серьезные решения. «Так как же мог столь увечный и больной король законным образом отдавать и уступать такую большую вещь, как все французское королевство?» (XL, с. 284–285).

Как известно, дофин не признал договора в Труа. Захватив с собой казну, он бежал из Парижа и устроил свой двор в Бурже, а парламент — в Пуатье. Карл

родился в 1403 г., а стало быть, лишь с 1424 г., по достижении 21 года, мог считаться полноправным монархом и в соответствии с традицией престолонаследия претендовать на трон. Именно это могло означать для Жанны благую весть от св. Михаила — личного покровителя Карла.

Итак, первым объяснением «подкрепления» от св. Михаила может служить весть о важной победе, одержанной защитниками Мон-Сен-Мишеля в Нормандии. Второе объяснение можно найти в достижении дофином Карлом возраста королевского совершеннолетия, дававшего ему святое право на французский престол.

Но есть и третье объяснение, заслуживающее особого внимания. В коллекции документов Симеона Люса хранится замечательный рассказ хрониста, касающийся периода с 11 октября 1422 г. по март 1423 г.: «В сию пору означенный дофин прибыл в город Ла-Рошель, дабы созвать ассамблею своих капитанов и главных губернаторов (*gouverneurs*) и получить совет и заключение о возможности достичь короны Франции. И когда они пребывали на совете в одном из больших домов, великая часть одного обрушилась на том самом месте, где они находились, и оттого многие были покалечены и убиты. И онный дофин также был ранен и весьма поспешно уехал из одного города, с весьма малочисленным эскортом. И пошла потом молва в народе, что вскорости после сего он умер, а некоторые придерживались обратного мнения. И весьма долгое время ни в Париже, ни на границах Пикардии, ни во многих иных землях не ведали, жив он или нет. И длилось сие заблуждение с того времени вплоть до следующего за тем марта» (LXXXII, *Supplement aux epreuves*, p. 321). Новость эта разлетелась по всему королевству, которое, оказывается, пристально следило за судьбой «единственного сына короля». «В сей год (дек. 1422 г. — А. С.) была весьма холодная зима и много снега, из коего жители Турне, кои все были арманьяки, слепили множество снеговиков и фигурок дофина из почтения к оному Дофину, чем герцог Бургундский и жители Гента были весьма недовольны. И жители Турне послали тогда депутацию в земли Берри и Орлеана, дабы узнать правду о состоянии одного Дофина. И долго не возвращались в означенный город Турне, и вернулись во время Великого Поста, сообщив, что он жив» (*Ibid.*, p. 322).

Жанне было тринадцать лет, когда ее посетило первое видение в саду отца. *Подкрепление* от Михаила случилось незадолго до этого, т. е. как раз в 1423 или 1424 г. Следовательно, весть о счастливом избавлении дофина от смертельной опасности также могла быть воспринята Жанной как *подкрепление* от его личного патрона — архангела Михаила.

Не менее интересно в связи с этим признание Жанны, сделанное ею на допросе 1 марта 1431 г. На вопрос судей о том, как давно ее посещал св. Михаил, Жанна ответила, что с того самого дня, когда ее увезли из Кротуа на борту английского судна, святой Михаил ее более *не подкреплял*. В Кротуа бургундцы передали Жанну англичанам. Это был последний пункт бургундского подчинения на пути к Руану — далее по Сомме Жанну привезли на территорию, подвластную Англии. В том же местечке Кротуа Жанна в последний раз присутствовала на мессе, которую отслужил для нее некий священник — приверженец Карла VII.

Таким образом, в этом небольшом эпизоде мы вновь сталкиваемся с «вассально-сеньориальной» природой голосов Жанны, — в особенности, голоса

св. Михаила: ступая на враждебную территорию, она начинает чувствовать себя как бы вне его юрисдикции. Покинуть землю, чьим патроном был св. Михаил, в известной мере значило для нее быть покинутой самим архангелом.

Завершая данную часть статьи, отметим, что вопрос о значении категории права в этической системе Жанны и ее современников представляется нам вполне обоснованным. Формула *Dieu et mon Droit* (Бог и мое право), являясь, прежде всего, девизом династии Плантагенетов, тем не менее, очень точно отражает правовое сознание как самой Жанны, так и ее окружения в целом.

Столетняя война, как и любая другая, кроме, разве что, крестоносной, воспринималась людьми той эпохи в первую очередь как феодальный поединок, правовой спор. Й. Хейзинга справедливо отмечает: «Согласно “Прению Французского герольда с Английским”, правый спор, который обязывал короля Франции к завоеванию Англии, основывается в первую очередь на том, что убийство Ричарда II, супруга французской принцессы, не получило отмщения. Лишь во вторую очередь шла речь о компенсации за “бесчисленные бедствия”, которые Франция претерпела от англичан, и о “великих богатствах”, которые сулило это завоевание» (XCVII, с. 300).

Таким образом, мы можем утверждать, что мысли и поступки людей интересующей нас эпохи во многом определялись особенностями их правосознания. Неудивительно, что идея права оказалась в высшей степени созвучной умонастроению Жанны: бедственное положение Франции воспринималось ею как результат противоправных действий врагов королевства, а следовательно, врагов божественного порядка. Поруганное право требовало защиты, и это полностью отвечало заявленному Жанной принципу «*Aide-toi, le Ciel t'aidera*» — «Помоги себе сам, и Небо тебе поможет». Далее мы обратимся именно к этому ее убеждению и рассмотрим, каким образом она претворяла его в жизнь.

AIDE-TOI, LE CIEL T'AIHERA ! ПРОСТРАНСТВО ОБЕТА В ЖИЗНИ ЖАННЫ

В истории Девы есть несколько моментов, которые до сих пор остаются для ее биографов необъяснимыми.

Знак дофину в Шиноне, меч из Фьербуа, мужской костюм... Казалось бы, перед нами навеки неразрешимые вопросы. Возможно, это и так. Но при внимательном рассмотрении все три загадки имеют нечто общее, некий общий знаменатель, который придает образу Жанны цельность и логическую завершенность.

Ранее мы отметили умение Жанны хранить тайны. Теперь необходимо подчеркнуть: создается впечатление, что она имела некую душевную склонность к обладанию тайной как таковой. Тайна для нее, как для блаженной Анджелы или св. Франциска — источник вдохновения и внутренней энергии. Жанна всегда стремилась сохранить в тайне то или иное событие своей внутренней жизни. И если вначале она делала это полуосознанно, в подражание чужому примеру (*exemplum*), то со временем стала сознательно прибегать к этому действенному средству в ключевых для себя ситуациях.

Что стоит за этой непреклонной волей хранить секрет? Девица поступает так на протяжении всей своей эпопеи, поэтому эта модель поведения нуждается в анализе. Здесь уместно проследить взаимосвязь между образом действий Жанны и той областью средневекового сознания, которую можно назвать пространством Обета.

Обет в этической системе Средневековья

Категория обета пребывает далеко за рамками чисто христианской традиции, она берет свои истоки в обычаях варварских племен и имеет долгую историю. Обет, безусловно, связан с основополагающим для средневекового общества этическим понятием «вера», «доверие». Вера в данном контексте выступает как «foi», т. е. в более узком понимании — «верность». Стоит особо подчеркнуть, что лексическая слиянность воинской и церковной концепций «foi» дополнительно свидетельствует об их принципиальном родстве. Последующая эволюция этого понятия в двух указанных направлениях лишь пестовала две ветви единого ствола, не уничтожая общего корня. Тем более что обет приносился рыцарем перед лицом какого-либо святого или же самого Бога, — Бог или святой при этом становился гарантом исполнения обета. Поэтому, когда мы будем говорить об обетах Жанны, следует помнить, что среди них нельзя выявить ни строго светских, ни строго церковных. Ее обеты соединяли в себе черты и тех и других, что делало их понятными как мирянам, окружавшим ее, так и представителям духовенства.

Итак, мы говорили о верности. Верность скрепляется клятвой, *обетом*, и сломавший эту печать — презренен и вероломен, ибо посягнул на основу феодального мира, без которой последний рассыпался бы в прах. Начиная какое-либо дело, воин дает обет и подкрепляет его неким вещественным символом — цепью, кольцом, ожерельем или другим предметом. К примеру, по свидетельству Ж. Фруассара, знаменитого хрониста второй половины XIV в., англичане времен Столетней войны часто использовали в качестве такого предмета повязку для глаз. Воин не снимет с себя вотивного предмета, пока обет не будет исполнен. Вот клятва, данная графом Джоном Солсберийским в 1338 г.: «Солсбери тотчас накрыл повязкой правый глаз и вскричал: “Клянусь всемогущим Богом и Богородицею, что сей глаз не раскроется надолго ни от ветра, ни от боли, ни от пытки, пока я не буду во Франции, не внесу туда пожар и не поражу подданных Филиппа Валуа! Будь, что будет!”» (LIV, с. 144). Любопытно, что предшественник Жанны Бертран Дюгеклен, к которому мы еще вернемся, также следовал вотивной традиции. Согласно легенде, знаменитый бретонец очень часто давал различные обеты: не принимать пищи до тех пор, пока не состоится сражение с англичанами, не снимать платья, пока не подчинится крепость Монконтур и т. п. (LIX, с. 205).

Обет приносился рыцарем на тех жизненных этапах, которые он считал ключевыми и важнейшими — будь то крестовый поход или обретение славы на поле битвы. «Наиболее выразительной формой рыцарского вызова, — пишет Дефурно в своей работе о повседневной жизни времен Жанны д'Арк, — была

emprise (пути, оковы. — А. С.), обращенная не к определенному противнику, но ко всякому, кто пожелает этот вызов принять. *Emprise* подразумевала, кроме того, и *обет*: рыцарь налагал на себя символическую повинность, которая могла закончиться лишь после того, как условия *emprise* будут исполнены. “Мы, Жан, герцог Бурбонский, — сказано в послании Жана де Бурбона 1415 г., — дали обет и пообещали, что мы, а также еще шестнадцать рыцарей <...> будем носить каждый на левой ноге цепи, рыцари — из золота, оруженосцы — из серебра, каждое воскресенье в течение полных двух лет <...> если только не найдется раньше равное число безупречных рыцарей и оруженосцев, которые все вместе пожелают вступить с нами в пеший поединок до победного конца”. Помимо этого, в течение двух лет, пока длится действие обета, герцог и его спутники должны были ставить свечи перед изображением Богоматери, которое им следовало с этой целью заказать живописцу и у подножья которого была бы подвешена золотая цепь, подобная тем, какие они наденут на себя» (XL, с. 135–136).

Были, конечно, некоторые пути для отступления, предусмотрительно зарезервированные певцами рыцарского этоса и крепившие солидарность внутри избранного сословия. К примеру, в случае крайней необходимости, обет, вместе с символическим предметом, мог быть снят равным — с равного. Но это частный случай. В идеале никто не в силах освободить рыцаря от данного обета, кроме того, кому он был дан. А дан он мог быть Господу, какому-либо святому или... монарху. Особа короля все-таки воспринималась преданным вассалом как сакральная, хотя споры об характере этой сакральности велись на протяжении всего Средневековья. В пору борьбы за инвеституру священство выдвинуло концепцию *rex-sacerdos*, основываясь на библейском примере царя Мельхиседека. Мельхиседек, как известно, считался идеальным с христианской точки зрения правителем, т. е. царем и жрецом одновременно. В Псалме 81 о царях говорится: «Я сказал: вы боги и сыны Всевышнего — все вы. Но вы умрете, как человеки» (Пс. 81, 6–7).

Однако религиозно-политическая мысль Позднего Средневековья уже не питала иллюзий о возможности объединения функций управления церковью и государством в лице короля. Соперничество монарха с Церковью видно не только в соответствующих трактатах, но и в литургической практике. Структура трактатов и требников свидетельствует о стремлении монарха организовать рукоположение в королевский сан по примеру епископского, тогда как церковь старалась низвести роль королей до положения иподьяконов. Однако, по всей видимости, король достаточно преуспел в укреплении своего авторитета, ибо к концу Средневековья Жан Голен и Клод Виллет в названном нами трактате от 1611 г. уже открыто признают особу короля сакральной. Таким образом, сакральный акцент в конструкции *царь-жрец* все более явственно перемещался на первую ее часть. Упоминая о коронационных обрядах (помазание рук, целование блюда для облаток, причащение под обоими видами по образцу священнического), трактат гласит: «король есть особа двоякой природы и церковная», а ко времени Людовика XIV в Парламенте и вовсе зазвучит старая византийская формула «Да здравствует жрец-базилевс!»

Вотивная практика получила особенно широкое распространение в эпоху крестовых походов. Обеты того времени были чрезвычайно популярны и разно-

образны: не стричь бороды и волос, не спать или не принимать пищи до встречи с дамой сердца, не снимать одежды до успешного окончания осады! Соблюдение священной клятвы требовало от человека изменения привычного образа жизни. К примеру, обет стимулировался длительным воздержанием в еде, сне, питье, прочих мирских радостях. В связи с этим уместно вспомнить о невероятно скромных трапезах Жанны. Зачастую она ела один — два кусочка хлеба в день, обмакивая их в разбавленное водой вино. Столь умеренная пища поддерживала ее при невероятном напряжении физических и духовных сил, чему непрестанно дивились ее соратники.

Подобная сознательная анорексия, характерный спутник обета, была аналогом поста, ведущего к очищению и выпренности духа. Не с этим ли связана деликатная деталь об отсутствии у девушки менструаций, на которую, со слов женской прислуги Жанны, указывает оруженосец Жанны, Жан д'Олон? Это подвигло ряд исследователей предположить в ней болезнь или природное мужеподобие. Однако, учитывая, что Жанна едва не стала женой «парня из Туля», а следовательно, не вызывала у родственников и друзей никаких подозрений подобного рода, легко объяснить такую аменорею длительным физическим и психическим стрессом. Этот диагноз хорошо известен сегодняшней медицине.

Возвращаясь к специфике средневекового обета, подчеркнем его универсальную природу. Обет был трехлик: как и само общество, он обладал монашеской, рыцарской и даже крестьянской ипостасями. Упомянутый нами выше предводитель «крестового похода пастушков» Жак утверждал, что «проповедует от имени Пречистой Девы, и всегда держал сжатой руку, для того, чтобы держать приказ, данный ею. Он заявлял, что ему являлась Дева Мария с ангелами, которую он велел изобразить на своих знаменах. На его знамени был вышит также агнец и крест» (XXVIII, с. 152–153).

Вотивный обычай, христианизированный культом святых, оказался весьма живучим. Об этом говорят и обстоятельства, при которых была объявлена война, названная впоследствии Столетней. Кто знает, каков был бы ход событий, не вынуди Роберт Артуа Эдуарда III дать пресловутый Обет Цапли?

Первым настоящим, осознанным обетом Жанны мы можем считать обет сохранения девственности, который она дала пред лицом своих святых задолго до первого ухода в Вокулёр. «Она сказала также, что в первый раз, когда услышала голос, она принесла обет девственности (*voua sa virginité*), поскольку это угодно Богу; и она была в возрасте 13 лет или около того» (XX, р. 210). Напомним, что никто не просил ее об этом, она сделала это по своей воле, видимо, тогда уже решив, что «на женскую работу всегда найдется много других». Принесение обета породило в Жанне непреклонную решимость отстаивать свое право в суде тульского диоцеза, который в итоге признал ее свободной от брачного обещания. Принесение обета дочерью вынудило Жакоба д'Арка смириться с ее твердым решением. Первые успешные шаги на пути к исполнению задуманного принесли Жанне уверенность в своих силах и правильности избранного пути.

Обет и мужской костюм Жанны

Привлечение категории обета помогает пролить свет и на вопрос о том, почему Жанна сменила женское платье на мужской костюм.

Вспоминая на процессе реабилитации об обстоятельствах, при которых Жанна переоделась в мужской наряд, Жан де Мец рассказывал: «Я спросил ее, хочет ли она отправиться в своем платье, и она ответила, что предпочтет мужской наряд. Тогда свидетель (Жан де Мец. — А. С.) вручил ей платье и штаны своих людей, чтобы она переоделась; а после того жители Вокулёра сделали для нее мужской костюм и штаны, гетры и все, что требуется» (XXI, р. 277). Де Мец и вторящий ему Бертран Пуланжи преследуют ясную цель: показать, что не видели и не видят ничего зазорного в том, что Жанна на тот момент оделась по-мужски. Дело, мол, было чисто житейское, практическое и не имело под собой никакой идейной подоплеки.

Однако надо помнить, что вскоре после описываемых ими событий вопрос о смене мужского костюма на женское платье станет для Девы ключевым. Спустя два года отказ переменить одеяние приведет ее на костер. И все же нет причин не верить старым рыцарям. Их слова доказывают лишь то, что не здесь, не на раннем вокулёрском этапе, мужской костюм обрел в сознании Жанны первостепенное значение. Но где и когда, в таком случае, она решила не снимать мужской наряд?

По всей видимости, истоки этого решения следует искать в период между свиданием Жана из Меца и Жанны, одетой пока еще в женское платье, и их поездкой в Нанси по вызову герцога Лотарингского. Известный биограф Девы, В. И. Райцес, отмечает: «На территории герцогства она была под защитой охранной грамоты и ее явно сопровождал кто-то из людей герцога, поэтому у нее не было никакой практической необходимости в этом необычном наряде. Можно предположить, что она сильно изумила герцога, появившись пред ним в мужском платье. Создается впечатление, что ее поведение носило демонстративный характер» (XCIX, р. 20). Конечно, и нам трудно избежать такого впечатления. В. И. Райцес предлагает два объяснения. Во-первых, смена костюма — жест символический, говорящий о принятии на себя новой социальной роли, роли воина. Во-вторых, Жанна в данном случае производит образ действия одной из ее святых, апокрифической Маргариты-Пелагии, остригшей волосы в кружок и сбежавшей из-под венца в мужском наряде.

Все это, бесспорно, так. Но этих объяснений было бы недостаточно без существенного дополнения, поскольку они касаются лишь решения *надеть* мужской костюм. А нам важно понять, какие пути не давали Жанне *снять* его в роковые моменты руанского процесса.

«Спрошенная, не просили ли несколько раз ее король, королева и прочие из ее партии снять мужское платье, ответила: “Сие не относится к вашему процессу”. Спрошенная, не просили ли ее о том в замке Бореуар, ответила: “Да, правда. И я ответила, что не сниму его без позволения Бога”» (XX, р. 92).

Мы видим, что Жанну часто уговаривали вновь надеть подобающее ее полу одеяние. Однако всякий раз она отказывалась, мотивируя свое упорство волей голосов. Между тем, отвечая на вопросы судей в Руане, Жанна многократно заявляла, что никто, включая голоса, не принуждал ее сменить наряд. Почему же

тогда она говорит о невозможности снять мужской наряд без дозволения Бога, коль скоро Он не был причастен к ее решению надеть этот наряд?

«Также, спрошенная, по чьему совету она взяла мужское платье, она многократно отказалась отвечать. Наконец, она сказала, что не возлагает [ответственности за] сие ни на кого; и много раз она меняла показания» (XX, р. 54).

«Что же до платья, я отвечу в другой раз; я не в состоянии сейчас ответить, но завтра отвечу на сей вопрос» (ibid., р. 115).

На выбор решения обычно влияют несколько факторов. По всей видимости, так было и в случае с Жанной.

«Также, она сказала, что демаузель де Люксембург и дама де Бореуар предложили ей женское платье или сукно, чтобы его сшить, прося названную Жанну носить такое платье. И она ответила, что не имеет на то дозволения Божьего и что *еще не время*» (курсив наш. — А. С.) (ibid., р. 92–93).

Как мы помним, Жанна пребывала в замке Бореуар с 11 июля до начала ноября 1430 г. За ней присматривали две названные дамы де Люксембург, искренне пытавшиеся облегчить пленнице долгие дни ожидания выкупа со стороны Карла VII, либо продажи англичанам. Все это, к ужасу Девы, окончилось тем, что англичане внесли за нее требуемую сумму и отправили в Руан. Правда, само четырехмесячное пребывание в Бореуаре не было для девушки тягостным, ибо дамы испытывали к знаменитой узнице нежность и почтение. Жанна де Люксембург самой своей жизнью гарантировала ей сохранность, и лишь смерть славной дамы развязала руки хозяину пленницы, Жану Люксембургскому. Кроме того, все ждали выкупа от французской стороны. Отчаянный шаг, который предприняла Девица, бросившись в конце концов с башни замка Бореуар, свидетельствует о паническом ужасе, овладевшем ею при получении известия о состоявшейся сделке с англичанами. Значит, в течение всего предшествующего периода она ожидала другого исхода.

По словам Жанны, она бросилась с башни не только из-за страха оказаться в руках врагов, но и из-за горячего желания помочь городу Компьени. Компьень тогда находилась под угрозой жестокой осады, а Девица Жанна питала симпатию к жителям этого города, упорно хранившего верность королю Карлу. Однако ее нежелание отказаться от ношения мужского костюма во время пребывания в Бореуаре невозможно объяснить надеждой на скорую битву за Компьень. Весть о нависшей над городом опасности настигла Жанну внезапно, непосредственно в день попытки побега, тогда как предложения взять женский костюм поступали гораздо раньше, в течение долгих месяцев ее заточения в замке.

Так или иначе, строгой необходимости носить мужской наряд в обществе дам из Бореуара не было. Более того, Жанна сама заявляла, что «если б ей пришлось надеть женское платье, она скорее сделала бы сие по просьбе двух названных дам, чем каких-либо иных, не считая своей королевы» (XX, р. 93).

Следовательно, была у Девы какая-то другая, более личная причина, и искать эту причину нужно в ее словах о том, что менять костюм «еще не время».

Вероятнее всего, Жанна не считала свою миссию оконченной и поэтому не могла позволить себе снять мужской наряд. Ибо наряд этот как раз и был тем символическим предметом, который некогда скрепил ее обет. Наряд, появившийся вначале по чисто прагматическим причинам, впоследствии стал воспри-

ниматься ею как знак обета. Исходя из этого, можно выдвинуть версию об обете, данном Жанной дофину в ходе одной из первых встреч с ним в Шиноне. Содержание этого обета должно быть примерно таким: Жанна клянется снять осаду с Орлеана, короновать дофина в Реймсе, освободить из английского плена принца крови герцога Орлеанского и изгнать англичан из Франции. В знак этого обета она, по примеру Дюгеклена, обещает не снимать костюма, который отныне становится символом ее миссии. По обычаю, она обращает свой обет к своим святым покровительницам — св. Екатерине и св. Маргарите, которых берет в свидетельницы. Они должны были восприниматься дофином как гаранты исполнения обета, данного ему Жанной. Разрешить Девуцу от принесенного ею обета могли лишь те, кому она его адресовала, — святые девы или непосредственно Карл VII, который являлся для Жанны особой сакральной. Попробуем теперь объяснить, почему гипотеза об обете кажется нам в данной ситуации правомерной.

Прежде всего, стоит подчеркнуть, что речь идет именно об обете *не снимать* мужского костюма вплоть до окончательного исполнения ее замысла. Именно эта подробность и уводила нас прежде от возможности выдвинуть версию обета. Свидетели, бывшие подле Жанны на первых этапах ее пути, настаивают на том, что она сменила платье спонтанно, повинаясь практической необходимости. Да и сама она, — мучительное противоречие, — заявляет: «Что до платья, то сие пустяки и мелочи» (XX, р. 172). Но ведь именно этим «пустяком» она оказалась не в силах пожертвовать даже ради столь желанного допуска к мессе и причастию! Судьи предлагают ей облачиться в одежды, приличествующие девушке ее круга, дабы иметь возможность исповедаться и причаститься на Пасху. В ответ она просит, «чтобы ей позволили отслушать мессу в мужском платье, которое она носит и чтобы она могла также получить таинство причастия на праздник Пасхи <...>. Она не испросила еще о том совета и не может пока вновь надеть оного (женского. — А. С.) платья. Мы ее спросили, желает ли она посоветоваться со своими святыми (sic!) о том, надеть ли ей женское платье. Она ответила, что можно позволить ей выслушать мессу в сем состоянии, чего она в высшей степени желает, но она не может сменить свое платье и даже решение о том не в ее власти» (XX, р. 149).

Казалось бы, что может быть естественней, чем спросить позволения у голо-сов: она ведь так всегда и поступала. Много раз она сама просила вполне конкретных отсрочек на восемь или пятнадцать дней, дабы получить совет!

Судьи в некотором недоумении, но с показательным упорством настаивают, «чтобы она поговорила со своими голосами, дабы узнать, не переодеться ли ей в женское платье, чтобы получить причастие на Пасху».

Она твердо и с не менее показательной настойчивостью парирует: «Насколько сие зависит от нее, она не получит сего причастия, сменив свое платье на женское, и она просит, чтобы ей позволили выслушать мессу в мужском платье, говоря, что сие платье вовсе не отягощает ее души и носить его не противно Церкви» (ibid.).

Она готова пожертвовать церковными таинствами, дабы сохранить верность клятве. Клятва для нее не менее священна. Клятвопреступление (parjure) гораздо более отяготит ее душу, чем отказ от таинств, ибо станет оскорблением ее суверенного сеньора. Вспомним, что ранее, отказываясь отвечать на вопросы

о платье и знаменитом «знаке дофину» в Шиноне, она многократно просила отсрочек, словно надеясь на чей-то совет — голосов или живых людей. Отсрочки, которых она требовала, были вполне определенными — 8, 15 дней. Но ведь она заявляла, что голоса приходят к ней всегда, когда бы она их не позвала, следовательно, для общения с ними ей не нужно было бы просить о таких больших сроках!

Ближе к концу процесса, моля судей о дозволении присутствовать на мессе в мужском платье, Девица уже отказывается просить совета у голосов. Значит ли это, что она отчаялась его получить там, где хотела, т. е. непосредственно у короля?

Итак, мы предположили, что Жанна дала королю обет не снимать мужское платье, прежде чем ее божественная миссия не будет доведена до конца. Следуя этой версии, нельзя не признать, что ко времени руанского процесса миссия Жанны оказалась выполненной лишь наполовину: пусть Орлеан был спасен, а дофин коронован, но англичане все еще хозяйничали во Франции, а герцог Орлеанский по-прежнему томился в плену. Могла ли она считать свои обещания выполненными, а свою миссию — завершенной?

«Что же касается прочих вещей, кои были ей изложены по сему поводу, касательно ношения сего платья без необходимости, особенно по причине пребывания в тюрьме etc., она ответила: “Когда я совершу то, для чего была послана Богом, я надену женское платье” » (XX, р. 298).

Вспомним любопытный факт биографии Жанны: 28 января 1456 г. один из ее крестных, Жан Морель, свидетельствует на процессе реабилитации, что в июле 1429 г., прослышав о том, что король едет короноваться в Реймс, он отправился вместе с другими пятью земляками в находящийся неподалеку Шалон. Там он видел Жанну, говорил с нею, и она подарила ему свое красное платье. Судя по всему, это было то самое платье, в котором, по свидетельству Жана из Меца, она впервые появилась в Вокулёре и которое сменила на дорожный мужской наряд при отъезде в Шинон. С тех пор она своего платья более не надевала. Стало быть, все это время она хранила при себе это крестьянское женское платье. Остается лишь догадываться, как оно не затерялось в ночных переходах по вражеской территории, в пылу сражений, на постоянных дворах и в замковых покоях. Между тем у Жанны не было практической необходимости хранить это бедное платье. Она находилась на полном обеспечении королевской казны, а после снятия осады с Орлеана пользовалась роскошными дарами герцога Орлеанского: он имел возможность поощрять ее издалека. Кроме того, победы, одержанные в ходе Луарской кампании, и поход на Реймс принесли ей любовь и восхищение жителей многих французских городов, которые впоследствии нередко оказывали Девице материальную поддержку. Многие свидетели процесса реабилитации отмечали любовь Жанны к красивым и дорогим одеждам.

Очевидно, что если Жанна в таких обстоятельствах долго хранила у себя старое платье из Домреми, значит, в ее первоначальные планы не входило расстаться с ним навсегда. Иными словами, до определенного момента она рассчитывала когда-нибудь снова облачиться в женский наряд.

Остается лишь ответить на вопрос, отчего именно тогда, в Шалоне, перед самой коронацией, она все же вернула его домой. Ведь, казалось бы, миссия ее уже близилась к успешному завершению. Если бы речь шла о простом благоде-

янии, можно было бы полагать, что она подарит это платье кому-либо из находящихся рядом женщин, ведь жест дарения был для нее в порядке вещей. Достаточно вспомнить свадебный дар, который муниципалитет Тура, по ее настоянию, принес Ову Пульнуару. Пульнуар был тем художником из Тура, который несколькими месяцами ранее расписал ее штандарт. Зимой 1430 г. он выдавал замуж свою дочь, и Жанна уговорила городской совет Тура взять на себя большую часть расходов на свадебный банкет в Орлеане. Однако в случае с даром Пульнуару, как и с даром Анне де Лаваль, о котором пойдет речь ниже, Жанна распоряжается чужой собственностью. Что же касается красного платья, то оно, конечно, принадлежало ей самой, но, несмотря на это, она отнюдь не дарит его какой-либо женщине. Жан Морель говорит лишь о том, что она отдала ему свое платье, т. е. вернула его домой.

Скорее всего, именно тогда, в Шалоне, пред самой коронацией, Жанна окончательно утвердилась в своем новом статусе и более не мыслила себя прежней Жаннеттой. С той высоты, на которую она взлетела, не было пути назад. Теперь она уже ясно понимала, что политическая борьба при дворе не позволит ей скоро завершить дело восстановления мира в государстве. Она начала ощущать вокруг себя некий вакуум, поскольку ее видение дальнейшего хода борьбы за целостность королевства было в корне отличным от намерений двора. После коронации она страстно желала штурмовать Париж и очень опасалась возобновления тактики бесконечных перемирий. Вспоминая именно о той встрече в Шалоне, другой ее земляк, Жерардэн д'Эпиналь, скажет на процессе реабилитации: «Она говорила, что не боится ничего, кроме предательства» (XXI, р. 267).

Вернемся к версии о том, что с определенного момента мужское платье становится элементом обета, данного Жанной дофину. Необходимо выяснить, когда и при каких обстоятельствах этот обет прозвучал из уст Жанны.

В связи с этим, возникает вопрос, почему Девица так упорно таила пусть не содержание, но сам факт принесенного ею обета? Разумеется, в иных обстоятельствах тайна содержания обета могла быть одним из его условий. Как мы уже видели, Жанна вообще крайне неохотно говорила о своей внутренней жизни. Однако перед лицом церковного трибунала, после месяцев тюрьмы, когда ношение ею мужского костюма должно было стоить ей жизни, могла ли она скрывать столь важное обстоятельство?

А вправе ли мы утверждать, что она его действительно скрывала? Разве при внимательном прочтении материалов допросов не становится очевидным, что на самом деле Жанна говорила о своем обете многократно.

Обрывки правды, сохранившиеся в протоколах, не бросаются в глаза лишь потому, что на первый взгляд кажутся менее важными, чем окружающие их главные вопросы — о голосах, о знаке дофину, о миссии Девицы. Но если, в рамках гипотезы об обете, перенести акцент именно на них, то не составит труда увидеть четкую логику в неясных дотоле показаниях Жанны. Вот эти показания, данные нами в хронологической последовательности:

«Также, спрошенная, по чьему совету она надела мужское платье, она многократно отказывалась ответить на сей вопрос. Наконец, она сказала, что не возлагает [ответственности за] сие ни на кого; и много раз она меняла показания» (XX, р. 54).

«Сие было от нее, Жанны, а не по просьбе кого-либо из смертных <...>».

“Все, что я сделала благого, я сделала по велению моих голосов; что же до платья, я отвечу в другой раз; я сейчас не готова (*je n'en suis par maintenant avisée*), но завтра я отвечу” » (XX, р. 115).

Следует уже приведенный нами выше пространный пассаж о просьбах Жанны допустить ее к мессе в мужском наряде и отказ посоветоваться со своими голосами. И далее:

«Затем она сказала, что хорошо знает, кто дал надеть мужской костюм, но она совсем не знает, как ей должно о том сказать» (*ibid.*, р. 175).

«А что вы скажете, если я *поклялась и обещала нашему королю не снимать сего платья?*» (*ibid.*, р. 176).

Очевидно, что единственным человеком, которому она могла дать такой обет, был Карл VII. Другое дело, что она отлично понимала, что Карл VII не является в глазах членов руанского трибунала истинным и законным королем. Возможно, это удерживало ее от более подробных показаний: факт принесения обета самозванной особе усложнил бы и без того незавидное положение обвиняемой.

Любопытно, что структура ее ответов по поводу клятвы дофину весьма схожа со структурой ответов о знаменитом «*signe*», королевском знаке, данном ею Карлу в Шиноне. При этом она также часто употребляет слово *parjure* (клятвопреступление). «О том, что я обещала крепко хранить в секрете, я вам ничего не скажу», «я пообещала сие в таком месте, что не могу сказать сего без клятвопреступления <...>. Спрошенная, кому она сие пообещала, ответила, что святым Екатерине и Маргарите, и сие было показано королю» (XX, р. 234). Складывается впечатление, что оба эти события взаимосвязаны и происходили если не одновременно, то, во всяком случае, в один и тот же период. Известно, что знак был дан дофину до заседания в Пуатье комиссии клириков во главе с архиепископом Реймским, которая санкционировала в итоге миссию Жанны.

Однако, вопреки устоявшейся традиции, следует различать сцену знаменитого свидания в Шиноне, которая сохранилась во многих хрониках и показаниях свидетелей, с тем свиданием, которое мы исследуем сейчас. Ведь если бы Жанна принесла свой обет публично, при большом скоплении народа, о нем наверняка не раз упомянули бы очевидцы.

Из источников видно, что до отъезда в Пуатье Жанна встречалась с Карлом VII по меньшей мере трижды. Следуя хронологии Р. Перну, самой активной на сегодняшний момент, Жанна прибыла в Шинон после полудня 4 марта 1429 г. Хрестоматийное свидание с королем в большой зале Шинонского замка, в окружении двора, происходит лишь вечером на третий день, 6 марта. Мы можем восстановить дальнейший ход событий благодаря свидетельству герцога Алансонского:

«Когда Жанна пришла к королю, он находился в Шиноне, а я — в городе Сен-Флоран; я прогуливался и охотился на перепелов, когда гонец прибыл сообщить мне, что к королю приехала некая девица, которая утверждает, что послана от Бога, чтобы выгнать англичан из Франции и снять осаду Орлеана; поэтому на другой день (5 марта. — А. С.) я поехал к королю, который пребывал в городе Шиноне и нашел Жанну беседующей с королем. Когда я приблизился, Жанна спросила, кто я такой, и король ответил, что я герцог Алансонский. Тогда Жанна сказала: “Добро пожаловать! Больше соберется вместе королевской крови Франции, и тем лучше” » (XXII, р. 64). А затем следует рассказ Алансона

о сцене, которую мы выше условно назвали «инвеститурой» и подробности которой судьям удалось-таки вырвать из уст Жанны. Именно эти подробности и не позволяют идентифицировать это свидание со знаменитой аудиенцией в Большой зале. «И от двери ангел шел, ступая по земле, направляясь к ее королю. Спрошенная, какое расстояние было между дверью и местом, где находился тогда ее король, ответила, что, как ей кажется, между ними было расстояние, равное длине копья; и ангел вернулся тем же путем, каким и пришел. Она сказала также, что, когда ангел пришел, она его проводила и пошла с ним по ступеням в комнату ее короля <...>, как ей кажется, архиепископ Реймский, сеньоры д'Алансон и де Ла Тремуй и Шарль де Бурбон его видели <...>; король поверил ему (знаку. — А. С.) по наущению и наставлению церковников, кои были там, и по знаку короны» (XX, р. 122).

Герцог Алансонский продолжает: «На другой день (6 марта. — А. С.) Жанна явилась на королевскую мессу и, увидев короля, поклонилась ему; затем король отвел ее в комнату, вместе со свидетелем и сиром де Ла Тремуй, которых король задержал, повелев прочим отойти. Тогда Жанна обратилась со многими просьбами к королю и, среди прочих, с просьбой отдать свое королевство Царю небесному — после сего дара Царь небесный поступит так, как он поступал с его предшественниками, и вернет его в прежнее состояние; и там происходило также множество других вещей, коих свидетель не припомнит, но о коих шел разговор до самой трапезы. После трапезы король отправился на прогулку в поля, и Жанна тогда метала копье; свидетель, видя, как она управляетя, держа копье и метая его, подарил ей лошадь» (XXII, р. 64). Пользуясь другой редакцией протоколов, Р. Перну и М.-В. Клен уточняют, что «много прочего было сказано до трапезы» (LXXXIV, р. 46).

Как видим, действующие лица и место действия в рассказах Жанны и Алансона полностью совпадают. Жанна упоминает о присутствии на этой встрече сонма ангелов со святыми Екатериной и Маргаритой. Такое экстатическое восприятие кажется вполне объяснимым, ведь события происходили во время мессы, а трепетное отношение Жанны к богослужению хорошо известно. В обоих случаях упоминается о личной мессе короля, о небольшом помещении его покоев и о строго определенном составе свидетелей этой сцены. Все это ощутимо отличается от сцены публичного свидания в Шиноне: по описаниям свидетелей, эту сцену наблюдало множество народа, и местом ее действия являлась Grande Sale (Большая зала), а не тесная комната дофина.

Конечно, в изложении герцога сцена свидания с дофином выглядит довольно необычной, но совсем не сверхъестественной. Между тем, трудно представить, что люди того времени, да и любого другого, став очевидцами реального пришествия святых и ангелов, впоследствии так легко об этом забыли и ни разу не упомянули о чем-либо подобном ни в частной переписке, ни на суде. Ведь они, в отличие от Жанны, обета молчания не давали, и об этом явственно свидетельствуют просьбы девушки послать к ним за ответом. Надо полагать, и Карл, удостоенный таких видений, имел бы неопровержимое доказательство божественности ее миссии. Вряд ли он послал бы Жанну на месяц в Пуатье для проверки церковной комиссией, а после Реймса так легко отказался бы от ее услуг, если бы действительно видел ее в окружении ангелов. Хранить в тайне общение со святыми, равно как и заступничество ангела Божьего было, по меньшей мере,

странно в его положении. Подобное событие могло стать для дофина настоящим подарком судьбы, закрепить за ним право на престол и дезавуировать в глазах общества позорный договор Труа.

Так или иначе, «много прочего было сказано до трапезы», и у Жанны было немало возможностей принести дофину указанный обет. Для Карла это послужило дополнительным стимулом доверить ей дело государственной важности.

Возникает вопрос, были ли, помимо самого дофина, еще какие-либо свидетели этой сцены? Если таковые и были, то вряд ли они рассказали бы об этом на процессе реабилитации: поведение Карла VII в данных обстоятельствах выглядело бы довольно сомнительным с точки зрения христианской морали. Ведь именно по его вине Девица не смогла отказаться от мужского костюма даже под угрозой мученической смерти на костре. К тому же, он, христианнейший государь, позволил ей принести обет, главное условие которого противоречило установлениям церкви. Ведь Жанна обещала ему носить наряд, неподобающий смиренной католичке.

С другой стороны, ничто не мешало Жанне упомянуть о том, что, когда она давала обет дофину, рядом находились свидетели. Однако ничего подобного она не говорила. Следовательно, скорее всего Жанна принесла обет дофину, когда они находились наедине, и единственными свидетелями этой сцены являлись святые Екатерина и Маргарита.

Приняв от Жанны вотивную клятву, Карл тем самым накрепко привязывал ее к своей особе как в мистическом, так и в юридическом смысле. Обет скрепил их «союз», и дофин стал воспринимать Жанну как своего верного вассала. Прямым доказательством этому служат обстоятельства создания знаменитого боевого штандарта Жанны.

Мы располагаем подробным описанием этого штандарта: Жанна полюбит его всем сердцем и станет носить в бой, подобно архангелу Михаилу, штандартоносцу Царя Небесного. Геральдическое родство штандарта Девицы с королевским гербом очевидно. «Спрошенная, был ли у нее штандарт или знамя, когда она пошла в Орлеан, и какого цвета, ответила, что у нее был штандарт, поле которого было усыпано лилиями, и там была изображена держава⁵ и два ангела по сторонам; и был он белого цвета, из белого полотна или букассена» (XX, р. 77).

Это сходство с королевским гербом, разумеется, не было случайным. С одной стороны, оно свидетельствовало о том, что его обладательница подотчетна короне, а с другой — что Жанна является посланницей небес, и, стало быть, Карлу Валуу покровительствует Господь.

Сама Жанна настаивала лишь на изображении Царя Небесного, все остальное сделали за нее. Приказ об оформлении штандарта в геральдическом родстве с королевским гербом означал, что Жанне дозволено действовать не от своего имени, а лишь с санкции короля. Поэтому, видимо, не стоит вслед за Адрианом Арманом полностью игнорировать свидетельство оруженосца герцога Алансонского, оставленное им в его «Хронике». Повествуя о штурме Жаржо, он описал штандарт Жанны именно как *écu de France* (герб Франции) (LXXV, р. 298). Надо полагать, ввиду строгого соблюдения законов геральдики при французском дворе, сходство штандарта Жанны с королевским гербом носило демонстративный характер, коль скоро даже оруженосец принца крови Жана Алансонского принял изображение на штандарте Жанны за королевский герб.

Версия об обете, который Жанна дала дофину, проливает свет и на обстоятельства так называемого рецидива ереси в конце мая 1431 г. Тогда, незадолго до казни, Жанна по-прежнему настаивала, что никто не принуждал ее снова надеть мужское платье. Она заявила, что сделала это по собственной воле, поскольку святые Екатерина и Маргарита упрекнули ее за проявление слабости и акт отречения на кладбище Сент-Уэн. Вполне возможно, что не получив обещанных трибуналом послаблений даже ценой нарушения обета, Жанна восприняла свое бедственное положение как справедливую кару небес. Поэтому, во избежание худшего, она предпочла снова надеть мужское платье, которое, по приказу Кошона, было предусмотрительно оставлено в ее тюрьме. И вот уже признанный судьями рецидив ереси, оглашение смертного приговора и казнь...

Жанна и рыцарский этос Меч из Фьербуа

В предыдущей части мы рассмотрели, какое важное место в мировоззрении Жанны занимал рыцарский обет.

Почему же этот факт так долго ускользал от внимания исследователей, несмотря на то, что протоколы допросов Жанны сохранили немало упоминаний об обетах, данных ею при различных обстоятельствах? Во многом такое пренебрежение очевидными свидетельствами обусловлено и тем, что биографы не воспринимали Жанну как собственно рыцаря. В ней готовы были видеть кого угодно — женскую ипостась Робин Гуда, блаженную, наивную простушку, даже незаконнорожденную принцессу, — но только не личность, которая, надев доспехи, вынуждена была соответствовать строгим нормам рыцарской этики.

Между тем, Жанна действительно восприняла многие элементы рыцарского мировоззрения, и это не удивительно: вся ее жизнь на политической сцене прошла в окружении людей рыцарского сословия. Более того, многие из них были, пожалуй, самыми яркими и неординарными представителями военной элиты своей эпохи. Трудно представить, что подле них можно было существовать по каким-либо иным законам, кроме тех, что диктовала рыцарская мораль. И Жанна старалась этим законам соответствовать — порой вынужденно, формально, а порой вполне осознанно и охотно. Иногда эти законы входили в противоречие с идеологией церкви, и Девица порой отдавала им предпочтение — как, например, в Сен-Дени под Парижем, когда она приказала совершить военную вылазку в день праздника Богородицы.

Итак, Жанна нередко следует модели поведения, свойственной скорее рыцарю, нежели девице из третьего сословия. На первом этапе ее миссии, когда требовалось снять осаду с Орлеана и вернуть боевой задор французским войскам, дофин ее активно в этом поддерживал. Это было необходимо, поскольку большая часть рыцарства высшего и среднего звена отказывалась подчиняться девице, к тому же простолюдинке. Если бы вокруг Жанны не удалось в кратчайшие сроки создать ореол амазонки, приемлемый для воинов, нечего было и думать о дальнейшей реализации ее миссии. Во время Луарской кампании пропаганда образа Жанны-рыцаря будет так же сильна, как четверть века

спустя, на процессе реабилитации, — пропаганда образа пастушки. Логика ясна: на первом этапе требовалось создать образ воительницы, на последнем — жертвы и невинной пастушки. Однако считать Жанну всего лишь марионеткой в руках придворной элиты того времени не стоит: многими качествами, которые желали видеть в ней представители рыцарства, она обладала в действительности. Надо отдать должное и окружавшим ее политикам: они сумели воспользоваться ее харизмой и направить пламенную энергию Жанны в удобное для себя русло.

«Девица сия красива и хорошо сложена; держится она по-мужски, в речах выказывает необыкновенную рассудительность; у нее приятный женский голос; ест она мало, пьет еще меньше. Ей нравятся боевые кони и красивое оружие. Она любит общество благородных воинов и ненавидит многолюдные собрания. Обильно проливает слезы, хотя лицо ее обычно веселое. С неслыханной легкостью выносит она и тяготы ратного труда, и бремя лат, так что может по шесть дней и ночей подряд оставаться в полном вооружении» (LXXXVII, р. 120)⁶. Этот свод куртуазных добродетелей, словно заимствованный из рыцарского романа, — прекрасный образчик международной пропаганды накануне помазания нового наихристианнейшего короля Карла. Камергер Персеваль доносит до слуха соседнего государя простую и ясную мысль: «она — своя, она соответствует рыцарским канонам, она имеет право быть подле дофина во время похода в Реймс». Эту мысль он излагает на понятном и близком герцогу языке, — языке рыцарской этики.

Жанна не создавала в армии своих порядков, она лишь старалась соответствовать общепринятому идеалу христианского полководца, образцом которого был Людовик Святой. Ее забота о нравственном состоянии солдат и введение обязательной литургии во время военных кампаний отнюдь не были чем-то исключительным, — напротив, это было в порядке вещей для харизматического военного лидера той эпохи. Точно так же, по свидетельству монаха из Сен-Дени, поступал и Генрих V Английский: «Генрих насаждал строжайшую дисциплину. Как и во время кампании при Азенкуре, он под страхом жестоких наказаний отваживал “порочных проституток” заниматься своим промыслом в английском лагере, как они делали в лагерях французских. По этому поводу король правоучительно заявлял: “Удовольствия Венеры слишком часто расслабляют победоносного Марса”» (LVII, с. 323). Даже знаменитая легенда о том, что Жанна изгнала девиц легкого поведения из стана своей армии, — лишь отголосок типичных для Средневековья преданий о деяниях славных полководцев.

Рыцарский этический подтекст очевиден и в истории с мечом из Фьербуа.

И, пожалуй, именно в этой истории наиболее явственно слышен диссонанс между намерениями самой Жанны и правилами игры, навязанными ей придворной знатью.

В Сен-Катрин-де-Фьербуа «она прослушала три мессы за день <...>. Она послала своему королю письмо <...>, дабы узнать, можно ли ей войти в тот город, где находился ее король <...>. Когда она была в Туре или в Шиноне, то послала за мечом, находящимся в церкви Сен-Катрин-де-Фьербуа, позади алтаря; и тотчас же его нашли, совершенно заржавевшим. <...> Меч был в земле, заржавевший, с пятью [выгравированными] крестами; и она узнала, что меч там,

от своих голосов, и она никогда не видела человека, поехавшего за названным мечом. И она написала тамошним церковникам, [дабы узнать] угодно ли им будет, чтобы она взяла сей меч, — и они ей его отослали. Он был неглубоко под землей позади алтаря, как ей кажется; впрочем, ей не известно, точно ли он был пред алтарем или же позади, но она, как думает, написала тогда, что меч был позади алтаря. Она сказала еще, что тотчас, как меч был найден, местные священники его встряхнули, и ржавчина сразу легко осыпалась. И за ним ездил некий оружейник из Тура, и церковники Фьербуа подарили Жанне ножны, а вместе с ними и церковники из Тура <...>. Она сказала, однако, что когда попала в плен, при ней не было сего меча. Она сказала еще, что носила сей меч долгое время, с тех пор, как обрела и до того, как ушла из Сен-Дени после штурма Парижа <...>. Спрошенная, где же остался меч и в каком городе, ответила, что преподнесла некий меч и доспех в дар аббатству Сен-Дени, но то не был сей меч. Также она сказала, что сей меч был у нее в Ланьи, а после Ланьи она носила меч названного бургиньона вплоть до Компьени, поскольку то был добрый боевой меч и годный к тому, чтобы наносить добрые рубящие и колющие удары, по-французски “для хорошей рубки и сечи”. Но она сказала, что то, где она оставила сей меч (из Фьербуа. — А. С.), не относится к процессу, и она на то пока не ответит» (XX, р. 75–76).

Безусловно, появление меча из Фьербуа в истории Жанны и его последующее исчезновение не случайны. Создается впечатление, что два этих события тесно взаимосвязаны. Когда клирики Фьербуа прислали Жанне меч из церкви св. Екатерины, они облекли его в роскошные ножны, совершенно непригодные для использования в полевых условиях. Если они предполагали, что Девица будет пользоваться мечом в бою, им следовало бы изготовить прочные кожаные ножны, как сделает потом сама Жанна. Следовательно, посылая меч Жанне, они считали его предметом скорее символическим, чем собственно боевым. Видимо, точно так же считала и сама Жанна, ведь на руанском процессе она заявляла, что ни разу никого этим мечом не убила. На первом, победоносном этапе своей миссии она нуждалась в харизматических символах гораздо больше, чем в настоящем оружии. Однако за блистательными походами на Орлеан, Жаржо, Патэ и Реймс последовало тяжелое поражение под Парижем. Харизма Девицы померкла, и нужда в хрупких символах отпала. И тогда возникла потребность в добром и надежном боевом мече.

Многие исследователи пытались раскрыть тайну меча из Фьербуа. Это естественно: судя по всему, он действительно сыграл в истории Жанны немаловажную роль. Заметим, что обладание этим оружием почти полностью совпадает с тем периодом, когда Девица находилась под покровительством двора.

Меч появляется на той стадии, когда вокруг Жанны создается легенда, выгодная для Карла Валуа, и исчезает, когда девушка теряет влияние и оказывается в опале.

Если сравнить показания Жанны о появлении у нее меча из Фьербуа и о его пропаже, возникает ясная картина: обстоятельства обретения меча Жанна описывает охотно и подробно, а об обстоятельствах его потери говорить отказывается наотрез. Это, мол, не относится к процессу. Следовательно, воспоминание об этой потере было для нее крайне неприятно. Учитывая, что меч появился у Девицы, когда она пользовалась открытой поддержкой двора, и пропал, —

когда она оказалась в опале, важно понять, какая именно связь существует между судьбой меча из Фьербуа и взаимоотношениями Жанны с королем.

Проследить эту связь не так просто. Во-первых, все, что касается меча из Фьербуа, овеяно легендами, ибо он изначально был представлен обществу как чудесно обретенный в церкви св. Екатерины. Во-вторых, все участники связанных с ним событий, давшие показания на кассационном процессе, не слишком словоохотливы и не являются очевидцами обнаружения или потери этого оружия. Кроме того, судьи процесса реабилитации вообще не намерены были подробно останавливаться на данном вопросе, хотя такое событие, как чудесное обретение оружия, могло послужить дополнительным доказательством божественного источника миссии Девы. Однако этот сюжет не получает никакого развития в протоколах процесса реабилитации, что говорит о нежелании его участников вспоминать о существовании загадочного меча.

Трудно, к примеру, объяснить, почему ни оруженосец Девы Жан д'Олон, ни ее паж Луи де Кут, которые были подле героини со времени ее прибытия в Шинон, не говорят ни слова о том, каким образом она обрела свой знаменитый меч. В то же время они подробнейшим образом описывают другие, гораздо менее впечатляющие события ее жизни. Герцог Алансонский, один из самых осведомленных соратников Жанны, оставил нам красочные и восторженные воспоминания о своем знакомстве с нею, но и он ни разу не упомянул о мече из Фьербуа. Жан Пакерель, духовник Жанны, о котором мы говорили ранее, тоже ничего не помнит о мече. Между тем, он постоянно находился при Жанне со времени ее пребывания в Туре и хорошо запомнил боевой штандарт Девы, который описывает достаточно подробно. Симон Шарль, королевский советник, сообщает, что после того, как дофин получил одобрительный вердикт комиссии Пуатье относительно Жанны, он «велел ее вооружить и дал ей людей [в услужение]; она получила также военные полномочия» (XXII, р. 82). Как видим, Симон Шарль полагал, что все вооружение Жанна получила именно от короля. Он почему-то не упоминает о вмешательстве Бога или св. Екатерины в процесс экипировки.

Таким образом, сведения о мече из Фьербуа мы можем почерпнуть лишь из показаний самой Жанны, данных ею на руанском процессе, или из различных хроник, написанных гораздо позднее. Возможно, ко времени написания этих хроник, не слишком заинтересованные в обсуждении этого вопроса люди были уже мертвы, и полезная информация стала достоянием общества. Правда, сведения о мече, содержащиеся в различных хрониках, заметно отличаются друг от друга, а порой являются взаимоисключающими.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что воспоминания о мече из Фьербуа были по каким-то причинам неприятны и неуютны тем людям, которые в ходе кассационного процесса были призваны обнародовать официальный взгляд властей на историю Жанны. Возможно также, что легенда о мече была предана забвению еще при жизни Жанны, причем настолько быстро, что связанные с этим события почти полностью стерлись из памяти свидетелей.

Так или иначе, постараемся восстановить вероятный ход этих событий, опираясь на различные по характеру источники. Изложим сначала суть наших предположений, а затем перейдем к свидетельствам, которые могут подкрепить или пояснить нашу гипотезу.

Итак, известно, что Жанна по дороге к дофину в Шинон остановилась в местечке Сен-Катрин-де-Фьербуа — это было в начале марта 1429 г. Церковь св. Екатерины во Фьербуа была в те времена местом паломничества людей, связанных с военным делом: св. Екатерина считалась покровительницей пленников и раненых. В церкви хранилось множество доспехов и оружия, которые паломники приносили в дар святой в благодарность за свое благополучное возвращение и исцеление. Это были вотивы, т. е. дары, принесенные *ex voto* — по обету. Известно, что внутри церкви находились захоронения знатных воинов. По старому воинскому обычаю, воины часто просили закопать рядом с собственным погребением свое любимое оружие.

Жанна провела в Сен-Катрин-де-Фьербуа около суток, отслушав там три мессы за день. Стоит подчеркнуть, что маленький отряд во главе с Жанной двигался очень быстро, так как Жанна хотела попасть к дофину до середины поста, поэтому такое значительное промедление выглядит необычным. Именно из Сен-Катрин Жанна отправляет гонца к Карлу, чтобы узнать, даст ли он ей аудиенцию. Вспомним, что, вступив на земли, подвластные дофину, Жанна более не таит своих намерений и, желая увлечь своим замыслом как можно больше людей, охотно рассказывает о цели своей поездки в Шинон. Дальнейший ход событий нам известен. Спустя три дня Жанна будет принята дофином, затем ее обследует комиссия Пуатье, после чего, около 2 апреля, т. е. накануне отъезда Девы для экипировки в Тур, некий турецкий оружейник отправится в Сен-Катрин за чудесным мечом.

Возможно, вид боговдохновенной девушки, слава которой обгоняла ее саму, произвел сильное впечатление на каноников церкви св. Екатерины, и они предложили ей принять в дар один из хранившихся в церкви вотивов. Однако в таком случае трудно объяснить, почему Жанна не взяла этот меч сразу, а послала за ним лишь месяц спустя. Более вероятно, что она, присутствуя на трех мессах, могла слышать о мече от паломников или от клириков. Она могла даже видеть его висящим близ алтаря. Впоследствии, когда Карл отдал приказ об изготовлении экипировки для Жанны, она могла попросить его предоставить ей именно этот меч, указав «особые приметы». Она сама продиктовала послание церковникам Фьербуа, но оружейник из Тура отправился за мечом именно по приказу Карла, — сама Жанна, по ее словам, никогда этого человека не видела. Вероятен еще один вариант развития событий: прослышав об официальном формировании «военного кабинета» Девы и об изготовлении для нее доспехов, церковники Фьербуа могли обратиться к дофину и Жанне с просьбой принять их дар — чудесный меч св. Екатерины. Жанна ответила согласием. Дофин, в свою очередь, быстро понял, что такая легенда будет весьма кстати ввиду активной кампании в поддержку Девы, начало которой положил вердикт комиссии Пуатье.

Многие приближенные Карла с энтузиазмом восприняли появление Девы при дворе и, вероятно, у него были советники, убедившие его в необходимости способствовать возникновению вокруг Жанны мистического рыцарского ореола. Таким образом, Карл мог дать понять каноникам Фьербуа, какая версия о нахождении меча будет наиболее приемлема, и те успели подготовиться. В пользу этого предположения свидетельствуют странные обстоятельства обнаружения меча, о которых рассказывает сама Жанна. Из ее слов явствует, что

меч был лишь присыпан землей, а не погребен в каком-либо захоронении. Ржавчина слетела с него мгновенно, — клирикам стоило лишь слегка его потрясти. Практически сразу в распоряжении священников оказывается пара роскошных ножен из алого бархата и золотой парчи, в которые они и облачают подарок для Девы.

Важно отметить, что никто, кроме самой Жанны, не оставил нам описания этой церемонии. Между тем, девушка в то время находилась в Туре, а не во Фьербуа, и ей не оставалось ничего иного, кроме как поверить на слово тому, что ей рассказали. Следовательно, она слышала этот рассказ от кого-то другого и поверила ему вполне охотно. Иными словами, обстоятельства нахождения меча, о которых Девица говорила на руанском процессе, могли быть чистым вымыслом. Вероятнее всего, авторы этого вымысла стремились укрепить в Жанне ее уверенность в том, что она находится под небесным покровительством.

Не менее важно, что меч из Фьербуа имел на своем клинке гравировку из пяти крестов. Это дает возможность его атрибутировать, и мы остановимся на этом далее. Пока же подчеркнем, что поскольку в церкви св. Екатерины хранилось немало оружия, принадлежавшего известным героям Столетней войны, вполне объяснимо, что оружием Жанны был выбран меч с определенной «родословной». Благодаря этому Жанна могла обрести в глазах рыцарства определенный авторитет: это было необходимо, так как большинство капитанов и военачальников не желало подчиняться приказам простолюдинки. Из множества версий о прежнем владельце меча мы остановились на версии о Бертроне Дюеклене, чьи заслуги в борьбе с англичанами были общеизвестны и чья вдова, Анна де Лаваль, получила от Жанны в дар золотое кольцо.

В период самых громких побед Жанны (весной и летом 1429 г.) меч оставался при ней. Однако вскоре после поражения в Сен-Дени, за которым последовала череда военных неудач и явное охлаждение к Жанне со стороны короля, меч вдруг исчез при неясных обстоятельствах, о которых Девица предпочла умолчать. Логика событий диктует ясный вывод: символическое оружие, которое ранее было призвано укрепить харизму Жанны, было отнято у нее, как только в ее услугах перестали нуждаться. Растущая популярность Жанны и ее непреклонная решимость довести свой замысел до конца стали все чаще и чаще входить в противоречие с излюбленной тактикой Карла — тактикой переговоров и перемирий. Часть миссии Жанны, устраивавшая сторонников короля, была к тому времени выполнена, и Девица стала для них досадной обузой. Поэтому символический меч, врученный ей по королевской воле, должен был исчезнуть. Ничто отныне не подтверждало военных полномочий, данных ей некогда королем. Вот, вкратце, ход наших рассуждений. Теперь необходимо представить некоторые доводы в пользу того, что эти рассуждения небезосновательны.

Итак, у каждого образцового рыцаря должен быть свой меч, — трудно представить себе Роланда без Дюрандаля или Артура без Эскалибура.

Обычно обретение чудо-оружия происходило по классическому рыцарскому канону, согласно которому воин, получив меч, как правило, почитал его, называл по имени и хранил ему верность как другу, соратнику и своего рода инсигнии. Но вот что странно: в случае с Жанной все обстоит иначе. Штандарт она любила «в сорок раз сильнее», чем оружие из Фьербуа. Меч она вообще не

использовала. Боясь ненароком кого-нибудь убить, она сжимала в руках штандарт, чтобы не касаться меча. Сеген де Сеген, один из клириков, допрашивавших Жанну в Пуатье, вспоминает, что как-то раз спросил ее, зачем ей нужен боевой штандарт. Она ответила, что «не хочет пользоваться своим мечом, ни [тем более] кого-либо убить» (XXII, р. 152). Слова Жанны явно противоречат идеалам рыцарства. Между тем, меч, так же как и штандарт, по убеждению героини, был ниспослан ей небом, при посредничестве св. Екатерины! Подобные предметы обычно вызывали у нее глубокое благоговение. Она горячо любила кольцо, которым прикоснулась в своем видении к святой Екатерине; она лелеяла боевой штандарт. Все, что связывало ее с возлюбленными небесными покровителями, будило в ней чувство восторга. Все, кроме меча из Фьербуа. По большей части он — фигура умолчания, «*passez outre*».⁷ Он как будто чужой в этом, казалось бы, едином ряду. Более того, он кажется бесполезным рядом со штандартом, знаменем и боевым вымпелом, которые были вполне функциональны.

В этом мече противоречиво все, от появления до исчезновения. Э. Рише, один из первых серьезных исследователей истории Жанны, к примеру, пишет: «*Король пожелал дать ей прекрасный меч, который она отвергла*, умоляя его послать во Фьербуа за мечом, который пребывал за главным алтарем и на котором было [выгравировано] пять крестов, вверху клинка, близ рукояти, и который когда-то служил некоему рыцарю и был погребен вместе с ним; и он был неглубоко под землей, как сказала Девица» (LXXXVIII, р. 91). Возможно, Рише опирался на какой-то из не дошедших до нас источников, но он убежден, что инициатива подарить Жанне меч как таковой исходила от дофина. Не стоит забывать также, что вся экипировка Жанны приобреталась «на личные деньги ее короля».

Во всех свидетельствах о чудесном мече содержится упоминание о крестообразной гравировке. В эпоху расцвета геральдики это давало возможность определить его прежних владельцев. Упоминания о пяти крестах на мече говорят о желании рассказчиков рассматривать этот меч в контексте рыцарского этоса. Меч со славной родословной, конечно, имел большую ценность, чем меч неизвестного владельца. Отсюда многочисленные попытки историков опознать меч из Фьербуа. Среди его предполагаемых владельцев немало славных имен: от Карла Мартелла до Людовика Орлеанского. Однако наиболее интересной в этом ряду выглядит версия М. Лами: меч этот мог принадлежать знаменитому бретонцу Бертрану Дюгеклену, легендарному коннетаблю Карла V, освободившему когда-то почти всю южную Францию от английского владычества.

Как мы уже говорили, храм св. Екатерины во Фьербуа особо почитался воинами, счастливо вернувшимися из плена. Уместно вспомнить, что Дюгеклен в 1367 г. также вернулся из плена, после того как Карл Мудрый заплатил англичанам огромный выкуп за своего коннетабля. Возвращение Дюгеклена имело большой резонанс по всей Франции.

Выгравированные на клинке кресты заставили Люсай-Смита предположить, что хозяин меча — король Иерусалимский, в гербе которого было то же количество крестов. Версия красивая, ибо, добавим от себя, иерусалимским королем был тогда Людовик III, который спустя полтора месяца будет присутствовать на Реймской коронации. Однако кресты иерусалимского королевства представляют собой иную, по сравнению с пятикрестием на мече из Фьербуа,

геральдическую фигуру: большой крест в центре и четыре маленьких вокруг. «Гораздо более уместно предположить, что это оружие принадлежало Бертрану Дюгеклену, который передал его Людовику Орлеанскому <...>. После убийства Людовика в 1407 г., Клинье де Бреан, один из его капитанов, наследовал этот меч, а после велел похоронить у собственной гробницы в церкви Фьербуа» (LXXIX, р. 173). Стало быть, меч некоторое время находился во владении герцога Орлеанского, а роль орлеанского дома в судьбе Жанны была, бесспорно, велика. Напомним, что, по словам Девы, ни о ком на свете она не имела столько откровений, как о Карле Орлеанском, — разумеется, не считая откровений о дофине. Подчеркнем также, что Тур и его окрестности, т. е. земли, в которых и был найден меч, издавна входили в домен герцогов Орлеанских (см. LXXXIV, р. 265).

Перед тем, как отправиться в Блуа и Орлеан, Жанна в течение месяца находилась в Пуатье и Туре. По свидетельствам очевидцев, в этот период ее охотно и часто посещали многие представители знати. У нее было немало контактов с представителями дома Лавалей, некогда породнившихся с Дюгекленом. К примеру, супругой графа Клермонского, представившего Жанну дофину, была Жанна де Лаваль; Жиль де Рэ, урожденный Лаваль, приходился внучатым племянником бретонскому коннетаблю. Наконец, чуть позже при дворе оказались братья Андре и Ги де Лаваль; их знаменитое письмо матери и бабке, написанное 8 июня 1429 г., преисполнено восторгом по отношению к Деве:

«В понедельник я оставил короля и отправился в Селль-ан-Берри, что в четырех лье от Сент-Эньяна, — сообщает Ги де Лаваль. — Король приказал Деве, которая там находилась, приехать к нему; некоторые говорят, что сие было сделано в мою честь, чтобы я мог ее увидеть. Названная Дева была очень добра ко мне и к брату; она была в полном вооружении, но без шлема и держала в руке копье <...>. У короля такое большое войско, какого давно не видели и не чаяли увидеть, потому что никогда еще люди не шли на ратное дело с такой охотой, как нынче. Моя рота тоже растет, но у двора сейчас так мало денег, что я не надеюсь тут ни на какую помощь и поддержку. Поэтому я прошу вас, матушка, продать или заложить мои земли, или же найти другой способ ради спасения нашей чести, ибо если мы не выплатим жалования, то останемся совсем одни <...>. Дева сказала мне, когда я был у нее в гостях, что три дня тому назад она послала вам, бабушка, золотое кольцо, но что сие мелочь в сравнении с тем, что она хотела бы послать столь достойной женщине, как вы» (LXXXVII, р. 111).

За кажущейся ясностью в тексте этого письма скрываются любопытные детали. Кольцо вдове Дюгеклена, Анне де Лаваль, Жанна отослала за два дня до приезда Лавалей! Стало быть, этот дар не был связан с оказией угодить высоким гостям. Строгий этический кодекс Средневековья гласил, что «дар» обязательно предполагает ответное дарение, и отход от этой нормы мог повлечь за собой самые серьезные последствия (см. XCV, 2, с. 193–203). Кроме того, согласно правилам этикета, Жанне не пристало быть инициатором такого дара в силу огромной иерархической пропасти между дарителем и получателем. Нигде более в истории Жанны мы не встретим упоминания о подарках, которые она лично преподнесла кому-либо, если не считать возврата старого красного платья Жану Морелю в Шалоне. И это неудивительно, ведь ничего своего у нее не

было. Поэтому неясно, откуда взялось это странное кольцо, если все, чем она обладала, было, по ее словам, *«du propre argent de son roi»* (из личных денег ее короля. — А. С.). Нельзя также отождествить это кольцо с одним из двух колец, подаренных Жанне родителями или братом, ибо в Руане она показала, что одно из них забрали бургундцы, а другое — Кошон.

Итак, это было совсем другое кольцо, вероятно, именно для такого дара и предназначавшееся. Можно предположить, что когда в период изготовления экипировки для Жанны дофин остановил свой выбор на мече из Фьербуа, священники церкви св. Екатерины сообщили ему о прежнем обладателе этого оружия. То же самое могли сделать и рыцари из окружения Карла, так как Сен-Катрин-де-Фьербуа был достаточно популярным местом паломничества. Если меч действительно принадлежал до герцогов Орлеанских Бертрану Дюгеклену, то Анна де Лаваль как его вдова была вправе считать его семейной реликвией. Ее благословение и дозволение использовать оружие мужа могло придать дополнительную силу тому замыслу, который созрел у сторонников дофина. В роду Лавалей был истинный культ героического деда. Стремление Девицы завершить начатое Дюгекленом дело должно было растрогать старую Анну де Лаваль. Скорее всего, она была осведомлена о событиях, происходящих в Шиноне. Знать той эпохи — все еще довольно замкнутая структура, в которой все фигуры видны, как на шахматной доске. А связь Анны де Лаваль с французским двором, судя по письму братьев, отнюдь не пресекалась. Кстати, всесильный тогда фаворит дофина Ла Тремуи приходился Ги и Андре кузеном. Тем не менее, положение Анны и ее дочери в ту пору было весьма драматичным. Изгнанные англичанами из Лавалья, они перебрались в свой бретонский фьеф Витре. Скитания и тяготы долгой войны могли подстегнуть интерес дамы де Лаваль к чудесной продолжательнице дела коннетабля. Вероятно, ее согласие и стало тем «даром», в ответ на который Жанна послала вдове коннетабля золотое кольцо, явно предоставленное ей кем-то из окружения дофина.

Поддержка Жанны со стороны Анны де Лаваль вполне объяснима: трудно не заметить фундаментального сходства между миссиями Жанны и Дюгеклена. Великий коннетабль Карла Мудрого — личность вообще очень интересная, а в данном контексте — тем более. До сих пор туристам показывают его старый замок в Мон-Сен-Мишеле. Дюгеклен был капитаном этого аббатства, где, кстати, полвека спустя проявит воинскую доблесть и соратник Жанны герцог Алансонский.

Место, которое занимало несокрушимое аббатство в сознании французов той эпохи, было поистине священо. Согласно поверью, пока святой Михаил на горе Томб держит под острием копья адского змея, Франция непобедима. При взгляде на карту Франции начала XV столетия поражает почти мистическая картина: словно два маяка, на одной и той же широте, будто связанные одной нитью, мерцают две крошечные точки во вражеском океане: одна — на крайнем западе, другая — на крайнем востоке; одна — родина Дюгеклена, другая — родина Жанны.

Старый замок Дюгеклена в Мон-Сен-Мишеле и ныне хранит дух его первой жены, Тифен де Рагнель. Она рано ушла в мир иной, но ее краткая жизнь была столь яркой, что память о себе она оставила надолго. Все знали, что она была склонна к мистике и общалась с Богом и святыми. Во всех крупных делах Бер-

тран испрашивал ее совета, а она передавала ему советы Бога и своих святых. Устами юной Тифен небесные заступники руководили действиями коннетабля, и в этом люди видели залог его везения. Такого рода союз сеньора, облеченного властью, с личностью мистического склада был в эпоху Средневековья нередким. Государи часто имели при себе персональных медиумов или визионеров, чьими советами желали пользоваться в сложных ситуациях. Вполне вероятно, что и окружение дофина рассчитывало иметь в лице Жанны именно такого медиума. На деле, как известно, произошло иное: Жанна оказалась несговорчивой, рвалась в бой и всем советам придворных безоговорочно предпочитала свой собственный *совет*.

Возвращаясь к мечу из Фьербуа, отметим интересную деталь: в конце письма юный Ги де Лаваль вскользь сообщает: «я повстречал одного из людей зятя, Ги де Шавиньи, который узнал о моей поездке в Сен-Катрин-де-Фьербуа». Лаваль еще не участвовал в сражениях, не получал ранений и не бывал в плену, следовательно, пока еще не должен был приносить никакой благодарности св. Екатерине. Ги сообщает, что предыдущее письмо матушке было им написано в минувшую пятницу из Фьербуа, т. е. 3 июня 1429 г. он находился именно там (LXXX, р. 286). Вряд ли это связано с паломничеством по местам славы Девы, поскольку на тот момент он не был знаком с Жанной, чья эпопея едва началась. Если в церкви св. Екатерины находилось погребение, хранящее семейную реликвию, то поступок Ги было бы легко объяснить. Но, к сожалению, он не распространяется на этот счет, а письмо из Фьербуа не сохранилось. Следовательно, остается лишь догадываться, была ли его поездка в церковь св. Екатерины связана с мечом Жанны или это простое совпадение?

Надо отметить, что мы располагаем очень точным изображением этого меча на важном документе: грамоте аноблирования Жанны и ее семьи, правда, дошедшей до нас в копии XVI в. На этой грамоте аккуратно вычерчены пять крестов. Поместив в центре гербового поля именно меч из Фьербуа, герольды подчеркнули его значимость. Между тем, он прослужил Жанне совсем недолго и, по ее словам, ни разу не был употреблен в бою. Можно не сомневаться, что Жанна предпочла бы видеть на его месте изображение штандарта или знамени. В любом случае, герб навсегда остался ей чуждым: она никогда не пользовалась им, в отличие от своих братьев и их потомства.

Появление меча св. Екатерины в период оформления публичного образа Жанны напоминает жест рыцарского посвящения, которое повлекло за собой определенное статусное преобразование. Если учесть, что незадолго до этого Жанна дала дофину рыцарский обет, вручение ей чудесного меча выглядит совершенно логичным. Обстоятельства, при которых Жанна получила свой меч, облеченный священниками в алый бархат и золоченую парчу, напоминает сцену из жизни Дюгеклена. Когда 2 октября 1370 г. Дюгеклен вернулся в Париж, Карл V принял его в своем дворце и вручил ему меч с золотой рукоятью и ножнами из синего бархата, усыпанного лилиями, меч коннетабля Франции. Бертран сначала отказался от чести, которой никогда прежде не удостоивался никто, кроме представителей высшей знати. Он напомнил королю, что является всего лишь бедным бретонским рыцарем и не посмеет повелевать братьями и племянниками монарха. Но Карл был непоколебим и ответил, что все его родственники подчинятся Берtrandу, коль скоро таково решение короля. Он приказал

Дюгеклену взять меч и добавил, что не дал бы его никому другому. Несколько днями позже Бертран Дюгеклен присягнул королю и стал коннетаблем Франции, т. е. главным военачальником.

Очевидно, что военачальником Жанна могла быть лишь в символическом смысле. Но и меч из Фьербуа был лишь символом: вместе с армией, которая была распущена Карлом после Сен-Дени, Жанна утратила и меч. Вскоре после этого мы видим ее в знаменитой усыпальнице Сен-Дени, где она оставляет *ex voto* полный доспех и где в роскошной гробнице покоится прах Бертрана Дюгеклена. У Дюгеклена, как известно, четыре захоронения — Клермон-Ферран, Динан, Сен-Дени и Пюи-ан-Веле. По меньшей мере, две последние святыни были отлично известны Жанне.

Тот факт, что меч исчезает после Ланьи, весьма показателен. Осень 1429 и зима 1430 г. ознаменовали собой заключительную фазу воинской эпопеи Девы. Золотой дождь иссяк, и весной 1430 г. Жанна вынуждена слать депеши городам, с миру по нитке собирая средства на военные походы. Чем это кончилось 23 мая, хорошо известно — пленением, заточением, казнью. И вот что важно: коль скоро так символично было появление меча из Сен-Катрин, то может ли его исчезновение быть полностью случайным? История о мече, разбитом будто-бы о спину девицы легкого поведения, — назидательная выдумка Пакереля. Свидетель этой сцены, паж Жанны Луи де Кут уверенно ее опровергает: увидев сию девицу, Жанна действительно обнажила меч, но «не нанесла ей никакого удара, а лишь посоветовала, с ласкою и добротой, более не находиться среди солдат, если не желает себе неприятностей» (XXII, р. 51). Показания де Кута подкрепляет и тот факт, что сцена с проституткой разыгралась в Шато-Тьерри, а Жанна признается, что меч оставался у нее еще в Ланьи, т. е. почти месяцем позже.

Но разве не уходит меч вместе со славой своего героя? Последний соратник короля Артура, Бедивер, исполняя предсмертный приказ господина, бросает волшебный меч Эскалибур в воды озера. Фея Озера овладевает мечом и тащит его на дно. Эскалибур не может оставаться на земле после смерти Артура: он должен вернуться туда, откуда пришел, т. е. в мистический подводный мир.

Не менее интересны обстоятельства исчезновения меча, служившего легендарному Роланду. Когда Роланд погиб, Карл Великий послал рыцарей за мечом Дюрандалем. Но пятеро воинов не смогли разжать руки Роланда. Тогда Карл Великий помолился, и меч сам выпал из рук. Король снял с него рукоять, взял мощи, а клинок бросил в воду: никто не вправе носить Дюрандаль после Роланда.

Несколько строк «Песни о Роланде» дают возможность разрешить еще одну загадку в истории Жанны, а именно, появление в ее откровениях архангела Гавриила. Как мы увидим далее, этот сюжет может быть напрямую связан с пропажей меча как символа окончания воинского служения Девы.

До сих пор пришествие к Жанне Гавриила объяснялось лишь в связи с той функцией, которую архангел выполнил в отношении Девы Марии, принеся ей весть от Бога. Гавриил якобы посетил Жанну в ее откровениях, чтобы принести ей утешение и укрепить в роковые минуты руанского процесса. Однако, на наш взгляд, возможно и другое объяснение: ко времени окончания процесса

Жанна полностью осознала всю тяжесть своего положения и перестала надеяться на чудо. Ей стало совершенно ясно, что помощи от Карла VII не будет. Она почувствовала себя на краю гибели.

Как известно, в руанских протоколах упоминается об архангеле Гаврииле только на последней стадии процесса, весной 1431 г.:

«Далее она сказала, что в минувший праздник святого Креста получила подкрепление от святого Гавриила, и она верит, что то был святой Гавриил, и она узнала от своих голосов, что то был святой Гавриил». Принимая во внимание строгую функциональность ее «советников», можно предположить, что появление Гавриила не случайно. В отличие от архангела Михаила, являющего собой воинскую ипостась служения, Гавриил — вестник самого сокровенного, посланник Бога — к Его избраннику. В Библейской энциклопедии о нем сказано следующее: «Гавриил — один из семи главных ангелов, возносящих молитвы людей к Богу. Он послан был Богом возвестить Захарию рождение Иоанна и Пресвятой Деве Марии рождение от нее Спасителя (Лк. I, 11–19, 26, 30, 31). Прежде сего Бог повелел Архангелу Гавриилу объяснить пр. Даниилу видение овна и козла, также тайну семидесяти седмиц (Дан. VIII, 16, IX, 21). Имя *Гавриил* означает — *Сила Божия*».⁸

Но для нас наиболее существенным является тот факт, что в рыцарской культуре архангел Гавриил получил дополнительные функции. Подтверждение этому мы видим в той части «Песни о Роланде», которая повествует о смерти славнейшего из героев французской земли:

CLXVII

Почуял граф, что смерть его близка,
Что мозг ушами начал вытекать.
За пэров молит Бога он сперва,
А после, Гавриила, — за себя.
Чтоб не покрыл его посмертно срам,
Схватил он Олифан и Дюрандаль
И углубился в землю басурман
Намного дальше, чем летит стрела.
Два дерева там вниз глядят с холма,
Четыре глыбы мраморных лежат.
Граф на траву, недвижимый, упал,
Лишился чувств, встречает смертный час.⁹

CLXXV

Граф под сосною на холме лежит.
К Испании лицо он обратил.
<...> Он плачет — слезы удержать нет сил.
Но помнит о спасении души,
Вновь просит отпустить ему грехи.
<...> Он правую перчатку поднял ввысь.
Принял ее архангел Гавриил.
Граф головою на плечо поник
И, руки на груди сложив, почил.

К нему слетели с неба херувим
И на водах спаситель Михаил,
И Гавриил-архангел в помощь им.
В рай душу графа понесли они.¹⁰

В данных эпизодах архангел выступает проводником и заступником души непобежденного и верного воина, который погиб, защищая честь своего короля. В следующем отрывке, где речь идет о самом короле, т. е. особе сакральной для рыцарского этоса, Гавриилу удастся преодолеть рубеж, недоступный простым смертным, и вырвать идеального рыцаря и монарха из рук смерти.

CCLX

Эмир великой силой наделен.
Бьет Карла он по голове мечом.
Шлем разрубил на короле клинок,
Проходит через волосы его,
Наносит рану шириной в ладонь,
Срывает кожу, оголяет кость.
Шатнулся Карл, чуть не свалился с ног,
Но не дал одолеть его Господь.
К нему послал он Гавриила вновь,
И ангел молвил: «Что с тобой, король?»

CCLXI:

Король услышал, что промолвил ангел.
Забыл о смерти он, забыл о страхе.
К нему вернулась разом мощь и память <...>.¹¹

Таким образом, в этой воинской традиции архангел появляется в качестве избавителя рыцаря на пороге смерти, либо же, если таковое избавление не угодно Богу, — в качестве восприемника его души. При этом, архангел принимает из его рук и оружие — как символ славно завершенного служения. Именно таким «рыцарем на пороге смерти» должна была чувствовать себя Жанна к концу руанского процесса. Возможно, отчасти и поэтому в ее откровениях появился архангел Гавриил.

По показаниям Жерардэна д'Эпиналя на процессе реабилитации, он вместе с четырьмя другими земляками видел Жанну в Шалоне в июле 1429 г., и она сказала ему, что «ничего не боится, кроме предательства» (XXI, р. 267).

Безусловно, Жанна почувствовала близость перемен в своей судьбе, и перемены эти не сулили ей ничего хорошего. Коронация в Реймсе, будучи ее триумфом, одновременно стала последней ступенью лестницы, на которую ей позволили взойти. Далее последует резкое падение ее авторитета при дворе, ибо новоиспеченный король больше не нуждался в ней как в живом гаранте собственной легитимности. Отныне он был помазанником Божьим, а Жанне предстояло с почетом уйти на покой.

После Реймской кампании жизнь Жанны стала напоминать жизнь пленницы. Когда граф д'Арманьяк прислал к ней гонца с просьбой сообщить, который из трех пап является истинным, она наскоро составила ответ и «сказала посланцу кое-что, чего не содержится в послании и, если б он быстро не уехал, он был бы сброшен в реку, хотя и не ею самой» (XX, р. 188). Судя по всему, бедный гонец с трудом улучил момент, чтобы передать послание своего господина. Промедли он еще миг — и быть ему в Сене. Вероятно, именно в тот период Жанна вынуждена была использовать тактическую хитрость, ставя на своих посланиях маленький крестик: «и несколько раз она ставила крест в знак того, чтобы тот ее сторонник, которому она писала, не исполнял написанного» (ibid., р. 82). Это была тактическая уловка, имевшая целью дезинформировать неприятеля в ходе военных действий. Но обманный крестик вполне мог предназначаться не только для неприятеля. Опасность для Жанны исходила, например, и от пробургундской партии во главе с Ла Тремуем. Карл и его окружение тяготились возрастающей популярностью Жанны и держали ее при себе, не желая дальнейшего роста ее влияния. Поэтому контроль за ней как «королевским та-лисманом» был для Девы весьма ощутим.

Возможно, Жанна предчувствовала этот перелом в своей судьбе и именно его называла предательством. По одной из легенд, присутствуя на мессе среди компьеньских детей, Жанна произнесла горькие слова: «Есть человек, который меня продал. Я предана и вскоре погибну... Молите Бога обо мне, я прошу вас, ибо я не смогу более служить ни моему королю, ни благородному королевству Французскому» (LXXIX, р. 265).

Как мы уже говорили, меч из Фьербуа исчезает после поражения отрядов Жанны под Ланьи. Карл настойчиво просил ее отойти от дел и жить подле него в луарских резиденциях. Вероятно, убедившись, что это невозможно, он освободил Деву от меча как символа ее избранности. Отныне судьба ее была предпрешена.

23 мая 1430 г. она попадет в плен и отдаст свой меч — уже другой, трофейный, — вассалу Жана Люксембургского, бастарду Вандомскому.

Со времени своего первого появления при дворе, Жанна никогда не была предоставлена самой себе. Слишком многие сильные мира сего стояли на ее пути. Их замыслы, убеждения, интриги порой были на руку Жанне, а порой мешали ей выполнить свою миссию. Однако именно активнейшее взаимодействие всех участников интересующих нас событий породило в конечном итоге феномен Девы, который долго еще будет волновать нас неразрешимыми вопросами.

В заключение данной части нашего исследования, вернемся к обету как неотъемлемой составляющей средневековой этики. Еще раз оговорим, что обет — это элемент характерного для вассально-сеньориальной системы мироощущения. Обет — своего рода контракт. Но не столько с миром горним, который здесь выступает скорее в роли гаранта, сколько с самим собой. Дал клятву — пути отступления закрыты, как закрыты они для блюстителя рыцарской чести в поединке. А когда отступать некуда, организм начинает работать в режиме стресса и, в исключительных случаях, творить чудеса. *Aide-toi, le ciel t'aidera!*

Говоря о попытке бегства из Больё, Жанна толковала свой *совет* весьма прагматично: «Спрошенная, уйдет ли она теперь, если увидит к тому случай, ответила, что, если увидит открытую дверь, то уйдет; и сие будет ей повелением Божиим. И она крепко верит, что если увидит открытую дверь и ее стражники и прочие англичане не сумеют воспрепятствовать, она поймет, что сие — дозволение и Бог посылает ей помощь. Но без дозволения она не уйдет, разве что примет попытку, чтобы узнать, будет ли сие угодно Богу; и она присовокупила к тому известную французскую пословицу: “Помоги себе, и Небо тебе поможет”. И она говорит так, чтобы, если она уйдет, не стали бы говорить, что она ушла без дозволения» (XX, р. 133).

Стоит упомянуть, что так называемый рецидив ереси, произошедший после отречения Жанны на кладбище Сент-Уэн, стал возможен только потому, что в камере девушки, по приказу Кошона, было оставлено мужское платье. Как известно, Жанна надела его вновь, хотя было очевидно, что такой «рецидив ереси» может повлечь за собой смертный приговор. Свой поступок она объяснила тем, что голоса упрекнули ее в слабости и в том, что она отреклась от своих прежних убеждений. Увидев в камере мужской костюм, она приняла его как знак свыше. Открытая дверь тюрьмы расценивалась ею как дозволение бежать из плена, — точно так же оставленный в камере мужской костюм она должна была связать в своем сознании с волей голосов. Возможно, она увидела в этом указание вновь надеть мужское платье как знак своей миссии и более не отступать перед судьями, — даже под страхом смерти.

Жанна прибегала к практике обета вполне сознательно, не только когда ей необходимо было соответствовать нормам рыцарской этики, но и с целью воспользоваться им как неким психологическим механизмом. С одной стороны, он давал ей мощный внутренний стимул для осуществления своего замысла, а с другой — не давал ей отступить от принятого ранее решения, несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства.

Гипотеза об обете, данном Жанной дофину, позволяет по-новому взглянуть на вопрос о мужском наряде Девицы, объяснить появление у нее меча из Фьербуа, а также уточнить причины так называемого руанского рецидива ереси.

В данном разделе мы рассматривали вопросы, связанные большей частью с внешними обстоятельствами жизни Жанны. Далее мы обратимся к вопросам иного характера, которые затрагивают особенности ее внутренней жизни и природу ее голосов. В связи с этим нам предстоит исследовать ту область средневекового мировоззрения, которую можно назвать «пространством *образца* (*exemplum*)».

ЖАННА Д'АРК И ЕКАТЕРИНА СИЕНСКАЯ: через *IMITATIO* к *EXEMPLUM*

§1. Концепция экзоцентризма средневековой личности

Структура и типологические особенности индивидуального сознания

Прежде чем продолжить наше исследование, отметим, что в данной его части нам придется обратиться к области психологии, теологии и философии. Как бы ни было трудно удержаться при этом от умозрительных построений и фантазий, но другого пути для понимания феномена Жанны нет. Если мы хотим составить для себя более или менее целостное представление о личности Девицы, нам не удастся миновать вопроса о том, что такое ее голоса и какова их природа. Каждый ученый, изучавший историю Жанны, вынужден был занять в отношении данного вопроса некую позицию и уже с высоты этой позиции рассматривать и толковать любое из событий жизни орлеанской героини.

Однако на этом пути историка подстерегают бесчисленные опасности. Вторжение во внутренний мир человека, жившего шестьсот лет назад, рискованно, поскольку оно ведет к тому, что мы подчас излишне модернизируем особенности его мировосприятия и ошибочно мотивируем его поступки. Очевидно, чтобы избежать этого недоразумения, необходимо рассматривать Жанну в контексте ментального поля ее современников. Видения, откровения, голоса, посредством которых человек осуществлял свою связь с иным миром, были в ту эпоху фактом повседневности. Вопрос о том, могла ли Жанна иметь откровения, не являлся с точки зрения современников основным: куда важнее было определить источник ее откровений, т. е. установить, исходили ли они от Бога или же от дьявола.

Жанна представляла собой интракультурный тип сознания, она не была ни первопроходцем, ни бунтарем на пути своих духовных исканий — она действовала и мыслила в русле традиции. Возможно, одна из главных причин ее трагической судьбы состоит как раз в том, что Жанна появилась на исторической сцене в переходную эпоху, когда Средневековье, условно говоря, начинало уступать место Новому времени.

Конечно, средневековые ценности трансформировались в ценности Нового времени постепенно. Применительно к эпохе Жанны можно говорить лишь о становлении эмпиризма как предвестия рационалистической философии и прагматизма раннего Нового времени. Однако тенденция к разветвлению единого прежде ствола христианского миропонимания на схоластическое и гуманистическое в первой половине XV в. была уже очевидна, и Жанна оказалась на развилке времен. Она являла собой плод уходящей эпохи Средневековья, тогда как люди, влиявшие на ее судьбу, — прежде всего, представители знати и рыцарства, — действовали и мыслили уже категориями иного порядка. Это изменение отношения к жизни хорошо прослеживается в трудах хронистов

и мемуаристов: Жана Ле-Беля, Жана де Бюэя, Филиппа де Коммина, Никколо Маккиавелли.

Коль скоро Жанна была ярким представителем конца Средневековья, можно предположить, что ее мировоззрение являлось своего рода «суммой», итогом долгой эволюции того типа человеческого сознания, который можно назвать средневековым. Этот тип сознания безусловно отличается от нашего, так как мы являемся, условно говоря, продуктом иной цивилизации.

Обычно, при сравнении особенностей психологии человека Средневековья с психологическим типом Нового времени, за основу берется его отношение к понятию «индивидуальность» и «личность». При этом чаще всего утверждается, что Средневековье не знало индивидуальности и признавало лишь личность. М. П. Бицилли, А. Я. Гуревич, М. М. Бахтин, показали, что это не так: индивидуальность в эпоху Средневековья существовала и была способна себя проявить. Другое дело, что осознавалась она как индивидом, так и обществом иначе, чем в современном нам мире.

Говоря о становлении рационализма и индивидуализма в эпоху, предшествовавшую Возрождению, мы прежде всего акцентируем внимание на том, что человеческая индивидуальность в тот период стала обретать в глазах общества собственную непреходящую ценность. Иными словами, центром своего существования человек стал ощущать самого себя. Если же речь идет об индивидуальности эпохи Средневековья, мы должны будем признать, что она проявлялась опосредованно — не через самое себя, а во взаимодействии с теми явлениями, которые считала более ценными, чем она сама. Средневековая индивидуальность словно бы имела центром не себя, а некий внешний объект, к которому стремилась и через который постигала свою сущность. Это стремление к опосредованной самореализации проявляется в основных принципах средневековой этики: в опоре на авторитет, в прецедентном праве, в духе *совета*, в ориентации на житийные образцы. Исходя из этих принципов, можно назвать средневековую индивидуальность экзосцентричной, т. е. предполагающей своим центром внешний объект. Разумеется, главным таким объектом для средневекового человека был Бог, к слиянию с которым стремилась индивидуальная душа. Однако принцип опосредованной самореализации оказывался востребованным и в иных случаях, поскольку ситуации, в которых следовало обратиться к чужому авторитету и опыту, встречались человеку Средневековья на каждом шагу. И если теолог осуществлял этот принцип, приводя свои мысли в соответствие с установлениями отцов церкви или их последователей, то Жанна как *mulier illiterata*, т. е. женщина неграмотная, должна была иметь перед собой иной, не письменный, источник.

Прежде всего, такими источниками для Жанны были ее голоса. Поскольку феномен Жанны напрямую связан с ее общением со святыми, нас будет интересовать то, как сама Жанна позиционировала себя по отношению к ним. Были ли ее голоса лишь галлюцинациями и следствием самоубеждения? Имела ли она в действительности мистические откровения? Являлись ли эти откровения симптомами душевной болезни, развитию которой способствовал маниакальный склад ее личности? Невозможно ответить на эти вопросы однозначно, особенно если в качестве единственного ответа принимать только одно из названных объяснений.

Но если подойти к проблеме с другой стороны, а именно, со стороны антропологической, то можно прийти к заключению: перед нами другой, отличный от нашего, строй сознания, к которому неприменимы современные мерки. Язычник, поклонявшийся Зевсу или Перуну, имел в виду совершенно то же самое, что современный нам атеист-электрик: оба оперируют абстрактными понятиями «бог-громовержец» и «электричество», но ни один не сможет объяснить суть этого явления и лишь определяет одно неизвестное посредством другого неизвестного. Поэтому вполне возможно, что все приведенные ранее объяснения феномена голосов Жанны имеют в виду одно и то же и лишь используют при этом разные системы условностей.

Учитывая вышесказанное, необходимо попытаться реконструировать, насколько возможно, такой тип сознания, при котором его обладатель будет воспринимать внутренний диалог с собой и принятие решения как процесс общения с внешними голосами. Необходимо подчеркнуть, что речь ни в коем случае не идет о сознании болезненного, т. е. находящемся, с точки зрения современников, за рамками общепринятой нормы. Напротив, нужно найти тот общий знаменатель, который делал феномен голосов Жанны понятным и объяснимым для ее окружения.

В качестве такого знаменателя мы и рассмотрим далее понятие *образца* (*exemplum*), ориентация на который была для человека Средневековья обязательной и неизбежной.

Ориентация на образец и свобода воли

Опора на авторитет или ориентация на *образец* была в интересующую нас эпоху основополагающим принципом бытия. Человеческая душа представлялась ценной не сама по себе, а лишь в связи с ее возвращением на небо и растворением во славе Господней. Поэтому крайне важно понять, насколько Жанна в принципе могла сознавать собственную индивидуальность, и если она ее все-таки осознавала, то каким образом и в какой форме. Если принять тезис об опоре на *образец* за отправную точку нашего исследования, логично приступить к анализу самосознания Жанны через объяснение природы ее голосов. Как известно, их было четыре: два принадлежали святым, а два — архангелам. Это разграничение немаловажно, так как святые и ангелы, в глазах человека Средневековья, обладали различными функциями.

Известную мудрость «скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты», применительно к интересующей нас эпохе, можно перефразировать так: «Скажи мне, кто твой святой, и я скажу тебе, кто ты». При этом если для современного человека подобный парафраз был бы просто декоративным изыском, то в отношении человека Средневековья дело обстоит иначе.

Стоит сразу оговорить, что словосочетания «мой святой» и «именной святой», — т. е. собственно календарный патрон, — разумеется, не идентичны. Никому не запрещалось избирать своего персонального святого на любом жизненном этапе. Такого святого можно было взять за образец, следовать его примеру в трудных жизненных ситуациях и в силу этого надеяться на его особую

защиту и покровительство. Сверх того, можно было более или менее истово стремиться к продолжению дела своего святого на грешной земле, чтобы его функция в земном мире не пресекалась. Таким образом, дело святого оказывалось делом именно человеческим, предназначенным для осуществления именно на земле.

Предназначение ангелов, напротив, состояло в том, чтобы славить Господа на небесах, время от времени осуществляя посредничество между Богом и людьми. Отец средневековой схоластики Фома Аквинский, как известно, полагал, что ангелы суть не что иное, как интеллектуальные сущности Бога, иными словами, его дискретные излучения. В отличие от ангелов, каждый святой прошел через горнило земной жизни и материи, ибо прежде чем обрести святость, он был человеком из плоти и крови и призван был осуществлять свое служение именно в условиях земного бытия. Возникает единая картина, отражающая работу божественного провидения: пока чины ангельские неустанно поют славу Господу, святые совершают встречное движение снизу, с земли.

Очевидно, что личность, склонная к самореализации на религиозном поприще, должна была избрать для себя некий *образец* и взять его за основу своего грядущего служения. Таким *образцом* естественно, становился конкретный святой, ибо не приходилось сомневаться, что его поступки были правильными, ибо они привели его в рай. Встав на стезю подражания своему святому, человек с неизбежностью приспособлял его пример к особенностям собственной индивидуальности, и в результате возникал его особенный, неповторимый жизненный путь, который мог затем стать *образцом* для потомков.

Разумеется, нельзя подменять средневековое понятие индивидуальности — современным. Однако в развитии нашей темы без этой категории не обойтись. В согласии с нормами средневековой схоластики, человек воспринимался как своего рода корпорация тела, души и духа. Где в этой триаде мы можем найти место индивидуальности? Очевидно, во втором звене, так как тело — прах, и во прах возвратится, а дух принадлежит миру горнему.

В свою очередь, душа индивида расслаивается на страсть, разум и волю. Страсть — обуревают, приходя из внешнего мира, разум — детерминирован интеллектом и в принципе неиндивидуален, а вот воля — единственная способна скрепить воедино разрозненные части. Именно волевой акт, по Августину, способен обеспечивать единство столь сложного образования, каким представлялся человек. И верно, разве акт воли не является пусть слабым, но все же отголоском первотворения? Поэтому трудно вполне согласиться с утверждением Л. М. Баткина о невозможности *личности и индивидуальности* в средние века и о появлении их не ранее эпохи Возрождения. Иное дело, что, на наш взгляд, оба этих понятия раздельно не существовали, зато в едином сплаве являли собой нечто третье. Это нечто, однако, гораздо ближе к современному понятию личности в силу своей изначальной ориентации вовне, на социум и универсум.

Вернемся к вопросу о воле. Бургундский хронист XV в. Жорж Шатлен вкладывал в уста аллегории человеческой Воли такие слова: «От меня, Воли, нисходят, как по ступенькам, и рождаются различные действия, совершаемые среди того, что может мною изменяться и преображаться. Спускаясь на первую ступеньку, я подступаю к Совету, ибо моя свобода заключается в том, что *я могу делать выбор*, желать или не желать чего-либо <...>. С этой ступеньки я спускаюсь еще

ниже — к Суждению, оттуда к Решению, затем к Выбору, от Выбора приступаю к Действию» (ХСV, 3, с. 178).

Итак, в нашем случае воля — это выбор действия. Но на жизненном пути, полном опасностей, было необходимо всякий раз соотносить этот выбор с *советом* своих *образцов*. Истинному христианину, стремящемуся к спасению души, на этом пути был нужен опытный надежный проводник.

В таком случае предстоит выяснить, кого и как выбирала Жанна себе в проводники?

Конечно, выбор личного святого мог быть в определенной степени пассивным. Его предопределяло множество факторов: локальный культ, фамильная традиция, вотивная практика и т. д. Речь идет не о таком выборе. Нас интересует выбор активный, выбор, сделанный самим индивидом. В связи с этим полезно обратить внимание на ту сферу интеллектуальной и духовной жизни средневековья, которую А. Я. Гуревич назвал пространством *exempla*. Правда, в своем труде «Категории средневековой культуры» он рассматривает скорее конкретное применение *образцов* в гомилетической, т. е. проповеднической, практике. Мы же постараемся исследовать категорию *exemplum* в более широком смысле — как атомарный материал всей западноевропейской культуры Средневековья. Ориентация на *образец* была, как представляется, основой того типа сознания, которым обладала Жанна. Естественно, в качестве своих *образцов* она, прежде всего, избирала образцы агиографические.

Агиография дает нам чистейшие примеры *образцов* (*exempla*). В отличие от проповеди, в житии не просто показана поучительная модель поведения, в нем эта модель доведена до сияющего абсолюта. Этот абсолют призван был тронуть до глубины души ум и сердце верующего и послужить ему примером славного и прямого пути к Господу.

Стоит заметить, что принцип *образца* был основой всей христианской этики: своего рода *exemplum* мы находим в самом начале христианского творения. Бог создал человека *по образу и подобию Своему*. Т. е. даже Всевышний творил человека по определенному *образцу*. Поэтому, чтобы спастись от первородного греха, человеку необходимо вернуться к этому прообразу. Отсюда один шаг до *Imitatio Christi* (Подражания Христу) — известной системы духовного совершенствования, зародившейся в конце XIV в. и запечатленной в упомянутом нами трактате Фомы Кемпийского.

Однако подражание Христу было исключительно тяжким испытанием, и далеко не всякий христианин мог на него решиться. Иисус был богочеловеком, его деяния и его крестные муки казались превыше возможностей человеческих. Подвиги же святых были совершены людьми, — пусть в высочайшей степени одаренными, но все же людьми. Поэтому подражание им было легче осуществимо, и приближение к их примеру выглядело менее кощунственным.

Подобно готическому собору, житийные образцы являлись библией для бедных и содержали в себе своего рода путеводитель души к Богу для мирян, незнакомых с трудами Бонавентуры. Бонавентура писал свой «Путеводитель души к Богу» в середине XIII в., и в его системе ценностей еще не доминирует идея подражания. Бонавентура остается в русле бенедиктинской традиции, которая предписывает монаху как можно реже взаимодействовать с миром. Согласно этой традиции, святой достоин скорее почитания и поклонения со сто-

роны мирян, чем собственно подражания. Но с другой стороны, еще в период борьбы за инвеституру, в XII в., возобладали концепция земного монарха, осуществляющего в миру некоторые функции Христа. В этом уже можно заметить предвестие теории *Imitatio Christi*.

Исследуя трактат анонимного нормандского юриста XII в., Э. Канторович в своем труде «Два тела короля» отмечает: «Земные владыки являются отныне не провозвестниками Христа, но его тенями, “подражателями” Христа. Христианский суверен — “*christomimetes*” — “актер” или “персонификатор” Христа. На земной сцене он представляет живой образ Бога. Но между королем и Христом существенная разница: Христос — “помазанник вечности”, а его земной прототип — король — “временный помазанник”» (XCII, 2, с. 144).

Поскольку король, согласно вассально-сеньориальным представлениям того времени, являлся первым среди равных, *primus inter pares*, его вассалы получали такое же христологическое оправдание собственной власти по отношению к своим подданным. Постепенно, по мере дробления сеньориальных полномочий, идея о подражании Христу проникает в низшие слои общества. Во многом ее популяризации способствует активная деятельность нищенствующих орденов — францисканцев и доминиканцев, и к XV в. идея подражания теряет признаки элитарности, трансформируясь в универсальную идею *образца* (*exemplum*). Идея *образца*, в свою очередь, одухотворяет житийную литературу, модифицируясь в городском движении *Devotio moderna* (Новое благочестие), и достигает своего расцвета в теологически однотипных трактатах, имеющих в основе своей концепцию *Imitatio Christi*. Вспомним, что непосредственным образом эту идею развивали не только нидерландские теологи конца XIV в. и их последователь Фома Кемпийский, но и виднейший французский теолог первой четверти XV в., апологет Жанны, Жан Жерсон.

Вследствие развития теологической мысли и пробуждения идеи эмпиризма в светской литературе, отчетливо обозначилась тенденция к некоторой реабилитации земного существования человека. Наиболее ярко смещение акцента в сторону оправдания земной жизни выявляется при сопоставлении трудов Иннокентия III и Фомы Кемпийского. Иннокентий III написал свой трактат «О презрении к миру» в конце XIII в., а августинец Фома Кемпийский создал «Подражание Христу» в середине XV в. Названия этих трудов говорят сами за себя. Однако, как мы уже говорили, путь подражания Христу — дело Франциска и Доминика — это путь высшего подвига, который отнюдь не всякому по силам. Несколько легче сначала обратиться к опыту святого как существа из плоти и крови, рожденного на грешной земле. Кроме того, между человеком и Богом необходимо соблюсти дистанцию, как между сюзереном и рядовым подданным.

Нищенствующие ордена проявили в Позднем Средневековье особенную активность в составлении так называемых *exemplaria*, сборников примеров из жизни святых, ибо как странствующие проповедники они нуждались в таком подспорье. «Многие подобные коллекции для проповедования были собраны фламандскими и французскими нищенствующими монахами, такими как Стефан Бурбонский, Фома из Кантэнпре, Винсент Бовеский» (LXXVI, р. 4). Нет сомнений, что постоянное использование в проповедях примеров из этих сборников способствовало неуклонному росту популярности *образцов*. Постепенно они становились неотъемлемой частью общественного сознания.

Однако необходимо признать, что в случае с Жанной действительно возникает сложный вопрос: в своих действиях она всегда руководствуется *советом* выбранных ею *образцов*, но никогда не упоминает о видениях собственно Иисуса. При этом все свои поступки она неизменно оправдывает тем, что исполняла волю Божию. Как примирить ее прямую апелляцию к высшему Сеньору с полным отсутствием непосредственного с Ним контакта, столь характерного для женского мистического опыта ее предшественниц и современниц? Ведь у Жанны общение с Небом происходит всегда только опосредованно, через *голоса*. Она получает небесное повеление только через божьих посланцев, и никогда — из уст самого Сеньора.

Надо сказать, что подобная дихотомия сохранялась на протяжении всего западноевропейского Средневековья и во многом подготовила Реформацию: возможен ли непосредственный контакт души с Творцом или это лишь дерзновение гордыни и церковь держит в своих руках единственный ключ от царства Божьего. Если подойти к этому вопросу исторически и признать, что в силу цельности средневекового общества реалии жизни духовной и жизни земной взаимно проецировались друг на друга, то можно заключить, что постепенное усложнение вассально-сеньориальной структуры отразилось и на космологических представлениях людей. В частности, из обширного материала изобразительных источников XIV — н. XV вв., от миниатюр до алтарных композиций, — следует, что фигура святого все чаще выходит на первый план. Ее присутствие становится повседневной необходимостью человека: без заступничества и покровительства святого до Господа можно и не докричаться.

Помимо социальной составляющей, в акцентировании фигуры святого есть и теологическая: если подражание Богу — удел избранных, то подражание святому, как мы уже говорили, концептуально более приемлемо для человека, ибо святыми не рождаются, а становятся, и становятся на земле. Простой смертный, конечно с Божьей помощью, может достичь гарантированного спасения и даже «просиять», если будет следовать пути, подготовленному для него святым предшественником.

Таким образом, идея подражания, вдохновив двумя веками ранее Франциска Ассизского, а затем найдя отражение в учении св. Фомы (*ars imitatur naturam ad imaginem Dei*), в исследуемую нами эпоху уже созрела и была востребована обществом. Более того, ориентация на благой *образец* стала восприниматься как важнейшая часть духовной жизни человека, без которой невозможно достичь спасения.

Дух совета и совет Жанны

В связи с идеей *образца* нельзя обойти вниманием средневековый «дух *совета*», ибо *exemplum* — это тоже совет, имеющий к тому же сакральную основу, ибо о святом доподлинно известно, что он спасся и пребывает на небесах.

Посвятив исследованию категории совета обширную статью, Ю. П. Малинин отмечает: «Философско-теологическая литература XIII в., придавшая этой идее своего рода этическую огранку, определяла совет как один из актов чело-

веческого практического разума, совершаемых для достижения определенной цели. Фома Аквинский, например, в своем знаменитом “Своде богословия” писал, что “совет — это проводимое разумом изыскание, которое предшествует суждению о средствах, из которых предстоит сделать выбор”, дабы достичь цели. При этом люди советуются для того, чтобы “управлять собой в своих действиях, дабы избежать зла и следовать добру”, а потому советоваться можно только по поводу того, что во власти человека; о вещах же, не зависящих от человеческой воли и не подлежащих воздействию человека, советоваться бессмысленно” » (XCV, 3, с. 178).

Ансельм Кентерберийский свое вступление к «Монологиону» начинает также с цитаты из Священного писания: «Поскольку дело следует делать всякое по совету, <...>, как написано: “все делай по совету” (Сир. 32–34)» (II, с. 32). Позднее, на известном совете в Рокингеме по поводу папской схизмы, Ансельм, рассерженный конформизмом епископов, заявил: «Хорошо же, раз вы, пастыри христиан, и вы, называющиеся отцами нации, отказываете в вашем совете мне, вашему верховному [пастырю], — я пойду к самому главному пастырю и князю всех, я поспешу к ангелу большого совета и получу от него совет, которому буду следовать» (там же, с. 288). Фактически, эта модель идентична поведению Жанны: всякий раз, когда военные предводители или священники, по ее мнению, пытались навязать ей свои решения, она противопоставляла им совет своих голосов.

Жювеналь дез Юрсен поясняет своему королю, что после обращения за советом к Богу нужно: «испросить и получить совет у самого себя, <...> а затем обратиться за советом к своему испытанному в верности, честному, мудрому и усердному в службе другу» (там же, с. 179). Ю. П. Малинин заключает, что «совет рассматривался как чрезвычайно важное условие принятия какого-либо решения, коль скоро даже по сути самостоятельные решения облекались в форму совета, т. е. решения, принятого по своему собственному совету» (там же).

История Жанны чрезвычайно наглядно подтверждает этот вывод, поскольку, по словам самой Девицы, она не совершала ничего без совета своих голосов. Свой *совет* она воспринимает как императив и кладет жизнь на алтарь его исполнения. «Решения казались столь неотъемлемыми от советов, что постоянно контаминировались с ними, и понятие “совет” очень часто употреблялось в значении принятого решения и даже самого совершенного действия. Так Жорж Шатлен, говоря о душевном состоянии Мишель Французской, жены бургундского герцога Жана Бесстрашного и сестры дофина Карла, охватившем ее, когда она узнала, что ее муж убит приближенными дофина, пишет, что “она себя чувствовала невинной в совете брата”. “Совет брата” это приведенное в исполнение решение убить герцога, принятое, по представлениям Шатлена, по чьему-то совету, к которому герцогиня не имела никакого отношения <...>. Само выражение “принять совет” (*prendre conseil*) во французском языке устойчиво означало “принять решение”, “решиться на что-либо”, что стало возможным только потому, что решения не мыслились без предварительных советов» (LCIII, 3, с. 181).

В свете вышесказанного возникает более глубокое понимание сцены свидания Жанны с королем, о которой мы говорили в предыдущей части статьи. Ангел «сказал ее королю, чтобы Жанне дозволили действовать, и тотчас королевству станет легче. Спрошенная, был ли ангел, принесший знак ее королю,

тем же самым ангелом, который ранее являлся ей, Жанна ответила, что он всегда один и тот же, и он никогда ее не покидает <...>. Как же он может ее покинуть, если он укрепляет ее ежедневно <...>. И она понимает, по ее словам, что сие подкрепление исходит от святых Екатерины и Маргариты» (XX, р. 112).

Еще более показателен допрос от 27 февраля, когда судьи спросили, говорят ли ее святые одновременно или одна за другой. «Мне не дозволено сказать вам сие, однако совет их обеих всегда со мной» (ibid., р. 72). Видимо, следует понимать под этим *советом* не беседу и не проповедь, а нечто такое, что постоянно было в распоряжении Жанны. Этим постоянным примером и был, на наш взгляд, *образец*, с которым девушка могла всякий раз соотносить свое поведение.

Очевидно, при принятии решения ей не требовалось каждый раз вставать на молитву: достаточно было сверить свои действия с *образцами*, которые всегда существовали перед ее внутренним взором. У Жанны это ощущение постоянного присутствия своего *совета* в повседневной жизни перекликается с августиновской концепцией божественного света, заключенного в индивидуальной душе. Как известно, развитием теории божественного света занимались еще неоплатоники, ее разрабатывали и Альберт Великий, и Фома Аквинский. Согласно их воззрениям, нашедшим отклик и во францисканской традиции, прообраз Божий присущ каждой душе в качестве неотъемлемого света. Полезно вспомнить, что Жанна, говоря о своих откровениях и о *совете*, постоянно использует слова «lumièr» 'свет' и «clarté» 'ясность'. Причем, отнюдь не случайно, что Жанна порой употребляет оба этих термина применительно к одному и тому же сюжету, видимо, четко различая оттенки их значений. Так, слово «свет» она употребляет чаще в значении «свет духовный» (lumièr spirituelle), а слово «ясность» (clarté) — в значении «прояснение», т. е. ясность речи святых или ангелов в момент видения или откровения.

Следующие цитаты из блаженного Августина проясняют сразу три элемента в мировоззрении Жанны, а именно, ее представление о свете и ангеле и понимание божественного знака как постигаемого эмпирически — *Aide-toi, le ciel t'aidera!* В трактате «О троице» Августин пишет: «В-третьих, душа имеет неизменный, постоянно присутствующий в ней свет, в котором она помнит неизблемые истины. Итак, своим действием память показывает, что сама душа — это образ Бога, и это подобие настолько присутствует в ней и настолько она заключает в себе присутствие Бога, что схватывает Его, и своей способностью она способна к Его восприятию и участию (в Его жизни)» (I, с. 94–95). «Она знает тогда в этом свете, “который просвещает всякого человека, приходящего в мир” (Иоанн, I, 9), “который есть Свет истинный” и “Слово, Которое было вначале у Бога” (Иоанн, I, 2)» (там же, с. 96–97).

Жанна, получая откровение, сначала слышит безымянный и настойчивый голос, а затем словно подбирает к нему определенное лекало, которому он соответствует. «Я не слишком скоро стала их узнавать», — показала она на допросе 27 февраля 1431 г., отвечая судьям о способе, которым различает св. Екатерину и св. Маргариту.

Возникает вопрос: каким образом она могла понять, исходят ли ее голоса от Бога или от нечистой силы? Опиралась ли она в этом только на собственные субъективные ощущения и веру в божественный свет, присущий любой христианской душе?

Судя по всему, определяя свое отношение к посетившим ее видениям, Жанна руководствовалась некими правилами, достаточно хорошо ей известными. Разумеется, на этом пути она не была первопроходцем. Вспомним поучение св. Антония о распознавании злых и добрых ангелов: «Видение святых ангелов бывает невозмутительно. Являются они, обыкновенно, безмолвно и кротко; почему и в душе немедленно рождается радость, веселие и дерзновение: душевные помыслы пребывают невозмутимыми, душа исполняется желанием будущих благ и общения со святыми. Если же иные и приходят в страх от внезапного явления к ним добрых ангелов, то явившиеся в то же мгновение уничтожают этот страх своею любовью, как поступили Гавриил с Захариєю и ангел, явившийся женам на гробе Господнем, и еще ангел, сказавший пасторам виффлеемским: “Не бойтесь!” И ощущается страх в таком случае не от душевной боязни, но от сознания присутствия высших сил. Таково видение святых...» «Нашествие же и видение злых духов бывает возмутительно, с шумом, гласами и воплями, подобно нашествию разбойников. От сего в душе происходят боязнь, смятение, беспорядок помыслов, уныние, печаль, страх смертный и, наконец, худое пожелание, нерадение о добродетели и нравственное расстройство. Поэтому, если, увидев явившегося, приходите в страх, но страх ваш немедленно уничтожен, и вместо него в душе вашей появилась неизглаголанная радость, благодушие, дерзновение, воодушевление, невозмутимость помыслов, любовь к Богу, то не теряйте упования и молитесь, а если чье явление сопровождается смятением, внешний шум, мирская пышность и угроза смерти и тому подобное, — то знайте, что это — нашествие злых ангелов» (XXVI, с. 34–35). Св. Антоний — весьма популярный персонаж средневековой культуры, его наставления должны были быть хорошо известны Жанне и руанским судьям, как, впрочем, и многие аналогичные его советам учения.

Объясняя судьям причины своего доверия к голосам, Жанна утверждает, что «во всех больших делах, когда-либо ею совершенных, голоса всегда помогали ей; и сие знак того, что они добрые души» (XX, р. 136). «И заставили ее поверить в сие благой совет, благая поддержка и благое учение, каковое он (архангел Михаил. — А. С.) принес ей» (ibid., р. 138).

Первые ответы Жанны о ее голосах сильно отличаются от позднейших. Желала ли она запутать судей или пыталась прояснить для самой себя смысл и значение обсуждаемого?

«Спрошенная, как она узнала, что сие именно оные святые и отличала ли одну от другой, ответила, что хорошо знает, что сие — они и хорошо их распознает <...> по их приветствию <...>. И она крепко поверила в то, что сие — он (архангел Михаил. — А. С.), и у нее была великая воля сему поверить» (ibid., р. 72).

За триста пятьдесят лет до Руанского процесса в своем диалоге «О свободе выбора» Ансельм Кентерберийский писал: «Не может хотеть тот, кто не хочет хотеть; ведь всякий, кто хочет, *хочет и самого своего хотения*» (II, с. 230). Перефразируя Ансельма, можно сказать: всякий, кто верит, хочет и самой своей веры.

Вернемся к допросам Жанны. Судьи спрашивают о том, каким образом Жанна распознает своих святых. «Показала также, что узнает святых, потому что они называют себя ей». Через несколько минут ассессоры возвращаются к этой теме, и ответ подсудимой звучит иначе: «Я не скоро признала их; когда-то

я знала, как именно, но забыла; и если мне будет дозволено [Богом], я охотно скажу вам сие» (XX, р. 72). Позднее она и вовсе показала, что помогли ей распознать ее святых... клирики.

Неверно было бы следовать выводам Ж. Дюби, который пишет, что «видения Жанны были населены четко узнаваемыми персонажами: не колеблясь, узнает она в лицо святого Михаила, св. Екатерину и св. Маргариту. Узнает в лицо — она видела их на складнях» (XLII, с. 292). Ничего подобного.

Во-первых, она многократно отказывается описать облик своих святых.

Во-вторых, ее личный выбор не связан напрямую с локальным культом этих святых, ибо тогда все ее соплеменники почитали бы именно их, что неминуемо проявилось бы в ходе процесса реабилитации. В таком случае выбор Жанны вызвал бы гораздо меньше вопросов у руанских судей, которые, к тому же, не поленились провести предварительное расследование в самом регионе Домреми.

В-третьих, Жанна отрицает даже то, что кажется вполне естественным:

«Спрошенная, были ли у святого Михаила в руках весы, ответила, что ничего о том не знает» (XX, р. 88). Более того, ответила, что «они (св. Екатерина и Маргарита. — А. С.) всегда имеют один и тот же вид, и их фигуры увенчаны драгоценными коронами <...>. Затем сказала, что об их одеждах не знает ничего <...>. Она сказала, что не знает, есть ли у них нечто, вроде рук или других частей тела <...>. На вопрос, как же тогда они говорили, если у них нет частей тела, ответила: “Я полагаюсь в том на Бога”. Затем сказала, что голос нежен, красив и говорит по-французски» (XX, р. 84–85).

Короны? Но так изображали едва ли не всех небожителей, включая ангела Реймского собора. Что же касается Маргариты Антиохийской, равно как и Маргариты-Пелагия, то их как раз чаще изображали без корон: обе, в отличие от Екатерины Александрийской, принцессами не являлись. На миниатюрах XV в. св. Маргариту писали скорее в образе пасторальном, в память о роковой встрече со знатным женихом.

Здесь же необходимо добавить, что специфика описания Жанной облика святых говорит об ориентации более на устную, нежели на изобразительную традицию. Жанна всегда была бесконечно чувствительна к слову.

Мы располагаем источниками, перекликающимися со словами Жанны о святых Екатерине и Маргарите. Это — англоязычные рифмованные жития (*stanzaic life*) обеих святых, а также известные проповеди Мирка (*Mirk's sermons*), созданные в XIV — XV вв. именно для устного изложения. В этих источниках знаменитая легенда об александрийской святой отражает характерные для исследуемой нами эпохи детали. В частности, повествуя о визите императрицы и военачальника Порфирия в темницу, куда Екатерину заточил император Максений, Мирк говорит: «и узрела она ангела, у коего в руках была корона из сияющего золота, и принес одну на главу королевы, а другую — на главу Порфирия, и велел им быть твердыми в вере, ибо через три дня обоим им предстоит придти к Богу мучениками» (XXIII, р. 37–40).

Шерри Римз, комментируя различные варианты легенды св. Екатерины, поясняет, что видение ангела с двумя коронами, говорящего о скором мученичестве Порфирия и императрицы, не встречается в большинстве версий. Читатели Чосера могут вспомнить схожий сюжет о св. Цецилии, хотя там короны сотканы из роз и лилий, которые символизируют одновременно близкое муче-

ничество святых и их девственность. Свою проповедь Мирк подкрепляет так называемым *narratio* — фактически, *образцом (exemplum)*, — об одном юноше, когда-то почитавшем Екатерину. Этот юноша постепенно утратил прежний пыл и имел затем видение вереницы прекрасных дев, увенчанных блистающими коронами. Среди них, в наипрекраснейшей из корон, он узнал Екатерину. Таким образом, наличие прекрасных корон на головах небесных сестер Жанны было в ее сознании фактом неперменным и естественным, как прямое доказательство их райского происхождения. В этом качестве райский венец не мог служить атрибутом конкретной святой и помочь Жанне определить, какая именно из святых является ей в видениях.

В ходе допроса 13 марта 1431 г.: «Спрошенная, источал ли сей венец благоухание и сверкал ли он, ответила, что не помнит и что поразмыслит над сим. Но затем сказала, что он благоухает и будет благоухать, если его станут хорошенько охранять, как и подобает; и он был в виде короны». Все это — сияние, благоухание, нетленность — признаки, имеющие отношение к мистическому опыту визионеров. Для человека, находящегося в состоянии религиозного экстаза, они удостоверяли, что его откровение — истинно. В миру они подтверждали чудотворность икон и подлинность святых мощей. Представление о короне как символе божественной миссии имеет глубокие, дохристианские корни. Но в христианской традиции этот символ означал одновременно страдание и славу, подобно тому, как венец Христа мог быть терновым и драгоценным. И в этом смысле короны святых уподоблялись как венцу славы, так и знаку мученичества, которое претерпели святые. Жювеналь дез Юрсен, говоря о последних минутах жизни Карла Мудрого, также сравнивал его корону не только с венцом славы, но и с венцом мученика, ибо власть монарха представлялась Жювеналю тяжкой ношей.

Основываясь на показаниях Жанны, мы ясно видим, что в ее сознании визуальное вторично и уступает место концептуальному. Противоречит ли это ее заявлению о том, что «она видела святого Михаила и ангелов собственными глазами, так же, как видит присутствующих в зале?» (XX, р. 170). Думается, нет, если допустить, что нам совершенно не известно, *как именно* видела она этот зал, судей, и мир вообще. Ее видение весьма отличалось от нашего: вспомним, что, по ее словам, она часто видела ангелов среди христиан и сокрушалась, что этого не видят другие...

Стало быть, не по внешнему облику узнает она святых, а по их учению (*doctrine*), по их интеллектуальной функции, по совету. Иными словами, по их *образцу*. Находя соответствие между тем, как вели себя св. Екатерина и св. Маргарита в своих легендах и тем, как, по ее мнению, следовало поступать в конкретной жизненной ситуации, Жанна начинает воспринимать их модель поведения как прямое указание к действию. Таким образом, поиск решения превращается у Жанны во внутренний диалог с избранными ею *образцами*.

Но как объяснить, почему этот внутренний диалог переходил у Жанны в диалог реальный, принимая обычную для Средневековья форму видений? Современный человек скорее всего увидит в этом признаки шизофрении. Однако стоит еще раз подчеркнуть, что если в нашей культуре такое раздвоение сознания воспринимается как болезнь, то в другой системе ценностей это было допустимой нормой. Камень преткновения в том, что мы мыслим центром свое-

го существа некое пространство, заключенное в нас самих. Большинство из нас мысленно помещает ядро своей индивидуальности внутрь собственного тела, и мир по отношению к нему воспринимается как внешний объект. Феноменологи, споря с объективистами, полагают, что мир, напротив, существует лишь в нашем сознании, т. е. является, по сути дела, внутренностью души. Мы не станем сейчас пускаться в долгие философские рассуждения, — заметим лишь, что обе этих крайних точки зрения на природу сознания не разъясняют феномена Жанны: так или иначе, они помещают «нулевой меридиан» в центр субъекта. Но если абстрагироваться от привычного нам принципа аутоцентричности и предположить, что центр своего существа Жанна видела вне собственного тела? Ведь она, как и большинство ее современников, стремилась раствориться в Боге. Следовательно, все, что происходило в ее сознании, было по отношению к Богу внешним. Все составляющие ее внутреннего диалога могли выступать на равных с нею перед лицом Творца.

Поэтому Жанну нелепо отделять от тех «сестер из Рая», которых она избрала своими *exempla*. Именно в их житиях часто следует искать объяснения тому, что в реальной земной жизни Жанны остается загадкой.

Однако, говоря о подражании святому, прежде всего надо отделить объект подражания от субъекта, который ему подражает. Где грань, отделяющая субъект от объекта и как она воспринималась современниками Жанны? Даже во второй половине XV в., когда преобладание ренессансного индивидуализма в общественной мысли Франции станет более явственным, знаменитый Франсуа Вийон будет твердить, как заклинание: «*Je cognois tout, fors que moy mesmes*» (Я осознаю все, но только не самого себя. — А. С.).

Личность или индивидуальность?

Все вышесказанное сопряжено с давним спором ученых о роли личности в истории. Правда, в нашем исследовании уместнее было бы поставить вопрос иначе: о роли истории в личности. Биографии Жанны д'Арк, Екатерины Сиенской, о которой речь пойдет далее, Клод дез Армуаз — самой известной из женщин, выдававших себя за Жанну, — удачный повод к такому разговору.

Итак, личность в Средние века — понятие составное. Средневековые мыслители часто обыгрывали близость понятий *corpus* — *corporatio*, т. е. *тело* — *корпорация*. Личность в их глазах представлялась объединением вполне самостоятельных компонентов: тела и души, разума и страсти, невинности и порока, чести и подлости. В произведениях средневековой литературы нравственные искания человека часто представляли в виде диалога или спора различных качеств или этических категорий. Ареной такого спора являлась человеческая душа. Рассматривая природу объединения таких, порой взаимоисключающих, компонентов, святой Августин обращался к вопросу о человеческой воле. Он считал ее единственной субстанцией, способной удержать эту «корпорацию» от распада и энтропии.

«В душе человека можно также усмотреть некоторое подобие святой Троицы: как Бог, единый по существу, троичен в лицах, так единая душа имеет три

способности: ум, память и волю» (I, с. 18). Но, коль скоро воля обеспечивает своим благим намерением цельность общества, то в конечном итоге она становится у Августина сутью индивида. «Способ, каким соединяются души с телами, непонятен для человека, а между тем это и есть сам человек» (I, с. 18).

Жанна верила, что с нею были святые Екатерина и Маргарита, и у нее была «великая воля сему поверить». И, если судьи *захотят*, — они тоже поверят. Поэтому разнообразие индивидов становится в этой парадигме следствием качественного различия воль, намерений. «Воля в нас всегда свободная, да не всегда добрая» (I, с. 19). Только воля способна направить индивида к Богу или отвлечь от Него. «Я спрашивал, что же такое греховность, и нашел не субстанцию: это извращенная воля, от высшей субстанции, от Тебя, Бога, обратившаяся к низшему, отбросившая прочь “внутреннее свое” и крепнущая во внешнем мире» (там же, с. 96).

Случайно ли, что, говоря об Августине, о Франциске Ассизском или Бонавентуре, которые созерцают в природе образ Божий, мы всюду замечаем у них некий лучезарный центр, но не «черную дыру», Дьявола. Разумеется, он в их мировоззрении присутствует, но скорее как риторическая фигура, как неизбежная антитеза божественному свету. Этическая же полярность мироздания обеспечивается в их понимании парадигмой Бог — Злая (невежественная) человеческая воля, а не Бог — Дьявол. Этот космогонический антагонизм существует и в мировоззрении Жанны, которая всегда видит причину зла не в кознях антропоморфного Сатаны, а в дурных поступках самих людей. Именно воля к дурным поступкам и является, в ее понимании, смертельным «врагом рода человеческого».

Тысячелетие отделяет Жанну от Августина, но его идеи к началу XV в. уже настолько укоренились в общественном сознании, что казались Жанне совершенно естественными. Подчеркнем, что отсутствие дьявола в этической парадигме Жанны — ключевая деталь к пониманию ее личности. Нет дьявола — нет и оправданий собственным грехам. Замечательно, что даже в трагические минуты руанского процесса в ее сознании не появляется Враг человеческий — причину своих бед она указывает на земле. Люди, а не духи, мешают ей исполнить свою миссию до конца: «И кроме того она сказала, что, если бы продержалась три года без помех, то освободила бы названного герцога» (XX, р. 116) (речь идет о Карле Орлеанском. — А. С.). Поскольку, по средневековым представлениям, именно воля обеспечивает выбор человеком того или иного решения, мы должны признать волю этической доминантой в самосознании Жанны.

Ранее мы предположили, что средневековая концепция человеческой индивидуальности в большей степени приближается современной нам концепции личности. Причины этого как раз в том, что индивидуальность расслаивалась на множество составляющих, подчас антагонистичных друг другу и скрепленных лишь свободной волей. В таком виде индивидуальность как бы противоречила своему названию: индивид — значит «неделимый». Однако не стоит забывать, что элемент неделимости в этой «корпорации» присутствовал, так как воля была все-таки свободна и «индивидуальна». Но суть все же не в этом. Жесткое разделение понятий «личность» и «индивидуальность» возникло лишь в Новое время, когда общество начало перераспределять акценты между благом общественным и благом личным. Между тем, сознание средневекового индивида

предполагало *постоянную* ориентацию на общественное мнение, на совет. От «соборности», от соблюдения каждым членом общества заповедей Господних напрямую зависело общественное благо. Таким образом, личностная ось индивида оказывалась как бы вынесенной вовне; *образец*, которому надлежало следовать, становился центром притяжения для индивидуальной души. Поэтому процесс становления личности выглядел как постепенное освоение индивидом той оболочки, которую постепенно наращивало на нем общество. Во многом именно этим обусловлено едва ли не полное невнимание средневековых источников к периоду столь интенсивного генезиса личности, как детство. Человек как бы одномоментно становился взрослым, т. е. интегрировался в мир взрослых на четко обозначенных правах.

Суть средневековой индивидуальности в том, что делает ее, на современный взгляд, парадоксально двуликой. Сама по себе она ничто, но заручившись божественным мандатом, мгновенно вбирает в себя всю мощь мира и достигает предельных высот свободы. В этом смысле она парадоксальна вдвойне, ибо проявляет себя именно в отрицании собственной индивидуальности, в паническом бегстве от «Я», по закону диалектики, стремясь перестать быть самой собой и раствориться в дантовом божественном свете.

Здесь уместно привести замечание Л. М. Баткина о преемственности такой концепции индивидуальности. «Понятие самоценной личности беспрецедентно: вместе с тем оно могло быть постепенно и трудно выработано лишь из антично-христианской традиции. Никакого другого мыслительного материала в распоряжении нарождавшегося буржуазного общества, впрочем, не было. Бесспорно, эта традиция <...> содержала в себе все существенные возможности последовательной индивидуализации — от римского права до христианского персонализма. Но сама по себе она, скорее, ближе к Востоку, чем к “западному человеку” Нового и Новейшего времени, с его индивидуализмом» (XXIX, с. 1).

Интересно сопоставить мысль Л. М. Баткина с тем, что мы говорили выше о вассально-сеньориальной, правовой природе взаимоотношений Жанны с Богом. Она сочетала в себе те же черты: любовь к высшему Сеньору вплоть до полного самоотречения, но вместе с тем сознание своих прав как его вассала. Здесь также юридизм мышления парадоксальным образом сосуществует с возможностью самоотречения.

Средневековый человек — человек общины, а социализация предполагает существование личности. Иными словами, существование личности мыслилось как суровая необходимость, без которой невозможно достижение идеала — единого, целостного христианского мира. Спасение — дело общественное, и любое отпадение индивида от пути истинного вредит общине в целом. Об этом так вдохновенно вещал доктор теологии Гийом Эрар 24 мая 1431 г. на кладбище Сент-Уэн, приготовляя почву к отречению Жанны: «Означенный доктор начал свою проповедь, взяв темой божественное слово, писанное в гл. XV Иоанна: “Ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе”. <...> Он показал, что Жанна была отделена от единства святой матери Церкви многочисленными заблуждениями и тяжкими преступлениями и что многократно возмущала она христианский люд» (XX, р. 336). По той же причине, укоряя грешника, социум превозносил праведника. Сознывая свою греховность и опираясь на библейскую притчу, общество расценивало праведника как гарант божественной пощады

и милости. Ибо он — та точка материи, где происходит вожденное слияние с Отцом, Абсолютом, Не-Я.

Л. М. Баткин, исследуя особенности средневекового понимания индивидуальности, отмечает: «Так Я достигало апофеоза в Не-Я. Индивид усматривал свое высшее достоинство в том, чтобы как можно меньше быть *этим*. Конечно, путь к такой цели часто вел через необыкновенное внутреннее сосредоточение и вслушивание, через личное свершение, через величайшее напряжение человеческих сил. Но того, кто отличился на сем многотрудном пути, славили за осуществление преднаиденного и должного, за идеальное соответствие норме и тем самым ее превышение, но, конечно, отнюдь не за личную оригинальность, не в образе “индивидуальности”» (XXIX, с. 13).

Можно поспорить лишь с последней оценкой: даже если в глазах окружающих такой жест самоотречения означал полный отказ праведника от собственной неповторимости, оценка самого праведника могла быть иной. Его поступок мог иметь вполне индивидуалистическую причину: он был вкладом индивида в дело общественного блага и спасения. Праведник действует во славу Божью и во имя спасения, но никакого принципиального различия между этой его целью и достижением общественного блага нет. Действуя во славу Божью, индивид выполняет свою социальную функцию, а вовсе не уходит от мира. При этом он в наивысшей степени проявляет самого себя, ибо, как мы уже говорили, индивидуальность человека Средневековья проявляет себя опосредованно, как отражение своих *образцов*. Т. е. с одной стороны, праведник действует как личность, но с другой — как индивидуальность.

«Для средневековых умов, — пишет Л. М. Баткин, — обособленно-индивидуальное — это акциденция, т. е. нечто вторичное, бременное и тягостное в человеке; первостепенно же, напротив, все, что причащает соборному и вечному. То, что и Бог-отец, и Бог-сын и Бог-дух различаются, *поскольку* они одновременно суть одно <...> величайшая тайна Троицы в ортодоксальном христианском учении выражена в понятии “ипостаси”, в парадоксальном слиянии неслиянности. Помыслить даже Христа самобытным было бы ересью, и максимум, так сказать, индивидуальности на сакральном уровне — ипостась, *это же как другое*» (XXIX, с. 12).

Рассуждая об ипостаси как максимально возможном проявлении индивидуального в христианской традиции, Л. М. Баткин все же рассматривает понятие сакральное — Троицу. Однако корпорация «тело — душа» не воспринималась в средние века как неслиянные ипостаси, ибо тело не представлялось сакральным. Тайнство ипостасей Троицы потому и мыслилось божественным, что было обеспечено ее априорной духовностью: в ней нет ничего телесного. Телесное же, в отличие от духовного, разделяет, и в этом — печать первородного греха. Смерть расщепляет эту конструкцию, оставляя тело на земле, как одежду, — по крайней мере, до Страшного Суда, когда все воскреснут в телах, и плоть преобразуется в дух. Но это будет уже совершенно иной мир, царствие Божье. Пока этого не произошло, тоска по цельности влечет к небесам, искушая вырваться из телесной «корпорации».

У Жанны монистичность мировосприятия достигает апогея в силу ее мощного темперамента. Поэтому никакой костер не мог перекрыть для нее ужаса потери ценностного ориентира — доверия к своим голосам. Вспомним, что на

кладбище Сент-Уэн судьям удалось склонить Жанну к подписанию акта об отречении, вызвав в ней сомнения в подлинности ее голосов. Однако вскоре после этого Жанна вновь надела мужской костюм — символ ее миссии: отказ от своих *образцов* был для нее равноценен отказу от самой себя, от составляющих своей личности. Это оказалось сильнее ее страха перед костром.

В Руане клирики провоцировали Жанну на ересь, спрашивая: «Когда она ставила свечи пред образом святой Екатерины, ставила ли она их во славу той, которая ей являлась?» Жанна отвечала: «Я делала сие во славу Бога, Богоматери и святой Екатерины, которая пребывает на небе и является мне». Спрошенная, ставит ли она сии свечи во славу той святой Екатерины, каковая ей является, ответила, что да, и что не делает никакой разницы между той, что является ей, и той, что пребывает на небесах» (XX, р. 135). И особенно: «Спрошенная, полагается ли она во всех своих речах и деяниях на решение Церкви, ответила: “Я полагаюсь в сем на Бога, который меня послал, Богоматерь и всех святых рая. Мне кажется, что Бог и Церковь — сие едино, и не должно делать из того трудностей. Зачем вы сие усложняете?” » (XX, р. 139). Для Жанны единство Бога и Церкви отражало принцип цельности как основополагающего блага. Поэтому свою цельность (индивидуальность) она тоже ставила превыше всего. При этом следует помнить, что Жанна могла вполне ощущать свою индивидуальность только в христологическом контексте, поскольку Бог был для нее единственным Неделимым — индивидом в буквальном смысле слова.

Экзоцентрический тип сознания

Образцы, которые Жанна воспринимала в виде голосов, приходили к ней «извне». Но необходимо подчеркнуть условность такой локализации. Средневековый человек не опирался на ценности внутри себя, все подлинное приходило к нему извне, от Бога, было фактом «внешнего» мира. Христос сказал: «Царство Божие внутри вас есть». Но можем ли мы понимать это исключительно как двухмерную антитезу «внутри — снаружи»?

Возможно, стоит обратиться за ответом к св. Августину, который писал о некоем «небе небес», «*умопостигаемом* небе», к которому надлежит стремиться. В таком случае, душа, стремясь к своему *образцу*, имеет центром тяжести не обособленное Я, а Не-Я в центре себя, инобытие «внутри» себя. Царствие Божье, по мысли средневековых теологов, отнюдь не тождественно персональному миру личности. Напротив, средневековая этика не доверяет внутреннему монологу, приучая и монаха, и мирянина к чтению вслух, к постоянному совету и к исповеди, настаивая: открой душу, выскажи свои мысли, не держи ничего в себе. Индивидуальный поиск средневекового человека — это в некоторой мере процесс выхода за пределы телесной оболочки, «выворачивание» себя наружу.

Августин поясняет: «Всякое тело вследствие своего веса стремится к своему месту. Вес тянет не только вниз, он тянет к своему месту. Огонь стремится вверх, камень вниз; они увлекаемы своей тяжестью, они ищут свое место. Где нет порядка, там беспокойство; упорядоченное успокаивается. Моя тяжесть — это любовь моя: она движет мною, куда бы я ни устремился. Дарованное Тобой

воспламеняется и стремится вверх: пылаем, идем. Поднимаемся, поднимаясь сердцем, и поем песнь восхождения. Огнем Твоим, благим огнем Твоим пылаем, идем; поднимемся к миру Иерусалима <...>. Там поместит нас добрая воля и ничего мы больше не пожелаем, как пребывать там вовеки» (I, с. 189).

Поэтому, если в средневековой литературе размышления героев представлены в форме внутреннего многоголосья, как в провансальском романе «Фламенка», — не стоит видеть в этом признак патологического расслоения сознания у отдельно взятой личности. Скорее это пульсация тех общественно значимых качеств, тех этических категорий, которые, собственно, и составляют средневековую личность. Индивидуальность героя в этом споре проявляется в волевом акте — выборе достойнейшего *совета* из их множества.

Итак, мы определили, что средневековая личность — это, условно говоря, корпорация нравственных категорий, стремящаяся к своему центру — *образцу* (*exemplum*). В таком случае, как она должна воспринимать явление, которое мы сегодня называем «внутренним голосом» или интуицией? Вполне вероятно, что это явление начинает восприниматься как голос извне, ибо изнутри возможна только одна волевая инициатива — инициатива свободы выбора между прошедшими извне вариантами. То, что мы привыкли называть внутренним голосом, приходило извне как *видения* или *голоса* не оттого, что наивные люди средневековья болезненно галлюцинировали, фантазировали и восполняли этим лакуны скудного естественнонаучного знания. Были, конечно, и тогда маниакальные или психически неустойчивые индивиды. Но в праве ли мы воспринимать всю средневековую цивилизацию, изобиловавшую гениальными мыслителями, как общество, построенное на психической патологии?

Видения или голоса, как представляется, были совершенно логичной формой самоопределения индивида или даже социума, если вести речь о коллективных галлюцинациях. Эта форма самоопределения была непосредственно связана с экзотрической природой средневековой личности. Процесс общения с «внешними» голосами являлся по сути диалогом индивида с самим собой — диалогом, который помогал ему ориентироваться в пространстве этических ценностей.

В связи с этим стоит еще раз обратиться к Августину. Стремясь прояснить для себя основополагающие философские вопросы, он вступает в диалог с Богом как со своим *внутренним голосом*: «Ты велишь мне подтвердить, что время — это движение тел? Нет, не велишь. Что всякое тело может двигаться во времени, это я слышу. Ты мне это говоришь. А что это самое движение тела есть время, этого я не слышу, не Ты мне это говоришь» (I, с. 164). Нас привлекает в данном случае не риторика, даже не суть текста, а внутренняя логика аргумента. Августин воспринимает процесс духовного поиска с тех же позиций, что и Жанна. Судите сами: «Также сказал Ты мне, Господи, *громким голосом во внутреннее ухо мое*, что все создания и все субстанции, которые не то, что Ты, но которые все же существуют, созданы Тобой <...>. Также сказал Ты мне, Господи, *громким голосом во внутреннее ухо мое*, что не извечны и те создания, для которых Ты единственная радость» (Там же, с. 172).

Оруженосец Девы Жан д'Олон однажды попросил ее рассказать о своих голосах. На процессе реабилитации он поведал об этом судьям: «Когда названной Деве нужно было предпринять какие-либо военные действия, она говорила

ему, что ее *совет* указал ей, как должно поступать; и когда он спросил, что собой представляет ее *совет*, она ответила, что у нее есть трое советников: один из них постоянно пребывает с ней, другой то покидает ее, то возвращается к ней, довольно часто ее навещая, а третий — тот, с которым обсуждают дела двое первых» (XXI, р. 486).

Понимая всю условность схемы, приведенной д'Олоном, попытаемся все же проникнуть в эту трехчастную иерархическую структуру. Судя по всему, под третьим «советником», высшим судьей, следует понимать Бога. К нему обращается второй «советник» — по всей видимости, голоса — св. Михаил, св. Екатерина, св. Маргарита. Однако, говоря о первом элементе этой иерархии, нельзя вполне согласиться с суждением Ю. П. Малинина о том, что «совет Жанны — это нечто данное или нисходящее на нее свыше, чему она чувствовала себя обязанной подчиняться и не могла противиться» (XCV, 3, с. 177). Этот вывод не объясняет существования первого «советника» — того, который всегда при ней. Кто же этот первый?

Вспомним, что в Руане Жанна показала, что «при ней всегда был совет их обоих», т. е. совет святых Екатерины и Маргариты. Между тем, по ее словам, она порой не могла разобрать слова их повелений из-за невозможности сосредоточиться в тюрьме. Более того, иногда она была вынуждена просить Господа, чтобы он послал к ней ее святых, так как они не появлялись. Исходя из этого, нельзя отождествить первого советника непосредственно с голосами святых: из показаний Жанны явствует, что они вовсе не были с ней постоянно.

Другое дело, если предположить, что первым «советником» были не сами голоса, не их конкретные советы, а *совет* святых Екатерины и Маргариты, т. е. их *образцы*. Собственно советы (указания, повеления) Жанна получала лишь время от времени, в минуту принятия решений. Если выбор решения вызывал у нее затруднение, и она не могла найти верного ответа на свой вопрос, она расценивала это как временное отсутствие голосов или невозможность их расслышать. Напротив, совет как житийный *образец* в восприятии Девы, должен был пребывать с нею постоянно. При любых обстоятельствах она могла мысленно обратиться к примеру своих святых или даже архангелов, и в этом смысле ее *совет* действительно всегда был при ней. И не только *при ней*, а *в ней*, — ибо, как мы предположили, средневековая личность стремилась к своему *образцу*, делая ее как бы своим центром.

В заключение этой части хотелось бы подчеркнуть, что средневековое индивидуальное сознание находилось в постоянном паломничестве к различным *образцам*. Оно действует в пространстве *образцов* и соизмеряет себя с ними, познавая таким образом собственную ценность. Высшим *образцом* в этой системе координат, конечно, выступает Бог. Он единственный, кто никуда не стремится, пребывает в себе и вбирает в себя все души — т. е. является подлинным индивидом.

Разумеется, если вести речь о бытовом поведении средневекового человека, то абсолютизировать эти выводы не стоит. Однако они дают основания выделить некий универсальный принцип существования, общую ментальную доминанту, которая находит отражение в повседневной деятельности каждой конкретной личности эпохи Средневековья.

Что же касается степени эмоциональности, которую проявляет индивид в стремлении следовать своему *образцу*, то она, безусловно, во многом зависит от мощи отдельного темперамента. Но в любом случае, модели поведения Жанны д'Арк, Катерины Сиенской, крестьянина Гельмбрехта, Мартина Герра, самозванки Клод дез Армуаз являются принципиально схожими, что позволяет выявить некие общие закономерности в их образе мышления. Единая для них модель поведения основывалась на экзоцентрическом понимании собственной личности. Центром своего существа они полагали *образец*, все же иные компоненты личности — этические категории, особенности характера и т. д. — группировались вокруг него. Человек, словно по платью, опознавался по ряду усвоенных им поведенческих стереотипов — так было с Мартином Герром, крестьянином Гельмбрехтом или Клод дез Армуаз. Жанна ощущала себя абсолютно неотделимой от своих голосов: как только они переставали ее навещать, она словно бы теряла ориентацию в пространстве, которое для нее прежде всего было «пространством *образа*». *Образец* был маяком, чей мерцающий свет спасал от гибели. Он был неперенным условием ее существования как личности, более того, являлся центром ее существования. Нетрудно понять, что утрата такого центра могла восприниматься личностью как распад и уничтожение, ибо другого концепта личности попросту не было вплоть до утверждения ренессансной доминанты.

§2. Жанна д'Арк и Екатерина Сиенская

Сознательный выбор

Итак, до сих пор мы рассматривали феномен голосов Жанны в рамках корпорационной (составной) и экзоцентрической (имеющей внешний центр) концепции средневековой личности. Теперь необходимо уделить особое внимание традиционной идентификации этих голосов.

Помимо Иисуса и Девы Марии, Жанне в ее эпоху сопутствуют четыре небесных «советника». Исходя из показаний Девицы, данных ею в ходе руанского процесса, мы можем восстановить последовательность их появления в ее откровениях: сначала Михаил, затем св. Екатерина и Маргарита, а после — архангел Гавриил. Поскольку мы говорим об *образах*, оставим пока в стороне фигуры архангелов. Сейчас нам важно рассмотреть именно святых, т. е. тех, кто прошел земной путь к святости и кому можно было подражать.

В мировой историографии прочно закрепилась традиция считать двух «райских сестер» Жанны св. Екатериной Александрийской и св. Маргаритой Антиохийской. Жития обеих католических святых давно стали хрестоматийными, популярность их освящена «Золотой легендой» Иакова Ворaginiнского и бесчисленными свидетельствами живописи, архитектуры и скульптуры. Правда, на проверку оказывается, что ни одна из этих святых не получила официальной канонизации римской церкви — папа Иоанн XXIII был вынужден исключить обеих из сакрального календаря за неимением доказательств их существования. Но это отнюдь не умаляло ни популярности этих святых, ни их культурной значимости для современников.

«Золотая легенда» — свод сюжетов, действительно формировавших некогда ментальную и духовную ткань общества, и в этом смысле она гораздо важнее для понимания генезиса личности Жанны, чем официальные папские декреты. Кроме того, как мы увидим далее, и св. Екатерина и св. Маргарита в том виде, какими их представляла себе Жанна, являлись «собирательными образами». В основе этих образов лежали их знаменитые жития, но на них, как слою перламутра на жемчужное ядро, наслаивались многочисленные дополнения, подробности, смысловые вариации, которые были привнесены в изначальные легенды святых их менее знаменитыми последовательницами. Так, В. И. Райцес установил, насколько сильным было влияние на образ св. Маргариты Антиохийской образа Маргариты-Пелагия, который во многом послужил примером для Жанны. Характерно, что сама Жанна не разделяла в своем сознании двух этих святых: для нее они обе — составляющие единого образа св. Маргариты.

Мы постараемся далее показать, что этот подход столь же справедлив и в отношении св. Екатерины.

Жанна могла почитать апокрифических святых, видя в них, в конечном счете, архетипические черты христианской святости: *вечно чистую* Екатерину и *жемчужину веры* Маргариту. Однако как бы апокрифичны не были те святые, которые, по мысли Жанны, являлись ей в откровениях, это ни коим образом не могло дискредитировать Девуцу, ибо она *верила в то, что поклоняется светлым духам*. Французская церковь ясно обозначила свою позицию в отношении ее голосов на кассационном процессе 1450 — 1456 гг. В итоговом документе процесса, «101 статьях», пункт LXIV гласит: «И далее, предполагая, но не принимая, — поскольку очевидным является как раз противное, — что сии явления были духами зла и Жанна была жертвой иллюзии или обманулась по ошибке, она должна быть, однако, прощена, ибо думала, что речь идет о добрых духах, являвшихся под видом ангелов света, и она верила, что поклоняется и чтит святого Михаила и святых Екатерину и Маргариту; таким образом сия ошибка не является ни опасной, ни предосудительной, и следовательно, Жанну нельзя считать идолопоклонницей».¹² (XXI, р. 129). Таким образом, церковь подошла к вопросу с позиций феноменологических, поскольку главным оправданием человека все же считалась *вера* в то, что он поступает праведно.

Судить героя по законам его времени — значит понимать, вслед за Ж. Ле Гоффом и А. Я. Гуревичем, что перед нами *другой*. Поэтому очевидно, что для нас существенным является не столько то, кем в действительности были святые Жанны, сколько то, что она под ними подразумевала. Иными словами, важно понять, что именно было создано Жанной в ее сознании из богатого материала интеллектуальной и духовной жизни ее эпохи. И в этом, пожалуй, главная и основная цель заключительной части нашей статьи.

Как уже говорилось, образы святых Екатерины и Маргариты были в сознании Жанны собирательными.

Безусловно, в их основе лежали архетипические черты христианской святости как таковой. Однако, учитывая то, что из всего пантеона католических святых Жанна выбрала именно их, необходимо рассмотреть выбор Жанны более тщательно. Во-первых, ради одних абстрактных идей на костер не всходят — для такого поступка нужна гораздо более выстраданная мотивация. Во-вторых, трудно объяснить выбор Девуцы популярностью названных святых на ее родине:

в отличие от ситуации со св. Михаилом, никакого особого культа св. Маргариты, к примеру, в Домреми не наблюдалось. Даже весьма консервативный историк П. Тиссе, публикуя материалы Руанского процесса, вынужден был признать, что статуя св. Маргариты в церкви Домреми, которая предположительно стояла там долгое время, появилась значительно позже смерти Жанны (XX, р. 38, п. 1). Т. е. речь скорее идет не о популярности св. Маргариты в Домреми, а, напротив, о том, что статую могли поместить в церковь в память о Жанне. С другой стороны, совсем рядом находились действительно крупные католические святыни — к примеру, храм Николая Мирликийского. Однако ни св. Николай, ни св. Ремигий не стали для нее *образцами*. Жанна выбирает иные *exempla*, точно так же, как немногим ранее подобный выбор сделали первые Валуа: и св. Екатерина, и св. Михаил были признанными патронами королевского дома. Отдав дань традиции именовать сыновей Карлами и Людовиками, Карл VI назвал двух своих дочерей соответственно Екатериной и Мишель.

По трудам Жана Жерсона можно проследить, насколько такая практика избрания королем личного небесного патрона (впоследствии он естественным образом рассматривался как патрон всего королевства) соотносилась с тенденциями религиозно-этической мысли той эпохи. В пункте XII своего «Послания Жану Майори, наставнику дофина Людовика» Жерсон пишет: «Наконец, пусть господин Дофин обретет склонность и особую набожность к кому-то из святых, прежде всего к ангелу-хранителю, защищающему добро от зла. Пусть даже будет увлечен, если возможно, по какому-то внушению или собственному заключению и пожелает одного или нескольких святых избрать, к кому с большим упорством и слово по-дружески будет обращаться, с тщательностью соблюдая наставления Десяти заповедей, в зависимости от собственного восприятия и необходимости, с учетом возраста и благодати».¹³

Необходимо отметить, что настойчивая рекомендация Жерсона, одного из столпов религиозной мысли своего времени, находит точное отражение в образе действий самой Жанны. Учитывая период написания «Послания» (апрель — июль 1429 г., т. е. когда слава Девы достигла апогея) и вдохновенный энтузиазм, царивший тогда во французском обществе, можно предположить у Жерсона и некую аллюзию на пример героини.

Вне всяких сомнений, выбор Жанны был сделан сознательно, и святые Екатерина и Маргарита появились в ее откровениях закономерно. Мы не будем останавливаться здесь на образе св. Маргариты, отсылая читателя к известному труду В. И. Райцеса (см. LII). И поскольку мы полностью разделяем мнение историка о компилятивном характере ее образа в сознании Жанны, перейдем непосредственно к св. Екатерине.

Актуализация раннехристианского мифа

Что конкретно могла почерпнуть Девица из жития александрийской великомученицы?

Согласно «Золотой Легенде» Иакова Ворагинского, Екатерина была принцессой крови и достигла высот классической римской образованности. Речь в «Легенде» идет о времени правления императора Максимиана. Узнав о том, что

Максимин начал гонения на христиан, Екатерина попыталась убедить его отказаться от столь греховного поведения. Пораженный красноречием, красотой и мудростью девушки, император спросил, каково ее происхождение. Екатерина ответила: «Написано: “Не хвались и не принижай себя, подобно глупцам, жаждущим тщетной славы”. Однако я открою тебе мое происхождение — не из гордыни, а из любви к смирению. Я Екатерина, единственная дочь царя Коста, и хотя я родилась в пурпуре и была достаточно наставлена в семи свободных искусствах, я презрела все, чтобы укрыться подле господина Иисуса Христа». Тогда Максимин призвал книжников, дабы те помогли ему своими аргументами. Но и мудрецы не смогли победить Екатерину на поприще разума. Те же, кто был готов принять веру Екатерины, были сожжены по императорскому приказу. С нее самой содрали кожу и били плетью с железными шипами. Затем ее бросили в темницу, где она пребывала двенадцать дней без еды и питья. Навестившие узницу жена императора и полководец Порфирий увидели, что тюрьма наполнена светом: ангелы перевязывали раны Екатерине. Императрица, полководец и двести солдат тут же приняли христианство, что повлекло за собой приказ взбешенного Максимиана о сооружении жуткого орудия казни: четыре колеса, униженных железными шипами, должны растерзать тело несчастной жертвы на куски. Но Екатерина взмолилась к Господу, и адская машина была разбита ангелом столь неистово, что при этом погибли четыре тысячи язычников. Но Екатерину все-таки казнили, отрубив ей голову. Это случилось в 307 г., после чего ангелы перенесли останки Екатерины на гору Синай, где в VIII в. они были открыты, и в честь святой был основан странноприимный орден. Мощи Екатерины источают елей, который исцеляет слабоумных. По преданию, какой-то руанский монах привез ее палец в Рим, причем, выбор именно этой реликвии был обусловлен легендой об обручении Екатерины с младенцем Христом. Характерно, что легенда об обручении стоит как бы в стороне от событийной линии жития. Она обнажает внутренний, мистический смысл образа Екатерины как Невесты Христа и служит символом ее «сладчайшей любви» к Небесному Жениху.

Широкое распространение культа Екатерины во Франции начинается после XI в., т. е. в разгар крестовых движений, которое способствовало широкому распространению религиозных идей Востока на христианском Западе. Благодаря легенде о чудесном избавлении от тюремных мук с помощью ангелов, св. Екатерина считалась покровительницей молодых девушек и освободившихся из плена воинов. Воинская ипостась александрийской святой начинает преобладать несколько позже, с первой трети XIV в.: не случайно граф Гумберт IV в 1330 г. учреждает рыцарский орден св. Екатерины в дофинате Вьеннуа.

Следует добавить, однако, что наличие реликвий св. Екатерины в Риме и на далеком Синае к началу XV в. уже не удовлетворяет французских паломников. По мере роста популярности культа святой возникает потребность приблизить ее к себе. И вот, в 1400 г. знаменитый маршал Бусико, светоч куртуазности, основывает для паломников, идущих в Сант-Яго-де-Компостела, приют в старой церкви св. Екатерины во Фьербуа. Маршал участвовал в битве при Никополе, защищал Константинополь и совершил паломничество на гору Синай, откуда и привез, по преданию, мощи александрийской святой.

Как справедливо замечает М. Лами, после 1415 г., т. е. после страшного дня Азенкура, когда французское рыцарство было обречено на смерть или английский плен, «Екатерина становится покровительницей узников и женским аналогом святого Михаила <...>. Часослов Карла Орлеанского содержал молитвы святой Екатерине об избавлении из плена <...>. Воинственная составляющая образа святой начала преобладать в XIV в., и Екатерину часто представляли с мечом в руках» (LXXIX, р. 99). Легенды святых Екатерины и Михаила теснейшим образом переплетаются, так как предание отождествляет архангела с тем посланцем небес, который посещал Екатерину в тюрьме.

На первый взгляд, мы имеем достаточно мотивов, чтобы объяснить склонность Жанны к почитанию именно этой святой. Однако, изучив жития других святых, популярных в то время, мы найдем великое множество подобных сюжетов и мотивов. Бесспорно, архетипические черты ясны и понятны: благородная ученость, мистический брак души с Христом, вечная чистота христианской добродетели и т. д. Но при проекции этой схемы на историю Жанны возникает ощущение некоторой искусственности. Знаменитый диспут с языческими мудрецами трудно уподобить комиссии Пуатье, хотя это и попытался сделать Панкраццо Джустиниани, когда писал из Брюгге в Венецию послание своему отцу. В своем письме, составленном в конце мая 1429 г., он сообщает: «Ничто не является, однако, столь ясным, как ее бесспорная победа в диспуте с магистрами теологии, так что кажется, будто она — вторая святая Екатерина, сошедшая на землю, и многие рыцари, которые слышали, какие удивительные речи она произносила каждый день, считают сие великим чудом» (XVIII, v. III, р. 54). Запомним, что эта ассоциация возникла именно в сознании *итальянца*, и вернемся к этому чуть позже.

Если считать, что, говоря о св. Екатерине, Джустиниани подразумевал только александрийскую великомученицу, такое сопоставление выглядит поверхностным. Екатерина Александрийская — символ классической учености, науки на службе у христианства, а диспут с максиминовыми старцами — классический образчик подвига обращения. Ничего общего между Жанной и Екатериной как символом книжной учености нет. Екатерина — царская дочь. Жанна — простолюдника. Более того, если следовать только житию александрийской святой, в нем трудно различить конкретную модель поведения, которую Жанна могла бы воспринять в качестве *совета*.

В случае со св. Маргаритой Антиохийской, второй «советчицей» Жанны, мы сталкивались с той же проблемой: в ее житии отсутствовала модель поведения, актуальная для Девы в конкретной исторической ситуации. Эту проблему блестяще разрешил В. И. Райцес, сопоставив образ св. Маргариты Антиохийской, и по сей день (!) считающейся вдохновительницей Жанны, с образом Маргариты-Пелагия из «Золотой Легенды». В. И. Райцес сделал вывод, что легенды обеих святых слились воедино в сознании как самой Жанны, так и ее современников, в результате чего возник новый, компилятивный, образ св. Маргариты. Отдаленный пример антиохийской святой казался ленинградскому историку сомнительным применительно к истории Жанны, и В. И. Райцес нашел подтверждение своим догадкам в житии Маргариты-Пелагия. В отличие от жития Маргариты Антиохийской, оно напрямую отвечало потребностям Жанны и могло быть актуальным для нее в качестве непосредственного *образца*. При этом

важно подчеркнуть, что легенда Маргариты-Пелагия не воспринималась Жанной отдельно от легенды св. Маргариты. Она находилась для Жанны как бы в тени авторитета антиохийской святой, конкретизируя и наполняя первоисточник новым содержанием. Не по этой же схеме складывалось отношение Девы к легенде св. Екатерины?

В апокрифе об александрийской великомученице живая модель поведения, актуальная для Жанны, отсутствует. Думается, в случае со св. Екатериной произошло то же, что и с Маргаритами: элементы ее легенды можно найти в любом житии — настолько они типичны. Но для того, чтобы стать полноценным *образцом*, миф нуждается в конкретизации и обновлении. Подобная динамическая цикличность вообще свойственна мифологемам. Вспомним, к примеру, пульсирующее обновление легенд французского и английского монархических циклов, которые отражали веру в сакральность королевской власти на территории Плантагенетов: в IX в. возникла легенда о сосуде святого Ремигия и крещении Хлодвиг; в н. XIV в. — легенда о сосуде св. Фомы Беккета, который он получил от Богоматери для помазания Эдуарда II; в н. XVI в. — новая легенда о елее из Мармутье (им были помазаны Людовик XI на смертном одре и Генрих IV — оба они верили, что этим же елеем в 1108 г. был помазан Людовик VI). Это циклическое обновление мифа свидетельствует о том, что он, по мере устаревания, нуждается в новом импульсе, чтобы не умереть.

Конечно, как справедливо полагает М. Блок, подобная мифологическая динамика отражала и динамику политическую, являясь инструментом идеологического соперничества двух держав. Кроме того, она свидетельствует о вполне логичном стремлении сильных мира сего вписаться в историческую канву и получить таким образом верификацию и мандат на деятельное существование. Однако структурное и этимологическое сходство этих легенд позволяет говорить об их самодостаточности, о том, что они не были всего лишь орудиями политической борьбы. Общество, их породившее, долгое время не нуждалось в принципиально новой мифологической пище: ему было достаточно обновления старых сюжетов, которые, по законам природы, постепенно теряли первоначальную силу воздействия. Тогда, вопреки словам Христа, в старые меха заливалось молодое вино, — вино, вызревшее уже в новых исторических реалиях.¹⁴

Учитывая вышесказанное, предположим, что легенда св. Екатерины также нуждалась в обновлении, в новом импульсе для дальнейшего развития, подобно тому, как это случилось с легендой св. Маргариты. Тогда нам необходимо пересмотреть традиционное для историографии мнение о том, что Жанна воспринимала св. Екатерину из своих откровений как ту святую, чья легенда исчерпывается житием александрийской великомученицы. Если бы удалось отыскать то самое *недостающее звено*, которое способно было бы связать воедино судьбы александрийской святой и Жанны, то *exemplum* был бы найден. Но, увы, прямых аналогий нет, в отличие от примера с Маргаритой-Пелагием, чье поведение (остриженные волосы, уход из дома в мужском наряде и др.) Жанна, безусловно, могла считать *образцом* для себя.

Однако если в своем традиционном варианте легенда Екатерины Александрийской действительно не могла служить Жанне таким *образцом*, не стоит ли поискать житийный пример, который мог быть актуализировать, обновить ее миф, подобно тому, как Маргарита-Пелагий обновила миф антиохийской святой?

Действительно, легенда о святой Екатерине имела свое ярчайшее обновление. Это обновление было столь замечательным, что могло бы затмить по популярности и степени влияния на своих современников даже образ александрийской великомученицы.

Речь идет о святой Екатерине Сиенской, в миру — Катерине Бенинказа.

Станным образом этот удивительный персонаж ускользает от внимания биографов Жанны. Лишь М. А. Гуковский, один из ведущих советских медиевистов, в своем труде «Итальянское Возрождение» заметил тесную связь между образами Жанны и Екатерины Сиенской. Однако надо заметить, что для него это было именно *ретроспективное* сопоставление, взгляд на события постфактум: «Наконец, как символ растущего, охватывающего все круги итальянского общества возмущения политикой папства, раздается голос дочери бедного красильщика из Сиены Екатерины Сиенской (1347—1380), которую весь полуостров считает посланницей Бога, сошедшей на землю для спасения находящейся в тяжелом положении Италии. Эта простая, но умная и чуткая девушка, итальянская параллель француженке Жанне д'Арк, стремится использовать свое быстро растущее влияние для того, чтобы убедить папу вернуться в Рим» (XXXVI, с. 162). Очевидно, что М. А. Гуковский имеет в виду не историческую, а так сказать, идейно-сюжетную близость героинь, никак не пытаясь связать воедино их разные судьбы. Симптоматично и то, что он использует слово «параллель», а параллельные прямые, как известно, не пересекаются.

Однако наша цель — доказать иное: св. Екатерина Сиенская и Жанна не были подобны параллельным прямым. Напротив, они скорее напоминают два луча на *одной* прямой, которые имеют общее направление и продлевают одну и ту же линию. «Любовь никогда не остается бездейственной, но всегда проявляется в великих делах», — скажет Екатерина. «Все, что я сделала, я сделала из любви к Богу и по его велению», — откликнется Жанна.

Св. Екатерина Сиенская (Катерина Бенинказа) и Жанна д'Арк

Роль *образца* в формировании личности эпохи Позднего Средневековья

Катерина Бенинказа родилась в тяжкий для Италии период — страна была охвачена междоусобицами, а внутри городов кипела братоубийственная политическая борьба. Более того, год ее рождения стал Черным годом пандемии чумы, и за один только 1347 г. население Сиены сократилось с восьмидесяти до пятнадцати тысяч человек. Тогда-то и появилась на свет маленькая Катерина, двадцать четвертая дочь в семье суконокрасильщика Джакопо Бенинказа. Год спустя родители девочки взяли в дом еще одного ребенка, своего десятилетнего племянника — сироту. Впоследствии он стал доминиканцем и первым духовником Екатерины.

Вспомним, что первым духовником Жанны, по воле ее матери, тоже должен был стать близкий родственник, брат Изабеллы Роме Никола де Вутон. Как утверждала Жанна, именно мать обучила ее основам благочестия. Вполне

возможно, что Изабелла вдохновила дочь на почитание св. Екатерины. В честь этой святой была названа и младшая сестра Жанны, Екатерина. Как мы говорили ранее, вероятнее всего, кто-то из предков Изабеллы Роме совершил великое паломничество в Рим. Весть о св. Екатерине Сиенской, ставшей в семидесятые годы XIV в. «личной святой» папы Григория XI, могла достичь Домреми именно этим путем. Молва о сиенской святой шла тогда по всей Европе.

«Отец Екатерины <...> отличался при жизни большой кротостью и добротой, — упоминают ее биографы. — Он никогда не употреблял бранных слов, которые были тогда в ходу, и эта привычка перешла к его детям. Одна из его дочерей, вышедшая за человека с другими нравами, заболела от горя, потому что не могла выносить непривычных для нее непристойных слов, и ей удалось совершенно отучить от них мужа и его друзей» (LI, с. 214). Аналогичный мотив в житии Жанны хорошо знаком ее биографам. Известно, что Жанна на дух не переносила сквернословия и даже завзятого любителя крепкого словца, капитана Ла Гира, заставила клясться своим жезлом, а не преисподней. По признанию ближайшего сподвижника Девицы, герцога Алансонского, «она также бывала весьма разгневана, когда слышала, как воины сквернословят; она их очень в том упрекала и особенно его самого, который иногда сквернословил; и он воздерживался от сего, когда видел ее» (XXII, р. 69).

Екатерина очень рано осознала свое религиозное призвание. Она была очень живым и энергичным ребенком и вызывала симпатию окружающих, не обладая, впрочем, физической красотой. Но в возрасте около семи лет ее посетило первое видение: Иисус в прекрасном небесном чертоге сиял над церковью доминиканцев. Шедший рядом с нею брат отвлек ее от видения, и она горько его упрекнула: «О, если бы ты увидел то, что вижу я, ты не помешал бы мне» (LI, с. 215). С этого дня начался перелом в жизни Катерины: нрав ее изменился, она стала задумчивой и молчаливой. Совсем как Жанна: «С тех пор, как она узнала, что должна идти во Францию, она старалась участвовать в их (соседских детей. — А. С.) играх или прогулках как можно реже» (XX, р. 67).

Мечтой маленькой Катерины стало вступление в доминиканскую обитель. Но первый решительный шаг она сделала еще ранее: «Пав на колени перед святой Девой, которая первой из женщин посвятила Господу свою девственность, Катерина просила ей дать в женихи ее сына и дала обет никогда не знать другого жениха и вечно оставаться девственницей» (LI, с. 216). Аналогичный поступок Жанны, т. е. виргинальный обет, мы рассмотрели в предыдущей части.

Характерно, что Жанна приносит свой первый обет уже не Богу, а св. Екатерине — самой знаменитой из святых-девственниц: по ее словам, этого было достаточно. Складывается впечатление, что Жанна следует своему *образцу*, словно восходя по ступеням. Шаг за шагом она повторяет тот путь, который был пройден до нее Екатериной, — так, будто постоянно держит ее *образец* перед своим внутренним взором. Даже отказываясь от брака и остригая волосы, Жанна повторяет модель поведения в схожих обстоятельствах не только Маргариты-Пелагия, но и Катерины Бенинказа: «У матери Катерины были другие планы <...>. Родители начали подыскивать ей женихов <...>. Не имея успехов, мать прибегала к помощи своей старшей замужней дочери, которую Катерина нежно любила <...> и, когда убедилась в полном нерасположении девушки к браку, то обратилась к бывавшему в их доме доминиканскому монаху. Тот обещал

свою помощь, но, поговорив с девушкой, поддался ее влиянию и, одобрив ее устремления, привел в пример образ святой Клары. Последовав его совету, как будто посланному с неба, Катерина обрезала свои волосы, которыми она, как ей казалось, так много нагрешила и которые так возненавидела. Согласно обычаям того времени это означало, что она приняла "постриг", становясь свободной от мирской суеты, посвященной" (LI, с. 216).

Важно отметить, что Катерина отнюдь не ушла в монастырь. Она осталась в миру, и остриженные в кружок волосы были символом не монашества, а обета девственности, посвящения себя Богу. «Приняв обет девства, расстроила задуманный родителями брак, преодолела сопротивление матери и вступила в 1362 г. в орден кающихся сестер святого Доминика» (см. LXII).

Добавим, что Катерине было тогда около пятнадцати лет от роду.

Фактически на том же этапе личной истории у Жанны вызревает сходный план действий. Вспомним, что незадолго до ухода из отчего дома в Вокулёр она одержала в суде Тульского диоцеза аналогичную победу и освободилась от родительской опеки. Несостоявшийся брак явно был задуман родителями и являлся отчаянной попыткой вернуть жизнь дочери в обычное русло. В пользу того, что Жанна действительно дала обет девственности, говорит и тот факт, что семнадцать — восемнадцать лет для деревенской девушки возраст немалый: даже младшая сестра Жанны, Екатерина, давно была замужем. «Далее она сказала, — утверждает руанский протокол, — что в первый же раз, когда услышала голос, она дала обет хранить свою девственность так долго, как Господу будет угодно; и ей было тогда 13 лет или около того <...>. Далее она сказала, что голоса заверили ее, что она выиграет процесс в городе Туль» (XX, р. 113). Действительно, совет св. Екатерины должен был укрепить уверенность Жанны в победе.

Жанна, равно как и Екатерина Сиенская, которую мать даже лишила комнаты, дабы держать подле себя и загружать домашней работой, безропотно сносила родительский надзор. «Когда она еще была в доме отца и матери, — записывает руанский секретарь Гийом Маншон показания Жанны, — мать много раз говорила ей, что отец рассказывал, будто ему приснилось, что означенная Жанна, его дочь, уйдет с солдатами; и ее отец и мать очень ревностно за ней следили и держали ее в строгом подчинении; и она слушалась их во всем, кроме судебного процесса, каковой был у нее в городе Туль по поводу женитьбы. Затем она показала, что слышала от матери, как отец говорил сыновьям: "Истинно, если я пойму, что сие произошло и я так ошибся в своей дочери, я хотел бы, чтобы вы ее утопили, а если вы сего не сделаете, я сам ее утоплю" » (XX, р. 115).

В конце концов, однако, смирились и родители Катерины, и родители Жанны — постриг, пусть даже полумирской, дело святое. Джакомо Бенинказа открыто встал на сторону дочери, а Жакоб д'Арк был рядом со своей Жаннеттой в далеком от Домреми Реймсе в день коронации Карла VII 17 июля 1429 г.

Позже Екатерина, утешая свою мать, которая не теряла надежды вернуть свою дочь домой, писала: «Все это происходит с вами потому, что вы больше любите ту часть, которую я взяла от вас, т. е. плоть вашу, чем то, что я взяла от Бога» (LI, с. 218). Природа этой внутренней непреклонности перед родительской волей у обеих девушек совершенно однородна — обе опирались на евангельские слова Христа: «Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин

меня» (Мат. 10, 37). «Будь у меня сто отцов и сто матерей, будь я даже дочерью короля, я все равно бы ушла!» (XX, р. 114), — словно эхом звучит голос Жанны. Чуть позже она добавляет, что написала родителям, — и они ее простили.

Важная деталь, подчеркивающая сходство: и Катерина, и Жанна открыли родителям истинную мотивацию своих поступков гораздо позднее, чем того требовало дочернее послушание, т. е. тогда, когда свернуть с избранного пути было уже невозможно. Жанне было тогда около семнадцати лет. Катерине — около пятнадцати.

Постепенно в сознании Катерины созрело ясное представление о том, в чем состоит ее призвание, и вскоре ее пламенный темперамент нашел выход в осуществлении конкретного замысла.

Можно было ожидать, что Катерина, как большинство ее современниц, женщин мистического склада, уйдет в монастырь. Однако этого не случилось, и, думается, причиной тому был не только социальный фактор. Конечно, монастырь доминиканцев не имел женского отделения. Но Сиена не испытывала недостатка в других религиозных общинах, и Катерина могла выбрать какую-либо из них. И все же ее выбор пал на общину мантеллатов — *мирян*, стремившихся к доминиканскому идеалу, но не связанных монастырским уставом.

Учитывая, насколько бурной станет вскоре деятельность Екатерины на политическом поприще, надо признать, что подлинная причина ее выбора — в желании достичь своего идеала именно в миру. В этом смысле намерение девушки полностью отвечало требованиям времени: она жаждала активного вмешательства в будничную жизнь, она хотела влиять советом и делом на ход событий. Неслучайно ее деятельность получила столь широкое признание, а сама она уже при жизни почиталась святой. Едва молва о ней поползла по Сиене, как вокруг необычной мантеллатки стала собираться «*bella compagna*», т. е. кружок из людей различного возраста и социального статуса. В него входили магистраты, дипломаты, художники, поэты, ремесленники, дамы, монахи и пр. Все они боготворили Екатерину и видели в ней олицетворение божественной мудрости. Естественно, что ее при этом сравнивали с образчиком христианской учености, св. Екатериной Александрийской. Члены кружка называли ее «матерью» и вместе с ней изучали «Божественную комедию» Данте, труды Фомы Аквинского и другие теологические трактаты. Своими духовными отцами Екатерина считала святых Доминика, Франциска и Фому Аквинского.

Вне всяких сомнений, доминиканцы и францисканцы оказали решающее влияние на мировоззрение Екатерины.

То же самое мы наблюдали в отношении Жанны: о той роли, которую нищенствующие монахи сыграли в ее судьбе, написан целый корпус научных исследований. При этом францисканское и доминиканское влияние часто противопоставляются друг другу, особенно применительно к началу XV в. Известно, что гражданская война между арманьяками и бургиньонами в первой четверти XV в. повлекла за собой раскол в университетской среде. Два ведущих французских университета оказались по разные стороны баррикад: доминиканцы, преобладавшие в Парижском университете, поддерживали бургиньонов, а францисканцы университета в Пуатье — арманьяков. Таким образом, доминиканцы стали ассоциироваться с английским и бургундским лагерем, а францисканцы — со сторонниками Карла VII.

Однако политическое противостояние доминиканской Сорбонны и францисканского университета Пуатье ни в коей мере не означало противостояния идеологического, доктринального. Безусловно, различия в орденской идеологии между братьями-проповедниками (доминиканцами) и миноритами (францисканцами) существовали, но они состояли лишь в разном отношении к способам познания божественной премудрости. Условно говоря, доминиканцы делали упор на интеллектуальном способе, а францисканцы тяготели к эмоциональному. Преобладание доминиканцев в Сорбонне можно объяснить не только политической ситуацией, но и спецификой орденского устава, который ставил во главу угла научные штудии и интеллектуальную проповедь. Университет в Пуатье был, по преимуществу, действительно, францисканским, поскольку после захвата столицы бургиньонами большинство францисканцев из Парижского университета бежали в Пуатье к дофину. Но, с другой стороны, в составе руанского трибунала францисканцев было не многим меньше, чем доминиканцев.

В любом случае, обострение политической ситуации не было настолько долгим, чтобы повлечь за собой коренные изменения в идеологии орденов. Поэтому, когда мы говорим о том, что мировоззрение Катерины сформировали во многом доминиканцы, а мировоззрение Жанны — францисканцы, из этого вовсе не следует, что их мировоззрения антагонистичны. Очевидно, что поляризовать учения святых Франциска и Доминика нельзя: недаром последнего называли «небесным братом Ассизского Беднячка», акцентируя их духовное родство.

Интересно отметить, что именно два этих ордена — доминиканский и францисканский — породили феномен мирских общин. Главным делом Франциска и Доминика была проповедь — эмоциональная или интеллектуальная. Проповедь же по определению не может оставаться в стенах монастыря, она стремится в мир. Поэтому абсолютно естественно, что именно при этих двух орденах возникли вышеназванные мирские общины — терциарии у францисканцев, мантилататы у доминиканцев. Оба оплота веры — францисканское сердце и доминиканский разум — соединились в схоластической традиции и увенчались «Сводом теологии» Фомы Аквинского, который обрел непререкаемый для католической церкви авторитет.

Вернемся к Катерине Бенинказа. После вступления в мантилататскую общину все ее время было занято работами по дому, молитвой и уходом за больными в госпиталях. Точно также распределила свои часы и Жанна. Конечно, в окрестностях Домреми не было терциариев, — мирские общины являлись преимущественно городским феноменом, но это не мешало Жанне самостоятельно следовать евангельским идеалам. «Она была доброй, открытой и благочестивой, боящейся Бога и святых, — вспоминает ее друг детства Симон Мюнье. — Она часто и охотно посещала церковь и святые места, подавая милостыню и ухаживая за больными; он видел сие, так как когда сам был ребенком, Жанна за ним ухаживала» (XXI, р. 268).

«Господи, — говорит Франциск Ассизский, — сподобь утешать, а не ждать утешения, понимать, а не ждать понимания, любить, а не ожидать любви». Общественное сознание Средневековья готово было оправдать лишь такое право инициативы, которое исходило от самого Создателя. Поэтому следует признать, что идея *Imitatio*, т. е. подражания Христу или святым, при всей ее кажущейся

сервильности, — являлась высшим и единственно возможным в ту эпоху проявлением личной инициативы.

В жизни Екатерины Сиенской опыт практического милосердия приобрел экзистенциальное значение: «Она стала сестрой милосердия в настоящем, общепринятом смысле этого слова. Она ухаживала за больными и преимущественно за теми, от которых все близкие отказывались — за прокаженными и заразными. Так она проявила высокое самоотвержение во время чумы, свирепствовавшей в Италии в 1374 г.» (LI, с. 234). Известно, что сиенская святая заставляла себя преодолеть крайнее физиологическое отвращение, врачую гнойные струпья безнадежных больных, и получала от этого истинное духовное удовлетворение. У Жанны не было опыта ухода за больными лепрозория, поскольку никаких госпиталей или богаделен поблизости не существовало. Но можно не сомневаться, что она последовала бы примеру Екатерины при первой же возможности.¹⁵

Сходство внутренней жизни и духовного развития двух наших героинь поражает еще больше, чем сходство внешнее, биографическое. «Екатерине стал являться ее Жених и Спаситель, иногда в сопровождении Богоматери, или апостолов Иоанна и Павла, или святых Марии Магдалины и Доминика. “Считайте несомненным, отец мой, — говорила Екатерина духовнику, — что всему, что нужно для спасения, научил меня не кто-либо из людей, а именно сам Господь и Учитель, сладчайший Жених души моей, Господь Иисус Христос, или своим внушением, или говоря со мною в ясном явлении, как я теперь говорю с вами.” <...> Она удостоверяла при этом, что явления большей частью были неосязаемы, иногда же воспринимались внешними чувствами тела, *так что она телесным слухом слышала обращенный к ней голос*» (LI, с. 224.) (курсив наш. — А. С.).

В Руане Жанна буквально вторит своему образу, Екатерине: «Тот, кого она видела перед своими очами, был святой Михаил; и он был не один, но в сопровождении небесных ангелов; <...> спрошенная, видела ли она святого Михаила и ангелов телесно и в телесной форме, ответила: *телесными очами, так же хорошо, как видит присутствующих в зале*» (XX, р. 169–170) (курсив наш. — А. С.).

Синхронизации мистического опыта с обычной жизнью происходит и у Екатерины.

«Молилась ли она или размышляла, читала, бодрствовала или дремала — тем или иным способом она получала утешение в Его видении, иногда даже, когда она говорила с другими, к ней приближалось святое видение, и она в душе вела беседу с ним, а языком — с людьми» (LI, с. 224–225). А вот что касается Жанны: «Спрошенная, призывает ли она святых Екатерину и Маргариту или они приходят без ее зова, ответила: часто они приходят без зова, а иногда, если они не приходили, она тотчас же молила Бога, чтобы он их послал. Спрошенная, было ли так, что означенные святые не приходили на ее зов, ответила, что никогда не случалось такого, чтобы она нуждалась в них, а их бы не было» (XX, р. 112–113). «Спрошенная, подолгу ли пребывали с нею ангелы, ответила, что очень часто они ходят среди христиан, а [христиане] их не видят; и она часто видела их среди христиан» (ibid., р. 114).

Как видим, и Екатерина, и Жанна ведут диалог со своими голосами, не отрываясь от земного существования. Прежде, согласно католической традиции Средневековья, основной формой визионерского общения с Богом и святыми

считался мистический экстаз. Экстатическое состояние, естественно, предполагало исключение визионера из бытового контекста на весь период озарения. Жанна, на первый взгляд, тоже предпочитает беседовать с голосами в уединении и тишине. Лучше всего, по ее признанию, она понимает их в лесу или при звоне колоколов. Однако предпочтения Жанны в данном случае говорят лишь о ее потребности сосредоточиться, но не об экстазе как таковом. «Затем она сказала, что слышала голоса здесь (в зале для допросов. — А. С.). Спрошенная, что сказал ей голос в воскресенье, ответила: “Я не вполне поняла голос; я не понимала ничего, что могла бы вам повторить, пока не вернулась в мою комнату” » (XX, р. 70). «Святая Екатерина отвечала ей иногда так, что Жанна не могла понять ее из-за тюремной суматохи и шума, производимого стражниками» (XX, р. 127).

Жанна слышит голоса, оставаясь, условно говоря, в полном сознании. Другое дело, что ей не всегда удается понять их указания, но это относится лишь к пребыванию в тюрьме: недопонимание воли голосов было вызвано у Жанны душевным смятением, а не отказом от практики экстатической медитации. Способность Жанны общаться с голосами «наяву», не отключаясь от обыденной жизни, позволяет соотнести ее духовный опыт с опытом Екатерины Сиенской. Безусловно, Екатерина не полностью отступала от визионерской традиции своего времени. Иногда она впадала в молитвенный экстаз такой силы, что не ощущала попыток окружающих ее людей вернуть ее в обычное состояние. И все же именно Екатерина привнесла в западноевропейский католический мистицизм представление о возможности одновременного общения с обоими мирами.

Продолжая сопоставлять жития Екатерины и Жанны, мы находим новые точки соприкосновения. Как известно, одним из главных событий духовной жизни Екатерины стало ее знаменитое Обручение с Христом. Очевидно, что Катерина Бенинказа сознательно шла по стопам своего *образца*, Екатерины Александрийской. Более того, в ее житии сообщается, что она истово молила о повторении чуда св. Екатерины, т. е. намеренно и направленно концентрировала волю, добиваясь конкретного результата. И вот, в 1366 г., в день всеобщего карнавала в Сиене, она, наконец, получает желаемое откровение.

«Видение было полное, охватившее зрение и слух: перед ней предстало небесное воинство со святыми, которых она больше всего любила. При звуках псалмов Давида Богоматерь взяла ее правую руку и, протянув к Сыну, просила Его, чтобы Он удостоил ее обручиться с Ним в вере. И Христос надел ей на руку золотое кольцо с прекрасным алмазом и четырьмя жемчужинами и сказал: “Се, я сочетаюсь с тобой браком в вере, Я — Творец и Спаситель твой. Ты сохранишь сию веру незапятнанной до тех пор, пока не взойдешь на небо праздновать со мной вечный брак.” Видение исчезло, но кольцо навсегда осталось на руке. Кольцо было невидимым для других, но не для Екатерины <...>. На фронтоне дома, где жила Екатерина, до сих пор сохранилась надпись: “Это дом Екатерины, Невесты Христовой” » (LI, с. 226).

Именно мистическое кольцо раскрывает архетипическую суть образа святой Екатерины в христианской теософии, из которой черпали вдохновение и Екатерина Сиенская, и вслед за нею — Жанна. Кольцо было символом соединения души с Творцом в «браке веры» — единственно возможном для средневековой весталки брачном союзе.

В истории Жанны также существует мотив необычного кольца. Протокол от 1 марта 1431 г. гласит: «Спрошенная, были ли у нее, Жанны, какие-нибудь кольца, ответила, обращаясь к нам, означенному епископу: “Одно из них находится у вас, верните его мне”. Затем она сказала, что другое — у бургундцев. И она попросила нас, чтобы мы показали ей вышеназванное кольцо, если оно у нас. И [добавила, что] сие кольцо было ей дано в Домреми. Затем она сказала, что другое кольцо — то, которое у нас, — ей дал ее брат, и что она поручает нам передать его церкви. Затем она сказала, что никогда не исцеляла сими кольцами кого бы то ни было» (XX, р. 85). Спустя полмесяца судьи снова вернулись к этому вопросу: «Спрошенная, отчего она охотно смотрела на оное кольцо (с надписью “Иисус — Мария”. — А. С.), когда шла порой на воинское дело, ответила, что — из удовольствия и почтения к отцу и матери; и, имея на своей руке и на своем пальце сие кольцо, она прикоснулась им к святой Екатерине, явившейся ей в видении» (ibid., р. 144).

Еще раз подчеркнем, что Жанна прикоснулась своим кольцом именно к св. Екатерине, а не к св. Маргарите или архангелам. И это естественно, поскольку «кольцо св. Екатерины» обладало функциями христианского оберега. «Рыцари, оруженосцы, солдаты регулярной армии, — пишет Колетт Бон в своем “Рождении французской нации”, — спешили к св. Екатерине, чьи кольца помогали избежать ран и смерти на поле боя» (LXXIX, р. 171). Александрийская мученица считалась избавительницей пленников и раненых. Кстати, немаловажно, что это колечко епископ Кошон передал кардиналу Винчестерскому, Генри Бофору, — и тот сохранил его в своей коллекции. Кардинал Винчестерский немало способствовал тому, чтобы Жанне был вынесен смертный приговор как колдунье и еретичке. Если бы он искренне верил в справедливость такого приговора, он должен был бы счесть кольцо осужденной еретички весьма двусмысленным со стороны Кошона даром. Вероятно, коль скоро кардинал сохранил эту реликвию, у него все же были основания верить словам Девицы о том, она прикоснулась этим кольцом к св. Екатерине. Более того, причины, по которым Кошон передал странное кольцо в дар английскому кардиналу, становятся более понятными, если вспомнить генеалогическое древо Бофоров. Генри Бофор, кардинал Винчестерский, принадлежал к знатному французскому роду, а стало быть, являлся родственником папы Григория XI (в миру — Роже де Бофора). Григорий XI был тем самым папой, чьей «личной святой» была Екатерина Сиенская, которая также обладала собственным мистическим перстнем. Что это — ирония судьбы или дань семейной традиции? Во всяком случае, высокий иерарх оставил кольцо у себя.

Между тем, очевидно, что не одну Екатерину Сиенскую в свое время сравнивали с александрийской великомученицей — со св. Екатериной сравнивали и саму Жанну. Это сравнение бытовало в интеллектуальных кругах Европы, что явствует из упомянутых нами ранее реляций А. Морозини, П. Джустиниани и Э. Виндекена.

Итак, мы можем проследить связь между образами Екатерины Александрийской, Екатерины Сиенской и Жанны-Девицы. Более того, мы вправе говорить о четкой преемственности: первоначальная легенда александрийской святой принимается за *образец* Катериной Бенинказа, которая наполняет ее новым содержанием и придает ей мощный эмоциональный импульс; затем

обновленная легенда переходит в следующий век, и через полстолетия ее подхватывает Жанна. При этом важно подчеркнуть, что в сознании Жанны, как и в сознании большинства ее современников, не существовало двух разных св. Екатерины. Для Жанны обе легенды сливаются в одну, в точности так же, как слились воедино легенды св. Маргариты Антиохийской и св. Маргариты-Пелагия.

Любопытно, как эта преемственность отразилась в изобразительных источниках. Иконография блаженной Екатерины Сиенской начала оформляться еще до ее канонизации — тогда ее писали, конечно, в основном сиенские художники (Андреа Ванни в последней четверти XIV в., Мастер св. Урсулы в начале XV в.). Естественно, что после 1461 г., когда произошла канонизация Екатерины, появилось множество ее иконописных изображений, выполненных уже не только мастерами сиенской школы (работы Мастера Сан-Миниато, Лоренцо да Сансеверино, Бергоньоне, Лука Синьорелли, Гарофало, фра Бартоломмео, Содома, Доменико Беккафуми).

Для нашего исследования очень интересна картина Бергоньоне «Мадонна с младенцем и святыми Екатериной Александрийской и Екатериной Сиенской» (см. вкладку). Работа Бергоньоне была создана около 1490 г. как алтарная композиция для одной из церквей г. Павии. Характерно, что на этой иконе сосуществуют обе Екатерины, причем Мадонна и Христос выступают в качестве объединяющего их звена: младенец протягивает александрийской святой мистическое кольцо, а Дева Мария уравнивает его жест, держа за руку Екатерину Сиенскую. Взоры обеих святых при этом отведены в сторону и хранят молитвенное сосредоточение: то, что явлено на картине, материализует откровение, видение, полученное святыми в состоянии медитации. Все это воссоздает атмосферу созерцательного экстаза. Такой экстаз, по легенде, мы находим именно у Екатерины Сиенской, — это ее мистическое обручение сопровождалось экстатическим состоянием, традиционным для средневековых визионеров. В легенде Екатерины Александрийской фигурирует просто вещий сон. Привлекает внимание тот факт, что обе Екатерины, с точки зрения иконографического канона, выступают как равные по значению: Екатерина Сиенская занимает на картине равное со своим александрийским *образом* положение. Единственное, что делает ее позицию несколько более скромной, — ее расположение слева от Девы Марии. Однако это отчасти компенсируется как тем, что Богоматерь держит святую за руку, так и тем, что Екатерина Сиенская оказывается справа от паствы. Так или иначе, картина Бергоньоне фиксирует важную особенность — сосуществование на равных двух святых Екатерины, которые объединены житийным и идейным сходством.

Не меньший интерес для нас представляет цикл фресок из капеллы св. Екатерины в римской базилике Сан-Клементе. Наиболее репрезентативны из них «Диспут» и «Мученичество» св. Екатерины (см. вкладку). Автор цикла, Мазолино да Паникале, выполнил обе фрески в 1431 г. — т. е. в год смерти Жанны. Следуя традициям своего времени, Мазолино изобразил под видом Максенция и мудрецов, призванных им для диспута с Екатериной Александрийской, императора Сигизмунда и коллегия кардиналов собора в Констанце (1415 г.). Во главе коллегии помещен донатор капеллы, кардинал Бранда Кастильони. Окружающие его священники, равно как и сам император, в большинстве своем, имеют прототипы. Они легко узнаваемы: по заказу Бранда Кастильони,

художник придал участникам диспута портретные черты. В статье, посвященной фрескам базилики Сан-Клементе, венгерский искусствовед Л. Вайер пишет: «В соответствии с духом монументального церковного искусства раннего флорентийского кваттроченто в некоторых библейских и евангельских сценах в наиболее ответственных местах помещали портреты современников: пап, императоров, кардиналов, кондотьеров — “*ritratti dal naturale*”, но “*in incognito*” (портреты с натуры, но инкогнито (ит.). — А. С.). Вероятно, именно эти фигуры давали ключ к истолкованию отвлеченных, далеких от современности, событий» (XXXIIa, с. 439). Таким образом, старая легенда наполняется новым смыслом и содержанием, гораздо более понятным и актуальным для современников Мазолино.

Правомерен вопрос: коль скоро все действующие лица на фреске имеют свои исторические прототипы в лице кардиналов и императора, кого подразумевал художник, создавая портрет св. Екатерины? Нетрудно заметить, что иконография святой в данном случае довольно сильно отличается от общепринятого канона. Как мы уже говорили, иконографический канон предписывает изображать Екатерину Александрийскую как царственную особу. На фреске же мы видим обратное: одежды Екатерины откровенно скромны, на ней нет никаких украшений, никаких знаков королевского величия — она предстает пред нами одухотворенной девой в простом черном платье.

Любопытно, что искусствовед Л. Вайер подтверждает, в рамках своей дисциплины, те выводы, к которым мы пришли в ходе исторического исследования: в цикле фресок капеллы св. Екатерины в Сан-Клементе четко прослеживается влияние легенды Екатерины Сиенской на иконографию александрийской святой. Л. Вайер рассматривает взлет интереса к житию Екатерины в свете политических событий первой трети XV в., а именно, в связи с гуситским движением и собором в Констанце. Как отмечает венгерский искусствовед, «культ Екатерины Александрийской, благодаря растущей популярности ее более поздней тезки Катерины Сиенской, пережил в это время новый подъем во всей Италии и прежде всего в самом Риме; он обрел самое непосредственное отношение к современности. Иконография св. Екатерины в теме ее триумфальной победы на диспуте служила образцом для художественного воплощения торжества христианства над язычеством <...>. Сделать этот факт со всей ясностью и определенностью достоянием европейского общества, бывшего тогда под сильным впечатлением собора в Констанце, наглядно донести его с помощью давно испытанных средств изобразительного искусства — таковы были цель и смысл оживления культа св. Екатерины и новых изображений давно почитаемой легенды» (XXXIIa, с. 444).

Итак, иконографические примеры косвенным образом отражают именно то, к чему мы приходим в данном исследовании: диффузия образов двух Екаторин и, как это часто бывает в средневековой агиографии и фольклоре, последующее слияние их в едином образе, вне времени и пространства. Однако это не примитивная фольклорная контаминация вроде описанного Марком Блоком случая со святым Маркулем, который считался целителем золотухи из-за созвучия его имени со словами «*mal cou*» ‘больная шея’. Контаминация образов двух Екаторин — осмысленная, порожденная концептуальным сходством персонажей.

Всплеск интереса официальной церкви в эпоху Возрождения к сюжету Обручения Екатерины, наряду с развитием теологической мысли, вполне объясним и фактом канонизации сиенской святой в 1461 г., при папе Пие II. Не меньшее распространение получил и сюжет ее стигматизации — мы видим это, в частности, у художников Содома и Доменико Беккафуми. После получения своего мистического кольца, на которое она часто смотрела в тяжкие минуты жизни, Катерина все более сближается в своих видениях с Небесным Женихом. В 1375 г., во время молитвы в церкви св. Кристины, она получает от Него чудо стигматов.

В эпоху Возрождения популярность сиенской святой достигает своего апогея, и на некоторое время затмевает собой фигуру св. Екатерины Александрийской.

Упомянутые нами картины отражают начальные этапы освоения нового сюжета официальной доктриной. В большинстве своем они были созданы уже после смерти Жанны, равно как и канонизация святой произошла лишь через тридцать лет после руанского процесса. Однако совершенно очевидно, что Екатерина Сиенская обрела славу задолго до официального признания церковью и появления первых своих иконографических изображений. Более того, сам факт канонизации свидетельствует о неуклонном росте ее популярности и значимости для католического мира в предшествующий официальный процедуре период. Формальная канонизация нередко запаздывала и фиксировала то, что было уже освящено общественной практикой. А подчас святой становился востребованным и почитался паствой и вовсе без всякой санкции церковных иерархов. Достаточно еще раз вспомнить «Золотую легенду» Иакова Ворагинского, составленную им по популярным в народе сюжетам: многие святые из этого сборника, которые были любимы и почитаемы в народе, так никогда и не получили официальной канонизации.

Житие Катерины не оставляет сомнений в ориентации сиенской святой на александрийский образец. Интересно, что взаимовлияние образов двух этих святых прослеживается и в развитии агиографии великомученицы: поздние редакции жития св. Екатерины Александрийской содержат детали, связанные скорее с культурой классического Средневековья, чем с эпохой императора Максимиана. Синодальная редакция жития гласит, что Екатерина Александрийская была *прекрасно наставлена в семи свободных искусствах*. Однако это невозможно по определению: в житии говорится, что святая приняла мученическую смерть в 307 г. по Р. Х., тогда как система образования, основанная на тривиуме и квадривиуме, укоренилась и стала классической не раньше VI — VII вв.¹⁶ Ученые Раннего Средневековья позаимствовали программу образования не у Цицерона или Квинтилиана, а у карфагенского ритора Марциана Капеллы, который назвал семь свободных искусств в своей поэме «Бракосочетание Меркурия и Филологии» (н. V в.). Подобный анахронизм в синодальной редакции говорит, во-первых, об использовании латинского источника, во-вторых, о его средневековой датировке, и в-третьих, о силе влияния позднесредневековой легенды Катерины Бенинказа на более раннюю легенду Екатерины Александрийской.

Конечно, слияние образов двух святых вряд ли могло бы состояться, если бы Катерина Бенинказа сознательно не шла по пути *Imitatio*, т. е. по пути подражания своему образу.

Отметив, что образ сиенской святой вытесняет с полотен след ее предшественницы, мы назвали это эффектом замещения или, что вернее, эффектом слияния, интеграции. В итоге новый, собирательный образ св. Екатерины получил обновление и импульс к дальнейшему развитию. Обе святые словно обогатили друг друга элементами своих легенд: Катерина привнесла в общий миф мотив стигматизации и дух Позднего Средневековья, а александрийская святая — архетипические черты, свойственные героям раннехристианских преданий.

Говоря о том, насколько сама Катерина была в состоянии отделить себя от выбранного *образа*, важно понять следующее: в основе взаимоотношений между индивидом и его *образом* лежал отнюдь не принцип разделения, или «различения», характерный для Нового времени. Напротив, природа этих взаимоотношений иная, в ее основе — принцип уподобления. Алхимики называли это принципом аналогии, а современный английский историк Питер Берк — принципом корреспонденции. «Берк признается, что и сам он, для объяснения некоторых явлений, был вынужден допустить существование типа сознания, совершенно отличного от нашего. Например, нашему современнику не дано вполне понять схоластическую идею “корреспонденции” между семью планетами, семью днями недели, семью металлами и т. д. Ведь “корреспонденция” — не тождество и не подобие. Более уместен здесь, по мнению Берка, термин “мистическое сопричастие”, с помощью которого Л. Леви-Брюль описывал отношение человека к его тотему» (XCII, 3, с. 57).

Исходя из этого, для Катерины Бенинказа, как и для Жанны, уподобление св. Екатерине было не безумной утратой самоидентичности, а, напротив, вершиной самосознания, поскольку через подражание *образу* индивид познавал самого себя. Очевидно, что Жанна, черпая оправдание и вдохновение в *образе* святой Екатерины, воспринимала цельный образ, в котором соединялись черты обеих святых. При этом подвиг Екатерины Сиенской в значительной степени осовременивал для Жанны образ великомученицы: поведение сиенской святой было значительно ближе и понятнее французам первой трети XV в., чем образ действий Екатерины Александрийской.

Мы упомянули о стигматизации святой Екатерины Сиенской. Имеет ли этот агиографический элемент какое-либо отношение к истории Жанны?

Прямой аналогии этому сюжету в биографии самой Девицы нет, но косвенным образом он в область ее легенды все-таки проникает: стигматы якобы оказались у злополучного Гийома из Жеводана, — пастушка, которого архиепископ Реймский прочил на замену плененной Девице. Вскоре после пленения Жанны, архиепископ разослал по своему диоцезу циркуляр, в коем сообщалось о явлении к его преосвященству некого пастушка, отмеченного стигматами. По мысли архиепископа, пастушок обладал неизмеримо большими достоинствами, чем не оправдавшая надежд Девица.

Архиепископ ошибся: после первой же стычки с англичанами французы были разбиты, а несчастный пастушок попал в плен и был утоплен в реке. Факт мнимой стигматизации Гийома косвенно свидетельствует о популярности францисканских преданий как среди знати, так и среди простого люда. Возможно, в этом следует видеть отголосок широко известного современникам сюжета стигматизации св. Франциска и св. Екатерины Сиенской.

Мы уже говорили о роли нищенствующих орденов в истории Жанны: безусловно, бродячие проповедники способствовали распространению легенды о св. Екатерине на французской земле. Но и без этого важного обстоятельства у Жанны не было недостатка в источниках информации о сиенской святой. Катерина была известна всей Европе, и память о ней жила как среди элиты, в жизнь которой она активно вмешивалась, так и среди простолюдинов, которые находили в ней надежную защитницу.

Вспомним слова М. А. Гуковского: «Как символ растущего, охватывающего все круги итальянского общества возмущения политикой папства раздается голос дочери бедного красильщика из Сиены Екатерины Сиенской, которую весь полуостров считает святой посланницей Бога, сошедшей на землю для спасения находящейся в тяжелом положении Италии <...>. Екатерина Сиенская отправляется в Авиньон и пытается уговорить упрямого “наместника святого Петра”, обращаясь к нему с пышными и красноречивыми письмами, передающимися из рук в руки и приобретающими широкую популярность» (XXXVI, с. 162–163). И далее: «Так, святая Екатерина Сиенская (1347—1380) в своих многочисленных письмах и других сочинениях обнаруживает яркий темперамент, понимание индивидуальных особенностей человека и окружающей его среды, далеко выходящие за пределы принятого в средневековой литературе» (Там же, с. 279). М. А. Гуковский сравнивает наследие Екатерины со сборником новелл «Цветочки св. Франциска», который был составлен немногим ранее трудов сиенской святой.

Францисканский след в житии Екатерины не ограничивается сферой духовных предпочтений. Она общалась с францисканцами и в реальной жизни. Так, очередной сюжет, одинаковый для трех наших героинь, — диспут с многоумными мужами, — нашел ярчайшее выражение в истории Катерины Бенинказа. «Брат Габриэле да Вольтерра был провинциалом ордена францисканцев и верховным инквизитором Сиены. Он считался одним из самых знаменитых богословов и проповедников того времени в Италии. Вместе с другим известным богословом, августинцем Джованни Тантуччи, он решил проверить слухи о мудрости Екатерины и стал спрашивать ее о сложных проблемах богословия и Священного Писания. Сначала Екатерина спокойно отвечала, потом, в свою очередь, обратилась к спрашивающим с нежностью, разящей, как меч, напомнив о том, что наука может свергнуть в гордыню тех, кто ею обладает, тогда как единственное, что стоит знать, это наука Креста Христова <...>. Впоследствии он (Габриэле да Вольтера. — А. С.) отказался от всех занимаемых им постов и стал монахом-прислужником в монастыре Санта-Кроче во Флоренции» (LI, с. 240). Трудно представить себе, что францисканская братия не сохранила в своей среде памяти о таких чудесных преображениях. Вполне вероятно, случай Габриэле да Вольтера пополнил сборники для проповедей в качестве блестящего образца.

Вспомним эпизод с комиссией в Пуатье, о которой мы подробно говорили ранее. По сути, он является аналогичным сюжету из жития св. Екатерины. Причем, в данном случае аналогия со св. Екатериной поддерживается общественным мнением еще более активно, чем самой Жанной. Жанна-то как раз вовсе не намеревалась участвовать в религиозных диспутах, и вызванные ими промедления не приводили ее в восторг. Однако она начинает играть по правилам,

продиктованным ее новым окружением, которому угодно было подчеркнуть ее сходство со святой Екатериной. И это желание прослеживается не только в реляциях и посланиях Морозини и Виндекена, о которых мы упоминали выше, но и в политическом климате, созданном для Жанны при дворе дофина. Карл, конечно, назначил официальную ученую комиссию, дабы она санкционировала деятельность Девы, но очевидно, что отношение избранных для этого клириков к Жанне было априори благосклонным. Целью этой комиссии было не столько реальное расследование, сколько политическое оформление уже принятого заранее решения в пользу Девы.

Протоколы процесса реабилитации гласят: дофин «отправил Жанну в Пуатье, чтобы она была там проэкзаменована, где свидетель (Жан Барбэн. — А. С.) и познакомился с нею впервые. Когда она прибыла в Пуатье, ее поселили в доме метра Жана Рабато; <...> ее посещало множество клириков, <...> кои допрашивали ее сообразно своему поручению. Свидетель тогда слышал, что, по словам докторов, кои допрашивали ее и задавали ей множество вопросов, она отвечала с большой мудростью, подобно хорошему клирику, — так, что они даже восхищались ее ответами и считали сие божественным вдохновением, учитывая ее жизнь и поведение» (XXII, р. 58). И, как заявляет член комиссии Пуатье метр Сеген, они «сообщили все сие королевскому совету и были того мнения, что в силу тяжелой нужды и опасности, в коих пребывал город Орлеан, король может воспользоваться Жанной и отправить ее в Орлеан» (ibid., р. 151).

С Екатериной Сиенской дело обстояло похожим образом: общественное мнение Сиены также довольно быстро признало в дочери суконокрайщика божественную посланницу: «Молва о Екатерине стала распространяться по всей Тоскане. Невеста Христа сделалась ангелом мира для своей родины, и все чаще и чаще стали к ней обращаться горожане Сиены, чтобы с ее помощью прекращать свои кровавые распри. И вскоре примеру горожан последовали воинственные дворянские роды в окрестностях Сиены и стали приглашать ее в свои замки <...>. Все чаще и чаще обращались к Екатерине со своими нуждами не только частные лица, но и государственные люди и синьории итальянских городов, все значительно расширялся круг ее переписки и все чаще ей самой приходилось ради дел мира и блага ближних выезжать из Сиены <...>. Екатерина не щадила сил, призывая общество к нравственному очищению: “Дорогие братья и светские сеньоры во Христе! Я, Екатерина, рабыня рабов Иисуса Христа, пишу вам в мысли о драгоценной крови Его, с желанием видеть в вас мужественных людей, а не трусливых правителей как собственного мира, так и мира, порученного вам. Я того мнения, что рабский страх лишает сердце свободы и благородства и не дает нам жить и действовать как разумным людям, но уподобляет нас животным. Ибо рабский страх происходит и вытекает из себялюбия, и как опасно себялюбие, это мы видим на правителях, и на подданных, и на монахах, и на мирянах и на всякого рода людях”. Постепенно авторитет Катерины возрос настолько, что сильные мира сего стали обращаться к ней за помощью в государственных делах: к ней, например, обратился захвативший в Пизу на пути в Авиньон посол кипрской королевы. Он собирался просить папу о помощи против турок и изложил Катерине положение дел на Востоке, прося у нее совета. В этот период сформировалась религиозно-политическая мысль Екатерины, и перед ней проявились три великие задачи, которые она надеялась осуществить для

блага церкви и мира посредством папской власти и которые отныне будут содержанием ее дальнейшей жизни» (LI, с. 242–245).

В тяжкий период Авиньонского пленения пап (1309—1377) Екатерина видит корень бедствий в дисгармонии между франкофильским папством с одной стороны и постоянно раздираемой междоусобицами Италией — с другой. «При таких обстоятельствах Екатерина приняла на себя трудное дело смягчения страстей и примирения флорентийской республики с папством» (LI, с. 247). Смирренная, неграмотная девушка, как сообщается в житии, начинает диктовать письмо за письмом сильному миру. Письма всегда начинаются словами: «Я, Екатерина, служанка и раба рабов Иисуса, пишу вам в [мысли о] драгоценнейшей крови Его...» и завершаются: «Иисус сладчайший, Иисус Любовь!».

Екатерина и Жанна: интракультурный феномен

В наши дни сохранилось 381 письмо Екатерины Сиенской. Возвращаясь к вопросу о христологическом оправдании средневековой индивидуальности, мы видим, что во всех этих письмах ее голос звучит твердо и непреклонно, — независимо от того, к какому бы высокому иерарху она ни обращалась. Она чувствует себя пророком и посредницей между Богом и людьми. Женский профетизм вообще был весьма свойственен средневековой культуре. Он давал женщине возможность проявить высшую активность, внешне оставаясь при этом пассивным инструментом, посредником, медиумом, что полностью соответствовало нормам христианской морали.

Жанна, подобно Екатерине, не боится бранить и убеждать самых грозных властителей. Силы ей придает не только божественный голос, но и понимание справедливого устройства Земного Града в его клюнийском толковании. Громада веков стоит у нее за спиной, когда она составляет послание для герцога Бургундского — пэра Франции, не явившегося на Реймскую коронацию (см. прил. III, с. 281).

Обе девушки — и Жанна, и Екатерина, — казалось бы, «собирают земли». Это так, но не стоит видеть в их намерениях зачатки возрожденческого национализма. Напротив, действия обеих остаются полностью в рамках средневековой концепции единого христианского государства, устроенного по образцу Небесного Иерусалима. Эта идея наднациональная, в ней «нет более ни эллина, ни иудея».

Папа Григорий XI советуется с Екатериной Сиенской относительно сроков своего переезда в Рим. «Милый отец мой, — откликается Катерина, — вы спрашиваете меня насчет переезда вашего, отвечаю вам и говорю именем Христа, распятого на кресте: придите как можно скорее. Если можете, приезжайте раньше сентября, если не можете раньше, то не откладывайте приезда далее сентября» (LI, с. 254). И все же в обоих случаях сугубо национальное отступает перед идеей божественной справедливости. Папа должен быть один, и он должен пребывать в Риме, ибо это освящено традицией.

Те же мотивы и у Жанны: требуя возвращения герцога Бургундского под власть Карла VII и воюя с английскими захватчиками, она «собирает земли»

для короля, но акцентировать в ее действиях национальный элемент — значило бы слишком осовременить героиню. На самом деле Жанной движут все те же средневековые идеалы Божьего царства, и своей задачей она видит не переустройство и преобразование мира, а восстановление status quo. В этом смысле ее устремления полностью соответствуют так называемой «теологии войны».¹⁷ Ведущие мыслители Позднего Средневековья — Филипп де Мезьер, Жан де Монтрёй, Жан Жювеналь дез Юрсен — придерживались принципа, выраженного в старинной пословице: *Lombardie demourra as Lombars, Espagne aux Espaigneux, France aux François et Engleterre aux Anglois* (Ломбардия останется ломбардцам, Испания — испанцам, Франция — французам, а Англия — англичанам (старофр.). — А. С.) (LXXVIII, р. 16). И в этой декларации не было призыва к национальному сепаратизму, но лишь констатация справедливости божественного мироустройства.

Для ментальности Средневековья в высшей степени характерна ориентация на прошлое, которое представлялось более близким к идеалу первотворения. Поэтому к любому нарушению традиции, равно как и к любому проявлению необычной индивидуальности, относились с подозрением, как к греховному бунтарству.

Нагляднее всего эта консервативность проявляется в сравнении с концепцией индивидуальности Возрождения, двуликой, как Янус, и по своей природе отрицающей, бунтарской. Можно было бы сказать, пользуясь терминологией Г. Г. Дилигенского, что Средние века акцентируют индивидуальность интракультурную (конформную), маргинализируя иные формы, а Возрождение, напротив, освобождает метакультурную индивидуализацию типа Одиссея (см. XCV, 1).

«Нетрудно увидеть, что обе функции индивидуальности имеют самое близкое отношение к бытию и развитию человеческой культуры. Любая культура фиксирует эталоны, нормы мышления и деятельности людей в социуме; тем самым она определяет формы, направления, рамки проявления индивидуальности <...>. Наиболее распространенный способ индивидуального выделения на протяжении длительных периодов человеческой истории состоял в том, что индивид лучше, полнее других реализовывал социальные нормы и требования, укорененные в соответствующей культуре. Такова индивидуальность героев древних и средневековых эпосов, воплощаемая воинской доблестью и силой, честью и верностью долгу. По мере усложнения культур, их нормативной и ролевой структуры возрастает и многообразие задаваемых ими форм проявления индивидуальности; так, в рамках европейской средневековой культуры это одновременно и ратные подвиги рыцаря, и аскетическое самоотречение христианского мученика <...>. Подобные типы индивидуальности можно назвать конформными, или метакультурными. Ибо их общая черта состоит в том, что они санкционируются, поощряются социальными нормами, закрепленными в культуре. Ценности соответствующей культуры определяют ту сферу деятельности, в которой преимущественно разворачивается свобода индивидуальной инициативы, другие же сферы находятся за пределами этой свободы» (XCV, 1, с. 81).

Образ мышления и действия у Жанны и Екатерины Сиенской позволяет предположить в них именно этот, интракультурный, тип индивидуальности. Это не только не затемняет их яркости и самобытности, но напротив, многократно

подчеркивает эти качества, предоставляя в их распоряжение веками накопленный культурный материал. Обе девушки действуют внутри этической сферы, осуществляя принцип «Бог и мое право», т. е. воспроизводят единственно возможную и сообразную их личному потенциалу модель поведения, не переступая границ общепризнанной морали. Миссии обеих героинь оказались востребованы обществом, и публичное признание, безусловно, подкрепляло в них обеих пафос внутренней убежденности. Екатерина Сиенская везде и всем — мирянам, легатам, самому папе — смело пишет: «Я хочу!», подразумевая: «Бог хочет!» Настойчиво заклинает: «Говорю вам от имени Христа!» Неаполитанская королева, державшая сторону антипапы, получает от нее едва ли не отповедь: «Увы, вас можно лишь оплакивать, как мертвую душой и телом, если вы не откажетесь от столь великого заблуждения». Французскому королю Карлу V Мудрому, деду Карла VII, она советует: «Творите волю Божью и мою». После этого бессмысленно утверждать, что святая Екатерина Сиенская — локальный феномен. Она напрямую диктует свою волю французскому королю: дочь красильщика — христианнейшему монарху.

Безусловно, Екатерину Сиенскую прекрасно знали во Франции XV в. В свою очередь, Жанна быстро обрела общеевропейскую славу и была хорошо известна итальянцам эпохи чинквеченто. Отметив, что сравнение Девы со св. Екатериной впервые прозвучало со стороны уроженца Апеннин — купца Морозини, — приведем и тот факт, что Жанну не только отлично знали в Италии, в Европе, но и реагировали на ее приход так, будто были вполне готовы встретить нечто подобное. Представительница высшей итальянской знати — герцогиня Миланская Бона Висконти — посылает ей письмо с просьбой восстановить ее в правах в своем герцогстве! Персеваль де Буленвиллье, чье знаменитое славословие «рождеству» Жанны адресовано миланскому герцогу Филиппо-Мария, был женат на дочери губернатора г. Асти. Чуть позже поэт Антонио из Асти сделал из этого письма поэму и преподнес ее своему герцогу. Письмо Жана д'Арманьяк, главы крупной политической группировки, настаивает Жанну на пути в Париж. Как мы помним, сиятельный граф советует, которому из трех пап следует подчиниться истинному католику — Жанна обещает ответить на досуге. Вопрос Арманьяка выглядит куда менее нелепо, если соотнести его с аналогичными примерами из жизни Екатерины Сиенской.

Реакция общества как на появление Екатерины, так и на появление Жанны, говорит именно об интракультурном типе их феноменов. Те преграды, которые встретили на своем пути обе героини, были политического, а не концептуального характера: социум использовал, но не отторгал их. Тот факт, что Жанна в итоге погибла по приговору этого социума, не отменяет вышесказанного. Причина была в том, что Девица исчерпала свои функции, а не в том, что входила в принципиальную дисгармонию с нормами общественного сознания. Это был случай, когда общественная мораль как бы заранее предусматривала вероятность принесения жертвы.

Симптоматично, что руанским судьям никак не удавалось уничтожить Деву как неудобный элемент «в рамках действующего законодательства», и для прекращения затянувшегося процесса епископу Кошону и англичанам пришлось прибегнуть к ряду прямых подлогов и подтасовок. Все действия спектакля, повлекшего за собой осуждение Жанны законным способом, были

срежиссированы Кошоном и разыграны его подчиненными. Достаточно вспомнить в связи с этим акт отречения Жанны на кладбище Сент-Уэн, когда ей подсунули не ту бумагу, которую ранее зачитали вслух; обвинительный доклад д'Эстиве, основанный на клевете и искажении фактов; назначение духовником Жанны Никола Луазелёра, которому надлежало прикинуться сторонником французского короля, завоевать доверие девушки и в нарушение тайны исповеди доносить Кошону все ее признания; отказ после отречения поместить Жанну после отречения в женскую тюрьму, как ей было обещано; и, наконец, мужское платье в камере обвиняемой, наличие коего ускорило рецидив ереси.

Когда в ходе процесса реабилитации, после допроса многочисленных свидетелей, все эти нарушения канонического права получили огласку, от «благотворного процесса» Кошона не осталось и следа. Это, безусловно, облегчило задачу судьям кассационного процесса. Благо главных исполнителей, высоких церковных иерархов, давно не было в живых, и вину за несправедливый суд можно было спокойно возложить на них.

Итак, для уничтожения Жанны понадобилось отступить как от правовых норм, так и от норм общественной морали, что подчеркивает изначальную органичность феномена Девицы ее социуму. Общество приняло ее охотно, а затем «принесло в жертву».

Не менее охотно общество восприняло и Екатерину Сиенскую. Влияние молодой женщины на папу Григория XI и умы современников вскоре так возросло, что флорентийская синьория уговорила ее взять на себя посольство к понтифику. Разумеется, папская курия отнюдь не пришла в восторг от такого неслыханного визита — дочь красильщика, *mulier illiterata*, рискует вершить политические судьбы мира! Не правда ли, первая реакция авиньонских кардиналов кажется вполне обоснованной? Но затем следует очередное «*renovatio*» легенды о диспуте с многомудрыми мужами. «Три важных прелата, замыслив недоброе, встретились с Екатериной. Они стали возбуждать ее язвительными речами, сказав, между прочим: “Мы пришли по поручению господина нашего папы и хотим знать, прислали ли тебя флорентийцы. Если это так, то разве у них нет достойного мужа, которого они могли бы послать в таком важном деле к такому великому государю? Если же не они тебя посылали, то нам очень удивительно, что ты, совсем простая женщина (*cum sis vilis femella*), берешься говорить о таком предмете с владыкой нашим папой”. <...> Из прелатов один в особенности был неотвязчив, задавал каверзные вопросы, стремясь ввести ее в смущение. Но это вызвало возмущение его товарищей, и они ополчились на него самого: “Чего вам еще нужно от этой девушки? Она яснее и лучше объяснила свое дело, чем кто-либо из известных нам докторов”. Так между ними начался раздор. Наконец, они ушли и доложили папе, что никогда не встречали такой скромной и просветленной души. Встреча с прелатами имела большое значение для последующей деятельности Екатерины. Один из членов папской курии объяснял это так: “Если ученость этих трех положить на одну чашу весов, а на другую — ученость всей римской курии, то первая сильно перетянет”» (LI, с. 252).

Полвека спустя в Пуатье судьи зададут Жанне аналогичный вопрос: как она, простая девушка, думает изменить ход войны? Жанна смело бросит им в ответ: «Во имя Бога, воины будут сражаться, и Господь дарует им победу!» А через

полтора года, в Руане, она пояснит: «Богу было угодно, чтобы я, простая девушка, исполнила сие» (XX, р. 123).

Интракультурность обоих феноменов во многом обеспечивалась их ориентацией на *образец* св. Екатерины Александрийской. При этом подражание *образцу* не отменяло принципа свободы воли: в интерпретации своих *образцов* личность сохраняла некоторое право на импровизацию. Этот момент внутренней свободы как раз и характеризует феномен средневекового подражания *образцу*, — подражания, которое отнюдь не подразумевает слепого повторения. «Imitatio» принципиально не есть «identificatio», подражание не есть слияние и растворение, и в этом индивидуализме Запада, пожалуй, коренное отличие от религиозного опыта восточнохристианской традиции.

Итак, подчеркнем еще раз, что Жанна, равно как и Екатерина, являлись яркими представительницами именно средневековой культуры, хотя и жили на заре эпохи Возрождения. В истории Жанны еще нет ничего ренессансного, хотя четверть века спустя после ее казни некоторые признаки новых веяний уже проявятся в отношении к ее феномену видных теологов, подготовивших процесс реабилитации. Предчувствие коренных изменений в общественном сознании того времени хорошо уловимо, если сопоставить сентенции Фома Аквинского с заключениями судей кассационного процесса. Если св. Фома Аквинский в XIII в. утверждал: мало значит то, что хотел автор сказать, важно то, что он сказал и что может быть использовано (см. XLV, с. 108), то французские теологи середины XV в. высказывают принципиально иную точку зрения: не столь важно, являлись ли Жанне духи благие или дурные, а важно, за кого она сама их принимала. В этом утверждении, согласимся, уже звучит предвестие индивидуалистического подхода к действительности и свободе воли, что свойственно скорее гуманистическому, нежели средневековому миропониманию.

Завершая последнюю часть статьи, необходимо подвести некоторые итоги. Мы установили, что категория *образца* (*exemplum*), являясь одной из базовых в мировоззрении средневекового человека, оказала огромное влияние на формирование личности Жанны д'Арк. Не в меньшей степени эта категория повлияла на восприятие феномена Девицы ее современниками.

Понимая, какое значение для самосознания Жанны имели ее голоса и *образцы*, мы обратили пристальное внимание на тех святых, которые, по словам Девицы, являлись ей в откровениях. Исследование показало, что принятая в историографии традиция отождествлять самый настойчивый из голосов Жанны с голосом св. Екатерины Александрийской не исчерпывает возможностей его интерпретации.

При изучении данного вопроса мы обратились к житию св. Екатерины Сиенской, которая была широко известна на христианском Западе Позднего Средневековья. Мы предположили, что образ сиенской святой, будучи гораздо более понятным и актуальным для человека интересующей нас эпохи, сделал мифологический сюжет об александрийской святой более доступным для непосредственного восприятия Жанной. Девица приняла его как личный *образец*, что дает нам основания полнее раскрыть смысл и образ действий Жанны в ходе ее двухгодичной эпопеи. Мы предположили существование четкой преемственности между легендами александрийской святой и Екатерины Сиенской.

Любопытно, что Катерина Бенинказа оказалась отнюдь не последним звеном в этой цепи. На волне ее популярности *образец* св. Екатерины становится все более привлекательным для других визионеров. В середине XV в. «эстафету» перенимает кларисса Екатерина Болонская, которую, по легенде, в награду за победу над жестокими дьявольскими искушениями Бог почтил небесным видением: ей было дано дозволение провести сочельник в церкви, и в полночь ей представилось, что она видит, и даже осязает, святого Младенца в руках Марии. Не приходится сомневаться, что подобный сюжет болонская святая почерпнула в наследии своих предшественниц. Вслед за ней в Европе постоянно возникали новые св. Екатерины: св. Екатерина Генуэзская (н. XVI в.), св. Екатерина Пальмская (сер. XVI в.), св. Екатерина Риччи (2-я пол. XVI в.), св. Екатерина Жарриж (к. XVIII — н. XIX вв.), св. Екатерина Лабурэ (XIX в.). Все они также внесли посильную лепту в дело обновления раннехристианской легенды и были затем канонизированы католической церковью.

Признавая вероятным, что Жанна не столько следовала примеру св. Екатерины Александрийской, сколько примеру св. Екатерины Сиенской, мы подчеркнули, что упомянутые святые *не были разделены в ее сознании, но представляли собой живейшую контаминацию образов, где доля сиенской святой получила некоторое преобладание в силу большей актуальности для культуры Позднего Средневековья.*

Мы назвали возможные источники, из которых девушка могла черпать информацию о своей святой, и отметили, что таких источников было несколько: рассказы ее матери, Изабеллы Роме, проповеди нищенствующих монахов, беседы с духовником Пакерелем, иконографические материалы, отзывы представителей европейской знати. Образ Жанны в глазах ее современников также формировался под непосредственным влиянием обновленной легенды о св. Екатерине.

На примере усвоения и обновления Катериной Бенинказа легенды раннехристианского *образца* мы проследили эволюцию образа святой Екатерины в течение долгого исторического периода — с IV в. до сер. XVI в. Для объяснения динамики развития этого образа мы обратились к таким элементам позднесредневековой ментальности как *imitatio* (подражание) и *exemplum* (образец). Привлекая агиографические, эпистолярные и иконографические источники, мы увидели, каким образом упомянутые этические установки были отражены в коллективном сознании эпохи. Включение категории *образца* в этический контекст эпохи позволяло индивиду ориентироваться на своего рода правовой прецедент *образца* и добиваться спасения души путем *подражания* своему святому, который, вне всяких сомнений, пребывал в раю.

Мы признали, что феномены Жанны и Екатерины Сиенской должны быть отнесены к интракультурному типу, поскольку находились в полном соответствии с этическими нормами своего времени. Более того, обе героини были плотью от плоти своей эпохи и никогда не являлись по отношению к ней маргинальными элементами. Другое дело, что эпоха, породившая эти феномены, была ко времени их расцвета на излете. Внутренние противоречия между монастическими идеалами Высокого Средневековья и энтропией новой реальности достигли критической массы. Ценностная парадигма европейской цивилизации претерпевала на пороге Раннего Возрождения сильнейшие изменения. В этих условиях

и Екатерина, и Жанна, обладавшие интракультурным типом сознания, были обречены.

Драматизм и экзистенциальная напряженность, отличающие биографии обеих героинь, во многом обусловлены тем историческим контекстом, в котором проходил генезис и развитие их феноменов. Монистическая картина мира и нравственные воззрения как у Екатерины Сиенской, так и у Жанны, были, по сути дела, квинтэссенцией этических принципов *средневековой* эпохи. Но принципы эти, благодаря которым сиенская и орлеанская героини обретали цельность натуры, все менее соответствовали прагматическим тенденциям Нового времени.

Обе девушки, живя и действуя в переходный от Средневековья к Новому времени период, абсолютизировали и воплощали в жизнь мировоззренческий идеал уходящего Средневековья. Это были прощальные зарницы великой эпохи.

Между тем, в европейском обществе давно уже шли необратимые глобальные процессы. Подобно мельничным жерновам, они беспощадно перемалывали зерна прежних иллюзий, чтобы из той же муки был испечен хлеб по новым рецептам. В результате в Позднем Средневековье на христианском Западе произошла смена ментальной доминанты. Миф о единой католической ойкумене, организованной по принципу Града Божьего на земле, не утратил окончательно своей актуальности, но постепенно перешел из сферы практического в сферу идеального. Европа вступала в новую эпоху, оставляя позади себя образцы непостижимого величия человеческого духа.

Конечно, Новое время принесет свои идеалы и породит своих героев. Но что-то будет утрачено безвозвратно и навеки останется загадкой. Как жизнь Екатерины Сиенской. Как подвиг Жанны д'Арк.

¹ Девушка, девственница (старофр.). Далее в статье раскрывается исторический смысл этого прозвища и даются варианты его эквивалентов в современном русском языке.

² Так современники называли дофина Карла, который не признал условий договора в Труа (1420) и бежал из Парижа в Центральную Францию. Там, в г. Бурже, вокруг него образовался круг сторонников наподобие королевского двора, который и стали называть «буржским».

³ Родовое поместье Пулажи относилось к герцогству Лотарингскому. См. XX, р. 52, п. 3.

⁴ См.: Бенца А. История живописи всех времен и народов. СПб., 2002. С. 84, прим. 11.

⁵ «Державой» назывался иконографический канон изображения Вседержителя.

⁶ Письмо Персеваля де Буленвиллье, камергера и советника Карла VII, написанное миланскому герцогу Филиппо Мария Висконти 21 июня 1429 г., т. е. в самый разгар Луарской кампании и за полмесяца до коронации дофина в Реймсе.

⁷ «Переходите к другому» (фр.). В устах Жанны эти слова обычно означали желание уйти от провокационного вопроса судей.

⁸ Библейская энциклопедия. М., 1891.

⁹ Песнь о Роланде (пер. Ю. Корнеева) // Песнь о Роланде; Коронавание Людовика; Нимская телега; Песнь о Сиде; Романсеро / Под ред. Н. Томашевского. М., 1979. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 98.

¹¹ Там же. С. 133.

¹² Здесь в значении поклонения идолам, т. е. фальшивым, ложным, духам.

¹³ Перевод с латинского С. К. Цатуровой по изданию: J. Jerson. Oeuvres complètes. T. 2. Paris, 1960. Антология педагогической мысли христианского Средневековья: Пособие для учащ. педагогических колледжей и студентов вузов: В 2-х тт. Т. II. Мир преломился в книге. Воспитание

в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / Сост., ст. к разделам и коммент. В. Г. Безрогова, О. И. Варьяш. М., 1994. С. 232.

¹⁴ Другой пример регулярного обновления мифа – безусловно, навязчивая идея *translatio Imperii Romanum*, т. е. перенесение, или продление, Римской империи, которая до сих пор влияет на умы политиков и интеллектуалов.

¹⁵ В этом смысле весьма любопытен эпизод из кинофильма Кристиана Дугэ «Жанна д'Арк». Неслучайно Дугэ, развивая культурные тенденции католического Запада, действует по тем же законам, которые мы наблюдали у Гальфрида Монмутского. Он домысливает историю в соответствии с тем, что кажется ему правильным и логичным. В результате в кинематографической жизни Жанны появляется новый эпизод: перед решающей битвой, взятием орлеанского форта Турель, Жанна идет к умирающему от чумы солдату форта, и тот, пораженный ее бесстрашием и милосердием, подсказывает ей единственный путь к успешному штурму. Коль скоро мы припоминаем во внимание «Золотую легенду» Иакова Ворагинского, то с тем же основанием должны принять и «Жанну д'Арк» К. Дугэ, так как оба произведения суть феномены одной и той же ментальной культуры и оба являются апокрифами родственной этимологии.

¹⁶ Первая группа семипредметного школьного курса (тривий), включала в себя риторику, грамматику, диалектику, а вторая (квадрий) — арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Вместе они составляли, по классификации Кассиодора (V–VI вв.), «семь свободных искусств».

¹⁷ Термин был выбран для одноименной статьи известным французским медиевистом Ф. Контамином. См. LXXVIII, p. 9.

Список использованной литературы

Источники

- I. Августин Аврелий. Исповедь // Лабиринты души. Симферополь, 1998.
- II. Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М., 1995.
- III. Гальфрид Монмутский. История бриттов; Жизнь Мерлина. М., 1984.
- IV. Коммин Филипп де. Мемуары. М., 1986.
- V. Мелори Томас. Смерть Артура. М., 1974.
- VI. Откровения блаженной Анджелы // Карсавин Л. П. Католичество; Откровения блаженной Анджелы. С. 99 – 277. Томск, 1997.
- VII. Хроники и документы времен Столетней войны / Пер., сост. М. В. Апикиева. СПб., 2005.
- VIII. Цветочки св. Франциска Ассизского. СПб., 2000.
- IX. Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France / par J.-A.-C. Buchon. Paris, 1838.
- X. Chronoqueurs français du Moyen Âge. V. I. Paris, 1937.
- XI. Francis of Assisi, st. Writings. Philadelphia, 1906.
- XII. Gerson J. Oeuvres complètes. V. VII. Paris, 1966.
- XIII. Journal du siege d'Orléans. Orléans, 1896.
- XIV. Journal d'un bourgeois de Paris de 1409 à 1449 // Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France. Paris, 1838.
- XV. Le coutumier bourguignon glosé / fin du XIV siècle. Paris, 1982.
- XVI. Legenda aurea. Jacobus a Voragine. Dresdae et Lipsiae, 1846.
- XVII. Monstrelet En. Chronique // Les chronoqueurs francais du Moyen Âge. V. II. Paris, 1937.
- XVIII. Morosini A. Chronique // Extraits relatifs à l'histoire de France. Paris, 1903.
- XIX. Poesie lirique au Moyen Âge. V. I. Paris, 1988.
- XX. Procès de condamnation de Jeanne d'Arc. V. II / Ed. P. Tisset et Y. Lanhers. Paris, 1960.
- XXI. Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc. V. III / Ed. P. Duparc. Paris, 1986.
- XXII. Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc. V. IV / Ed. P. Duparc. Paris, 1986.
- XXIII. Sermon on st. Katherine // Middle English Legends of Women Saints. Kalamazoo, Michigan, 2003.
- XXIV. Summa theologiae. Thomas Aquinas. Ottawa, 1914.
- XXV. Thomas à Kempis. Imitatio Christi. www.leaderu.com/cyber/books/imitation/forward.html

Монографии

- XXVI. Ангелы и демоны. М., 1996.
- XXVII. Андреев М. Л. Средневековая европейская драма. М., 1989.
- XXVIII. Басовская Н. И. Столетняя война. М., 1985.
- XXIX. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
- XXX. Бицилли М. П. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
- XXXI. Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1996.
- XXXII. Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб., 2001.
- XXXIIIa. Византия; Южные славяне и Древняя Русь; Западная Европа: Сб. статей в честь В. П. Лазарева. М., 1973.
- XXXIII. Виолле-ле-Дюк. Жизнь и развлечения в Средние века. М., 1997.
- XXXIV. Гарро А. Людовик Святой и его королевство. СПб., 2002.
- XXXV. Григулевич И. Р. Инквизиция. М., 1985.
- XXXVI. Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1990.
- XXXVII. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
- XXXVIII. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.
- XXXIX. Даркевич В. П. Народная культура Средневековья. М., 1988.
- XL. Дефурно М. Повседневная жизнь времён Жанны д'Арк. СПб., 2002.
- XLI. Джероза Л. Каноническое право в католической церкви. М., 1998.
- XLII. Дюби Ж. Европа в Средние века. Смоленск, 1994.
- XLIII. Киселева Л. И. О чем рассказывают средневековые рукописи. Л., 1978.
- XLIV. Крылов П. В. Образ Жанны д'Арк в сознании ее современников. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2001.
- XIV. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада. М., 1992.
- XLVI. Ли Г. Ч. Инквизиция / Бемер Г. Иезуиты. СПб., 1999.
- XLVII. Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV вв. СПб., 2000.
- XLVIII. Муратова К. М. Мастера французской готики XII–XIII вв. М., 1988.
- XLIX. Оболенский С. С. Жанна-Божья Дева. Париж, 1988.
- L. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. М., 1987.
- LI. Подвижники: Избранные жизнеописания и труды. Самара, 1994.
- LII. Райцес В. И. Жанна д'Арк. Л., 1982.
- LIII. Райцес В. И. Процесс Жанны д'Арк. Л., 1964.
- LIV. Руа Ж. История рыцарства. М., 1996.
- LV. Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Иваново, 1999.
- LVl. Сикари А. Портреты святых. Милан, 1991.
- LVII. Сьюард Д. Генрих V. Смоленск, 1996.
- LVIII. Фавтье Р. Капетинги и Франция. Роль династии в создании государства. СПб., 2001.
- LIX. Фаулер К. Эпоха Плантагенетов и Валуа. СПб., 2002.
- LX. Флори Ж. Идеология меча. СПб., 1999.
- LXI. Французские короли и императоры / под ред. Петера К. Хартманна. Ростов-на-Дону, 1997.
- LXII. Христианство: Энциклопедия в 2-х т. Т. I / гл. ред. С. С. Аверинцев. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993.
- LXIII. Цатурова С. К. Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV в. М., 2002.

- LXIV. Bremond C., Le Goff J. L'exemplum. Brepols, 1982.
- LXV. Cassirer E. Individuum und Kosmos in der Philisophic der Renaissance. Firenze, 1967.
- LXVI. Charity Cannon Willard. Christine de Pizan: Her life and Works. New York, 1994.
- LXVII. Cordier J. Jeanne d'Arc. Sa personnalité, son rôle. Paris, 1948.
- LXVIII. Cuthbert, father. The romanticism of st. Francis. London, 1924.
- LXIX. Duby G. Mâle Moyen Âge. Paris, 1992.
- LXX. Forlière M. Qui fût Jeanne d'Arc? Paris, 1947.
- LXXI. Fossier R. Paysans d'Occident (XI – XIV siècles). Paris, 1984.
- LXXII. Glossaire du droit François / par F. Ragueau, revu, corrigé etc. par E. de Laurière. Paris, 1882.
- LXXIII. Guerillin J. Mais qui es-tu, Jeanne d'Arc? Paris, 1976.
- LXXIV. Quillemín H. Jeanne dite Jeanne d'Arc. Paris, 1970.
- LXXV. Harmand A. Jeanne d'Arc. Ses costumes, son armure. Essai de constitution. Paris, 1929.
- LXXVI. Head Th. The development of hagiography and the Cult of Saints in the Later Middle Ages. New York, 1999.
- LXXVII. Henry J.-F. L'unique et vraie Jeanne d'Arc. Paris, 1965.
- LXXVIII. Jeanne d'Arc, une epoque, un rayonnement // Colloque d'histoire medievale. Orléans, 1979.
- LXXIX. Lamy M. Jeanne d'Arc. Paris, 1987.
- LXXX. Les sources de l'histoire de Jeanne d'Arc au XV siecle / Par M.-V. Clin, Paris, 1984.
- LXXXI. Lucie-Smith E. Joan of Arc. London, 1976.
- LXXXII. Luce S. Jeanne d'Arc à Domremy. Paris, 1886.
- LXXXIII. Michelet J. Jeanne d'Arc. Paris, 1937.
- LXXXIV. Pernoud R., Clin M.-V. Jeanne d'Arc. Paris, 1986.
- LXXXV. Pernoud R., Clin M.-V. J'ai nom Jeanne la Pucelle. Paris, 1994.
- LXXXVI. Peyronnet G. Qui a tué Jeanne d'Arc? Orléans, 1996.
- LXXXVII. Quicherat J. Procès de la condamnation et de la réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle. T. V. Paris, 1849.
- LXXXVIII. Richer E. Histoire de la Pucelle d'Orléans. Paris, 1911.
- LXXXIX. Sackville-West V. Saint Joan of Arc. London, 1936.
- XC. Weil-Raynal E. Le double secret de Jeanne d'Arc. Paris, 1972.
- XCI. Wood Charles T. Joan of Arc and Richard III: Sex, Saint and Government in the Middle Ages. Oxford, 1988.

Статьи и публикации

- XCII. История ментальностей. Историческая антропология // Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е. Михина. М., 1996. 1. Дубровский И. В. «Мир как представление» Р. Шартье; 2. Лучицкая С. И. «Два тела короля» Э. Канторовича; 3. Михина Е. М. Тотем.
- XCIII. Крылов П. В. Мужской костюм Жанны д'Арк: неслыханная дерзость или выпущенный шаг? // Одиссей: Человек в истории. М., 2000. С. 186–193.
- XCIV. Крылов П. В. Mulier illiterata // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001. N 2. С. 81–103.
- XCV. Одиссей: Человек в истории. М., 1994: 1. Дилигенский Г. Г. Историческая динамика человеческой индивидуальности. С. 79–108; 2. Земон-Девис Н. Дары,

Список использованной литературы

- рынок и исторические перемены: Франция, XVI в. С. 193–202; 3. Малинин Ю. П. Средневековый «дух совета». С. 176–192.
- ХСVI. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2. СПбГУ, 2000.
- ХСVII. Хейзинга Й. Политическое и военное значение рыцарских идей в Позднем Средневековье // Homo ludens: Статьи по истории культуры. М., 1997. С. 294–303.
- ХСVIII. Bull. de la société historique de Compiègne. 1982. № 28.
- ХСIX. Bull. de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc – Charles Péguy. SPb., 1996. № 1.
- С. Bull. de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc – Charles Péguy. SPb., 1997. № 2.
- CI. Historama // La république du Centre Jeanne d'Arc / Album spécial. Orléans, 1979.

Список иллюстраций

1. Три сословия государства. Миниатюра из трактата «Древо битв». 1450 г. Париж, Библиотека Арсенала.
2. Оммаж Эдуарда II Английского королю Франции Филиппу Красивому. Миниатюра из «Больших французских хроник». Ок. 1420 г. Тулуза, Муниципальная библиотека.
3. Коронация Карла VI. Миниатюра из «Больших французских хроник» Нач. XV в. Париж, библиотека св. Женевиевы.
4. Карл VII. Портрет работы Ж. Фуке. 1444 г. Париж, Лувр.
5. Шествие волхвов. Миниатюра Ж. Фуке из «Часослова Этьена Шевалье». 1450–1460 гг. Шантийи, Музей Конде. Перед Девой Марией — Карл VII со свитой шотландских рыцарей.
6. Вид Домреми и долины Мёз. Акварель К. Пансе. 1819 г. Орлеан.
7. Св. Маргарита. Миниатюра Ж. Фуке из «Часослова Этьена Шевалье». 1450–1460 гг. Шантийи, Музей Конде.
8. Дом Жакоба д'Арк в Домреми. Современное состояние.
9. Жанна во время молитвы. Статуя А.-М.-А. Шаню. 1870 г. Париж, Люксембургский музей.
10. «Французские ворота» в Вокулёре. Современное состояние.
11. Жанна-Девница. Миниатюра из манускрипта процесса реабилитации. Сер. XV в. Париж, Национальная библиотека.
12. Придворные насмеваются над Карлом, называя его Буржским королем. Марциал Оверньский. Миниатюра из «Часослова короля Карла VII». 1484 г. Париж, Национальная библиотека.
13. Жанну приводят в Шинонский замок к дофину. Марциал Оверньский. Миниатюра из «Часослова короля Карла VII». 1484 г. Париж, Национальная библиотека.
14. Осада Орлеана. Миниатюра из «Краткой хроники королей Франции». XV в. Париж, Национальная библиотека.
15. Бастард Орлеанский, граф Дюнуа. Портрет неизвестного художника турецкой школы. Сер. XV в. Частная коллекция.
16. Подпись одного из ближайших соратников Жанны, капитана Этьена де Виньоля, по прозвищу Ла Гир.
17. Боевой штандарт Жанны. Реконструкция А. Армана. А. Harmand. *Jeanne d'Arc, ses costumes, son armure*, Paris, 1929.

Список иллюстраций

18. Жанна с мечом и боевым штандартом. Маргиналий Клемена де Фокемберга. Регистр Парижского парламента. 1429 г. Париж, Национальный архив.
19. Дева Мария с младенцем, святыми Эньяном и Эвертом и коленопреклоненными Карлом Орлеанским и Жанной. Памятное знамя в честь освобождения Орлеана. Ок. 1516 г. Орлеан, Музей истории и археологии. 1 панно.
20. Вид Орлеана и Бастиды Турелль. Памятное знамя в честь освобождения Орлеана. Ок. 1516 г. Орлеан, Музей истории и археологии. 2 панно. На переднем плане изображены: справа — шесть энпеенов города, двое докторов Университета; слева — священник и трое монахов из разных орденов.
21. Французский королевский герб.
22. Жанна на коронации Карла VII. О.-Д. Энгр. 1854 г. Париж, Лувр.
23. Жанна ведет войска на штурм Парижа. Марциал Оверньский. Миниатюра из «Часослова короля Карла VII». 1484 г. Париж, Национальная библиотека.
24. Филипп Добрый, герцог Бургундский. Мастерская Р. Ван дер Вейдена. Вторая половина XV в. Париж, Лувр.
25. Буврейский замок в Руане. «Книга источников города Руана». 1525 г. Руан, Муниципальная библиотека. Замок был построен в XIII в. Филиппом Августом для защиты от англичан. Жанну держали в донжолле, а затем — в одной из башен.
26. Жанна перед епископом Бовеским. Инициал одного из манускриптов процесса осуждения. Кон. XV в. Париж, Национальная библиотека.
27. Страница из манускрипта процесса осуждения (ms. 5966). Жанна утверждает, что никогда не отказывалась от своих голосов. Секретарь отметил на полях, что этот ответ ведет обвиняемую к смерти (*responsio mortifera*). Париж, Национальная библиотека.
28. «Митра позора», обычно надеваемая на голову осужденного еретика. Реконструкция А. Армана. А. Harmand. *Jeanne d'Arc, ses costumes, son armure*, Paris, 1929.
29. Жанна на костре, перед епископом Бовеским. Марциал Оверньский. Миниатюра из «Часослова короля Карла VII». 1484 г. Париж, Национальная библиотека.
30. Жанна на костре. Деталь фрески Ж. Лепевё. Вторая половина XIX в. Париж, Пантеон.
31. «Орлеанский манускрипт» процесса осуждения Жанны. Орлеан, Муниципальная библиотека.
32. Гийом Жувеналь дез Юрсен. Портрет работы Ж. Фуке. Вторая половина 50-х гг. XV в. Париж, Лувр.
33. Мадонна с младенцем, св. Екатериной Александрийской и св. Екатериной Сиенской. Бергоньоне. Ок. 1490 г. Падуя.
34. Диспут св. Екатерины. Мазолино да Паникале. Ок. 1431 г. Рим, Базилика Сан-Клементе, капелла св. Екатерины.

На форзаце:

Письмо Жанны жителям г. Риома, на котором сохранилась первая из трех известных нам подписей Девы. 9 ноября 1429 г. Риом, Муниципальный архив.

СОДЕРЖАНИЕ

Первое русское издание материалов инквизиционного процесса Жанны д'Арк <i>(Ю. П. Малинин)</i>	5
Предисловие переводчика (А. Б. Скакальская)	8
Предварительный, или Официальный процесс	13
Часть 1. Предварительное следствие, подготовка процессуальной документации, формирование трибунала	15
Часть 2. Публичные заседания инквизиционного трибунала	35
Часть 3. Закрытые заседания инквизиционного трибунала	67
Ординарный процесс	95
Часть 1. Семьдесят обвинительных статей, составленных Жаном д'Эстиве	97
Часть 2. Двенадцать обвинительных статей	155
Часть 3. Консультации теологов и церковных юристов	162
Часть 4. Дальнейшее судопроизводство и первый приговор	210
Рецидив ереси. Окончательный приговор	223
Некоторые последующие акты	237
Приложения	253
Приложение I. Судьи и ассессоры руанского трибунала: краткие биографии	255
Приложение II. Судьи и ассессоры руанского трибунала: вспомогательная таблица	280
Приложение III. Послания Жанны	284
Примечания	289
История Жанны д'Арк	327
Хронология событий	329
Карта Англии и Франции во время Столетней войны (1337–1453 гг.)	336
Карта Англии и Франции во второй половине XV века	337

Содержание

Бог и мое право: Пространство права, обета и образца в этической системе Позднего Средневековья; Особенности средневековой индивидуальности и феномен Жанны д'Арк	338
Jeanne la Pucelle и Жанна Дэвица. Символика имени в средневековом мире и поиск эквивалента в русскоязычной традиции.	338
Пространство права в истории Жанны.	353
Aide-toi, le ciel t'aidera! Пространство обета в жизни Жанны.	409
Жанна д'Арк и Екатерина Сиенская. Через <i>imitatio</i> к <i>exemplum</i>	436
§1. Концепция экзоцентризма средневековой личности	436
§2. Жанна д'Арк и Екатерина Сиенская	455
 Список использованной литературы	 483
Список иллюстраций	487

Процесс Жанны д'Арк
Материалы инквизиционного процесса

*Перевод, комментарии, сопроводительная
статья А. Б. Скальской*

Издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства О. Л. Новикова

Редактор Ж. Л. Левшина
Корректоры Ж. Л. Левшина, А. А. Романова
Компьютерная верстка Р. Р. Аминовой
Художник Ю. П. Амбросов

Подписано в печать 30.11.07. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Гарнитура NewStandardC. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32.
Тираж 1000 экз. Заказ № 2124.

«АЛЬЯНС-АРХЕО»
105043, Москва, ул. Перновская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (495) 165-31-87;
— в Санкт-Петербурге (812) 517-77-31
E-mail: aaarheo@mail.ru

**Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие „Искусство России“».**
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.

1. Три сословия государства. Миниатюра из трактата «Древо битв». 1450 г.
Париж, Библиотека Арсенала.

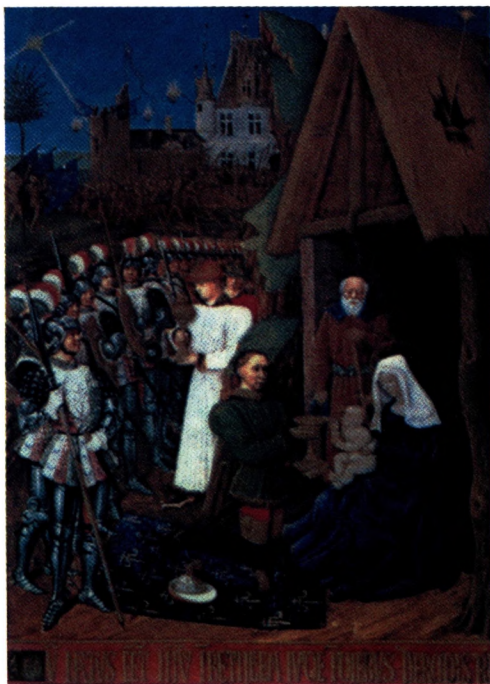
2. Оммаж Эдуарда II Английского королю Франции Филиппу Красивому. Миниатюра из «Больших французских хроник». Ок. 1420 г. Тулуза, Муниципальная библиотека.

3. Коронация Карла VI. Миниатюра из «Больших французских хроник». Нач. XV в. Париж, библиотека св. Женевьевы.

4. Карл VII. Портрет работы Ж. Фуке. 1444 г. Париж, Лувр.

5. Шествие волхвов. Миниатюра Ж. Фуке из «Часослова Этьена Шевалье». 1450–1460 гг. Шантийи, Музей Конде. Перед Девой Марией – Карл VII со свитой шотландских рыцарей.

6. Вид Домреми и долины Мёз. Акварель К. Пансе. 1819 г. Орлеан.

7. Св. Маргарита. Миниатюра Ж. Фуке из «Часослова Этьена Шевалье». 1450–1460 гг. Шантийи, Музей Конде.

8. Дом Жакоба д'Арк в Домреми. Современное состояние.

9. Жанна во время молитвы. Статуя А.-М.-А. Шапо. 1870 г. Париж, Люксембургский музей.

10. «Французские ворота» в Вокулёре. Современное состояние.

11. Жанна-Девушка. Миниатюра из манускрипта процесса реабилитации. Сер. XV в.
Париж, Национальная библиотека.

12. Придворные насмеваются над Карлом, называя его Буржским королем. Марциал Оверньский. Миниатюра из «Часослова короля Карла VII». 1484 г. Париж, Национальная библиотека.

13. Жанну приводят в Шинонский замок к дофину. Марциал Оверньский. Миниатюра из «Часослова короля Карла VII». 1484 г. Париж, Национальная библиотека.

14. Осада Орлеана. Миниатюра из «Краткой хроники королей Франции». XV в.
Париж, Национальная библиотека.

15. Бастард Орлеанский, граф Дюнуа. Портрет неизвестного художника турецкой школы.
Сер. XV в. Частная коллекция.

La Hire

16. Подпись одного из ближайших соратников Жанны, капитана Этьена де Виньоля, по прозвищу Ла Гир.

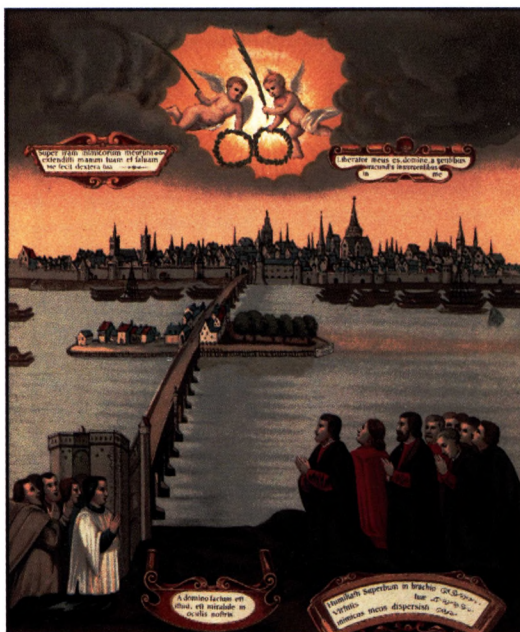
17. Боевой штандарт Жанны. Реконструкция А. Армана.
A. Harmand. Jeanne d'Arc, ses costumes, son armure. Paris, 1929.

18. Жанна с мечом и боевым штандартом. Маргиналий Клемана де Фокемберга.
Регистр Парижского парламента. 1429 г. Париж, Национальный архив.

19. Дева Мария с младенцем, святыми Эньяном и Эвертом и коленопреклоненными Карлом Орлеанским и Жанной. Памятное знамя в честь освобождения Орлеана. Ок. 1516 г. Орлеан, Музей истории и археологии. 1 панно.

20. Вид Орлеана и Бастиды Турелль. Памятное знамя в честь освобождения Орлеана. Ок. 1516 г. Орлеан, Музей истории и археологии. 2 панно. На переднем плане изображены: справа – шесть эшевенов города, двое докторов Университета; слева – священник и трое монахов из разных орденов.

21. Французский королевский герб.

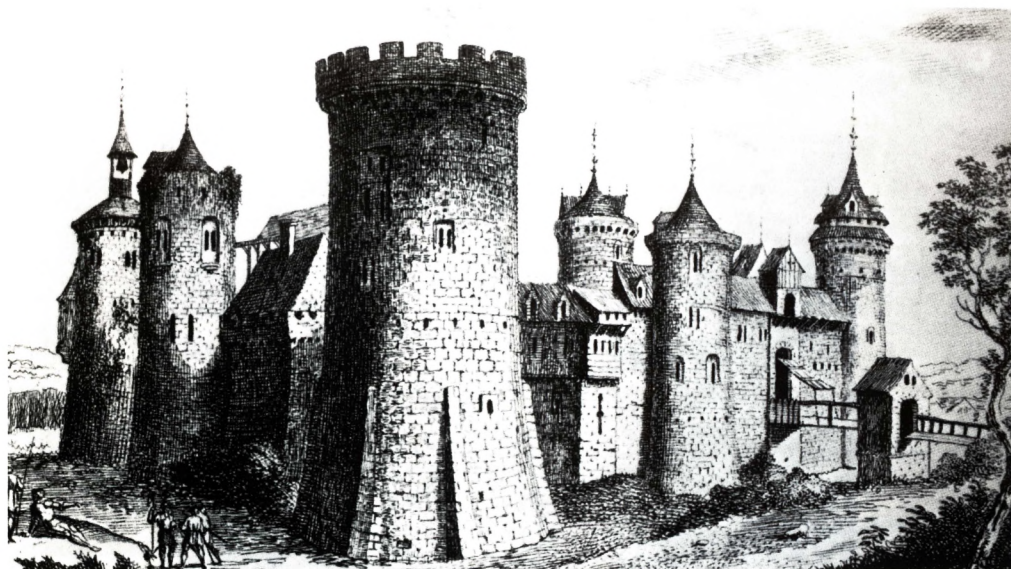
22. Жанна на коронации Карла VII. О.-Д. Энгр. 1854 г. Париж, Лувр.

23. Жанна ведет войска на штурм Парижа. Марциал Оверньский.
Миниатюра из «Часослова короля Карла VII». 1484 г. Париж, Национальная библиотека.

24. Филипп Добрый, герцог Бургундский. Мастерская Р. Ван дер Вейдена. Вторая половина XV в. Париж, Лувр.

25. Буврейский замок в Руане. «Книга источников города Руана». 1525 г. Руан, Муниципальная библиотека. Замок был построен в XIII в. Филиппом Августом для защиты от англичан. Жанну держали в донжоне, а затем – в одной из башен.

26. Жанна перед епископом Бовеским. Инициал одного из манускриптов процесса осуждения. Кон. XV в. Париж, Национальная библиотека.

Interrogata quod sibi diximus
 Respondit qd dñe mandavit sibi qd sancte balthazar et margareta
 magna pietate illius grande prodicionem tunc pñ regina
 consenserunt faciendo abnegacionem et reuocacionem pro saluando
 vitam suam et qñ pñ damna. p saluando vitam suā. Item
 dixit qd ante die iohñ bñe sue sibi diximus illud quod ipa
 illi die fecit. et qd pñ ipa pñ fuit vñ pñ pñ sibi
 diximus qñ et in scaffaldo pñ ambonem coram populo p
 audacter responderet illi pñator qui tunc pñator dixit qd
 eadem iohannem quibz erat falsus pñator et pñator dixit
 ea fecisse qñ ipa pñ fecit. Item dixit qñ ipa dixit qd dñe pñ misisset
 eam ipa damnaet se. et qd beatus deus ipam misit.

Affirmo sñ *[Signature]*

Responsio
mortifera

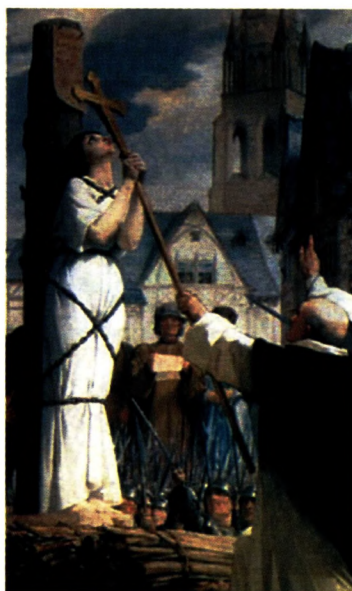
27. Страница из манускрипта процесса осуждения (ms. 5966). Жанна утверждает, что никогда не отказывалась от своих голосов. Секретарь отметил на полях, что этот ответ ведет обвиняемую к смерти (responsio mortifera). Париж, Национальная библиотека.

28. «Митра позора», обычно надеваемая на голову осужденного еретика. Реконструкция А. Армана. *A. Harmand. Jeanne d'Arc, ses costumes, son armure. Paris, 1929.*

29. Жанна на костре, перед епископом Бовеским. Марциал Оверньский. Миниатюра из «Часослова короля Карла VII». 1484 г. Париж, Национальная библиотека.

30. Жанна на костре. Деталь фрески Ж. Ленева. Вторая половина XIX в. Париж, Пантеон.

31. «Орлеанский манускрипт» процесса осуждения Жанны.
Орлеан, Муниципальная библиотека.

32. Гийом Жувеналь дез Юрсен. Портрет работы Ж. Фуке. Вторая половина 50-х гг. XV в.
Париж, Лувр.

33. Мадонна с младенцем, св. Екатериной Александрийской и св. Екатериной Сиенской. Бергоньоне. Ок. 1490 г. Падуя.

34. Диспут св. Екатерины. Мазолино да Паникале.
Ок. 1431 г. Рим, Базилика Сан-Клементе, капелла св. Екатерины.